ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
1816 года.

Печатано

по *ВЫСОЧАЙШЕМУ* повелѣнію.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Г. 1169-1174.

Области Андрея. Набѣги Половцевъ. Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Новымгородомъ. Миръ. Набѣгъ Половцевъ. Кончина Глѣба. Смерть вѣроломнаго Владиміра. Кіевъ отданъ Смоленскому Князю. Сайгатъ или трофеи Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ. Война съ Болгарами. Ссора Андрея съ Ростиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойство Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убіеніе Андрея. Мятежъ въ землѣ Суздальской. Ненависть къ Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодѣй Епископъ. Населеніе Вятки.

Г. 1169. Области Андрея.

Андрей властвовалъ тогда въ четырехъ нынѣшнихъ Губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской; *отчасти* въ Новогородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской (1); располагалъ областію Кіевскою; повелѣвалъ Князьями Рязанскими, Муромскими, Смоленскими, Кривскими, даже Волынскими; но Черниговскіе и Галицкій оставались независимы: Новгородъ также.

Мстиславъ Андреевичь, утвердивъ дядю на престолѣ Кіевскомъ, спѣшилъ поздравить

Набѣгъ Половцевъ.

отца съ симъ важнымъ завоеваніемъ. Оставленный союзниками, Глѣбъ съ безпокойствомъ услышалъ о множествѣ Половцевъ, вступившихъ въ область Днѣпровскую (2). Изъявляя миролюбіе, Послы ихъ говорили: „Мы не хотимъ страшить васъ; не хотимъ и васъ „страшиться. Присягнемъ же другъ другу въ „любви и согласіи!“ Но когда Глѣбъ осыпалъ дарами Половцевъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, чтобы скорѣе удалить опасность отъ двѣнадцатилѣтняго сына своего, Владиміра, княжившаго въ Переяславлѣ: въ то самое время другія толпы сихъ варваровъ, бывшія у Корсуня, жгли и грабили церковныя села, приписанныя къ Десятинному храму Богоматери. Глѣбъ, не имѣя готоваго войска, хотѣлъ съ малымъ числомъ гнаться за разбойниками, которые уже бѣжали къ степямъ своимъ; но Берендѣи не пустили его. „Го„сударь Кіевскій (сказали они) не выходитъ „въ поле безъ сильной рати и безъ союзни„ковъ. У тебя есть меньшій братъ и мы, „вѣрные слуги.“ Князь Михаилъ Георгіевичь, взявъ 100 Переяславцевъ и 1500 Берендѣевъ, настигъ Половцевъ; умертвилъ ихъ стражу, и началъ битву. Берендѣи и тутъ оказали усердіе: схватили за узду коня Михаилова и говорили сему достойному брату Андрееву, что они идутъ впередъ, оставляя его за собою какъ твердую опору. „Враги (по словамъ Лѣтописца) превосходствовали числомъ, а наши мужествомъ: на всякое ко-

ніе Русское было десять Половецкихъ." Знаменоносецъ Михаиловъ палъ въ рядахъ, и непріятели сорвали его хоругвь съ древка. Воевода Княжескій, наткнувъ на оное шлемъ свой, бросился впередъ и сразилъ знаменоносца непріятельскаго. Михаила ранили двумя копьями въ бедро, а третьимъ въ руку: Князь не думалъ о своихъ ранахъ, побѣдилъ и привелъ въ Кіевъ 1500 плѣнныхъ, освободивъ великое число Русскихъ невольниковъ.

Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ.

Еще Глѣбъ не могъ княжить спокойно. Изгнанный изъ Кіева Мстиславъ Изяславичь, гордый, воинственный подобно родителю, считалъ свое изгнаніе минутнымъ безвременьемъ и думалъ такъ же управиться съ сыновьями Долгорукаго, какъ Изяславъ II управлялся съ ихъ отцемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Галицкаго, онъ вступилъ съ его полками въ область Дорогобужскую, чтобы наказать ея Князя, Владиміра Андреевича, ему измѣнившаго (3). Владиміръ лежалъ на смертномъ одрѣ: города пылали, жителей тысячами отводили въ плѣнъ; въ числѣ ихъ попался въ руки непріятелю и знаменитый пѣстунъ Княжескій, Бояринъ Пукъ. Напрасно ждавъ обѣщаннаго вспоможенія отъ Глѣба, несчастный Владиміръ умеръ, и разоренная область его досталась Владиміру Мстиславичу, столь извѣстному вѣроломствомъ. Сей недостойный внукъ Мономаховъ, ознаменованный стыдомъ и презрѣніемъ, отверженный Князьями и народомъ, долго странство-

валъ изъ земли въ землю, былъ въ Галичѣ, въ Венгріи, въ Рязани, въ степяхъ Половецкихъ; наконецъ прибѣгнулъ къ великодушію своего гонителя, Мстислава; вымолилъ прощеніе,
Г. 1170. и съ его согласія въѣхалъ въ Дорогобужъ, давъ обѣтъ вдовствующей Княгинѣ и тамошнимъ Боярамъ не касаться ихъ имѣнія. На другой же день онъ преступилъ клятву, отнялъ у нихъ все, что могъ, и выгналъ горестную невѣстку, которая, взявъ тѣло супруга, повезла оное въ Кіевъ. Туда шелъ и Мстиславъ, усиленный дружинами Князей Городненскихъ, Туровскою и Владиміра Мстиславича; а нерадивый Глѣбъ, въ одно время свѣдавъ о кончинѣ Владиміра Андреевича и приближеніи Мстислава, отправилъ Игумена Поликарпа встрѣтить гробъ перваго и спѣшилъ уѣхать въ Переяславль, ибо сомнѣвался въ вѣрности Кіевлянъ. Но Давидъ бодрствовалъ въ Вышегородѣ. Къ нему привезли тѣло Дорогобужскаго Князя, оставленное Боярами, которые не смѣли явиться въ Кіевѣ, гдѣ они не давно злодѣйствовали вмѣстѣ съ Суздальцами. Игуменъ Лавры, Поликарпъ, требовалъ воиновъ у Давида, чтобы вести за гробомъ коней Княжескихъ и держать знамя надъ онымъ. „Мертвымъ нѣтъ нужды ни въ чести, „ни въ знаменахъ," отвѣтствовалъ Князь: „непріятель идетъ; моя дружина готовится „къ битвѣ: даю тебѣ только Игуменовъ и „Священниковъ." Зная, что Мстиславъ уже близко, и что народъ волнуется въ Кіевѣ,

Давидъ не пустилъ туда горестной супруги Владиміровой, для ея безопасности; самъ выжегъ окрестности своего города, и ждалъ непріятеля.

Мстиславъ безъ сопротивленія вошелъ въ Кіевъ. Граждане столицы и Берендѣи встрѣтили его какъ друга: первые искренно, вторые лицемѣрно, доброхотствуя Глѣбу. Не теряя времени, Мстиславъ приступилъ къ Вышегороду; сталъ предъ Златыми вратами, въ садахъ; бился съ утра до вечера, не жалѣя крови; хотѣлъ непремѣнно взять крѣпость. Но союзники измѣнили ему. Воевода Галицкій объявилъ мнимое повелѣніе своего Князя щадить людей и не стоять долго подъ Вышегородомъ. Другіе союзники также охладѣли въ усердіи; а Берендѣи и Торки начали коварствовать явно. Видя ежедневно уменьшеніе войска, силу непріятеля, и слыша, что Глѣбъ идетъ съ Половцами къ Кіеву, Мстиславъ снялъ осаду; удалился въ Волынію съ горестію, однакожъ не безъ надежды быть впредь счастливѣе. Онъ дѣйствительно не замедлилъ снова ополчиться, узнавъ, что его племянникъ, Василько Ярополковичь, разбитый Половцами, тѣснимый въ Михайловѣ (близъ Кіева), принужденный искать мира, выѣхалъ въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу (дѣду своему по матери); что Глѣбъ и Давидъ съ братьями разрушили до основанія городокъ Михайловъ, истребляя слѣды, памятники Мстиславова Княженія въ спра-

нахъ Днѣпровскихъ. Но внезапная болѣзнь обезоружила сего Князя. Предчувствуя близкую смерть, онъ поручилъ сыновей брату Ярославу, взялъ съ него клятву не касаться ихъ Удѣловъ, и преставился въ Владимірѣ съ именемъ Властителя умнаго, бодраго. Лѣтописцы Польскіе, согласно съ нашими, называютъ Мстиславову жену дочерью Болеслава Кривоустаго.

Кончина Мстислава.

Россія сѣверная въ тоже время была феатромъ важнаго происшествія. Могущественный Андрей, покоривъ древнюю южную столицу Государства, думалъ смирить Новогородцевъ и тревожилъ ихъ чиновниковъ, которые ѣздили собирать подати за Онегою. Первыя непріятельскія дѣйствія еще болѣе возгордили сихъ надменныхъ друзей вольности: они съ малымъ числомъ разбили на Бѣлѣозерѣ сильный отрядъ Суздальскій, и взяли дань съ Андреевой области (4). Тогда Великій Князь рѣшился однимъ ударомъ сразить ихъ гордыню. Князья Смоленскій, Рязанскій, Муромскій, Полоцкій, вторично соединили свои дружины съ его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная лѣтами, уже не пылала воинскимъ славолюбіемъ: онъ не хотѣлъ самъ предводительствовать ратію, и въ надеждѣ на счастіе или мужество сына своего, Мстислава, снова ввѣрилъ ему начальство. Вся Россія съ любопытствомъ ожидала слѣдствій предпріятія грознаго, справедливаго по мнѣнію современниковъ безпристраст-

Война Андреева съ Новымгородомъ.

ныхъ. „Правда“ (говорили они) „что Ярославъ Великій, желая изъявить Новогородцамъ вѣчную благодарность за ихъ усердіе, „даровалъ имъ свободу *избирать* себѣ Князей „изъ его достойнѣйшихъ потомковъ; но сей „Князь безсмертный предвидѣлъ ли всѣ злоупотребленія свободы? предвидѣлъ ли, что „народъ, упоенный самовластіемъ, будетъ ругаться надъ священнымъ саномъ Государей, „внуковъ и правнуковъ своего незабвеннаго „благотворителя; будетъ давать клятву съ „намѣреніемъ преступить оную; будетъ заключать Князей въ темницу, изгонять ихъ „съ бесчестіемъ? Злоупотребленіе уничтожаетъ право, и Великій Князь Андрей былъ избранъ Небомъ для наказанія вѣроломныхъ“[5]. Читая въ лѣтописяхъ такія разсужденія, можемъ заключить, что современники желали успѣха Андрею: одни по уваженію и любви къ достоинству Князей Россійскихъ, уничижаемыхъ тогда Новогородцами; другіе, можетъ быть, отъ зависти къ избытку и благосостоянію сего народа торговаго. Паденіе Кіева предвѣщало гибель и Новогородской независимости: шло тоже войско; тотъ же Мстиславъ велъ оное. Но Кіевляне, пріученные мѣнять Государей и жертвовать побѣдителю побѣжденнымъ, сражались только за честь Князя; а Новогородцы за права собственныя, за уставы отцевъ, которые бываютъ не всегда мудры, но всегда священны для народа.

Вмѣсто того, чтобы грозить казнію одним главным виновникам послѣдняго мятежа (ибо цѣлый народъ никогда самъ собою не дѣйствуетъ) или врагамъ изгнаннаго Святослава, за коего Великій Князь вступался: Мстиславъ Андреевичъ въ области Новогородской жегъ села, убивалъ земледѣльцевъ, бралъ женъ и дѣтей въ рабство. Слухъ о такихъ злодѣйствахъ, вопль, отчаяніе невинныхъ жертвъ воспламенили кровь Новогородцевъ, общую злобу и ненависть. Юный Князь ихъ, Романъ Мстиславичь, и Посадникъ Якунъ взяли всѣ нужныя мѣры для защиты (6): укрѣпили городъ тыномъ; вооружили множество людей. Непріятели, на трехъ стахъ верстахъ оставивъ за собою одинъ пепелъ и трупы, обступили Новгородъ, требуя, чтобы мятежники сдалися. Нѣсколько разъ съ обѣихъ сторонъ съѣзжались чиновники для переговоровъ и не могли согласиться; въ четвертый день началася битва, кровопролитная, ужасная. Новогородцы напоминали другъ другу о судьбѣ Кіева, опустошеннаго союзнымъ войскомъ: о церквахъ разграбленныхъ, о святыняхъ и древностяхъ похищенныхъ; клялися умереть за вольность, за храмъ Софіи, и бились съ остервененіемъ. Архіепископъ Іоаннъ, провождаемый всѣмъ Клиросомъ, вынесъ икону Богоматери и поставилъ на внѣшнемъ деревянномъ укрѣпленіи или острогѣ: Игумены, Іереи пѣли святыя пѣсни; народъ молился

Февраля 25.

со слезами, громогласно восклицая: *Господи помилуй*! Стрѣлы сыпались градомъ: разсказываютъ, что одна изъ нихъ, пущенная воиномъ Суздальскимъ, ударилась въ икону; что сія икона въ то же мгновеніе обратилась лицемъ къ городу; что слезы капали съ образа на фелонь Архіепископа, и что гнѣвъ Небесный навелъ внезапный ужасъ на полки осаждающихъ. Новогородцы одержали блестящую, совершенную побѣду, и приписавъ оную чудесному заступленію Маріи, уставили ежегодно торжествовать ей 27 Ноября праздникъ благодарности (7). Чувство живой Вѣры, возбужденное общимъ умиленіемъ, святыми церковными обрядами и ревностнымъ содѣйствіемъ Духовенства, могло весьма естественнымъ образомъ произвести сіе чудо, то есть, воспламенить мужество, которое, изумляя врага, одолѣваетъ его силу. Новогородцы видѣли въ Андреевыхъ воинахъ не только своихъ злодѣевъ, но и святотатцевъ богопротивныхъ: мысль, что за насъ Небо, дѣлаетъ храбраго еще храбрѣе. Побѣдители, умертвивъ множество непріятелей, взяли столько плѣнныхъ, что *за гривну отдавали десять Суздальцевъ* (какъ сказано въ Новогородской лѣтописи), болѣе въ знакъ презрѣнія, нежели отъ нужды въ деньгахъ. — Бѣгущій Мстиславъ былъ наказанъ за свою лютость: воины его на возвратномъ пути не находили хлѣба въ мѣстахъ опустошенныхъ ими; умирали съ голода, отъ

болѣзней, и древній Лѣтописецъ говоритъ съ ужасомъ, что они тогда, въ *Великій постъ*, ѣли *мясо* коней своихъ.

Казалось, что Новогородцы, столь озлобленные Боголюбскимъ, долженствовали навѣки остаться его врагами; но (къ удивленію современниковъ), чрезъ нѣсколько мѣся-
Миръ. цевъ изгнавъ Князя своего, Романа, они вошли въ дружелюбное сношеніе съ Андреемъ: ибо терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и другихъ вещахъ необходимыхъ, получаемыхъ ими изъ сосѣдственныхъ областей Россійскихъ. Четверть ржи стоила тогда въ Новѣгородѣ около рубля сорока-трехъ копеекъ нынѣшними серебряными деньгами (8). Довольные славою одержанной побѣды, не желая новыхъ бѣдствій войны и щадя народъ, чиновники, Архіепископъ, люди нарочитые предложили миръ Боголюбскому, по тогдашнему выраженію, *на всей волѣ своей*, то есть, не уступая правъ Новогородскихъ: Великій Князь принялъ оный, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, вмѣсто умершаго Святослава, княжилъ въ Новѣгородѣ братъ его, Рюрикъ Ростиславичь, который господствовалъ въ Овручѣ, не хотѣлъ перемѣны, и единственно въ угодность Андрею выѣхавъ оттуда, приказалъ сей Удѣлъ
Августа Волынскій брату Давиду.
8.
Набѣгъ Половцевъ. Сѣверныя области успокоились: въ южныхъ снова свирѣпствовали Половцы, которые на сей разъ пришли изъ-за рѣки Буга, отъ береговъ Чернаго моря. Глѣбъ Кіевскій, отяг-

ченный болѣзнію, не могъ защитить бѣдныхъ земледѣльцевъ; но храбрый Михаилъ и юный братъ его, Всеволодъ Георгіевичь, съ Торками и Берендѣями разбили хищниковъ. Воевода Михаиловъ, Володиславъ, далъ Князю совѣтъ умертвить плѣнныхъ: ибо другія толпы непріятелей были еще впереди. Сія жестокость казалась тогда спасительною мѣрою безопасности. Освободивъ 400 Россіянъ, сыновья Георгіевы возвратились оплакать кончину Глѣба, благонравнаго (по сказанію Лѣтописцевъ), вѣрнаго въ словѣ и милосердаго (9). Кончина Глѣба.

Еще Андрей не имѣлъ времени назначить пріемника Глѣбова, когда Ростиславичи, Давидъ и Мстиславъ, послали въ Волынію за дядею своимъ, Владиміромъ Дорогобужскимъ, желая, чтобы онъ, какъ старшій въ родѣ Мономаховомъ, господствовалъ въ Кіевѣ, или въ самомъ дѣлѣ зависѣлъ отъ нихъ, господствуя только именемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Луцкаго и сыновей его брата, Владиміръ, не сказавъ имъ ни слова, уѣхалъ изъ Дорогобужа, и былъ возведенъ племянниками на Кіевскій престолъ, къ неудовольствію гражданъ и Боголюбскаго, который хотя унизилъ сію столицу, однакожъ думалъ, что Князь, славный только вѣроломствомъ, не достоинъ именоваться наслѣдникомъ ея древнихъ Самодержцевъ (10). Досадуя внутренно и на Ростиславичей, самовольно призвавшихъ дядю, Андрей велѣлъ ему немедленно выѣхать Г. 1171. 15 Февраля.

10 Маія. Смерть вѣроломнаго Владиміра.

изъ Кіева; но Владиміръ, княживъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, умеръ, памятный криводушіемъ и всѣми презираемый: ибо не имѣлъ блестящихъ свойствъ, смѣлости и мужества, коими другіе Князья, столь часто ему подобные въ вѣроломствѣ, закрашивали свои преступленія. Тогда Андрей, соединяя честолюбіе съ благороднымъ безкорыстіемъ, и какъ бы желая великодушіемъ устыдить Ростиславичей, объявилъ имъ, что они, давъ слово быть ему послушными какъ второму отцу, имѣютъ право ждать отъ него милости, и что онъ уступаетъ Кіевъ брату ихъ, Роману Смоленскому. Довольный сею особенною благосклонностію Великаго Князя, Романъ поручилъ Смоленскъ сыну Ярополку и въѣхалъ въ столицу Кіевскую при изъявленіяхъ всеобщей радости жителей, любившихъ въ немъ добродѣтели отца его: справедливость и незлобіе. Онъ торжествовалъ вмѣстѣ и свое восшествіе на престолъ и побѣду, одержанную Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ (близъ урочища Олтавы и рѣки Ворсклы) надъ Кобякомъ и Кончакомъ, Ханами Половецкими. Юный Игорь самъ вручилъ ему *сайгатъ* или трофеи, въ знакъ уваженія; былъ одаренъ Ростиславичами и весело праздновалъ съ ними въ Вышегородѣ день Святыхъ Бориса и Глѣба [11].

Кіевъ отданъ Смоленскому Князю.

Іюль.

Сайгатъ или Трофеи Половецкіе.

Не уважая Кіева, Андрей старался подчинить себѣ Новгородъ, уже не силою, но дружбою и справедливостію. Рюрикъ не дол-

го былъ тамъ Княземъ: выгнавъ Посадника Жирослава (ушедшаго къ Боголюбскому) и заставивъ гражданъ избрать инаго, онъ не могъ жить съ ними въ миръ, и скоро уѣхалъ къ братьямъ. На его мѣсто Андрей съ удовольствіемъ далъ Новогородцамъ юнаго сына своего, Георгія, и самъ рѣшилъ ихъ важнѣйшія дѣла гражданскія, по коимъ Архіепископъ Іоаннъ ѣздилъ на совѣтъ къ нему въ Владиміръ. Народъ, въ угодность Великому Князю, снова призналъ Жирослава главнымъ чиновникомъ; а Великій Князь, въ угодность народу, согласился чрезъ годъ на избраніе другаго Посадника (12).

Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ.

Въ то время Андрей имѣлъ опять войну съ Болгарами, желая ли отмстить имъ за какія обиды, или обогатиться добычею въ странѣ торговой. Рязанцы и Муромцы соединились съ его сыномъ, Мстиславомъ, на устьѣ Оки и зимою пришли къ берегамъ Камы, но въ маломъ числѣ: ибо люди отбывали отъ зимняго похода, труднаго въ мѣстахъ большею частію ненаселенныхъ, гдѣ лежатъ глубокіе снѣга и часто свирѣпствуютъ мятели (13). Главный Воевода Андреевъ, Борисъ Жидиславичь, взявъ шесть Болгарскихъ деревень и седьмый городокъ, умертвивъ жителей, плѣнивъ женъ и дѣтей, совѣтовалъ Князьямъ итти назадъ. 6000 Болгаровъ гнались за ними и едва не настигли Мстислава близъ границы, верстахъ въ 20 отъ устья Оки. Сей Князь, возвратясь въ столицу,

Война съ Болгарами.

кончилъ жизнь въ юности. Пользуясь довѣренностію отца въ дѣлахъ ратныхъ, онъ безъ сомнѣнія отличался мужествомъ.

Ссора Андрея съ Ростиславичами.

Горестный Андрей, оплакивая смерть достойнаго сына, не терялъ бодрости въ дѣлахъ государственныхъ, ни властолюбія. Вѣроятно, что Рюрикъ, принужденный отказаться отъ Новагорода, винилъ въ томъ не одну строптивость его жителей, но и хитрость Великаго Князя, столь охотно взявшаго на себя быть ихъ Главою. Вѣроятно, что и Великій Князь, извѣдавъ гордость Ростиславичей, въ особенности Давида и Мстислава, искалъ случая унизить оную безъ явнаго нарушенія справедливости. По крайней мѣрѣ счастливое согласіе между ими не продолжилось. Вѣря, искренно или притворно, какому-то ложному внушенію, Андрей далъ знать Ростиславичамъ, что Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ не естественною смертію, и что тайнымъ убійцею его былъ Вельможа Григорій Хотовичь, коего они, вмѣстѣ съ другими участниками сего злодѣянія, должны прислать къ нему въ Владиміръ для казни (14). Романъ не сдѣлалъ того изъ жалости къ людямъ невиннымъ, безсовѣстно оклеветаннымъ; а гнѣвный Андрей, велѣвъ Ростиславичамъ выѣхать изъ областей южныхъ, отдалъ Кіевъ храброму Михаилу, княжившему въ Торческѣ. Тихій Романъ не спорилъ и возвратился въ Смоленскъ; но его братья, Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ, жаловались на сію несправедли-

вость, и видя, что Великій Князь презираетъ ихъ жалобы, вступили ночью въ Кіевъ, захватили тамъ Всеволода Георгіевича вмѣстѣ съ племянникомъ Андреевымъ, Ярополкомъ (15); осадили Михаила въ Торческѣ, и заключили съ нимъ особенный миръ, уступивъ ему Переяславль, а себѣ взявъ столицу Кіевскую, гдѣ Рюрикъ, возведенный братьями на ея престолъ, хотѣлъ господствовать независимо отъ Андрея. Въ сіе время жилъ у Михаила юный Князь Галицкій, Владиміръ Ярославичъ, сынъ его сестры, Ольги Георгіевны. Ярославъ, имѣя слабость къ одной злонравной женщинѣ, именемъ Анастасіи, не любилъ супруги, и такъ грубо обходился съ нею, что она рѣшилась бѣжать съ сыномъ въ Польшу. Многіе Бояре Галицкіе, доброхотствуя имъ, дерзнули на явный бунтъ: вооружили народъ, умертвили нѣкоторыхъ любимцевъ Княжескихъ, сожгли Анастасію, заточили ея сына и невольно примирили Ярослава съ супругою. Миръ, вынужденный угрозами, злодѣйствомъ, не могъ быть искреннимъ: взявъ мѣры для обузданія мятежныхъ Бояръ, Ярославъ новыми знаками ненависти къ Княгинѣ Ольгѣ и къ Владиміру заставилъ ихъ вторично уйти изъ Галича. Владиміръ искалъ покровительства Ярослава Изяславича Луцкаго и его племянниковъ, обѣщавъ имъ со временемъ возвратить Волынскіе города, Бужскъ и другіе; но Князь Галицкій требовалъ, чтобы они выдали ему сего

Г. 1173.

Происшествія въ Галичѣ.

*

несчастнаго, и грозился опустошить пламенемъ всю область Луцкую (16). Тогда Владиміръ прибѣгнулъ къ своему дядѣ Михаилу; а Михаилъ, не пустивъ его ни къ Святославу Черниговскому (тестю Владимірову), ни къ Андрею, велѣлъ ему, въ угодность Ростиславичамъ, друзьямъ Князя Галицкаго, возвратиться къ отцу, готовому простить сына. За то Рюрикъ освободилъ Всеволода Георгіевича, удержавъ одного Ярополка плѣнникомъ въ Кіевѣ: ибо Ростиславичи, предвидя неминуемую войну съ Андреемъ, хотѣли имѣть важнаго аманата въ рукахъ своихъ. Братъ Ярополковъ, высланный ими изъ Триполя, напрасно искалъ защиты Михаиловой, и долженъ былъ уѣхать въ Черниговъ (17).

Святославъ Черниговскій и всѣ Олеговы внуки радовались междоусобію Мономахова потомства. „Не уже ли не вступишься за „честь свою?“ говорили ихъ Послы Великому Князю: „враги твои суть наши; мы всѣ „готовы къ войнѣ.“ Андрей, еще болѣе подвигнутый ими на злобу, отправилъ Княжескаго Мечника, именемъ Михна, сказать Ростиславичамъ: „Вы мятежники. Область Кі„евская есть мое достояніе. Да удалится „Рюрикъ въ Смоленскъ къ брату, а Давидъ „въ Берладъ: не хочу терпѣть его въ зе„млѣ Русской, ни Мстислава, главнаго изъ „васъ виновника.“ Сей послѣдній, какъ пишутъ современники, навыкъ отъ юности не бояться никого, кромѣ Бога единаго (18). Въ

Свойство Мстислава Храбраго.

пылкой досадѣ онъ велѣлъ остричь голову и бороду Послу Андрееву. ,,Теперь иди къ своему Князю,“ сказалъ Мстиславъ: ,,повтори ему слова мои: доселѣ мы уважали тебя какъ отца; но когда ты не устыдился ,,говорить съ нами какъ съ твоими *подручниками* и людьми простыми, забывъ нашъ ,,Княжескій санъ, то не страшимся угрозъ; ,,исполни оныя: идемъ на судъ Божій.“ Свѣдавъ безчестіе своего Посла и сей гордый отвѣтъ, Андрей, по выраженію Лѣтописца, омрачился гнѣвомъ, и собравъ 50,000 воиновъ Суздальскихъ, Бѣлозерскихъ, Новогородскихъ, Муромскихъ, Рязанскихъ, вручилъ предводительство юному Георгію Новогородскому, тогда уже единственному его сыну, и Вельможѣ Борису Жидиславичу. Онъ велѣлъ имъ изгнать Рюрика съ Давидомъ, а дерзкаго Мстислава привести въ Владиміръ. Рать, столь многочисленная, была еще усилена дружинами всѣхъ иныхъ Князей, подчиненныхъ Андрею: Кривскихъ или Полоцкихъ, Туровскаго, Городненскаго, Пинскаго, даже и Смоленскаго: ибо Романъ не смѣлъ ослушаться Великаго Князя, сколь ни любилъ братьевъ. Всѣ полки соединились въ Черниговской области, и старшій изъ Князей, Святославъ, внукъ Олеговъ, принялъ главное начальство. Михаилъ и Всеволодъ Георгіевичи, вмѣстѣ съ тремя племянниками, встрѣтили ихъ на берегу Днѣпра. Они вступили въ Кіевъ безъ сопротивленія: ибо Рю-

рикъ удалился оттуда въ Бѣлгородъ, а Мстиславъ съ Давидовымъ полкомъ заключился въ Вышегородѣ; самъ же Давидъ уѣхалъ въ Галичь требовать вспоможенія отъ Ярослава Владимірковича. Взявъ съ собою еще множество Кіевлянъ, Берендѣевъ, Торковъ, Святославъ Черниговскій и болѣе двадцати Князей осадили Вышегородъ. Шумный, необозримый станъ ихъ былъ предметомъ удивленія для жителей Днѣпровскихъ. Ничтожная крѣпость, обороняемая горстію людей, казалась цѣлію недостойною такого великаго ополченія, которое могло бы разрушить или завоевать сильную Державу; но въ сей ничтожной крѣпости бодрствовалъ Герой, а въ станѣ осаждающихъ не доставало ни усердія, ни согласія. Одни Князья не любили самовластія Андреева, другіе коварства Святославова; нѣкоторые тайно доброжелательствовали Ростиславичамъ. Стояли девять недѣль, отъ 8 Сентября до самой глубокой осени; бились ежедневно, съ обѣихъ сторонъ теряя не мало людей. Вдругъ показались вдали знамена: Мстиславъ ожидалъ Галичанъ; но пришелъ Ярославъ Изяславичь Луцкій, также союзникъ Андреевъ. Сей Князь рѣшилъ судьбу осады. Думая только о собственной пользѣ, онъ хотѣлъ столицы Кіевской; узнавъ же, что Ольговичи намѣрены присвоить оную себѣ, вступилъ въ тайные переговоры съ Рюрикомъ и Мстиславомъ, которые охотно согласились на

Осада Вышегорода

всѣ его требованія. Когда же Ярославъ явно взялъ ихъ сторону и съ полками своими двинулся къ Бѣлугороду, чтобы соединиться съ Рюрикомъ, станъ осаждающихъ представилъ зрѣлище удивительной тревоги и наконецъ всеобщаго бѣгства. Не слушая ни Воеводъ, ни Князей, малодушные вопили: „мы гибнемъ! „Ярославъ измѣнилъ, Берендѣи измѣняютъ, Га-„личане идутъ; будемъ окружены, побиты „на голову!" и ночью бросались толпами въ рѣку. Герой Мстиславъ стоялъ на стѣнѣ: при свѣтѣ утренней зари видя сіе непонятное бѣгство войска многочисленнаго, какъ бы сверхъестественною силою гонимаго, низвергаемаго во глубину Днѣпра, онъ едва вѣрилъ глазамъ — подиялъ руки къ небу, восхвалилъ святыхъ заступниковъ Вышегорода, Бориса и Глѣба; сѣлъ на коня и спѣшилъ довершить ударъ; топилъ, плѣнялъ людей; взялъ станъ непріятельскій, обозы—и съ того времени считался храбрѣйшимъ изъ Князей Россійскихъ. Лѣтописцы, осуждая надменность Андрея и союзъ его съ Ольговичами, ненавистниками Мономаховой крови, превозносятъ хвалами Мстислава, ознаменованнаго чудеснымъ покровительствомъ Неба въ ратоборствѣ съ сильными.

Ярославъ Луцкій въѣхалъ въ Кіевъ, а сынъ Андреевъ возвратился въ Суздальскій Владиміръ съ неописаннымъ стыдомъ, безъ сомнѣнія весьма чувствительнымъ для отца; но умѣя повелѣвать движеніями своей души, Ан-

дрей не изъявилъ ни горести, ни досады, и снесъ уничиженіе съ крѣпостію Христіанина, приписывая оное, можетъ быть—равно какъ и бѣдственную осаду Новагорода—гнѣву Божію на Суздальцевъ за опустошеніе святыхъ церквей Кіевскихъ въ 1169 году. Сія мысль смирила, кажется, его гордость. Онъ не хотѣлъ упорствовать въ злобѣ на Ростиславичей, не думалъ мстить Ярославу за измѣну и не мѣшалъ ему спокойно властвовать въ Кіевѣ, къ прискорбію Святослава Черниговскаго, коего искусство государственное состояло въ томъ, чтобы ссо-

Г. 1174. Коварство Черниговскаго Князя.

рить Мономаховыхъ потомковъ. Сей Князь, не имѣя надежды вооружить Андрея, началъ требовать Удѣла отъ Ярослава, говоря: „Ты обѣщалъ подъ Вышегородомъ дать мнѣ „область, когда сядешь на престолѣ Святаго „Владиміра; нынѣ, сидя наономъ—право ли, „*криво* ли, не знаю,—исполни обѣщаніе. У „насъ одни предки: я не Ляхъ, не Угринъ.“ Ярославъ сухо отвѣтствовалъ, что онъ господствуетъ въ Кіевѣ не по милости Ольговичей, и что родъ ихъ долженъ искать Удѣловъ только на лѣвомъ берегу Днѣпра. Князь Черниговскій замолчалъ; но въ тишинѣ собралъ войско, внезапно изгналъ Ярослава, плѣнилъ его жену, сына, Бояръ, и ограбивъ дворецъ, ушелъ назадъ. Кіевляне оставались равнодушными зрителями сего разбоя, въ ожиданіи, кто захочетъ быть ихъ Княземъ. Ярославъ возвратился; и думая, что

они сами тайно призвали Святослава, обложилъ данію всѣхъ граждапъ, даже Поповъ, Монаховъ, иноземныхъ купцевъ, Католиковъ (19).
,,Мнѣ надобно серебро, чтобы выкупить ,,жену и сына," говорилъ озлобленный Князь, и наказавъ Кіевлянъ, виновныхъ единственно своею къ нему холодностію, заключилъ миръ съ Святославомъ, который жегъ тогда область брата, Олега Сѣверскаго.

Сей миръ казался Ростиславичамъ малодушіемъ, а тягостная дань, возложенная на Кіевъ, несправедливостію. Огорченные Андреемъ, но внутренно уважая въ немъ старѣйшаго изъ Князей, достойнаго быть ихъ Главою, они изъявили ему желаніе забыть прошедшее и взаимнымъ искреннимъ согласіемъ успокоить южную Россію: для того хотѣли, чтобы Великій Князь, какъ ея законный покровитель, снова уступилъ Кіевъ Роману Смоленскому, и брали на себя выслать оттуда Ярослава, нелюбимаго народомъ и неспособнаго блюсти древнюю столицу Государства. Андрей, довольный ихъ уваженіемъ, обѣщалъ посовѣтоваться съ братьями, Михаиломъ, Всеволодомъ; писалъ къ нимъ въ Торческъ, и не дождался отвѣта, кончивъ жизнь отъ рукъ своихъ любимцевъ.

Великій Князь, женатый—по извѣстію новѣйшихъ Лѣтописцевъ (20) — на дочери убіеннаго Боярина Кучка, осыпалъ милостями ея братьевъ. Одинъ изъ нихъ приличился въ какомъ-то злодѣйствѣ, и заслужилъ казнь. Убіеніе Андрея.

Другой, именемъ Іоакимъ, возненавидѣлъ Государя и благотворителя за сіе похвальное дѣйствіе правосудія; внушалъ друзьямъ своимъ, что имъ будетъ со временемъ такая же участь; что надобно умереть или умертвить Князя, ожесточеннаго старостію; что безопасность есть законъ каждаго, а мщеніе должность [21]. Двадцать человѣкъ вступили въ заговоръ. Никто изъ нихъ не былъ лично оскорбленъ Княземъ; многіе пользовались его довѣренностію: зять Іоакимовъ, Вельможа Петръ (у коего въ домѣ собирались заговорщики), Ключникъ Анбалъ Ясинъ, чиновникъ Ефремъ Моизовичь. Въ глубокую

29 Іюня. полночь они пришли ко дворцу въ Боголюбовѣ (нынѣ селѣ въ 11 верстахъ отъ Владиміра), ободрили себя виномъ и крѣпкимъ медомъ въ Княжескомъ погребѣ, зарѣзали стражей, вломились въ сѣни, въ горницы, и кликали Андрея. Съ нимъ находился одинъ изъ его Дѣтскихъ или Отроковъ. Услышавъ голосъ Великаго Князя, злодѣи отбили дверь *ложницы* или спальни. Андрей напрасно искалъ меча своего, тайно унесеннаго Ключникомъ Анбаломъ: сей мечь принадлежалъ нѣкогда Святому Борису [22]. Два человѣка бросились на Государя: сильнымъ ударомъ онъ сшибъ перваго съ ногъ, и товарищи въ темнотѣ умертвили его вмѣсто Князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорилъ извергамъ: „зачто проливаете кровь „мою? рука Всевышняго казнитъ убійцъ и

„неблагодарныхъ!“ . . . . наконецъ упалъ на землю. Въ страхѣ, въ замѣшательствѣ, они схватили тѣло своего товарища и спѣшили удалиться. Андрей въ безпамятствѣ вскочилъ, бѣжалъ за ними, громко стеная. Убійцы возвратились; зажгли свѣчу, и слѣдомъ крови Андреевой дошли въ сѣняхъ до столпа лѣсницы, за которымъ сидѣлъ несчастный Князь. Петръ отрубилъ ему правую руку; другіе вонзили мечи въ сердце: Андрей успѣлъ сказать: „Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ „мой!“ и скончался.

Умертвивъ еще перваго любимца Княжескаго, Прокопія, заговорщики овладѣли казною государственною, золотомъ, драгоцѣнными каменьями; вооружили многихъ Дворянъ (23), пріятелей, слугъ, и послали объявить Владимірской дружинѣ или тамошнимъ Боярамъ о смерти Великаго Князя, называя ихъ своими единомышленниками. „Нѣтъ,“ отвѣтствовали Владимірцы: „мы не были и „не будемъ участниками вашего дѣла.“ Но граждане Боголюбскіе взяли сторону убійцъ; расхитили дворецъ, серебро, богатыя одежды, ткани. — Тѣло Андреево лежало въ огородѣ: Кіевлянинъ, именемъ Козма, усердный слуга несчастнаго Государя, стоялъ надъ онымъ и плакалъ. Видя Ключника Анбала, онъ требовалъ ковра, чтобы прикрыть обнаженный трупъ. Анбалъ отвѣчалъ: „мы „готовимъ его на снѣденіе псамъ.“ *Извергъ!* сказалъ сей добродушный слуга: *Государь*

взялъ тебя въ рубищѣ, а нынѣ ты ходишь съ бархатѣ, оставляя мертваго благодѣтеля безъ покрова. Ключникъ бросилъ ему коверъ и мантію. Козма отнесъ тѣло въ церковь, гдѣ крилошане долго не хотѣли отперешь дверей: на третій день отпѣли его и вложили въ каменный гробъ. Черезъ шесть дней Владимірскій Игуменъ Ѳеодулъ привезъ оное въ Владиміръ и погребъ въ Златоверхомъ храмѣ Богоматери (24).

Неустройство, смятеніе господствовали въ областяхъ Суздальскихъ. Народъ, какъ бы обрадованный убіеніемъ Государя, вездѣ грабилъ домы Посадниковъ и Тіуновъ, Отроковъ и Мечниковъ Княжескихъ; умертвилъ множество чиновниковъ, предавался всякаго рода неистовству, такъ, что Духовенство, желая возстановить тишину, прибѣгнуло наконецъ къ священнымъ обрядамъ: Игумены, Іереи, облаченные въ ризы, ходили съ образами по улицамъ, моля Всевышняго, чтобы Онъ укротилъ мятежъ. Владимірцы оплакивали Андрея, но не думали о наказаніи злодѣйства, и гнусные убійцы торжествовали.

Мятежъ въ землѣ Суздальской.

Однимъ словомъ, казалось, что Государство освободилось отъ тирана: Андрей же, нѣкогда вообще любимый, по сказанію Лѣтописцевъ, былъ не только набоженъ, но и благотворителенъ; щедръ не только для Духовныхъ, но и для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ: слуги его обыкновенно развозили по улицамъ

и темницамъ медъ и брашна стола Княжескаго. Но въ самыхъ упрекахъ, дѣлаемыхъ Лѣтописцами народу легкомысленному, неблагодарному, мы находимъ объясненіе на сію странность: вы не разсудили (говорятъ они современникамъ), *что Царь, самый добрый и мудрый, не въ силахъ искоренить зла человѣческаго; что гдѣ законъ, тамъ и многія обиды* (25). Слѣдственно общее неудовольствіе происходило отъ худаго исполненія законовъ или отъ несправедливости судей: столь нужно вѣдать Государю, что онъ не можетъ быть любимъ безъ строгаго, бдительнаго правосудія; что народъ за хищность судей и чиновниковъ ненавидитъ Царя, самаго добродушнаго и милосердаго! Убійцы Андреевы знали сію ненависть, и дерзнули на злодѣяніе.

Ненависть къ Андрею.

Впрочемъ Боголюбскій, мужественный, трезвый, и прозванный за его умъ *вторымъ Соломономъ* (26), былъ конечно однимъ изъ мудрѣйшихъ Князей Россійскихъ въ разсужденіи Политики, или той науки, которая утверждаетъ могущество государственное. Онъ явно стремился къ спасительному Единовластію, и могъ бы скорѣе достигнуть своей цѣли, если бы жилъ въ Кіевѣ, унялъ Донскихъ хищниковъ, и водворилъ спокойствіе въ мѣстахъ облагодѣтельствованныхъ Природою, издавна обогащаемыхъ торговлею и способнѣйшихъ къ гражданскому образованію. Господствуя на берегахъ Днѣпра, Андрей

Свойства его.

тѣмъ удобнѣе подчинилъ бы себѣ знаменитые сосѣдственные Удѣлы: Черниговъ, Волынію, Галичъ; но ослѣпленный пристрастіемъ къ сѣверо восточному краю, онъ хотѣлъ лучше основать тамъ *новое* сильное Государство, нежели возстановить могущество *древняго* на Югѣ.

Лѣтописцы всего болѣе хвалятъ Андрея за обращеніе многихъ Болгаровъ и Евреевъ въ Христіанскую Вѣру, за его усердіе къ церквамъ и монастырямъ, за уваженіе и любовь къ сану Духовныхъ. Подражая Святому Князю, крестившему Россію, онъ надѣлилъ въ Владимірѣ новую *Епископскую* Соборную церковь Богоматери (имъ въ 1158 году заложенную) помѣстьями и купленными слободами (27); отдалъ ей также десятую часть изъ торговыхъ доходовъ своихъ и Княжескихъ стадъ; призвалъ художниковъ изъ разныхъ земель, чтобы украсить оную великолѣпно; и драгоцѣнные сосуды ея, златыя двери, паникадила, серебряный амвонъ, живопись, богатые оклады иконъ, осыпанныхъ жемчугомъ, были тогда предметомъ удивленія для Россіянъ и купцевъ иностранныхъ. Въ семъ новомъ Десятинномъ храмѣ стоялъ Палладіумъ Великаго Княженія Суздальскаго: образъ Богоматери, съ коимъ Андрей прибылъ изъ Вышегорода на берега Клязьмы и побѣдилъ въ 1164 году Болгаровъ. Не менѣе славилась великолѣпіемъ церковь Боголюбская, украшенная золотомъ и финифтью.

Такую же хотѣлъ Андрей соорудить и въ Кіевѣ, на *Дворѣ Ярослава* — въ память, какъ говорилъ онъ, древнему отечеству его предковъ; уже отправилъ туда зодчихъ, строившихъ Владимірскія Златыя врата, но не успѣлъ исполнить своего набожнаго обѣта. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что сей Великій Князь думалъ учредить Митрополію въ Владимірѣ (28), но что Патріархъ Цареградскій отказалъ ему въ томъ, желая оставить Кіевскаго Митрополита единственнымъ въ Россіи.

Со временъ Владиміра Святаго до Георгія Долгорукаго миръ и тишина царствовали въ нѣдрахъ Россійской благословенной Церкви. При Изяславѣ II сей миръ былъ нарушенъ несогласіемъ Епископовъ о посвященіи Митрополита Климента: при Великомъ же Князѣ Боголюбскомъ открылась первая ересь въ нашемъ отечествѣ, важная по мнѣнію тогдашнихъ Христіанъ. Ростовскій Епископъ Леонъ, изгнанный народомъ за его корыстолюбіе и грабежъ, утверждалъ, что ни въ какіе Господскіе праздники, буде они случатся въ Среду или въ Пятницу, не должно ѣсть мяса (29). Новый Епископъ Суздальскій, Ѳеодоръ, въ присутствіи Великаго Князя опровергалъ Леона, который рѣшился искать суда въ Греціи. Послы Кіевскій, Андреевъ, Переяславскій и Черниговскій отправились въ слѣдъ за нимъ, и въ ставкѣ Императора Мануила, бывшаго то-

Первая Ересь.

гда на Дунаѣ, съ великимъ благоговѣніемъ слушали, какъ Святитель Болгарскій, Адріанъ, уличалъ Леона въ заблужденіи. Императоръ думалъ согласно съ Адріаномъ; но Леонъ противорѣчилъ, и столь дерзко, что Вельможи Греческіе схватили нескромнаго еретика и хотѣли утопить въ рѣкѣ. Митрополитъ Россійскій и Черниговскій Епископъ Антоній держались мнѣнія Леонова: за что Князь Святославъ Всеволодовичъ изгналъ Антонія изъ Чернигова. Сіе странное прѣніе нѣсколько лѣтъ волновало умы и совѣсть людей простодушныхъ.

Злодѣй Епископъ.

Гораздо удивительнѣе и важнѣе то, что Лѣтописцы разсказываютъ намъ о другомъ Ростовскомъ Епископѣ. Великій Князь, признавъ Монаха Ѳеодора достойнымъ Святительскаго сана, посылалъ его ставиться въ Кіевъ (30); но Ѳеодоръ, уже принявъ на себя званіе и должность Епископа, не хотѣлъ ѣхать къ Митрополиту. Сего мало: будучи корыстолюбивъ и злобенъ, онъ мучилъ людей въ подвластныхъ Епископу селахъ, Иноковъ, Игуменовъ, Священниковъ; брилъ имъ головы и бороды; даже распиналъ нѣкоторыхъ, выжигалъ глаза, рѣзалъ языки, единственно для того, чтобы присвоить себѣ ихъ достояніе. Князь терпѣлъ изверга, и довольствовался, можетъ быть, однѣми угрозами. Еще болѣе тѣмъ озлобленный, лжепастырь вздумалъ наконецъ заперетъ всѣ церкви въ Владимірѣ, и взялъ отъ нихъ ключи. Народъ взволновался. Великій Князь, низвергнувъ

Ѳеодора, предалъ его на судъ Митрополиту, который велѣлъ отрѣзать ему языкъ, отсѣчь правую руку и выколоть глаза: „ибо „сей еретикъ“ (прибавляютъ Лѣтописцы) „злословилъ Богоматерь!“ Такія происшествія могутъ быть изъяснены однимъ тогдашнимъ невѣжествомъ и грубостію нравовъ.

Къ послѣднему году княженія Андреева относится любопытное извѣстіе *Хлыновскаго Лѣтописца* о первомъ населеніи Вятки Россіянами [31]. Въ 1174 году нѣкоторые жители области Новогородской, отчасти наскучивъ внутренними раздорами, отчасти тѣснимые возрастающимъ многолюдствомъ въ ихъ предѣлахъ, рѣшились выѣхать изъ отечества, сѣли на суда, и Волгою доплывъ до Камы, завели селеніе на берегу ея. Зная, что далѣе на Сѣверъ обитаютъ народы дикіе въ странѣ лѣсной, изобильной дарами Природы, многіе изъ сихъ выходцевъ отправились вверхъ до устья Осы; обратились къ Западу; дошли до Чепцы, и плывя ею внизъ, покорили бѣдныя жилища Вотяковъ; наконецъ вошли въ рѣку Вятку, и на правомъ берегу ея, на горѣ высокой, увидѣли красивый городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ. Мѣсто полюбилось Россіянамъ: они захотѣли овладѣть имъ и навсегда тамъ остаться, нѣсколько дней говѣли, молились, и призвавъ въ помощь Святыхъ защитниковъ своего отечества, Бориса и Глѣба, на память ихъ, Іюля 24, взяли городъ [32]. Жители скры-

Населеніе Вятки.

лись въ лѣсахъ. Сіе укрѣпленное селеніе называлось *Болванскимъ* (вѣроятно, отъ капища, тамъ бывшаго): завоеватели дали ему имя Пикулицына и построили въ немъ церковь Бориса и Глѣба. Между тѣмъ оставленные на Камѣ товарищи — можетъ быть, опасаясь сосѣдственныхъ Болгаровъ — рѣшились также искать другаго жилища; пришли на судахъ къ устью Вятки, плыли сею рѣкою вверхъ до *Черемисскаго* города *Кокшарова* (нынѣ Котельнича), и завладѣли онымъ. Утвердясь въ странѣ Вятской, Россіяне основали новый городъ близъ устья рѣчки Хлыновицы, назвали его *Хлыновымъ*, и съ удовольствіемъ принявъ къ себѣ многихъ Двинскихъ жителей, составили маленькую Республику, особенную, независимую въ теченіе двухъ сотъ семидесяти-осми лѣтъ, наблюдая обычаи Новогородскіе, повинуясь сановникамъ избираемымъ и Священному Чину. Первобытные обитатели земли Вятской, Чудь, Вотяки, Черемисы, хотя набѣгами безпокоили ихъ, но были всегда отражаемы съ великимъ урономъ, и память сихъ битвъ долго хранилась тамъ въ торжественныхъ церковныхъ обрядахъ: два раза въ годъ изъ села Волкова съ образомъ Св. Георгія носили въ Вятку *желѣзныя стрѣлы*, кои были оружіемъ Чуди или Вотяковъ, и напоминали побѣду Россіянъ (33). Новогородцы также отъ времени до времени старались дѣлать зло Хлыновскимъ поселенцамъ, именовали ихъ

своими бѣглецами, рабами, и не могли простить имъ того, что они хотѣли жить независимо.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ II.

Г. 1174-1176.

Вѣче въ Владимірѣ. Добродушіе Михаила. Гордость Ростовцевъ. Корыстолюбіе Бояръ. Торжество Михаила. Кончина и свойства сего Князя. Междоусобіе въ южной Россіи.

Скоро по кончинѣ Великаго Князя съѣхались Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и всѣ люди воинскіе въ городъ Владиміръ на Вѣче, слѣдуя примѣру Новогородцевъ, Кіевлянъ и другихъ Россійскихъ знаменитыхъ гражданъ, которые, по словамъ Лѣтописцевъ, издревле обыкли рѣшить дѣла государственныя въ собраніяхъ народныхъ, и давали законы жителямъ городовъ уѣздныхъ (34). „Всѣмъ „извѣстно, какимъ образомъ мы лишились „Князя,“ говорили Бояре на Вѣчѣ: „онъ не „оставилъ дѣтей кромѣ сына, княжащаго въ „Новѣгородѣ. Братья Андреевы въ южной Рос„сіи. Кого же изберемъ въ Государи? Кто „защититъ насъ отъ сосѣдственныхъ Кня„зей, Рязанскаго и Муромскаго, да не бу„демъ жертвою ихъ коварства или силы? „Обратимся къ зятю Ростислава Георгіе-

Г. 1174. Вѣче въ Владимірѣ.

„вича, Глѣбу Рязанскому; скажемъ ему: *Богъ „взялъ нашего Князя: зовемъ шурьевъ твоихъ „на престолъ Андреевъ; отецъ ихъ жилъ съ „нами и пользовался любовію народною.*“ Сія мысль была внушена Боярамъ Послами Рязанскими [35]: граждане одобрили оную; утвердили выборъ крестнымъ цѣлованіемъ, и соглася съ Глѣбомъ, отправили посольство въ Черниговъ, гдѣ находились тогда Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, племянники Андреевы. Обрадованные честію такого избранія, но желая быть великодушными, сіи два Князя предложили дядямъ своимъ, Михаилу и Всеволоду Георгіевичамъ, господствовать вмѣстѣ съ ними; признали Михаила старшимъ, увѣрили другъ друга клятвою въ искренности союза и цѣловали крестъ изъ рукъ Епископа Черниговскаго. Обрядъ безполезный! Ярополкъ, по совѣту Ростовцевъ, недовольныхъ прибытіемъ Михаила, оставивъ его въ Москвѣ, тайно уѣхалъ въ Переславль Залѣсскій, собралъ Бояръ, воиновъ, и взялъ съ нихъ клятву вѣрности. Ростовцы призвали туда и 1150 Владимірцевъ; но сограждане сихъ послѣднихъ, которые оставались дома, отворили ворота Михаилу и съ радостію назвали его Княземъ своимъ, помня, что Георгій Долгорукій хотѣлъ отдать Суздальское Княженіе ему и Всеволоду. Началось междоусобіе. Ярополкъ осадилъ Владиміръ; союзники его, Муромцы, Рязанцы, жгли села въ окрестностяхъ. Семь недѣль граждане крѣпко стояли за Михаила

и мужественно оборонялись; наконецъ, изнуренные голодомъ, объявили Князю, чтобы онъ далъ имъ миръ или самъ удалился. Храбрый, добродушный Михаилъ не думалъ укорять ихъ. „Вы правы,“ сказалъ онъ: „могу „ли желать вашей погибели?“ и немедленно выѣхалъ. Граждане, проводивъ сего достойнаго Князя съ искренними слезами, вступили въ переговоры съ Ярополкомъ и Мстиславомъ; увѣряли ихъ въ своей покорности, но боялись злобы Ростовцевъ, которые, завидуя новой знаменитости Владиміра, желали его унизить (36). Города считались тогда между собою въ лѣтахъ, какъ роды дворянскіе въ поколѣніяхъ: Ростовцы славились древностію; именовали Владиміръ *пригородомъ*, его жителей своими *каменщиками*, слугами, недостойными имѣть Князя, и хотѣли дать имъ Посадника. Владимірцы напротивъ того утверждали, что ихъ городъ, основанный Владиміромъ Великимъ, имѣетъ право на знаменитость (37). Обнадеженные Ярополкомъ и братомъ его въ справедливой защитѣ, они встрѣтили ихъ со крестами, ввели торжественно въ храмъ Богоматери, гдѣ Ярополкъ былъ объявленъ Княземъ Владимірскимъ, а Мстиславъ Ростовскимъ и Суздальскимъ. Народъ успокоился, однакожь не надолго.

Добродушіе Михаила.

Гордость Ростовцевъ.

Мстиславъ и Ярополкъ, неопытные въ дѣлѣ государственнаго правленія, скоро утратили любовь народную. Отроки, пришедшіе съ ними изъ южной Россіи, сдѣлались

Корыстолюбіе Бояръ. Посадниками; отягощали гражданъ судебными налогами; думали о корысти гораздо болѣе, нежели о расправѣ. Князья зависѣли отъ Бояръ и во всемъ исполняли ихъ волю; а Бояре, наживаясь сами, совѣтовали и Князьямъ обогащаться. Ярополкъ отнялъ у Соборной церкви волости и доходы, данные ей Андреемъ; въ самый первый день княженія своего взявъ ключи отъ сего богатаго храма, присвоилъ себѣ казну онаго, серебро, золото, и дерзнулъ наконецъ самую побѣдоносную Вышегородскую икону Маріи отдать зятю, Глѣбу Рязанскому (38). Общее негодованіе обнаружилось. „Мы не рабы" (говорили Владимірцы) „и приняли Князей добровольно; они же грабятъ насъ какъ иноплеменныхъ, опустошая не только домы, но и „святые храмы. И такъ *промышляйте*, братья!" Слово важное: оно значило, что надобно Князей унять или сбыть съ рукъ. Видя же, что всѣ Бояре держатъ сторону

Г. 1175. слабыхъ Государей — видя, что Ростовцы и Суздальцы нечувствительны къ народнымъ обидамъ или терпѣливы до излишества — граждане Владимірскіе тайно призвали Михаила изъ Чернигова. „Ты внукъ Мономаховъ „и старшій изъ Князей его рода," говорили ему Послы; „иди на престолъ Боголюбскаго; „а ежели Ростовъ и Суздаль не захотятъ „тебя, мы на все готовы, и съ Божіею по„мощію никому не уступимъ." Михаилъ съ братомъ Всеволодомъ и сыномъ Князя Чер-

ниговскаго [39] был уже въ Москвѣ, гдѣ ожидали ихъ усердные Владимірцы и сынъ Андрея Боголюбскаго (скоро по смерти отца принужденный выѣхать изъ Новагорода): тогда Ярополкъ свѣдалъ о грозящей ему опасности; хотѣлъ встрѣтить Георгіевичей, но разошелся съ ними въ дремучихъ лѣсахъ, и написалъ къ брату, Мстиславу Суздальскому: ,,Михалко боленъ; его несутъ на носилкахъ: ,,спѣши отразить малочисленныхъ непрія- ,,телей отъ Владиміра; я плѣню ихъ задній ,,отрядъ.‟ Михаилъ, будучи дѣйствительно весьма нездоровъ, приближался къ Владиміру, когда полкъ Суздальскій, выступивъ изъ-за горы въ блестящихъ латахъ и распустивъ знамя, съ воплемъ устремился на его дружину. Устроенная Михаиломъ, она изготовилась къ сраженію; стрѣлки съ обѣихъ сторонъ начали битву; но Суздальцы — изумленные стройнымъ ополченіемъ непріятелей — вдругъ обратили тылъ, бросивъ хоругвь Княжескую. Лѣтописцы говорятъ, что ни тѣ, ни другіе воины не отличались никакимъ особеннымъ знакомъ, и что сіе обстоятельство спасло многихъ Суздальцевъ: ибо побѣдители не могли распознавать своихъ и непріятелей. Михаилъ съ торжествомъ въѣхалъ въ городъ Владиміръ: предъ нимъ вели плѣнниковъ. Духовенство и всѣ жители встрѣтили его съ живѣйшею радостію. Ярополкъ ушелъ къ зятю своему въ Рязань, а Мстиславъ въ Новгородъ (гдѣ княжилъ юный сынъ его, Свя-

Іюня 15. Торжество Михаила.

тославъ, послѣ Георгія Андреевича); но мать и жены ихъ остались плѣнницами въ Владимірѣ (40).

Скоро Послы отъ Суздаля и Ростова явились во дворцѣ Михаиловомъ и сказали именемъ всѣхъ гражданъ: „Государь! мы твои „душею и сердцемъ. Одни Бояре, преданные „Мстиславу, были тебѣ врагами. Повелѣвай „нами какъ отецъ добродушный!“ Такимъ образомъ Михаилъ наслѣдовалъ Великое Княженіе Андреево; объѣхалъ разныя области; вездѣ учредилъ порядокъ; вездѣ пекся о народномъ спокойствіи. Осыпанный дарами Суздальцевъ и Ростовцевъ, награжденный за свой трудъ благословеніями довольныхъ гражданъ, онъ возвратился въ Владиміръ, оставивъ Всеволода княжить въ Переславлѣ Залѣсскомъ.

Народъ требовалъ мести: Глѣбъ Рязанскій пользовался слабостію шурьевъ, обиралъ ихъ, обогатился драгоцѣнностями и святынею храмовъ Владимірскихъ. Михаилъ шелъ наказать его: но Глѣбъ, не дерзая оправдываться, требовалъ милосердія; прислалъ Вышегородскую икону Богоматери, всѣ драгоцѣнности, даже книги, имъ похищенныя, и тѣмъ обезоружилъ Великаго Князя (41). Народъ, съ восхищеніемъ встрѣтивъ образъ Маріи, снова поставилъ его въ Соборной церкви Владимірской: Михаилъ возвратилъ ей помѣстья, оброки и десятину.

Торжество Владимірцевъ было совершенно: городъ ихъ сдѣлался опять столичнымъ, и Князь, ими призванный, заслуживая любовь общую, казался любимцемъ Неба, ибо счастіе ему благопріятствовало. Они хвалились своимъ выборомъ, и говорили, что Богъ, унизивъ гордость *древняго* Ростова, прославилъ *новый* Владиміръ, ознаменовавъ его жителей мудростію въ совѣтѣ и мужествомъ въ дѣлѣ; что они, вопреки Боярамъ, даже вопреки народу Суздальскому и Ростовскому, единственно въ надеждѣ на свою правду, дерзнули изгнать злыхъ Князей и выбрать Михаила, благотворителя земли Русской (42). Къ несчастію, сей Государь властвовалъ только одинъ годъ, и скончался, оставивъ въ лѣтописяхъ память своей храбрости и добродѣтели. Живъ въ вѣкѣ суровомъ, мятежномъ, онъ не запятналъ себя ни жестокостію, ни вѣроломствомъ, и любилъ спокойствіе народа болѣе власти. Новѣйшіе Лѣтописцы увѣряютъ, что Михаилъ казнилъ многихъ убійцъ Андреевыхъ (43); но современные не говорятъ о томъ. Нѣкогда изгнанный Боголюбскимъ, онъ могъ еще питать въ сердцѣ своемъ непріятное воспоминаніе сей обиды; и тѣмъ болѣе достоинъ хвалы, ежели дѣйствительно наказалъ злодѣевъ.

Г. 1176, Іюня 20. Кончина и свойства Михаила.

Михаилъ, занимаясь единственно благомъ Суздальскаго или Владимірскаго Княженія, не хотѣлъ или не имѣлъ времени думать о Россіи южной, гдѣ господствовало междоусобіе.

Междоусобіе въ южной Россіи.

Олегъ Сѣверскій, зять и союзникъ Ростиславичей, вмѣстѣ съ ними воевалъ область Черниговскую, осаждалъ Стародубъ, и самъ осажденный Святославомъ въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, долженъ былъ молить о мирѣ. Кіевъ болѣе и болѣе унижался. Видя нечаянное прибытіе Романа Смоленскаго, и догадываясь, что братья намѣрены возвести его на Кіевскій престолъ, слабый Ярославъ Изяславичъ не захотѣлъ подвергнуть себя стыду изгнанія и добровольно уѣхалъ въ Луцкъ. Романъ также не могъ утвердиться на семъ престолѣ, отъ зависти и козней Святослава. Имѣя тайныя сношенія съ Кіевлянами и съ Черными Клобуками, волнуя умы лестію, злословіемъ, и скоро обрадованный несчастною битвою сыновей Романовыхъ съ Половцами, въ коей легло на мѣстѣ множество лучшихъ воиновъ, Святославъ началъ торжественно жаловаться на Давида. „Я ничего не требую кромѣ справед„ливости," говорилъ онъ Роману: „братъ „твой, помогая Олегу, жегъ города мои. Соглас„но съ древнимъ уставомъ Бояринъ въ винѣ от„вѣтствуетъ головою, а Князь Удѣломъ. Из„гони же безпокойнаго Давида изъ областей „Днѣпровскихъ." Не получивъ удовлетворенія, Святославъ прибѣгнулъ къ оружію и къ измѣнникамъ. Зять его, сынъ Владиміра Мстиславича, внука Мономахова, именемъ Мстиславъ, жилъ въ Триполѣ съ Ярополкомъ Романовичемъ, и предалъ сей городъ тестю. Узнавъ еще измѣну Берендѣевъ, Романъ удалился въ

крѣпкій Бѣлгородъ и ждалъ братьевъ. Хотя Князь Черниговскій, болѣе властолюбивый, нежели храбрый, занявъ Кіевъ, малодушно бѣжалъ отъ нихъ и перетопилъ часть своего войска въ Днѣпрѣ; однакожъ Ростиславичи, свѣдавъ о впаденіи Половцевъ, призванныхъ Святославомъ, добровольно уступили ему древнюю столицу, уже незавидную. „Господ„ствуй въ ней" — сказали они — „но съ „согласія нашего: не насиліемъ и не обма„номъ; мы не хотимъ тѣшить иноплемен„ныхъ варваровъ междоусобіемъ." Романъ возвратился въ Смоленскъ (44).

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ III ГЕОРГІЕВИЧЬ.

Г. 1176—1212.

Вѣроломство Ростовцевъ. Война съ Княземъ Рязанскимъ. Ослѣпленіе двухъ Князей. Славолюбіе Мстислава и кончина его. Раздоръ Вел. Князя съ Черниговскимъ. Вѣроломство Святослава. Упреки Всеволоду. Великодушіе Мономахова потомства. Осада Торжка Политика Новогородцевъ. Браки. Война съ Болгарами. Народъ Литовскій. Война съ Половцами. Огнестрѣльное орудіе. Бѣдствіе Игоря. Мужество Владиміра. Герой Всеволодъ. Торки и Берендѣи. Междоусобіе въ Рязани. Добродѣтели Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Кн. Владиміра. Властолюбіе Романа. Вѣроломство Короля Венгерскаго. Благородство сына Берладникова. Князь Владиміръ въ Германіи. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича. Браки. Временная независимость Кіева. Добродѣтели Вла-

димiра Глѣбовича. Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Ссора съ Варягами. Воинскiе подвиги. Бѣдствiя Чуди. Нѣмцы въ Ливонiи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ Святослава. Княжна Евфимiя за Греческимъ Царевичемъ. Пиры въ Кiевѣ. Миролюбiе Духовенства. Гнѣвъ Романа. Битва въ Польшѣ. Мятежный духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Политика Всеволодова. Строгость и вѣдущiе Давида. Война съ Половцами. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ. Слава и тиранство Романа. Опустошенiе Кiева. Постриженiе Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Отвѣтъ Романовъ. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на престолѣ. Происшествiя въ Галичѣ. Константинъ въ Новѣгородѣ. Князья Сѣверскiе господствуютъ въ Галичѣ. Бѣгство Романова семейства. Коварство Всеволода Чермнаго. Бѣдствiе Рязанскихъ Князей. Хитрость Всеволода. Жестокость Вел. Князя. Смѣлость Мстислава. Миръ съ Ольговичами. Мятежи въ Галичѣ. Неповиновенiе Константина. Кончина и характеръ Всеволода Великаго. Мудрость Великой Княгини. Постриги. Князь Россiйскiй въ Грузiи. Разныя бѣдствiя. Взятiе Царяграда. Нѣмцы въ Ливонiи. Основанiе Риги. Орденъ Меченосцевъ. Духовная власть въ Новѣгородѣ.

Г. 1176. Владимiрцы, еще не осушивъ слезъ о кончинѣ Государя любимаго, собралися предъ Златыми вратами и присягнули его брату, Всеволоду Георгiевичу, исполняя тѣмъ волю Долгорукаго, который назначалъ область Суздальскую въ Удѣлъ меньшимъ сыновьямъ (45). Но Бояре и Ростовцы не хотѣли Всеволода. Еще при жизни Михаила они тайно звали къ себѣ Мстислава, его племянника,

Вѣроломство Ростовцевъ.

изъ Новагорода, и сей Князь, оставивъ тамъ сына своего, уже находился въ Ростовѣ; собралъ многочисленную дружину, Бояръ, Гридней, такъ называемыхъ *Пасынковъ* или Отроковъ Боярскихъ, и шелъ съ ними ко Владиміру (46). Жители сего города пылали ревностію сразиться; но Всеволодъ, умѣренный, благоразумный, предлагалъ миръ. „За „тебя Ростовцы и Бояре," говорилъ онъ Мстиславу: „за меня Богъ и Владимірцы. „Будь Княземъ первыхъ; а Суздальцы да по„винуются изъ насъ, кому хотятъ." Но Вельможи Ростовскіе, надменные гордостію, сказали Мстиславу: „Мирися одинъ, если „тебѣ угодно; мы оружіемъ управимся съ чер„нію Владимірскою." Присоединивъ къ себѣ въ Юрьевѣ дружину Переславскую, Всеволодъ объявилъ воинамъ о непримиримой злобѣ ихъ врага общаго. Всѣ единодушно отвѣтствовали: „Государь! ты желалъ добра Мстисла„ву, а Мстиславъ ищетъ головы твоей, и „не давъ еще исполниться девяти днямъ по „кончинѣ Михаиловой, жаждетъ кровопро„литія. Иди же на него съ Богомъ! Если „будемъ побѣждены, то пусть возьмутъ Ро„стовцы женъ и дѣтей нашихъ!" Всеволодъ, оставивъ за собою рѣку Кзу, среди Юрьевскаго поля ударилъ на непріятеля (47), разсѣялъ его и съ торжествомъ возвратился въ столицу. Дружина Княжеская и Владимірцы вели связанныхъ Вельможъ Ростовскихъ, виновниковъ междоусобія; за ними

Іюня 27.

гнали множество коней и скота, взятаго въ селахъ Боярскихъ. Суздаль, Ростовъ, покорились Всеволоду.

Мстиславъ напрасно желалъ быть вторично Княземъ Новогородскимъ. „Нѣтъ!" сказали ему жители: „ты *ударилъ пятою* „Новгородъ: иди же отъ насъ вмѣстѣ съ „сыномъ!" Они искали дружбы побѣдителя, и требовали себѣ Князя отъ Всеволода, который отправилъ къ нимъ племянника своего, Ярослава (48). Мстиславъ, уѣхавъ къ зятю, Глѣбу Рязанскому, склонилъ его къ несчастной войнѣ, бѣдственной для нихъ обоихъ. Сія война началась въ концѣ лѣта пожарами: Глѣбъ обратилъ въ пепелъ Москву и всѣ окрестныя слободы. Зимою пришли союзники ко Всеволоду: племянникъ его, Владиміръ Глѣбовичь, Князь южнаго Переяславля, и сыновья Святослава Черниговскаго (49). Новогородцы обѣщали ему также дружину вспомогательную, называя его своимъ отцемъ и Властителемъ; однакожъ не сдержали слова. Будучи въ Коломнѣ, Великій Князь свѣдалъ, что Глѣбъ Рязанскій, нанявъ Половцевъ, съ другой стороны вступилъ въ область Суздальскую, взялъ Боголюбовъ, ограбилъ тамъ церковь, богато украшенную Андреемъ, жжетъ селенія Боярскія, плаваетъ въ крови беззащитныхъ, отдаетъ женъ и дѣтей въ плѣнъ варварамъ. Такимъ образомъ междоусобіе Князей открыло путь симъ иноплеменнымъ хищникамъ и въ

Война съ Княземъ Рязанскимъ.

сѣверныя земли Россіи . . . Всеволодъ сошелся съ непріятелями; но тѣ и другіе стояли праздно цѣлый мѣсяцъ въ ожиданіи мороза: рѣка Колокша находилась между ими и не перепускала ихъ; ледъ ея былъ слишкомъ тонокъ. Раздраженный злодѣйствами Глѣба, Великій Князь отказался отъ мирныхъ его предложеній, и наконецъ — видя, что рѣка замерзла — отправилъ на другую сторону обозъ свой съ частію войска. Мстиславъ первый напалъ на сей отрядъ, и первый обратился въ бѣгство: Глѣбъ также, смятый полкомъ Всеволода (50). Дружина Великаго Князя гналась за малодушными, и плѣнивъ самого Глѣба, сына его Романа, Мстислава, множество Бояръ, истребила Половцевъ. Въ числѣ плѣнниковъ находился старый Воевода Андрея Боголюбскаго, Борисъ Жидиславичь, который держалъ сторону Мстислава. Всѣ они были предметомъ народной ненависти, и граждане Владимірскіе, посвятивъ два дни на общую радость, хотѣли ознаменовать третій злобною местію; обступили дворецъ Княжескій и говорили Всеволоду: „Государь! мы рады положить за „тебя свои головы; но казни злодѣевъ, или „ослѣпи, или выдай намъ въ руки.“ Изъявляя человѣколюбіе, Всеволодъ желалъ спасти несчастныхъ и велѣлъ заключить ихъ въ темницу, чтобы успокоить народъ. Глѣбъ имѣлъ заступниковъ. Будучи ему зятемъ, храбрый Мстиславъ, братъ Романа Смоленскаго, вмѣ-

Г. 1177.

стѣ съ горестною своею шенцею убѣждалъ Святослава Черниговскаго, какъ Всеволодова союзника, освободить плѣнниковъ усерднымъ ходатайствомъ. Порфирій, Черниговскій Епископъ, ѣздилъ для того въ Владиміръ. Глѣбу предложили свободу, съ условіемъ отказаться навсегда отъ княженія и ѣхать въ южную Россію. Онъ гордо отвѣтствовалъ: „лучше умру въ неволѣ“ — и дѣйствительно умеръ чрезъ нѣсколько дней (51). Когда же Рязанцы, устрашенные бѣдствіемъ ихъ Князя, въ угодность Всеволоду взяли подъ стражу Ярополка Ростиславича въ Воронежѣ и привезли въ городъ Владиміръ, тогда мятежъ возобновился. Бояре, купцы пришли съ оружіемъ на дворъ Княжескій, разметали темницу, и къ горести Великаго Князя ослѣпили его племянниковъ, Ростиславичей. Онъ только уступилъ народному остервененію, по словамъ Лѣтописца Владимірскаго, не имѣвъ никакого участія въ семъ злодѣйствѣ (которое древніе Россіяне заимствовали отъ просвѣщенныхъ Грековъ); другіе же Лѣтописцы обвиняютъ въ томъ Всеволода, можетъ быть несправедливо (52): но Великій Князь, не наказавъ злодѣевъ, заслужилъ подозрѣніе, безславное для его памяти. Чтобы оправдать себя великодушіемъ въ глазахъ всей Россіи, онъ выпустилъ изъ темницы Глѣбова сына, Романа. Несчастные слѣпцы были также освобождены, и на пути въ южную Россію, къ общему удивленію, про-

Ослѣпленіе двухъ Князей.

зрѣли въ Смоленскѣ, съ усердіемъ моляся въ Смядынской церкви Св. Глѣба, по извѣстію Лѣтописцевъ. Сентября 15.

Чудо разгласилось и благопріятствовало властолюбію сихъ Князей: Новогородцы призвали ихъ какъ мужей богоугодныхъ; оставили Мстислава начальствовать въ столицѣ, Ярополку дали Торжекъ, а бывшаго Князя своего, Ярослава, также Всеволодова племянника, послали управлять Волокомъ Ламскимъ. Мстиславъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ: Ярополкъ заступилъ его мѣсто, но скоро былъ изгнанъ народомъ, въ угодность Великому Князю, который захватилъ многихъ купцевъ Новогородскихъ, съ неудовольствіемъ видя злодѣя своего Главою сей области. Всеволодъ еще не былъ обезоруженъ: приступилъ къ Торжку и требовалъ дани. Граждане обѣщались заплатить оную; но воины сказали Великому Князю: „мы пришли сюда не за тѣмъ, „чтобы цѣловать ихъ и слушать пустыя „клятвы;" сѣли на коней и взяли городъ; зажгли его, плѣнили жителей. Всеволодъ съ отборною дружиною спѣшилъ къ Волоку Ламскому, уже оставленному гражданами; нашелъ тамъ одного племянника своего, Ярослава (53); истребилъ огнемъ пустые домы, самый хлѣбъ въ окрестностяхъ, и сею безразсудною жестокостію такъ озлобилъ Новогородцевъ, что они рѣшились не имѣть съ нимъ никакого дружелюбнаго сношенія, призвавъ къ себѣ Романа Смоленскаго. Потомки

Г. 1178. Апрѣля 20.

Декабря 8.

Св. Владиміра все еще вѣрили ихъ ненадежнымъ обѣтамъ, и прельщались знаменитостію древнѣйшаго въ Государствѣ Княженія.

Романъ властвовалъ тамъ не долѣе многихъ своихъ предмѣстниковъ; по крайней мѣрѣ выѣхалъ добровольно и съ честію. Тогда Новогородцы, желая имѣть Князя извѣстнаго воинскою доблестію, единодушно избрали брата Романова, Мстислава, столь знаменитаго мужествомъ, что ему въ цѣлой Россіи не было имени кромѣ *Храбраго*. Онъ колебался, отвѣтствуя ихъ Посламъ, что не можетъ разстаться ни съ вѣрными братьями, ни съ южною своею отчизною; но братья и дружина сказали Мстиславу: „Новгородъ есть также твое отечество" — и сей бодрый Князь поѣхалъ искать славы на иномъ ѳеатрѣ: ибо душа его, какъ пишутъ современники, занималась одними великими дѣлами (54). Весь Новгородъ, чиновники, Бояре, Духовенство съ крестами вышли къ нему на встрѣчу. Возведенный на престолъ въ Софійской церкви, Мстиславъ далъ слово ревностно блюсти честь, пользу Новагорода, и сдержалъ оное. Узнавъ, что Эстонцы (въ 1176 году) дерзнули осаждать Псковъ и не перестають безпокоить границъ, онъ въ нѣсколько дней собралъ 20,000 воиновъ, и веселяся предводительствомъ рати столь многочисленной, нетерпѣливо хотѣлъ битвы; но Эстонцы думали только о спасеніи жизни, и скрывались. Опустошивъ ихъ землю до самаго моря,

Славолюбіе Мстислава. Ноября 1.

Г. 1180.

взявъ въ добычу множество скота, плѣнниковъ, Мстиславъ на возвратномъ пути усмирилъ во Псковѣ мятежныхъ чиновниковъ, нехотѣвшихъ повиноваться его племяннику, Борису Романовичу, и готовился къ инымъ предпріятіямъ. Еще въ 1066 году прадѣдъ Всеслава Полоцкаго ограбилъ Софійскую церковь въ Новѣгородѣ и захватилъ одинъ изъ его уѣздовъ: Мстиславъ, какъ ревностный витязь Новогородской чести, вздумавъ отмстить за то Всеславу, своему зятю, уже шелъ къ Полоцку, и Романъ Смоленскій едва обезоружилъ брата, представляя ему, что сей Князь, супругъ ихъ сестры, не можетъ отвѣтствовать за прадѣда, давно истлѣвшаго во гробѣ; что воспоминаніе обидъ древнихъ не достойно ни Христіанина, ни Князя благоразумнаго. Мстиславъ уважилъ братній совѣтъ и возвратился изъ Великихъ Лукъ, обѣщая себѣ, гражданамъ и дружинѣ новымъ походомъ навсегда смирить Ливонію. Но среди блестящихъ надеждъ пылкаго славолюбія и въ силѣ мужества сраженный внезапною болѣзнію, онъ увидѣлъ суету гордости человѣческой, и живъ Героемъ, хотѣлъ умереть Христіаниномъ: велѣлъ нести себя въ церковь, причастился Святыхъ Таинъ послѣ Литургіи, и закрылъ глаза навѣки въ объятіяхъ неутѣшной супруги и дружины, поручивъ дѣтей, въ особенности юнаго Владиміра, своимъ братьямъ. Такимъ образомъ Новогородцы въ два года погребли

Кончина его. Іюня 14.

*

у себя двухъ Князей: чего уже давно не бывало: ибо непрестанно мѣняя Властителей, они не давали имъ умирать на тронѣ. Бояре и граждане изъявили трогательную чувствительность, оплакивая Мстислава Храбраго, всѣми любимаго, величая его красоту мужественную, побѣды, великодушныя намѣренія для славы ихъ отечества, младенческое добродушіе, соединенное съ пылкою гордостію сердца благороднаго. Сей Князь, по свидѣтельству современниковъ, былъ украшеніемъ вѣка и Россіи. Другіе воевали для корысти: онъ только для славы, и презирая опасности, еще болѣе презиралъ золото, отдавая всю добычу Церкви или воинамъ, коихъ всегда ободрялъ въ битвахъ словами: *за насъ Богъ и правда; умремъ нынѣ или завтра: умремъ же съ честію.* — ,,Не было такой земли въ Россіи (говоритъ Лѣтописецъ), которая не хотѣла бы ему повиноваться, и гдѣ бы объ немъ не плакали.'' Народная любовь къ сему Князю была столь велика, что граждане Смоленскіе въ 1175 году единогласно объявили его, въ отсутствіе Романа, своимъ Государемъ, изгнавъ Ярополка Романовича (55); но Мстиславъ согласился властвовать надъ ними единственно для того, чтобы усмирить ихъ и возвратить престолъ старшему брату. Новогородцы погребли Мстислава въ гробницѣ Владиміра Ярославича, строителя Софійской церкви. Надлежало избрать преемника: въ

досаду Всеволоду Георгіевичу они призвали къ себѣ княжить Владиміра, сына Святославова, изъ Чернигова.

Августа 17.

Сей юноша не за-долго до того времени гостилъ у Всеволода и женился на его племянницѣ, дочери Михаиловой (56). Святославъ имѣлъ случай оказывать услуги Великому Князю, когда онъ жилъ въ южной Россіи, не имѣя Удѣла, и не дерзая требовать онаго отъ брата, Андрея Боголюбскаго, своего бывшаго гонителя. Между тѣмъ, какъ Михаилъ и Всеволодъ съ помощію Святослава искали престола Владимірскаго, супруги ихъ оставались въ Черниговѣ. Сія дружба, основанная на одолженіяхъ, благодарности и свойствѣ, не устояла противъ обоюднаго властолюбія. Святославъ, охотно пославшій сына господствовать въ Новѣгородѣ, могъ предвидѣть, что Всеволодъ тѣмъ оскорбится, считая сію область законнымъ достояніемъ Мономахова рода. Новыя неудовольствія ускорили явное начало вражды. Меньшіе сыновья умершаго Глѣба Рязанскаго жаловались Всеволоду на старшаго брата, Романа, Святославова зятя: говорили, что онъ, слѣдуя внушенію тестя, отнимаетъ ихъ Удѣлы и презираетъ Великаго Князя. Всеволодъ, уже не доброхотствуя Князю Черниговскому, вступился за нихъ; встрѣченный ими въ Коломнѣ, плѣнилъ тамъ Святославова сына, Глѣба (57); разбилъ передовый отрядъ Романовъ на берегахъ Оки, взялъ го-

Раздоръ Великаго Князя съ Черниговскимъ.

родъ Борисовъ, осадилъ Рязань и заключилъ миръ. Романъ и братья его признали Всеволода общимъ ихъ покровителемъ, довольные Удѣлами, которые онъ назначилъ для каждаго изъ нихъ по верховной волѣ своей.

Князь Черниговскій, раздраженный плѣненіемъ сына, хотѣлъ не только отмстить за то, но и присвоить себѣ, счастливымъ успѣхомъ оружія, лестное первенство между Князьями Россійскими. Еще Всеволодъ не имѣлъ правъ Андреевыхъ, утвержденныхъ долговременною славою; не имѣлъ и силы Боголюбскаго: ибо Смоленскъ, область Кривская и Новгородъ не помогали ему. Святославъ надѣялся смирить его, но желалъ прежде вытѣснить Рюрика и Давида изъ области Кіевской, чтобы господствовать въ ней единовластно. Смерть Мстислава Храбраго и Олега Сѣверскаго, ихъ зятя, казалась ему случаемъ благопріятнымъ (58): увѣренный въ дружелюбіи Олеговыхъ братьевъ, Игоря и Всеволода; выдавъ племянницу за Князя Переяславскаго, Владиміра Глѣбовича, и называясь покровителемъ сего юноши, онъ дерзнулъ на гнусное коварство, разсуждая, что всѣ способы вредить Мономаховымъ потомкамъ согласны съ уставомъ праведной мести, и что ближайшіе изъ нихъ должны быть ея первымъ предметомъ. Не имѣя въ самомъ дѣлѣ никакихъ причинъ жаловаться на Ростиславичей — которые жили съ нимъ мирно и вмѣстѣ отразили набѣгъ Хана Половец-

каго, Кончака — Святославъ вздумалъ схватить Давида на звѣриной ловлѣ въ окрестностяхъ Днѣпра; сказалъ о томъ единственно женѣ и главному изъ любимцевъ, именемъ Кочкарю; тайно собралъ воиновъ и нечаянно ударилъ на станъ Давидовъ. Сей Князь, изумленный злодѣйствомъ, бросился въ лодку съ супругою, и едва могъ спастися, осыпаемый съ берега стрѣлами. Онъ ушелъ въ Бѣлгородъ къ Рюрику; а Святославъ, неудачно обнаруживъ свой умыселъ, призвалъ всѣхъ родственниковъ на совѣтъ въ Черниговъ. „Вижу *теперь* горестную необходимость „войны,“ сказалъ ему Игорь Сѣверскій: „но „ты могъ бы *прежде* сохранить миръ. Впро„чемъ мы готовы повиноваться тебѣ, какъ „нашему отцу, желая усердно твоего блага.“ Между тѣмъ Рюрикъ, слыша, что Святослава нѣтъ въ Кіевѣ, занялъ сію столицу, требовалъ помощи отъ Князей Волынскихъ, и велѣлъ Давиду ѣхать въ Смоленскъ къ Роману, чтобы вмѣстѣ съ нимъ взять нужныя мѣры для безопасности сего Княженія. Но Давидъ уже не засталъ брата живаго: Романъ скончался, извѣстный болѣе мирными, кроткими свойствами, нежели воинскимъ духомъ. Лѣтописцы сказываютъ, что онъ имѣлъ наружность величественную и рѣдкое милосердіе; терпѣлъ отъ граждан Смоленскихъ многія досады и мстилъ имъ только благодѣяніями; не обманывалъ Князей, нѣжно любилъ братьевъ, славился набожностію;

Вѣроломство Святослава.

соорудивъ великолѣпную церковь Св. Іоанна, украсилъ оную золотомъ и финифтью. Давидъ наслѣдовалъ престолъ Смоленскій.

Въ надеждѣ управиться и съ Ростиславичами и съ Великимъ Княземъ, Святославъ, нанявъ множество Половцевъ, оставилъ
г. 1181. часть войска съ братомъ своимъ Ярославомъ въ Черниговѣ, чтобы дѣйствовать противъ Рюрика и Давида; а самъ съ главною силою вступилъ въ область Суздальскую, соединился съ Новогородцами на устьѣ Тверцы, опустошилъ берега Волги и шелъ къ Переславлю (59). За 40 верстъ отъ сего города стоялъ Всеволодъ съ полками Суздальскими, Рязанскими, Муромскими, въ станѣ укрѣпленномъ Природою: между крутобрегою Вленою, ущельями и горами. Непріятели видѣли другъ друга и пускали черезъ рѣку стрѣлы. Воины Святославовы желали битвы, Суздальскіе также: послѣдніе были удерживаемы Великимъ Княземъ, а первые неприступностію мѣста. Прошло болѣе двухъ недѣль. Чтобы сдѣлать тревогу въ станѣ Черниговцевъ, Всеволодъ послалъ Князей Рязанскихъ ударить на нихъ съ боку. Внезапность нападенія имѣла успѣхъ только мгновенный: братъ Игоря Сѣверскаго принудилъ Рязанцевъ бѣжать, и взялъ у нихъ не малое число плѣнниковъ. Напрасно ожидавъ новаго нападенія, Святославъ отправилъ къ Великому Князю своего Духовника съ такими словами: ,,Братъ и сынъ мой!

Упреки Всеволоду.

,,имѣвъ искреннее удовольствіе служить тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, могъ ли я ожидать ,,столь жестокой неблагодарности? Въ возмездіе за сіи услуги ты не устыдился злодѣйствовать мнѣ и схватилъ моего сына. ,,Для чего же медлишь? я близъ тебя: рѣшимъ дѣло судомъ Божіимъ. Выступи въ ,,поле, и сразимся, на той или другой сторонѣ рѣки.'' Всеволодъ не отвѣтствовалъ, задержалъ Пословъ и велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, желая, чтобы Князь Черниговскій въ досадѣ своей отважился на битву, для себя невыгодную, и перешелъ за рѣку. Святославъ не трогался съ мѣста. Весна наступила: боясь распутья, онъ рѣшился оставить часть обоза и станъ въ добычу непріятелю, впрочемъ не хотѣвшему за нимъ гнаться; сжегъ Дмитровъ, мѣсто Всеволодова рожденія, и прибылъ весновать въ Новгородъ, гдѣ жители встрѣтили его какъ побѣдителя, называя именемъ *Великаго*. Ярополкъ, прежде изгнанный ими въ удовольствіе Всеволоду, находился съ Черниговскимъ Княземъ: они вторично приняли его къ себѣ и дали ему въ Удѣлъ Торжекъ, чтобы охранять ихъ восточныя области.

Святославъ, извѣдавъ воинскую осторожность Всеволода, уже не хотѣлъ возобновить непріятельскихъ дѣйствій въ Великомъ Княженіи Суздальскомъ: онъ велѣлъ брату, Ярославу, выступить изъ Чернигова, и соединился съ нимъ въ областяхъ Кривскихъ, гдѣ

Васильковичи, Всеславъ Полоцкій и Брячиславъ Витебскій, вмѣстѣ съ другими Князьями волею или неволею объявили себя друзьями Святослава (60); каждый привелъ къ нему свою дружину, а Всеславъ Литву и Ливонцевъ. Ростиславичи и Кіевъ были предметомъ сего ополченія. Одинъ Князь Друцкій, Глѣбъ, сынъ умершаго Рогволода, не измѣнилъ Давиду Смоленскому, который думалъ защитить его, но видя превосходную силу враговъ, удалился отъ битвы. Святославъ обратилъ въ пепелъ внѣшнія укрѣпленія Друцка и, не теряя времени, шелъ къ Кіеву, сопровождаемый толпами Половцевъ. Сіе-то гибельное обыкновеніе, въ войнахъ междоусобныхъ дружиться съ иноплеменными хищниками и призывать ихъ для ужасныхъ злодѣйствъ въ нѣдра Государства, всего болѣе обезславило Князей Черниговскихъ въ нашей древней Исторіи, и было одною изъ причинъ народной любви къ Мономаховымъ потомкамъ, которые *дотолѣ* гнушались онымъ (если исключимъ Георгія Долгорукаго), и слѣдуя наслѣдственнымъ правиламъ, отличались великодушіемъ. Такъ поступилъ и Рюрикъ. Не имѣя способовъ защитить Кіевъ, онъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ, умѣлъ внезапно разбить Половцевъ, предводимыхъ Игоремъ Сѣверскимъ, и воспользовался ужасомъ Святослава для заключенія мира: призналъ его старѣйшимъ; отказался отъ Кіева, удержавъ за собою всѣ другіе города

Великодушіе Мономахова потомства.

Днѣпровскіе, и клялся искренно быть вѣрнымъ другомъ Черниговскихъ Князей, съ условіемъ, чтобы они, подобно ему, служили щитомъ для южной Россіи и не давали варварамъ плѣнять Христіанъ.

Вѣроятно, что Рюрикъ старался примирить Святослава съ Великимъ Княземъ: Новгородъ, бывъ основаніемъ ихъ вражды, подалъ имъ и способъ прекратить оную. Ярополкъ, ненавидя Всеволода, не могъ жить спокойно въ Торжкѣ и безпрестанно тревожилъ границы Суздальскія. Всеволодъ осадилъ его. Предвидя свою участь, граждане оборонялись мужественно долѣе мѣсяца; не имѣя хлѣба, питались кониною (61): наконецъ голодъ заставилъ ихъ сдаться. Ярополкъ, раненный стрѣлою во время осады, съ ужасомъ ожидалъ новой мести отъ дяди и былъ заключенъ въ цѣпи, а городъ сожженъ вторично; жителей отвели плѣнниками въ Владиміръ. Войско Новогородское находилось тогда съ Святославомъ въ землѣ Кривской: оно спѣшило назадъ защитить собственную. Но чиновники и граждане, перемѣнивъ мысли, уже хотѣли искать милости Всеволодовой. Разсуждая, что дружба Государя сосѣдственнаго, юнаго, могущественнаго, твердаго душею, выгоднѣе дружбы Черниговскаго Князя, слабодушнаго, легкомысленнаго и притомъ удаленнаго отъ предѣловъ Новогородскихъ, они выслали Святославова сына и требовали, чтобы Всево-

Осада Торжка.

Политика Новогородцевъ.

лодъ, оставивъ вражду, далъ имъ Правителя. Онъ немедленно исполнилъ ихъ волю, возвратилъ свободу плѣннымъ жителямъ Торжка, и своякъ его, Ярославъ Владиміровичъ, внукъ Мстислава Великаго, пріѣхалъ изъ Суздаля княжить въ Новгородъ (62). Достигнувъ такимъ образомъ цѣли своей— то есть, присоединивъ область Новогородскую ко владѣніямъ Мономахова Дому—Всеволодъ съ честію отпустилъ Глѣба Святославича къ отцу, не мѣшалъ послѣднему господствовать въ Кіевѣ, и возобновивъ старую съ нимъ дружбу, выдалъ своячину, Княжну Ясскую, за его меньшаго сына; а Глѣбъ
Г. 1182. Браки. Святославичъ женился на дочери Рюриковой.

Внутреннее междоусобіе прекратилось: начались войны внѣшнія. Подобно Андрею смотря съ завистію на цвѣтущую художествами и торговлею Болгарію, Всеволодъ
Г. 1183. Война съ Болгарами. желалъ овладѣть ею, и звалъ другихъ Князей къ содѣйствію. Война съ невѣрными казалась тогда во всякомъ случаѣ справедливою (63): Святославъ прислалъ сына своего, Владиміра, къ Великому Князю, радуясь, что онъ замыслилъ дѣло столь благопріятное для чести Россійскаго оружія. Князья Рязанскіе, Муромскій и сынъ Давида Смоленскаго также участвовали въ семъ походѣ. Рать союзниковъ плыла Волгою до Казанской Губерніи, оставила ладіи, близъ устья Цывили, подъ стражею Бѣлозерскихъ воиновъ, и шла далѣе сухимъ путемъ. Передовый отрядъ уви-

дѣлъ вдали конницу и готовился къ битвѣ; но мнимые непріятели оказались Половцами, которые также воевали Болгарію, и хотѣли служить Всеволоду. Вмѣстѣ съ ними Россіяне осадили такъ называемый Великій городъ въ землѣ *Серебряныхъ* Болгаровъ, какъ сказано въ лѣтописи. Юный племянникъ Всеволодовъ, Изяславъ Глѣбовичъ, братъ Князя Переяславскаго (64), не хотѣлъ ждать общаго приступа, и между тѣмъ, какъ Бояре совѣтовались въ шатрѣ у Великаго Князя, одинъ съ своею дружиною ударилъ на Болгарскую пѣхоту, стоявшую въ укрѣпленіи предъ городомъ; пробился до воротъ, но уязвленный стрѣлою въ сердце, палъ на землю. Воины принесли его въ станъ едва живаго. Сей случай спасъ городъ: ибо Великій Князь, видя страданіе любимаго, мужественнаго племянника, не могъ ревностно заниматься осадою, и въ десятый день, заключивъ миръ съ жителями, отступилъ къ ладіямъ, гдѣ Бѣлозерцы до его прибытія одержали побѣду надъ соединенными жителями трехъ городовъ Болгарскихъ, хотѣвшихъ истребить суда Россіянъ. Тамъ Изяславъ скончался, и Всеволодъ съ горестію возвратился въ столицу, отправивъ конницу въ Владиміръ чрезъ землю Мордвы (нынѣшнюю Симбирскую и Нижегородскую Губерніи).

Народъ Литовскій.

Въ сіе время Россія западная узнала новыхъ враговъ, опасныхъ и жестокихъ. Народъ Литовскій, въ теченіе ста-пятидеся-

ти лѣтъ подвластный ея Князьямъ, дикій, бѣдный, платилъ имъ дань шкурами, даже лыками и вѣниками (65). Непрестанныя наши междоусобія, раздѣленіе земли Кривской и слабость каждаго Удѣла въ особенности дали способъ Литовцамъ не только освободиться отъ зависимости, но и тревожить набѣгами области Россійскія. Трубя въ длинныя свои трубы, они садились на борзыхъ лѣсныхъ коней и какъ лютые звѣри стремились на добычу: жгли селенія, плѣняли жителей, и настигаемые отрядами воинскими, не хотѣли биться стѣною: разсыпаясь во всѣ стороны, пускали стрѣлы издали, метали дротики, исчезали и снова являлись. Такъ сіи грабители, не смотря на зимній холодъ, ужасно опустошили Псковскую область. Новогородцы, не успѣвъ защитить ее, винили въ томъ своего Князя, Ярослава Владиміровича, и на его мѣсто—кажется,
Г. 1184. съ согласія Всеволодова — призвали къ себѣ изъ Смоленска Давидова сына, Мстислава (66).

Въ Россіи южной Князья соединили силы, чтобы смирить Половцевъ: Святославъ Кіевскій, Рюрикъ съ двумя племянниками (67), Владиміръ Переяславскій (внукъ Долгорукаго), Глѣбъ Юрьевичь Туровскій (правнукъ Святополка-Михаила) съ братомъ Ярославомъ Пинскимъ, Всеволодъ и Мстиславъ, сыновья Ярослава Луцкаго, Мстиславъ Всеволодковичь Городненскій и дружина Галицкаго. Они пять дней искали варваровъ за Днѣпромъ.

Война съ Половцами.

Князь Владимiръ, начальникъ передоваго отряда, вступилъ въ битву съ Половцами. „Мнѣ „должно наказать ихъ за разоренiе моей „Переяславской области,“ сказалъ онъ старѣйшему изъ Князей, Святославу Кiевскому, и смѣло устремился на многочисленныя толпы непрiятелей, которые заранѣе обрекли его и всѣхъ нашихъ Воеводъ своими плѣнниками; но устрашенные однимъ грознымъ видомъ полку Владимiрова, бѣжали въ степи. Г. 1185. 30 Iюля. Россiяне на берегахъ Угла или Орели взяли 7000 плѣнныхъ (и въ томъ числѣ 417 Князьковъ), множество коней Азiатскихъ и всякаго оружiя. Славный свирѣпостiю Ханъ Половецкiй, Кончакъ, былъ также разбитъ ими близъ Хороля, не смотря на его самострѣльные, необыкновенной величины луки, (едва натягиваемые пятидесятью воинами) и на искусство бывшаго съ нимъ *Бесерменина* или Харазскаго Турка, *стрѣлявшаго живымъ огнемъ*, какъ сказано въ лѣтописи (68): вѣроятно *Греческимъ*, а можетъ быть и порохомъ. Огнестрѣльное оружiе. Кiевляне догнали сего хитреца въ бѣгствѣ и представили Святославу со всѣми его снарядами, но кажется, не воспользовались оными.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ торжество Россiянъ обратилось въ горесть. Бѣдствiе Игоря. Князья Сѣверскiе, Игорь Новогородскiй, братъ его Всеволодъ Трубчевскiй, и племянникъ ихъ (69), не имѣвъ участiя въ побѣдахъ Святослава, завидовали имъ, и хотѣли еще важнѣйшихъ;

Апрѣля 13. взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговскаго такъ называемыхъ *Ковуевъ* — единоплеменныхъ, какъ вѣроятно, съ Черными Клобуками — и пошли къ Дону. Случив-
Маія 1. шееся тогда затмѣніе солнца казалось ихъ Боярамъ предзнаменованіемъ несчастнымъ. „Друзья и братья!" сказалъ Игорь: „тай„ны Божественныя никому не свѣдомы, „а намъ не миновать своего рока." Онъ переправился за Донецъ. Всеволодъ, братъ Игоревъ, шелъ изъ Курска инымъ путемъ: соединясь на берегахъ Оскола, войско обратилось къ Югу, къ рѣкамъ Дону и Салу, ѳеатру блестящихъ побѣдъ Мономаховыхъ (70). Кочующіе тамъ варвары извѣстили своихъ единоплеменниковъ о сей новой грозѣ, представляя имъ, что Россіяне, дерзнувъ зайти столь далеко, безъ сомнѣнія хотятъ совершенно истребить весь родъ ихъ. Половцы ужаснулись, и безчисленными толпами двинулись отъ самыхъ дальнихъ береговъ Дона на встрѣчу смѣлымъ Князьямъ. Люди благоразумные говорили Игорю: „Князь! „непріятели многочисленны; удалимся: те„перь не наше время." Игорь отвѣтствовалъ: „Мы будемъ осмѣяны, когда, „не обнаживъ меча, возвратимся; а стыдъ „ужаснѣе смерти." Въ первой битвѣ Россіяне остались побѣдителями, взяли станъ непріятелей, ихъ семейства; ликовали въ завоеванныхъ вежахъ и говорили другъ другу: „Что скажутъ теперь наши братья и Свя-

,,тославъ Кіевскій? Они сражались съ Половцами еще *смотря на Переяславль*, и не ,,смѣли итти въ ихъ землю; а мы уже въ ,,ней, скоро будемъ за Дономъ и далѣе въ ,,странахъ приморскихъ, гдѣ никогда не бывали отцы наши; истребимъ варваровъ и ,,пріобрѣтемъ славу вѣчную.“ Сія гордость витязей мужественныхъ, но малоопытныхъ и неосторожныхъ, имѣла для нихъ самыя гибельныя слѣдствія. Разбитые Половцы соединились съ новыми толпами, отрѣзали Россіянъ отъ воды, и въ ожиданіи еще большей помощи, не хотѣли сразиться *копьями*, три дни дѣйствуя однѣми *стрѣлами*. Число варваровъ безпрестанно умножалось. Наконецъ войско нашихъ Князей открыло себѣ путь къ водѣ: тамъ Половцы со всѣхъ сторонъ окружили его. Оно билось храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ раненный Игорь ѣздилъ на конѣ, ободряя ихъ, и снявъ съ себя шлемъ, чтобы они видѣли его лице и тѣмъ великодушнѣе умирали. Всеволодъ, братъ Игоревъ, оказалъ рѣдкое мужество, и наконецъ остался безъ оружія, изломавъ свое копіе и мечь. Почти никто не могъ спастися: всѣ легли на мѣстѣ или съ Князьями были отведены въ неволю. Въ Россіи узнали о семъ бѣдствіи, случившемся на берегахъ Каялы (нынѣ Кагальника), отъ нѣкоторыхъ купцевъ, тамъ бывшихъ. ,,Скажите въ Кіевѣ“ (говорили имъ Половцы),

,,что мы теперь можемъ обмѣняться плѣн-,,никами.“ Князья, Вельможи, народъ оплакивали несчастныхъ; многіе лишились братьевъ, отцевъ, ближнихъ сродниковъ. Святославъ Кіевскій ѣздилъ тогда въ Карачевъ (71); на возвратномъ пути услышавъ печальную вѣсть, залился слезами и сказалъ: ,,я жаловался на ,,легкомысліе Игоря: теперь еще болѣе жалу-,,юсь на его злосчастіе.“ Онъ собралъ Князей подъ Каневымъ, но распустилъ ихъ, когда Половцы, боясь сего ополченія, удалились отъ границъ Россіи. Не хотѣвъ итти по слѣдамъ Владѣтелей Сѣверскихъ, чтобы не имѣть той же участи, Святославъ былъ причиною новыхъ бѣдствій: ибо варвары, успокоенные его робостію, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы, осадили Переяславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичъ встрѣтилъ ихъ подъ стѣнами и бился какъ Герой; кровь текла изъ ранъ его; дружина ослабѣвала. Видя опасность Князя любимаго, всѣ граждане вооружились и едва спасли Владиміра, уязвленнаго тремя копьями (72). Половцы, взявъ городъ *Римъ* или нынѣшній Ромень, опустошивъ множество селъ близъ Путивля и напомнивъ Россіянамъ бѣдственныя времена Всеволода I или Святополка-Михаила, ушли, обремененные плѣнниками, въ свои вежи. Но, къ утѣшенію Сѣверянъ, Игорь Святославичь возвратился. Онъ жилъ въ неволѣ подъ надзираніемъ благосклоннаго къ нему Хана Кончака;

Мужество Владиміра.

имѣлъ при себѣ слугъ, Священника, и могъ забавляться ястребиною охотою. Одинъ изъ Половцевъ, именемъ Лаверъ, вызвался бѣжать съ нимъ въ Россію. Князь Игорь отвѣтствовалъ: ,,я могъ уйти во время битвы, но не хотѣлъ обезславить себя бѣгствомъ; не хочу и теперь.“ Однакожъ, убѣжденный совѣтомъ вѣрнаго своего Конюшаго, Игорь воспользовался темнотою ночи и сномъ варваровъ, упоенныхъ крѣпкимъ кумысомъ; сѣлъ на коня, и въ 11 дней пріѣхалъ благополучно въ городъ Донецъ (73). Сынъ его Владиміръ, оставленный имъ въ плѣну, женился тамъ на дочери Хана Кончака и возвратился къ отцу черезъ два года, вмѣстѣ съ дядею Всеволодомъ (коего называютъ Лѣтописцы Героемъ, или, по ихъ словамъ, *удалѣйшимъ* изъ всѣхъ Ольговичей, величественнымъ наружностію, любезнымъ душею). Сія гибель дружины Сѣверской, плѣнъ Князей и спасеніе Игоря описаны со многими обстоятельствами въ особенной древней, исторической повѣсти, украшенной цвѣтами воображенія и языкомъ Стихотворства. Герой Всеволодъ.

Въ теченіе слѣдующихъ осьми лѣтъ Половцы то мирились, то воевали съ Россіянами, имѣя успѣхъ и неудачи (74). Сіи маловажныя сшибки не представляютъ ничего достопамятнаго для Исторіи. Одинъ сынъ Рюриковъ, юный Ростиславъ, отличался въ оныхъ мужествомъ и былъ грозою варваровъ, предводительствуя Торками и Берендѣями,

Торки и Берендѣи. иногда вѣрными стражами областей Кіевскихъ, иногда измѣнниками: такъ ихъ знаменитый чиновникъ или Князекъ, именемъ Кунтувдѣй, оскорбленный Святославомъ, ушелъ къ Половцамъ, и долго грабилъ съ ними села Днѣпровскія. Чтобы обезоружить сего храбраго наѣздника, Рюрикъ далъ ему городокъ Дверенъ на берегахъ Роси. Народъ благословлялъ согласіе Рюрика съ Святославомъ, которые единодушно дѣйствовали для его внѣшней безопасности. Первый, женатый на сестрѣ Князей Пинскихъ или Туровскихъ, правнукѣ Святополка - Михаила, старался быть защитникомъ и сего края: онъ ходилъ съ войскомъ на Литву, какъ бы предвидя, что она будетъ для нашего отечества еще опаснѣе Половцевъ.

Междоусобіе Князей Рязанскихъ нарушило внутренній миръ и спокойствіе въ Россіи восточной. Глѣбовичи Романъ, Игорь, Владиміръ, умышляли на жизнь меньшихъ братьевъ, Всеволода и Святослава, сперва тайно, а наконецъ осадили ихъ въ Пронскѣ (75). Великій Князь былъ занятъ тогда новымъ походомъ рати своей на Болгаровъ; когда же Воеводы его возвратились оттуда съ добычею и съ плѣнниками, онъ рѣшился прекратить вражду злобныхъ братьевъ. Напрасно Послы его благоразумно представляли имъ, что добрые Россіяне и единокровные должны извлекать мечь только на враговъ иноплеменныхъ. Романъ, Игорь, Владиміръ, от-

Г. 1186 — 1187. Междоусобіе въ Рязани.

вѣтствовали гордо, что они не имѣютъ нужды въ совѣтахъ и хотятъ быть независимы. Обольщенный ими, Святославъ измѣнилъ меньшему брату, Всеволоду, бывшему у Великаго Князя, и сдалъ имъ Пронскъ, гдѣ находилось 300 человѣкъ дружины Владимірской. Романъ взялъ ихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ женою, дѣтьми, Боярами Всеволода Глѣбовича. Сіи безразсудные мятежники скоро увидѣли опасность, и старались умилостивить Великаго Князя. Они склонили Черниговскаго Епископа Порфирія, (коего Епархія заключала въ себѣ и Рязанскую область) быть ихъ ходатаемъ; Послы Святослава Кіевскаго и брата его также находились въ Владимірѣ для сего дѣла. Но Порфирій худо исполнилъ священную обязанность миротворца; дѣйствовалъ какъ перевѣтникъ, раздражилъ Всеволода Георгіевича коварствомъ своимъ и тѣмъ умножилъ зло: ибо Великій Князь огнемъ и мечемъ опустошилъ землю Рязанскую, держась правила, какъ говорятъ Лѣтописцы, что „война *славная* лучше мира постыднаго (76).“ Г. 118.

Сей годъ достопамятенъ кончиною Ярослава Владимірковича Галицкаго и важными ея слѣдствіями. Подобно отцу господствуя отъ горъ Карпатскихъ до устья Серета и Прута, онъ имѣлъ истинныя государственныя добродѣтели, рѣдкія въ тогдашнія времена: не искалъ завоеваній, но, довольствуясь своею немалою областію, пекся о бла- Добродѣтели Ярослава Галицкаго.

годенствіи народа, о цвѣтущемъ состояніи городовъ, земледѣлія; для того любилъ тишину, вооружался единственно на обидящихъ и посылалъ рать съ Боярами, думая, что дѣла гражданскія еще важнѣе воинскихъ для Государя; нанималъ полки иноплеменниковъ, и спасая тѣмъ подданныхъ отъ кровопролитія, не жалѣлъ казны. Въ 1173 году онъ нанялъ у Поляковъ войско за 3000 гривенъ серебра (77): успѣхи торговли и мирной промышлености доставляли ему способъ быть щедрымъ въ такихъ случаяхъ. Союзникъ Греческаго Императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андроника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по коему Россіяне прозвали его *Осьмомысломъ*. Сей миролюбивый Князь не находилъ мира только въ нѣдрахъ семейства и не могъ жить въ согласіи ни съ супругою, ни съ сыномъ: первая рѣшилась навсегда съ нимъ разстаться и (въ 1181 году) скончалась Монахинею въ Владимірѣ Суздальскомъ у Всеволода, ея брата (78); а сынъ Ярославовъ, въ третій разъ изгнанный отцемъ, напрасно искавъ пристанища у Князей Волынскихъ, Смоленскаго, даже у Великаго Князя, жилъ два года въ Путивлѣ у своего зятя, Игоря Сѣверскаго, и хотя наконецъ, посредствомъ Игорева старанія, примирился съ отцемъ, но имѣя склонности

развратныя, непрестанно огорчалъ его. Тѣмъ болѣе Ярославъ любилъ меньшаго, побочнаго сына, именемъ Олега, прижитаго имъ съ несчастною Анастасіею. Готовясь къ смерти, онъ три дни прощался со всѣми: Бояре, Духовные, граждане, самые нищіе тѣснились во дворцѣ къ одру умирающаго. Изъявивъ чувства набожныя и Христіанскія, смиреніе предъ Богомъ и людьми; назначивъ богатые вклады въ церкви, въ монастыри, и велѣвъ раздать часть казны бѣднымъ, Ярославъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ Олега: Владиміра же наградилъ только Перемышлемъ, взявъ съ него и съ Бояръ клятву исполнить сіе завѣщаніе. Но Бояре, едва предавъ землѣ тѣло Государя, изгнали Олега (ушедшаго къ Рюрику въ Овручь), и возвели Владиміра на престолъ.

Г. 1188. Слабости и бѣдствіе Князя Владиміра.

Они раскаялись: ибо новый Государь, имѣя отвращеніе отъ дѣлъ, пилъ день и ночь, презиралъ уставы Церкви и нравственности, женился вторымъ бракомъ на Попадьѣ; сверхъ того, удовлетворяя гнусному любострастію, безчестилъ дѣвицъ и супругъ Боярскихъ. Негодованіе сдѣлалось общимъ; въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ народъ жаловался громогласно. Въ сосѣдственной области Владимірской господствовалъ тогда Князь знаменитый мужествомъ, умомъ, дѣятельностію, Романъ Мстиславичь, который еще въ лѣтахъ нѣжной юности, подъ стѣнами Новагорода, смиривъ гордость Андрея Боголюб-

скаго, заслужилъ шѣмъ вниманіе Россіянъ. Многими блестящими свойствами достойный своего предка, Мономаха, онъ, къ несчастію, жертвовалъ властолюбію правилами добродѣтели, и будучи сватомъ Владиміру, веселился его распутствомъ и народнымъ озлобленіемъ, ибо думалъ воспользоваться слѣдствіями онаго. Имѣя тайную связь съ Галицкими Вельможами, Романъ хотѣлъ открыть себѣ путь къ тамошнему престолу и совѣтовалъ имъ свергнуть Князя столь порочнаго. Сіи внушенія не остались безъ дѣйствія. Волненіе и шумъ въ столицѣ пробудили усыпленнаго нѣгою Владиміра. Дворъ Княжескій наполнился людьми; но заговорщики, не увѣренные въ согласіи добрыхъ, терпѣливыхъ гражданъ, опасались возложить руку на Государя, и зная его малодушіе, послали сказать ему, чтобы онъ избралъ супругу достойнѣйшую, выдалъ имъ Попадью для казни, правительствовалъ какъ должно или готовился къ слѣдствіямъ весьма несчастнымъ. Ихъ желаніе исполнилось: то есть, устрашенный Владиміръ бѣжалъ въ Венгрію съ женою, двумя сыновьями и наслѣдственными сокровищами. Бояре призвали Романа княжить въ Галичѣ.

Властолюбіе Романа.

Плоды льстивыхъ внушеній и коварства оказались непрочными для сего властолюбиваго Князя. Бела, Король Венгерскій, не уступая ему въ коварствѣ, осыпалъ Владиміра ласками, дружескими увѣреніями, и немедлен-

но выступилъ къ Галичу со всѣми силами, чтобы смирить мятежныхъ подданныхъ, какъ говорилъ онъ, и возвратить престолъ изгнаннику. Давно Короли Венгерскіе, бывъ и друзьями и непріятелями мужественныхъ, умныхъ Князей Галицкихъ, отъ Василька до Ярослава, завидовали ихъ странѣ плодоносной, богатой также минералами и въ особенности солью, которая издревле шла въ южную Россію и въ сосѣдственныя земли: Бела обрадовался случаю присоединить такую важную область къ Венгріи. Еще Романъ не утвердился на новомъ престолѣ; многіе граждане и Вельможи ему не доброхотствовали, ибо опасались его крутаго нрава и гордаго самовластія. Свѣдавъ, что Венгры сходятъ съ горъ Карпатскихъ, онъ успѣлъ только захватить казну и выѣхалъ изъ Галича съ Боярами, ему преданными. Король безъ сопротивленія вошелъ въ столицу. Уже Владиміръ, изъявляя благодарность добрымъ союзникамъ, думалъ, что они хотятъ итти обратно; но вѣроломный Бела вдругъ объявилъ своего сына, Андрея, *Королемъ Галицкимъ*, съ согласія легкомысленныхъ Бояръ, обольщенныхъ его увѣреніями, что Андрей будетъ царствовать по ихъ уставамъ и волѣ. Сего недовольно: Бела, отнявъ у Владиміра и сокровища и свободу, возвратился съ нимъ въ Венгрію какъ съ плѣнникомъ.

Вѣроломство Короля Венгерскаго.

Коварство Белы торжествовало: Романово было наказано. Сей Князь, позванный господствовать въ Галичѣ, уступилъ область Владимірскую брату, Всеволоду Мстиславичу Бельзскому, и хотѣлъ опять въѣхать въ свой городъ наслѣдственный; но Всеволодъ затворилъ ворота и велѣлъ ему сказать: „я „здѣсь Князь, а не ты!“ Изумленный Романъ — лишась такимъ образомъ и пріобрѣтенной и собственной области — искалъ защиты у Рюрика и Ляховъ. Первый былъ ему тестемъ, а Государь Польскій, Казиміръ Справедливый, дядею по матери. Братъ Казимировъ, Мечиславъ Старый, безъ успѣха приступалъ къ Владиміру, желая возвратить сей городъ любимому ими племяннику. Безъ успѣха также ходилъ Романъ съ дружиною тестя въ землю Галицкую: жители и Венгры отразили его. Наконецъ Рюрикъ угрозами принудилъ Всеволода Мстиславича отдать Владимірское Княженіе старшему брату.

Князья наши не думали вступиться за несчастнаго Владиміра Галицкаго — посаженнаго Королемъ Белою въ каменную башню,— но съ прискорбіемъ видѣли иноплеменниковъ господами прекраснѣйшей изъ областей Россійскихъ. Между тѣмъ хитрый Бела, имѣя дружелюбныя сношенія съ Святославомъ Кіевскимъ, старался увѣрить его въ своемъ
Г. 1189. безкорыстіи, и даже обѣщалъ со временемъ отдать ему Галичь; а Святославъ, вопреки

условіямъ тѣснаго союза, заключеннаго имъ съ Рюрикомъ, тайно послалъ одного изъ сыновей къ Королю для переговоровъ. Рюрикъ свѣдалъ и досадовалъ. Принявъ совѣтъ Митрополита, они согласились-было изгнать Венгровъ изъ Галича; но Святославъ, уступая Рюрику сіе Княженіе, требовалъ Овруча, Бѣлагорода и всѣхъ другихъ областей Днѣпровскихъ. Рюрикъ не хотѣлъ того, и Галичъ остался за Венграми, впрочемъ не надолго.

Сынъ Князя Іоанна Берладника, умершаго въ Ѳессалоникѣ, двоюродный племянникъ Ярослава Галицкаго, именемъ Ростиславъ, подобно отцу скитался изъ земли въ землю и нашелъ пристанище въ Смоленскѣ. Онъ имѣлъ друзей въ отечествѣ, гдѣ народъ, неохотно повинуясь иноземнымъ властителямъ, и нѣкоторые Бояре желали видѣть его на престолѣ. По согласію съ ними Ростиславъ, уѣхавъ отъ Давида Смоленскаго, съ малымъ числомъ воиновъ явился предъ стѣнами Галича, въ надеждѣ, что всѣ граждане къ нему присоединятся. Но Андрей оградилъ себя полками Венгерскими, взялъ съ жителей, волею и неволею, присягу въ вѣрности и вообще такія мѣры, что сынъ Берладниковъ, вмѣсто друзей, встрѣтилъ тамъ однихъ враговъ многочисленныхъ. Видя неудачу, измѣну или робость Галичанъ, Ростиславъ не думалъ спасаться бѣгствомъ; сказалъ дружинѣ: „лучше умереть въ своемъ

Благородство сына Берладникова.

„отечествѣ, нежели скитаться по чужимъ „землямъ; предаю суду Божію тѣхъ, кото-„рые меня обманули" — и бросился въ средину непріятелей. Тяжело раненный, онъ упалъ съ коня и былъ привезенъ въ столицу, гдѣ народъ, тронутый его жалостною судьбою, хотѣлъ возвратить ему свободу. Чтобы утишить мятежъ, Венгры, какъ сказано въ лѣтописи, приложили *смертное зеліе* къ язвѣ Ростислава, и сей несчастный Князь, достойный лучшей доли, скончался, имѣвъ только время удостовѣриться въ народной къ нему любви; а граждане, изъявивъ оную, раздражили своего Короля. Правленіе Андреево, дотолѣ благоразумное, снисходительное, обратилось въ насиліе. Венгры мстили Галичанамъ какъ измѣнникамъ, нагло и неистово: отнимали женъ у супруговъ, ставили коней въ домы Боярскіе, въ самыя церкви; позволяли себѣ всякаго рода злодѣйства. Народъ вопилъ, съ нетерпѣніемъ ожидая случая избавиться отъ ига: онъ представился.

Владиміръ Галицкій, заключенный съ женою и съ дѣтьми у Короля Венгерскаго, нашелъ способъ уйти: изрѣзалъ шатеръ, поставленный для него въ башнѣ, свилъ изъ холста веревки, спустился по онымъ внизъ, и бѣжалъ къ Нѣмецкому Императору, Фридерику Барбаруссѣ. Такъ сынъ Ярослава Великаго искалъ нѣкогда покровительства Императора Генрика IV; но привезъ сокровища въ Германію, а Владиміръ могъ толь-

К. Владиміръ въ Имперіи.

ко обѣщать, и дѣйствительно вызвался ежегодно платить Фридерику 2000 гривенъ серебра, буде его содѣйствіемъ отнимет Галичь у Венгровъ. Императоръ — неизвѣстно, какимъ образомъ — зналъ Великаго Князя Суздальскаго и весьма ласково принялъ Владиміра, слыша, что онъ сынъ Всеволодовой сестры. Хотя, занятый тогда важнымъ намѣреніемъ ратоборствовать въ Палестинѣ съ Героемъ Востока, Саладиномъ, Фридерикъ не могъ послать войска къ берегамъ Днѣстра, однакожъ далъ Владиміру письмо къ Казимиру Справедливому, которое имѣло счастливое для изгнанника дѣйствіе: ибо сей Монархъ Польскій, завидуя Венграмъ въ пріобрѣтеніи земли Галицкой, и вѣдая, сколь ихъ господство противно ея жителямъ, не отказался отъ предлагаемой ему чести быть покровителемъ несчастнаго Князя, вѣроломно обманутаго Белою, и народа угнетеннаго; надѣялся на Галичанъ, и не обманулся. Бывъ недовольны правленіемъ Владиміровымъ, они еще гораздо болѣе ненавидѣли Венгровъ; и когда услышали, что сей Князь съ Воеводою Краковскимъ, знаменитымъ Николаемъ, идетъ къ ихъ границамъ: то всѣ единодушно возстали, изгнали Андрея и встрѣтили Владиміра съ радостію; а Белѣ остался стыдъ и титулъ *Короля Галицкаго*, съ 1190 года употребляемый въ его грамотахъ (79). Еще не миновались опасности для Владиміра: худо вѣря безкорыстію По- Г. 1190. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича.

ляковъ, боясь Венгровъ, Романа Волынскаго и собственнаго народа, онъ прибѣгнулъ къ дядѣ, Великому Князю, не хотѣвъ дотолѣ искать въ немъ милости; смиренно винился, обѣщалъ исправиться, и писалъ къ нему: ,,Будь ,,моимъ отцемъ и Государемъ: я Божій и ,,твой со всѣмъ Галичемъ; желаю тебѣ по- ,,виноваться, но только тебѣ одному.‟ Сіе покровительство, согласное съ долгомъ родства, было лестно и для гордости Всеволода, который, взявъ оное на себя, извѣстилъ о томъ всѣхъ Князей Россійскихъ и Казимира: послѣ чего Владиміръ могъ безопасно господствовать до самой смерти.

Чтимый внутри и внѣ Россіи, Всеволодъ хотѣлъ искренняго взаимнаго дружелюбія Князей, и старался утвердить оное новымъ свойствомъ, выдавъ дочь свою за племянника Святославова, — другую, именемъ Верху-
г. 1187—1195. Браки. славу, за Рюриковича, мужественнаго Ростислава, а сына своего Константина, еще десятилѣтняго, женивъ на внукѣ умершаго Романа Смоленскаго (80). Юность лѣтъ не препятствовала брачнымъ союзамъ, коихъ требовала польза государственная. Верхуслава также едва вступила въ возрастъ отроковицы, когда родители послали ее къ жениху въ Бѣлгородъ. Сія свадьба была одною изъ великолѣпнѣйшихъ, о коихъ упоминается въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ. За невѣстою пріѣзжали въ Владиміръ шуринъ Рюриковъ, Глѣбъ Туровскій, и знатнѣйшіе Бо-

ярѣ съ супругами, щедро одаренные Всеволодомъ. Отмѣнно любя Верхуславу, отецъ и мать дали ей множество золота и серебра; сами проводили милую, осьмилѣтнюю дочь до третьяго стана и со слезами поручили сыну Всеволодовой сестры, который долженъ былъ, вмѣстѣ съ первыми Боярами Суздальскими, везти невѣсту. Въ Бѣлгородѣ Епископъ Максимъ совершалъ обрядъ вѣнчанія, и болѣе двадцати Князей пировали на свадьбѣ. Рюрикъ, слѣдуя древнему обычаю, въ знакъ любви отдалъ снохѣ городъ Брагинъ. Сей Князь, тесть Игорева сына, жилъ въ мирѣ со всѣми Ольговичами, и въ случаѣ споровъ о границахъ или Удѣлахъ прибѣгалъ къ посредству Всеволодову. Такъ Святославъ (въ 1190 году) желалъ присвоить себѣ часть Смоленскихъ владѣній; но Рюрикъ и Давидъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ обезоружили его, представляя, что онъ взялъ Кіевъ съ условіемъ не требовать ничего болѣе и забыть споры, бывшіе при Великомъ Князѣ Ростиславѣ; что ему остается или исполнить договоръ или начать войну. Святославъ далъ имъ слово впредь не нарушать мира, и сдержалъ оное, довольный честію первенства между Князьями южной Россіи. Уступивъ Черниговъ брату, Ярославу Всеволодовичу, а Рюрику знатную часть Кіевской области, не имѣя ни Переяславля, ни Волыніи, онъ не могъ равняться силою съ древними Великими Князь-

Временная независимость Кіева.

ями, но подобно имъ именовался Великимъ и возстановилъ независимость Кіева. Всеволодъ Георгіевичъ уважалъ въ Святославѣ опытнаго старца (власы сѣдые были тогда правомъ на почтеніе людей); предвидя его близкую кончину, удерживалъ до времени свое властолюбіе и терпѣлъ нѣкоторую зависимость могущественной области Суздальской отъ Кіева по дѣламъ церковнымъ. Вмѣстѣ съ народомъ или знаменитыми гражданами избирая Епископовъ для Ростова, Суздаля, Владиміра, но посылая ихъ ставиться къ Митрополиту Никифору, преемнику Константинову, онъ всегда отправлялъ Пословъ и къ Святославу, требуя на то его Княжескаго соизволенія (81): ибо власть духовная была тѣсно связана съ гражданскою, и Митрополитъ дѣйствовалъ согласно съ желаніемъ Государя. Никифоръ хотѣлъ нарушить сей уставъ въ Россіи, самовластно посвятивъ въ Епископы Суздалю одного Грека; но Всеволодъ не принялъ его, и Митрополитъ поставилъ иного назначеннаго Великимъ Княземъ и одобреннаго Святославомъ. — Между тѣмъ, желая приближиться къ древней столицѣ, Всеволодъ возобновилъ городъ Остеръ, разрушенный Изяславомъ Мстиславичемъ (82): Тіунъ Суздальскій пріѣхалъ туда властвовать именемъ Князя. Южный Переяславль также зависѣлъ отъ Всеволода, который отдалъ его, по смерти Владиміра Глѣбовича, другому племяннику, Ярославу Мстиславичу. Вся *Украйна*, по сло

вамъ Лѣтописца, оплакала сего мужественнаго Владиміра, ужаснаго для Половцевъ, добраго, безкорыстнаго, любившаго Дружину и любимаго ею.

Добродѣтели Владиміра Глѣбовича.

Когда почти вся Россія наслаждалась тишиною, Смоленская и Новогородская область представляютъ намъ ужасы мятежа и картину воинской дѣятельности. Давидъ Ростиславичь, господствуя въ Смоленскѣ, не былъ любимъ народомъ. Не имѣя твердыхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на опытѣ вѣковъ, Князья и подданные въ нашемъ древнемъ отечествѣ часто дѣйствовали по внушенію страстей; сила казалась справедливостію: иногда Государь, могущественный усердіемъ и мечами Дружины, угнеталъ народъ; иногда народъ презиралъ волю Государя слабаго. Неясность взаимныхъ правъ служила поводомъ къ мятежамъ, и Смоляне, однажды изгнавъ Князя (83), хотѣли и вторично утвердить народную власть такимъ же дѣломъ. Но Давидъ былъ смѣлъ, рѣшителенъ; не уступилъ гражданамъ и не жалѣлъ ихъ крови; казнилъ многихъ и возстановилъ порядокъ.

Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ.

Сынъ Давидовъ, Мстиславъ, года два княжилъ спокойно въ Новѣгородѣ; вмѣстѣ съ отцемъ ходилъ воевать Полоцкую область и заключилъ миръ съ ея жителями, которые встрѣтили ихъ на границѣ съ дарами (84). При семъ же Князѣ Новогородцы, опустошивъ часть Финляндіи, привели оттуда многихъ

пл҃нниковъ. Но духъ раздора не замедлилъ обнаружиться въ Республикѣ: народъ возненавидѣлъ нѣкоторыхъ знатныхъ гражданъ, осудилъ на смерть, бросилъ съ моста въ Волховъ. Юный Мстиславъ не предупредилъ зла, и казался слабымъ. Въ вину ему поставили, можетъ быть, и гибель чиновниковъ, ѣздившихъ тогда для собранія дани въ Заволочье, въ страну Печорскую и Югорскую, гдѣ Новгородъ господствовалъ и давалъ законы народамъ полудикимъ, богатымъ драгоцѣнными звѣриными кожами: сіи чиновники и товарищи ихъ были убиты жителями, хотѣвшими освободиться отъ ига Россіянъ. Въ слѣдствіе того и другаго происшествія Новогородцы изгнали Мстислава, прибѣгнули опять ко Всеволоду, и желали вторично имѣть Княземъ свояка его, Ярослава Владиміровича. Тѣснѣйшая связь съ могущественнымъ Государемъ Суздальскимъ обѣщала имъ столь важныя выгоды для внутренней торговли, что они согласились забыть прежнюю досаду на Ярослава, и цѣлыя девять лѣтъ терпѣли его какъ въ счастливыхъ, такъ и въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Первый годъ Ярославова княженія, или 1188, ознаменовался чрезвычайною хлѣбною дороговизною (четверть ржи стоила болѣе двухъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) и важною ссорою съ Варягами, Готландцами и другими народами Скандинавскими Новогородцы задержали ихъ купцевъ, разослали по темни-

Ссора съ Варягами.

цамъ; не пустили своихъ за море; отправили назадъ Пословъ Варяжскихъ и не хотѣли съ ними договариваться о мирѣ. Шведскіе Лѣтописцы сказываютъ, что въ сей годъ Россіяне, соединясь съ жителями Эстоніи и Корелами, приходили на судахъ въ окрестности Штокгольма, убили Архіепископа Упсальскаго, взяли 14 Іюля древній торговый городъ Шведскій Сигтуну, опустошили его такъ, что онъ уже навѣки утратилъ свое прежнее цвѣтущее состояніе, и вмѣстѣ со многими драгоцѣнностями похитили серебряныя церковныя врата, которыми украсилась Соборная церковь Новогородская (85). Недовольные тогда Варягами, Новогородцы могли возбудить Эстонцевъ къ опустошенію приморской Швеціи; могли дать имъ и нѣкоторыхъ воиновъ: но участіе Россіянъ въ семъ предпріятіи безъ сомнѣнія было не важно, когда современные Лѣтописцы наши о томъ не упоминаютъ, описывая обстоятельно малѣйшія военныя дѣйствія ихъ времени; на примѣръ, какъ Псковитяне (въ 1190 году) разбили сихъ самыхъ Эстонцевъ, которые на семи *шнекахъ* или судахъ приходили грабить въ окрестностяхъ тамошняго озера; какъ Новогородцы съ Корелами (въ 1191 году) воевали бѣдную землю Финновъ, жгли тамъ селенія, истребляли скотъ. Тогда же Ярославъ Владиміровичь, имѣвъ на границѣ свиданіе съ Князьями Кривскими или Полоцкими, согласился вмѣстѣ съ ними ит-

Воинскія подвиги.

ти зимою на Литву или Чудь; богато одаренный союзниками, возвратился въ Новгородъ, и по условію вступивъ въ Ливонскую землю, взялъ Дерптъ, множество плѣнниковъ и всякаго роду добычи. Въ слѣдующій годъ, лѣтомъ, сей Князь самъ остался во Псковѣ, а Дворъ его, или дружина, съ отрядомъ Псковитянъ завоевали *Медвѣжью голову* или Оденпе, распространивъ огнемъ и мечемъ ужасъ въ окрестностяхъ(86). Тогдашнее состояніе Чудскаго народа было самое несчастное: Россіяне, ссылаясь на древнія права свои, требовали отъ него дани, а Шведы перемѣны закона. Папа Александръ III торжественно обѣщалъ сѣвернымъ Католикамъ вѣчное блаженство, ежели язычники Эстонскіе признаютъ въ немъ Апостольскаго Намѣстника: съ Латинскою Библіею и съ мечемъ Шведы выходили на восточные берега моря Балтійскаго и наказывали идолопоклонниковъ за ихъ упорство въ заблужденіяхъ язычества. Россіяне — Новогородцы, Кривичи — изъявляли менѣе ревности къ обращенію невѣрныхъ и не хотѣли *насиліемъ* просвѣщать людей; но считали жителей Эстоніи и Ливоніи своими подданными, наказывая ихъ какъ мятежниковъ, когда они желали независимости. Въ сіе время, по сказанію древнѣйшаго Лѣтописца Ливонскаго, славился могуществомъ *Князь Полоцкій Владиміръ*: онъ господствовалъ до самаго устья Двины, и власть его

Бѣдствія Чуди.

надъ южною Чудскою землею была вообще столь извѣстна, что благочестивый старецъ Меингардъ, усердный Нѣмецкій Католикъ, пріѣхавъ около 1186 года съ купцами Нѣмецкими въ Ливонію, просилъ у него дозволенія мирно обращать тамошнихъ язычниковъ въ Христіанство (87): на что Владиміръ охотно согласился, и даже отпустилъ Меингарда съ дарами изъ Полоцка, не предвидя вредныхъ слѣдствій, которымъ скоро надлежало открыться для Россіянъ отъ властолюбія Папъ и Духовенства Римскаго. Меингардъ имѣлъ успѣхъ въ важномъ дѣлѣ своемъ, основалъ первую Христіанскую церковь въ Икскулѣ вмѣстѣ съ маленькою крѣпостію (не далеко отъ нынѣшней Риги); училъ язычниковъ Закону и военному искусству для ихъ безопасности; крестилъ волею и неволею; однимъ словомъ, утвердилъ тамъ Вѣру Латинскую.

Нѣмцы въ Ливоніи.

Новогородцы, желая отмстить народу Югорскому за убіеніе ихъ собирателей дани, въ 1193 году послали туда Воеводу съ дружиною довольно многочисленною. Жители, хотя свирѣпые обычаемъ и дикіе нравами, имѣли уже города. Воевода, взявъ одинъ изъ оныхъ, пять недѣль стоялъ подъ другимъ, терпя нужду въ съѣстныхъ припасахъ. Осажденные увѣряли его въ своей покорности, называли себя Новогородскими слугами, и нѣсколько разъ обѣщали вынести обыкновенную дань (88): *соболей, серебро* (что, какъ на-

Серебро Сибирское.

добно думать, получали они мѣною отъ дальнѣйшихъ народовъ Сибирскихъ). Неосторожный Воевода, приглашенный ими, въѣхалъ въ городъ съ двѣнадцатью чиновниками и былъ изрубленъ въ куски. Такую же участь имѣли и другіе 80 Россіянъ, вошедшіе за ними въ крѣпость. На третій день, Декабря 6, жители сдѣлали вылазку и почти совсѣмъ истребили осаждающихъ, изнуренныхъ голодомъ. Спаслося менѣе ста человѣкъ, которые, долгое время скитаясь по снѣжнымъ пустынямъ, не могли дать о себѣ никакой вѣсти Новогородцамъ, безпокойнымъ о судьбѣ ихъ, и возвратились уже чрезъ 8 мѣсяцевъ. Вмѣсто того, чтобы итти въ храмъ и благодарить Небо, спасшее ихъ отъ погибели, сіи несчастные вздумали судиться предъ народомъ, обвиняли другъ друга въ измѣнѣ, въ тайномъ сношеніи со врагами во время осады города Югорскаго. Дѣло, весьма неясное, кончилось убіеніемъ трехъ гражданъ и взысканіемъ пени съ иныхъ мнимыхъ преступниковъ.

Всеволодъ Суздальскій и Святославъ Кіевскій держали равновѣсіе Государства: Новгородъ, Рязань, Муромъ, Смоленскъ, нѣкоторыя области Волынскія и Днѣпровскія, подвластныя Рюрику, признавали Всеволода своимъ Главою: Ольговичи и Владѣтели Кривскіе повиновались Святославу, который, не смотря на то, чувствовалъ превосходство силъ на сторонѣ Великаго Князя; и слѣдуя

внушеніямъ благоразумія, свойственнаго опытной старости, не дерзалъ явно ему противоборствовать. Такъ, имѣя ссору о границахъ съ Князьями Рязанскими, и готовый вмѣстѣ съ другими Ольговичами объявить имъ войну, онъ не могъ начать ее безъ дозволенія Всеволодова (89); требовалъ онаго, не получилъ, и долженъ былъ мирно возвратиться изъ Карачева. На семъ пути Святославъ занемогъ, и чувствуя сильную боль въ ногѣ, лѣтомъ ѣхалъ въ саняхъ до рѣки Десны, гдѣ сѣлъ въ лодку; изъ Кіева немедленно отправился въ Вышегородъ: облилъ слезами раку Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба; хотѣлъ поклониться тамъ гробу отца своего, но видя дверь сего придѣла запертую, спѣшилъ возвратиться къ супругѣ. Онъ жилъ только недѣлю; могъ еще однажды выѣхать изъ дворца къ обѣднѣ, слабѣлъ, едва говорилъ и лежалъ наконецъ въ усыпленіи; за нѣсколько же часовъ до смерти вдругъ поднялся на одрѣ и спросилъ у супруги: когда будутъ Маккавеи? день, въ который умеръ отецъ его. Въ Понедѣльникъ, отвѣтствовала Княгиня. „И „такъ мнѣ не дожить!“ сказалъ онъ. Княгиня думала, что ему привидѣлся сонъ, и хотѣла знать оный. Святославъ не отвѣтствовалъ ей, громко читая: *вѣрую во единаго*; отправилъ гонца за Рюрикомъ, велѣлъ постричь себя въ Монахи и преставился . . . Непостоянный отъ юности, нѣко-

Г. 1194 — 1195.

Кончина и характеръ Святослава.

гда другъ и предатель Мстиславичей, Мономаховыхъ внуковъ; то врагъ, то союзникъ Долгорукаго и дядей своихъ, Черниговскихъ Владѣтелей; жертвуя истинными государственными добродѣтелями, справедливостію, честію, выгодамъ Политики личной; безсовѣстный въ отношеніи не только къ Мономахову потомству, но и къ своимъ единокровнымъ, сей Князь имѣлъ однакожь достоинства: умъ необыкновенный, цѣломудріе, трезвость, всю наружность усерднаго Христіанина и щедрость къ бѣднымъ. Имя Государя Кіевскаго, напоминая знаменитость древнихъ Князей Великихъ, доставляло ему уваженіе отъ Монарховъ сосѣдственныхъ. Бела Венгерскій искалъ его дружбы: сильный Казиміръ также. Женивъ сына, именемъ Всеволода Чермнаго, на дочери Казимировой (90), Маріи (скоро умершей Инокинею въ Кіевскомъ, ею основанномъ монастырѣ Св. Кирилла), Святославъ помолвилъ внуку, Евфимію, дочь Глѣбову, за Греческаго Царевича (можетъ быть, Исаакіева сына, Алексія IV), и не дожилъ до ея брака, успѣвъ единственно выслать Бояръ на встрѣчу къ Императорскимъ сановникамъ, ѣхавшимъ за невѣстою.

Княжна Евфимія за Греч. Царевичемъ.

Вѣроятно, что Рюрикъ уступилъ Святославу Кіевъ единственно по его смерть, и что Всеволодъ утвердилъ сей договоръ, извѣстный Князьямъ, Вельможамъ и гражда-

намъ. Любимый вообще за свою привѣтливость, Рюрикъ былъ встрѣченъ народомъ и Митрополитомъ со крестами; а Великій Князь прислалъ Бояръ возвести его на тронъ Кіевскій, желая тѣмъ ознаменовать зависимость онаго отъ Государей Суздальскихъ, хотя Рюрикъ, подобно Святославу, также назывался *Великимъ Княземъ* и самовластно располагалъ городами Днѣпровскими. Онъ звалъ къ себѣ брата, Давида Смоленскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ назначить Удѣлы своимъ сыновьямъ и Владиміровичамъ, внукамъ Мстислава Великаго. Давидъ провелъ для того нѣсколько дней въ Кіевѣ, посвященныхъ дѣламъ государственнымъ и весельямъ. Рюрикъ, сынъ его Ростиславъ Бѣлогородскій и Кіевляне давали ему пиры. Давидъ также угостилъ ихъ. Берендѣи, Торки, самые Монахи пировали у сего Князя; и между тѣмъ, какъ роскошь изливала свой тукъ на Княжескихъ трапезахъ, благотворительность не забывала и нищихъ. Обычай достохвальный: тогда не было праздника для богатыхъ безъ милостыни для бѣдныхъ. Вообще сіи народныя угощенія, обыкновенныя въ древней Россіи, уставленныя въ началѣ гражданскихъ обществъ и долго поддерживаемыя благоразуміемъ государственнымъ, представляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь, какъ истинный хозяинъ, подчивалъ гражданъ, пилъ и ѣлъ вмѣстѣ съ ними; Вельможи, Тіуны, Воеводы,

Г. 1195.

Пиры въ Кіевѣ.

знаменитыя духовныя особы смѣшивались съ безчисленными толпами гостей всякаго состоянія; духъ братства оживлялъ сердца, питая въ нихъ любовь къ отечеству и къ Вѣнценосцамъ.

Признавъ Всеволода *старшимъ* и Главою Князей, Рюрикъ имѣлъ въ немъ надежнаго покровителя, однакожъ искалъ еще другой опоры, и будучи тестемъ Романа Мстиславича Волынскаго, отдалъ ему пять городовъ Кіевскихъ: Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунь и Богуславъ. Всеволодъ оскорбился. „Я старшій въ Мономаховомъ родѣ,“ велѣлъ онъ сказать Рюрику: „кому обязанъ ты Кіевомъ? „то, забывая меня, отдаешь города инымъ „младшимъ Князьямъ. Не оспориваю власти „твоей: господствуй и дѣлись оною съ друзь„ями! Увидимъ, могутъ ли они защитить „тебя!“ Желая умилостивить Всеволода, сватъ его предлагалъ ему особенный Удѣлъ въ Кіевской области; но Великій Князь требовалъ для себя городовъ отданныхъ Мстиславичу. Въ сомнѣніи и нерѣшимости Рюрикъ призвалъ на совѣтъ Никифора Митрополита; съ одной стороны не хотѣлъ нарушить слова своего въ разсужденіи зятя, а съ другой боялся Всеволода. „Мы поставлены отъ Бога ми„рить Государей въ землѣ Русской,“ отвѣтствовалъ Митрополитъ: „всего ужаснѣе „кровопролитіе. Исполни волю старѣйшаго „Князя. Если Мстиславичъ назоветъ тебя „клятвопреступникомъ, то я беру грѣхъ

Миролюбіе Духовенства.

,,на себя; а ты можешь удовольствовать зятя ,,иными городами." Самъ Романъ изъявилъ согласіе взять другую область или деньги въ замѣну Удѣла, и распря прекратилась; но когда Всеволодъ, отправивъ Намѣстниковъ въ города Днѣпровскіе, подарилъ Торческъ зятю своему, Рюрикову сыну: Волынскій Князь вознегодовалъ на тестя, считая себя обманутымъ (91); не хотѣлъ жить съ его дочерью; принуждалъ бѣдную супругу удалиться въ монастырь, и вступилъ въ дружбу съ Ярославомъ Черниговскимъ, совѣтуя ему завоевать Кіевъ. Тогда Рюрикъ, обличивъ зятя въ умыслахъ непріятельскихъ и велѣвъ *повергнуть предъ нимъ грамоты крестныя*, обратился къ Всеволоду Георгіевичу. ,,Государь и братъ!" сказали Послы его: ,,*Романко* измѣнилъ намъ ,,и дружится со врагами Мономахова племе-,,ни. Вооружимся и сядемъ на коней!" Предвидя, что Великій Князь вступится за Рюрика, Мстиславичь искалъ союзниковъ въ Польшѣ, гдѣ юные сыновья Казимировы готовились отразить дядю, властолюбиваго Мечислава. Они сами имѣли нужду въ помощи (92), и мужественный Романъ за нихъ ополчился, говоря дружинѣ своей, что услуга даетъ право на взаимную услугу, и что побѣдивъ дядю, онъ будетъ располагать силами благодарныхъ племянниковъ. Уже войска стояли другъ противъ друга. Мечиславъ требовалъ мира, предлагая нашему Князю быть посредникомъ. Бояре Россійскіе также

Гнѣвъ Романа.

Битва въ Польшѣ.

не хотѣли кровопролитія; но пылкій Князь вопреки ихъ совѣту, далъ знакъ битвы. Польскіе Историки пишутъ, что онъ повелѣвалъ только однимъ крыломъ, а Воевода Краковскій, Николай, другимъ и срединою. Сражались съ утра до вечера. Мечиславъ побѣдилъ, и Романъ, жестоко уязвленный, велѣлъ *нести* себя къ предѣламъ Волыніи. Знаменитый Епископъ Краковскій, Фулько, ночью догналъ его и заклиналъ возвратиться, боясь, чтобы непріятель не взялъ столицы. „Не „имѣя ни силы въ рукахъ, ни воиновъ, от„части убитыхъ, отчасти разсѣянныхъ, мо„гу ли быть вамъ полезенъ?" сказалъ ему Мстиславичь; а на вопросъ Епископа: *что жь дѣлать?* отвѣтствовалъ: „защищать сто„лицу, пока соберемся съ силами (93)." Романъ отправилъ изъ Владимира Пословъ въ Кіевъ; обезоружилъ тестя смиреннымъ признаніемъ вины своей, и чрезъ ходатайство Митрополита получилъ отъ Рюрика два города въ награжденіе.

Великій Князь, Рюрикъ и братъ его, Давидъ Смоленскій, требовали отъ Черниговскаго и всѣхъ Князей Олегова рода, чтобы они присягнули за себя и за дѣтей своихъ никогда не искать ни Кіева, ни Смоленска, и довольствовались лѣвымъ берегомъ Днѣпра, отданнымъ ихъ прадѣду, Святославу (94). Ольговичи не хотѣли того. „Мы готовы" — говорили они чрезъ Пословъ Всеволоду Георгіевичу — „*блюсти* Кіевъ за тобою или

Мятежный духъ Ольговичей.

„за Рюрикомъ; но если желаешь навсегда „удалить насъ отъ престола Кіевскаго, то „знай, что мы не Венгры, не Ляхи, а по„томки Государя единаго. Властвуйте, „пока вы живы; когда жь васъ не будетъ, „древняя столица да принадлежитъ достой„нѣйшему, по волѣ Божіей!“ Всеволодъ грозилъ имъ: они на все согласились, а Рюрикъ отпустилъ наемныхъ Половцевъ, и въ доказательство своего миролюбія обѣщалъ Ярославу Черниговскому исходатайствовать ему у брата Витебскъ, гдѣ княжилъ Василько Брячиславичь, зять Давидовъ, племянникъ Всеслава Полоцкаго.

Но Ольговичи нарушили клятвенный обѣтъ мира: не дождавшись Пословъ ни Всеволодовыхъ, ни Давидовыхъ, съ коими надлежало имъ во всемъ условиться, въ концѣ зимы выступили съ войскомъ къ Витебску и начали грабить Смоленскую область (95). Племянникъ Давида, Мстиславъ Романовичь, сватъ Великаго Князя, хотѣлъ отразить ихъ. Ольговичи имѣли время изготовиться къ битвѣ, соединились съ Князьями Полоцкими, Василькомъ Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ; заняли выгодное мѣсто, и *притоптали снѣгъ* вокругъ себя, чтобы тѣмъ удобнѣе дѣйствовать оружіемъ. Мстиславъ вышелъ съ полками изъ лѣса, напалъ стремительно и смялъ рать Черниговскую, надъ коею начальствовалъ Олегъ Святославичь; но Воевода Смоленскій, Михалко, въ тоже

Г. 1196.

время бѣжалъ, не дерзнувъ сразиться съ Полочанами, которые, видя Олега разбитаго, ударили съ тылу на полки Мстислава. Сей храбрый Князь, гнавъ Черниговцевъ, увидѣлъ себя окруженнаго новыми рядами непріятелей, и долженъ былъ сдаться. Зять Давидовъ, юный Князь Рязанскій, и Ростиславъ Владиміровичь, внукъ Мстислава Великаго, едва могли спастися. Они принесли Смоленскому Князю вѣсть о семъ несчастіи; а Ярославъ Черниговскій, обрадованный блестящимъ успѣхомъ своего племянника, и слыша, что жители Смоленска не любятъ Давида, хотѣлъ съ новыми полками итти прямо къ сему городу. Рюрикъ остановилъ его. „Ты не имѣешь совѣсти," писалъ онъ къ нему изъ Овруча: „и такъ возвращаю тебѣ грамоты крестныя, тобою нарушенныя. „Иди къ Смоленску: я пойду къ Чернигову. „Увидимъ, кто будетъ счастливѣе." Ярославъ оправдывался, жалуясь на Давида и Князя Витебскаго; обѣщалъ безъ выкупа освободить плѣннаго Мстислава Романовича, требуя единственно того, чтобы Рюрикъ отступилъ отъ союза съ Великимъ Княземъ, „У насъ дѣла общія," отвѣтствовалъ Рюрикъ: „буде искренно желаешь мира, то „дай свободный путь моимъ Посламъ чрезъ „твою область ко Всеволоду и Давиду; мы „всѣ готовы примириться." Но Ярославъ, будучи коварнымъ, считалъ и другихъ таковыми; не вѣрилъ ему; занялъ всѣ дороги; препят-

ствовалъ сообщенію между областями Кіевскою, Смоленскою и Суздальскою. Началась война, или, лучше сказать, грабительство въ предѣлахъ Днѣпровскихъ. Отвергнувъ великодушныя правила Мономахова Дому, Рюрикъ не устыдился нанять дикихъ Половцевъ для опустошенія Черниговскихъ владѣній и *полнилъ руки* варварамъ, какъ сказано въ лѣтописи.

Ольговичи имѣли союзниковъ въ Князьяхъ Полоцкихъ: тѣ и другіе считали себя угнетенными и старѣйшими Мономаховыхъ наслѣдниковъ. Они нашли друга и между послѣдними: мужественнаго Романа Волынскаго, который искалъ всѣхъ способовъ возвыситься; слѣдуя одному правилу *быть сильнымъ*, не уважалъ никакихъ иныхъ, ни родства, ни признательности. Обязанный благодѣяніями тестя, онъ забылъ ихъ, и помнилъ только, что Рюрикъ взялъ у него назадъ города Днѣпровскіе. Отдохнувъ послѣ несчастной битвы съ Мечиславомъ Старымъ, Романъ снова предложилъ союзъ Ольговичамъ и послалъ рать свою воевать область Смоленскую и Кіевскую. Сіе нечаянное нападеніе уменьшило на время затрудненіе Ярослава, но собственную область Романову подвергнуло бѣдствіямъ опустошенія: съ одной стороны Ростиславъ, сынъ Рюриковъ, а съ другой племянникъ его, Мстиславъ, сынъ Мстислава *Храбраго*, вмѣстѣ съ Владиміромъ Галицкимъ плѣнили множество людей въ окрестностяхъ Каменца и Перемиля. Самъ

Неблагодарность Романова.

Рюрикъ остался въ Кіевѣ: ибо узналъ, что Всеволодъ наконецъ рѣшительно дѣйствуетъ противъ Ольговичей, соединился съ Давидомъ, съ Князьями Рязанскими, Муромскими, съ Половцами, — завоевалъ область Вятичей и думаетъ вступить въ Черниговскую. Ярославъ видѣлъ себя въ крайней опасности; но, скрывая боязнь, изготовился къ сильному отпору: укрѣпилъ города, нанялъ степныхъ Половцевъ, оставилъ въ Черниговѣ двухъ Святославичей, и расположился станомъ близъ темныхъ лѣсовъ, сдѣлавъ вокругъ засѣки, подрубивъ всѣ мосты. Впрочемъ ему легче было поссорить враговъ своихъ хитростію, нежели силою одолѣть ихъ: такъ онъ и дѣйствовалъ.

Изъявляя вмѣстѣ и миролюбіе и неустрашимость, Ярославъ послалъ сказать Всеволоду: ,,Любезный братъ! ты взялъ нашу отчину и достояніе. Желаешь ли загладить ,,насиліе дружбою? Мы любви не убѣгаемъ и ,,готовы заключить миръ согласно съ твоею верховною волею. Желаешь ли битвы? ,,не убѣгаемъ и того. Богъ и Святый Спасъ ,,разсудятъ насъ въ полѣ.“ Всеволодъ хотѣлъ знать мнѣніе Князей Смоленскаго, Рязанскихъ и Бояръ. Давидъ противился миру, говоря: ,,Ты далъ слово моему брату соединиться съ нимъ подъ Черниговымъ, и тамъ или ,,разрушить власть коварныхъ Ольговичей ,,или заключить миръ общій; а теперь думаешь одинъ вступить въ переговоры? Рюрикъ

,,не будетъ доволенъ тобою. Ты велѣлъ ему ,,начать войну; для тебя онъ предалъ огню ,,и мечу свою область. Можешь ли безъ не- ,,го мириться?" То же говорили и Князья Рязанскіе; но Всеволодъ, недовольный ихъ смѣлыми представленіями, велѣлъ сказать Ольговичамъ, что соглашается забыть ихъ вину, если они возвратятъ свободу Мстиславу Романовичу, откажутся отъ союза съ Романомъ Волынскимъ, и выгонятъ мятежнаго *Ярополка*, сего славнаго чудеснымъ прозрѣніемъ слѣпца, который, будучи взятъ въ плѣнъ Великимъ Княземъ (96), ушелъ изъ неволи и жилъ въ Черниговѣ. Ярославъ не принялъ только одного условія, касательно Романа Волынскаго, желая быть и впредь его другомъ. Согласились во всемъ прочемъ, и съ обыкновенными священными обрядами утвердили миръ, къ великому огорченію Рюрика. Хотя Всеволодъ далъ ему знать, что Ольговичи клялись никогда не тревожить ни Кіевскихъ, ни Смоленскихъ областей; но Рюрикъ осыпалъ его укоризнами. ,,Такъ поступаютъ одни вѣроломные," отвѣтствовалъ сей Князь Всеволоду: ,,Для тебя ,,я озлобилъ зятя, отдавъ тебѣ города его; ,,ты же заставилъ меня воевать съ Яросла- ,,вомъ, который лично не сдѣлалъ мнѣ зла ,,и не искалъ Кіева. Въ ожиданіи твоего ,,содѣйствія прошли лѣто и зима; наконецъ ,,выступаешь въ поле и миришься самъ собою, ,,оставивъ главнаго виновника, Романа, въ

„связи съ Ольговичами и господствомъ обла„сти, имъ отъ меня полученной." Слѣдуя внушенію досады, Рюрикъ отнялъ у Всеволода города Кіевскіе, и тѣмъ оскорбивъ его, приготовилъ для себя важныя несчастія, лишенный Великокняжескаго покровительства. Всеволодъ безъ сомнѣнія поступилъ въ семъ случаѣ несправедливо. Имѣя тайныя намѣренія, онъ не хотѣлъ совершеннаго паденія Черниговскихъ Князей, чтобы не усилить тѣмъ Кіевскаго и Смоленскаго, равно противныхъ замышляемому имъ Единовластію. Равновѣсіе ихъ силъ казалось ему до времени согласнѣе съ его пользою.

Политика Всеволодова.

Смиривъ Ольговичей и по видимому защитивъ союзниковъ, Великій Князь съ торжествомъ возвратился въ столицу, какъ Государь любимый народомъ и побѣдитель. Въ Смоленскѣ, въ Черниговѣ сдѣлались важныя перемѣны, благопріятныя для его властолюбія (97). Давидъ благородный, мужественный, предчувствуя свой конецъ, уступилъ тронъ племяннику, Мстиславу Романовичу, постригся вмѣстѣ съ супругою, отправилъ юнаго сына, именемъ Константина, на воспитаніе къ брату Рюрику, и велѣлъ нести себя, уже больнаго, изъ дворца въ Обитель Смядынскую, гдѣ и преставился въ молитвахъ (пятидесяти-семи лѣтъ отъ рожденія), оплакиваемый дружиною, иноками, мирными гражданами (ибо строптивые не любили его). Лѣтописцы, уважая дѣла набожности болѣе госу-

Октября 6.

Г. 1197.

Апрѣля 23.

дарственныхъ, сказываютъ, что никто изъ Князей Смоленскихъ не превзошелъ Давида въ украшенiи храмовъ; что церковь Св. Михаила, имъ созданная, была великолѣпнѣйшею *въ странахъ полунощныхъ*, и что онъ ежедневно посѣщалъ ее. Но сей Князь, Христiанинъ усердный, слылъ грозою мятежниковъ и злыхъ: набожность не ослабляла въ немъ строгости правосудiя, ни веледушной гордости Княжеской, противной Андрею Боголюбскому, не прiятной и Всеволоду, который тѣмъ болѣе любилъ Давидова наслѣдника, своего добродушнаго свата, ему преданнаго. — Въ Черниговѣ умеръ Ярославъ, вѣрный послѣдователь братней, коварной системы, и Великiй Князь съ удовольствiемъ свѣдалъ, что Игорь Сѣверскiй, старѣйшiй въ родѣ, сѣлъ на тамошнемъ знаменитомъ престолѣ: ибо сей внукъ Олеговъ менѣе другихъ славился козводѣйствомъ.

Строгость и веледушie Давида

Г. 1198.

Не имѣя опасныхъ совмѣстниковъ внутри Россiи, Всеволодъ старался утвердить безопасность границъ своихъ. Половцы за деньги служили ему, но въ тоже время, кочуя отъ нынѣшней Слободской Украинской до Саратовской Губернiи, безпокоили его южныя владѣнiя, особенно же предѣлы Рязанскiе: онъ сильнымъ ополченiемъ устрашилъ варваровъ, ходилъ съ юнымъ сыномъ, Константиномъ, во глубину степей, вездѣ жегъ зимовья Половецкiя, и Ханы, снявъ свои многочисленныя вежи, отъ береговъ Дона съ ужасомъ бѣжали къ морю (98).

Война съ Половцами.

Г. 1196—1201. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ.

Чего Андрей желалъ напрасно, то сдѣлалъ хитрый Всеволодъ: онъ на нѣсколько лѣтъ совершенно подчинилъ себѣ мятежную первобытную столицу нашихъ Князей. Во время раздора его съ Ольговичами, повинуясь ему, лучшіе Новогородцы, не только военные люди, но и самые купцы, ходили съ Ярославомъ въ Великія Луки, чтобы удерживать Кривскихъ Владѣтелей и препятствовать ихъ соединенію съ Черниговцами (99). Ярославъ Владиміровичъ уже имѣлъ тогда многихъ непріятелей въ Новѣгородѣ: Посадникъ, чиновники ѣздили ко Всеволоду и просили его, чтобы онъ вывелъ отъ нихъ свояка и далъ имъ сына. Великій Князь задержалъ сихъ Пословъ, и Новогородцы, тѣмъ оскорбленные, изгнали Ярослава, къ сожалѣнію добрыхъ, миролюбивыхъ людей, которыхъ сторона рѣдко бываетъ сильнѣйшею. Народъ, обольщенный безразсудными, хотѣлъ доказать свою независимость, и сынъ Князя Черниговскаго (100), избранный большинствомъ голосовъ, пріѣхалъ въ Новгородъ, не господствовать, а быть игралищемъ своевольныхъ. Между тѣмъ Ярославъ, съ согласія жителей, остался въ Торжкѣ; бралъ дань въ окрестностяхъ Мсты и за Волокомъ. Новогородцевъ вездѣ ловили какъ непріятелей; толпами приводили въ Владиміръ. Дѣйствуя осторожнѣе Андрея, Всеволодъ не думалъ осаждать ихъ столицы, но мѣшая имъ торговать въ Россіи и собирать налоги въ Двин-

ской землѣ, зналъ, что любостяжаніе скоро одержитъ верхъ надъ упрямствомъ людей торговыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ шесть мѣсяцевъ сынъ Князя Черниговскаго долженъ былъ ѣхать назадъ къ отцу: Сотники Новогородскіе явились во дворцѣ у Всеволода, извинялись, молили, обѣщали, и Ярославъ къ нимъ возвратился, провождаемый множествомъ ихъ освобожденныхъ согражданъ. Народъ торжествовалъ прибытіе сего Князя какъ отца и благотворителя, удивляясь своему прежнему заблужденію. Тишина возстановилась: Князь властвовалъ благоразумно, судилъ справедливо, взялъ нужныя мѣры для защиты границъ и смирилъ Полочанъ, дерзнувшихъ вмѣстѣ съ Литвою злодѣйствовать вокругъ Великихъ Лукъ (101). Но Всеволодъ, недовольный свойкомъ, призвалъ его къ себѣ, и чего прежде не хотѣлъ сдѣлать въ угодность народу, то народъ сдѣлалъ въ угодность Великому Князю: Архіепископъ Мартирій и чиновники должны были, исполняя уже не свою волю, а повелѣніе Государя, ѣхать въ Владиміръ и требовать Всеволодова сына на престолъ Новогородскій. Послы сказали: ,,*Господинъ* Князь Великій! область ,,наша есть твоя *отчина* (102): молимъ, да по- ,,велѣваетъ нами родный внукъ Долгорукаго ,,и правнукъ Мономаха!" Всеволодъ изъявилъ притворную нерѣшимость; хотѣлъ еще совѣтоваться съ дружиною, и какъ бы изъ снисхожденія далъ Новогородцамъ сына, име-

немъ Святослава-Гавріила, еще младенца, предписавъ имъ условія, согласныя съ честію Княжескою. Сей Государь, обласкавъ, угостивъ чиновниковъ, безъ сомнѣнія не могъ увѣрить ихъ, что славная *Воля Новогородская* остается въ древней силѣ своей; однакожъ хотя наружнымъ образомъ почтивъ уставъ ея, скрылъ дѣйствіе самовластія отъ простыхъ граждань. Они думали, что Святославъ ими *избранъ*, и встрѣтили его съ радостію. Другіе видѣли повелителя, но молчали, ибо надѣялись жить спокойнѣе, или боялись сильнаго Всеволода. Согласясь съ Посадникомъ, онъ далъ Новугороду и Архіепископа на мѣсто Мартирія, который, не доѣхавъ до Владиміра, умеръ близъ Осташкова.—Вѣроятно, что Великій Князь окружилъ юнаго Святослава опытными Боярами, и чрезъ нихъ управлялъ областію Новогородскою, такъ же, какъ и южнымъ Переяславлемъ, гдѣ другій, десятилѣтній сынъ Всеволодовъ, Ярославъ-Θеодоръ, властвовалъ по кончинѣ своего двоюроднаго брата, Ярослава Мстиславича [103].

Слава и тиранство Романа.

Въ сіе время Романъ Волынскій обратилъ на себя общее вниманіе пріобрѣтеніемъ сильной области и тиранствомъ удивительнымъ, если сказаніе Польскихъ Историковъ справедливо. Знаменитый родъ Володаря Галицкаго пресѣкся: сынъ Ярославовъ, Владиміръ, освободивъ наслѣдственную область свою отъ ига Венгровъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ

умеръ и не оставилъ дѣтей. Вся южная Россія пришла въ движеніе: каждый Князь хотѣлъ овладѣть землею богатою, торговою, многолюдною (104). Но Романъ Мстиславичь предупредилъ совмѣстниковъ: воспитанный при Дворѣ Казимира *Справедливаго*, связанный ближнимъ родствомъ съ его юными сыновьями и вдовствующею супругою, Еленою, дочерью Всеволода Мстиславича Бельзскаго, которая участвовала въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, онъ прибѣгнулъ къ Ляхамъ, и съ ихъ помощію вступилъ въ страну Галицкую. Народъ уже зналъ и не любилъ сего Князя, жестокаго нравомъ. Вельможи, Бояре, явились въ станѣ Польскомъ, моля Казимирова сына, Герцога Лешка, „чтобы „онъ самъ управлялъ ими или чрезъ своего „Намѣстника, и такимъ образомъ избавилъ „бы ихъ отъ бѣдственнаго участія въ меж„доусобіи Князей Россійскихъ (105).“ Бояре предлагали дары, серебро, золото, ткани драгоцѣнныя; а граждане вооружались. Однакожъ Поляки силою возвели Романа на престолъ Галицкій. Тогда сей Князь, озлобленный общею къ нему ненавистію Вельможъ, началъ свирѣпствовать какъ вторый Бузирисъ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. Такъ пишетъ современный Историкъ, Епископъ Каддубекъ, повѣствуя, что Романъ умертвилъ лучшихъ Бояръ Галицкихъ, зарывалъ ихъ живыхъ въ землю, четверилъ, разстрѣливалъ, изобрѣталъ неслыханныя муки. Многіе

спаслися бѣгствомъ въ другія земли: онъ старался возвратить ихъ, обѣщая имъ всякія милости, и не обманывалъ; но чрезъ нѣсколько времени вымышлялъ клевету, обвинялъ сихъ легковѣрныхъ во мнимомъ злоумышленіи, казнилъ и присвоивалъ себѣ ихъ достояніе, говоря въ пословицу: „чтобы спокойно ѣсть „медовый сотъ, надобно задавить пчелъ“ (106).

Можетъ быть, злословіе, легковѣріе или пристрастіе излишно очернили свойство Государя ужаснаго для строптивыхъ, мятежныхъ Галичанъ; когда же онъ дѣйствительно изобрѣлъ столь гнусную пословицу, сохраненную и въ нашихъ лѣтописяхъ; когда слѣдовалъ оной въ своемъ правленіи: то свергнуть сего мучителя было услужить человѣчеству. Дотолѣ усердные ему друзья Ольговичи и Рюрикъ, желая отнять у него Державу Галицкую, снисканную имъ помощію иноплеменниковъ, соединились въ Кіевѣ,
Г. 1202. чтобы итти къ Днѣстру. Но дѣятельный Романъ не терялъ времени: они еще не вышли въ поле, когда знамена Мстиславича уже развѣвались на берегахъ Днѣпра. Сей хитрый Князь имѣлъ время снестися съ могущественнымъ Всеволодомъ, съ Черными Клобуками, съ Намѣстниками многихъ южныхъ городовъ. Всѣ охотно взяли его сторону: Берендѣи, Торки пріѣхали къ нему въ станъ (107); города не хотѣли обороняться; жители прежде битвы встрѣчали Романа какъ

побѣдителя, и самые Кіевляне безъ малѣйшаго сопротивленія отворили Копыревскія ворота Подола. Рюрикъ, Ольговичи, трепетали за каменною стѣною въ верхней части города; съ радостію приняли миръ, и выѣхали изъ Кіева: Рюрикъ въ Овручь, Черниговскіе въ ихъ наслѣдственную область. — По условію, сдѣланному съ Великимъ Княземъ, отдавъ Кіевъ двоюродному брату своему, Ингварю Ярославичу Луцкому, Романъ спѣшилъ, ко славѣ нашего древняго оружія, защитить Греческую Имперію. Половцы опустошали Ѳракію: Алексій Комнинъ III и Митрополитъ Россійскій молили его быть спасителемъ Христіанъ единовѣрныхъ. Мужественный Романъ вступилъ въ землю Половецкую, завоевалъ многія вежи, освободилъ тамъ плѣнныхъ Россіянъ, отвлекъ варваровъ отъ Константинополя, и принудивъ ихъ оставить Ѳракію, съ торжествомъ возвратился въ Галичь (108).

Страшный Князь Галицкій ошибся, думая, что Ольговичи и Рюрикъ не дерзнутъ нарушить мира. Не жалѣя казны своей, не жалѣя отечества, они наняли множество Половцевъ и взяли приступомъ Кіевъ (109). Варвары опустошили домы, храмъ Десятинный, Софійскій, монастыри; умертвили старцевъ и недужныхъ; оковали цѣпями молодыхъ и здоровыхъ; не щадили ни знаменитыхъ людей, ни юныхъ женъ, ни Священниковъ, ни Монахинь. Одни купцы иноземные обороня-

Г. 1201. Генваря 4. Опустошеніе Кіева.

лись въ каменныхъ церквахъ, столь мужественно, что Половцы вступили съ ними въ переговоры: удовольствовались частію ихъ товаровъ, и не сдѣлали имъ болѣе никакого зла. Городъ пылалъ; вездѣ стенали умирающіе; невольниковъ гнали толпами. Кіевъ никогда еще не видалъ подобныхъ ужасовъ въ стѣнахъ своихъ: былъ взятъ, ограбленъ сыномъ Андрея Боголюбскаго; но жители, лишенные имѣнія, остались тогда по крайней мѣрѣ свободными. Всѣ добрые Россіяне, самые отдаленные, оплакивали несчастіе древней столицы и жаловались на его виновниковъ. Мало по малу она снова наполнилась жителями, которые укрылись отъ меча Половцевъ и спаслись отъ неволи; но сей городъ, дважды разоренный, лишился своего блеска. Въ церквахъ не осталось ни одного сосуда, ни одной иконы съ окладомъ. Варвары похитили и драгоцѣнныя одежды древнихъ Князей Россійскихъ, Св. Владиміра, Ярослава Великаго и другихъ, которые на память себѣ вѣшали оныя въ храмахъ.

Рюрикъ и Черниговскіе Владѣтели, довольные злодѣяніемъ, вышли изъ Кіева: судьба наказала перваго. Романъ пришелъ съ войскомъ
Февраля 16. къ Овручу, и сверхъ чаянія предложилъ тестю миръ, убѣждая его отказаться отъ союза Ольговичей; склонилъ даже и Всеволода Георгіевича забыть досаду на Рюрика и снова отдать ему Кіевъ, какъ бы въ награду за разореніе онаго (110). Такое удиви-

тельное великодушіе было одною хитростію: Князь Галицкій желалъ только отвлечь легковѣрнаго тестя отъ Черниговскихъ Владѣтелей (которые тогда счастливо воевали съ Литвою); примирилъ ихъ со Всеволодомъ, и въ доказательство своей мнимой дружбы къ Рюрику ходилъ съ нимъ, въ жестокую зиму, на Половцевъ; взялъ не мало плѣнниковъ, скота — и вдругъ, будучи въ Триполѣ, безъ всякой извѣстной причины велѣлъ дружинѣ схватить сего несчастнаго Князя, отвезти въ Кіевъ, заключить въ монастырь. Рюрикъ, жена его и дочь, супруга Романова, въ одно время были пострижены; а сынъ его, зять Всеволодовъ, отведенъ плѣнникомъ въ Галичъ, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ. Наказавъ тестя, Романъ возвратился въ свою область, и хотя, въ угодность Великому Князю, отпустилъ Рюриковыхъ сыновей, но бѣдный отецъ остался Монахомъ. Довольный освобожденіемъ зятя, Всеволодъ посадилъ его на престолѣ Кіевскомъ.

Постриженіе Рюрика.

Тогда пылкій, неутомимый Романъ, уступивъ Великому Князю честь располагать судьбою Кіева, обратилъ свое вниманіе на Польшу, гдѣ коварный Герцогъ Мечиславъ, обманувъ юнаго Лешка, присвоилъ себѣ единовластіе. Князь Галицкій весною вступилъ въ область Сендомирскую, взялъ два города, и прекратилъ военныя дѣйствія, услышавъ о смерти стараго Герцога, врага своего и побѣдителя;

но возобновилъ ихъ, свѣдавъ, что сынъ Мечиславовъ сѣлъ на престолѣ Краковскомъ. Беззащитныя села были жертвою пламени вокругъ Сендомира, и Послы Лешковы молили Романа оставить ихъ землю въ покоѣ. Соглашаясь на миръ, онъ требовалъ денегъ за убытки, имъ понесенные, и за кровь Россіянъ, убитыхъ въ сраженіи съ Мечиславомъ; отсрочилъ платежъ, но хотѣлъ, чтобы ему отдали въ залогъ область Люблинскую. — Въ тоже самое время прибылъ къ Галицкому Князю Посолъ Иннокентія III, властолюбиваго Папы Римскаго (111). Уже давно ревностные проповѣдники Латинской Вѣры желали отвратить нашихъ предковъ отъ Восточной Церкви, и знаменитый Епископъ Краковскій, Матѳей, около половины XII вѣка торжественно возлагалъ на Аббата Клервоскаго, Миссіонарія, именемъ Бернарда, обязанность вывести ихъ изъ мнимаго заблужденія, говоря въ письмѣ къ нему, что „Россіяне живутъ какъ бы въ „особенномъ мірѣ, безчисленны подобно звѣ„здамъ небеснымъ, и въ хладныхъ, мрачныхъ „странахъ своихъ вѣдая Спасителя един„ственно по имени, ожидаютъ теплотворна„го свѣта истинной Вѣры отъ Намѣстни„ка Апостольскаго; что Бернардъ, смягчивъ „ихъ грубыя сердца, будетъ новымъ Орфе„емъ, Амфіономъ" (112), и проч. Сіи усердныя домогательства Римскихъ Фанатиковъ не имѣли успѣха, и Папа, слыша о силѣ Мстиславича, грознаго для Венгровъ и Ляховъ,

Посольство Папы къ Роману.

надѣялся обольстить его честолюбіе. Велерѣчивый Посолъ Иннокентія доказывалъ нашему Князю превосходство Закона Латинскаго; но опровергаемый Романомъ, искуснымъ въ прѣніяхъ Богословскихъ, сказалъ ему наконецъ, что Папа можетъ его надѣлить городами и сдѣлать Великимъ Королемъ посредствомъ меча Петрова. Романъ, обнаживъ собственный мечь свой, съ гордостію отвѣтствовалъ: „Такой ли у Папы? Доколѣ „ношу его при бедрѣ, не имѣю нужды въ „иномъ, и кровію покупаю города, слѣдуя „примѣру нашихъ дѣдовъ, возвеличившихъ „землю Русскую.“ — Сей Князь умный скоро погибъ отъ неосторожности (113): снова объявивъ войну Ляхамъ, стоялъ на Вислѣ; съ малою дружиною отъѣхалъ отъ войска, встрѣтилъ непріятелей и палъ въ неравной битвѣ. Галичане нашли его уже мертваго. — Романъ, называемый въ Волынской лѣтописи *Великимъ* и *Самодержцемъ всея Руси*, надолго оставилъ память блестящихъ воинскихъ дѣлъ своихъ, извѣстныхъ отъ Константинополя до Рима. Жестокій для Галичанъ, онъ былъ любимъ, по крайней мѣрѣ отлично уважаемъ, въ наслѣдственномъ Удѣлѣ Владимірскомъ, гдѣ народъ славилъ въ немъ *умъ мудрости*, *дерзость льва*, *быстроту орлиную*, и *ревность Мономахову* въ усмиреніи варваровъ, подъ щитомъ Героя не боясь ни хищныхъ Ятвяговъ, дикихъ обитателей Подляшья, ни свирѣпыхъ Литовцевъ, коихъ

Отвѣтъ Романовъ.

Г. 1205.

Характеръ сего Князя.

Историкъ пишетъ, что сей Князь, одерживая надъ ними победы, впрягалъ несчастныхъ плѣнниковъ въ соху для обработыванія земли, и что въ отечествѣ ихъ до самаго XVI вѣка говорили въ пословицу: *Романе! худымъ живеши, Литвою ореши* (114). Лѣтописцы Византійскіе упоминаютъ объ немъ съ похвалою, именуя его *мужемъ крѣпкимъ, дѣятельнымъ*. Однимъ словомъ, ему принадлежитъ честь знаменитости между нашими древними Князьями. — Даніилъ и Василько, сыновья Романовы, *втораго брака*, остались еще младенцами подъ надзираніемъ матери: Галичане волновались, однакожъ присягнули въ вѣрности Даніилу, имѣвшему не болѣе четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Рюрикъ снова на престолѣ.

Постриженный Рюрикъ, услышавъ о смерти зятя и врага, ободрился: скинулъ одежду инока и сѣлъ на престолѣ въ Кіевѣ; хотѣлъ разстричь и жену свою, которая, вмѣсто того, немедленно приняла Схиму, осуждая его легкомысліе. Онъ возобновилъ союзъ съ Князьями Черниговскими и спѣшилъ къ Галичу, въ надеждѣ, что младенецъ Даніилъ не въ состояніи ему противиться, и что тамошніе Бояре не захотятъ лить крови своей за сына, терпѣвъ много отъ жестокости отца. Но мать Даніилова взяла мѣры.

Происшествія въ Галичѣ.

Андрей, Государь Венгерскій, все еще именовался *Королемъ Галиціи*; не спорилъ объ ней съ мужественнымъ Романомъ, и даже былъ его названымъ братомъ: однакожъ

не преставалъ жалѣть о семъ утраченномъ Королевствѣ и бралъ живѣйшее участіе въ происшествіяхъ онаго. Вдовствующая Княгиня видѣлась съ Андреемъ въ Санокѣ; напомнила ему дружбу Романову, представила Даніила, говорила съ чувствительностію матери, и сдѣлала въ немъ по видимому столь глубокое впечатлѣніе, что онъ искренно далъ слово быть ея сыну вторымъ нѣжнымъ отцемъ. Дѣйствія соотвѣтствовали обѣщаніямъ. Сильная дружина Венгерская окружила дворецъ Княжескій, заняла крѣпости; повелѣвая именемъ малолѣтнаго Даніила, грозила казнію внутреннимъ измѣнникамъ, и распорядила защиту отъ непріятелей внѣшнихъ, такъ, что Рюрикъ, вступивъ съ Ольговичами въ Галицкую землю, встрѣтилъ войско благоустроенное, сражался безъ успѣха, не могъ взять ни одного укрѣпленнаго мѣста и возвратился съ великимъ стыдомъ. Сынъ Рюриковъ, зять Великаго Князя, выгналъ только Ярослава Владиміровича, свояка Всеволодова, изъ Вышегорода, и союзники распустили войско. Рюрикъ уступилъ Бѣлгородъ своимъ друзьямъ Черниговскимъ, которые отдали его Глѣбу Святославичу (115).

Между тѣмъ Всеволодъ Георгіевичъ спокойно господствовалъ на Сѣверѣ: отряды его войска тревожили Болгаровъ, Князья Рязанскіе отражали Донскихъ хищниковъ, а Новогородцы Литву. Жители Великихъ Лукъ съ

Воеводою, именемъ Нездилою, ходили въ Летгалію, или въ южную часть нынѣшней Лифляндской Губерніи, и привели оттуда плѣнниковъ. Новая ссора Россіянъ съ Варягами— вѣроятно по торговлѣ — не имѣла никакого слѣдствія: послѣдніе должны были на все согласиться, чтобы мирно купечествовать въ нашихъ сѣверо-западныхъ областяхъ (116). Но Всеволодъ, будто бы желая защитить Новгородъ отъ внѣшнихъ опасныхъ непріятелей, велѣлъ объявить тамошнимъ чиновникамъ, что онъ даетъ имъ старшаго сына своего, Константина, ибо отрокъ Святославъ еще не въ силахъ быть ихъ покровителемъ. Надобно думать, что Бояре Владимірскіе, пѣстуны юнаго Святослава, не могли обуздывать народнаго своевольства, и что Великій Князь хотѣлъ сею перемѣною еще болѣе утвердить власть свою надъ Новымгородомъ (117). Двадцати-лѣтній Константинъ уже славился мудростію, великодушіемъ, Христіанскими добродѣтелями: граждане Владимірскіе съ печалію услышали, что сей любимый юноша, благотворитель сирыхъ и бѣдныхъ, долженъ ихъ оставить. Отецъ вручилъ ему *крестъ и мечъ*. „Иди управлять народомъ,“ сказалъ Всеволодъ: „будь его судіею и защитникомъ. „Новгородъ *Великій* есть древнѣйшее Княженіе въ нашемъ отечествѣ: Богъ, Государь „и родитель твой даютъ тебѣ старѣйшинство между всѣми Князьями Русскими. Гряди „съ миромъ; помни славное имя свое, и

Константинъ въ Новѣгородѣ.

,,заслужи оное дѣлами." Братья, Вельможи, купцы, провожали Константина; толпы народныя громогласно осыпали его благословеніями. Новогородцы также встрѣтили сего Князя съ изъявленіемъ усердія: Архіепископъ, чиновники ввели въ церковь Софійскую, и народъ присягнулъ ему въ вѣрности. Угостивъ Бояръ въ домѣ своемъ, Константинъ ревностно началъ заниматься правосудіемъ; охраняя народъ, охранялъ и власть Княжескую: хотѣлъ дѣйствительно господствовать въ своей области. Мирные граждане засыпали покойно: властолюбивые и мятежные могли быть недовольны. Г. 1206. Марта 20.

Всеволодъ не имѣлъ войны съ Черниговскими Князьями, однакожъ не дозволялъ друзьямъ своимъ искать ихъ союза. Не смотря на то, сватъ его, Мстиславъ Смоленскій, въ угожденіе Рюрику вступилъ съ нимъ въ тѣсную связь, и хотя, боясь утратить пріязнь Великаго Князя, посылалъ къ нему Епископа Смоленскаго, Игнатія, съ дружескими увѣреніями (118): но не хотѣлъ отстать отъ Князей Черниговскихъ. Главою ихъ, по смерти Игоря и старшаго брата, Олега, былъ тогда Всеволодъ Чермный, сынъ Святослава, подобный отцу въ козняхъ, гордый, властолюбивый: нанявъ толпы Половцевъ, соединясь съ Рюрикомъ, Мстиславомъ Смоленскимъ и съ Берендѣями, окъ вторично предпринялъ завоевать Галицкую об-

ласть, и для вѣрнѣйшаго успѣха призвалъ Ляховъ. Увѣдомленный о томъ Король Венгерскій, Андрей, спѣшилъ защитить юныхъ сыновей Романовыхъ. Уже полки его спустились съ горъ Карпатскихъ; но Даніилъ и Василько не дождались прибытія Андреева. Слыша, что съ одной стороны идутъ Россіяне, съ другой Ляхи; видя также страшное волненіе въ землѣ Галицкой, вдовствующая Княгиня бѣжала съ дѣтьми въ наслѣдственный Удѣлъ ея супруга, Владиміръ Волынскій. Андрей не далъ соединиться Полякамъ съ Ольговичами: сталъ между ими, близъ Владиміра, и вступилъ съ первыми въ мирные переговоры, которыхъ слѣдствіемъ было то, что Венгры, Ляхи, Россіяне вышли изъ Галича (119); а жители, съ согласія Андреева, послали въ Переяславль за сыномъ Великаго Князя, юнымъ Ярославомъ, желая, чтобы онъ въ ихъ землѣ господствовалъ. Можетъ быть, сама вдовствующая супруга Романова убѣдила Короля Венгерскаго согласиться на сіе избраніе, въ надеждѣ, что отецъ Ярославовъ, сильный Всеволодъ Георгіевичъ, вообще уважаемый, обуздаетъ тамъ народъ мятежный и со временемъ возвратитъ Даніилу достояніе его родителя. Но Черниговскіе Князья имѣли въ Галичѣ доброхотовъ, въ особенности Владислава, знатнаго Вельможу, бывшаго изгнанникомъ въ Романово время. Онъ вмѣстѣ съ другими единомышленниками представлялъ согражданамъ,

что Ярославъ слишкомъ молодъ, а Великій Князь слишкомъ удаленъ отъ ихъ земли; что имъ нуженъ защитникъ ближайшій; что Ольговичи безъ сомнѣнія не оставятъ Галицкой области въ покоѣ, и что лучше добровольно поддаться одному изъ нихъ. Галичане, тайно отправивъ Пословъ въ станъ Россійскій, предложили Владиміру Игоревичу Сѣверскому быть ихъ Государемъ. Обрадованный Владиміръ ночью укрался отъ своихъ родныхъ, друзей, союзниковъ, не сказавъ имъ ни слова, и прискакалъ въ Галичъ тремя днями ранѣе Ярослава, который долженъ былъ съ досадою ѣхать назадъ въ Переяславль.

Еще гоненіе на семейство Романово тѣмъ не кончилось. Владиміръ Игоревичъ, исполняя совѣтъ злопамятныхъ Галицкихъ Бояръ, велѣлъ объявить гражданамъ Владимірскимъ, чтобы они выдали ему младенцевъ, Даніила и Василька, приняли къ себѣ княжить брата его, Святослава Игоревича, или готовились видѣть разрушеніе ихъ столицы. Усердный народъ хотѣлъ убить сего Посла, спасеннаго только заступленіемъ нѣкоторыхъ Бояръ; но вдовствующая Княгиня, опасаясь злобы Галичанъ, измѣны собственныхъ Вельможъ и легкомыслія народнаго, по совѣту Мирослава, пѣстуна Даніилова, рѣшилась удалиться, и представила трогательное зрѣлище непостоянной судьбы въ мірѣ. Любимая супруга Князя сильнаго, союзника Императоровъ Греческихъ, уважаемаго Папою, Мо-

Князья Сѣверскіе господствуютъ въ Галичѣ.

Бѣгство Романова семейства.

*

нархами сосѣдственными, въ темную ночь бѣжала изъ дворца какъ преступница, вмѣсто сокровищъ взявъ съ собою однихъ милыхъ сыновей. Мирославъ велъ Даніила, Священникъ Юрій и кормилица несли Василька на рукахъ; видя городскія ворота уже запертыя, они пролѣзли сквозь отверстіе стѣны, шли во мракѣ, не зная куда; наконецъ достигли границъ Польскихъ и Кракова. Тамъ Лешко Бѣлый, умиленный несчастіемъ сего знаменитаго семейства, не могъ удержаться отъ слезъ; осыпалъ ласками Княгиню, и пославъ Даніила въ Венгрію съ Вельможею Вячеславомъ Лысымъ, писалъ къ Андрею: ,,Ты былъ другомъ его отца: я забылъ вра- ,,жду Романову. Вступимся за изгнанниковъ; ,,введемъ ихъ съ честію въ области наслѣд- ,,ственныя." Андрей также принялъ сего младенца со всѣми знаками искренней любви, но болѣе ничего не сдѣлалъ, охлажденный, можетъ быть, въ своемъ великодушномъ покровительствѣ дарами Владиміра Игоревича, котораго Послы, не жалѣя ни золота, ни льстивыхъ обѣщаній, усердно работали въ Венгріи и въ Польшѣ (120). Сей бывшій Князь Удѣла Сѣверскаго, вдругъ облагодѣтельствованный счастіемъ, едва вѣрилъ своему величію, опасному и ненадежному. Безъ сопротивленія занявъ всю область Владимірскую, онъ уступилъ ее Святославу Игоревичу, а Звенигородъ другому брату, именемъ Роману.

Хитрый Всеволодъ Чермный, имѣвъ надежду самъ господствовать на плодоносныхъ берегахъ Днѣстра и Сана, безъ сомнѣнія завидовалъ Игоревичамъ; однакожъ скрылъ неудовольствіе, остался имъ другомъ, и хотѣлъ иначе удовлетворить своему властолюбію. Всѣ способы казались ему позволенными: бывъ союзникомъ Рюрика и Мстислава, онъ сталъ ихъ врагомъ; вооруженною рукою занялъ Кіевъ и разослалъ своихъ Намѣстниковъ по всей области Днѣпровской. Рюрикъ ушелъ въ Овручъ; сынъ его, зять Великаго Князя, въ Вышегородъ, а Мстиславъ Смоленскій заключился съ дружиною въ Бѣлѣгородѣ. Они уже не имѣли права требовать защиты отъ Великаго Князя; но Чермный самъ дерзнулъ оскорбить его. „Иди къ „отцу,“ велѣлъ онъ сказать юному Ярославу Всеволодовичу; „Переяславль да будетъ „Княженіемъ моего сына! Если не исполнишь „сего повелѣнія, или будешь домогаться Га„лича, гдѣ властвуетъ теперь родъ нашего „славнаго предка, Олега: то я накажу дерз„каго, слабаго юношу.“ Ярославъ выѣхалъ изъ Переяславля (121); а Всеволодъ Чермный скоро бѣжалъ изъ Кіева, нечаянно увидѣвъ, предъ стѣнами онаго, знамена Рюрика и Мстислава Смоленскаго. Онъ нанялъ Половцевъ: Рюрикъ сперва отразилъ его; но Чермный призвалъ союзниковъ, Владиміра Игоревича Галицкаго и Князей Туровскихъ, потомковъ Святополка-Михаила, неблагодарно

Коварство Всеволода Чермнаго.

Г. 1207.

измѣнившихъ своему зятю. Ничто не могло имъ противиться. Рюрикъ вторично удалился въ Овручь; Мстиславъ, осажденный въ Бѣлѣгородѣ, просилъ только свободы возвратиться въ Смоленскъ. Триполь, Торческъ сдалися, и Святославичь сѣлъ опять на престолѣ Кіевскомъ. Половцы торжествовали счастливый успѣхъ союзника своего грабежемъ и всякими злодѣйствами въ окрестностяхъ Днѣпра: бѣдный народъ, стеная, простиралъ руки къ Великому Князю.

Всеволодъ Георгіевичъ наконецъ вооружился. „Южная Россія есть также мое отечество,“ сказалъ онъ, и выступилъ къ Москвѣ, гдѣ ожидалъ его Константинъ съ войскомъ Новогородскимъ (122). На берегу Оки соединились съ нимъ Князья Муромскій и Рязанскіе. Всѣ думали, что цѣлію сего ополченія будетъ Кіевъ: случилось, чего никто не ожидалъ. Великому Князю объявили, что Рязанскіе Владѣтели суть измѣнники и тайно держатъ сторону Черниговскихъ: онъ повѣрилъ, и сказавъ словами Давида: *ядый хлѣбъ мой возвеличилъ есть на мя препинаніе*, рѣшился наказать ихъ строго. Не предвидя своего бѣдствія, они собрались въ ставкѣ у Всеволода, чтобы веселиться за Княжескимъ столомъ его (123). Всеволодъ, въ знакъ дружбы обнявъ несчастныхъ, удалился: тогда Бояринъ его и Давидъ Муромскій явились уличать дѣйствительныхъ или мнимыхъ измѣнниковъ, которые тщетно именемъ Бога

Бѣдствіе Рязанскихъ Князей.

Сентября 22.

клялися въ своей невинности: двое изъ Князей же Рязанскихъ, Олегъ и Глѣбъ Владимiровичи, пристали къ обвинителямъ или *клеветникамъ*, по выраженiю Новогородскаго Лѣтописца, и Всеволодъ осудилъ Романа Глѣбовича, Святослава (брата его) съ двумя сыновьями и племянниками (дѣтьми Игоря), также нѣкоторыхъ Бояръ; велѣлъ отвезти ихъ въ Владимiръ, окованныхъ тяжкими цѣпями, и вступилъ съ войскомъ въ область Рязанскую. Жители Пронска, усердные къ своимъ Государямъ, отвергнули мирныя его предложенiя. Юный Князь ихъ, Михаилъ, бѣжалъ къ тестю, Всеволоду Чермному (124); но граждане, призвавъ къ себѣ другаго Князя Рязанскаго, Изяслава Владимiровича, брата Олегова и Глѣбова, оборонялись мужественно. Непрiятель стоялъ на берегу рѣки: не имѣя колодезей, изнемогая отъ жажды, они ночью выходили изъ города и въ тишинѣ наполняли сосуды водою: узнавъ о томъ, Великiй Князь поставилъ стражу предъ городскими воротами. Кровь лилася ежедневно въ теченiе трехъ недѣль (125). Остервененiе гражданъ уступило наконецъ крайности, ибо многiе люди умирали отъ жажды. Пронскъ сдался: Всеволодъ наградилъ имъ Олега Владимiровича, можетъ быть за гнусную клевету его; взялъ множество добычи, и плѣнилъ жену Михаилову. Во время сей осады Рязанцы нападали на суда Всеволодовы, подвозившiя Окою съѣстные припасы войску; но бывъ отраже-

ны, изъявили покорность. Епископъ ихъ, Арсеній, встрѣтилъ Великаго Князя съ моленіемъ. „Государь!" сказалъ онъ: „удержи „руку мести; пощади храмы Всевышняго, „гдѣ народъ приноситъ жертву Небу, и гдѣ „мы за тебя молимся. Верховная воля твоя „будетъ намъ закономъ." Не имѣя надежды съ успѣхомъ противиться Всеволоду, народъ Рязанскій прислалъ къ нему остальныхъ Князей своихъ, съ ихъ дѣтьми и женами, въ Владиміръ, куда сей Государь возвратился, свѣдавъ, что Рюрикъ опять выгналъ Чермнаго изъ Кіева (126).

Хитрость Всеволода.

Всеволодъ Георгіевичъ уже не хотѣлъ разстаться съ Константиномъ; довольный Новогородцами, милостиво одарилъ ихъ въ Коломнѣ, и велѣлъ имъ итти съ миромъ въ свою отчизну, сказавъ торжественно: „Исполняю желаніе народа добраго; возвра„щаю вамъ всѣ права людей свободныхъ, всѣ „уставы Князей древнихъ. Отнынѣ управ„ляйте сами собою: любите своихъ благо„дѣтелей и казните злодѣевъ (127)!" Сія удивительная рѣчь Князя властолюбиваго была хитростію: онъ зналъ неудовольствіе граждан, которые жаловались на отяготительныя подати и разныя дѣйствія Княжескаго самовластія. Современный Лѣтописецъ сказываетъ одно изъ оныхъ: Всеволодъ, обманутый ложнымъ доносомъ, за нѣсколько времени до Рязанскаго похода прислалъ въ Новгородъ Боярина своего и велѣлъ, безъ

всякаго изслѣдованія, умертвить знатнаго гражданина, Алексѣя Сбыславича, торжественно, на Вѣчѣ Двора Ярославова. Сіе насиліе произвело всеобщее негодованіе: сожалѣли о невинной жертвѣ; видѣли, что Константинъ есть только орудіе самовластнаго отца, и что истинный Государь Новагорода живетъ въ Владимірѣ. Опасаясь слѣдствій такого впечатлѣнія, Великій Князь хотѣлъ польстить народу мнимымъ возстановленіемъ прежней свободы; хотѣлъ казаться единственно великодушнымъ его покровителемъ, а въ самомъ дѣлѣ остаться Государемъ Новогородцевъ; отпустилъ ихъ войско, но удержалъ въ Владимірѣ Посадника Димитрія (раненнаго въ битвѣ) и семь знаменитѣйшихъ гражданъ въ залогъ вѣрности. Между тѣмъ народъ спѣшилъ воспользоваться древнею вольностію, ему объявленною, и на шумномъ Вѣчѣ осудилъ Димитрія, доказывая, что онъ и братья его были виновниками многихъ беззаконныхъ налоговъ. Судьи обратились въ мятежниковъ: разграбили, сожгли домы обвиняемыхъ; продали ихъ рабовъ, села; раздѣлили деньги: каждому гражданину пришлось по нѣскольку гривенъ [128]; а Князю оставили право взыскивать платежъ съ должниковъ Димитрія по счетамъ и письменнымъ обязательствамъ. Многіе чиновники разбогатѣли, тайно присвоивъ себѣ большую часть взятаго имѣнія. Еще волненіе не утихло, когда привезли

изъ Владиміра въ Новгородъ тѣло умершаго Димитрія Посадника: озлобленный народъ хотѣлъ бросить его съ моста; но Архіепископъ Митрофанъ удержалъ неистовыхъ, и велѣлъ предать оное землѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ, подлѣ могилы отца Димитріева. Сынъ Великаго Князя, Святославъ, вторично пріѣхалъ управлять Новогород-
Г. 1208. скою областію; взялъ оставленную ему часть изъ имѣнія осужденныхъ, и согласился довершить народную месть ссылкою ихъ дѣтей и родственниковъ въ Суздаль (129). Не достигнувъ еще и юношескаго возраста, онъ повелѣвалъ только именемъ, и не могъ предводительствовать войскомъ, которое сражалось тогда съ Литвою подъ начальствомъ Владиміра Мстиславича: сей юный Князь, сынъ Мстислава *Храбраго*, господствовалъ во Псковѣ съ согласія Новогородцевъ или Князя ихъ.

Поручивъ область Рязанскую Намѣстникамъ и Тіунамъ, Всеволодъ скоро отправилъ туда княжить сына своего, Ярослава - Ѳеодора. Народъ повиновался ему неохотно, жалѣя о собственныхъ Князьяхъ, заключенныхъ въ Владимірѣ. Лѣтописецъ Суздальскій обвиняетъ Рязанцевъ даже въ явномъ бунтѣ, сказывая, что они уморили въ темницѣ многихъ Бояръ Владимірскихъ: сею ли дерзостію или чѣмъ другимъ оскорбленный, Всеволодъ пришелъ съ войскомъ къ Рязани. Ярославъ выѣхалъ къ нему на встрѣ-

чу вмѣстѣ съ Послами, которые именемъ народа предложили свои оправданія или требованія, но столь нескромно, что Великій Князь, еще болѣе разгнѣванный, явилъ примѣръ излишней строгости; велѣлъ жителямъ выйти съ дѣтьми изъ города и зажечь его. Напрасно хотѣли они моленіемъ смягчить грознаго Государя: сія столица Удѣла знаменитаго обратилась въ кучу пепла, и бѣдные граждане, лишенные отечества, были разселены по отдаленнымъ мѣстамъ Суздальскаго Княженія. Ту же участь имѣлъ и Бѣлгородъ Рязанскій (130). Самый Епископъ Арсеній какъ плѣнникъ былъ привезенъ въ Владиміръ. — Князь Изяславъ Владиміровичъ, который спасся отъ неволи, и Михаилъ, зять Чермнаго, мстили Всеволоду опустошеніемъ Московскихъ окрестностей; но сынъ Великаго Князя, Георгій, разбилъ ихъ на голову.

Жестокость Великаго Князя.

Г. 1209.

Въ сіе время дерзнулъ Владѣтель ничтожнаго Удѣла объявить себя врагомъ Государя страшнаго для иныхъ, сильнѣйшихъ Князей. Мстиславъ, старшій сынъ Мстислава *Храбраго*, племянникъ Рюрика, служилъ ему усердно, прославилъ себя мужественною, упорною защитою Торческа, и принужденный выѣхать оттуда, получилъ отъ Смоленскаго Князя Удѣлъ Торопецкій (131). Зная, сколь память отца его любезна Новугороду; зная, что многіе чиновники и самый народъ не любятъ тамъ опеки Всеволодовой, онъ смѣло предпріялъ воспользоваться ихъ тай-

Смѣлость Мстислава.

нымъ расположеніемъ; вступилъ съ дружиною въ Торжекъ, плѣнилъ Дворянъ Святославовыхъ, оковалъ цѣпями Намѣстника его, взялъ ихъ имѣніе. Посолъ Мстиславовъ явился въ Новѣгородѣ, и сказалъ народу слѣдующія слова отъ имени Князя: „Кланяюся Святой „Софіи, гробу отца моего и всѣмъ добрымъ „гражданамъ. Я свѣдалъ, что Князья угнетаютъ васъ нынѣ, и что насиліе ихъ заступило мѣсто прежней вольности. Новгородъ есть моя отчина: я пришелъ возстановить древнія права любезнаго мнѣ „народа." Сія рѣчь плѣнила Новогородцевъ: они прославили великодушіе Мстислава, единогласно объявили его своимъ Княземъ и заключили Святослава съ Боярами Владимірскими въ домѣ Архіерейскомъ. Мстиславъ, встрѣченный съ громкими восклицаніями радости, немедленно собралъ войско, желая предупредить Великаго Князя; но сей Государь, или опасаясь, чтобы Новогородцы въ озлобленіи не умертвили Святослава, или зная ихъ легкомысліе и надѣясь управиться съ ними безъ кровопролитія, не хотѣлъ битвы; предложилъ миръ, назвался отцемъ Мстислава, и довольный освобожденіемъ сына, отпустилъ всѣхъ купцевъ Новогородскихъ, задержанныхъ въ Суздальской области. Обѣ рати возвратились, не обнаживъ меча, и Константинъ, начальникъ полковъ Владимірскихъ, привезъ Святослава къ родителю [182].

Великій Князь, завоевавъ берега Пры, гдѣ еще держались Изяславъ и Михаилъ Рязанскіе, доказалъ любовь свою къ общему спокойствію миромъ съ Ольговичами (133). Глава Духовенства, Митрополитъ Матөей, былъ посредникомъ, и самъ пріѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію народа; угощенный, обласканный всѣмъ Княжескимъ Домомъ, склонилъ Всеволода предать забвенію наглое, обидное изгнаніе сына его изъ Переяславля. Новыя клятвы утвердили союзъ. Всеволодъ Чермный столь любилъ Кіевъ, что согласился отдать за него древнюю столицу своей наслѣдственной области: Рюрикъ взялъ Черниговъ, а южный Переяславль, гдѣ злодѣйствовали тогда Половцы, остался Удѣломъ Великаго Княженія. Митрополитъ исходатайствовалъ свободу Княгинямъ Рязанскимъ, но не могъ избавить Князей отъ неволи. Всѣ были довольны, и Чермный въ залогъ вѣрности прислалъ въ Владиміръ дочь свою, которая совокупилась бракомъ съ Георгіемъ, вторымъ сыномъ Великаго Князя.

Г. 1210. Миръ съ Ольговичами.

Г. 1211, Апрѣля 10.

Въ сіи дни общаго мира земля Галицкая была позорищемъ неустройства, жертвою коварныхъ иноплеменниковъ и собственныхъ враговъ спокойствія. Не смотря на внѣшнія и внутреннія опасности, на угрозы Венгровъ и Ляховъ, на строптивость народа и мятежный духъ Бояръ, безразсудные Игоревичи искали непріятелей другъ въ другѣ. Романъ Звенигородскій, озлобленный стар-

Мятежи въ Галичѣ.

шимъ братомъ, ушелъ въ Венгрію, и съ помощію Короля Андрея изгнавъ Владиміра Игоревича, сѣлъ на престолѣ Галицкомъ, къ изумленію Даніиловой матери, которая надѣялась, что Андрей отдастъ сіе Княженіе сыну ея. Другой покровитель Даніиловъ также измѣнилъ своему обѣту. Видя междоусобіе Игоревичей, Лешко Бѣлый соединился съ Александромъ Бельзскимъ, сыномъ умершаго Всеволода Мстиславича, и приступилъ къ городу Владиміру. Жители не хотѣли обороняться, отворили ворота и сказали Полякамъ: „вы друзья наши; съ вами племян-„никъ Великаго Романа.“ Сіи мнимые друзья ограбили домы, церкви; плѣнили Святослава Игоревича; отдали Владиміръ Александру. Лешко женился на его дочери, Гремиславѣ; и чтобы не оставить сыновей Романовыхъ совершенно безъ Удѣла, отпустилъ малолѣтнаго Василька княжить въ Брестъ, исполняя требованіе тамошнихъ гражданъ: Александръ уступилъ ему послѣ и Бельзъ.

Такимъ образомъ ясно обнаружилось намѣреніе Венгровъ и Ляховъ: они имѣли случай и не захотѣли возстановить сильнаго Дому Романова, опасаясь его могущества; раздѣленіе областей Галицкой и Владимірской (въ самое сіе время опустошаемой Ятвягами, Литвою) казалось благопріятнымъ для Политики Андрея и Лешка. Вѣроятно также, что слабый Романъ Игоревичъ и не менѣе слабый Александръ, обязанные милостію

сихъ Монарховъ, долженствовали господствовать только въ качествѣ ихъ данниковъ или *подручниковъ*. Первый не сдержалъ, кажется, слова: для того Андрей прислалъ войско въ Галичь съ Вельможею Бенедиктомъ, который, схвативъ Романа (безпечно мывшагося въ банѣ), отправилъ въ Венгрію, а самъ началъ свирѣпствовать какъ *Антихристъ*, по выраженію Лѣтописца, удовлетворяя гнуснѣйшимъ вожделѣніямъ своего развратнаго сердца, тѣсня чиновниковъ и гражданъ. Кто имѣлъ богатство или прекрасную жену, не могъ быть спокоенъ; кто обличалъ тиранство, подвергался казни или заточенію. Въ числѣ смѣлыхъ Бояръ находился Тимоѳей Книжникъ, родомъ Кіевлянинъ: онъ дерзнулъ укорять злаго Властелина и едва могъ спастися бѣгствомъ. Такъ и во время Андреева правленія въ Галичѣ насильствовали Венгры: по крайней мѣрѣ Андрей имѣлъ право Государя; сей же Бенедиктъ не имѣлъ никакого законнаго. Народъ и Вельможи искали способа избавиться отъ иноплеменнаго злодѣя. Первый опытъ былъ неудаченъ. Мстиславъ, прозваніемъ *Нѣмый*, сынъ Ярослава Луцкаго, господствуя въ Пересопницѣ, взялъ на себя изгнать Бенедикта: онъ пріѣхалъ съ дружиною къ Галичу; но Венгры остереглися: стражи ихъ стояли у воротъ; тишина царствовала въ городѣ, и Мстиславъ, боясь участи Берладникова сына, удалился. Здѣсь Лѣтописецъ при-

бавляетъ, что близъ Днѣстра находилась древняя могила, именуемая *Галичиною*, отъ коей произошло имя *Галиціи*; что одинъ Бояринъ, смѣясь Мстиславу, возвелъ его на сію могилу, и сказалъ: ,, Князь! теперь безъ ,,стыда можешь ѣхать назадъ: ты былъ на ,, *Галичинѣ*!"

Въ сіе время Романъ Игоревичь бѣжалъ изъ Венгріи и примирился съ братомъ Владиміромъ: къ нимъ обратился несчастный народъ Галицкій, обвиняя себя въ томъ, что не умѣлъ прежде цѣнить благословеннаго ихъ княженія. Они собрали войско и заставили Бенедикта уйти въ Карпатскія горы. Спокойствіе возстановилось. Романъ удовольствовался Звенигородомъ; Святославъ Игоревичь, освобожденный Поляками, взялъ себѣ Перемышль; Владиміръ, какъ старшій, остался княжить въ столицѣ, отдавъ сыну Теребовль, а другаго сына пославъ съ дарами къ Королю Венгерскому, чтобы обезоружить его и властвовать безопасно.

Говорятъ, что бѣдствіе есть учитель: оно имѣетъ сію выгоду только для умовъ основательныхъ; другіе, испытавъ несчастіе, хотятъ руководствоваться въ дѣлахъ новыми правилами, и впадаютъ въ новыя заблужденія. Желая утвердиться на шаткомъ тронѣ Галицкомъ; обвиняя прежнюю слабость свою въ излишнемъ самовольствѣ тамошнихъ Вельможъ, и приписывая блестящее государствованіе Романа Мстиславича одной его строгости,

Игоревичи вздумали казнію первостепенныхъ Бояръ обуздать народъ, и погубили себя невозвратно: безъ явной, особенной вины, безъ улики, безъ суда, исполнители Княжеской воли хватали знатнѣйшихъ людей, убивали, и произвели всеобщій ужасъ. Но многіе изъ обреченныхъ на смерть имѣли время спастися, и въ томъ числѣ Бояринъ Владиславъ, которому Игоревичи обязаны были престоломъ Галицкимъ. Сей Вельможа, вмѣстѣ съ другими бѣжавъ въ Венгрію, молилъ Андрея, чтобы онъ далъ имъ отрока Даніила и войско для изгнанія жестокихъ Игоревичей, неблагодарныхъ, забывшихъ милость Королевскую. Непрестанно лаская Даніила — обѣщая то усыновить, то женить его на своей дочери — Андрей до сего времени благодѣтельствовалъ ему одними словами. Тогда еще не имѣя сыновей, по крайней мѣрѣ взрослыхъ; разсудивъ, что гораздо надежнѣе управлять Галиціею именемъ ея законнаго Князя, нежели собственнымъ, чрезъ Венгерскихъ Бароновъ, ненавистныхъ Россіянамъ; думая, что юный Даніилъ, отчасти имъ воспитанный, охотнѣе Игоревичей можетъ быть его подручникомъ: Андрей исполнилъ требованіе Галицкихъ Бояръ, и Владиславъ, окруженный полками Венгровъ, вступилъ съ Княземъ отрокомъ въ предѣлы отечества. Города сдавались. „За кого вамъ сра„жаться?" говорилъ одушевленный местію Владиславъ: „за убійцъ ли, которые злодѣй-

„ски умертвили вашихъ отцевъ и братьевъ, „похитили ихъ имѣніе, женили рабовъ на „дочеряхъ Боярскихъ?" Граждане Перемышля выдали ему Святослава Игоревича (134). Романъ въ Звенигородѣ оборонялся, призвавъ Половцевъ. Но всѣ сосѣдственные Князья возстали на Игоревичей: Александръ Владимірскій, Ярославичи, Ингварь Луцкій и Мстиславъ Нѣмый; малолѣтный Василько прислалъ изъ Белза къ брату Даніилу свою дружину; самые Ляхи соединились съ Венграми, чтобы участвовать въ выгодахъ сего ополченія. Романа Звенигородскаго плѣнили въ бѣгствѣ: Владиміръ ушелъ. Юному Даніилу вручили державу Княжескую. Родительница спѣшила обнять его: онъ не узналъ матери, бывъ долго въ разлукѣ съ нею; но тѣмъ болѣе изъявилъ чувствительности, услышавъ отъ нее имя сына, и видя ея радостныя слезы. Среди Вельможъ и народа сей величественный отрокъ уже казался повелителемъ, благородною наружностію предвѣщая свою будущую знаменитость.

Но еще не могъ онъ властвовать дѣйствительно: Венгры, Ляхи, Князья сосѣдственные и гордые Бояре надѣялись пользоваться его малолѣтствомъ. Ему отдали Галичъ, но Владиміръ остался за Александромъ, Червенъ за Всеволодомъ, Александровымъ братомъ. Въ самомъ Галичѣ Даніилъ находился подъ опекою своевольныхъ, недостойныхъ Вельможъ, и не могъ спасти Русскаго имени отъ поношенія, будучи свидѣте-

лемъ гнуснѣйшаго злодѣянія. Воеводы Андреевы, Великій Дворецкій, именемъ Попъ, и другіе, плѣнивъ Игоревичей, хотѣли отвезти ихъ къ Королю; но Бояре Галицкіе, движимые злобою, требовали сихъ несчастныхъ для торжественной казни. Венгры колебались: наконецъ, убѣжденные дарами, выдали имъ жертвы, и Галичане рѣдкимъ неистовствомъ заслужили въ древней Россіи имя *безбожныхъ*, данное имъ въ современной лѣтописи: били, терзали и повѣсили своихъ бывшихъ Князей (135). Сіе государственное преступленіе долженствовало бы вооружить всѣхъ потомковъ Св. Владиміра: къ сожалѣнію, кончина Великаго Князя и новыя междоусобія отвлекли ихъ вниманіе отъ мятежной земли Галицкой.

Всеволодъ, призвавъ къ себѣ Константина изъ Новагорода, назначилъ ему въ Удѣлъ Ростовъ съ пятью городами; за нѣсколько же времени до смерти назвалъ его преемникомъ Великокняжескаго достоинства, съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ Ростовскую область брату Георгію. Константинъ не хотѣлъ выѣхать изъ своего Удѣла, желая наслѣдовать цѣлое Великое Княженіе Суздальское (136). Раздраженный столь явнымъ неповиновеніемъ, отецъ созвалъ Бояръ изъ всѣхъ городовъ, Епископа Іоанна, Игуменовъ, Священниковъ, купцевъ, Дворянъ, и въ ихъ многочисленномъ собраніи объявилъ, что наслѣдникомъ его долженъ быть вторый сынъ

Г. 1212.

Неповиновеніе Константина.

*

Георгій; что онъ ему поручаетъ и Великую Княгиню и меньшихъ братьевъ. Константина любили, уважали; но безмолвствовали предъ священною властію отца: сынъ ослушный казался преступникомъ, и всѣ, исполняя волю Великаго Князя, присягнули избранному наслѣднику. Константинъ оскорбился, негодовалъ и, какъ говорятъ Лѣтописцы, со *гнѣвомъ воздвигъ брови свои на Георгія* (137). Добрые сыны отечества съ горестію угадывали слѣдствія.

Всеволодъ Георгіевичъ, княживъ 37 лѣтъ, спокойно и тихо преставился на пятьдесятъ-осьмомъ году жизни, оплакиваемый не только *супругою, дѣтьми, Боярами,* но и всѣмъ народомъ (138): ибо сей Государь, называемый въ лѣтописяхъ *Великимъ*, княжилъ счастливо, благоразумно отъ самой юности, и строго наблюдалъ правосудіе. Не бѣдные, не слабые трепетали его, а Вельможи корыстолюбивые. Не *обинуяся лица сильныхъ*, по словамъ Лѣтописца, *и не туне нося мечь, ему Богомъ данный*, онъ казнилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ. Воспитанный въ Греціи, Всеволодъ могъ научиться тамъ хитрости, а не человѣколюбію: иногда мстилъ жестоко, но хотѣлъ всегда казаться справедливымъ, уважая древнія обыкновенія; требовалъ покорности отъ Князей, но безъ вины не отнималъ у нихъ престоловъ, и желалъ властвовать безъ насилія; повелѣвая Новогородцами, льстилъ ихъ любви къ свободѣ; мужествен-

1 Апрѣля 1212. Кончина и характеръ Всеволода Великаго.

ный въ битвахъ, и въ каждой побѣдитель, не любилъ кровопролитія безполезнаго. Однимъ словомъ, онъ былъ рожденъ царствовать (хвала не всегда заслуживаемая Царями!), и хотя не могъ назваться Самодержавнымъ Государемъ Россіи, однакожъ, подобно Андрею Боголюбскому, напомнилъ ей счастливые дни Единовластія. Новѣйшіе Лѣтописцы, славя добродѣтели сего Князя, говорятъ, что онъ довершилъ месть, начатую Михаиломъ: казнилъ всѣхъ убійцъ Андреевыхъ, которые еще были живы; а главныхъ злодѣевъ, Кучковичей, велѣлъ зашить въ коробъ и бросить въ воду. Сіе извѣстіе согласно отчасти съ древнимъ преданіемъ: близъ города Владиміра есть озеро, называемое Пловучимъ; разсказываютъ, что въ немъ утоплены Кучковичи, и суевѣріе прибавляетъ, что тѣла ихъ донынѣ плаваютъ тамъ въ коробѣ (139)!

Доказавъ свою набожность, по тогдашнему обычаю, сооруженіемъ храмовъ, Всеволодъ оставилъ и другіе памятники своего княженія: кромѣ города Остера, имъ возобновленнаго, онъ построилъ крѣпости въ Владимірѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ и Суздалѣ (140).

Всеволодъ въ 1209 году сочетался вторымъ бракомъ съ дочерью Витебскаго Князя, Василька Брячиславича (141). Первою его супругою была Марія, родомъ Ясыня, славная благочестіемъ и мудростію. Въ послѣднія семь лѣтъ жизни страдая тяжкимъ недугомъ, она изъявляла удивительное терпѣніе, часто

сравнивала себя съ Іовомъ (142), и за 18 дней до кончины постриглась; готовясь умереть, призвала сыновей и заклинала ихъ жить въ любви, напомнивъ имъ мудрыя слова Великаго Ярослава, что междоусобіе губитъ Князей и отечество, возвеличенное трудами предковъ; совѣтовала дѣтямъ быть набожными, трезвыми, вообще привѣтливыми и въ особенности уважать старцевъ, по изрѣченію Библіи: *во мнозѣмъ времени премудрость, во мнозѣ житіи вѣдѣніе.* Лѣтописцы хвалятъ ее также за украшеніе церквей серебряными и *золотыми* сосудами; называютъ Россійскою Еленою, Ѳеодорою, второю Ольгою. Она была матерію осьми сыновей, изъ коихъ двое умерли во младенчествѣ. Лѣтописецъ Суздальскій, упоминая о рожденіи каждаго, сказываетъ, что ихъ на четвертомъ или пятомъ году жизни торжественно *постригали и сажали на коней* въ присутствіи Епископа, Бояръ, гражданъ (143); что Всеволодъ давалъ тогда пиры роскошные, угощалъ Князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, серебромъ, конями, одеждами, а Бояръ тканями и мѣхами. Сей достопамятный обрядъ такъ называемыхъ *Постригъ*, или перваго обрѣзанія волосовъ у дѣтей мужескаго полу, кажется остаткомъ язычества: знаменовалъ вступленіе ихъ въ бытіе гражданское, въ чинъ благородныхъ всадниковъ, (144) и соблюдался не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ Славянскихъ: на примѣръ, у Ляховъ, ко-

Мудрость Великой Княгини.

Постриги.

ихъ древнѣйшій Историкъ пишетъ, что два странника, богато угощенные Піастомъ, *остригли волосы* его сыну-младенцу и *дали имя* Семовита (145).

Въ Исторію сего времени входитъ слѣдующее любопытное извѣстіе, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ достовѣрное. Послѣ 1175 года не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ о сынѣ Андрея Боголюбскаго, Георгіи; но онъ является важнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ Исторіи Грузинской. „Въ „1171 году юная Тамирь, дочь Царя, Георгія III, наслѣдовала престолъ родителя. „Духовенство и Бояре искали ей жениха: „тогда одинъ Вельможа Тифлисскій, именемъ „Абуласанъ, предложилъ собранію, что сынъ „Великаго Князя Россійскаго, Андрея, дядею Всеволодомъ изгнанный и заточенный „въ *Савалту*, ушелъ оттуда въ *Свинчъ* къ „Хану Кипчакскому (или Половецкому), и „что сей юноша, знаменитый родомъ, умомъ, „храбростію, достоинъ быть супругомъ ихъ „Царицы. Одобрили мысль Абуласанову; послали за Княземъ, и Тамирь сочеталась съ „нимъ бракомъ. Нѣсколько времени бывъ счастіемъ супруги и славою Государства, онъ „перемѣнился въ дѣлахъ и нравѣ: Тамирь, „исполняя волю Совѣта, долженствовала изгнать его, но щедро наградила богатствомъ. Князь удалился въ Черноморскія „области, въ Грецію; велъ жизнь странника, скучалъ, возвратился опять въ Грузію

Князь Россійскій въ Грузіи.

,,преклонилъ къ себѣ многихъ жителей и ,,хотѣлъ взять Тифлисъ; но, побѣжденный ,,Тамирію, съ ея дозволенія, безопасно и съ ,,честію выѣхалъ, неизвѣстно куда." Сія Тамиръ славилась побѣдами, одержанными ею надъ Персіянами и Турками; завоевала разные города и земли; любила Науки, Исторію, Стихотворство, и время ея считалось златымъ вѣкомъ Грузинской Словесности. Сынъ Тамиринъ, Георгій Лашъ, по кончинѣ матери царствовалъ отъ 1198 до 1211 года (146).

Замѣтимъ нѣкоторые бѣдственные случаи долговременнаго княженія Всеволодова. Два раза горѣлъ при немъ Владиміръ: въ 1185 году огонь разрушилъ тамъ 32 церкви каменныя и Соборную, богато украшенную Андреемъ; ея серебряныя паникадила, златые сосуды, одежды служебныя, вышитыя жемчугомъ, драгоцѣнныя иконы, парчи, куны или деньги, хранимыя въ теремѣ, и всѣ книги были жертвою пламени. Чрезъ пять лѣтъ случилось такое же несчастіе для цѣлой половины Владиміра: едва могли отстоять дворецъ Княжескій; а въ Новѣгородѣ многіе люди, устрашенные безпрестанными пожарами, оставили домы и жили въ полѣ: въ одинъ день сгорѣло тамъ 4300 домовъ. Многіе другіе города: Руса, Ладога, Ростовъ, обратились въ пепелъ. Въ 1187 году свирѣпствовала какая-то общая болѣзнь въ городахъ и селахъ: Лѣтописцы говорятъ, что ни одинъ

Разныя бѣдствія.

домъ не избѣжалъ заразы, и во многихъ не кому было принести воды. Въ 1196 году вся область Кіевская чувствовала землетрясеніе: домы, церкви колебались, и жители, не пріученные къ сему обыкновенному въ жаркихъ климатахъ явленію, *трепетали и падали ницъ отъ страха*(147).

Въ княженіе Всеволода былъ завоеванъ Крестоносцами Царьградъ: происшествіе важное и горестное для тогдашнихъ Россіянъ, тѣсно связанныхъ съ Греками по Вѣрѣ и торговлѣ! Взятіе Царяграда и Кіева случилось въ одинъ годъ (1204): суевѣрные Лѣтописцы наши говорятъ, что многія страшныя явленія въ ту зиму предвѣщали бѣдствіе; что небо казалось въ огнѣ, метеоры сверкали въ воздухѣ и снѣгъ имѣлъ цвѣтъ крови (148). Французы, Венеціане, ограбивъ богатые храмы, похитивъ драгоцѣнности искусства и мощи Святыхъ, избрали не только собственнаго Императора, но и Патріарха Латинскаго: Греческій, оставивъ имъ въ добычу казну Софійскую, въ одномъ бѣдномъ хитонѣ уѣхалъ на ослѣ во Ѳракію. Папа Иннокентій III, желая воспользоваться симъ случаемъ, писалъ къ Духовенству нашему, что Вѣра истинная торжествуетъ; что вся Греческая Имперія уже ему повинуется; что мы ли одни захотимъ быть отверженными отъ паствы Христовой; что Церковь Римская есть ковчегъ спасенія, и что внѣ онаго все должно погибнуть; что Карди-

Взятіе Царяграда.

налъ Г., мужъ ученый, благородный, Посолъ Намѣстника Апостольскаго, уполномоченъ отъ него быть просвѣтителемъ Россіи, истребителемъ ея заблужденій, и проч. (149). Сіе Пастырское увѣщаніе не имѣло никакого слѣдствія, и Митрополиты наши были оттолѣ поставляемы въ Никеѣ, новой столицѣ Греческихъ Константинопольскихъ Патріарховъ, до самаго изгнанія Крестоносцевъ изъ Царяграда.

Нѣмцы въ Ливоніи.

Тогда же другіе *Крестоносцы* сдѣлались опасны для сѣверо-западной Россіи. Мы упоминали о Меингардѣ, проповѣдникѣ Латинской Вѣры въ Ливоніи: преемники его, утверждаемые Главою Бременской Церкви въ санѣ Епископовъ, для вѣрнѣйшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ прибѣгнули къ оружію, и Папа отпускалъ грѣхи всякому, кто подъ знаменіемъ креста лилъ кровь упрямыхъ язычниковъ на берегахъ Двины. Ежегодно изъ Нѣмецкой земли толпами отправлялись туда странствующіе богомольцы, но не съ посохомъ, а съ мечемъ, искать спасенія души въ убійствѣ людей. Третій Епископъ Ливонскій, Альбертъ, избравъ мѣсто удобное для пристани, въ 1200 году основалъ городъ Ригу, а въ 1201 *Орденъ Христовыхъ воиновъ* или *Меченосцевъ*, которымъ Папа, Иннокентій III, далъ уставъ славныхъ *Рыцарей Храма*, подчинивъ ихъ Епископу Рижскому: *крестъ* и *мечъ* были символомъ сего новаго братства. Россіяне назывались господами

Основаніе Риги.

Орденъ Меченосцевъ.

Ливоніи, имѣли даже крѣпость на Двинѣ, Коконойсъ (нынѣ Кокенхузенъ); однакожъ, собирая дань съ жителей, не препятствовали Альберту волею и неволею крестить идолопоклонниковъ. Сей хитрый Епископъ отъ времени до времени дарилъ Князя Полоцкаго, Владиміра, увѣряя его, что Нѣмцы думаютъ единственно о распространеніи истинной Вѣры. Но Альбертъ говорилъ какъ Христіанинъ, а дѣйствовалъ какъ Политикъ: умножалъ число воиновъ, строилъ крѣпости, хотѣлъ и духовнаго и мірскаго господства. Бѣдные жители не знали, кому повиноваться, Россіянамъ или Нѣмцамъ: единоплеменники Финновъ, Ливь, желали, чтобы первые освободили ихъ отъ тиранства Рыцарей, а Латыши изъявляли усердіе къ послѣднимъ. Наконецъ Князь Владиміръ объявилъ войну опаснымъ пришельцамъ: осаждалъ Икскуль, и не могъ въ 1200 году взять Кирхгольма, ибо Россіяне, искусные стрѣлки, по сказанію Ливонскаго древняго Лѣтописца, не умѣли дѣйствовать пращею; хотя и переняли сіе орудіе у Нѣмцевъ, но худо бросая камни, били ими своихъ. Владиміръ снялъ осаду — услышавъ, что многіе чужеземные корабли приближаются къ берегамъ Ливоніи — и Двиною возвратился въ Полоцкъ. Флотъ, испугавшій Россіянъ, былъ Датскій: Король Вольдемаръ въ угодность Папѣ шелъ оборонить новую Церковь Ливонскую; присталъ къ Эзелю, хотѣлъ основать тамъ крѣпость, но вдругъ,

перемѣнивъ мысли, удалился, отправивъ въ Ригу Лунденскаго Архіепископа, знаменитаго ученостію Андрея, который въ санѣ Римскаго Посла долженъ былъ способствовать успѣхамъ Католической Вѣры въ сихъ предѣлахъ. Скоро большая часть жителей крестилась: ибо они видѣли, что ихъ ничтожные идолы, разрушаемые сѣкирами Христіанъ, не могли защитить себя. Современный Лѣтописецъ разсказываетъ случай любопытный: Латыши бросили жеребей, какую Вѣру принять имъ, Нѣмецкую или Русскую, и согласно съ волею Судьбы избрали первую. Впрочемъ они долго еще съ нѣкоторою благодарностію хранили въ памяти имена ложныхъ боговъ: Перкуна или громовержца, Земинника или дарователя земныхъ плодовъ, Тора или сѣвернаго Марса, и проч. Ливь и Чудь называли самаго Творца вселенныя именемъ главнаго ихъ идола, Юммала: были уже Христіанами, но ходили еще молиться въ лѣса священные, приносили жертвы древамъ, ежегодно торжествовали праздникъ усопшихъ съ обрядами язычества, и клали въ могилу оружіе, пищу, деньги, говоря мертвому ,,иди, ,,несчастный, въ міръ лучшій, гдѣ Нѣмцы ,,уже не могутъ господствовать надъ то-,,бою, а будутъ твоими рабами (160)!" Сей бѣдный народъ въ теченіе вѣковъ не забывалъ насилія своихъ жестокихъ просвѣтителей! —Довольный услугами Рыцарей, Епископъ Альбертъ уступилъ имъ третію часть по-

коренной Ливоніи; старался болѣе и болѣе утверждать тамъ свое владычество; выгналъ Россіянъ изъ укрѣпленнаго замка Кукенойса, принудивъ Удѣльнаго Князя Двинскаго, именемъ Всеволода, быть данникомъ Рижской Церкви. Сей Князь, женатый на дочери одного знатнаго Литовца, господствовалъ въ Герсикѣ (нынѣшнемъ Крейцбургѣ): онъ дѣлалъ много зла не только Нѣмцамъ, но и Россіянамъ, свободно пропуская Литовскихъ грабителей чрезъ Двину и доставляя имъ съѣстные припасы. Епископъ Альбертъ сжегъ столицу Всеволода, плѣнилъ его Княгиню, многихъ жителей, и съ тѣмъ условіемъ возвратилъ имъ свободу, чтобы сей Князь отказался отъ союза съ Литовцами и навсегда подарилъ свою область Богородицѣ, то есть, Епископу. Всеволодъ подъ тремя знаменами клялся вѣрно служить Матери Божіей; торжественно назвалъ Альберта отцемъ; призналъ себя его Намѣстникомъ въ Герсикѣ [151]! Но сѣверная часть Ливоніи оставалась еще независимою отъ Нѣмцевъ: тамъ хотѣлъ господствовать храбрый Мстиславъ Новогородскій. Взявъ мѣры для безопасности границъ своихъ, укрѣпивъ южныя новыми городами и поручивъ охранять Великія Луки брату, Князю Владиміру Псковскому, онъ ходилъ съ войскомъ (въ 1212 году) на западныя берега Чудскаго озера, собирать дань, наказывать ослушниковъ; осаждалъ крѣпость *Медвѣжью голову* или Оденпе, и взялъ съ жителей 400

гривенъ *ногатами* или *кунами.* (152). Нѣмецкій Лѣтописецъ прибавляетъ, что Князь Новогородскій, крестивъ тогда нѣкоторыхъ язычниковъ, обѣщалъ прислать къ нимъ своихъ Поповъ, но что Альбертовы Миссіонаріи предупредили Россіянъ, и скоро ввели тамъ Вѣру Латинскую.

Духовная власть въ Новѣгородѣ.

Заключая описаніе достопамятныхъ временъ Всеволода III, упомянемъ о случаѣ принадлежащемъ вмѣстѣ и къ церковной и къ свѣтской Исторіи нашего отечества. Въ 1212 году Новогородцы, недовольные Святителемъ Митрофаномъ, безъ всякаго сношенія съ Главою Духовенства, Митрополитомъ Кіевскимъ, изгнали своего Архіепископа и выбрали на его мѣсто бывшаго знаменитаго гражданина, Добрыню Ядренковича, который не задолго до того времени ѣздилъ въ Царьградъ и постригся въ монастырѣ Хутынскомъ, основанномъ въ концѣ XII вѣка Св. Варлаамомъ, близъ Волхова (153). Такъ Новогородцы судили и Князей и Святителей, думая, что власть мірская и духовная происходитъ отъ народа.

ГЛАВА IV.

ГЕОРГІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ, КОНСТАНТИНЪ РОСТОВСКІЙ.

Г. 1212-1216.

Междоусобіе. Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи. Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры. Подвиги Мстислава. Строгость Ярославова. Голодъ въ Новѣгородѣ. Славная битва Липецкая. Великодушіе Мстислава. Епископъ Симонъ.

Совершивъ погребеніе отца, Георгій, съ одобренія Вельможъ, возвратилъ свободу Князьямъ Рязанскимъ, всѣмъ ихъ подданнымъ и Епископу Арсенію. Великое Княженіе Суздальское раздѣлилось тогда на двѣ области: Георгій господствовалъ въ Владимірѣ и Суздалѣ, Константинъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ; оба желали единовластія и считали другъ друга хищниками. Братья ихъ также раздѣлились: Ярославъ-Ѳеодоръ, начальствуя въ Переславлѣ Залѣсскомъ, взялъ сторону Георгія, равно какъ и Святославъ, получивъ въ Удѣлъ Юрьевъ Польскій; Димитрій-Владиміръ остался вѣрнымъ Константину. Ростовскій Князь обратилъ въ пепелъ Кострому, плѣнилъ жителей (154); Георгій два раза приступалъ къ Ростову, и заключивъ весьма неискренній миръ съ Константиномъ, выслалъ Димитрія изъ Москвы. „Даю тебѣ“ (сказалъ онъ) „южный Переяславль, нашу

Г. 1212—1215. Междоусобіе.

,,отчину; господствуй в немъ и блюди землю Русскую.“ Димитрій, какъ бы предчувствуя бѣдствіе, не охотно поѣхалъ въ сей Удѣлъ, нѣкогда знаменитый и столь любезный для его дѣда; женился тамъ на племянницѣ Всеволода Чермнаго, и едва отпраздновавъ свадьбу, долженствовалъ сразиться съ Половцами; не могъ одолѣть варваровъ, и плѣненный ими, былъ отведенъ въ вежи. Онъ года чрезъ три освободился и княжилъ послѣ въ Стародубѣ на Клязьмѣ.

Рюрикъ скончался (166): Князь трезвый, набожный, усердный строитель церквей, впрочемъ не имѣвшій доброй славы братьевъ своихъ: ни кротости Романовой, ни твердости Давида, ни воинской доблести Мстислава Храбраго. Всеволодъ Чермный, желая одинъ начальствовать въ южной Россіи и не боясь уже никого по смерти Великаго Князя, изгналъ сыновей и племянниковъ Рюриковыхъ изъ Удѣловъ Кіевской области. Къ сему насилію онъ прибавилъ клевету: ,,Вы“ (говорилъ Всеволодъ) ,,хотѣли овладѣть Галичемъ, ,,возмутили тамъ народъ, повѣсили моихъ ,,братьевъ какъ разбойниковъ; вы гнуснымъ ,,злодѣяніемъ посрамили имя отечества!“ Изгнанники, удалясь въ область Смоленскую, требовали защиты отъ Мстислава Новогородскаго. Сей мужественный Князь былъ тогда стражемъ сѣверо-западной Россіи: съ одной стороны тревожили оную Литовцы, съ другой властолюбіе Нѣмцевъ угрожало ей

Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи.

великими опасностями. Первые дерзнули ворваться въ самый Псковъ, котораго жители — изгнавъ Князя своего, Владиміра Мстиславича, за его дружескую связь съ Рижскимъ Епископомъ — ходили тогда въ Чудскую землю для собранія дани (156). Литовцы не могли завладѣть городомъ, но выжгли его и разорили окрестности. Мстиславъ Новогородскій далъ Псковитянамъ инаго Князя, своего племянника двоюроднаго, Всеволода Борисовича, а Владиміръ удалился въ Ригу, будучи вѣрнымъ союзникомъ Ордена и тестемъ Епископова брата, Дитриха. Принятый имъ какъ другъ и свойственникъ, онъ имѣлъ случай оказать Нѣмцамъ важную услугу. Современный Лѣтописецъ Ливонскій разсказываетъ, что Князь Полоцкій, Владиміръ, желая объясниться съ Епископомъ Альбертомъ, назначилъ ему свиданіе на берегу Двины, близъ нынѣшняго Крайцбурга. Альбертъ пріѣхалъ туда съ Рыцарями, старѣйшинами Ливонскими, купцами Нѣмецкими и съ Владиміромъ Мстиславичемъ. Князь Полоцкій говорилъ Альберту, чтобы онъ не тревожилъ язычниковъ и не принуждалъ ихъ креститься; что Нѣмцы должны слѣдовать примѣру Россіянъ, которые довольствуются подданствомъ народовъ, оставляя имъ на волю вѣрить Спасителю или не вѣрить. „Нѣтъ!" отвѣтствовалъ съ жаромъ Епископъ: „совѣсть обязываетъ меня крестить идолопоклонниковъ: такъ угодно Богу и Папѣ!" Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры.

Князь грозился обратить въ пепелъ Ригу, и въ гнѣвѣ обнажилъ мечь: Рыцари также изготовились къ битвѣ; но Владиміръ Мстиславичь сталъ между ими, молилъ, убѣждалъ, и сдѣлалъ наконецъ то, что Князь Полоцкій, отдавая справедливость неустрашимости Рыцарей, совершенно уступилъ имъ всю южную Ливонію. Сей Князь чрезъ нѣсколько лѣтъ думалъ поправить свою ошибку и выгнать Нѣмцевъ; но упалъ мертвый въ самую ту минуту, какъ хотѣлъ сѣсть на ладію и плыть къ устью Двины, чтобы осадить Ригу (167). Господствуя въ южной Ливоніи, Рыцари желали покорить и сѣверную, вмѣстѣ съ Эстоніею: узнавъ, что отряды ихъ грабятъ тамошнихъ жителей, Мстиславъ Новогородскій собралъ 15,000 воиновъ; вмѣстѣ съ Княземъ Псковскимъ и Давидомъ Торопецкимъ, братомъ своимъ, выступилъ въ поле; доходилъ до самаго моря. Не встрѣтивъ нигдѣ Нѣмцевъ, которые заблаговременно ушли назадъ въ Ригу, онъ требовалъ дани съ Чуди, осаждалъ Воробьинъ или Верпель, взялъ съ гражданъ 700 гривенъ *ногатами* и разорилъ многія окрестныя селенія (158). Сія западная часть нынѣшней Эстляндской Губерніи находилась тогда въ цвѣтущемъ состояніи; земледѣльцы жили въ изобиліи и деревни были хорошо выстроены: къ несчастію, Албертовы Рыцари скоро огнемъ и мечемъ опустошили всю Эстонію.

Подвиги Мстислава.

Мстиславъ, отдавъ двѣ части взятой дани Новогородцамъ, а третью своимъ Дворянамъ или дружинѣ, спѣшилъ отъ береговъ Бальтійскаго моря къ Днѣпру; прибывъ въ Новгородъ, собралъ Вѣче на *Дворѣ Ярослава* и предложилъ народу отмстить Всеволоду Чермному за обиду Князей Мономахова племени. Граждане любили Мстислава (ибо онъ старался имъ угождать) и единодушно отвѣтствовали: „Князь! куда обратишь свои „очи, тамъ будутъ наши головы" (169)! Сіе усердіе вдругъ охладѣло на пути. Новогородскіе воины поссорились съ Смоленскими, убили одного человѣка въ дракѣ и торжественно объявили, что не хотятъ итти далѣе. Напрасно Князь звалъ ихъ на Вѣче; напрасно думалъ усовѣстить неблагодарныхъ: никто не слушалъ его повелѣнія. „И такъ мы должны разстаться," сказалъ Мстиславъ безъ всякой укоризны; дружески простился съ ними, и вышелъ съ братьями изъ Смоленска. Новогородцы изумились: тогда Посадникъ Твердиславъ напомнилъ имъ, что предки ихъ гордились усердіемъ къ добрымъ Князьямъ, охотно умирали за Ярослава Великаго, и служили примѣромъ для другихъ Россіянъ. Сія рѣчь тронула Новогородцевъ, легкомысленныхъ, однакожъ чувствительныхъ къ народной чести, ко славѣ великодушныхъ подвиговъ. Они догнали Князя, и пылая ревностію, нетерпѣливо желали битвы. Скоро война кончилась. Города отворяли ворота;

два Князя отдалися въ плѣнъ [160]. Всеволодъ Святославичь бѣжалъ изъ Кіева, заключился въ Черниговѣ и съ горести умеръ; а братъ его, Глѣбъ, видя опустошеніе земли своей, покорностію и дарами купилъ миръ. Побѣдители отдали Кіевъ Ингварю Ярославичу Луцкому, который добровольно уступилъ его Князю Смоленскому.

Г. 1215. Храбрый Мстиславъ, учредивъ порядокъ въ завоеванной Днѣпровской области, возвратился въ Новгородъ, но скоро объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, что дѣла отзываютъ его въ южную Россію; что онъ будетъ всегда защитникомъ Новогородцевъ, однакожъ даетъ имъ волю избрать себѣ инаго Князя. Народъ сожалѣлъ объ немъ; долго разсуждалъ, кѣмъ замѣнить Князя столь великодушнаго; наконецъ отправилъ Посадника, Тысячскаго и десять старѣйшихъ купцевъ звать Θеодора Всеволодовича, Мстиславова зятя [161]. Ярославъ-Θеодоръ началъ свое правленіе строгостію и наказаніями; сослалъ въ Тверь нѣкоторыхъ окованныхъ цѣпями чиновниковъ; велѣлъ разграбить дворъ Тысячскаго, оклеветаннаго врагами; взялъ подъ стражу сына и жену его. Возбужденный самимъ Княземъ къ дѣйствіямъ своевольнымъ, народъ искалъ жертвъ, новыхъ преступниковъ; умертвилъ самъ собою двухъ знаменитыхъ гражданъ. Князь не могъ унять мятежниковъ, и съ досадою уѣхалъ въ Торжекъ. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Новагорода сдѣлался

Строгость Ярослава

неурожай: Ярославъ, ослѣпленный злобою, захватилъ весь хлѣбъ въ изобильныхъ мѣстахъ и не пустилъ ни воза въ столицу. Тщетно Послы убѣждали Князя возвратиться: онъ задерживалъ ихъ въ Торжкѣ, призвавъ къ себѣ жену изъ Новагорода, гдѣ уже свирѣпствовалъ голодъ. Четверть ржи стоила около трехъ рублей шестидесяти копеекъ нынѣшними серебряными деньгами, овса рубль 7 копеекъ, возъ рѣпы два рубли 86 копеекъ. Бѣдные ѣли сосновую кору, липовый листъ и мохъ; отдавали дѣтей всякому, кто хотѣлъ ихъ взять, томились, умирали. Трупы лежали на улицахъ, оставленные на снѣденіе псамъ, и люди толпами бѣжали въ сосѣдственныя земли, чтобы избавиться отъ ужасной смерти. Въ послѣдній разъ Новогородцы молили Ярослава утѣшить ихъ своимъ присутствіемъ. „Иди къ Св. Софіи,“ говорили они: „или скажи, что не хочешь быть на„шимъ Княземъ.“ Онъ задержалъ и сихъ Пословъ, вмѣстѣ съ купцами Новогородскими. Чиновники скорбѣли; граждане воплемъ изъявляли отчаяніе; а Намѣстникъ Ярославовъ и Дворяне его были равнодушными зрителями народнаго бѣдствія. Въ то время явился утѣшитель: Мстиславъ великодушный. Новогородцы съ восторгомъ увидѣли его на *Дворѣ Ярослава*. Сей Князь говорилъ, что онъ помнитъ свое обѣщаніе быть всегда ихъ другомъ; что освободитъ невинныхъ граждань заключенныхъ въ Торжкѣ, возстановитъ бла-

Голодъ въ Новѣгородѣ.

Г. 1216, Февр. 11.

годенствіе Новагорода, или положитъ свою голову. Народъ клялся жить и умереть съ добрымъ Мстиславомъ, который, взявъ подъ стражу Бояръ Ярославовыхъ, чрезъ одного умнаго Священника обьявилъ зятю, чтобы онъ, если желаетъ остаться ему сыномъ, выѣхалъ изъ Торжка и немедленно возвратилъ свободу всѣмъ Боярамъ и купцамъ Новогородскимъ [162]. Съ гордостію отвергнувъ мирное предложеніе, Ярославъ изготовился къ войнѣ; сдѣлалъ на пути засѣки, укрѣпленія, и прислалъ сто знаменитыхъ Новгородцевъ въ отчизну ихъ, съ приказаніемъ выпроводить оттуда его тестя. Но сіи люди, видя единодушіе согражданъ, пристали къ нимъ съ радостію. Тогда озлобленный Ярославъ собралъ на полѣ всѣхъ бывшихъ у него Новогородцевъ, числомъ болѣе двухъ тысячь; оковалъ цѣпями и послалъ въ свой городъ, Переславль Залѣскій, отнявъ у нихъ коней, деньги, все имѣніе. Въ надеждѣ на могущество брата, Георгія Владимірскаго, онъ грозился наказать тестя и смѣло подняль руку на кровопролитіе междоусобное. Состояніе Новагорода было достойно жалости: голодъ, болѣзни истребили не малую часть его жителей; другіе скитались по землямъ чуждымъ; знатнѣйшіе люди стенали въ темницахъ Суздальской области; домы и цѣлыя улицы опустѣли. Мстиславъ, собравъ Вѣче, ободрялъ гражданъ своимъ мужествомъ. „Оставимъ ли братьевъ „въ заключеніи и постыдной неволѣ?“ го-

ворилъ онъ народу: „Да воскреснетъ величіе „столицы! да не будетъ она презрителнымъ „Торжкомъ, ни Торжекъ ею [163]! Новгородъ „тамъ, гдѣ Святая Софія. Рать ваша мало- „численна; но Богъ заступникъ правыхъ, и „сильнаго и слабаго!“ Всѣ казались едино- душными; однакожъ нѣкоторые, тайно доброжелательствуя Ярославу, бѣжали къ нему въ Торжекъ. Мстиславъ выступилъ съ остальными и съ братомъ, Княземъ Владиміромъ Псковскимъ (который, бывъ нѣсколько времени начальникомъ маленькой области въ Нѣмецкой Ливоніи, снова господствовалъ тогда во Псковѣ). Марта 1.

Сія война имѣла важное слѣдствіе: Князь Новогородскій, хотѣвъ прежде дружелюбно раздѣлаться съ Ярославомъ, но принужденный искать управы мечемъ, взялъ свои мѣры какъ искусный Военачальникъ и Политикъ. Предвидя, что Георгій Всеволодовичъ будетъ всѣми силами помогать меньшему брату, Мстиславъ заключилъ тайный союзъ съ Константиномъ и далъ ему слово возвести его на престолъ Владимірскій. Непріятельскія дѣйствія начались въ Торопецкой области. Святославъ Всеволодовичъ, присланный Георгіемъ къ Ярославу, съ десятью тысячами осадилъ Ржевку, гдѣ находилось только 100 воиновъ; но Князь Новогородскій подоспѣлъ съ 500 всадниками, заставилъ осаждающихъ удалиться, и взялъ укрѣпленный Зубцовъ [164]. Дружина Мстиславова хотѣла прямо итти

къ Торжку; но Князь, призвавъ Владиміра Рюриковича изъ Смоленска, вдругъ обратился къ Переславлю Залѣсскому, чтобы удалить ѳеатръ войны отъ Новогородской области. Наконецъ обѣ рати сошлися близъ Юрьева. Константинъ съ полками своими находился въ станѣ Новогородскомъ: Георгій, Ярославъ и Князья Муромскіе, дѣйствуя за-одно, вооружили самыхъ поселянъ и въ необозримыхъ рядахъ стали на берегу Кзы. Лѣтописцы сказываютъ, что Князь Владимірскій и меньшій братъ его имѣли 30 знаменъ или полковъ, 140 трубъ и бубновъ (165). Благоразумный Мстиславъ еще надѣялся отвратить кровопролитіе. Послы Новогородскіе говорили Георгію, что они не признаютъ его врагомъ своимъ, будучи готовы заключить миръ и съ Ярославомъ, если онъ добровольно отпуститъ къ нимъ всѣхъ ихъ согражданъ и возвратитъ Торжекъ съ Волокомъ Ламскимъ. Но Георгій отвѣтствовалъ, что враги его брата суть его собственные; а Ярославъ, надменный и мстительный, не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній. „Не время думать о мирѣ,“ говорилъ онъ Посламъ: „вы теперь какъ рыба „на пескѣ; зашли далеко и видите бѣду не„минуемую.“ Мстиславъ вторично представлялъ Георгію и Ярославу, что война междоусобная есть величайшее зло для Государства; что онъ желаетъ примирить ихъ съ большимъ братомъ, который уступитъ имъ всю область Суздальскую, буде Георгій от-

дастъ ему, какъ старшему, городъ Владиміръ. „Ежели самъ отецъ нашъ (сказалъ Георгій) не могъ разсудить меня съ Константиномъ, то Мстиславу ли быть нашимъ судіею? Пусть Константинъ одолѣетъ въ битвѣ: тогда все его." Послы съ горестію удалились, и Князь Владимірскій, пируя въ шатрѣ съ Вельможами, желалъ знать ихъ мнѣніе. Одинъ Бояринъ совѣтовалъ не отвергать мира и признать Константина старѣйшимъ Государемъ земли Суздальской, представляя, что Князья Ростиславова племени мудры и храбры, а воины Новогородскіе и Смоленскіе *дерзки* въ битвахъ; что Мстиславъ въ дѣлѣ ратномъ не имѣетъ совмѣстника, и что превосходныя силы уступаютъ иногда превосходному искусству (166). Князья слушали Боярина съ неудовольствіемъ. Другіе Вельможи, льстя ихъ самолюбію, говорили, что никогда еще враги не выходили цѣлы изъ сильной земли Суздальской; что жители ея могли бы съ успѣхомъ противоборствовать соединенному войску всѣхъ Россіянъ, и *сѣдлами закидаютъ* Новогородцевъ. Одобривъ сію безразсудную надменность и собравъ Военачальниковъ, Князья дали имъ приказъ не щадить никого въ битвѣ, убивать даже и тѣхъ, на коихъ увидятъ шитое золотомъ оплечье (167). „Вамъ брони, одежда „и кони мертвыхъ," сказали они: „но въ „плѣнъ возьмемъ однихъ Князей, и рѣшимъ „послѣ судьбу ихъ." Отпустивъ Воеводъ,

Георгій съ меньшими братьями заперся въ шатрѣ и вздумалъ уже дѣлить всю Россію; назначилъ Ростовъ для себя, Новгородъ для Ярослава, Смоленскъ для третьяго брата (168), а Кіевъ для Ольговичей, оставляя Галичь на свое дальнѣйшее распоряженіе. Написавъ договорную грамоту и взаимною клятвою утвердивъ оную, сіи Князья послали сказать непріятелямъ, что желаютъ биться съ ними на обширномъ Липецкомъ полѣ. Мстиславъ принялъ вызовъ: долго совѣтовался съ Константиномъ, обязалъ его торжественными обѣтами вѣрности, и ночью выступилъ изъ стана къ назначенному для битвы мѣсту, съ трубнымъ звукомъ, съ грознымъ кликомъ воинскимъ. Встревоженные полки Георгіевы *стояли* всю ночь за *щитами*, то есть, вооруженные и въ боевомъ порядкѣ, ожидая нападенія; и едва было не обратились въ бѣгство. На разсвѣтѣ Мстиславъ и Константинъ приближились къ непріятелю, который зашелъ за дебрь и расположился на горѣ, окруженной плетнемъ. Напрасно Мстиславъ предлагалъ Георгію или миръ или битву на равнинѣ. Сей Князь отвѣтствовалъ: „не хочу ни того, ни другаго; и когда вы уже не боялись „дальняго пути, то можете перейти и за „дебрь, гдѣ мы васъ ожидаемъ.“ Мстиславъ сталъ на другой горѣ, и велѣлъ отборнымъ молодымъ людямъ ударить на полки Ярославовы. Бились съ утра до вечера, слабо, неохотно: ибо время было весьма холодно и

Славная битва Липецкая.

ненасшливо. На другой день Мсшиславъ думалъ ишши прямо ко Владиміру, но Консшаншинъ не совѣшовалъ осшавляшь непріяшеля назади, и боялся, чшобы миролюбивые Росшовцы, пользуясь случаемъ, не разбѣжались по городамъ. Между шѣмъ Георгіевы полки, видя движеніе въ сшанѣ Новогородцевъ и Смолянъ, вообразили, чшо Мсшиславъ хочешъ отсшупишь, и бросились съ горы, въ намѣреніи гнашься за нимъ; но Георгій и Ярославъ удержали ихъ. Тогда Князь Новогородскій, сказавъ: „гора не защишишъ и не „побѣдишъ насъ; пойдемъ съ Богомъ и съ чи„сшою совѣсшію,“ велѣлъ своимъ гошовишься къ бишвѣ. На одномъ крылѣ сшоялъ Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій, на другомъ Консшаншинъ, въ срединѣ Мсшиславъ съ Новогородцами и Князь Псковскій. Учредивъ сшрой, обозрѣвъ всѣ ряды, Мсшиславъ ободрилъ воиновъ крашкою рѣчью. „Друзья и „брашья!“ говорилъ онъ: „мы вошли въ зе„млю сильную: сшанемъ крѣпко, призвавъ Бо„га помощника. Да никшо не озираешся „вспяшь: бѣгсшво не спасеніе. Кому не уме„решь, шошъ будешъ живъ. Забудемъ на вре„мя женъ и дѣшей своихъ. Сражайшесь, какъ „хошише: пѣшіе или на коняхъ.“ Новогородцы ошвѣшсшвовали: „сразимся пѣшіе, какъ ош„цы наши подъ Суздалемъ.“ Осшавивъ коней, они сбросили съ себя одежду, даже сняли сапоги, и съ громкимъ кликомъ усшремились впередъ; за ними Мсшиславъ и дружина кон- Апрѣля 21.

ная. Ни крутизна, ни ограда не могли удержать ихъ стремленія. Смоляне также пѣшіе вступили въ бой, не хотѣвъ ждать Воеводы своего, который упалъ съ коня въ дебри. Князь Новогородскій, видя кровопролитіе, сказалъ Владиміру Псковскому: „не выдадимъ до„брыхъ людей!" и мгновенно опередилъ всѣхъ; имѣя въ рукѣ топоръ, три раза съ дружиною проѣхалъ сквозь полки непріятельскіе, сѣкъ головы, оставлялъ за собою кучи труповъ. Лѣтописцы живо представляютъ ужасъ сей битвы, говоря, что сынъ шелъ на отца, братъ на брата, слуга на господина: ибо многіе Новогородцы сражались за Ярослава; многіе единокровные стояли другъ противъ друга подъ знаменами Георгія и Константина. Побѣда не была сомнительною. Новогородцы, Смоляне дружнымъ усиліемъ разстроили, смяли враговъ, и торжествуя показывали въ рукахъ своихъ хоругви Ярославовы. Еще Георгій стоялъ противъ Константина; но скоро обратился въ бѣгство за Ярославомъ. „Друзья!" сказалъ Князь Новогородскій своимъ храбрымъ воинамъ: „не время думать о корысти; на„добно довершить побѣду" — и Новогородцы, ему послушные, не хотѣли прикоснуться къ добычѣ, съ жаромъ гнали Суздальцевъ, топили ихъ въ рѣкахъ, осуждая Смолянъ, которые обдирали мертвыхъ и грабили обозы непріятеля.

Уронъ былъ великъ только со стороны побѣжденныхъ; ихъ легло на мѣстѣ 9233 че-

ловѣка. Въ остервененіи своемъ не давая никому пощады, воины Мстиславовы взяли не болѣе 60 плѣнниковъ; а Смоляне нашли въ Георгіевомъ станѣ и договорную грамоту сего Князя, по коей онъ хотѣлъ дѣлить всю Россію съ братьями. Ярославъ, главный виновникъ кровопролитія, ушелъ въ Переславль, и пылая гнѣвомъ, задушилъ тамъ многихъ Новогородскихъ купцевъ въ темницѣ (169); а Георгій, утомивъ трехъ коней подъ собою, на четвертомъ прискакалъ въ Владиміръ, гдѣ оставались большею частію одни старцы и дѣти, жены и люди духовнаго сана. Видя вдали скачущаго всадника, они думали, что Князь ихъ одержалъ побѣду и шлетъ къ нимъ гонца; но сей мнимый радостный вѣстникъ былъ самъ Георгій: въ бѣгствѣ своемъ онъ сбросилъ съ себя одежду Княжескую и явился въ рубашкѣ предъ вратами столицы; ѣздилъ вокругъ стѣны и кричалъ, что надобно укрѣплять городъ. Жители ужаснулись. Ночью пришли въ Владиміръ многіе раненые; а на другой день Георгій, созвавъ гражданъ, молилъ ихъ доказать ему свое усердіе мужественною защитою столицы. „Государь! усердіемъ не спасемся,“ отвѣтствовали граждане: „братья наши легли на мѣстѣ битвы; другіе пришли, но безъ „оружія: съ кѣмъ отразить врага?“ Князь упросилъ ихъ не сдаваться хотя нѣсколько дней, чтобы онъ могъ вступить въ переговоры.

Великодушный Мстиславъ не велѣлъ гнаться за Георгіемъ и Ярославомъ, долго стоялъ

Великодушіе Мстислава.

на мѣстѣ битвы, и шелъ медленно ко Владиміру (170). Чрезъ два дни окруживъ городъ, сей Князь въ первую ночь увидѣлъ тамъ сильный пожаръ: воины хотѣли итти на приступъ, чтобы воспользоваться симъ случаемъ; но человѣколюбивый Мстиславъ удержалъ ихъ. Георгій уже не думалъ обороняться, и на третій день пріѣхавъ въ станъ къ Новогородскому Князю, съ двумя юными сыновьями, сказалъ ему и Владиміру Смоленскому: „Вы побѣдители: располагайте моею „жизнію и достояніемъ. Братъ мой Кон„стантинъ въ вашей волѣ." Мстиславъ и Владиміръ, взявъ отъ него дары, были посредниками между имъ и Константиномъ. Георгій, принужденный выѣхать изъ столицы, омочилъ слезами гробъ родителя, въ душевной горести жаловался на Ярослава, виновника столь несчастной войны; сѣлъ въ ладію съ женою, и поѣхалъ въ Городецъ Волжскій или Радиловъ. Въ числѣ немногихъ друзей отправился съ нимъ Епископъ Симонъ, знаменитый не только описаніемъ жизни святыхъ Иноковъ Кіевскихъ, но и собственными добродѣтелями; обязанный Георгію саномъ Святителя, онъ не хотѣлъ разстаться съ благотворителемъ своимъ въ злополучіи. Сей Князь въ 1215 году учредилъ особенную Епархію для Владимірской и Суздальской области, не хотѣвъ, чтобы онѣ зависѣли отъ Ростова (171).

Епископъ Симонъ.

ГЛАВА V.

КОНСТАНТИНЪ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ И СУЗДАЛЬСКІЙ.

Г. 1216—1219.

Добросердечіе Константина. Дѣла Ливонскія. Важное предпріятіе Мстислава. Пылкость юнаго Даніила. Тиранство Венгровъ въ Галичѣ. Убійства въ Рязани. Смерть Константина.

Мстиславъ возвелъ Константина на престолъ Великаго Княженія Владимірскаго, и шелъ смирить своего зятя, который, оставивъ гордость, безсильную злобу, прибѣгнулъ къ великодушію старшаго брата. „Будь моимъ отцемъ," говорилъ онъ Константину: „я въ твоихъ рукахъ, и прошу у тебя хлѣба: „не уже ли выдашь меня Князьямъ Новогородскому и Смоленскому?" Мстиславъ въ угодность Константину согласился на миръ и принялъ дары отъ Ярослава; но не хотѣлъ, чтобы дочь его жила съ Княземъ столь жестокосердымъ: взялъ ее къ себѣ и возвратился съ честію въ Новгородъ, освободивъ всѣхъ жителей онаго, бывшихъ въ Переславлѣ (172).

Г. 1217. Добросердечіе Константина.

Достигнувъ цѣли своей, Константинъ захотѣлъ утѣшить изгнаннаго Георгія, призвалъ его къ себѣ, объявилъ наслѣдникомъ Великаго Княженія и далъ ему Суздаль (173). Съ искреннею дружбою обнявъ брата, Георгій

клялся забыть прошедшее. Константинъ чувствовалъ слабость здоровья своего и желалъ въ случаѣ смерти оставить юнымъ сыновьямъ втораго отца въ ихъ старшемъ дядѣ.

Мстиславъ, Герой сего времени, совершивъ одно дѣло, и ревнуя ознаменовать свое мужество новымъ, еще важнѣйшимъ подвигомъ, удалился въ южную Россію. Пользуясь его отсутствіемъ, Литовцы разорили нѣсколько селеній въ области Шелонской; а Рыцари Нѣмецкіе, занявъ Оденпе, старались укрѣпить сіе мѣсто. Владиміръ Псковскій находился тогда въ Новѣгородѣ, и принявъ начальство надъ войскомъ, осадилъ прежнихъ друзей своихъ, Нѣмцевъ, въ Оденпскомъ замкѣ. Въ то время, какъ жители города коварно предлагали миръ Россіянамъ, отшедшимъ далеко отъ стана, Нѣмцы напали на обозы Новогородцевъ; однакожъ, потерявъ многихъ людей и въ томъ числѣ двухъ Воеводъ, должны были спасаться бѣгствомъ въ замокъ (174). Самъ Великій Магистеръ Ордена, Вольквинъ, едва ушелъ съ Дитрихомъ, братомъ Епископа Рижскаго, Альберта, и зятемъ Владиміра Псковскаго. Тѣснимые осаждающими, терпя голодъ, не смѣя вторично вступить въ бой, они требовали мира. Дитрихъ, въ залогъ вѣрности, остался въ рукахъ у Новогородцевъ, которые дали Рыцарямъ свободный пропускъ, взявъ въ добычу 700 коней Нѣмецкихъ. — Мстиславъ, возвратясь изъ Кіева, объѣхавъ Новогородскую

Г. 1217—1218.

Дѣла Ливонскія.

области и наказавъ нѣкоторыхъ ослушныхъ или нерадивыхъ чиновниковъ, созвалъ граждань столицы на *Дворъ Ярослава* и сказалъ имъ: (175) „Кланяюся Святой Софіи, гробу отца „моего и вамъ, добрые Новогородцы. Иноплеменники господствуютъ въ знаменитомъ „Княженіи Галицкомъ: я намѣренъ изгнать „ихъ Но васъ не забуду, и желаю, чтобы кости „мои лежали у Святой Софіи, тамъ же, гдѣ покоится мой родитель.“ Тщетно граждане, искренно огорченные, молили Князя великодушнаго, любимаго, не оставлять ихъ. Онъ дружески простился съ народомъ и спѣшилъ въ Кіевъ къ своимъ братьямъ, пылая нетерпѣніемъ собрать войско въ южной Россіи и вести оное къ берегамъ Днѣстра.

Важное предпріятіе Мстислава.

Честь и Вѣра предписывали Мстиславу сей подвигъ. Мы оставили юнаго Даніила на престолѣ Галицкомъ съ однимъ именемъ Князя: Бояре всѣмъ управляли, и находя вдовствующую супругу Романову опасною для ихъ своевольства, принудили ее выѣхать въ Бельзъ. Даніилъ проливалъ слезы, не хотѣлъ разлучиться съ нею, и въ гнѣвѣ ударилъ мечемъ одного изъ Вельможъ, взявшаго за узду коня его, однакожъ Княгиня умолила сына остаться. Оскорбленный сею дерзостію Бояръ, Андрей, Король Венгерскій, пришелъ самъ съ войскомъ, смирилъ мятежниковъ, и виновнѣйшаго изъ нихъ, Владислава, оковалъ цѣпями. Но скоро бѣдствія Романова семейства возобновились. Тайно призванный Галичанами, Мсти-

Пылкость юнаго Даніила.

славъ Нѣмый заставилъ Даніила бѣжать въ Венгрію; а Лешко Бѣлый отнялъ у Василька Бельзъ для своего тестя, Александра Владимірскаго (Василько, провождаемый многими Боярами, удалился въ Каменецъ). Уже Андрей вторично шелъ защитить Даніила; уже Мстиславъ Нѣмый, слабый, хотя и властолюбивый, бѣжалъ отъ страха, когда ужасный бунтъ открылся въ самой Венгріи. Свирѣпые Бароны, враги Королевы Гертруды, умертвили ее, готовивъ такую же участь и Королю. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ могъ думать единственно о собственной безопасности: чѣмъ Бояринъ Галицкій, Владиславъ, (тогда освобожденный) умѣлъ воспользоваться, представляя ему, какъ вѣроятно, что отрокъ Даніилъ, сынъ отца ненавистнаго народу, не въ состояніи мирно управлять Княженіемъ, или, возмужавъ, не захочетъ быть данникомъ Венгріи; что Андрей поступитъ весьма благоразумно, ежели дастъ Намѣстника Галиціи, не природнаго Князя и не иноплеменника, но достойнѣйшаго изъ тамошнихъ Бояръ, обязавъ его въ вѣрности клятвою и еще важнѣйшими узами столь великаго благодѣянія. Желаніе Владислава исполнилось: предпочтенный другимъ Боярамъ, онъ съ дружиною Венгерскою пріѣхалъ господствовать въ свое отечество, назвался Княземъ и думалъ равняться саномъ съ потомками Св. Владиміра; а Даніилъ и мать его, обманутые надеждою на

покровительство Андреево, обратились къ Лешку Бѣлому. Видя съ завистію, что богатая Галиція сдѣлалась почти областію Венгріи, сей Государь усердно взялъ Даніилову сторону, одержалъ верьхъ въ битвѣ съ Владиславомъ, и хотя не могъ завоевать Галича, однакожъ услужилъ сыновьямъ Романовымъ, принудивъ своего тестя, Александра, уступить имъ Тихомль и Перемиль. Тамъ могли они нѣсколько времени жить спокойно, вмѣстѣ съ родительницею, печально смотря на башни Владимірскія, наслѣдственную столицу Романову. Туда съѣхались всѣ вѣрные Бояре, сподвижники ихъ храбраго отца, готовые усердно служить и сыновьямъ, которые въ нѣжномъ цвѣтѣ юности обѣщали зрѣлые плоды мужества, умъ необыкновенный, душевное благородство. Россіяне и чужеземцы съ удивленіемъ видѣли въ ничтожномъ городкѣ Дворъ блестящій, составленный изъ витязей и Бояръ опытныхъ, особенно уважаемыхъ Государемъ Польскимъ. Воевода Сендомирскій, именемъ Пакославъ, доброжелательствуя Романову семейству, хотѣлъ согласить выгоды онаго съ выгодами Венгровъ и Ляховъ, бывшихъ тогда явными врагами за Галичъ; ѣздилъ къ Андрею и безъ труда склонилъ его къ миру. Положили, чтобы малолѣтный сынъ Андреевъ, Коломанъ, женился на малолѣтной дочери Герцога Лешка, Саломеѣ, и княжилъ въ Галичѣ; чтобы Король уступилъ Перемышль Ляхамъ,

*

и чтобы Владимiръ отдать Данiилу съ братомъ, а Любачевъ миротворцу Пакославу. Условiя были исполнены: Александра выслали изъ Владимiрской области, а Владислава, какъ хищника, заточили. Такимъ образомъ (говоритъ Лѣтописецъ) сей гордый Бояринъ безразсуднымъ честолюбiемъ погубилъ себя и дѣтей, коихъ никто изъ Князей Россiйскихъ, оскорбленныхъ его дерзкимъ самозванствомъ, не хотѣлъ призрѣть (176). Можетъ быть, утомленные смятенiями и перемѣнами Галичане удовольствовались бы тогдашнимъ своимъ жребiемъ, если бы новое Правительство Венгерское наблюдало умѣренность и справедливость; но Андрей весьма неблагоразумно вздумалъ утѣснять нашу Церковь. Уже въ первый годъ Коломанова властвованiя, въ 1214, онъ писалъ къ Папѣ, Иннокентiю III, что народъ и Князья Галицкiе, *подданные Венгрiи*, испросивъ себѣ сына его въ Государи, желаютъ присоединиться къ Римской Церкви, единственно съ тѣмъ условiемъ, чтобы Папа не отмѣнялъ ихъ древнихъ обрядовъ священныхъ и дозволилъ имъ отправлять Богослуженiе на языкѣ Славянскомъ. Когда же Архiепископъ Гранскiй именемъ преемника Иннокентiева, Гонорiя III, возложилъ въ Галичѣ вѣнецъ Королевскiй на сына Андреева и Саломею, сей новый Государь, исполняя волю отца и Папы, изгналъ Епископа Россiйскаго, Священниковъ нашихъ и хотѣлъ обратить всѣхъ жителей въ Вѣру

Тиранство Венгровъ въ Галичѣ.

Латинскую (177). Народъ, уничиженный мятежами, преступленіями, и кознями Бояръ запутанный въ противорѣчіяхъ своей системы политической, не смѣлъ возстать на тирановъ совѣсти, довольствуясь безполезными жалобами. Къ несчастію Венгровъ, Андрей поссорился съ сватомъ, Герцогомъ Лешкомъ, отнялъ у него Перемышль съ Любачевымъ, и возбудилъ въ немъ столь великую злобу, что онъ, вопреки узамъ крови, искалъ въ Россіи сильныхъ непріятелей зятю. Таковымъ представился ему Мстиславъ Новогородскій. „Ты мнѣ братъ," писалъ Лешко къ сему храброму Князю: „иди прославиться знаменитымъ подвигомъ мужества: Галичь, достояніе твоихъ предковъ, стенаетъ подъ игомъ „утѣснителей." Мстиславъ, подобно отцу *готовый всегда на дѣла великія*, не отказался отъ предложенія, столь лестнаго для его славолюбія.

Въ то время, какъ онъ занимался въ древней южной столицѣ воинскими приготовленіями, тишина царствовала въ предѣлахъ Великаго Княженія Владимірскаго. Константинъ наслаждался спокойствіемъ подданныхъ и любовію братьевъ; не слѣдовалъ примѣру дяди и родителя: не требовалъ повиновенія отъ слабѣйшихъ Князей сосѣдственныхъ, и думалъ, что каждый изъ нихъ обязанъ давать отчетъ въ дѣлахъ своихъ единому Богу. Ободренные сею излишнею кротостію, двое изъ Владѣтелей Рязанскихъ дерзнули на гнусное злодѣяніе:

Убійства въ Рязани. Коварный Глѣбъ, при Великомъ Князѣ Всеволодѣ хотѣвшій погубить своихъ родственниковъ доносомъ, условился съ братомъ, Константиномъ Владиміровичемъ, явно лишить ихъ жизни, чтобы господствовать надъ всею областію Рязанскою. Они съѣхались въ полѣ для общаго совѣта, и Глѣбъ далъ имъ роскошный пиръ въ шатрѣ своемъ. Князья, Бояре пили и веселились, не имѣвъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Хозяинъ ласкалъ, привѣтствовалъ безпечныхъ гостей; лице и голосъ злодѣя не измѣняли адской тайнѣ его сердца. Въ одно мгновеніе Глѣбъ и Константинъ Владиміровичь извлекаютъ мечи: вооруженные слуги и Половцы стремятся въ шатеръ. Начинается кровопролитіе. Ни одинъ изъ шести несчастныхъ Князей, ни одинъ изъ вѣрныхъ Бояръ ихъ не могъ спастися. Утомленные смертоубійствомъ, изверги выходятъ изъ шатра и спокойно влагаютъ въ ножны мечи свои, дымящіеся кровію (178). Въ числѣ убіенныхъ находился и родный братъ Глѣбовъ, добродушный Изяславъ.

Злодѣйство было ужасно: еще ужаснѣе то, что виновники остались безъ наказанія. Великій Князь Константинъ — изнуренный, можетъ быть, недугами — доволь-
Г. 1218. ствовался сожалѣніемъ о несчастныхъ; строилъ церкви, раздавалъ милостыню и съ восторгомъ лобызалъ святыя мощи, привозимыя къ нему изъ Греціи. Не за-долго до кончины своей онъ послалъ старшаго сына,

именемъ Василька, княжить въ Ростовѣ, а другаго, Всеволода, въ Ярославлѣ, приказавъ имъ жить согласно, быть во нравахъ подобными ему, благотворить сиротамъ, вдовицамъ, Духовенству, и чтить Георгія какъ втораго отца. Константинъ преставился на 33 году отъ рожденія, оплакиваемый Боярами, слугами, нищими, Монахами (179). Хваля его мудрость и добродѣтель, Лѣтописецъ Суздальскій говоритъ, что сей Князь не только читалъ многія душеспасительныя книги, но и жилъ по ихъ правиламъ; былъ исполненъ Апостольской Вѣры и столь кротокъ, что старался не опечалить ни одного человѣка, *любя дѣломъ и словомъ утѣшать всякаго.* — Супруга Константинова немедленно постриглась надъ его гробомъ, и названная Агаѳіею, чрезъ два года кончила дни свои въ уединеніи монастырскомъ. Смерть Константина. Г. 1219. Февр. 2.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.

Г. 1219-1224.

Безпокойства въ Новѣгородѣ. Великодушіе Посадника. Дѣла церковныя. Войны. Устюгъ. Новгородъ Нижній. Освобожденіе Галича. Неблагоразуміе Мстислава. Происшествія въ Ливоніи. Мужественный Вячко. Набѣгъ Литвы. Слухъ о Татарахъ.

По отбытіи Мстислава Новогородцы призвали къ себѣ его двоюроднаго племянника,

Г. 1210. Безпокойства въ Новѣгородѣ.

Святослава Мстиславича, изъ Смоленска. Сей Князь не могъ обуздать своевольства чиновниковъ и народа. Посадникъ Твердиславъ, мужъ знаменитый достоинствами, взявъ подъ стражу какого-то мятежнаго Боярина, вооружилъ противъ себя многихъ его друзей и единомышленниковъ (180). Началось междоусобіе: одни стояли за Твердислава, другіе за Боярина; прочіе оставались спокойными зрителями ссоры, которая обратилась въ явную войну. Цѣлую недѣлю были шумныя Вѣча при звукѣ колоколовъ; граждане, надѣвъ брони и шлемы, въ изступленіи своемъ обнажили мечи. Напрасно увѣщавали старцы, напрасно плакали жены и дѣти: казалось, что Новогородцы не имѣли ни законовъ, ни Князя, ни человѣчества. Чтобы еще болѣе воспалить усердіе своихъ друзей, Твердиславъ, устремивъ глаза на храмъ Софійскій, громогласно обрекъ себя въ жертву смерти, если совѣсть его не чиста предъ Богомъ и согражданами. „Да паду въ битвѣ „первый" (говорилъ онъ) „или Небо да оправ„даетъ меня побѣдою моихъ братьевъ!" Наконецъ злоба утолилась кровію десяти убитыхъ гражданъ; народъ образумился, требовалъ мира, и цѣлуя крестъ, клялся быть единодушнымъ. Тишина возстановилась; но Князь, недовольный Твердиславомъ, прислалъ своего Тысячскаго объявить на Вѣчѣ, что сей Посадникъ властію Княжескою смѣняется. Граждане хотѣли знать вину его. Свя-

тославъ горько отвѣтствовалъ: *безъ вины!* „Я доволенъ,“ сказалъ Твердиславъ: „честь „моя остается безъ пятна; а вы, братья „сограждане, вольны избирать и Посадни-„ковъ и Князей.“ Народъ вступился за него. „Вспомни условіе,“ говорили Святославу Послы Вѣча: „ты далъ намъ клятву не смѣ-„нять чиновниковъ безвинно. Когда же за-„бываешь оную, то мы готовы съ покло-„номъ указать тебѣ путь; а Твердиславъ „будетъ нашимъ Посадникомъ.“ Святославъ, видя упрямство народа, не хотѣлъ спорить; но скоро уѣхалъ въ Кіевъ по волѣ отца своего, Мстислава Романовича, уступивъ престолъ Новогородскій меньшему брату, Всеволоду (181). Правленіе сего Князя ознаменовалось также внутренними безпокойствами. Г. 1219-1221. Люди, посланные Новогородцами въ Двинскую землю для собранія дани, къ удивленію народа возвратились съ дороги, сказывая, что Великій Князь Георгій и Ярославъ Всеволодовичъ не хотѣли пропустить ихъ чрезъ область Бѣлозерскую, имѣя будто бы тайное сношеніе съ Новогородскимъ Посадникомъ и Тысячскимъ (182). Народъ взволновался и смѣнилъ главныхъ чиновниковъ; однакожъ чрезъ нѣкоторое время снова возвелъ Твердислава на степень Посадника. Всеволодъ безъ всякой основательной причины возненавидѣлъ и хотѣлъ убить сего знаменитаго человѣка, вооруживъ своихъ Дворянъ и многихъ гражданъ на *Дворъ Ярославли.* Твер-

диславъ былъ тогда боленъ: усердные друзья вывезли его на саняхъ изъ дому и поручили великодушной защитѣ народа, который стекался къ нему толпами, готовый умереть за своего любимаго чиновника. Жители трехъ Концевъ стали въ ряды, и ждали Князя какъ непріятеля. Но Всеволодъ не дерзнулъ на кровопролитіе. Архіепископъ примирилъ враговъ; а Твердиславъ, желая спокойствія отечеству, добровольно сложилъ съ себя чинъ Посадника, тайно ушелъ въ монастырь Аркадьевскій, и навсегда отказался отъ свѣта.

Великодушіе Посадника.

Дѣла церковныя.

Самыя церковныя дѣла Всеволодова времени изъявляютъ легкомысліе Новогородцевъ: выгнавъ прежде Архіепископа Митрофана, народъ раскаялся и хотѣлъ загладить сію несправедливость; дозволилъ ему возвратиться и послалъ сказать его преемнику, Антонію, осматривавшему тогда свою Епархію, чтобы онъ ѣхалъ, куда хочетъ, и что Новгородъ имѣетъ уже иного Святителя. Однакожъ Антоній не послушался и признавалъ себя единственнымъ законнымъ Пастыремъ (183). Граждане были въ крайнемъ затрудненіи, и не зная, что дѣлать съ двумя Архіепископами, отправили ихъ въ Кіевъ на судъ къ Митрополиту, который, рѣшивъ тяжбу въ пользу Митрофана, послалъ Антонія Епископомъ въ Перемышль Галицкій.

Войны.

Воинскіе подвиги Новогородцевъ были удачны: хотя Всеволодъ не могъ взять Перитуе-

ва или нынѣшняго Пернау, однакожъ разбилъ Нѣмцевъ за рѣкою Эмбахомъ. Древній Лѣтописецъ Ливонскій повѣствуетъ, что Рыцари въ битвѣ съ нашимъ передовымъ отрядомъ имѣли успѣхъ, и даже отняли знамя Князя Новогородскаго; но союзники ихъ, Латыши, видя многочисленность Россіянъ, обратились въ бѣгство. Сей Лѣтописецъ къ чести единоземцевъ своихъ прибавляетъ, что ихъ было только 200, а нашихъ 16000; что Нѣмцы, отдѣленные отъ Новогородцевъ глубокимъ ручьемъ, сражались отъ 9 часовъ утра до захожденія солнечнаго, убили около пятидесяти непріятелей, въ цѣлости отступили и шли назадъ съ веселыми пѣснями (184).

Въ Россіи восточной были также воинскія дѣйствія. Глѣбъ Владиміровичь, убійца Князей Рязанскихъ, хотѣлъ еще довершить свое гнусное злодѣяніе. Провидѣніе спасло одного изъ сихъ Князей, Ингваря, сына Игорева, который господствовалъ въ Старой Рязани, и могъ рано или поздно отмстить смерть братьевъ: нанявъ Половцевъ, Глѣбъ шелъ осадить его столицу; но Ингварь побѣдилъ варваровъ. Ненавидимый всѣми добрыми Россіянами и самому себѣ ненавистный, (обыкновенная мука злодѣевъ!) Глѣбъ бѣжалъ въ степи, подобно древнему братоубійцѣ Святополку гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, и тамъ въ безуміи скончалъ гнусную жизнь свою (185). — Ингварь наслѣ-

довалъ всю область Рязанскую, и съ дружиною Великаго Князя вторично разбилъ Половцевъ.

Вѣроятно, что Камскіе Болгары издревле торговали съ Чудскимъ народомъ, обитавшимъ въ Вологодской и Архангельской Губерніи: съ неудовольствіемъ видя новое господство Россіянъ въ сихъ мирныхъ странахъ, они хотѣли также быть завоевателями, и — болѣе обманомъ, нежели силою — взяли Устюгъ (186), неизвѣстно когда и кѣмъ основанный. Онъ имѣлъ прежде собственныхъ Князей; стоялъ, какъ сказываютъ, на высокой горѣ, верстахъ въ четырехъ отъ нынѣшняго, и назывался, по имени ея, *Гледеномъ*; а названіе Устюжанъ произошло отъ устья рѣки Юга, сливающаго тамъ воды свои съ рѣкою Сухоною. Жители — вѣроятно, смѣсь Россіянъ съ Чудью — зависѣли отъ Великаго Князя Георгія и въ особенности отъ Ростовскаго. Чтобы утвердиться въ семъ городѣ, Болгары въ тоже время старались овладѣть берегами Унжи (187); но были отражены, и скоро увидѣли войско Россіянъ въ собственной землѣ своей. Братъ Георгіевъ, Святославъ, съ сыновьями Муромскихъ Князей и съ сильнымъ ополченіемъ приплылъ туда Волгою, вышелъ на берегъ ниже устья Камы, и для безопасности судовъ оставивъ стражу, приближился къ городу Ошелу, укрѣпленному высокимъ дубовымъ тыномъ съ двумя оплотами, между ко-

Устюгъ.

ими находился валъ. Впереди шли люди съ огнемъ и топорами; за ними стрѣлки и копейщики. Одни подсѣкли тынъ, другіе зажгли оплоты; но сильный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лице: задыхаясь отъ густаго дыма, воины Святославовы, ободренные рѣчью Князя, приступили съ другой стороны и зажгли городъ по вѣтру. Зрѣлище было ужасно: цѣлыя улицы пылали; огонь, раздуваемый бурею, лился быстрою рѣкою; отчаянные жители съ воплемъ бѣжали изъ города и не могли уйти отъ меча Россіянъ; только Князь Болгарскій и нѣкоторые его всадники спаслися бѣгствомъ. Другіе, не требуя пощады, убивали женъ, дѣтей своихъ и самихъ себя, или сдѣлались жертвою пламени, вмѣстѣ со многими Россіянами, искавшими добычи въ городѣ. Святославъ, видя тамъ наконецъ однѣ кучи дымящагося пепла, удалился, провождаемый толпами плѣнниковъ, большею частію женъ и младенцевъ. Напрасно Болгары хотѣли отмстить ему и стекались отовсюду къ берегамъ Волги: Россіяне, готовые къ битвѣ, сѣли на ладіи, распустили знамена, и при звукѣ бубновъ, трубъ, свирѣлей, плыли медленно вверхъ по Волгѣ въ стройномъ ополченіи. Болгары только смотрѣли на нихъ съ берега. Святославъ близъ устья Камы сошелся съ Ростовцами, Устюжанами и съ Воеводою Георгіевымъ, который ходилъ опустошать ея берега, и взялъ нѣсколько городковъ Болгар-

скихъ. Сей успѣхъ казался столь важнымъ Великому Князю, что онъ встрѣтилъ брата за нѣсколько верстъ отъ столицы, благодарилъ его, осыпалъ дарами; три дни угощалъ всѣхъ воиновъ. Зимою явились въ Владимірѣ Послы Болгарскіе, требуя мира; но Георгій отвергнулъ ихъ предложеніе и готовился къ новому походу. Испытавъ многократно превосходную силу Россіянъ, Болгары всячески старались отвратить бѣдствіе войны; наконецъ, посредствомъ богатыхъ даровъ, обезоружили Великаго Князя. Послы наши ѣздили къ нимъ въ землю, гдѣ народъ утвердилъ сей миръ клятвою по закону Магометанскому. Георгій, будучи тогда самъ на берегахъ Волги, имѣлъ случай снова осмотрѣть ихъ, выбралъ мѣсто и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заложилъ Нижній Новгородъ, тамъ, гдѣ сливаются двѣ знаменитыя рѣки нашего отечества, и гдѣ скоро поселилось множество людей, привлеченныхъ выгодами торговли и судоходства (188).

Новгородъ Нижній.

Въ сіе время Князь Черниговскій, братъ Всеволода Чермнаго, разбилъ Литовцевъ, которые искали добычи въ его области.—Но важнѣйшимъ успѣхомъ Россійскаго оружія было тогда освобожденіе Галича отъ ига чужеземцевъ. Кажется, что бывшій Князь Новогородскій, Мстиславъ, занимаясь въ Кіевѣ ратными приготовленіями, умѣлъ скрыть цѣль оныхъ: по крайней мѣрѣ Вельможи Андреевы, именемъ Коломана господствовавшіе

Освобожденіе Галича.

на берегахъ Днѣстра, не взяли никакихъ мѣръ для обороны, и бѣжали въ Венгрію, какъ скоро Мстиславъ приближился (189). Столь легкій успѣхъ не могъ ослѣпить сего Князя: онъ зналъ, что опасности и битвы впереди; что Андрей не уступитъ ему сыновняго Королевства мирно, и что побѣда должна рѣшить судьбу онаго. Тамошніе граждане желали снова повиноваться Даніилу: вопреки имъ, Мстиславъ сѣлъ на тронѣ Галицкомъ, но въ угожденіе народу выдалъ дочь свою, Анну, за сего Романова сына и хотѣлъ быть ему отцемъ; старался также сохранить любовь Герцога Польскаго, и не мѣшалъ ему владѣть частію западной Россіи: ибо Лешко, передавъ Владиміръ сыновьямъ Романовымъ, занялъ Брестъ со многими другими наслѣдственными ихъ городами въ окрестностяхъ Буга. Напрасно Даніилъ жаловался тестю на хищность Герцога (190). Мстиславъ отвѣтствовалъ: „Лешко мой другъ.“ Но когда неуступчивый Даніилъ осмѣлился искать управы силою; когда, выѣхавъ въ поле съ собственною дружиною, отнялъ у Ляховъ всѣ области Россійскія: тогда оскорбленный Герцогъ, считая Мстислава тайнымъ наставникомъ юнаго зятя, обвиняя того и другаго въ неблагодарности, въ вѣроломствѣ, возобновилъ союзъ съ Андреемъ Венгерскимъ. „Отказываюсь „отъ всякаго участія въ Галиціи,“ велѣлъ онъ сказать Королю: „пусть властвуетъ „въ оной сынъ твой. Изгонимъ только Рос-

сіянъ." Андрей не могъ желать инаго. Венгры и Ляхи, вступивъ въ Галицкую землю, одержали побѣду надъ Димитріемъ, Воеводою Мстислава. Самъ Коломанъ предводительствовалъ ими, и съ удовольствіемъ видѣлъ головы нашихъ Бояръ, повергаемыя къ его ногамъ вмѣстѣ съ ихъ золотыми цѣпями. Оставивъ зятя въ Галичѣ, Мстиславъ удалился къ предѣламъ Кіевскимъ. Непріятели осадили Даніила: хотя сей юноша смѣлыми, счастливыми вылазками дѣлалъ имъ много вреда, однакожъ, исполняя повелѣніе тестя, долженъ былъ наконецъ выйти изъ города, очистилъ себѣ путь мечемъ, и за Днѣстромъ соединился съ Мстиславомъ, который, обнявъ его какъ витязя достойнаго, въ знакъ особенной дружбы подарилъ ему любимаго своего коня, и сказалъ: „Храбрый Князь! „теперь иди въ Владиміръ: я пойду за По„ловцами. Мы отмстимъ врагамъ, и стыдъ „нашъ падетъ на нихъ." Онъ сдержалъ слово.

Союзники, Венгры, Ляхи, завоевавъ Галичь, не дремали; первые усилились новыми полками своими и Богемскими, присланными Андреемъ къ Коломану съ знаменитымъ Воеводою Филѣніемъ. Сей надменный Баронъ изъявлялъ величайшее презрѣніе къ Россіянамъ, и часто говорилъ въ пословицу: „Одинъ ка„мень избиваетъ множество глиняныхъ сосу„довъ. Острый мечь, борзый конь, и Русь у „ногъ моихъ." Ляхи непрестанными впаденіями тревожили область Владимірскую. Къ сча-

стію, Даніилъ успѣлъ заключить миръ съ Князьями Литовскими, Жмунскими, Лптвинскими, и могъ наемнымъ ихъ войскомъ устрашить собственныя владѣнія Лешковы.—Между тѣмъ дѣятельный Мстиславъ изготовился и двинулъ рать свою, усиленную Половцами, къ берегамъ Днѣстра. Воевода Андреевъ, гордый Фильній, не хотѣвъ подвергнуть юнаго Коломана опасностямъ битвы, оставилъ его въ укрѣпленномъ Галичѣ и ждалъ Россіянъ въ полѣ. Ляхи стояли на правомъ крылѣ: Венгры и Галичане на лѣвомъ; легкое войско ихъ находилось впереди. Россіяне показались: шли медленно и стройно; за ними Половцы. Владиміръ Рюриковичъ предводительствовалъ одною частію войска, другою Мстиславъ, который, вдругъ отдѣляся отъ полковъ, сталъ на высокомъ холмѣ и долго смотрѣлъ на движенія непріятелей, такъ, что Владиміръ, встревоженный его отсутствіемъ, велѣлъ съ неудовольствіемъ напомнить ему, сколь время дорого, и сколь нужно дѣйствовать, не теряя онаго. ,,Не забывай" (говорилъ онъ), ,,что ты Военачальникъ, а не зритель. ,,Твое бездѣйствіе можетъ погубить насъ." Мстиславъ съѣхалъ съ холма и спѣшилъ оживить храбрость воиновъ, именемъ Св. Креста обѣщая имъ побѣду. Уже битва началася. Владиміръ не устоялъ противъ Ляховъ: они гнали Россіянъ, брали плѣнниковъ, добычу, и древними пѣснями отцевъ своихъ торжествовали побѣду (191). Венгры, Галичане

также имѣли успѣхъ, и бѣдствіе нашихъ казалось совершеннымъ. Но Мстиславъ въ самое то время съ отборною дружиною и съ Половцами ударилъ въ тылъ непріятелю: изумленные, разстроенные Венгры падали мертвые цѣлыми рядами; самъ предводитель ихъ отдался въ плѣнъ, и скоро Ляхи къ отчаянію своему увидѣли, что побѣда имъ измѣнила; окруженные Россіянами, не могли спастися ни мужественною обороною, ни бѣгствомъ, и всѣ легли на мѣстѣ. Одни Половцы брали плѣнниковъ, ловили коней, обнажали мертвыхъ: Россіяне, исполняя волю Князя, старались только о совершенномъ истребленіи непріятеля. Еще многіе Ляхи оставались назади, не вѣдали о гибели своихъ, и видя издали государственное знамя Польское, толпами стремились къ оному; но сіе знамя съ изображеніемъ Бѣлаго орла развѣвалось уже въ рукахъ побѣдителя: они находили тамъ смерть (192). Кровопролитіе было ужасно; вопль, стонъ несчастныхъ жертвъ достигалъ до Галича; трупы лежали кучами на пространствѣ необозримомъ. Россіяне, торжествуя побѣду, всѣ единодушно превозносили хвалами Мстислава храбраго, называя его, по тогдашнему обыкновенію, *краснымъ солнцемъ* отечества.

Сей Князь осадилъ Галичь. Боясь измѣны гражданъ (ибо жители всѣхъ окрестныхъ мѣстъ съ радостію принимали Мстислава), Венгры и Ляхи выгнали ихъ изъ крѣпости,

чтобы обороняться до последней возможности; но Россіяне, ночью сдѣлавъ подкопъ, вошли въ городъ. Тогда Коломанъ заключился въ укрѣпленномъ храмѣ Богоматери, и еще съ гордостію отвергнулъ свиданіе, предложенное ему Мстиславомъ. Чрезъ нѣсколько дней, изнуренные голодомъ и жаждою, Венгры сдалися. Князь Россійскій уже не хотѣлъ слышать о милосердіи. Ему представили несчастнаго Коломана и юную супругу его, въ слезахъ, въ глубокой горести: онъ велѣлъ за крѣпкою стражею отвезти ихъ въ Торческъ (193), а Бароновъ Венгерскихъ съ женами и дѣтьми отдалъ, какъ плѣнниковъ, своей дружинѣ и Половцамъ, въ награду за оказанное ими мужество. Только славный Архіепископъ Краковскій, Лѣтописецъ Кадлубко, и Канцлеръ Польскій Ивонъ, бывшіе въ Галичѣ, успѣли заблаговременно спастися отъ неволи бѣгствомъ (194). Герцогъ Лешко воспрепятствовалъ Даніилу соединиться съ тестемъ до битвы: сей юноша славолюбивый успѣлъ только видѣть свѣжіе трофеи Россіянъ на ея мѣстѣ. Новѣйшіе Историки пишутъ, что гордый, счастливый Мстиславъ, торжествуя оную, принялъ на себя имя *Царя Галицкаго*, и что Россійскіе Епископы вѣнчали его златымъ вѣнцемъ Коломановымъ, доставшимся ему въ руки (195).

Андрей, Король Венгерскій, былъ въ отчаяніи, и немедленно отправилъ Вельможу своего, именемъ Яроша, сказать Мстиславу,

чтобы онъ прислалъ къ нему сына и всѣхъ плѣнниковъ, или скоро увидитъ въ Россіи многочисленное побѣдоносное войско Венгровъ: Мстиславъ не испугался угрозы, но хладнокровно отвѣтствовалъ, что побѣда зависитъ отъ Неба; что онъ ждетъ Короля, надѣясь съ Божіею помощію смирить гордость его. Андрей, изнуренный тогда въ силахъ походомъ Іерусалимскимъ, не имѣлъ желанія воевать, и прибѣгнулъ къ доброхотствующимъ ему Боярамъ Галицкимъ. Одинъ изъ нихъ, Судиславъ, плѣненный вмѣстѣ съ Коломаномъ, умѣлъ снискать особенную довѣренность Мстислава и склонилъ его къ миру, неожидаемо выгодному для Короля. Согласились, чтобы меньшій сынъ Андреевъ,именемъ также Андрей, женился на дочери Мстислава, коей въ приданое отецъ назначилъ спорную Галицію (196). Слѣдственно Мстиславъ освободилъ сію землю отъ иноплеменниковъ единственно для того, чтобы добровольно уступить имъ оную, взявъ, можетъ быть, только мѣры для безопасности Церкви Греческой! Не любя тамошнихъ Бояръ мятежныхъ и нелюбимый ими, онъ хотѣлъ сначала, какъ мы сказали, возвратить Галицію Даніилу, желаемому народомъ; но хитрые Вельможи, тайные друзья Венгріи, представили ему, что Даніилъ возьметъ ее, какъ наслѣдственное достояніе Романовыхъ дѣтей, безъ всякой особенной признательности, и съ лѣтами возрастая въ силахъ, въ

Неблагоразуміе Мстислава.

честолюбіи, не уважитъ благотворителя; а юный сынъ Андреевъ, всѣмъ обязанный милости тестя, не дерзнетъ ни въ чемъ его ослушаться, или въ противномъ случаѣ легко можетъ быть лишенъ Княженія. Мстиславъ — болѣе воинъ, нежели Политикъ — принялъ мнѣніе Бояръ, и съ радостію назвавъ Андрея сватомъ, освободилъ Коломана. Бракъ отложили за малолѣтствомъ жениха и невѣсты, съ обѣихъ сторонъ утвердивъ договоръ клятвами. Между тѣмъ совѣсть Андреева находилась въ затрудненіи: женихъ былъ прежде помолвленъ на Царевнѣ Армянской, единственной наслѣдницѣ родительскаго престола. Боясь грѣха, Король требовалъ разрѣшенія отъ Папы, Гонорія III. Вѣроятно, что Герцогъ Лешко также писалъ въ Римъ, и жаловался Папѣ на условія мира, заключеннаго Венграми съ Россіянами: ибо Гонорій (въ 1222 году) отвѣтствовалъ Андрею, что Галиція принадлежитъ Коломану, зятю Герцога Польскаго, возведенному на ея тронъ Апостольскою властію (197); что обязательство несправедливое, вынужденное бѣдствіемъ Коломановымъ, само собою уничтожается; что малолѣтство жениха и невѣсты даетъ время отцамъ размыслить основательнѣе о выгодахъ или невыгодахъ такого союза; что надобно подождать, и проч. Однакожъ Андрей не хотѣлъ нарушить договора, и Мстиславъ чрезъ нѣкоторое время отдалъ будущему зятю Пере-

мыслъ, къ неудовольствію жителей и Герцога Лешка, который долженствовалъ, обманутый Венграми, самъ примириться съ Князьями Россійскими. Сей миръ имѣлъ несчастныя слѣдствія для Александра, Князя Бельзскаго, взявшаго сторону Венгровъ и Ляховъ во время ихъ перваго успѣха. Даніилъ и Василько, озлобленные коварствомъ Александра, омрачили добрую славу юности своей разореніемъ окрестностей Бельза, гдѣ народъ долго помнилъ оное и называлъ *злою ночью*: ибо воины сыновей Романовыхъ, свирѣпствуя тамъ отъ заката до восхожденія солнечнаго, не оставили камня на камнѣ (198). Одно великодушіе Мстислава спасло Александра: уваживъ ходатайство тестя, Даніилъ прекратилъ жестокое дѣйствіе мщенія и возвратился къ матери, которая, видя его уже способнаго править землею, обуздывать Вельможъ, смирять непріятелей, удалилась отъ свѣта въ тишину монастырскую.

Въ сихъ происшествіяхъ юго-западной Россіи участвовали слабые тогда Ольговичи какъ союзники Мстислава (199). Великій же Князь Георгій занимался единственно внутреннимъ правленіемъ собственной земли и
г. 1221 — 1222. внѣшнею безопасностію Новогородцевъ, пославъ къ нимъ осьмилѣтняго сына, Всеволода,
Происшествія въ Ливоніи. на мѣсто Мстиславича, внука Романова, изгнаннаго народомъ. Опаснѣйшими ихъ врагами были тогда Альбертовы Рыцари: Ново-

городцы требовали сильной помощи отъ Георгія, и съ братомъ его, Святославомъ, вступивъ въ Ливонію, опустошили берега рѣки Аа. Лѣтописецъ Нѣмецкій говоритъ, что Россіяне своими жестокостями возбудили тогда гнѣвъ Рижской Богоматери (200); изъявляя ненависть къ ея новымъ храмамъ, разрушали Латинскія церкви, монастыри, плѣняли женъ, дѣтей, и жгли хлѣбъ на поляхъ. Сынъ Владиміра Псковскаго, Ярославъ, съ войскомъ Литовскихъ союзниковъ встрѣтилъ Святослава близъ Кеси или нынѣшняго Вендена: Россіяне осадили сей городъ. Съ утра до вечера продолжалась кровопролитная битва: Нѣмцы всего удачнѣе дѣйствовали пращами, и тяжело ранили многихъ изъ нашихъ Бояръ подъ стѣною. На другой день узнавъ, что самъ Великій Магистеръ Ордена, Вольквинъ, ночью вошелъ въ крѣпость, и что къ осажденнымъ скоро прибудетъ новая помощь,—Святославъ отступилъ. Но военныя дѣйствія не прекратились: Латыши, послушные Нѣмцамъ, безпрестанно злодѣйствовали въ окрестностяхъ Пскова, и не могли насытиться кровію людей безоружныхъ; оставивъ домы и работы сельскія, жили въ нашихъ лѣсахъ, грабили, убивали путешественниковъ, земледѣльцевъ, уводили женщинъ, лошадей и скотъ. Дабы наказать сихъ разбойниковъ, граждане Псковскіе ходили осенью въ землю Латышей, гдѣ истребили все, что могли.—

Не смотря на мирныя, весьма неискренніе предложенія съ обѣихъ сторонъ, Нѣмцы и Россіяне не давали покоя другъ другу. Первые, собравъ Ливъ и Латышей, дерзнули вступить въ собственные наши предѣлы: обошли Псковъ и въ окрестностяхъ Новагорода, по сказанію Ливонскаго Лѣтописца, обратили въ пепелъ нѣсколько деревень. Латыши ограбили церковь близъ самаго предмѣстія столицы, взявъ иконы, колокола и другія вещи. Довольные сею местію, Нѣмцы спѣшили уйти безъ сраженія, и боясь Россіянъ, старались укрѣпиться въ восточной Ливоніи: строили замки, рыли въ нихъ колодези на случай осады, запасались хлѣбомъ, а всего болѣе оружіемъ и пращами. Возбуждаемые Рыцарями, толпы Чуди два раза зимою приходили незапно изъ-за рѣки Наровы въ Ижорскую землю, издавна область Новогородскую; плѣнили множество людей, и побили весь скотъ, котораго не могли взять съ собою.

Въ то время малолѣтный сынъ Георгіевъ, по
г. 1222. желанію своихъ Бояръ, не находившихъ для себя ни выгодъ, ни удовольствія въ Новѣгородѣ, тайно собрался ночью и со всѣмъ Дворомъ уѣхалъ къ отцу. Народъ опечалился; сиротствуя безъ Главы, желалъ имѣть Княземъ хотя брата Георгіева; забылъ свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть къ Ярославу-Θеодору, и принялъ его съ живѣйшими знаками удовольствія: ибо надѣял-

ся, что онъ будетъ грозою внѣшнихъ непріятелей. Ярославъ, выгнавъ хищныхъ Литовцевъ изъ южныхъ предѣловъ Новогородскихъ и Торопецкой области (201), желалъ отличить себя важнѣйшимъ подвигомъ и быть защитникомъ сѣверныхъ Ливонцевъ, утѣсненныхъ тогда новыми пришельцами.

Вальдемаръ II, мужественный Король Датскій, желая (какъ говоритъ современный Лѣтописецъ) „очиститься отъ грѣховъ сво„ихъ и доказать усердіе къ Рижской Бого„матери,“ высадилъ многочисленное войско на берега Эстоніи, заложилъ Ревель и въ кровопролитной битвѣ одержалъ надъ жителями *побѣду, которая служила поводомъ* къ основанію Данеброгскаго Ордена (202): ибо разсказываютъ басню, что во время сраженія красное знамя съ бѣлымъ крестомъ упало изъ облаковъ въ руки къ Датчанамъ, и что Небо симъ чудомъ оживило ихъ мужество. Король возвратился въ Данію, но оставилъ въ Ревелѣ воиновъ и Епископовъ, чтобы утвердить тамъ Христіанскую Вѣру и власть свою, къ неудовольствію Рижскихъ Нѣмцевъ, которые считали себя господами Эстоніи. Шведы также прибыли въ сію несчастную землю, также хотѣли крестить язычниковъ. Бѣдные жители не знали, кого слушаться: ибо ихъ мнимые просвѣтители ненавидѣли другъ друга, и Датчане *повѣсили одного* Чудскаго *старѣйшину* за то, что онъ дерзнулъ принять крещеніе

отъ Нѣмцевъ! Въ сей крайности народъ Эзельскій вооружился, побилъ Шведовъ, взялъ приступомъ новую крѣпость, основанную Датчанами на Эзелѣ. Скоро мятежъ сдѣлался общимъ въ разныхъ областяхъ Ливонскихъ: граждане Феллина, Юрьева, Оденпе, согласно изъявляли ненависть къ Нѣмцамъ; умертвили многихъ Рыцарей, Священниковъ, купцевъ, и мечи, обагренные ихъ кровію, были посылаемы изъ мѣста въ мѣсто въ знакъ счастливаго успѣха. Уже всѣ жители сѣверной Ливоніи торжественно отреклись отъ Христіанства, вымыли свои домы, какъ будто бы оскверненные его обрядами, разрушили церкви и велѣли сказать Рижскому Епископу, что они возвратились къ древней Вѣрѣ отцевъ, и не оставятъ ее, пока живы. Въ сихъ обстоятельствахъ Старѣйшины ихъ призвали Россіянъ въ города свои, уступили имъ часть богатства отнятаго у Нѣмцевъ, и послали дары къ Новогородскому Князю, моля его о защитѣ (203).

Ярославъ, собравъ около 20,000 воиновъ, вступилъ въ Ливонію. Жители встрѣтили его съ радостію, выдавали ему всѣхъ Нѣмцевъ, заключенныхъ ими въ оковы, и приняли Россіянъ какъ друзей въ Юрьевѣ, Оденпе и другихъ мѣстахъ. Князь Новогородскій хотѣлъ итти къ Ригѣ; но убѣжденный Послами Эзельскими, обратился къ Эстоніи, чтобы освободить сію землю отъ ига Датчанъ. Близъ Феллина онъ къ изумленію сво-

ему увидѣлъ трупы многихъ Россіянъ повѣшенныхъ: Рыцари, предупредивъ его, снова завладѣли сею крѣпостію, и безчеловѣчно умертвили бывшихъ тамъ Новогородскихъ воиновъ. Огорченный Ярославъ клялся жестокимъ образомъ отмстить за такое злодѣйство, но, вмѣсто Рыцарей, наказалъ однихъ невинныхъ жителей Феллинской области: лилъ ихъ кровь, жегъ домы; довершилъ бѣдствіе сихъ несчастныхъ, которые искали убѣжища въ дикихъ лѣсахъ, стеная отъ Нѣмцевъ, Россіянъ и болѣзней. — Удовлетворивъ своему гнѣву, Ярославъ соединился съ приморскими жителями Эстоніи, осадилъ Ревель или Колывань, и стоялъ подъ его стѣнами четыре недѣли безъ всякаго важнаго успѣха. Датчане оборонялись мужественно, столь искусно дѣйствуя пращами, что утомленный безполезными приступами Князь снялъ осаду и возвратился въ Новгородъ, хотя безъ славы, однакожь съ плѣнниками и добычею. Въ лѣтописи именно сказано, что наши воины принесли тогда съ собою не мало *золота*.

Народъ охотно повиновался Ярославу; но сей Князь — не извѣстно, для чего — самъ не захотѣлъ остаться въ Новѣгородѣ, и Георгій вторично прислалъ на его мѣсто юнаго сына своего, Всеволода (204). Надлежало обуздывать Литву, бороться съ властолюбивыми Нѣмцами въ Ливоніи, наблюдать Датчанъ; а Князь Новогородскій былъ десяти- Г. 1224.

лѣтній отрокъ! Его именемъ правили чиновники: чтобы удержать за Россіею Дерптъ, они уступили сей городъ одному изъ Владѣтелей Кривскихъ, мужественному Вячку, который начальствовалъ прежде въ Двинскомъ замкѣ Кукенойсѣ. Имѣя у себя не болѣе двухъ сотъ воиновъ, онъ утвердилъ свое господство въ сѣверной Ливоніи: бралъ дань съ жителей, строго наказывалъ ослушниковъ, безпрестанно тревожилъ Нѣмцевъ и счастливо отразилъ приступъ ихъ къ Юрьеву (205). Тогда Епископъ Альбертъ созвалъ всѣхъ Рыцарей, странствующихъ богомольцевъ, купцевъ, Латышей, и самъ выступилъ изъ Риги, окруженный Монахами, Священниками. Сіе войско расположилось въ шатрахъ около Юрьева, и Вячко равнодушно смотрѣлъ на всѣ приготовленія Нѣмцевъ. Они сдѣлали огромную деревянную башню, равную въ вышинѣ съ городскими стѣнами, и придвинули оную къ самому замку, подкопавъ часть вала; но Князь Россійскій еще не терялъ бодрости. Напрасно Альбертъ предлагалъ ему миръ и свободу выйти изъ крѣпости со всѣми людьми, съ ихъ имуществомъ и съ конями: Вячко не хотѣлъ о томъ слышать, надѣясь, что Новогородцы не оставятъ его безъ помощи. Стрѣлы и камни летали съ утра до вечера изъ города и въ городъ: Нѣмцы бросали туда и раскаленное желѣзо, чтобы зажечь деревянныя зданія. Осажденные не имѣли покоя ни

Мужественный Вячко.

въ самую глубокую ночь, стараясь препятствовать работѣ осаждающихъ, которые, разводя большие огни, копали землю съ пѣснями и музыкою: Латыши гремѣли щитами, Нѣмцы били въ литавры; а Россіяне также играли на трубахъ, стоя безпрестанно на стѣнѣ. Утомленные трудами, ежедневными битвами, Нѣмцы собрались на общій совѣтъ. ,,Не будемъ терять времени" (сказалъ одинъ изъ нихъ) ,,и возмемъ городъ приступомъ. ,,Доселѣ мы излишно щадили враговъ своихъ. ,,нынѣ да погибнутъ всѣ безъ остатка! Кто ,,первый изъ насъ войдетъ въ крѣпость, ,,тому честь и слава; тому лучшій конь и ,,знаменитѣйшій плѣнникъ. Но опасный Князь ,,Россійскій долженъ быть повѣшенъ на де- ,,ревѣ." Одобривъ сіе предложеніе, Рыцари устремились на приступъ. Хотя жители и Россіяне бились мужественно; хотя пылающими колесами зажгли башню осаждающихъ и нѣсколько часовъ отражали Нѣмцевъ: однакожь принуждены были уступить превосходному числу враговъ. Въ слѣдъ за Рыцарями ворвались въ крѣпость и Латыши, убивая своихъ единоземцевъ, женъ, дѣтей безъ разбора. Долѣе всѣхъ оборонялись Россіяне [206]. Никто изъ нихъ не могъ спастися отъ меча побѣдителей, кромѣ одного Суздальскаго Боярина: плѣнивъ его, Нѣмцы дали ему коня и велѣли ѣхать въ Новгородъ, чтобы объявить тамъ о бѣдствіи Россіянъ. Храбрый Вячко находился въ числѣ убитыхъ.

Новогородцы шли къ Юрьеву и стояли близъ Пскова: Рыцари не хотѣли ждать ихъ; надъ кучами мертвыхъ тѣлъ съ веселою музыкою отпѣли благодарный молебенъ, сожгли крѣпость и спѣшили удалиться. Ливонскій Лѣтописецъ прибавляетъ, что Россіяне, не имѣя тогда надежды воевать счастливо, предложили миръ Епископу Рижскому; что Альбертъ заключилъ оный съ ихъ Послами, и выдалъ имъ изъ казны своей часть дани, которую они прежде собирали въ землѣ Латышей (207): ибо сей хитрый Епископъ иногда еще признавалъ Россіянъ господами Ливоніи, чтобы, обманывая ихъ, тѣмъ спокойнѣе властвовать надъ оною.

Новогородцы, примирясь съ Рижскимъ Орденомъ, должны были вооружиться для защиты южныхъ границъ своихъ. Посадникъ

Набѣгъ Литвы.

города Русы вышелъ съ войскомъ противъ Литовцевъ и не могъ устоять въ битвѣ съ ними (208): сіи мужественные разбойники одержали побѣду, взяли въ добычу множество коней и бѣжали назадъ въ свою землю: ибо никогда не думали о завоеваніяхъ, желая только вредить Россіянамъ и грабить селенія.

Доселѣ, въ теченіе двухъ столѣтій и болѣе, мы видѣли древнее отечество наше безпрестанно терзаемое войнами междоусобными и нерѣдко хищными иноплеменниками; но сіи времена—столь, кажется, несчастныя—были златымъ вѣкомъ въ сравненіи съ послѣдующими. Настало время бѣдствія об-

щаго, гораздо ужаснѣйшаго, которое, изнуривъ Государство, поглотивъ гражданское благосостояніе онаго, унизило самое человѣчество въ нашихъ предкахъ, и на нѣсколько вѣковъ оставило глубокіе, незагладимые слѣды, орошенные кровію и слезами многихъ поколѣній. *Россія* въ 1224 году *услышала о Татарахъ* . . . Слухъ о Татарахъ.

Готовясь описывать рѣдкое народное несчастіе, гибель воинствъ и Княженій Россійскихъ, порабощеніе Государства, утрату лучшихъ областей его, считаемъ за нужное обозрѣть тогдашнее состояніе Россіи, отъ временъ Ярослава Великаго до нашествія сихъ грозныхъ иноплеменниковъ.

ГЛАВА VII.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ СЪ XI ДО XIII ВѢКА.

Права Великихъ Князей. Удѣлы. Княжескіе съѣзды. Право наслѣдственное. Враги внѣшніе. Правленіе. Обряды и чины Двора. Войско. Торговля. Ганза. Договоръ съ Нѣмцами. Деньги. Художества. Науки. Поэзія. Нравы. Древнѣйшее путешествіе въ Россію.

Ярославъ, могущественный и самодержавный подобно Св. Владиміру, раздѣливъ Россію на Княженія, хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его, называясь Великимъ Княземъ, былъ Главою отечества и меньшихъ братьевъ, и что-

Права Великихъ Князей.

бы Удѣльные Князья, оставляя право наслѣдства дѣтямъ, всегда зависѣли отъ Кіевскаго, какъ присяжники и знаменитые слуги его (209). Отдавъ ему многолюдную столицу, всю юго-западную Россію и Новгородъ, онъ думалъ, что Изяславъ и наслѣдники его, сильнѣйшіе другихъ Князей, могутъ удерживать ихъ въ границахъ нужнаго повиновенія и наказывать ослушниковъ. Ярославъ не предвидѣлъ, что самое Великое Княженіе раздробится, ослабѣетъ, и что Удѣльные Владѣтели, чрезъ союзы между собою или съ иными народами, будутъ иногда предписывать законы мнимому своему Государю. Уже Всеволодъ I долженствовалъ воевать съ частнымъ Княземъ его собственной области, а Святополкъ II отвѣтствовать какъ подсудимый на запросы Князей Удѣльныхъ (210). Одаренные мужествомъ и благоразуміемъ, Мономахъ и Мстиславъ I еще умѣли повелѣвать Россіею; но преемники ихъ лишились сей власти, основанной на личномъ уваженіи, и Кіевъ зависѣлъ наконецъ отъ Суздаля. Если бы Всеволодъ III, слѣдуя правилу Андрея Боголюбскаго, отмѣнилъ Систему Удѣловъ въ своихъ областяхъ; если бы Константинъ и Георгій II имѣли государственныя добродѣтели отца и дяди: то они могли бы возстановить Единовластіе. Но Россія, по кончинѣ Всеволода Георгіевича, осиротѣла безъ Главы, и сыновья его совсѣмъ не думали быть Монархами.

Ярославъ раздѣлилъ Государство на четыре области, кромѣ Полоцкой, оставленной имъ въ наслѣдіе роду старшаго брата его: въ теченіе времени каждая изъ оныхъ раздѣлилась еще на особенные Удѣлы — и Князья первыхъ стали послѣ называться *Великими* въ отношеніи къ частнымъ или *Удѣльнымъ*, отъ нихъ зависѣвшимъ (211). Волынія, Галиція, земля Дреговичей, отошли отъ Кіева. Княженіе Переяславское, весьма знаменитое при Всеволодѣ I и Мономахѣ, утратило Суздаль, Ростовъ, Курскъ; а Черниговское Рязань и Муромъ (кромѣ Тмутороканя, завоеваннаго Половцами); Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, иногда земля Вятичей въ XII вѣкѣ принадлежали разнымъ Владѣтелямъ, не рѣдко обнажавшимъ мечь другъ на друга. Смоленское также имѣло частные Удѣлы: Торопецкій и Красенскій (212). Самый Новгородъ, древнее достояніе Государей Кіевскихъ, славный храбростію и богатствомъ жителей, присвоивъ себѣ власть избирать Князей, не могъ сохранить цѣлости владѣній своихъ. Псковитяне дѣйствовали иногда какъ независимые отъ него и свободные граждане. Удѣлы.

Мономахъ, еще не будучи Великимъ Княземъ, видя съ горестію безначаліе и неустройство въ Россіи, хотѣлъ уменьшить сіе великое зло учрежденіемъ общихъ Княжескихъ Совѣтовъ или Съѣздовъ, которые иногда воспаляли въ сердцахъ любовь къ оте- Княжескіе съѣзды.

честву, но только на малое время, и не могли прекратить вреднаго междоусобія. Въ слѣдствіе такого Съѣзда несчастный Василько былъ ослѣпленъ, а Глѣбъ Рязанскій обагрилъ руки свои кровію братьевъ (213).

Право наслѣдственное.

Обыкновенною причиною вражды было спорное право наслѣдства. Мы уже замѣтили выше, что по древнему обычаю не сынъ, но братъ умершаго Государя или старшій въ родѣ долженствовалъ быть его преемникомъ (214). Мономахъ, убѣжденный народомъ властвовать въ столицѣ по кончинѣ Святополка-Михаила, нарушилъ сей обычай; а какъ родоначальникъ Владѣтелей Черниговскихъ былъ старѣе Всеволода I, то они въ сыновьяхъ и внукахъ Мономаховыхъ ненавидѣли похитителей Великокняжескаго достоинства и воевали съ ними. Но истинными наслѣдниками Кіевскаго престола, согласно съ тогдашнимъ обыкновеніемъ, были потомки Изяслава I, которые не искали сей чести, мирно господствуя въ Удѣлахъ Туровскомъ и Пинскомъ (215).

Враги внѣшніе.

Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвою внѣшнихъ? Одному особенному счастію надлежитъ приписать то, что Россія въ теченіе двухъ вѣковъ не утратила своей народной независимости, отъ времени до времени имѣя Князей мужественныхъ, благоразумныхъ. Какъ Ярославъ Великій рѣшительнымъ ударомъ навсегда избавилъ отечество отъ

свирѣпости Печенѣговъ, какъ Мономахъ блестящими побѣдами, въ княженіе Святополка II, ослабилъ силу жестокихъ Половцевъ: они все еще тревожили Днѣпровскую область набѣгами, но уже не столь гибельными, какъ прежде; въ отношеніи къ своимъ дикимъ нравамъ чувствовали превосходство Россіянъ, любили называться Славянскими именами, и даже охотно крестились (216). Два раза Поляки были господами нашей древней столицы; но испытавъ ужасную месть Россіянъ и стеная отъ собственныхъ бѣдствій внутри Государства, волнуемаго мятежами, оставляли насъ въ покоѣ. Мужественные Князья Галицкіе—Владимірко, Ярославъ, Романъ—служили для Россіи щитомъ на Юго-Западѣ и держали Венгровъ въ страхѣ. Дунайскіе Болгары, съ 1185 году свободные отъ ига Грековъ, были тогда сильнымъ народомъ; въ 1205 году разбили Латинскаго Императора Балдвина, взяли его въ плѣнъ и доходили до вратъ Константинополя; но жили мирно съ нами. Сынъ ихъ Героя Асана, именемъ Іоаннъ, принужденный выѣхать изъ отечества, искалъ защиты Россіянъ, и съ помощію сихъ вѣрныхъ друзей—вѣроятно, знаменитаго Мстислава Галицкаго — въ 1222 году восшелъ на престолъ своего дяди (217). — Болгары Камскіе не имѣли духа воинскаго. Рыцари Нѣмецкіе вытѣснили Новогородцевъ и Кривичей изъ Ливоніи, но далѣе не могли распространить

своихъ завоеванiй; а Литовцы были не что иное, какъ смѣлые грабители. Другихъ, опаснѣйшихъ враговъ отечество наше тогда не знало, и не смотря на развлеченiе внутреннихъ силъ его, еще славилось могуществомъ въ отношенiи къ сосѣдамъ, наблюдая законы предковъ въ своемъ правленiи, успѣвая въ дѣлахъ воинскихъ, въ торговлѣ, въ гражданскомъ образованiи.

Правленiе.

Что касается собственно до правленiя, то оно въ сiи времена соединяло въ себѣ выгоды и злоупотребленiя двухъ, одинъ другому противныхъ, государственныхъ уставовъ: самовластiя и вольности: Когда Олегъ, Святославъ, Владимiръ, окруженные славою побѣдъ, величiемъ завоевателей, силою единодержавiя въ цѣлой Россiи, повелѣвали народу: народъ смиренно и безмолвно исполнялъ ихъ волю. Но когда Государство раздѣлилось; когда лучи славы угасли надъ престоломъ Св. Владимiра, и вмѣсто одного явились многiе Государи въ Россiи: тогда народъ, видя ихъ слабость, захотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы Княжеской власти или противился ея дѣйствiю. Самовластiе Государя утверждается только могуществомъ Государства, и въ малыхъ областяхъ рѣдко находимъ Монарховъ неограниченныхъ. Между тѣмъ древнiй уставъ Рюриковыхъ временъ не былъ отмѣненъ: вездѣ, и въ самомъ Новѣгородѣ, Князь судилъ, наказывалъ и сообщалъ власть свою Тiунамъ; объявлялъ войну, за-

ключалъ миръ, налагалъ дани (218). Но граждане столицы, пользуясь свободою Вѣча, не рѣдко останавливали Государя въ дѣлахъ важнѣйшихъ: предлагали ему совѣты, требованія; иногда рѣшили собственную судьбу его, какъ вышніе законодатели. Жители другихъ городовъ, подвѣдомыхъ областному и называемыхъ обыкновенно *пригородами*, не имѣли сего права (219). Вѣроятно, что и въ столицахъ не всѣ граждане могли судить на Вѣчахъ, а только старѣйшие или нарочитые, Бояре, воины, купцы. Знаменитое Духовенство также участвовало въ дѣлахъ правленія. Святополкъ-Михаилъ и Мономахъ звали Олега на совѣтъ съ Боярами, градскими людьми, Епископами, Игуменами. Митрополитъ Кіевскій присутствовалъ на Вѣчѣ Софійскомъ. Архіепископъ Новогородскій ѣздилъ съ судными дѣлами къ Андрею Боголюбскому (220). Подобно Князьямъ, Вельможамъ, богатымъ купцамъ, владѣя селами, Епископы пользовались въ оныхъ исключительнымъ правомъ судебнымъ безъ сношенія съ гражданскою властію; подъ главнымъ вѣдомствомъ Митрополита судили Іереевъ, Монаховъ и всѣ церковныя преступленія, наказывая виновныхъ эпитиміями (221). Россіяне въ XIII вѣкѣ уже имѣли переводъ Греческаго Номоканона или Кормчей Книги: она хранилась въ Новогородскомъ Соборѣ и служила правиломъ для разбирательства случаевъ, относящихся къ совѣсти Христіанъ

(222). — Духовнымъ же особамъ были обыкновенно поручаемы государственные мирные переговоры: убѣжденія разсудка, подкрѣпляемыя гласомъ Вѣры, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на сердца людей. — Но Епископы, избираемые Княземъ и народомъ, въ случаѣ неудовольствія могли ими быть изгнаны (223). Въ отношеніяхъ гражданскихъ Святитель совершенно зависѣлъ отъ суда Княжескаго: такъ Ярославъ-Θеодоръ (въ 1229 году) судилъ какую-то важную тяжбу Епископа Ростовскаго, Кирилла, обвинилъ его и лишилъ почти всего имѣнія, (Къ чести сего Кирилла, славнаго необыкновеннымъ богатствомъ, скажемъ, что онъ, вмѣсто жалобъ, принесъ благодарность Небу; роздалъ остатокъ своего достоянія друзьямъ, нищимъ, и подобно Іову страдая тогда отъ недуга тѣлеснаго, постригся въ Схиму).

Обряды и чины Двора.

Восшествіе Государя на тронъ соединено было съ обрядами священными: Митрополитъ торжественно благословилъ Долгорукаго властвовать надъ южною Россіею; Кіевляне, Новогородцы сажали Князей на престолъ въ Софійскомъ храмѣ (224). Князь въ самой церкви, во время Литургіи, стоялъ съ покровенною главою, въ шапкѣ (225) или клобукѣ (можетъ быть, въ вѣнцѣ); украшалъ Вельможъ своихъ златыми цѣпями, крестами, гривнами; жаловалъ придворныхъ въ Казначеи, Ключники, Постельники, Конюшіе и проч. Что прежде называлось *Дружиною* Государей, то со вре-

мень Андрея Боголюбскаго уже именуется въ лѣтописяхъ *Дворомъ*: Бояре, Отроки и Мечники Княжескіе составляли оный.

Войско.

Сіи *Дворяне*, первые въ Россіи, были лучшею частію войска (226). Каждый городъ имѣлъ особенныхъ ратныхъ людей, *Пасынковъ* или Отроковъ Боярскихъ (названныхъ такъ для отличія отъ Княжескихъ) и Гридней или простыхъ Мечниковъ, означаемыхъ иногда общимъ именемъ воинской дружины (227). Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ вооружались простые граждане или сельскіе жители (228); но послѣдніе обязаны были давать лошадей для конницы. Совершивъ походъ — большею частію въ концѣ зимы — Князь обиралъ у воиновъ оружіе, чтобы хранить его до новаго предиріятія (229). Войско раздѣлялось на полки, конные и пѣхотные, на копейщиковъ и стрѣлковъ; послѣдніе обыкновенно начинали дѣло. Главный Воевода именовался Тысячскимъ: Князья имѣли своихъ Тысячскихъ, города также (230). Если сказанія Нестора о числѣ Олеговыхъ и преемника его воиновъ справедливы, то древнѣйшія ополченія Россійскія были многолюднѣе, нежели въ XI, XII и XIII столѣтіи: ибо сильнѣйшее *извѣстное* намъ войско въ теченіе сихъ вѣковъ состояло только изъ 50,000 ратниковъ (231). Воины надѣвали латы единственно въ то время, когда уже готовились къ битвѣ; самое оружіе, для облегченія людей, возили на телегахъ: отъ чего непріятель, пользуясь

нечаянностію, иногда нападалъ на безоружныхъ. Войско робкое или малочисленное ограждало себя въ полѣ кольями и плетнемъ; такія же ограды деревянныя или *остроги* служили внѣшнею защитою для крѣпостей, замковъ или *дѣтинцевъ*. Нѣмецкій Лѣтописецъ, хваля мѣткость нашихъ стрѣлковъ, говоритъ, что Россіяне могли учиться у Ливонскихъ Рыцарей искусству оборонять города; но стѣнобитныя орудія или *пороки* уже давно были у насъ извѣстны (232).

Торговля. Ни внутренніе раздоры, ни внѣшнія частыя войны не препятствовали въ Россіи мирнымъ успѣхамъ торговли, благодѣтельнымъ для гражданскаго образованія народовъ. Въ сіе время она была весьма обширна и знаменита. Ежегодно приходили въ Кіевъ купеческіе флоты изъ Константинополя, столь богатые и столь важные для общей государственной пользы, что Князья, ожидая ихъ, изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ присылали войско къ Каневу для обороны судовъ отъ хищныхъ Половцевъ (233). Днѣпръ въ теченіи своемъ отъ Кіева къ морю назывался обыкновенно *путемъ Греческимъ*. Мы уже говорили о предметахъ сей торговли. Россіяне, покупая соль въ Тавридѣ, привозили въ Судакъ, богатый и цвѣтущій, горностаевые и другіе мѣха драгоцѣнные, чтобы обмѣнивать ихъ у купцевъ восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряные коренья (234). Половцы, овладѣвъ Тмутороканемъ и едва не всѣмъ Крымомъ, для

собственныхъ выгодъ не мѣшали торговлѣ, и первые, кажется, впустили Генуэзцевъ въ южную часть Тавриды (235). По крайней мѣрѣ сіи корыстолюбивые, хитрые Италіянцы еще за нѣсколько лѣтъ до нашествія Татаръ имѣли торговыя заведенія въ Арменіи, слѣдственно уже господствовали на Черномъ морѣ (236). Въ самое то время, когда войско Россійское сражалось съ Половцами въ землѣ ихъ, купцы мирно тамъ путешествовали: ибо самые варвары, находя пользу въ торговлѣ, для ея безопасности наблюдаютъ законы просвѣщенныхъ народовъ (237). Греки, Армяне, Евреи, Нѣмцы, Моравы, Венеціяне жили въ Кіевѣ, привлекаемые выгодною мѣною товаровъ и гостепріимствомъ Россіянъ, которые дозволяли Христіанамъ Латинской Церкви свободно и торжественно отправлять свое богослуженіе, но запрещали имъ спорить о Вѣрѣ: такъ Владиміръ Рюриковичь Кіевскій выгналъ (въ 1233 году) какого-то Мартина, Пріора Латинскаго храма Св. Маріи въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ другими Монахами Католическими, *боясь* — какъ говоритъ Польскій Историкъ — *чтобы сіи проповѣдники не доказали, сколь Вѣра Греческая далека отъ истины* (238)!

Подобно Черному морю и Днѣпру, Каспійское и Волга служили другимъ важнымъ путемъ для торговли. Болгары, въ случаѣ неурожая питая хлѣбомъ Суздальское Великое Княженіе, могли доставлять намъ и ре-

месленныя произведенія образованнаго Востока. Въ развалинахъ города Болгарскаго, въ 90 верстахъ отъ Казани и въ 9 отъ Волги, нашлися Армянскія надписи XII вѣка (239): вѣроятно, что Армяне, издавна славные купечествомъ, вымѣнивали тамъ Русскіе мѣха и *кожи* на товары Персидскіе и другіе. Донынѣ подъ именемъ *Болгаръ* разумѣются въ Турецін восточные сафьяны, а въ Бухаріи юфть (240): изъ чего заключають, что Азія получала нѣкогда сей товаръ отъ Болгаровъ. Достойно примѣчанія, что въ древнемъ ихъ отечествѣ, въ Казани, и нынѣ дѣлаются лучшіе изъ Русскихъ сафьяновъ. Въ упомянутыхъ развалинахъ найдены также Арабскія надписи отъ 1222 до 1341 года по Христіанскому лѣтосчисленію, вырѣзанныя отчасти надъ могилами *Ширванскихъ* и *Шамахансихъ* уроженцевъ (241). — Земледѣльцы находятъ иногда въ окрестностяхъ сего мѣста золотыя мелочи, женскія украшенія, серебряныя Арабскія монеты и другія безъ всякой надписи, ознаменованныя единственно произвольными изображеніями, точками, звѣздочками, и безъ сомнѣнія принадлежавшія народу безграмотному (можетъ быть, Чудскому). Такіе любопытные памятники свидѣтельствуютъ древнее цвѣтущее состояніе Россійской Болгаріи.

Новгородъ, серебромъ и мѣхами собирая дань въ Югрѣ (242), посылалъ корабли въ Да-

нію и въ Любекъ. Въ 1157 году, при осадѣ Шлезвига, Король Датскій, Свендъ IV, захватилъ многія суда Россійскія, и товары ихъ роздалъ, вмѣсто жалованья, воинамъ. Купцы Новогородскіе имѣли свою церковь на островѣ Готландіи, гдѣ цвѣлъ богатый городъ Визби, заступивъ мѣсто Винеты (243), и гдѣ до XVII вѣка хранилось преданіе, что нѣкогда товары Индѣйскіе, Персидскіе, Арабскіе шли чрезъ Волгу и другія наши рѣки въ пристани Балтійскаго моря. Извѣстіе вѣроятное: оно изъясняетъ, какимъ образомъ могли зайти на берега сего моря древнія монеты Арабскія, находимыя тамъ въ большемъ количествѣ. — Готландцы, Нѣмцы издавна живали въ Новѣгородѣ. Они раздѣлялись на два общества: *зимнихъ* и *лѣтнихъ гостей* (244). Правительство обязывалось за установленную плату высылать къ Ижерѣ, на встрѣчу имъ, лодошниковъ: ибо сіи купцы, боясь пороговъ Невскихъ и Волховскихъ, обыкновенно перегружали товары въ легкія лодки, внося въ Казну съ каждаго судна гривну кунъ, а съ нагруженнаго хлѣбомъ полгривны. Въ Новѣгородѣ отведены были особенные дворы Нѣмецкимъ и Готландскимъ купцамъ, гдѣ они пользовались совершенною независимостію и вѣдались собственнымъ судомъ, избирая для того Старѣйшинъ; одинъ Посолъ Княжескій могъ входить къ нимъ. Обиженный Россіяниномъ гость жаловался Князю и Тіуну Новогородскому; обиженный гостемъ Россіянинъ

Старѣйшинѣ иноземцевъ. Сіи тяжбы рѣшились на дворѣ Св. Іоанна. Готландцы имѣли въ Новѣгородѣ божницу Св. Олава, Нѣмцы храмъ Св. Петра, а въ Ладогѣ Св. Николая, съ кладбищами и лугами.—Когда же, въ теченіе XIII столѣтія, вольные города Германскіе, Любекъ, Бременъ и другіе, числомъ наконецъ до семидесяти, вступили въ общій, тѣсный союзъ, славный въ Исторіи подъ
Ганза. именемъ Ганзы, утвержденный на правилахъ взаимнаго дружества и вспоможенія, нужный для ихъ безопасности и свободы, для успѣховъ торговли и промышлености — Союзъ столь счастливый, что онъ, господствуя на двухъ моряхъ, могъ давать законы народамъ и Вѣнценосцамъ — когда Рига и Готландія присоединились къ сему братству: тогда Новгородъ сдѣлался еще важнѣе въ купеческой системѣ Европы Сѣверной: Ганза учредила въ немъ главную Контору, называла ее *матерію* всѣхъ иныхъ, старалась угождать Россіянамъ, пресѣкая злоупотребленія, служившія поводомъ къ раздорамъ; строго подтверждала купцамъ своимъ, чтобы товары ихъ имѣли опредѣленную доброту, и чтобы купля въ Новѣгородѣ производилась всегда мѣною вещей безъ всякихъ долговыхъ обязательствъ, изъ коихъ выходили споры. Нѣмцы привозили тонкія сукна, въ особенности Фламанскія, соль, сельди и хлѣбъ въ случаѣ неурожая, покупая у насъ мѣха, воскъ, медъ, кожи, пеньку, ленъ. Ганза торжественно запре-

щала ввозить въ Россію серебро и золото; но купцы не слушались устава противнаго ихъ личнымъ выгодамъ, и доставляли Новугороду не мало драгоцѣнныхъ металловъ, привлекаемые туда славою его изобилія и разсказами, почти баснословными, о пышности Двора Княжескаго, Вельможъ, богатыхъ граждань.—Псковъ участвовалъ въ сей знаменитой торговлѣ, и Правительство обоихъ городовъ, способствуя успѣхамъ ея, довольствовалось столь умѣренною пошлиною, что Ганза не могла нахвалиться его мудрымъ безкорыстіемъ (246).

Древняя Біармія, уже давно область Новогородская, все еще славилась торговлею, и корабли Шведскіе, Норвежскіе не преставали до самаго XIII вѣка ходить къ устью Сѣверной Двины (246). Лѣтописцы Скандинавскіе повѣствуютъ, что въ 1216 году знаменитый купецъ ихъ, Гелге Богрансонъ, имѣвъ несчастную ссору съ Біармскимъ начальникомъ, былъ тамъ умерщвленъ вмѣстѣ со всѣми товарищами, кромѣ одного, именемъ Огмунда, ушедшаго въ Новгородъ. Сей Огмундъ ѣздилъ изъ Россіи въ Іерусалимъ, и возвратясь въ отечество, разсказалъ о жалостной кончинѣ Богрансона. Норвежцы хотѣли мстить за то Біармскимъ жителямъ, и въ 1222 году прибывъ къ нимъ на четырехъ корабляхъ, ограбили ихъ землю, взяли въ добычу множество *клейменаго* серебра, мѣховъ *бѣлыхъ* (247), и проч.

Смоленскъ имѣлъ также знатную торговлю съ Ригою, съ Готландіею и съ Нѣмецкими городами: чему доказательствомъ служитъ договоръ, заключенный съ ними Смоленскимъ Княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ въ 1228 году (248). — Предлагаемъ здѣсь главныя статьи онаго, любопытныя въ отношеніи къ самымъ правамъ и законодательству древней Россіи.

Договоръ съ Нѣмцами.

1. „Миръ и дружба да будутъ отнынѣ „между Смоленскою областію, Ригою, *Готскимъ* берегомъ (Готландіею) и всѣми Нѣмцами, ходящими по *Восточному морю*, ко „взаимному удовольствію той и другой стороны. А если — чего Боже избави — сдѣлается въ ссорѣ убійство, то за жизнь вольнаго человѣка платитъ десять гривенъ серебра, *пѣнязями* (деньгами) или кунами, считая оныхъ (кунъ) 4 гривны на одну гривну серебра. Кто ударитъ холопа платитъ „гривну кунъ; за поврежденіе глаза, отсѣченіе руки, ноги и всякое увѣчье 5 гривенъ „серебра; за вышебенный зубъ 3 гривны (серебра же); за окровавленіе человѣка посредствомъ дерева $1\frac{1}{2}$ гривны, за рану безъ увѣчья тоже; кто ударитъ палицею, батогомъ, или схватитъ человѣка за волосы, „даетъ $\frac{3}{4}$ гривны. Если Россіянинъ застанетъ „Нѣмца или Нѣмецъ Россіянина у своей жены; также если Нѣмецъ или Россіянинъ обезчеститъ дѣвицу или вдову хорошаго поведенія, то взыскать съ виновнаго 10 гривенъ

,,серебра. Пеня за обиду Посла и Священ-
,,ника должна быть двойная. Если виновный
,,найдетъ поруку, то не заключать его
,,въ оковы и не сажать въ темницу; не при-
,,ставлять къ нему и стражи, пока истецъ
,,не далъ знать о своей жалобѣ старѣйшему
,,изъ единоземцевъ обидчика, предполагаемо-
,,му миротворцу. — Съ воромъ, пойманнымъ
,,въ домѣ или у товара, хозяинъ воленъ по-
,,ступить, какъ ему угодно.

2. ,,Заимодавецъ чужестранный удовлетво-
,,ряется прежде иныхъ; онъ беретъ свои
,,деньги и въ такомъ случаѣ, когда дол-
,,жникъ осужденъ за уголовное преступленіе
,,лишиться собственности. Если холопъ
,,Княжескій или Боярскій умретъ, занявъ
,,деньги у Нѣмца, то наслѣдникъ перваго—или
,,кто взялъ его имѣніе—платитъ долгъ.

3. ,,И Нѣмецъ и Россіянинъ обязаны въ
,,тяжбахъ представлять болѣе двухъ свидѣ-
,,телей изъ своихъ единоземцевъ. Испытаніе
,,невинности посредствомъ раскаленнаго же-
,,лѣза дозволяется только въ случаѣ обоюд-
,,наго на то согласія (249); принужденія нѣтъ.
,,Поединки не должны быть терпимы (250);
,,но всякое дѣло разбирается судомъ по за-
,,конамъ той земли, гдѣ случилось престу-
,,пленіе. Одинъ Князь судитъ Нѣмцевъ въ
,,Смоленскѣ; когда же они сами захотятъ
,,итти на *судъ общій*, то ихъ воля. Сею же
,,выгодою пользуются и Россіяне въ землѣ
,,Нѣмецкой. Тѣ и другіе увольняются отъ

,,судныхъ пошлинъ: развѣ люди добрые и ,,нарочитые присовѣтуютъ имъ что нибудь ,,заплатить судьѣ.

4. ,,Пограничный Тіунъ, свѣдавъ о прибытіи ,,гостей Нѣмецкихъ на Волокъ (251), немед- ,,ленно даетъ знать тамошнимъ жителямъ, ,,чтобы они везли на возахъ товары сихъ ,,гостей и пеклись о личной ихъ безопас- ,,ности. Жители платятъ за товаръ Нѣ- ,,мецкій или Смоленскій, ими утраченный. ,,Нѣмцы на пути изъ Риги въ Смоленскъ и ,,на возвратномъ увольняются отъ пошлины: ,,также и Россіяне въ землѣ Нѣмецкой. Нѣм- ,,цы должны бросить жеребей, кому ѣхать ,,напередъ; если же будетъ съ ними купецъ ,,Русской, то ему остаться позади. — Въѣ- ,,хавъ въ городъ, гость Нѣмецкій даритъ ,,Княгинѣ кусокъ полотна, а Тіуну Волок- ,,скому перчатки Готскія; можетъ купить, ,,продать товаръ или ѣхать съ онымъ изъ ,,Смоленска въ иные города. Купцы Русскіе ,,пользуются такою же свободою на *Гот-* ,,*скомъ берегѣ* и вольны ѣздить оттуда въ ,,Любекъ и другіе города Нѣмецкіе. — То- ,,варъ, купленный и вынесенный изъ дому, ,,уже не возвращается хозяину, и купецъ ,,не долженъ требовать назадъ своихъ де- ,,негъ. — Нѣмецъ даетъ вѣсовщику за двѣ *капи* ,,(262), или 24 пуда, куну *Смоленскую*, за ,,гривну *купленнаго* золота ногату, за грив- ,,ну серебра 2 векши, за серебряный сосудъ ,,отъ гривны куну; въ случаѣ *продажи метал-*

,,*ловъ* ничего не платитъ; когда же поку-
,,паетъ вещи на серебро, то съ гривны вно-
,,ситъ куну Смоленскую. — Для повѣрки
,,вѣсовъ хранится одна *капь* въ церкви Бо-
,,гоматери на горѣ, а другая въ Нѣмецкой
,,божницѣ:" (слѣдственно и въ Смоленскѣ
была Католическая церковь): ,,съ симъ вѣ-
,,сомъ должны и Волочане свѣрять пудъ, дан-
,,ный имъ отъ Нѣмцевъ.

5. ,,Когда Смоленскій Князь идетъ на
,,войну, то ему не брать Нѣмцевъ съ собою:
,,развѣ они сами захотятъ участвовать въ
,,походѣ. И Россіянъ не принуждать къ во-
,,енной службѣ въ землѣ Нѣмецкой.

6. ,,Епископъ Рижскій, Мастеръ Фолкунъ
,,(Volquin) и всѣ другіе Рижскіе Властители
,,признаютъ Двину вольною, отъ устья до
,,вершинъ ея, для судоходства Россіянъ и
,,Нѣмцевъ. Если—чего Боже избави—ладія
,,Русская или Нѣмецкая повредится, то
,,гость можетъ вездѣ приставать къ берегу,
,,выгрузить товаръ и нанять людей для
,,вспоможенія; но имъ болѣе договорной цѣ-
,,ны съ него не требовать.

,,Сія грамота имѣетъ для Полоцка и Ви-
,,тебска то же дѣйствіе, что и для Смо-
,,ленска. Она писана при Священникѣ Іо-
,,аннѣ, Мастерѣ Фолькунѣ и многихъ куп-
,,цахъ Рижскаго *царства*, приложившихъ къ
,,ней свои печати; а свидѣтелями подписа-
,,лись." . . . Слѣдуютъ имена нѣкоторыхъ жи-
телей Готландіи, Любека, Минстера, Риги;

а внизу сказано: „кто изъ Россіянъ или „Нѣмцевъ нарушитъ нашъ уставъ, будетъ „противенъ Богу.“

О семъ договорѣ упоминается и въ Нѣмецкой лѣтописи, гдѣ онъ названъ весьма благопріятнымъ для купцевъ Ливонскихъ (253); но предки наши, давая имъ свободу и права въ Россіи, не забывали собственныхъ выгодъ: такимъ образомъ, увольняя чужеземныхъ гостей, *продавцевъ* серебра и золота, отъ всякой пошлины, хотѣли чрезъ то умножить количество ввозимыхъ къ намъ металловъ драгоцѣнныхъ. Въ разсужденіи цѣны серебра замѣтимъ, что она со времен. Ярослава до XIII вѣка, кажется, не возвысилась относительно къ *Смоленской* ходячей или кожаной монетѣ: Ярославъ назначаетъ въ *Правдѣ* 40 гривенъ пени кунами за убійство, а Мстиславъ Давидовичь въ уставѣ своемъ 10 гривенъ серебромъ, полагая 4 гривны кунъ на одну гривну серебра, — слѣдственно ту же самую пеню (254): напротивъ чего Новогородскія куны унизились.

Деньги.

Не только купцевъ, но и другихъ чужеземцевъ, полезныхъ знаніями и ремесломъ, Россіяне старались привлекать въ свою землю: строителей, живописцевъ, лекарей. Отъ Ярослава Великаго до временъ Андрея Боголюбскаго знаменитѣйшія церкви наши были созидаемы и расписываемы иностранцами (255); но въ 1194 году Владимірскій Епископъ Іоаннъ, для возобновленія древняго Суздаль-

Художества.

скаго храма Богоматери, нашелъ между собственными церковниками искусныхъ мастеровъ и литейщиковъ, которые весьма красиво отдѣлали сію церковь снаружи и покрыли оловомъ, не взявъ къ себѣ въ товарищи ни одного *Нѣмецкаго* художника. Тогда же славился въ Кіевѣ зодчій, именемъ Милонѣгъ-Петръ, строитель каменной стѣны на берегу Днѣпра подъ монастыремъ Выдубецкимъ, столь удивительной для современниковъ, что они говорили объ ней какъ о великомъ чудѣ (256). Греческіе живописцы, украсивъ образами Кіевскую Лавру, выучили своему художеству добродѣтельнаго Монаха Печерскаго, Св. Алимпія, безкорыстнаго и трудолюбиваго: не требуя никакой мзды, онъ писалъ иконы для всѣхъ церквей, и занимая деньги на покупку красокъ, платилъ долги своею работою (257). Сей Алимпій есть древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ живописцевъ Россійскихъ. Кромѣ иконъ церковныхъ, они изображали на хартіяхъ въ священныхъ книгахъ разныя лица, безъ особеннаго искусства въ рисункѣ, но красками столь хорошо составленными, что въ шесть или семь вѣковъ свѣжесть оныхъ и блескъ золота ни мало не помрачились (258). — Замѣтимъ также, касательно рукодѣлій, что древніе Бояре Княжескіе обыкновенно носили у насъ *шитыя золотомъ оплечья*: и такъ искусство золотошвѣевъ — сообщенное намъ, какъ вѣроятно, отъ Грековъ —

*

было извѣстно въ Россіи прежде, нежели во многихъ другихъ земляхъ Европейскихъ [259].

Мы упомянули о лекаряхъ: ибо врачеваніе принадлежитъ къ самымъ первымъ и необ-
Науки. ходимѣйшимъ наукамъ людей. Во времена Мономаховы славились въ Кіевѣ Армянскіе врачи: одинъ изъ нихъ (какъ пишутъ), взглянувъ на больнаго, всегда угадывалъ, можно ли ему жить, и въ противномъ случаѣ обыкновенно предсказывалъ день его смерти. Врачь Николы Святоши былъ Сиріанинъ. Многія лекарства составлялись въ Россіи: лучшія и драгоцѣннѣйшія привозились чрезъ Константинополь изъ Александріи. Желая всѣми способами благодѣтельствовать человѣчеству, нѣкоторые изъ нашихъ добрыхъ Монаховъ старались узнавать силу цѣлебныхъ травъ для облегченія недужныхъ, и часто успѣхами своими возбуждали зависть въ лекаряхъ чужеземныхъ. Печерскій Инокъ Агапитъ самымъ простымъ зеліемъ и молитвою исцѣлилъ Владиміра II, осужденнаго на смерть искуснымъ врачемъ Армянскимъ [260].

Такимъ образомъ художества и Науки, бывъ спутниками Христіанства на Сѣверѣ, водворялись у насъ въ мирныхъ обителяхъ уединенія и молитвы. Тѣ же благочестивые Иноки были въ Россіи первыми наблюдателями тверди небесной, замѣчая съ великою точностію явленія Кометъ, солнечныя и лунныя затмѣнія; путешествовали, чтобы видѣть въ отдаленныхъ странахъ знаменитыя свя-

тостію мѣста, и пріобрѣтая географическія свѣдѣнія, сообщали оныя любопытнымъ единоземцамъ; наконецъ, подражая Грекамъ, безсмертными своими лѣтописями спасли отъ забвенія память нашихъ древнѣйшихъ Героевъ, ко славѣ отечества и вѣка. Митрополиты, Епископы, ревностные проповѣдники Христіанскихъ добродѣтелей, сочиняли наставленія для міряпъ и Духовныхъ. Суздальскій Святитель, блаженный Симонъ, и другъ его, Поликарпъ, Монахъ Лавры Кіевской, описали ея достопамятности и житія первыхъ Угодниковъ, слогомъ уже весьма яснымъ и довольно чистымъ. Вообще Духовенство наше было гораздо просвѣщеннѣе мірянъ; однакожь и знатные свѣтскіе люди учились. Ярославъ I, Константинъ отмѣнно любили чтеніе книгъ. Мономахъ писалъ не только умно, но и краспорѣчиво. Дочь Князя Полоцкаго, Святая Евфросинія, день и ночь трудилась въ списываніи книгъ церковныхъ (261). Верхуслава, невѣстка Рюрикова, ревностно покровительствовала ученыхъ мужей своего времени, Симона и Поликарпа. — *Слово о полку Игоревѣ* сочинено въ XII вѣкѣ (262), и безъ сомнѣнія міряниномъ: ибо Монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей: такъ Поэзія.

сочинитель хвалитъ *соловья* стараго времени, Стихотворца Бояна, котораго *вѣщіе персты*, летая по *живымъ струнамъ*, *рокотали* или гласили *славу* нашихъ Витязей. Къ несчастію, пѣсни Бояновы и конечно многихъ иныхъ Стихотворцевъ исчезли въ пространствѣ семи или осьми вѣковъ, большею частію памятныхъ бѣдствіями Россіи: мечь истреблялъ людей, огонь зданія и хартіи. Тѣмъ достойнѣе вниманія *Слово о полку Игоревѣ*, будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ твореніемъ: предложимъ содержаніе онаго и мѣста значительнѣйшія, которыя даютъ понятіе о вкусѣ и піитическомъ языкѣ нашихъ предковъ.

Игорь, Князь Сѣверскій, желая воинской славы, убѣждаетъ дружину итти на Половцевъ и говоритъ (263): „Хочу преломить копіе „свое на ихъ дальнѣйшихъ степяхъ, положить „тамъ свою голову или *шеломомъ испить* „*Дону*! "Многочисленная рать собирается: „Кони ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ „Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, „знамена развѣваются въ Путивлѣ: Игорь „ждетъ милаго брата, Всеволода." Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ витязей: „Они мѣтки въ стрѣляніи, подъ зву„комъ трубъ повиты, концемъ копья вскорм„лены; пути имъ свѣдомы, овраги знаемы; „луки у нихъ натянуты, колчаны отворе„ны, сабли наточены; носятся въ полѣ какъ „волки сѣрые; ищутъ чести самимъ себѣ, „а Князю славы." Игорь, *вступивъ въ златое*

стремя, видитъ глубокую тьму предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри ревутъ въ пустыняхъ, хищныя птицы станицами парятъ надъ воинствомъ, орлы *клектомъ* своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и лисицы лаютъ на багряные щиты Россіянъ. Битва начинается; полки варваровъ сломлены; ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, злато и паволоки въ добычу; одежды и наряды Половецкіе лежатъ на болотахъ, вмѣсто мостовъ для Россіянъ (264). Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя непріятельское съ древкомъ сребрянымъ. Но идутъ съ Юга черныя тучи или новые полки варваровъ: „Вѣтры, „Стрибоговы внуки, вѣютъ отъ моря „стрѣлами на воиновъ Игоревыхъ.“ Всеволодъ впереди съ своею дружиною: „сыплетъ на „враговъ стрѣлы, гремитъ о шлемы ихъ ме„чами булатными. Гдѣ сверкнетъ златый ши„шакъ его, тамъ лежатъ головы Половецкія.*“ Игорь спѣшитъ на помощь къ брату. Уже два дни пылаетъ битва, неслыханная, страшная: „земля облита кровію, усѣяна костями. „Въ третій день пали наши знамена: *крова„ваго вина* не достало; кончили пиръ свой „храбрые Россіяне, напоили гостей и легли „за отечество.“ Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ: Половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ плѣнъ, и дѣвицы ихъ (265) „поютъ веселыя „пѣсни на берегу синяго моря, звеня Рус„скимъ золотомъ.“ Сочинитель молитъ всѣхъ Князей соединиться для наказанія Полов-

цевъ, и говоритъ Всеволоду III: „ты можешь Волгу *раскропить* веслами, а Донъ „вычерпать шлемами,„—Рюрику и Давиду: „ваши шлемы позлащенные издавна обагряются кровію; ваши мужественные витязи „ярятся какъ дикіе волы, уязвленные саблями калеными“ — Роману и Мстиславу Волынскимъ (266): „Литва, Ятвяги и Половцы, „бросая на землю свои копья, склоняютъ „головы подъ ваши мечи булатные“ — сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и третьему ихъ брату: „о вы, „славнаго гнѣзда *шестокрыльцы*! заградите „поле врагу стрѣлами острыми.“ Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *Осмомысломъ*, (267) прибавляя: „сидя высоко на престолѣ златокованномъ, ты *подпираешь* горы Карпатскія *желѣзными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь къ „Кіеву, пускаешь стрѣлы въ земли отдаленныя.“ Въ тожъ время Сочинитель оплакиваетъ гибель одного Кривскаго Князя, убитаго Литовцами: „дружину твою, Князь, „птицы хищныя пріодѣли крыльями, а звѣри „кровь ея полизали. Ты самъ выронилъ *жемчужную* душу свою изъ мощнаго тѣла „чрезъ златое ожерелье.“ Въ описаніи несчастнаго междоусобія Владѣтелей Россійскихъ и битвы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ сказано: „на берегахъ Нѣмена (268) стелютъ они снопы головами, молотятъ цѣпами булатными, вѣютъ душу отъ тѣла

„. . . О времена бѣдственныя! Для чего не „льзя было *пригвоздить* стараго Владиміра „къ горамъ Кіевскимъ" (или сдѣлать безсмертнымъ)! . . . Между тѣмъ супруга плѣненнаго Игоря льетъ слезы въ Путивлѣ, съ городской стѣны смотря въ чистое поле: „Для чего, о вѣтеръ сильный! легкими кры-„лами своими навѣялъ ты стрѣлы Ханскія „на воиновъ моего друга? Развѣ мало тебѣ „волновать синее море *и лельять* корабли „на зыбяхъ его? . . . О Днѣпръ славный! ты „пробилъ горы каменныя, стремяся въ зем-„лю Половецкую; ты несъ на себѣ ладіи „Святославовы до стана Кобякова (269): при-„неси же и ко мнѣ друга милаго, да не шлю „къ нему утреннихъ слезъ моихъ въ синее „море! . . О солнце свѣтлое! ты для всѣхъ „тепло и красно: почто же знойными лу-„чами своими изнурило ты воиновъ моего „друга въ пустынѣ безводной? . ." Но Игорь уже свободенъ: обманувъ стражу, онъ летитъ на борзомъ конѣ къ предѣламъ отечества, стрѣляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомивъ коня, садится на ладію и плыветъ Донцемъ въ Россію. Сочинитель, мысленно одушевляя сію рѣку, заставляетъ оную привѣтствовать Князя: „Не мало тебѣ, Игорь, „величія, Хану Кончаку досады (270), а Рус-„ской землѣ веселія." Князь отвѣтствуетъ: „Не мало тебѣ, Донецъ, величія, когда ты „лелѣешь Игоря на волнахъ своихъ, стелешь „мнѣ траву мягкую на берегахъ *сребряныхъ*,

„одѣваешь меня теплыми мглами подъ сѣнію „древа зеленаго, охраняешь гоголями на во„дѣ, чайками на струяхъ, чернетьми на вѣ„трахъ (271).“ Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ благодарить Всевышняго въ храмъ Пирогощей Богоматери (272), и Сочинитель, повторивъ слова Бояновы: „худо головѣ безъ плечь, „худо плечамъ безъ головы,“ восклицаетъ: „счастлива земля и веселъ народъ, торже„ствуя спасеніе Игорево. Слава Князьямъ и „дружинѣ!“ Читатель видитъ, что сіе произведеніе древности ознаменовано силою выраженія, красотами языка живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными Стихотворству юныхъ народовъ.

Нравы. Со временъ Владиміра Святаго нравы долженствовали измѣниться въ древней Россіи, отъ дальнѣйшихъ успѣховъ Христіанства, гражданскаго общежитія и торговли. Набожность распространялась: Князья, Вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри, и не рѣдко сами укрывались въ нихъ отъ суетъ міра. Достойные Святители и Пастыри Церкви учили Государей стыдиться злодѣяній, внушаемыхъ дикими, необузданными страстями, были ходатаями человѣчества и вступались за угнѣсненныхъ (273). Россіяне, по старинному обыкновенію, любили веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили трезвость какъ добродѣтель; явно имѣли наложницъ, но оскорбитель цѣломудренной жены наказывался какъ

убійца (274). . . Торговля питала роскошь, а роскошь требовала богатства: народъ жаловался на корыстолюбіе Тіуновъ и Князей (275). Лѣтописцы XIII вѣка съ отмѣннымъ жаромъ хвалятъ умѣренность древнихъ Владѣтелей Россійскихъ (276): ,,Прошли тѣ бла-,,гословенныя времена (говорятъ они), ког-,,да Государи наши не собирали имѣнія, а ,,только воевали за отечество, покоряя чуж-,,дыя земли; не угнетали людей налогами, и ,,довольствовались однѣми справедливыми Ви-,,рами, отдавая и тѣ своимъ воинамъ на ору-,,жіе. Бояринъ не твердилъ Государю: *мнѣ* ,,*мало двухъ сотъ гривенъ*; а кормился жа-,,лованьемъ, и говорилъ товарищамъ: ,,*ста-*,,*немъ за Князя, станемъ за Русскую землю*! ,,Тогда жены Боярскія носили не златыя, а ,,просто *серебряныя* кольцы. Нынѣ другія ,,времена!"— Однакожъ ни миролюбивыя правила Христіанства, ни торговля, ни роскошь не усыпляли ратнаго духа нашихъ предковъ; даже самые уставы церковные питали оный: такъ воинъ наканунѣ похода освобождался отъ всякой Эпитиміи (277). Сыновья Княжескіе возрастали въ полѣ и въ станахъ воинскихъ; еще не достигнувъ лѣтъ юношества, уже садились на коней и мечемъ грозили врагу (278). Къ сожалѣнію, сей духъ воинственный не былъ управляемъ благоразуміемъ человѣколюбія въ междоусобіяхъ Князей: злобствуя другъ на друга, они безъ стыда

разоряли отечество, жгли селенія беззащитныя, плѣняли людей безоружныхъ.

Наконецъ скажемъ, что если бы Россія была единодержавнымъ Государствомъ (отъ предѣловъ Днѣстра до Ливоніи, Бѣлаго моря, Камы, Дона, Сулы), то она не уступила бы въ могуществѣ никакой Державѣ сего времени; спаслась бы, какъ вѣроятно, отъ ига Татарскаго, и находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Греціею, заимствуя художества ея, просвѣщеніе, не отстала бы отъ иныхъ земель Европейскихъ въ гражданскомъ образованіи. Торговля внѣшняя, столь обширная, дѣятельная, и брачные союзы Рюрикова потомства съ Домами многихъ знаменитѣйшихъ Государей Христіанскихъ — Императоровъ, Королей, Принцевъ Германіи — дѣлали наше отечество извѣстнымъ въ отдаленныхъ предѣлахъ Востока, Юга и Запада. Къ дошедшимъ до насъ чужестраннымъ извѣстіямъ о тогдашней Россіи принадлежитъ сказаніе Испанскаго Еврея, Веніамина, сына Іоны, о многихъ Азіатскихъ и Европейскихъ земляхъ, имъ видѣнныхъ. Въ 1173 году выѣхавъ изъ Сарагоссы, онъ долго путешествовалъ, и записывалъ свои примѣчанія, иногда съ довольною подробностію; но упомянувъ о Россіи, говоритъ только, что она весьма пространна; что въ ней много лѣсовъ и горъ; что жители отъ чрезмѣрнаго холода зимою не выходятъ изъ домовъ, ловятъ соболей и торгуютъ людьми (279).

Древнѣйшее путешествіе въ Россію.

Такимъ образомъ предложивъ Читателю извѣстія и нѣкоторыя мысли, служащія къ объясненію нашихъ древностей, обратимся къ описанію важныхъ происшествій.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.

Г. 1224—1238.

Происхожденіе Татаръ. Чингисханъ. Его завоеванія. Половцы бѣгутъ въ Россію. Мнѣнія о Татарахъ. Совѣтъ Князей. Избіеніе Пословъ Татарскихъ. Битва на Калкѣ. Правило Татаръ. Побѣдители скрываются. Удивленіе Россіянъ. Ужасныя предзнаменованія. Новыя междоусобія. Набѣги Литовскіе. Походъ въ Финляндію. Христіанство въ землѣ Корельской. Новогородцы жгутъ волшебниковъ. Нелюбовь къ Ярославу. Сношенія съ Папою. Бѣдствія Новогородцевъ. Происшествія въ южной Россіи. Льготныя грамоты Вел. Ярослава. Землетрясеніе. Затмѣніе солнца. Мятежъ въ Новѣгородѣ. Голодъ и моръ. Услуга Нѣмцевъ. Криводушіе Михаила. Святая Евпраксія. Война съ Нѣмцами и съ Литвою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даніиловы. Война съ Мордвою. Миръ съ Болгарами. Мученикъ Аврамій. Смерть Чингисхана. Его завѣщаніе. Новое нашествіе Татаръ или Моголовъ. Отвѣтъ Князей. Заразъ. Взятіе Рязани. Мужество Евпатія. Коломенская битва. Сожженіе Москвы. Взятіе Владиміра. Опустошеніе многихъ городовъ. Битва на Сити. Герой Василько. Спасеніе Новагорода. Осада Козельска. Отшествіе Батыево.

Г. 1224. Происхожденіе Татаръ.

Въ нынѣшней Татаріи Китайской, на Югѣ отъ Иркутской Губерніи, въ степяхъ неиз-

вѣстныхъ ни Грекамъ, ни Римлянамъ, скитались Орды Моголовъ, единоплеменныхъ съ Восточными Турками [280]. Сей народъ дикій, разсѣянный, питаясь ловлею звѣрей, скотоводствомъ и грабежемъ, зависѣлъ отъ Татаръ *Ніучей*, господствовавшихъ въ сѣверной части Китая; но около половины XII вѣка усилился, и началъ славиться побѣдами. Ханъ его, именемъ Езукай Багадуръ, завоевалъ нѣкоторыя области сосѣдственныя, и скончавъ дни свои въ цвѣтущихъ лѣтахъ, оставилъ въ наслѣдіе тринадцатилѣтнему сыну, Темучину 40,000 подвластныхъ ему семействъ или данниковъ [281]. Сей отрокъ, воспитанный матерію въ простотѣ жизни пастырской, долженствовалъ удивить міръ геройствомъ и счастіемъ, покорить милліоны людей и сокрушить Государства знаменитыя сильными воинствами, цвѣтущими Искусствами, Науками и мудростію своихъ древнихъ Законодателей.

По кончинѣ Багадура многіе изъ данниковъ отложились отъ его сына. Темучинъ собралъ 30,000 воиновъ, разбилъ мятежниковъ и въ семидесяти котлахъ, наполненныхъ кипящею водою, сварилъ главныхъ виновниковъ бунта. Юный Ханъ все еще признавалъ надъ собою власть Монарха Татарскаго и служилъ ему съ честію въ разныхъ воинскихъ предпріятіяхъ; но скоро, надменный блестящими успѣхами своего побѣдоноснаго оружія, захотѣлъ независимости и первенства. Ужасать

враговъ местію, питать усердіе друзей щедрыми наградами, казаться народу человѣкомъ сверхъестественнымъ, было его правиломъ. Всѣ особенные начальники Могольскихъ и Татарскихъ Ордъ добровольно или отъ страха покорились ему: онъ собралъ ихъ на берегу одной быстрой рѣки, съ торжественнымъ обрядомъ пилъ ея воду и клялся дѣлить съ ними все *горькое* и *сладкое* въ жизни. Но Ханъ Кераитскій, дерзнувъ обнажить мечь на сего втораго Аттилу, лишился головы, и черепъ его, окованный серебромъ, былъ въ Татаріи памятникомъ *Темучинова гнѣва* (282). Въ то время, какъ многочисленное войско Могольское, расположенное въ девяти станахъ близъ источниковъ рѣки Амура, подъ шатрами разноцвѣтными, съ благоговѣніемъ взирало на своего юнаго Монарха, ожидая новыхъ его повелѣній, явился тамъ какой-то святый пустынникъ, или мнимый пророкъ, и возвѣстилъ собранію, что Богъ отдаетъ Темучину всю землю, и что сей Владѣтель міра долженъ впредь именоваться *Чингисханомъ* или Великимъ Ханомъ. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудіями воли Небесной: народы слѣдовали ихъ примѣру. Киргизы (283) южной Сибири и славные просвѣщеніемъ Игуры или Уйгоры, обитавшіе на границахъ Малой Бухаріи, назвалися подданными Чингисхана. Сіи Игоры, обожая идоловъ, терпѣли у себя Магометанъ и Христіанъ Несторіанскихъ; любили Нау-

Чингисханъ.

ки, художества, и сообщили грамоту всѣмъ другимъ народамъ Татарскимъ (284). Царь Тибета также призналъ Чингисхана своимъ повелителемъ.

Достигнувъ столь знаменитой степени величія, сей гордый Ханъ торжественно отрекся платить дань Монарху Ніучей и сѣверныхъ областей Китая, велѣвъ сказать ему въ насмѣшку (285): „Китайцы издревле на„зываютъ своихъ Государей *сынами Неба*; „а ты *человѣкъ* — и смертный!“ Большая каменная стѣна, служащая оградою для Китая, не остановила храбрыхъ Моголовъ: они взяли тамъ 90 городовъ, разбили безчисленное войско непріятельское, умертвили множество плѣнныхъ старцевъ какъ людей безполезныхъ. Монархъ Ніучей обезоружилъ своего жестокаго врага, давъ ему 500 юношей и столько же дѣвицъ прекрасныхъ, 3000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисханъ, вторично вступивъ въ Китай, осадилъ столицу его, или нынѣшній Пекинъ. Отчаянное сопротивленіе жителей не могло спасти города (286): Моголы овладѣли имъ (въ 1215 году) и зажгли дворецъ, который горѣлъ около мѣсяца. Свирѣпые побѣдители нашли въ Пекинѣ богатую добычу и мудреца, именемъ Иличуцая, родственника послѣднихъ Императоровъ Китайскихъ, славнаго въ Исторіи благодѣтеля людей: ибо онъ, заслуживъ любовь и довѣренность Чингисхана, спасъ милліоны несчастныхъ

Его завоеванія.

отъ погибели, умѣрялъ его жестокость и давалъ ему мудрые совѣты для образованія дикихъ Моголовъ.

Еще Татары-Ніучи противоборствовали Чингисхану: оставивъ сильную рать въ Китаѣ, подъ начальствомъ мужественнаго предводителя, онъ устремился къ странамъ западнымъ, и сіе движеніе войска его сдѣлалось причиною бѣдствій для Россіи. Мы говорили о Туркахъ Алтайскихъ [287]: хотя они, утѣсненные съ одной стороны Китайцами, а съ другой Аравитянами (въ XII вѣкѣ завладѣвшими Персіею), утратили силу и независимость свою; но единоплеменники ихъ, служивъ долгое время Калифамъ, освободились наконецъ отъ ига и были основателями разныхъ Государствъ могущественныхъ. Такъ въ исходѣ XI вѣка Монархъ Турковъ-Сельчуковъ [288], именемъ Челаддинъ, господствовалъ отъ моря Каспійскаго и Малой Бухаріи до рѣки Гангеса, Іерусалима, Никеи, и давалъ повелѣнія Багдадскому Калифу, Папѣ Магометанъ. Сіе Государство исчезло, ослабленное распрями частныхъ его Владѣтелей и завоеваніями Крестоносцевъ въ Азіи: на развалинахъ его, въ концѣ XII столѣтія, возвеличилась новая Турецкая Династія Монарховъ Харазскихъ или Хивинскихъ [289], которые завладѣли большею частію Персіи и Бухаріею. Въ сіе время тамъ царствовалъ Магометъ II, гордо называясь вторымъ Александромъ Великимъ: Чингисханъ имѣлъ

къ нему уваженіе, искалъ его дружбы, хотѣлъ заключить съ нимъ выгодный для обоихъ союзъ; но Магометъ велѣлъ умертвить Пословъ Могольскихъ . . . Тогда Чингисханъ прибѣгнулъ къ суду Неба и меча своего; три ночи молился на горѣ и торжественно объявилъ, что Богъ во сновидѣніи обѣщалъ ему побѣду устами Епискона Христіанскаго, жившаго въ землѣ Игуровъ. Сіе обстоятельство, вымышленное для ободренія суевѣрныхъ, было весьма счастливо для Христіанъ: ибо они съ того времени пользовались особеннымъ благоволеніемъ Хана Могольскаго. Началась война, ужасная остервененіемъ варварства и гибельная для Магомета, который, имѣя рать безчисленную, но видя мужество непріятелей, боялся сразиться съ ними въ полѣ и думалъ единственно о защитѣ городовъ. Сія часть Верхней Азіи, именуемая Великою Бухаріею (а прежде Согдіаною и Бактріею) издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, лѣсами тѣнистыми, изобиліемъ вкусныхъ рыбъ въ чистыхъ водахъ ея (290), но и просвѣщеніемъ народнымъ, художествами, торговлею, многолюдными городами и цвѣтущею столицею, донынѣ извѣстною подъ именемъ Бохары, гдѣ находилось знаменитое училище для юношей Магометанской Вѣры. Бохара не могла сопротивляться: Чингисханъ, принявъ городскіе ключи изъ рукъ старѣйшинъ, въѣхалъ на конѣ

въ главную мечеть, и видя тамъ лежащій Алкоранъ, съ презрѣніемъ бросилъ его на землю. Столица была обращена въ пепелъ. Самаркандъ, укрѣпленный искусствомъ, заключалъ въ стѣнахъ своихъ около ста тысячъ ратниковъ и множество слоновъ, главную опору древнихъ воинствъ Азіи: не смотря на то, граждане прибѣгнули къ великодушію Моголовъ, которые, взявъ съ нихъ 200,000 золотыхъ монетъ, еще не были довольны (291): умертвили 30,000 плѣнниковъ и такое же число оковали цѣпями вѣчнаго рабства. Хива, Терментъ, Балхъ (гдѣ находилось 1200 мечетей и 200 бань для странниковъ) испытали подобную же участь, вмѣстѣ со многими иными городами, и свирѣпые воины Чингисхановы въ два или три года опустошили всю землю отъ моря Аральскаго до Инда, такъ, что она въ теченіе шести-слѣдующихъ вѣковъ уже не могла вновь достигнуть до своего прежняго цвѣтущаго состоянія. Магометъ, гонимый изъ мѣста въ мѣсто жестокимъ, неумолимымъ врагомъ, уѣхалъ на одинъ островъ Каспійскаго моря, и тамъ въ отчаяніи кончилъ жизнь свою.

Въ сіе время — около 1223 года — желая овладѣть западными берегами моря Каспійскаго, Чингисханъ отрядилъ двухъ своихъ знаменитыхъ Военачальниковъ, Судая Баядура и Чепновіана, съ повелѣніемъ взять Шамаху и Дербентъ. Первый городъ сдался, и Моголы хотѣли итти самымъ крат[ч]ай-

шимъ путемъ къ Дербенту, построенному, вмѣстѣ съ Каспійскою стѣною, въ VI вѣкѣ славнымъ Царемъ Персидскимъ Хозроемъ I, или Нуширваномъ, для защиты Государства его отъ Козаровъ (292). Но обманутые путеводителями Моголы зашли въ тѣсныя ущелія, и были со всѣхъ сторонъ окружены Аланами — Ясами, жителями Дагестана (293) — и Половцами, готовыми къ жестокому бою съ ними. Видя опасность, Военачальникъ Чингисхановъ прибѣгнулъ къ хитрости, отправилъ дары къ Половцамъ и велѣлъ сказать имъ, что они, будучи *единоплеменниками* Моголовъ, не должны возставать на своихъ братьевъ и дружиться съ Аланами, которые совсѣмъ инаго рода. Половцы, обольщенные такимъ ласковымъ привѣтствіемъ или дарами, оставили союзниковъ, а Моголы, пользуясь симъ благопріятнымъ случаемъ, разбили Аланъ. Скоро главный Ханъ Половецкій, именемъ Юрій Кончаковичъ (294), раскаялся въ своей оплошности, и видя, что мнимые братья намѣрены господствовать въ его землѣ, хотѣлъ бѣжать въ степи; но Моголы умертвили его, также другаго Князька, Данила Кобяковича, и гнались за ихъ товарищами до Азовскаго моря и до вала Половецкаго, или до самыхъ нашихъ границъ; покорили Ясовъ, Абазинцевъ, Касоговъ или Черкесовъ и вообще семь народовъ въ окрестностяхъ Азовскихъ (295).

Многіе Половцы ушли въ Кіевскую область съ своими женами, скотомъ и богатствомъ. Въ числѣ бѣглецовъ находился знаменитый Котянъ, тесть Мстислава Галицкаго: сей Ханъ взволновалъ Россію вѣстію о нашествіи Моголовъ; дарилъ Князей вельблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами, и говорилъ: „нынѣ они взяли „нашу землю; завтра возьмутъ вашу.“ Россіяне ужаснулись, и въ изумленіи спрашивали другъ у друга, кто сіи пришельцы, до того времени неизвѣстные? Нѣкоторые называли ихъ Таурменами, другіе Печенѣгами, но вообще Татарами (296). Суевѣрные разсказывали, что сей народъ, еще за 1200 лѣтъ до Рождества Христова побѣжденный Гедеономъ, и нѣкогда заключенный въ пустыняхъ Сѣверо-Востока, долженствовалъ предъ концемъ міра явиться въ Азіи, въ Европѣ, и завоевать всю землю. Храбрый Князь Галицкій, пылая ревностію отвѣдать счастія съ новымъ и столь уже славнымъ врагомъ, собралъ Князей на совѣтъ въ Кіевѣ, и представлялъ убѣдительно, что благоразуміе и государственная польза обязываютъ ихъ вооружиться; что утѣсненные Половцы, будучи оставлены ими, непремѣнно соединятся съ Татарами и наведутъ ихъ на Россію; что лучше сразиться съ опаснымъ непріятелемъ внѣ отечества, нежели впустить его въ свои границы. Мстиславъ Романовичь Кіевскій (называемый въ лѣтописяхъ Старымъ и

Половцы бѣгутъ въ Россію.

Мнѣнія о Татарахъ.

Совѣтъ Князей.

Добрымъ) Князь Черниговскій [297] того же имени (братъ Всеволода Чермнаго) и Мстиславъ Галицкій предсѣдательствовали въ Совѣтѣ, гдѣ находились также пылкіе юноши, Даніилъ Романовичь Волынскій, — Михаилъ, сынъ Чермнаго, и бывшій Князь Новогородскій, Всеволодъ Мстиславичь. Они долго разсуждали: наконецъ единодушно положили искать непріятеля. Половцы радовались, изъявляя благодарность, и Ханъ ихъ Басшый принялъ тогда же Вѣру Христіанскую.

Уже войско наше стояло на Днѣпрѣ у Заруба и *Варяжскаго* острова: тамъ явились десять Пословъ Татарскихъ. „Слышимъ" — говорили они Князьямъ Россійскимъ — „что „вы, обольщенные Половцами, идете противъ нась; но мы ничѣмъ не оскорбили „Россіянъ: не входили къ вамъ въ землю; не „брали ни городовъ, ни селъ вашихъ, а хотимъ „единственно наказать Половцевъ, своихъ „рабовъ и *конюховъ*. Знаемъ, что они издревле „враги Россіи: будьте же намъ друзьями; пользуясь случаемъ, отмстите имъ нынѣ, истребите злодѣевъ, и возьмите ихъ богатство." Сіе благоразумное миролюбіе показалось нашимъ Князьямъ или робостію или коварствомъ: забывъ правила народной чести, они велѣли умертвить Пословъ; но Татары еще прислали новыхъ, которые, встрѣтивъ войско Россійское, въ семнадцатый день его похода, на берегахъ Днѣпра, близъ Олешья, сказали Князьямъ: „И такъ вы, слушаясь

Избіеніе Пословъ Татарскихъ.

„Половцевъ, умертвили нашихъ Пословъ и „хотите битвы? да будетъ! Мы вамъ не „сдѣлали зла. Богъ единъ для всѣхъ народовъ: „Онъ нась разсудитъ.“ Князья, какъ бы удивленные великодушіемъ Татаръ, отпустили сихъ Пословъ, и ждали остальнаго войска. Мстиславъ Романовичъ, Владиміръ Рюриковичь и Князья Черниговскихъ Удѣловъ привели туда, подъ своими знаменами, жителей Кіева, Смоленска, Путивля, Курска, Трубчевска. Съ ними соединились Волынцы и Галичане, которые на 1000 ладіяхъ плыли Днѣстромъ до моря, вошли въ Днѣпръ, и стали у рѣки Хортицы (298). Половцы также стекались къ Россіянамъ толпами. Войско наше расположилось станомъ на правомъ берегу Днѣпра. Услышавъ, что отрядъ Татарскій приближается для наблюденія Россіянъ, юный Князь Даніилъ, будучи на той сторонѣ рѣки, сѣлъ на коня и съ нѣкоторыми любопытными товарищами поскакалъ на встрѣчу къ непріятелю. Осмотрѣвъ сіе новое для нихъ войско, они возвратились съ донесеніемъ ко Мстиславу Галицкому. Но вѣсти были не согласны: легкомысленные юноши сказывали, что Татары суть худые ратники, и не достойны уваженія; а Воевода, пришедшій изъ Галича съ ладіями, именемъ Юрій Домарѣчичь, увѣрялъ, что сіи враги кажутся опытными, знающими и стрѣляютъ лучше Половцевъ. Молодые Князья нетерпѣливо хотѣли вступить въ бой: Мстиславъ Галицкій, съ ты-

сячею воиновъ ударивъ на отрядъ непріятельскій, разбилъ его совершенно. Стрѣлки наши оказали въ семъ дѣлѣ искусство и мужество (299). Лѣтописцы говорятъ, что Татары, желая спасти начальника своего, Гемябека, скрыли его въ ямѣ, но что Россіяне нашли, а Половцы, съ дозволенія Мстиславова, умертвили сего Могольскаго чиновника.

Надменные первымъ успѣхомъ, и взявъ въ добычу множество скота, всѣ Россіяне переправились за Днѣпръ и шли девять дней до рѣки Калки (нынѣ Калеца въ Екатеринославской Губерніи, близъ Маріуполя), гдѣ была легкая сшибка съ непріятелемъ (300). Мстиславъ Галицкій, поставивъ войско свое на лѣвомъ берегу Калки, велѣлъ Яруну, начальнику Половцевъ, и Даніилу съ Россійскою дружиною итти впередъ; а самъ ѣхалъ на конѣ за ними, и скоро увидѣлъ многочисленное войско Татаръ. Битва началася (301). Пылкій Даніилъ изумилъ враговъ мужествомъ; вмѣстѣ съ Олегомъ Курскимъ тѣснилъ густыя толпы ихъ, и копіемъ въ грудь уязвленный, не думалъ о своей ранѣ. Мстиславъ *Нѣмый*, братъ Ингваря Луцкаго, спѣшилъ дать ему помощь, и крѣпкою мышцею разилъ непріятелей. Но малодушные Половцы не выдержали удара Моголовъ; смѣшались, обратили тылъ; въ безпамятствѣ ужаса устремились на Россіянъ, смяли ряды ихъ и даже отдаленный станъ, гдѣ два Мстислава,

Маія 31. Битва на Калкѣ.

Кіевскій и Черниговскій, еще не успѣли изготовиться къ битвѣ: ибо Мстиславъ Галицкій, желая одинъ воспользоваться честію побѣды, не далъ имъ никакой вѣсти о сраженіи (302). Сіе излишнее славолюбіе Героя столь знаменитаго погубило наше войско: Россіяне, приведенные въ безпорядокъ, не могли устоять. Юный Даніилъ вмѣстѣ съ другими искалъ спасенія въ бѣгствѣ; прискакавъ къ рѣкѣ, остановилъ коня, чтобы утолить жажду, и тогда единственно почувствовалъ свою рану. Татары гнали Россіянъ до самаго Днѣпра, убивъ ихъ множество, и въ томъ числѣ шесть Князей: Святослава Яновскаго, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, Юрія Нѣсвижскаго; также отличнаго Витязя, именемъ Александра Поповича, и еще 70 славныхъ богатырей (303). Земля Русская, по словамъ Лѣтописцевъ, отъ начала своего не видала подобнаго бѣдствія: войско прекрасное, бодрое, сильное, совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслася; однихъ Кіевлянъ легло на мѣстѣ 10,000. Самые мнимые друзья наши, Половцы, виновники сей войны и сего несчастія, убивали Россіянъ, чтобы взять ихъ коней или одежду. Мстиславъ Галицкій, испытавъ въ первый разъ ужасное непостоянство судьбы, изумленный, горестный, бросился въ ладію, переѣхалъ за Днѣпръ и велѣлъ истребить всѣ суда, чтобы Татары не могли за нимъ гнать-

ся. Онъ уѣхалъ въ Галичъ; а Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій въ Кіевъ.

Между тѣмъ Мстиславъ Романовичъ Кіевскій еще оставался на берегахъ Калки въ укрѣпленномъ станѣ, на горѣ каменистой; видѣлъ бѣгство Россіянъ и не хотѣлъ тронуться съ мѣста: достопамятный примѣръ великодушія и воинской гордости! Татары приступали къ сему укрѣпленію, три дни бились съ Россіянами, не могли одолѣть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если онъ дастъ имъ окупъ за себя и за дружину. Князь согласился: Воевода *Бродниковъ*, именемъ Плоскиня (304), служа тогда Моголамъ, онъ именемъ ихъ клялся въ вѣрномъ исполненіи условій; но обманулъ Россіянъ, и связавъ несчастнаго Мстислава вмѣстѣ съ двумя его зятьями, Княземъ Андреемъ и Александромъ Дубровецкимъ, выдалъ ихъ Полководцамъ Чингисхановымъ. Остервененные жестокимъ сопротивленіемъ великодушнаго Мстислава Кіевскаго, и вспомнивъ убіеніе своихъ Пословъ въ нашемъ станѣ, Моголы изрубили всѣхъ Россіянъ, трехъ Князей задушили подъ досками, и сѣли пировать на ихъ трупахъ! — Такимъ образомъ заключилась сія первая кровопролитная битва нашихъ предковъ съ Моголами, которые, по извѣстію Татарскаго Историка, умышленно заманили Россіянъ въ опасную степь и сражались съ ними цѣлые семь дней (305).

Полководцы Чингисхановы шли за бѣгущимъ остаткомъ Россійскаго войска до самаго Днѣпра. Жители городовъ и селъ, въ надеждѣ смягчить ихъ свирѣпость покорностію, выходили къ нимъ на встрѣчу со крестами; но Татары безжалостно убивали и гражданъ и земледѣльцевъ, слѣдуя правилу, что побѣжденные не могутъ быть друзьями побѣдителей, и что смерть первыхъ нужна для безопасности вторыхъ. Вся южная Россія трепетала: народъ, съ воплемъ и стенаніемъ ожидая гибели, молился въ храмахъ — и Богъ на сей разъ услышалъ его молитву. Татары, не находя ни малѣйшаго сопротивленія, вдругъ обратились къ Востоку, и спѣшили соединиться съ Чингисханомъ въ Великой Бухаріи, гдѣ сей дикій Герой, собравъ всѣхъ Полководцевъ и Князей, на общемъ сеймѣ давалъ законы странамъ, имъ завоеваннымъ. Онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ свое побѣдоносное войско, возвратившееся отъ Днѣпра: съ любопытствомъ слушалъ донесеніе Вождей, хвалилъ ихъ и щедро наградилъ за оказанное ими мужество. Оскорбленный тогда могущественнымъ Царемъ Тангутскимъ, Чингисханъ пошелъ сокрушить его величіе (316).

Правило Татаръ.

Побѣдители скрываются.

Россія отдохнула: грозная туча какъ внезапно явилась надъ ея предѣлами, такъ внезапно и сокрылась. „Кого Богъ во гнѣвѣ „Своемъ насылалъ на землю Русскую?" говорилъ народъ въ удивленіи: „откуда прихо-

Удивленіе Россіянъ.

„дили сіи ужасные иноплеменники? куда ушли? „извѣстно одному Небу и людямъ искуснымъ „въ книжномъ ученіи (307).“ — Селенія, опустошенныя Татарами на восточныхъ берегахъ Днѣпра, еще дымились въ развалинахъ; отцы, матери, друзья, оплакивали убитыхъ: но легкомысленный народъ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему послѣднимъ.

Князья южной Россіи, готовясь итти на Моголовъ, требовали помощи отъ Великаго Князя Георгія. Племянникъ его, Василько Константиновичь, шелъ къ нимъ съ дружиною Ростовскою, и стоялъ уже близъ Чернигова (308): тамъ свѣдалъ онъ о несчастіи ихъ и возвратился къ дядѣ, благодаря Небо за спасеніе жизни и воинской чести своей. Не предвидя будущаго, Владимірцы утѣшались мыслію, что Богъ избавилъ ихъ отъ бѣдствія, претерпѣннаго другими Россіянами. Георгій, нѣкогда уничиженный Мстиславомъ Галицкимъ, могъ даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть его въ злополучіи: долговременная слава и побѣды сего Героя возбуждали зависть. — Но скоро несчастныя для суевѣрныхъ знаменія произвели общій страхъ въ Россіи (и во всей Европѣ). Явилась Комета, звѣзда величины необыкновенной, и цѣлую недѣлю въ сумерки показывалась на Западѣ, озаряя небо лучемъ блестящимъ (309). Въ сіе же лѣто сдѣлалась необыкновенная засуха: лѣса, боло-

Ужасныя предзнаменованія.

та воспламенялись; густыя облака дыма затмѣвали свѣтъ солнца; мгла тяготила воздухъ, и птицы, къ изумленію людей, падали мертвыя на землю. Вспомнили, что въ княженіе Всеволода I было такое же лѣто въ Россіи, и что отечество наше стенало тогда отъ враговъ иноплеменныхъ, голода и язвы.

Провидѣніе, дѣйствительно готовое искусить Россію всѣми возможными для Государства бѣдствіями, еще на нѣсколько лѣтъ отложило ихъ; а Россіяне какъ бы спѣшили воспользоваться симъ временемъ, чтобы свѣжую рану отечества растравить новыми междоусобіями. Юный сынъ Георгіевъ, исполняя тайное повелѣніе отца, вторично уѣхалъ изъ Новагорода со всѣмъ Дворомъ своимъ и занялъ Торжекъ, куда скоро прибылъ и самъ Георгій, братъ его Ярославъ, племянникъ Василько и шуринъ Михаилъ, Князь Черниговскій. Они привели войско съ собою, грозя Новугороду: ибо Великій Князь досадовалъ на многихъ тамошнихъ чиновниковъ за ихъ надменность. Новогородцы отправили къ Георгію двухъ Пословъ и хотѣли, чтобы онъ выѣхалъ изъ Торжка, отпустивъ къ нимъ сына; а Великій Князь требовалъ, чтобы они выдали ему нѣкоторыхъ знаменитыхъ гражданъ (310), и сказалъ: „я поилъ коней своихъ Тверцею: напою и Волховомъ.“ Воспоминая съ гордостію, что самъ Андрей Боголюбскій не могъ ихъ смирить оружіемъ, Новогородцы

Новыя междоусобія.

укрѣпили стѣны свои, заняли войскомъ всѣ важныя мѣста на пути къ Торжку, и чрезъ новыхъ Пословъ отвѣтствовали Георгію: ,,Князь! мы тебѣ кланяемся, но своихъ братьевъ не выдадимъ. Дерзнешь ли на кровопролитіе? у тебя мечь, у насъ головы: умремъ ,,за Святую Софію.“ Георгій смягчился; вступилъ въ переговоры, и шуринъ его, Михаилъ Черниговскій, поѣхалъ княжить въ Новгородъ.

Правленіе сего Князя было мирно и счастливо. ,,Вся область наша“ —говоритъ Лѣтописецъ Новогородскій—,,благословляла свой
г. 1225. ,,жребій, не чувствуя никакой тягости.“ Георгій вышелъ изъ Торжка, захвативъ казну Новогородскую и достояніе многихъ частныхъ людей (311): Михаилъ, провождаемый знаменитыми чиновниками, ѣздилъ въ Владиміръ и согласилъ Георгія возвратить сію незаконную добычу. Народъ любилъ Князя; но Михаилъ считалъ себя пришельцемъ въ сѣверной Россіи. Выѣхавъ изъ Чернигова въ то время, когда Татары приближались къ Днѣпру, онъ стремился душею къ своей отчизнѣ, гдѣ снова царствовали тишина и безопасность. Напрасно усердные Новогородцы доказывали ему, что Князь, любимый народомъ, не можетъ съ покойною совѣстію оставить его (312): Михаилъ на *Дворѣ Ярослава* простился съ ними, сказавъ имъ, что Черниговъ и Новгородъ должны быть какъ бы единою землею, а жители братьями и друзьями;

что свободная торговля и гостепріимство свяжутъ ихъ узами общихъ выгодъ и благоденствія. Нерѣдко задерживая у себя Князей ненавистныхъ, Новогородцы давали волю добрымъ жить съ ними, или, говоря тогдашнимъ языкомъ, *поклониться Святой Софіи:* изъявили благодарность Михаилу, отпустили его съ великою честію, и послали за Ярославомъ-Θеодоромъ.

Въ то время Литовцы, числомъ до 7000, ворвались въ наши предѣлы; грабили область Торопецкую, Новогородскую, Смоленскую, Полоцкую; убивали купцевъ, и плѣняли земледѣльцевъ. Лѣтописцы говорятъ, что сіи разбойники никогда еще не причиняли столь великаго зла Государству Россійскому (313). Ярославъ, предводительствуя своею дружиною Княжескою, соединился съ Давидомъ Мстиславичемъ Торопецкимъ, съ братомъ его, Владиміромъ Псковскимъ, и настигъ непріятеля близъ Усвята; положилъ на мѣстѣ 2000 Литовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ Князей, освободилъ всѣхъ нашихъ плѣнниковъ. Князь Давидъ и любимый Меченосецъ Ярославовъ находились въ числѣ убитыхъ Россіянъ. Новогородцы не были въ сраженіи: доходили только до Русы и возвратились. Однакожъ Ярославъ, пріѣхавъ къ нимъ и выслушавъ ихъ оправданіе, не изъявилъ ни малѣйшаго гнѣва; а въ слѣдующій годъ ходилъ съ войскомъ въ сѣверную отдаленную часть Финляндіи, гдѣ никогда еще не бывали Россіяне; не обогатил-

Набѣги Литовскіе.

Г. 1226.

Г. 1227. Походъ въ Финляндію.

ся въ сей бѣдной странѣ ни серебромъ, ни золотомъ, но отнялъ у многихъ жителей самое драгоцѣннѣйшее благо: отечество и вольность. Новогородцы взяли столько плѣнниковъ, что не могли всѣхъ увести съ собою: нѣкоторыхъ безчеловѣчно умертвили, другихъ отпустили домой (314). —Ярославъ въ сей же годъ отличился дѣломъ гораздо полезнѣйшимъ для человѣчества: отправилъ Священниковъ въ Корельскую землю, и не употребивъ никакихъ мѣръ насильственныхъ, крестилъ большую часть жителей, уже давно подданныхъ Новагорода и расположенныхъ добровольно къ принятію Христіанства (315). Представивъ дѣйствіе благоразумнаго усердія къ Вѣрѣ, не скроемъ и несчастныхъ заблужденій суевѣрія: въ то время, какъ наши церковные учители проповѣдывали Кореламъ Бога истиннаго и человѣколюбиваго, ослѣпленные Новогородцы сожгли четырехъ мнимыхъ волшебниковъ на *Дворѣ Ярослава* (316). Къ чести Духовенства и тогдашняго Новогородскаго Архіепископа Антонія—который въ 1225 году возвратился изъ Перемышля Галицкаго—замѣтимъ, что въ семъ жалостномъ безуміи дѣйствовалъ одинъ народъ, безъ всякаго внушенія со стороны Церковныхъ Пастырей.

Христіанство въ землѣ Корельской.

Новогородцы жгутъ волшебниковъ.

Россіяне думали, что грозно опустошивъ Финляндію, они уже на долгое время будутъ съ сей стороны покойны; но месть даетъ силы. Лишенные отцевъ, братьевъ, дѣтей, и пылая справедливою злобою, Фин-

Г. 1228.

ляндцы разорили селенія вокругъ Олонца и сразились съ Посадникомъ Ладожскимъ (317). Ихъ было около двухъ тысячъ. Ночь прекратила битву. Напрасно предлагавъ миръ, они умертвили всѣхъ плѣнниковъ, бросили лодки свои и бѣжали въ густые лѣса, гдѣ Ижеряне и Корелы истребили ихъ всѣхъ до одного человѣка. Между тѣмъ Ярославъ, не имѣвъ времени соединиться съ Ладожанами, праздно стоялъ на Невѣ и былъ свидѣтелемъ мятежа воиновъ Новогородскихъ, хотѣвшихъ убить какого-то чиновника, именемъ Судимира: Князь едва могъ спасти несчастнаго, скрывъ его въ собственной ладіи своей.

Нелюбовь къ Ярославу.

Вообще Ярославъ не пользовался любовію народною. Желая имѣть Псковъ въ своей зависимости, онъ поѣхалъ туда съ Новогородскими чиновниками (318); но Псковитяне не хотѣли принять его, думая, что сей Князь везетъ къ нимъ оковы и рабство. Огорченный Ярославъ, возвратясь въ Новгородъ, собралъ жителей на дворѣ Архіепископскомъ и торжественно принесъ имъ жалобу. ,,Небо ,,свидѣтель"—говорилъ онъ—,,что я не хотѣлъ ,,сдѣлать ни малѣйшаго зла Псковитянамъ, ,,и везъ для нихъ не оковы, а дары, овощи ,,и паволоки. Честь моя оскорблена и требуетъ мести." Недовольный холодностію гражданъ, Князь призвалъ войско изъ Переславля Залѣсскаго, и Новогородцы съ изумленіемъ увидѣли шатры его полковъ вокругъ дворца (319). Славянскій Конецъ также на-

полнился толпами сихъ ратниковъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ и страшныхъ для народа своевольнаго. Ярославъ сказывалъ, что хочетъ итти противъ Нѣмецкихъ Рыцарей; но граждане не вѣрили ему и боялись его тайныхъ замысловъ. Къ тому же бѣдные жаловались на дороговизну; отъ прибытія многочисленнаго войска цѣна на хлѣбъ и на мясо возвысилась: осмина ржи стоила нынѣшними серебряными деньгами $53\frac{1}{2}$ копейки, пшеницы $89\frac{1}{2}$, а пшена рубль 25 копеекъ (520). Ярославъ требовалъ отъ Псковитянъ, чтобы они выдали ему клеветниковъ его, а сами шли съ нимъ къ Ригѣ; но Псковитяне уже заключили особенный тѣсный союзъ съ Рижскимъ Орденомъ, и будучи обнадежены въ помощи Рыцарей, прислали въ Новгородъ одного Грека съ такимъ отвѣтомъ: ,,Князь Ярославъ! кланяем- ,,ся тебѣ и друзьямъ Новогородцамъ; а братьевъ своихъ не выдадимъ, и въ походъ нейдемъ, ибо Нѣмцы намъ союзники. Вы осаждали Колывань (Ревель), Кесь (Венденъ) ,,и Медвѣжью Голову, но брали вездѣ не ,,города, а деньги; раздраживъ непріятелей, ,,сами ушли домой, а мы за васъ терпѣли: ,,наши сограждане положили свои головы ,,на берегахъ Чудскаго озера; другіе были ,,отведены въ плѣнъ. Теперь возстаете ,,противъ насъ: но мы готовы ополчиться съ Святою Богородицею. Идите, ,,лейте кровь нашу; берите въ плѣнъ

„женъ и дѣтей: вы не лучше поганыхъ.“ Сіи укоризны относились вообще къ Новогородцамъ; однакожь народъ взялъ сторону Псковитянъ: рѣшительно объявилъ Князю, что не хочетъ воевать ни съ ними, ни безъ нихъ съ Орденомъ Нѣмецкимъ, и требовалъ, чтобы рать Переславская удалилась. Ярославъ велѣлъ полкамъ выступить, но въ досадѣ и гнѣвѣ самъ уѣхалъ изъ Новагорода, оставивъ тамъ юныхъ сыновей, Ѳеодора и Александра, подъ надзираніемъ двухъ Вельможъ (521). Псковитяне торжествовали; отпустили Нѣмцевъ, Чудь, Латышей, уже призванныхъ ими для защиты, и выгнали изъ города друзей Ярославовыхъ, сказавъ имъ: „подите къ своему Князю; вы намъ не „братья.“ Тогдашній союзъ Россіянъ съ Ливонскимъ Орденомъ и дружелюбныя ихъ сношенія съ Посломъ Гонорія III въ Ригѣ, Епископомъ Моденскимъ, столь обрадовали Папу, что онъ въ 1227 году написалъ весьма благосклонное письмо ко всѣмъ нашимъ Князьямъ, обѣщая имъ миръ и благоденствіе въ объятіяхъ Латинской Церкви, и желая видѣть ихъ Пословъ въ Римѣ. „Ваши заблужденія въ Вѣрѣ (говорилъ онъ) раздражаютъ „Небо и причиною всѣхъ золъ въ Россіи: „бойтесь еще ужаснѣйшихъ, если не обратитесь къ истинѣ. Увѣщаемъ и молимъ, „чтобы вы письменно изъявили на то добрую волю чрезъ надежныхъ Пословъ, а меж-

Сношенія съ Папою.

,,лу тѣмъ жили мирно съ Христіанами Ли-
,,вонскими" (322).

Бѣдствія Новогородцевъ.

Съ сего времени Новгородъ былъ нѣсколько лѣтъ жертвою естественныхъ и гражданскихъ бѣдствій. Отъ половины Августа до самаго Декабря мѣсяца густая тьма покрывала небо и шли дожди безпрестанные; сѣно, хлѣбъ гнили на лугахъ и въ полѣ; житницы стояли пустыя. Народъ, желая кого нибудь обвинить въ семъ несчастіи, возсталъ противъ (323) новаго Владыки Новогородскаго, Арсенія (ибо Антоній, слабый здоровьемъ, лишился языка и добровольно заключился въ монастырѣ Хутынскомъ). ,,Богъ наказываетъ ,,насъ за коварство Арсенія," говорили безразсудные: ,,онъ выпроводилъ Антонія въ ,,Хутынскую Обитель, и несправедливо присвоилъ себѣ его санъ, подкупивъ Князя." Добрый, смиренный Пастырь молился денно и нощно о благѣ согражданъ; но дожди не переставали, и народъ, послѣ шумнаго Вѣча, извлекъ Архіепископа изъ дому, гналъ, толкалъ, едва не умертвилъ его какъ преступника. Арсеній искалъ убѣжища въ Софійскомъ храмѣ, наконецъ въ монастырѣ Хутынскомъ, откуда нѣмый Антоній долженъ былъ возвратиться въ домъ Святителей. Новогородцы дали ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ (324), и еще не могли успокоиться: вооружились, разграбили домъ Тысячскаго, Стольниковъ Архіерейскаго и Софійскаго, хотѣли повѣсить одного Спа-

росту, и кричали, что сіи люди наводяшъ Князя на зло. *Избравъ новаго Тысячскаго*, Вѣче послало сказашь Ярославу, чтобы онъ *немедленно ѣхалъ въ Новгородъ, снялъ налогъ церковный, запретилъ Княжескимъ судьямъ ѣздить по области, и наблюдая въ точности льготныя грамоты Великаго Ярослава, дѣйствовалъ во всемъ сообразно съ уставомъ Новогородской вольности.* „Или" — говорили ему Послы Вѣча — „наши связи съ „тобою навѣки разрываются." Еще Князь не далъ отвѣта, когда юные сыновья его, Ѳеодоръ и Александръ, *устрашенные мятежемъ Новогородскимъ*, тайно уѣхали къ отцу съ своими Вельможами. „Одни виновные мо„гутъ быть робкими бѣглецами" (сказали Новогородцы): „не жалѣемъ объ нихъ. Мы не „сдѣлали зла ни дѣтямъ, ни отцу, казнивъ „своихъ братьевъ. Небо отмститъ вѣро„ломнымъ; а мы найдемъ себѣ Князя. Богъ „по насъ: кого устрашимся?" Они клялися другъ другу быть единодушными, и звали къ себѣ Михаила Черниговскаго; но Послы ихъ были задержаны на дорогѣ Княземъ Смоленскимъ, другомъ Ярославовымъ.

Льготныя грамоты Вел. Ярослава.

Г. 1229.

Доселѣ, описавъ несчастную Калкскую битву, говорили мы только о происшествіяхъ сѣверной Россіи: обратимъ взоръ на полуденную. Михаилъ, возвратясь (въ 1225 году) изъ Новагорода въ Черниговъ, нашелъ опаснаго неприятеля въ Олегѣ Курскомъ, и требовалъ помощи отъ Георгія, своего зятя,

Происшествія въ южной Россіи.

который самъ привелъ къ нему войско. Къ счастію, тамъ былъ Кіевскій Митрополитъ Кириллъ, родомъ Грекъ, присланный Константинопольскимъ Патріархомъ изъ Никеи. Сей мужъ ученый, благонамѣренный, отвратилъ войну и примирилъ враговъ: послѣ чего Михаилъ княжилъ спокойно, будучи союзникомъ Георгія, который, женивъ племянника, Василька, на его дочери, отдалъ южный Переяславль, какъ Удѣлъ Великаго Княженія Суздальскаго, другому племяннику, Всеволоду Константиновичу, а чрезъ годъ брату Святославу (325). Древняя вражда Ольговичей и Мономаховыхъ потомковъ казалась усыпленною. Тѣ и другіе равно уважали знаменитаго Мстислава Галицкаго, ихъ Главу и посредника. Сей Герой, долго называемый *Удатнымъ* или счастливымъ, провелъ остатокъ жизни въ безпокойствахъ и въ раскаяніи. Обманутый злобными внушеніями Александра Бельзскаго, онъ возненавидѣлъ-было добраго зятя своего, мужественнаго Даніила, союзника Поляковъ, и хотѣлъ отнять у него владѣніе; узнавъ же клевету Александрову, спѣшилъ примириться съ Даніиломъ, и, вопреки совѣту другихъ Князей, оставилъ клеветника безъ наказанія. Нечаянное бѣгство всѣхъ знатнѣйшихъ Бояръ Галицкихъ и ссора съ Королемъ Венгерскимъ были для него также весьма чувствительнымъ огорченіемъ. Одинъ изъ Вельможъ, именемъ Жирославъ, увѣрилъ первыхъ, что Князь намѣренъ ихъ, какъ

враговъ, предать на избіеніе Хану Половецкому, Котяну: они ушли со всѣми домашними въ горы Карпатскія и едва могли быть возвращены Духовникомъ Княжескимъ, посланнымъ доказать имъ невинность добродушнаго Государя, который велѣлъ обличенному во лжи, безстыдному Жирославу, только удалиться, не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго зла. Столь же невиненъ былъ Мстиславъ и въ раздорѣ съ Венграми. Нареченный его зять, юный сынъ Короля Андрея, послушавъ коварныхъ наушниковъ, уѣхалъ изъ Перемышля къ отцу съ жалобою на какую-то мнимую несправедливость своего будущаго тестя. Андрей вооружился; завоевалъ Перемышль, Звенигородъ, Теребовль, Тихомль, и послалъ войско осадить Галичь, боясь самъ итти къ оному: ибо волхвы Венгерскіе, какъ говоритъ Лѣтописецъ, предсказали ему, что онъ не будетъ живъ, когда увидитъ сей городъ. Воевода Сендомирскій находился съ Королемъ: самъ Герцогъ Лешко хотѣлъ къ нимъ присоединиться; но Даніилъ, вѣрный тестю, убѣжденіями и хитростію удалилъ Поляковъ; а Мстиславъ разбилъ Венгровъ, и Король Андрей могъ бы совершенно погибнуть, если бы Вельможа Галицкій, Судиславъ, вопреки Даніилову мнѣнію не склонилъ побѣдителя къ миру и къ исполненію прежнихъ заключенныхъ съ Андреемъ условій, такъ, что Мстиславъ не только прекратилъ военныя дѣйствія, не только выдалъ дочь свою за

Королевича, но и возвелъ зятя на тронъ Галицкій, оставивъ себѣ одно *Понизье*, или юго-восточную область сего Княженія. Случай безпримѣрный въ нашей Исторіи, чтобы Князь Россійскій, имѣя наслѣдниковъ единокровныхъ, имѣя даже сыновей, добровольно уступалъ владѣніе иноплеменнику, согласно съ желаніемъ нѣкоторыхъ Бояръ, но въ противность желанію народа, не любившаго Венгровъ. Легкомысленный Мстиславъ скоро раскаялся, и внутреннее безпокойство сократило дни его. Онъ считалъ себя виновнымъ передъ Даніиломъ, тѣмъ болѣе, что сей юный Князь изъявлялъ отмѣнное къ нему уваженіе и вообще всѣ качества души благородной. „Льстецы обманули меня," говорилъ Мстиславъ Боярамъ Даніиловымъ: „но если „угодно Богу, то мы поправимъ сію ошибку. „Я соберу Половцевъ, а сынъ мой, вашъ „Князь, свою дружину: изгоню Венгровъ, „отдамъ ему Галичъ, а самъ останусь въ „Понизьѣ." Онъ не успѣлъ сдѣлать того; занемогъ и нетерпѣливо желалъ видѣть Даніила, чтобы поручить ему свое семейство; но козними Вельможъ лишенный и сего утѣшенія, преставился въ Торческѣ Схимникомъ, подобно отцу заслуживъ имя *Храбраго* (326), даже Великаго, впрочемъ слабый характеромъ, во многихъ случаяхъ неблагоразумный, игралище хитрыхъ Бояръ, и виновникъ перваго бѣдствія, претерпѣннаго Россіею отъ Моголовъ. Смертію его вос-

пользовался Королевичь Венгерскій, Андрей, и немедленно завладѣлъ Понизьемъ, какъ Удѣломъ Галицкимъ: Князья же юго-западной Россіи, лишенные уважаемаго ими посредника, возобновили междоусобіе. Мстиславъ Нѣмый, умирая, объявилъ Даніила наслѣдникомъ городовъ своихъ: Пересопницы, Черторижска и Луцка (гдѣ прежде княжилъ Ингварь, братъ Нѣмаго); но Ярославъ, сынъ Ингваревъ, насильственно занялъ Луцкъ, а Князь Пинскій Черторижскъ. Сіе случилось еще при жизни Мстислава Храбраго. Даніилъ съ согласія тестя доставилъ себѣ управу мечемъ, имѣвъ случай показать свое великодушіе: онъ встрѣтилъ Ярослава Луцкаго на богомольѣ, почти одного и безоружнаго; далъ ему свободный путь и сказалъ дружинѣ: ,,плѣнимъ его не здѣсь, а въ столицѣ." Осажденный имъ въ Луцкѣ, Ярославъ искалъ милости въ Даніилѣ и получилъ отъ него въ Удѣлъ Перемиль съ Межибожьемъ. Взявъ Черторижскъ, Даніилъ плѣнилъ сыновей Князя Пинскаго, Ростислава, который, будучи союзникомъ Владиміра Кіевскаго и Михаила Черниговскаго, требовалъ отъ нихъ вспоможенія, опасаясь, чтобы мужественный, бодрый Даніилъ по кончинѣ Мстислава Храбраго не присвоилъ себѣ власти надъ другими Князьями. Владиміръ Рюриковичь вздумалъ мстить сыну за отца: извѣстно, что Романъ Галицкій силою постригъ нѣкогда Рюрика. Тщетно Митрополитъ ста-

рался прекратить сію вражду. „Такія дѣла „не забываются,“ говорилъ Владиміръ, и собралъ многочисленное войско. Ханъ Половецкій, Котянъ, Михаилъ Черниговскій, Князья Сѣверскіе, Пинскій, Туровскій, вступивъ въ дружественную связь съ Андреемъ, Королевичемъ Венгерскимъ, осадили Каменецъ, городъ Даніиловъ; но возвратились съ однимъ стыдомъ, и долженствовали сами просить мира: ибо Даніилъ склонилъ Котяна на свою сторону, призвалъ Ляховъ, и съ Воеводою Сендомирскимъ, Пакославомъ, готовился осадить Кіевъ.

Михаилъ, по заключеніи сего общаго мира, свѣдалъ о задержаніи Пословъ Новогородскихъ въ Смоленскѣ: видя Черниговъ со всѣхъ
Г. 1229. сторонъ безопаснымъ, онъ немедленно поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ народъ принялъ его съ восклицаніями единодушной радости. Желая еще болѣе утвердить общую къ себѣ любовь, Михаилъ клялся ни въ чемъ не нарушать правъ вольности и грамотъ Великаго Ярослава; бѣдныхъ поселянъ, сбѣжавшихъ на чужую землю, освободилъ на пять лѣтъ отъ дани, а другимъ велѣлъ платить легкій оброкъ, уставленный древними Князьями (327). Народъ, какъ бы изъ великодушія, оставилъ друзей ненавистнаго Ярослава въ покоѣ — то есть, не грабилъ ихъ домовъ, но хотѣлъ, чтобы они на свои деньги построили новый мостъ Волховскій, ибо старый былъ разрушенъ наводненіемъ минувшей

осени. Сію пеню собрали въ особенности съ жителей Городища, гдѣ находился Княжескій дворецъ, и гдѣ многіе люди держали сторону Ярослава.

Михаилъ, возстановивъ тишину, предложилъ Новогородцамъ избрать инаго Святителя на мѣсто Антонія, неспособнаго, по его недугу, управлять Епархіею. Одни хотѣли имѣть Владыкою Епископа Волынскаго, Іоасафа; другіе Монаха и Діакона Спиридона, славнаго благочестіемъ; а нѣкоторые Грека. Судьба рѣшила выборъ: положили три жеребья на олтарь Св. Софіи; младенецъ, сынъ Михаиловъ, снялъ два: третій остался Спиридоновъ. Такимъ образомъ Діаконъ сдѣлался Главою Новогородскаго Духовенства и попечителемъ Республики (328): ибо Архіепископъ, какъ мы уже замѣтили, имѣлъ важное участіе въ дѣлахъ ея. — Михаилъ поѣхалъ въ Черниговъ, оставивъ въ Новѣгородѣ юнаго сына, Ростислава, и взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ людей нарочитыхъ, для совѣта или въ залогъ народной вѣрности. ,,Дай ,,Богъ" — сказалъ онъ гражданамъ — ,,чтобы вы съ честію возвратили мнѣ сына, и ,,чтобы я могъ быть для васъ посредникомъ ,,истины и правосудія." Между тѣмъ Ярославъ овладѣлъ Волокомъ Ламскимъ, и задержалъ у себя Пословъ Михаиловыхъ, которые жаловались на сію несправедливость. Отвергнувъ всѣ ихъ мирныя предложенія, Ярославъ ждалъ случая еще болѣе утѣснить Новогο-

родцевъ. Сей Князь въ то же время поссорился и съ братомъ своимъ Георгіемъ; тайными внушеніями удалилъ отъ него племянниковъ, сыновей Константиновыхъ, и замышлялъ войну междоусобную; но Георгій старался всячески обезоружить его. Дяди и племянники съѣхались наконецъ въ Суздалѣ, гдѣ Великій Князь говорилъ столь благоразумно, столь убѣдительно, что Ярославъ склонился къ искреннему миру, обнялъ брата, и вмѣстѣ съ племянниками назвалъ его своимъ отцемъ и Государемъ (329).

Новогородцы, озабоченные набѣгомъ Литовцевъ въ окрестностяхъ Селигерскаго озера, не могли отмстить Ярославу за обиду; разбили непріятелей въ полѣ, но скоро увидѣли гораздо ужаснѣйшее зло въ стѣнахъ своихъ. Предтечею его было землетрясеніе, общее во всей Россіи, и еще сильнѣйшее въ южной, такъ что каменныя церкви разсѣдались. Ударъ почувствовали въ самую обѣдню, когда Владиміръ Рюриковичь Кіевскій, Бояре и Митрополитъ праздновали въ Лаврѣ память Св. Ѳеодосія; трапезница, гдѣ уже стояло кушанье для Монаховъ и гостей, поколебалась на своемъ основаніи: кирпичи падали сверху на столъ. Чрезъ десять дней необыкновенное затмѣніе солнца и разноцвѣтныя облака на небѣ, гонимыя сильнымъ вѣтромъ, также устрашили народъ, особенно въ Кіевѣ, гдѣ суевѣрные люди ждали кон-

Г. 1230.

Маія 3. Землетрясеніе.

Маія 14. Затмѣніе солнца.

ца своего, стенали на улицахъ и прощались другъ съ другомъ (330).

Михаилъ, какъ бы желая ободрить Новогородцевъ, подобно другимъ изумленныхъ сими явленіями, пріѣзжалъ къ нимъ на нѣсколько дней, совершилъ обрядъ *торжественныхъ постригъ* надъ юнымъ Ростиславомъ и возвратился въ Черниговъ (331). Посадникомъ Новогородскимъ былъ тогда Водовикъ, человѣкъ свирѣпаго нрава, мстительный, злобный. Вражда его съ сыномъ знаменитаго Твердислава, чиновника гордаго, друга буйной *вольности*, а *послѣ смиреннаго инока* Аркадьевской обители, произвела междоусобіе въ городѣ. Народъ волновался, шумѣлъ на Вѣчахъ: то Посадникъ, то непріятели его одерживали верхъ; дрались, жгли домы, грабили. Свирѣпый Водовикъ собственною рукою убилъ наконецъ одного изъ главныхъ его враговъ и бросилъ въ Волховъ; другіе скрылись или бѣжали къ Ярославу. „Небо" — говоритъ *Лѣтописецъ* — „*оскорбленное си*„ми беззаконіями, отъ коихъ Ангелы съ пе„чалію закрываютъ лица свои крылами, на„казало мое отечество." Жестокій морозъ 14 Сентября побилъ всѣ озими; цѣна на хлѣбъ сдѣлалась неслыханная (332): за четверть ржи платили въ Новѣгородѣ пять гривенъ или около семи нынѣшнихъ рублей (серебромъ), за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 рубли, 65 копеекъ. Хотя жители славились богатствомъ; но сія неумѣ-

Мятежъ въ Новѣгородѣ.

Голодъ и моръ.

ренная дороговизна истощила всѣ средства пропитанія для города. Открылись голодъ, болѣзни и моръ. Добрый Архіепископъ, какъ истинный другъ отечества, не имѣя способовъ прекратить зло, старался по крайней мѣрѣ уменьшить дѣйствіе онаго. Трупы лежали на улицахъ: онъ построилъ скудельницу, или убогій домъ, и выбралъ человѣколюбиваго мужа, именемъ Станила, для скораго погребенія мертвыхъ, чтобы тлѣніе ихъ не заражало воздуха. Станилъ съ утра до вечера вывозилъ трупы, и въ короткое время схоронилъ ихъ 3030. Съ нетерпѣніемъ ожидали Князя: ибо онъ далъ слово возвратиться къ нимъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ и выступить въ поле для защиты ихъ областей; но Михаилъ перемѣнилъ мысли и желалъ мира съ Ярославомъ, готовымъ объявить ему войну за Новгородъ. Митрополитъ Кириллъ, Порфирій, Епископъ Черниговскій, и Посолъ Владиміра Рюриковича Кіевскаго пріѣхали къ Великому Князю Георгію, моля его, для общей пользы Государства, быть миротворцемъ. Ярославъ упрекалъ Черниговскаго Князя *вѣроломствомъ*. ,,Коварныя его вну- ,,шенія"—говорилъ онъ—,,возбудили про- ,,тивъ меня Новогородцевъ." Однакожъ Митрополитъ и Георгій успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ, и Послы возвратились съ мирною грамотою [333].

Узнавъ о томъ, Новогородцы велѣли сказать юному Михаилову сыну, уѣхавшему въ

Торжекъ съ Посадникомъ Водовикомъ, что отецъ его измѣнилъ имъ и не достоинъ уже быть ихъ Главою; чтобы Ростиславъ удалился, и что они найдутъ себѣ инаго Князя. Народъ избралъ новаго Посадника и Тысячскаго, разграбилъ домы и села прежнихъ чиновниковъ, умертвилъ одного славнаго корыстолюбіемъ гражданина и взялъ себѣ найденное у нихъ богатство. Водовикъ ушелъ съ друзьями своими къ Михаилу въ Черниговъ, гдѣ скоро умеръ въ бѣдности; а Новогородцы призвали Ярослава, который далъ имъ на Вѣчѣ торжественную клятву дѣйствовать во всемъ согласно съ древними обыкновеніями ихъ вольности; но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ въ Переславль Залѣсскій, вторично оставивъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей, Θеодора и Александра (334).

Между тѣмъ голодъ и моръ свирѣпствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра или семь гривенъ кунами (335). Бѣдные ѣли мохъ, желуди, сосну, ильмовый листъ, кору липовую, собакъ, кошекъ, и самые трупы человѣческіе; нѣкоторые даже убивали людей, чтобы питаться ихъ мясомъ: но сіи злодѣи были наказаны смертію. Другіе въ отчаяніи зажигали домы гражданъ избыточныхъ, имѣвшихъ хлѣбъ въ житницахъ, и грабили оные; а безпорядокъ и мятежъ только увеличивали бѣдствіе. Скоро двѣ новыя скудельницы наполнились мертвыми, которыхъ было сочтено до 42,000; на улицахъ, на площади,

на мосту гладные псы терзали множество непогребенныхъ тѣлъ и самыхъ живыхъ оставленныхъ младенцевъ; родители, чтобы не слыхать вопля дѣтей своихъ, отдавали ихъ въ рабы чужеземцамъ. ,,Не было жалости въ людяхъ,‟ говоритъ Лѣтописецъ: ,,казалось, что ,,ни отецъ сына, ни мать дочери не любитъ. ,,Сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ уломить хлѣба!‟ Кто могъ, бѣжалъ въ иныя области; но зло было общее для всей Россіи, кромѣ Кіева: въ одномъ Смоленскѣ, тогда весьма многолюдномъ, умерло болѣе тридцати тысячь людей.

Г. 1231. Новогородцы весною испытали еще иное бѣдствіе: весь богатый Конецъ Славянскій обратился въ пепелъ; спасаясь отъ пламени, многіе жители утонули въ Волховѣ; самая рѣка не могла служить преградою для огня. ,,Новгородъ уже кончался,‟ по словамъ лѣтописи (336) . . . Но великодушная дружба иноземныхъ купцевъ отвратила сію погибель. Свѣдавъ о бѣдствіи Новогородцевъ, Нѣмцы

Услуга Нѣмцевъ. изъ за-моря спѣшили къ нимъ съ хлѣбомъ, и думая болѣе о человѣколюбіи, нежели о корысти, остановили голодъ; скоро исчезли ужасные слѣды его, и народъ изъявилъ живѣйшую благодарность за такую услугу.

Криводушіе Михаила. Михаилъ Черниговскій, не смотря на заключенный миръ въ Владимірѣ, дружелюбно принималъ Новогородскихъ бѣглецовъ, враговъ Ярославовыхъ, обѣщая имъ покровительство. Самъ Великій Князь Георгій оскорбился симъ криводушіемъ и выступилъ съ войскомъ

къ сѣвернымъ предѣламъ Черниговскимъ: онъ возвратился съ дороги; но Ярославъ, предводительствуя Новогородцами, и сыновья Константиновы выжгли Серенскъ (въ нынѣшней Калужской Губерніи), осаждали Масальскъ и сдѣлали много зла окрестнымъ жителямъ (337). Такимъ образомъ древняя семейственная вражда возобновилась. Новогородскіе бѣглецы увѣряли, что Ярославъ ненавидимъ большею частію ихъ сограждан, готовыхъ взять сторону Ольговичей, и Князь Трубчевскій Святославъ, родственникъ Ми- Г. 1232.
хаиловъ, въ надеждѣ на то уже ѣхалъ въ Новгородъ съ дружественными предложеніями; но узналъ противное и возвратился. Послѣднею надеждою Новогородскихъ изгнанниковъ оставался Псковъ, гдѣ они дѣйствительно были приняты съ великою честію. Тамъ находился чиновникъ Ярославовъ (338): они заключили его въ цѣпи; присвоили себѣ власть, и пылая злобою, хотѣли кровопролитія. Граждане стояли за нихъ усильно, однакожь не долго: ибо терпѣли недостатокъ въ нужныхъ вещахъ, получаемыхъ ими чрезъ Новогородцевъ, и за берковецъ соли платили тогда около 10 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ. Ярославъ, самъ прибывъ въ Новгородъ, не пускалъ къ нимъ купцевъ, и Псковитяне молили его наконецъ дать имъ сына, Θеодора, въ Правители. Ярославъ вмѣсто сына послалъ къ нимъ шурина своего, именемъ Георгія (339),

которaго они приняли съ радостію, выгнавъ бѣглецовъ Новогородскихъ.

Сіи мятежные изгнанники ушли въ Медвѣжью Голову или Оденпе, къ сыну бывшаго Князя Псковскаго Владиміра, именемъ Ярославу (340); склонили Ливонскихъ Рыцарей на
Г. 1233. свою сторону и нечаянно взяли Изборскъ: но Псковитяне схватили ихъ всѣхъ и выдали Князю Новогородскому. Въ числѣ плѣнниковъ находился и Ярославъ Владиміровичь: подобно отцу то врагъ, то союзникъ Нѣмцевъ, онъ считалъ Псковъ своимъ наслѣдіемъ, и хотѣвъ завоевать его съ бѣглецами Новогородскими, былъ вмѣстѣ съ ними заточенъ въ Переславль Суздальскій. Чрезъ нѣсколько лѣтъ супруга его, жившая въ Оденпѣ, приняла смерть мученицы отъ руки злобнаго пасынка, и погребенная въ монастырѣ Псковскомъ Св. Іоанна, славилась въ Россіи памятію своихъ добродѣтелей и чудесами (341).

Святая Евпраксія

Присутствіе Ярослава Всеволодовича было нужно для Новогородцевъ; но пораженный внезапною кончиною старшаго сына, онъ уѣхалъ въ Переславль. Юный Ѳеодоръ, цвѣтущій красотою, готовился къ счастливому браку; невѣста пріѣхала; Князья и Вельможи были созваны, и вмѣсто ожидаемаго пира, вмѣсто общаго веселія, положили жениха во гробъ (342). Народъ изъявилъ искреннее участіе въ скорби нѣжнаго отца; а Князь, едва осушивъ слезы, извлекъ мечь для защиты

Новогородцевъ, и привелъ къ нимъ свои полки многочисленные.

Ливонскіе Рыцари, приставъ къ Россійскимъ мятежникамъ и захвативъ близъ Оденце одного чиновника Новогородскаго (343), дали поводъ Ярославу разорить окрестности сего города и Дерпта. Нѣмцы, требуя мира, заключили его на условіяхъ выгодныхъ для Россіянъ. Совершивъ сей походъ, Ярославъ спѣшилъ настигнуть Литовцевъ, которые едва было не взяли Русы, опустошивъ церкви и монастыри въ окрестности: онъ разбилъ ихъ въ Торопецкомъ Княженіи; загналъ въ густые лѣса; взялъ въ добычу триста коней, множество оружія и щитовъ. Сей народъ безпрестанными набѣгами болѣе и болѣе ужасалъ сосѣдовъ; занимался единственно земледѣліемъ и войною; презиралъ мирныя искусства гражданскія, но жадно искалъ плодовъ ихъ въ странахъ образованныхъ, и хотѣлъ пріобрѣтать оные не мѣною, не торговлею, а своею кровію. Общая польза государственная предписывала нашимъ Князьямъ истребить гнѣздо разбойниковъ и покорить ихъ землю: вмѣсто чего они только гонялись за Литовцами, которые чрезъ нѣсколько времени одержали совершенную побѣду надъ сильною ратію Ливонскихъ Рыцарей; самъ Великій Магистеръ, старецъ Волквинъ, положилъ голову въ битвѣ, вмѣстѣ со многими витязями Нѣмецкими и Псковитянами, бывшими въ ихъ войскѣ (344).

Г. 1234. Война съ Нѣмцами и съ Литвою.

Изобразивъ бѣдствія Новагорода, опишемъ несчастія и перемѣны, бывшія въ другихъ Княженіяхъ Россійскихъ. Смоленскъ, опустошенный моромъ, по кончинѣ Князя Мстислава Давидовича (въ 1230 году) не хотѣлъ покориться двоюродному его брату, Святославу Мстиславичу, внуку Романову (346). Предводительствуя Полочанами, Святославъ взялъ Смоленскъ (въ 1232 году), и безъ жалости лилъ кровь гражданъ.

Бѣдствіе Смоленска.

Въ Россіи юго-западной война и мятежи не преставали. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ Даніилъ мужественный. Потерявъ союзника въ Лешкѣ Бѣломъ, злодѣйски убитомъ измѣнниками, онъ предложилъ услуги свои брату его, Конраду, и вмѣстѣ съ нимъ осаждалъ Калишъ, гдѣ господствовалъ одинъ изъ главныхъ убійцъ Лешка, Герцогъ Владиславъ, сынъ Оттоновъ (346). Сей городъ, окруженный лѣсами и болотами, могъ долго обороняться, не смотря на усильные приступы, въ коихъ Россіяне оказывали гораздо болѣе воинской ревности, нежели Конрадовы Ляхи; но граждане хотѣли мира. Здѣсь Лѣтописецъ разсказываетъ случай довольно любопытный въ отношеніи къ характеру Даніилову. Конрадъ, увѣренный въ искренней дружбѣ сего Князя, желалъ, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ переговоровъ. Сендомирскій Воевода, Пакославъ, подъѣхалъ къ стѣнамъ крѣпости; а Даніилъ въ простой одеждѣ, и закрывъ шлемомъ лице свое, сталъ за нимъ.

Подвиги Даніиловы.

Городскіе чиновники надѣялись ласковыми словами смягчить Посла. ,,Въ насъ течетъ ,,одна кровь,“ сказали они: ,,нынѣ служимъ ,,брату Конрадову, а завтра будемъ служить ,,самому Конраду. Можетъ ли онъ мстить ,,намъ какъ измѣнникамъ или врагамъ, и видѣть ,,спокойно Ляховъ невольниками Россіянъ? Какая будетъ ему честь, если возметъ ,,сей городъ? Жестокій иноплеменникъ, ,,Даніилъ, присвоитъ ее себѣ одному.“ Пакославъ отвѣтствовалъ: ,,Мой и вашъ ,,Государь расположенъ къ милости; но Князь ,,Россійскій не хочетъ о томъ слышать. ,,Говорите съ нимъ сами: вотъ онъ!“ Даніилъ снялъ шлемъ, и видя изумленіе городскихъ чиновниковъ, которые столь неосторожно его злословили, засмѣялся отъ добраго сердца; успокоилъ ихъ, доставилъ имъ выгодный миръ и далъ клятву, что Россіяне, участвуя въ Польскихъ междоусобіяхъ, никогда не будутъ впредь тревожить безоружныхъ земледѣльцевъ, съ условіемъ, чтобы и Ляхи такимъ же образомъ поступали въ Россіи. При семъ случаѣ сказано въ лѣтописи, что никто изъ нашихъ древнихъ Князей, кромѣ Святаго Владиміра, такъ далеко не заходилъ въ землю Польскую, какъ Даніилъ.

Возвратясь въ отечество, онъ совершилъ еще важнѣйшій подвигъ: завоевалъ Галицкую область, плѣнилъ Королевича Андрея, и помня старую дружбу его отца, дозволилъ ему ѣхать въ Венгрію вмѣстѣ съ Бояриномъ Су-

диславомъ, который управлялъ Понизьемъ, имѣя въ Галичѣ великолѣпный домъ съ арсеналомъ. Народъ металъ камнями въ сего мятежнаго Боярина, восклицая: „удались, злодѣй, навѣки!“ Но Судиславъ, нечувствительный къ великодушію Даніилову, думалъ только о мести, и Король Андрей, имъ возбужденный, послалъ старшаго сына, Белу, снова завоевать Галичъ. Сей походъ имѣлъ весьма горестное слѣдствіе для Венгровъ. *Хляби небесныя*, по словамъ лѣтописи, *отверзлись на нихъ* въ горахъ Карпатскихъ: отъ сильныхъ дождей ущелія наполнились водою; обозы и конница тонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, достигъ наконецъ Галича, въ надеждѣ взять его одною угрозою: видя же твердую рѣшимость тамошняго начальника; слыша, что Ляхи и Половцы идутъ съ Даніиломъ защитить городъ; приступавъ къ оному нѣсколько разъ безъ успѣха, и страшась быть жертвою собственнаго упрямства, онъ спѣшилъ удалиться, гонимый Судьбою и войскомъ Даніиловымъ. Множество Венгровъ погибло въ Днѣстрѣ, который былъ отъ дождей въ разливѣ, такъ, что въ Галицкой землѣ осталась пословица: *Днѣстръ сыгралъ злую игру Уграмъ*. Множество ихъ пало отъ меча Россіянъ или отдалося въ плѣнъ; другіе умирали отъ изнуренія силъ или отъ болѣзней.

Но время спокойнаго или безспорнаго владычества надъ Княженіемъ Галицкимъ было

еще далеко отъ Даніила. Начались заговоры между Боярами подъ тайнымъ руководствомъ Александра Бельзскаго: они хотѣли сжечь Даніила и Василька во дворцѣ или убить ихъ на пиру. Сей ковъ уничтожился страннымъ образомъ. Юный Василько, однажды играя съ придворными, въ шутку обнажилъ мечь: заговорщики въ ужасѣ, думая, что ихъ намѣреніе открылось, бѣжали изъ дворца и города. Самъ Александръ, не успѣвъ захватить казны съ собою, ушелъ изъ Бельза въ Венгрію, къ своимъ единомышленникамъ, коимъ удалось снова вооружить Короля Андрея противъ Даніила. На сей разъ Венгры были счастливѣе. Городъ Ярославъ сдался имъ отъ невѣрности тамошняго Воеводы. Они приступили ко Владиміру, гдѣ начальствовалъ Бояринъ, дотолѣ извѣстный мужествомъ, имѣя дружину сильную. Видя крѣпкія башни и стѣны блестящія оружіемъ многочисленныхъ воиновъ, Король, по словамъ Лѣтописца, сказалъ, что такихъ городовъ мало и въ землѣ Нѣмецкой. Венгры не могли бы взять Владиміра; но Бояринъ Даніиловъ измѣнилъ правиламъ великодушія, оробѣлъ, и безъ воли Княжеской заключивъ миръ съ Королемъ, отдалъ Бельзъ и Червенъ союзнику его, Александру. Съ другой стороны Вельможи Галицкіе, не смотря на рѣдкое милосердіе Даніила, простившаго имъ два заговора, бѣжали изъ его стана къ непріятелю и довершили торжество Венгровъ, которые заняли Галичь, гдѣ

сынъ Андреевъ, утвержденный отцемъ на престолѣ, господствовалъ уже до самой кончины своей, не смотря на покушенія Даниловы и Васильковы изгнать его. Двѣ кровопролитныя битвы ничего не рѣшили, оказавъ только въ послѣдствіи вѣроломство двухъ недостойныхъ Князей Россійскихъ. Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоря Сѣверскаго, бывъ другомъ, сдѣлался врагомъ Даніилу; союзникъ же Андреевъ, Александръ Бельзскій, оставивъ Венгровъ, взялъ сторону своихъ братьевъ, чтобы снова измѣнить имъ. Наконецъ внезапная смерть Королевича (въ 1234 году) и единодушное желаніе народа возвратили Галичь Даніилу. Бояре не дерзнули противиться: главный изъ нихъ, извѣстный мятежникъ Судиславъ, спѣшилъ уѣхать за Карпатскія горы, а Князь Бельзскій, злобный Александръ, въ Кіевскую область. Сей послѣдній не избавился отъ заслуженнаго имъ наказанія, и схваченный на пути Даніиловыми воинами, умеръ, какъ вѣроятно, въ неволѣ.

Даніилъ могъ еще опасаться Венгровъ; но бѣдствіе встрѣтилось ему тамъ, гдѣ онъ не ожидалъ его. Вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ смиривъ хищныхъ Ятвяговъ и Липовцевъ, которые въ особенности тревожили тогда область Пинскую, сей дѣятельный Князь вмѣшался въ ссору зятя своего, Михаила Черниговскаго, съ Владиміромъ Кіевскимъ. Послѣдній, желая быть его другомъ, уступилъ ему Торческъ: Даніилъ великодушно

отдалъ сей городъ сыновьямъ Мстислава Храбраго, сказавъ: „за благодѣянія вашего „отца.“ Тщетно желавъ примирить враждующихъ, онъ взялъ нѣсколько городовъ Черниговскихъ, и заключивъ миръ съ двоюроднымъ братомъ Михаиловымъ, Мстиславомъ Глѣбовичемъ, думалъ возвратиться въ свое Княженіе; но Владиміръ, слыша о нашествіи Половцевъ, ведомыхъ къ Кіеву Изяславомъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго, умолилъ Даніила итти къ нимъ на встрѣчу. Когда жь они сошлись съ непріятелемъ близъ Торческа, Владиміръ, испуганный многочисленностію варваровъ, хотѣлъ удалиться отъ битвы. „Нѣтъ!“ сказалъ Даніилъ: „ты заставилъ „меня противъ воли съ дружиною утомлен„ною искать враговъ въ полѣ; теперь, видя „ихъ передъ собою, могу единственно или „побѣдить или умереть.“ Хотя Даніилъ долго сражался какъ Герой, однакожъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ; а Половцы, усиленные Черниговцами, взявъ Кіевъ, плѣнили самого Князя Владиміра съ его супругою. Бѣдные граждане откупились деньгами отъ свирѣпости варваровъ. Князья же, Изяславъ и Михаилъ, обложили данію всѣхъ иноземцевъ, тамъ обитавшихъ (347). Первый взялъ себѣ Кіевъ; второй спѣшилъ вступить въ область Галицкую, и занялъ ея столицу, откуда горестный Даніилъ, свѣдавъ новые опасные умыслы тамошнихъ Бояръ, долженствовалъ выѣхать.

Въ сіе время нестало Андрея, Короля Венгерскаго: Бела IV восшелъ на престолъ, и Даніилъ, поручивъ брату Васильку оберегать Владиміръ, рѣшился лично искать покровителя въ бывшемъ врагѣ своемъ. Вѣроятно, что онъ тогда, надѣясь съ помощію Андреева преемника удержать за собою Галичъ, далъ ему слово быть данникомъ Венгріи: ибо участвуя въ совершеніи торжественныхъ обрядовъ Белина коронованія (318), велъ его коня (что было тогда знакомъ подданства). Уничиженіе безполезное! Даніилъ возвратился къ брату съ одними льстивыми обѣщаніями. Политика Венгровъ не измѣнилась: Бела хотѣлъ, чтобы юго-западная Россія принадлежала разнымъ, слѣдственно безсильнымъ Владѣтелямъ, и явно поддерживалъ Михаила вмѣстѣ съ Конрадомъ, неблагодарнымъ Герцогомъ Польскимъ, забывшимъ услуги сыновей Романовыхъ. Напрасно Даніилъ зимою и лѣтомъ не сходилъ съ коня, добывая Галича: хотя иногда одолѣвалъ непріятелей, и плѣнилъ такъ называемыхъ Князей Болоховскихъ, подручниковъ Галицкаго (имѣвшихъ свой Удѣлъ на Бугѣ, не далеко отъ Бреста): однакожъ не могъ изгнать Михаила, и наконецъ согласился на миръ, взявъ отъ него область Перемышльскую.—Кромѣ сей войны междоусобной, кромѣ непрестанныхъ сшибокъ съ Ятвягами, бодрый Даніилъ ратоборствовалъ еще съ Нѣмецкимъ Орденомъ, занявшимъ какія-то изъ нашихъ древнихъ

владѣній; отнялъ ихъ, и плѣнилъ Нѣмецкаго чиновника Бруно; хотѣлъ даже вести полки свои въ Германію, чтобы защитить Герцога Австрійскаго, его союзника, утѣсненнаго Императоромъ Фридерикомъ: но возвратился изъ Венгріи, уваживъ совѣтъ Короля Белы не мѣшаться въ дѣла Имперіи.

Такимъ образомъ, не будучи всегда счастливымъ, Даніилъ превосходными достоинствами сердца и неутомимыми подвигами затмѣвалъ другихъ современныхъ Князей Россійскихъ. Одинъ Ярославъ Всеволодовичъ Новогородскій могъ спорить съ нимъ въ способностяхъ ума и въ душевной твердости, которая скоро обнаружится въ бѣдствіяхъ нашего отечества. Сіи два Князя, связанные дружбою и новымъ свойствомъ (ибо Василько Романовичъ женился на Великой Княжнѣ, дочери Георгія Всеволодовича) сблизились тогда въ своихъ владѣніяхъ. Союзникъ и родственникъ Михаиловъ, Изяславъ, недолго величался на тронѣ Кіевскомъ: Владиміръ Рюриковичъ изгналъ его, выкупивъ себя изъ плѣна; но въ слѣдствіе переговоровъ Даніиловыхъ съ Великимъ Княземъ Георгіемъ долженствовалъ уступить Кіевъ Ярославу Всеволодовичу, который, оставивъ въ Новѣгородѣ сына своего, юнаго Александра, поѣхалъ княжить въ древней столицѣ Россійской (349); а Владиміръ кончилъ жизнь въ Смоленскѣ. Г. 1236.

Великое Княженіе Суздальское или Владимірское наслаждалось внутреннимъ спокой-

ствіемъ. Георгій отъ времени до времени посылалъ войско и самъ ходилъ на Мордву, жечь села и хлѣбъ, плѣнять людей и брать скотъ въ добычу. Жители обыкновенно искали убѣжища въ густыхъ лѣсахъ: но и тамъ рѣдко спасались отъ Россіянъ; иногда же заманивали нашихъ въ сѣти и не давали имъ пощады: такъ Отроки или молодые воины Ростовской и Переславской дружины были однажды жертвою ихъ мести и своей неосторожности [350]. Князь Мордовскій, именемъ Пургасъ, осмѣлился даже приступать къ Нижнему Новугороду, хотя и не имѣлъ порядочнаго войска: другіе Князья Мордовскіе были *ротниками* или присяжными данниками Георгія, и многіе Россіяне селились въ ихъ землѣ, не смотря на то, что Болгары и Половцы тревожили оную. — Болгары искали дружбы Георгіевой послѣ шестилѣтняго несогласія [361]: размѣнялись плѣнниками, съ обѣихъ сторонъ дали аманатовъ, и клятвенно утвердили миръ. Лѣтописецъ сказываетъ, что ихъ *Труны* или знатные люди и чернь присягнули въ вѣрномъ исполненіи условій. Впрочемъ миръ не препятствовалъ симъ ревностнымъ Магометанцамъ изъявлять ненависть къ нашей Вѣрѣ: они тогда же безчеловѣчно умертвили одного Христіанина, богатаго купца, пріѣхавшаго для торговли въ ихъ такъ называемый Великій Градъ, и не хотѣвшаго поклониться Магомету. Купцы Россійскіе, бывъ свидѣтелями

Война съ Мордвою.

Миръ съ Болгарами.

Мученикъ Аврамій.

убійства, взяли тѣло сего Мученика, именемъ Аврамія, и съ честію отвезли въ Владиміръ, гдѣ Великій Князь, супруга его, дѣти, Епископъ, Духовенство, народъ встрѣтили оное со свѣщами и погребли въ монастырѣ Богоматери (352).

После несчастной Калкской битвы Россіяне лѣтъ шесть не слыхали о Татарахъ, думая, что сей страшный народъ, подобно древнимъ Обрамъ, какъ бы исчезъ въ свѣтѣ. Чингисханъ, совершенно покоривъ Тангутъ, возвратился въ отчизну и скончалъ жизнь — славную для Исторіи, ужасную и ненавистную для человѣчества — въ 1227 году, объявивъ наслѣдникомъ своимъ Октая или Угадая, старшаго сына, и предписавъ ему давать миръ однимъ побѣжденнымъ народамъ (353): важное правило, коему слѣдовали Римляне, желая повелѣвать вселенною! Докершивъ завоеваніе сѣверныхъ областей Китайскихъ и разрушивъ Имперію Ніучей, Октай жилъ во глубинѣ Татаріи, въ великолѣпномъ дворцѣ, украшенномъ Китайскими художниками (354); но пылая славолюбіемъ и ревностію исполнить волю отца — коего прахъ, не далеко отъ сего мѣста, лежалъ подъ сѣнію высочайшаго дерева — новый Ханъ далъ 300,000 воиновъ Батыю, своему племяннику, и велѣлъ ему покорить сѣверные берега моря Каспійскаго съ дальнѣйшими странами. Сіе предпріятіе рѣшило судьбу нашего отечества.

Смерть Чингисхана.

Его завѣщаніе.

Новое нашествіе Татаръ или Моголовъ.

Уже въ 1229 году какіе-то *Саксины* — вѣроятно, единоплеменные съ Киргизами — Половцы и стража Болгарская, отъ береговъ Яика гонимые Татарами или Моголами, прибѣжали въ Болгарію съ извѣстіемъ о нашествіи сихъ грозныхъ завоевателей (355). Еще Батый медлилъ; наконецъ, чрезъ три года, пришелъ зимовать въ окрестностяхъ Волги, не далеко отъ Великаго Города; въ 1237 году, осенью, обратилъ въ пепелъ сію Болгарскую столицу, и велѣлъ умертвить жителей. Россіяне едва имѣли время узнать о томъ, когда Моголы, сквозь густые лѣса, вступили въ южную часть Рязанской области, пославъ къ нашимъ Князьямъ какую-то *жену чародѣйку* и двухъ чиновниковъ (356). Владѣтели Рязанскіе — Юрій, братъ Ингворовъ, Олегъ и Романъ Ингворовичи, также Пронскій и Муромскій — сами встрѣтили ихъ на берегу Воронежа и хотѣли знать намѣреніе Батыево. Татары уже искали въ Россіи не друзей, какъ прежде, но данниковъ и рабовъ. „Если желаете мира“ — говорили Послы — „то десятая часть всего вашего достоянія да будетъ наша.“ Князья отвѣтствовали великодушно: „когда изъ насъ никого въ живыхъ не останется, тогда все возьмите,“ и велѣли Посламъ удалиться. Они съ такимъ же требованіемъ поѣхали къ Георгію въ Владиміръ; а Князья Рязанскіе, давъ ему знать, что пришло время крѣпко стать за отечество и Вѣру, про-

Отвѣтъ Князей.

сили отъ него помощи. Но Великій Князь, надменный своимъ могуществомъ, хотѣлъ одинъ управиться съ Татарами, и съ благородною гордостію отвергнувъ ихъ требованіе, предалъ имъ Рязань въ жертву. Провидѣніе, готовое наказать людей, ослѣпляетъ ихъ разумъ.

Нѣкоторые Лѣтописцы новѣйшіе разсказываютъ слѣдующія обстоятельства: „Юрій Рязанскій, оставленный Великимъ Княземъ, послалъ сына своего, Θеодора, съ дарами къ Батыю, который, узнавъ о красотѣ жены Θеодоровой, Евпраксіи, хотѣлъ видѣть ее; но сей юный Князь отвѣтствовалъ ему, что Христіане не показываютъ женъ злочестивымъ язычникамъ, и Батый велѣлъ умертвить его; а несчастная Евпраксія, свѣдавъ о погибели нѣжнаго, любимаго супруга, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ, Іоанномъ, бросилась изъ высокаго терема на землю и лишилась жизни. Съ того времени сіе мѣсто, въ память ея, называлось *заразомъ* или убоемъ. Отецъ Θеодоровъ, Заразъ. Юрій, выступилъ въ поле съ войскомъ малочисленнымъ, и Россіяне въ кровопролитной битвѣ отличились мужествомъ; но превосходная сила одержала побѣду. Многіе Князья, Пронскій, Коломенскій, Муромскій, легли на мѣстѣ со всѣми нашими витязями. Только одного Князя, Олега Ингворовича *Краснаго*, привели живаго къ Батыю, который, будучи удивленъ его красотою, предлагалъ ему свою дружбу и Вѣру: Олегъ съ презрѣніемъ от-

вергнулъ ту и другую; исходилъ кровію отъ многихъ ранъ, и не боялся угрозъ, ибо не страшился смерти (357). —Въ лѣтописяхъ современныхъ нѣтъ о томъ ни слова: послѣдуемъ ихъ достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ.

Батый двинулъ ужасную рать свою къ столицѣ Юріевой, гдѣ сей Князь затворился. Татары на пути разорили до основанія Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая всѣхъ людей безъ милосердія, и приступивъ къ Рязани, оградили ее тыномъ или острогомъ, чтобы тѣмъ удобнѣе биться съ осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы перемѣнялись, а граждане, не выпуская оружія изъ рукъ, едва могли стоять на стѣнахъ отъ усталости. Въ шестый день, Декабря 21, рано по утру, Татары, приготовивъ лѣсницы, начали дѣйствовать стѣнобитными орудіями и зажгли крѣпость; сквозь дымъ и пламя вломились въ улицы, истребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, супруга, мать его (358), Бояре, народъ, были жертвою ихъ свирѣпости. Веселяся отчаяніемъ и муками людей, варвары Батыевы распинали плѣнниковъ, или связавъ имъ руки, стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; оскверняли святыню храмовъ насиліемъ юныхъ Монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи издыхающихъ супруговъ и матерей; жгли Іереевъ или кровію ихъ обагряли олтари. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепелъ. Нѣсколько дней продолжались убійства.

Взятіе Рязани.

Наконецъ исчезъ вопль отчаянія: ибо уже некому было стенать и плакать (359). На семъ ужасномъ ѳеатрѣ опустошенія и смерти пиковали побѣдители, сносясо всѣхъ сторонъ богатую добычу. — ,,Одинъ изъ Князей Рязанскихъ, Ингорь, по сказанію новѣйшихъ Лѣтописцевъ, находился тогда въ Черниговѣ съ Бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ. Сей Бояринъ, свѣдавъ о нашествіи иноплеменниковъ, спѣшилъ въ свою отчизну; но Батый уже выступилъ изъ ея предѣловъ. Пылая ревностію отмстить врагамъ, Евпатій съ 1700 воиновъ устремился въ слѣдъ за ними, настигъ и быстрымъ ударомъ смялъ ихъ полки задніе. Изумленные Татары думали, что мертвецы Рязанскіе возстали, и Батый спросилъ у пяти взятыхъ его войскомъ плѣнниковъ, кто они? *Слуги Князя Рязанскаго, полку Евпатіева*, отвѣтствовали сіи люди: *намъ велѣно съ честію проводить тебя, какъ Государя знаменитаго, и какъ Россіяне обыкновенно провождаютъ отъ себя иноплеменниковъ: стрѣлами и копьями.* Горсть великодушныхъ не могла одолѣть рати безчисленной: Евпатій и смѣлая дружина его имѣли только славу умереть за отечество; не многіе отдалися въ плѣнъ живые, и Батый, уважая столь рѣдкое мужество, велѣлъ освободить ихъ. Между тѣмъ Ингорь возвратился въ область Рязанскую, которая представилась глазамъ его въ видѣ страшной пустыни или неизмѣримаго кладбища: тамъ, гдѣ цвѣли города и

Мужество Евпатія.

селенія, остались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Убитые Князья, Воеводы, тысячи достойныхъ витязей лежали рядомъ на мерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель отечества. Ингорь, собравъ Іереевъ, которые спаслися отъ смерти, съ горестными священными пѣснями предалъ землѣ мертвыхъ. Онъ едва могъ найти тѣло Князя Юрія, и привезъ его въ Рязань; а надъ гробами Ѳеодора Юрьевича, нѣжной его супруги Евпраксіи и сына поставилъ каменные кресты, на берегу рѣки Осетра, гдѣ стоитъ нынѣ славная церковь Николая Заразскаго [360].“

Батый близъ Коломны встрѣтилъ сына Георгіева, Всеволода. Сей юный Князь соединился съ Романомъ Ингоровичемъ, племянникомъ Юрія Рязанскаго, и неустрашимо вступилъ въ битву, весьма неравную. Знаменитый Воевода его, Еремей Глѣбовичь, Князь Романъ и большая часть ихъ дружины погибли отъ мечей Татарскихъ [361]; а Всеволодъ бѣжалъ къ отцу въ Владиміръ. Батый въ то же время сжегъ Москву, плѣнилъ Владиміра, втораго сына Георгіева, умертвилъ тамошняго Воеводу, Филиппа Няньку, и всѣхъ жителей, отъ стариковъ до младенцевъ. Великій Князь содрогнулся: увидѣлъ, сколь опасны сіи неприятели, и выѣхалъ изъ столи-

Коломенская битва.

Сожженіе Москвы.

цы, поручивъ ея защиту двумъ сыновьямъ, Всеволоду и Мстиславу. Георгій удалился въ область Ярославскую съ тремя племянниками, дѣтьми Константина, и съ малою дружиною; расположился станомъ на берегахъ Сити, впадающей въ Мологу; началъ собирать войско, и съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія своихъ братьевъ, особенно бодраго, умнаго Ярослава [362].

2 Февраля Татары явились подъ стѣнами Владиміра: народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ многочисленность и быстрыя движенія. Всеволодъ, Мстиславъ и Воевода, Петръ Ослядюковичъ, ободряли гражданъ. Чиновники Батыевы, съ коннымъ отрядомъ подъѣхавъ къ Златымъ вратамъ, спрашивали, гдѣ Великій Князь, въ столицѣ или въ отсутствіи? Владимірцы, вмѣсто отвѣта, пустили нѣсколько стрѣлъ; непріятели также, но кричали нашимъ: *не стрѣляйте*! и Россіяне съ горестію увидѣли предъ стѣною юнаго Владиміра Георгіевича, плѣненнаго въ Москвѣ Батыемъ. ,,Узнаете ,,ли вашего Князя?" говорили Татары. Владиміра дѣйствительно трудно было узнать: столь онъ перемѣнился въ несчастіи, терзаемый бѣдствіемъ Россіи и собственнымъ! Братья его и граждане не могли удержаться отъ слезъ; однакожъ не хотѣли показывать слабости и слушать предложеній врага надменнаго. Татары удалились; объѣхали весь городъ и поставили шатры свои противъ Златыхъ вратъ, въ виду. Пылая мужествомъ,

Г. 1238. Взятіе Владиміра.

Всеволодъ и Мстиславъ желали битвы. „Умремъ“ — говорили они дружинѣ — „но умремъ съ честію и въ полѣ.“ Опытный Воевода Петръ удержалъ ихъ, надѣясь, что Георгій, собравъ войско, успѣетъ спасти отечество и столицу (363).

Батый немедленно отрядилъ часть войска къ Суздалю. Сей городъ не могъ сопротивляться: взявъ его, Татары по своему обыкновенію истребили жителей, но кромѣ молодыхъ Иноковъ, Инокинь и церковниковъ, взятыхъ ими въ плѣнъ (364). Февраля 6 Владимірцы увидѣли, что непріятель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣстницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и Бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милуетъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно. Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное: Всеволодъ, супруга его, Вельможи и многіе чиновники собрались въ храмѣ Богоматери, и требовали, чтобы Епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ Схиму или въ Великій Образъ Ангельскій. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые Россіяне простились съ міромъ, съ жизнію, но стоя на прагѣ смерти, еще молили Небо о спасеніи Россіи, да не погибнетъ навѣки ея любезное имя и слава! Февраля 7, въ Воскресенье Мясопустное, скоро по заутренѣ, начался при-

ступъ: Татары вломились въ Новый Городъ у Златыхъ вратъ, Мѣдныхъ и Святыя Ирины, отъ рѣчки Лыбеди; также отъ Клязмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ; а супруга Георгіева, Агаѳія, дочь его, снохи, внучата, множество Бояръ и народа затворились въ Соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда Епископъ, сказавъ громогласно: „Го„споди! простри невидимую руку Свою и „пріими въ мирѣ души рабовъ Твоихъ,“ благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни задыхались отъ дыма; иные погибали въ пламени или отъ мечей непріятеля: ибо Татары отбили наконецъ двери и ворвались въ святый храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоцѣнные каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами Княжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣлались добычею иноплеменниковъ, которые, плавая въ крови жителей, немногихъ брали въ плѣнъ; и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ станъ непріятельскій, умирали отъ жестокаго мороза. Князья Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности отразить непріятелей, хотѣли пробиться сквозь ихъ толпы и положили свои головы внѣ города.

Завоевавъ Владиміръ, Татары раздѣлились: одни пошли къ Волжскому Городцу и Ко-

стромскому Галичу, другіе къ Ростову и Ярославлю, уже нигдѣ не встрѣчая важнаго сопротивленія. Въ Февралѣ мѣсяцѣ они взяли, кромѣ слободъ и погостовъ, четырнадцать городовъ Великаго Княженія — Переславль, Юрьевъ, Дмитровъ — то есть, опустошили ихъ, убивая или плѣняя жителей. Еще Георгій стоялъ на Сити: узнавъ о гибели своего народа и семейства, супруги и дѣтей, онъ проливалъ горькія слезы, и будучи усерднымъ Христіаниномъ, молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова. Чрезвычайныя бѣдствія возвеличиваютъ душу благородную: Георгій изъявилъ достохвальную твердость въ несчастіи; забылъ свою печаль, когда надлежало дѣйствовать; поручилъ Воеводство Дружины Боярину Ярославу Михалковичу, и готовился къ рѣшительной битвѣ. Передовый отрядъ его, составленный изъ 3000 воиновъ подъ начальствомъ Дорожа, возвратился съ извѣстіемъ, что полки Батыевы уже обходятъ ихъ (365). Георгій, братъ его Святославъ и племянники сѣли на коней, устроили войско и встрѣтили непріятеля. Россіяне бились мужественно и долго; наконецъ обратили тылъ. Георгій палъ на берегу Сити. Князь Василько остался плѣнникомъ въ рукахъ побѣдителя.

Опустошеніе многихъ городовъ.

Марта 4. Битва на Сити.

Сей достойный сынъ Константиновъ гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи

отъ руки враговъ. „Будь нашимъ другомъ и „воюй подъ знаменами великаго Батыя!“ говорили ему Татары. „Лютые кровопійцы, враги „моего отечества и Христа, не могутъ быть „мнѣ друзьями,“ отвѣтствовалъ Василько: „о темное царство! есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ „злодѣяній (366).“ Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ ярости: великодушный Князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, Церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба.—Татары умертвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу. — Между тѣмъ Ростовскій Епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлаозера, и желая видѣть мѣсто несчастной для Россіянъ битвы на берегахъ Сити, въ кучѣ мертвыхъ тѣлъ искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по Княжескому одѣянію; но туловище лежало безъ головы. Кириллъ взялъ съ благоговѣніемъ сіи печальные остатки знаменитаго Князя и положилъ въ Ростовскомъ храмѣ Богоматери. Туда же привезли и тѣло Василька, найденное въ лѣсу сыномъ одного сельскаго Священника: вдовствующая Княгиня, дочь Михаила Черниговскаго, Епископъ и народъ встрѣтили оное со слезами. Сей Князь былъ искренно любимъ гражданами. Лѣтописцы хвалятъ его красоту цвѣтущую, взоръ свѣтлый и величественный, отважность на звѣриной ловлѣ, благодѣтельность, умъ, знанія, добродушіе и кротость въ обхож-

Герой Василько.

денiи съ Боярами. „Кто служилъ ему," говорятъ они: „кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ съ „нимъ чашу, тотъ уже не могъ быть слу„гою иного Князя." Тѣло Василька заключили въ одной ракѣ съ Георгiевымъ, вложивъ въ нее отысканную послѣ голову Великаго Князя.

Многочисленныя толпы Батыевы стремились къ Новугороду, и взявъ Волокъ Ламскiй, Тверь (гдѣ погибъ сынъ Ярославовъ), осадили Торжекъ. Жители двѣ недѣли оборонялись мужественно, въ надеждѣ, что Новогородцы усердною помощiю спасутъ ихъ. Но въ сiе несчастное время всякой думалъ только о себѣ; ужасъ, недоумѣнiе царствовали въ Россiи; народъ, Бояре говорили, что отечество гибнетъ, и не употребляли никакихъ общихъ способовъ для его

5 Марта. спасенiя. Татары взяли наконецъ Торжекъ и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться (367). Войско Батыя шло далѣе путемъ Селигерскимъ; села исчезали; головы жителей, по словамъ Лѣтописцевъ, падали на землю какъ трава скошенная. Уже

Спасенiе Новагорода.

Батый находился во 100 верстахъ отъ Новагорода, гдѣ плоды цвѣтущей долговременной торговли могли обѣщать ему богатую добычу; но вдругъ—испуганный, какъ вѣроятно, лѣсами и болотами сего края—къ радостному изумленiю тамошнихъ жителей обратился назадъ къ Козельску (въ Губернiи Калужской). Сей городъ, весьма незнаменитый, имѣлъ

тогда особеннаго Князя еще въ дѣтскомъ возрастѣ, именемъ Василія, отъ племени Князей Черниговскихъ (368). Дружина его и народъ совѣтовались между собою, что дѣлать. „Нашъ Князь младенецъ," говорили они: „но мы, какъ вѣрные Россіяне, должны „за него умереть, чтобы въ мірѣ оставить „по себѣ добрую славу, а за гробомъ при„нять вѣнецъ безсмертія." Сказали и сдѣлали. Татары семь недѣль стояли подъ крѣпостію и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стѣны и взошли на валъ: граждане рѣзались съ ними ножами, и въ единодушномъ порывѣ геройства устремились на всю рать Батыеву; изрубили многія стѣнобитныя орудія Татарскія, и положивъ 4000 непріятелей, сами легли на ихъ трупахъ. Ханъ велѣлъ умертвить въ городѣ всѣхъ людей безоружныхъ, женъ, младенцевъ, и назвалъ Козельскъ *Злымъ* городомъ: имя славное въ такомъ смыслѣ! Юный Князь Василій пропалъ безъ вѣсти: говорили, что онъ *утонулъ въ крови.* Осада Козельска.

Батый, какъ бы утомленный убійствами и разрушеніемъ, отошелъ на время въ землю Половецкую, къ Дону, и братъ Георгіевъ, Ярославъ — въ надеждѣ, что буря миновалась—спѣшилъ изъ Кіева (369) въ Владиміръ принять достоинство Великаго Князя. Отшествіе Батыево.

Конецъ III Тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ III ТОМУ

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

(1) Область Суздальская граничила съ Новогородскою близъ Торжка, съ Княженіемъ Смоленскимъ въ Калужской Губерніи, въ Тульской съ Вятичами и съ Рязанью, въ Нижегородской и Владимірской Губерніяхъ съ Муромскою областію.

Въ *Кіев. Лѣт.*, по случаю войны Андреевой съ Ростиславичами въ 1173 году, именно сказано, что Князья Смоленскій, Полоцкіе, Волынскіе, Муромскіе, Рязанскіе, отъ него зависѣли (см. ниже, примѣч. 18).

(2) „Идоша едини къ Переяславлю и сташа у Песочна; а дру„зіи по другой сторонѣ Днѣпра у Корсуня" (на Роси, ниже Богуслава.) — Глѣбъ, получивъ Кіевъ, отдалъ сыну Владиміру Переяславль. — Далѣе въ лѣтописи: „Идоша Кыеву (Полов„цы) воевать, и придоша къ Полоному граду Св. Богородицы Де„сятинному и къ Семычю, и взяша селъ безъ учета (счета). *Семыча* не знаю; извѣстно мѣстечко Полонное въ Волынской Губерніи. Глѣбъ, заключивъ миръ съ Половцами, стоявшими у Переяславля, ѣхалъ уже къ Корсунскимъ, и на *Перелѣтовомъ полѣ* (см. Т. II, примѣч. 341) услышалъ, что они грабятъ близъ Кіева. — Далѣе: „Бѣ же ихъ (Половцевъ) ту 300, и начаша вспра„шивати: много ли за вами дружины? Они же рѣша: 7000. Наши „же, слышавше то, думаша: оже дамы симъ животъ, а Половецъ „много есть назади, а насъ мало; оже ся съ ними начнемъ бити, „то се намъ будуть первіи ворози — и избиша всѣ. Бѣ же у Ми„халка Воевода Володиславъ, Яновъ братъ, и усрѣтоша Половець, „и тѣхъ избиша," и проч. Берендѣи говорятъ Михаилу: „вы „есте нашъ городъ; а мы идемъ напередъ со стрѣлци." Далѣе: „бѣ же у Половець 900 копій, а у Руси 90." И Половцевъ и Россіянъ находилось въ битвѣ гораздо болѣе; но здѣсь говорится только о копейщикахъ: другіе были вооружены стрѣлами и мечами. — Далѣе: „Володиславъ (Воево„да) замысли взяти стягъ Михалковъ, и наткну нань прилби„цу." Сіе слово и нынѣ употребляется въ Польскомъ языкѣ, означая *шлемъ*. Знамя, шелковое или полотняное, привязывалось къ древку и называлось *челкою*. Татищевъ думалъ, что здѣсь дѣло идетъ о *челѣ* пѣ-

хоты, и назвалъ *стяговщика*, т. е. знаменоносца, Полковникомъ. — Далѣе: „Богъ отца его молитвою избави „его (Михаила) отъ смерти, якоже и прежъ въ луцѣ моря“— или въ *лукоморьѣ*: такъ назывался морскій излучистый берегъ, имѣющій видъ лука или дуги. Но когда же Михаилъ сражался тамъ съ Половцами? Мстиславъ въ 1168 году не доходилъ до моря: развѣ въ то время, какъ сей Вел. Князь стоялъ подъ Каневымъ, посылая, можетъ быть, отряды къ устью Днѣпра для защиты шедшаго изъ Греціи флота купеческаго? — Половцами, разбитыми Михаиломъ, предводительствовалъ Ханъ Тоглій.

(3) Въ Кіев. Лѣт.: „Сташа“ (Мстиславъ и братъ его) „около „града (Дорогобужа) біючися.... Мстиславу же городы предахуся, „и възведъ городъ Шюмескъ и посла къ Володимерю“ (т. е. вывелъ оттуда людей и послалъ ихъ въ Владиміръ)... „Посадника „Пука, кормилица Володимеря, тамъ же посла, и ины городы по„воевалъ и пожегъ, и воротися во свояси. Глѣбъ же не посла по„мочи Володимеру; реклъ бо бяше Глѣбъ: послю, и не посла. „Того же лѣта исходячи преставись Кн. Володимеръ Андреевичь „Генв. въ 28, и привезоша его къ Вышегороду Ѳеодоровы недѣ„ли въ Пятокъ: бѣ бо лежалъ непогребенъ нѣколико днев. И „посла Глѣбъ Князь Игумена Св. Богородица Печерскаго мона„стыря, Поликарпа, и Семена Игумена Св. Андрея до Вышегоро„да, веля има доправити Володимера до Кыева, а самъ поѣха на „ону сторону въ Городокъ“ (бывшій противъ Кіева, на лѣвомъ берегу Днѣпра)... „а оттуда въ Переяславль. Володимеръ же „Мьстиславичь бѣ въ Полономъ... и иде къ Дорогобужю: дружи„на же Андреевича не пустиша его въ городъ; онъ же посла къ „Славнови“ (одному изъ главныхъ Бояръ Владиміра Андреевича) „и къ дружинѣ, рече: цѣлую крестъ къ вамъ. Такъ бо бяше къ „всей братьи своей врътливъ (увертливъ), не управливаше „крестного цѣлованія; и уклонивая на имѣніе и на села и на „стада Андреевича... и погна Княгыню изъ города... Того жь лѣ„та пошелъ бяше Мьстиславъ изъ Володимера къ Кыеву ратью „съ братомъ Ярославомъ и Галичане. И Святополкъ Гюргевичь „(правнукъ Святополка-Михаила) и Всеволодича (внуки Монома„ховы) пустиша бяше свою помочь съ нимъ... Наутріе же въ

„Субботу поидоша съ Володимеромъ“ (съ его тѣломъ) „изъ Вы-„шегорода. Давыдъ же Князь не пусти Княгыни съ мужемъ до Кые-„ва, и рече: како тя могу ятры (ятровъ) пустити? пришла ми „вѣсть ночи сей, иже Мьстиславъ въ Василевѣ. А дружинѣ его“ (Владимiровой) „рече: а кому васъ годно, а онъ идеть. Они же „рекоша: ты самъ вѣдаешь, что есмы учинили Кiаномъ: избi-„ютъ насъ. Игуменъ же рече Поликарпъ: се дружина его не „ѣдуть, а пусти своея нѣсколько; не кто ни конь доведа, ни „стяга донесъ. Давидъ же рече: того стягъ и честь съ душею „исшла... а то ти Попове Мученическыи (церкви Бориса и Глѣ-„ба)... Кыяне съ благодаренiемъ положиша его въ монастыри „Св. Андреа, Февр. въ 21 день, въ первую недѣлю поста, въ Суб-„боту“ (по лѣтосчисленiю съ Генваря въ 1170 году)...„ Пойде „Мьстиславъ съ силою многою къ Берендичомъ и къ Торкомъ, и „съвокупився пойде къ Треполю и къ Кыеву, и вшедъ въ Кыевъ, „въземъ ряды (роспорядилъ) съ братьею, съ Ярославомъ и съ „Володимеромъ Мьстиславичемъ, съ Галичаны и съ Всеволод-„ковичемъ, и Святополкомъ Гюргевичемъ и съ Кiаны. Торци же „и Берендичи льстяху имъ... и пойде къ Вышегороду, и пусти-„ша на воропъ (наскоро), и бишась крѣпко изъ града. Давыдъ же „повелѣ острогъ пожечи до нихъ, и ста Мьстиславъ подъ боромъ „и... бiяхусь. У Давыда же бяше много дружины, и отъ братья „его помочь, и Глѣбъ прислалъ бяше Григорiа Тысяцкого съ по-„мочью, и Половци дикiи, Кончакъ съ родомъ своимъ и съ вои, „и Берендичи, Бастiева чадь. Косняшинъ же съ Ярославичи бя-„ше, Воевода съ Галичаны, и рече приславъ къ Мьстиславу: ве-„лѣно ми своимъ Княземъ Ярославомъ 5 днiй стояти, и ити къ „домови... Мьстиславъ река: мнѣ братъ Ярославъ тако молвилъ: „донелѣже уладившеся съ братьею, дотолѣ не пущай моихъ „полковъ отъ себе. Онъ же (Косняшинъ) списалъ грамоту лож-„ную и посла къ нему, и поидоша отъ него Галичане. Мьсти-„славъ же съ братьею ста предъ Золотыми вороты въ огоро-„дѣхъ, и изъ Вышегорода выѣздячи поганiи дицiи (дикiе Полов-„цы)... „овы избиваху, а иныи руками изымаху; яша бо Тысяц-„кого Всеволодковича... и иныи многы отъ Мьстислава розо-„шлися... и прiиде вѣсть, иже Глѣбъ бродится на сю сторону съ „Половци и къ Давыдови болше помочи пришло... и братья ре-„коша (Мстиславу): не можемъ стати противу, а поѣдемъ въ „свою волость; мало перепочивше, опять възвратимся. И пой-

„де Мьстиславъ отъ Кыева, второе недѣли по Велицѣ дни въ „Понедѣльникъ... и посла Давыдъ Володислава Ляха съ Половци „по немъ, и постигоша я у Болохова, и ту стрѣлявшеся съ „ними, и възвратишась Половци, много съшворивше зла... „Глѣбъ пусти (ихъ) въ вежи, и сташа за Васильевомъ у Сѣдель„никовъ, съжидаючи дружины своея. Василко жь Ярополчичь „изъ Михайлова ѣха наня въ ночи... и зблудиша всю ночь, и „заутра, всходящю солнцю, удариша на нихъ. Половци жь съ„вокупившеся съ Сѣдельники, бишась съ ними, и одва убѣжа „Василько... Глѣбъ пойде на Василька къ Михайлову съ Рюри„комъ (и съ проч.)... и пустиша, — и городъ его пожгоша, и гре„блю роскопаша... Въ тожь лѣто разболѣся К. Мьстиславъ Изя„славичь въ Володимери... и преставися Авг. въ 19 (въ 1170 го„ду), и спряташе тѣло его съ честію великою у Св. Богороди„цы въ Епископьи, юже бѣ самъ създалъ въ Володимери.“ О супругѣ Мстислава см. Т. II, примѣч. 322. Кромѣ Романа, онъ имѣлъ еще трехъ сыновей: Святослава, Всеволода и неизвѣстнаго, умершаго съ нимъ въ одинъ годъ (см. ниже, примѣч. 8). Татищевъ пишетъ, что Мстиславъ былъ средняго роста, но широкъ плечами, лицемъ красенъ и столь *крѣпокъ*, что никто почти не могъ натянуть его лука; имѣлъ кудрявые, не длинные волосы, любилъ правду, веселье и женщинъ, но безъ слабости; мало спалъ, много читалъ, занимался расправою земскою съ Вельможами и твердилъ дѣтямъ, что честь Князей состоитъ въ правосудіи и храбрости.

(4) Въ Новогородск. Лѣт. стр. 37: „иде Даньславъ Лазу„тиниць за Волокъ съ дружиною (въ 1169 году), и присла Ан„дрей пълкъ свой нань.“ Въ *Степен. Книгѣ* сказано, что Двиняне *отложились* тогда отъ Новагорода и хотѣли зависѣть отъ Андрея; но сіе извѣстіе, внесенное и въ Прологъ, кажется одною догадкою Сочинителя. И Долгорукій и Боголюбскій, владѣя Бѣлымъ Озеромъ, нападали на дружину Новогородскую, которая ходила въ Заволочье для собиранія дани. Далѣе: „Бяше Новгородьць 400, а Суждальць 7000, и пособи Богъ

„Новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а Новгородьць 15 мужъ.“ въ Степенной: „срѣтошася на Бѣлѣ Езерѣ.“

Со Мстиславомъ Андреевичемъ ходили къ Нову-городу Романъ Смоленскій, братъ его Мстиславъ, сынъ Рязанскаго, сынъ Муромскаго и проч. Въ *Лѣт. Новогород.* прибавлено: „вся земля *Просторусьская*,“ вмѣсто *Русская*. Въ *Степен.* и въ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано: „Единыхъ бо Князей бяше тогда „72.“ Татищевъ замѣчаетъ, что и во всей Россіи не было тогда семидесяти двухъ Князей; но всѣхъ ли ихъ знаемъ по лѣтописямъ? Сей же Историкъ говоритъ, что въ Новѣгородѣ былъ тогда Архіепископомъ не Іоаннъ, а Илья: его называютъ тѣмъ и другимъ именемъ; одно мірское, а другое Монашеское (см. Т. II, примѣч. 414).

Въ *Прологѣ* сказано (Ноября 27), что Андрей за болѣзнію не могъ самъ предводительствовать войскомъ; но сего извѣстія нѣтъ въ лѣтописяхъ.

(5) Сіе разсужденіе находится въ харатейныхъ лѣтописяхъ, въ *Степен.* (I, 300) и въ другихъ. Въ первыхъ сказано: „Не глаголемъ, прави суть Новгородци, „яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды Князь нашихъ. „Не велѣли имъ предніи Князи крестъ преступати, или внуки „или правнуки соромляти (посрамлять). То доколѣ Богови тер„пѣти?“ и проч.

Лѣтописцы говорятъ о дерзости и непостоянствѣ Новогородцевъ съ великимъ негодованіемъ. На примѣръ (въ *Воскресенск.* II, 87): „таковъ бо бѣ обычай окаян„ныхъ смердовъ измѣнниковъ;“ а въ нѣкоторыхъ рукописныхъ еще сильнѣе: „обычай блядиныхъ дѣтей!“

(6) Въ *Степен.* и въ *Никонов.* сей храбрый Якунъ названъ Андреевичемъ.

(7) См. о чудѣ въ *Степен.* I, 302, и слѣд. Тамъ сказано, что Суздальцы въ мысляхъ уже дѣлили по себѣ улицы Новгородскія. Въ Архив. Псков. Лѣт. и другихъ: „Застрѣлиша Суздальцы икону, и обратись икона „лицемъ на градъ.“ Въ Кіев. Лѣт.: „Слышахомъ бо преже трехъ „лѣтъ, всѣмъ людемъ видящимъ въ 3 церквах Новьгородскых,

„плакала на трехъ иконахъ Св. Богородица; видѣвши бо мати „Божія пагубу хотящую быти надъ Новгородомъ, моляше бо Сы„на своего съ слезами, абы ихъ не искоренилъ,“ и проч. Новогородцы уставили тогда праздникъ *Знаменія Богоматери*: см. *Прологъ* 27 Ноября. Мстиславъ Андреевичь приступилъ къ городу въ Воскресенье, а былъ отраженъ въ Середу, февр. 25 (см. *Новогород. Лѣт.*): такъ и приходилось въ 1170 году. Въ *Кіев. Лѣт.* здѣсь всѣ годы означены несправедливо; онъ уходитъ впередъ время.

Въ лѣтописи: „купляху Суждальць (Новогородцы) по двѣ „ногаты.“ Ногатъ было 20 въ гривнѣ: см. Т. II, примѣч. 79.

(8) См. Т. II, примѣч. 79 и 255; также Т. I, примѣч. 527. Въ лѣтописи: „купляху кадь ржи по 4 грив„нѣ, а хлѣбъ по 2 ногатѣ, а медъ по 10 кунъ пудъ.“ *Кадь* или *бочка* или *оковъ* содержали въ себѣ 4 четверти. Доказательствомъ тому служитъ слѣдующее мѣсто, выписываемое мною изъ нашихъ *Хронографовъ* 7110 (1602) году: „Отъ того времени“ (то есть, со времени голода, бывшаго при Годуновѣ) „начаша на Москвѣ и во всѣхъ горо„дахъ Русскихъ всякое жито четвериками покупати; а четвери„комъ именуется осмая доля четверти; а прежнія мѣры, кото„рыя именуеми четверти, то бывало четвертая доля бочки или „кади; тѣ же и оковами зваху: оковаху бо по верху тое кади „желѣзнымъ обручемъ, для того, чтобъ не льзѣ было урѣзати.“ Въ нашихъ старинныхъ Ариѳметикахъ подтверждается истина сего сказанія.— Десять кунъ составляли около 57 нынѣшнихъ копеекъ, если оцѣнимъ фунтъ серебра въ 20 рублей (серебряныхъ): слѣдственно фунтъ меду стоилъ тогда менѣе трехъ денегъ (серебромъ). — *Никонов. Лѣт.* прибавилъ пустую догадку, что Новогородцы выгнали Романа, *узнавъ* о смерти его отца. Въ *Кіев.* же *Лѣтоп.* такъ сказано: „Пріиде вѣсть къ Романови о отни смерти. Романъ же яви „дружинѣ своей и пріятелемъ своимъ Новъгородцемъ, и дружина „рекоша: не можемъ уже здѣ быти, а пойди къ братьи къ Воло-

„димерю. Онъ же, послушавъ дружины, поѣха къ братьи. Въ то „же время преставился бяше въ Берестьи братъ ему меншій… „Миръ“ (у Татищева *Святославъ*; но сей Князь былъ тогда еще живъ: см. ниже). Въ *Новог. Лѣт.* именно сказано, что Новогородцы выслали Романа: „показаша ему путь“: учтивое выраженіе, вмѣсто *изгнали*. — Рюрикъ, выѣхавъ въ Новгородъ изъ Овруча Авг. 8 (см. *Кіев. Лѣт.*), пріѣхалъ въ Новгородъ Окт. 4.

(9) Глѣбъ умеръ 20 Генв. въ 1170 или 1171 году; его погребли тамъ, гдѣ лежалъ отецъ его Георгій: у Св. Спаса въ Берестовѣ. О характерѣ Глѣба говоритъ *Кіев. Лѣт.* — Вмѣсто Буга, изъ-за котораго приходили тогда Половцы, Татищевъ поставилъ рѣку Углъ.

(10) Въ Кіев. Лѣт.: „Посласта Давыдъ и Мьстиславъ по „стрыя своего къ Дорогобужю, вабячи къ Кыеву на столъ. Онъ „же, преступивъ крестъ къ ротникомъ (союзникамъ) своимъ, къ „Ярославу и къ Мьстиславичемъ, иде къ Кыеву и утаився, а сы„на Мьстислава посади въ Дорогобужи. И сѣде Володимеръ въ „Кыевѣ на столѣ Февр. въ пятыйнадесять Масленое не„дѣли:“ слѣдственно въ 1170 году по лѣтосчисленію съ Генваря? въ другихъ лѣтописяхъ поставленъ 1171. Далѣе: „Андрееви же „не любяше сѣденіе Володиміре въ Кыевѣ, и насылаше нань, ве„ля ему ити изъ Кыева, а Романови Ростиславичю (Смоленско„му) веляше ити къ Кыеву… Володимеру бысть болѣзнь крѣп„ка, ею же скончался Маіа въ 10 Русальное недѣли въ Поне„дѣльникъ“ (Троицынъ день былъ тогда Маія 16)… „Се же мно„го подъя бѣды бѣгающе передъ Мьстиславомъ, ово въ Галичь, „ово въ Угры, ово въ Рязанв, ово въ Половцѣхъ, за свою вину,“ и проч.

(11) Въ Кіев. Лѣт.: „Начаша Половци пакость творити „по Роси… На Петровъ день Игорь Святославичь ѣха въ поле за „Ворьсколъ, и срѣте Половци, иже ту ловять языка, и изойма„я, и повѣда ему колодникъ, иже Кобякъ и Кончакъ шли къ Пе„реяславлю. Игорь поѣха противу, и переѣхалъ Ворьсколъ у Ол„тавы“ (гдѣ нынѣ Полтава) „къ Переяславлю и узрѣшась съ „полкы Половецкими (Іюля 20)… и побѣгоша (Половцы), весь „полонъ свой помѣтавше, бяше бо воевали у Серебренаго и у „Баруча… Поѣха (Игорь) къ празднику Св. Мученику Бориса и

„Глѣба, и не упяже на канонъ, по Вечерни пріѣха; на упрій же „день поча дяпи сайгатъ Княземъ и мужемъ; и пако Романъ „и Рюрикъ и Мьспиславъ, одаривше я опуспиша въ своя си."

(12) Рюрикъ пріѣхалъ въ Новгородъ 4 Окт. а *выѣхалъ* (не *выслань*, какъ въ *Никон. Лѣт.*) отпуда зимою. Въ Кіев. Лѣт.: „Рюрикови жь идущю изъ Новагорода къ „Смоленску, и бысть на Лучинѣ" (нынѣ Луцинѣ въ Витебск. Губер.) „Връбное недѣли въ Пяпокъ, солнцу въсходящю, родись у него сынъ, и нарекоша въ Св. крещеніи дѣдне имя „Михайло, а Княже Роспиславъ, дѣдне жь имя... и дасть ему „отецъ Лучинъ городъ, въ немъ же родися, и поставиша на „помъ мѣспѣ церковь Св. Михаила, гдѣ ся родилъ." — На мѣсто изгнаннаго Рюрикомъ Посадника Новогородцы выбрали Иванка Захаріинича.

Андрей прислалъ напередъ въ Новгородъ Жирослава съ Боярами своими. Далѣе въ лѣтописи: „На зиму „ходи Архіепископъ Новгородьскый къ Андреєви Володимерю на „всю правду" (для расправы или суда).... Даша опять Посад„ницьство Иванкови Захаріиницю."

(13) „Бывшю же Князю Мстиславу на Городци, совкупльшися съ братома своима, съ Муромскымъ и съ Рязанскымъ, на „усть Окы." *Городецъ* есть нынѣ село на лѣвомъ берегу Волги, выше Балахны, въ Нижегородской Губерніи. Далѣе: „Бысть не любъ путь всѣмъ людемъ: зане непогодье „(неудобно) есть зимѣ воевати Болгаръ; и подуче не идяху" — п. е. шли не шли, какъ говорятъ нынѣ.

По харатейнымъ Мстиславъ умеръ въ 6681 году Марта 28, во Вторникъ: но сіе число было Вторникомъ въ 1172 году. Находя въ разныхъ мѣстахъ несогласіе въ лѣтосчисленіи, мы держимся древняго Новогородскаго Лѣтописца какъ исправнѣйшаго. На примѣръ, въ *Пушкин.* несправедливо написано, что Андрей убитъ въ 6683 году, Іюня 29, въ Субботу: точно въ сей день, но въ 1174 году.

(14) Въ Кіев. Лѣт.: „Нача Андрей вины покладывати на „Роспиславичи, и присла къ нимъ Михна, река тако: выдайте „ми Григоря Хоповичь и Степанца и Олексу Спославца, яко пи

„суть уморили брата моего, Глѣба; а то суть ворози всѣмъ „намъ," и проч. — Далѣе: „Михалко же изъ Торцеского самъ не „иде въ Кыевъ, но посла вонь брата Всеволода и сыновца Ярополка."

(15) Сей Ярополкъ, сынъ Ростислава Юрьевича, былъ прежде высланъ Андреемъ изъ Суздальской области, какъ мы упоминали. Изъ Греціи не возвратился одинъ Василько Георгіевичъ. Въ Кiев. Лѣт.: „Ро„стиславичи въѣхавше ночи въ Кыевъ на Похвалу Св. Богороди„цы" (на пятой недѣлѣ Вел. поста въ Субботу, а не 28 Іюля, какъ у Татищева) „и яша" (кромѣ Всеволода и Ярополка) „Ля„ха Володислава и Михна и Бояры всѣ. Братія же даша Кыевъ „Рюрикови... Поидоша Ростиславичи на Михалка къ Торцескому, „и стояша около его 6 дній, а въ 7 день высланась къ нимъ и „рядиша тако: Михалко бо хвати къ Торцескому Переяславль и „лишился Андрея" (оставилъ его) „брата своего и Святослава Все„володича Чернѣг. а къ Ростиславичемъ приступи."

(16) Въ Кiев. Лѣт.: „Того же лѣта" — въ годъ Глѣбовой смерти, слѣдственно въ 1170 или 1171 году — „выбѣжа Княгиня Ярославля изъ Галича въ Ляхы съ сыномъ Во„лодимеромъ и Константинъ Сѣрославичъ" (коего Татищ. называлъ Ярославичемъ и сыномъ ея) „и мнози Бояре съ нею, и бы„ша тамо 8 мѣсяцей, и начашась слати къ ней Святополкъ „(Бояринъ) и ина дружина, вабячи ю опять, а княжити имемъ" (т. е. увѣряя, что они будутъ господствовать). „Володимеръ „же посла къ Святославу къ Мьстиславичю (сыну умершаго Мстислава Изяславича) „прося у него Чръвна, ать ми будеть „ту сѣдячи добро слати въ Галичь" (чтобы я могъ оттуда удобно пересылаться съ Галицкими Боярами): „а иже сяду въ Гали„чи, то Бужескъ твой возворочю и три городы придамъ. Свято„славъ же да ему и крестъ цѣлова помогати; и пойде Володи„меръ и съ матерью къ Чръвну, и усрѣте его вѣсть отъ Свято„полка изъ Галича: поѣди вборзѣ; отца ти есмы яли и пріятели „его Чяргъву чядь избили, а се твой ворогъ (врагъ) Настаска. „Галичане же, накладше огнь, съжгоша ю, а сына ея въ заточе„ніе послаша; а Князя водивше къ кресту, яко ему имѣти Кня„гиню въ правду. И тако уладивше ся... Выбѣже (въ 1173 году) „Володимеръ сынъ Ярославль Галицкого къ Ярославу (Изяславичу) „въ Луцескъ: бѣ бо ялся ему волости искати. Пославъ Ярославъ

„Галицкый и приведе Ляхи въ помочь собѣ, и да имъ 3000 гри-„вень сребра“ (Татищ. умалилъ сумму до 300 гривенъ) „съжже „2 города... Ярославъ же (Изяславичь) убоявся... и пусти Воло-„димера къ Михалкови въ Торъческый и съ матерью: братъ бо „бѣ Михалко Олзѣ Княгини; а оттуда поваби Святославъ, тесть „его (Владиміровъ) въ Чернѣговъ; хотя и (Михаилъ) пустити „къ Суждалю къ Андрееви и не пусти ..., бяше бо тако урядил-„ся, яко Володимера Галицкого, сестричича Михалкова, дати „Ростиславичемъ и пустити къ отцу, а Ростиславичемъ пус-„тити Всеволода (Георгіевича), и Ярополка, и всю дружину. „Всеволода же пустиша, а Ярополка не пустиша: не вмѣнилъ „(не вымѣнилъ) еси намъ того.“

(17) Въ Кіев. Лѣт.: „Ѣдучи (Ростиславичи) и сыновца „его (Андреева и Михаилова) выгнаша Мьстислава (Ростисла-„вича, внука Георгіева) изъ Треполя“ и проч.

(18) Въ Кіев. Лѣт.: „Мьстиславъ убо отъ юности навыклъ „бяше не уполошитися никого же, но токмо Бога единаго блю-„стися, и повелѣ Андреева посла, емше предъ собою, постричи „голову и бороду,“ и проч. Слово *подручникъ* въ древнемъ Русскомъ языкѣ знаменовало тоже, что Латинское Vassus, Vassallus, или Польское Holdownik, внесенное въ *Словарь Академіи Россійской* единственно въ угожденіе Болтину, если не ошибаюсь: ибо онъ думалъ, что мы не имѣемъ въ языкѣ нашемъ слова для выраженія сего смысла. Въ Олеговомъ договорѣ съ Греками упоминается о Князьяхъ, *иже суть подъ рукою* Великаго Князя: то есть, о *подручникахъ* его или *голдовникахъ*, если Польское, совсѣмъ неизвѣстное у насъ слово предпочтемъ коренному Русскому.

Далѣе въ Кіев. Лѣт.: „Андрей же, то слышавъ отъ Мих-„на, и бысть образъ лица его потускнѣлъ, и взострися на рать... „и събралъ Ростовци и Суждальци, и Володимерци, Переяслав-„ци, Бѣлоозерци, Муромци, и Новьгородци и Резанци, и съчтовъ „я, и обрѣте въ нихъ 50,000. . . . и велѣвшю ему (сыну) ити къ „Святославу... Идущимъ же имъ мимо Смоленескъ, наказалъ бо „бяше и Романови пустити сынъ свой съ Смолняны; тако Ро-„манъ нужею пусти сынъ свой... бяше бо тогда въ рукахъ его. „И Полоцкымъ Княземъ пойти повелѣ всѣмъ, Туровскымъ и

,,Пинскымъ и Городенскымъ. И пришедшимъ имъ къ Ольговичемъ, и съвокупившимся имъ обоимъ противу Кыеву, тужь прiидоша къ нимъ Гюргевичи, Михалко и Всеволодъ, и Ростиславичи (внуки Георгiя Долгорукаго) Мьстиславъ и Ярополкъ, Глѣбовичь (внукъ Долгорукаго) и Переяславци вси.... Поидоша отъ Кыева на Рожество Св. Богородицы... и отряди (Святославъ) Всеволода Гюргевича и Игоря (Святославича Сѣверскаго) съ молодшими Князи къ Вышегороду... Мьстиславъ же Ростиславичь выѣха на болонье противу имъ... и завадишась стрѣлци ихъ межи собою гонячися... И Мьстиславъ устремився наня, и рече дружинѣ: братья! възрѣвше на Божiю милость и на Св. Мученику Бориса и Глѣба помочь... Бяху бо ратнiи на 3 полкы стояще: Новгородци, Ростовци, посредиже Всеволодъ съ своимъ полкомъ. Абiе Мьстиславъ съшибеся съ полкы ихъ, и потопташа среднiй полкъ; и инiи ратнiи видѣвше объяша ихъ (окружили): бѣ бо Мьстиславъ въ малѣ въѣхалъ... и тако смятошась обои... и бысть стонанiе и кличь рамна (великiе), и гласи незнаеми; и ту было видѣть ломъ копѣйный и звукъ оружный; отъ множества праха не знати ни конника, ни пѣшца... и разыдошась; много бѣ раненыхъ, смертныхъ же не бѣ много..... Прiиде Ярославъ Луческый на Ростиславичи же съ всею Волынскою землею, ища собѣ старѣйшинства во Олговичехъ, и не съступиша ему Кыева. Онъ же, сослався съ Ростиславичи," и проч.

(19) ,,Преда (обложилъ данiю) Латину." Сiи Католики были, думаю, купцы иностранные: Поляки, Венгры, Богемцы и проч.—Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано ошибкою: ,,Ярославъ (изгнанный) слышавъ, яко стоить Кыевъ безъ Князя пограбленъ Ростиславичами," вмѣсто *Ольговичей*. Далѣе въ лѣтописи: ,,воеваша Олегъ Святославичь Черниговскую волость. Святославъ же умирився съ Ярославомъ, иде на Олга и пожже волость его, и много зла створше, възвратися Чернигову."

(20) См. Т. II. примѣч. 383.

(21) Такъ въ *Воскресен.*, *Ростов.*, *Кiев.* и другихъ; но въ харатейныхъ нѣтъ ни слова о причинѣ злодѣйства. Въ новой лѣтописи *о началѣ Москвы* (Синодал. библ. No 92) сказано, что виновницею убiйства была супруга Андреева, сестра Кучковичей:

„требоваше бо пригорновенія и плотскаго смѣшенія, совѣ-
„щася зломысліемъ на господина своего, и по нѣкоемъ времени
„опай приведе ихъ къ ложу мужа своего и предаде въ руцѣ
„врагомъ." Извѣстіе несогласное съ древними лѣто-
писями.

Городокъ Боголюбовъ нынѣ село на берегу Клязмы. Тамъ находится монастырь, гдѣ есть церковь и кельи весьма древнія. Въ *Кіев. Лѣт.*: „идущимъ имъ „(убійцамъ) къ ложници его (Андреевой спальнѣ), и прія ихъ „страхъ и трепетъ, и бѣжаша съ сѣней, и шедше въ медушю „(погребъ) и пиша вино... и тако упившесь виномъ, идоша на „сѣни." — Въ *Воскресенск.* II, 92, и во многихъ: „бяше съ нимъ (съ Андреемъ) Кощей единъ, малъ Дѣтескъ" — то есть, *Кощей* или младшій Отрокъ Княжескій.

Далѣе въ Лѣтописи: „Рече единъ, стоя у двери: Господи- „не! Господине! Князь Великый! И рече Князь: кто вы еси? И „онъ рече: Прокопій. Князь же рече Дѣтску своему: не Прокопій."

(22) Въ Московской Оружейной Палатѣ есть древній мечь Греческой работы, съ вырѣзанною Греческою надписью: „Пресвятая Богородица! по- „моги рабу твоему... Въ лѣто по Христѣ"... Не сей ли мечь принадлежалъ Св. Борису и Андрею? Онъ издревле хранился какъ святыня вмѣстѣ съ Мономаховою шапкою.

Андрей говоритъ злодѣямъ: „почто уподобистеся Го- „рясѣру (убійцѣ Св. Глѣба)? Богъ отмститъ вы мой хлѣбъ" — т. е. отмститъ вамъ за мой хлѣбъ или мои милости.

(23) Здѣсь въ первый разъ употреблено имя *Дворянъ* въ смыслѣ *Придворныхъ*.

„Разграбиша и дѣлатели, иже бяху пришли къ дѣлу" — то есть, строителей или художниковъ, призванныхъ Андреемъ. Въ Троицкой лѣтописи именованы въ числѣ Княжескихъ чиновниковъ и *Постельники*.

Въ Кіев. Лѣт: „Убіенъ же бысть въ Суботу на ночь, и „освите (развѣтало) заутра въ Недѣлю на память 12 Апосто-

„лу. Окаянніи же шедше убиша Прокопію, милостника его, и идо-
„ша на сѣни, и выбраша золото, и камень дорогый, и женчюгъ,
„и вся узорочія, и до всего любимого имѣніа, и въскладше на ми-
„лостниковы конѣ, послаша до свѣта прочь; а сами въземше на
„ся оружіе Княже милостьное“ (кое давалось любимцамъ Княже-
скимъ) „почаша съвокупляти дружину къ собѣ, рекучи: ци жда
„на насъ пріѣдутъ дружина Володимерская... и послаша къ Во-
„лодимеру: ци что помышляете на насъ? а хочемъ ся съ вами
„кончати; не отъ насъ бо единѣхъ думано, но и отъ васъ сутъ
„же въ той думѣ. И рекша Володимерци: да кто съ вами въ ду-
„мѣ, тотъ буди вамъ, а намъ не надобѣ.... И вълегоша грабитъ;
„страшно зрѣти. И тече на мѣсто Кузмище Кыянинъ, али нѣ-
„ту Князя, идѣ же убіенъ бысть. И поча прошати Кузмище, гдѣ
„есть? и рекоша: выволоченъ въ огородъ; но не мози имати
„его; тако ти молвять вси: иже кто ся пріиметъ тонь, того
„убіемъ. И нача плакати надъ нимъ Кузмище: Господине мой!
„како еси не очютилъ скверныхъ вороговъ своихъ, идущихъ къ
„тобѣ? или камо еси не домыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣ-
„жаа полкы поганыхъ Болгаръ? И тако плакася; и пріиде Анъ-
„балъ Ключникъ, Ясинъ родомъ: тотъ бо ключь дръжаше у сего
„дому Княжа, и надо всѣмъ ему волю далъ бяше; и рече, възрѣвъ
„нань, Кузмище: Аньбале вороже! сверзи коверъ или что ли по-
„дослати, или чимъ прикрыти Господина нашего. И рече Анъ-
„балъ: иди прочь; мы хочемъ выверечи псомъ. И рече Кузмище:
„о еретиче! помнишь ли, Жидовине, въ которыхъ портѣхъ при-
„шелъ бяше? ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а Князь лежитъ
„нагъ; но молю ти ся, сверзи ми что любо — и съверже къверъ
„и корзно; и обвилъ его и несе въ церковь, и рече: отомкнете...
„и рекоша: порини его ту въ притворѣ; печаль ти имъ: уже бо
„піани сутъ. И рече Кузмище: уже тебе, Господине, паробци
„твои не знають. Иногда бо если и гость приходилъ изъ Царя-
„города и отъ иныхъ странъ, изъ Руской земли, если Лати-
„нинъ, и до всего Христіанства, и до всеа погани, и рче (ты):
„въведете и въ церковь и на полаты, да видятъ истинное Хри-
„стіаньство и крестятся — яко же и бысть: и крести и Болга-
„ре и Жидове и вся поганы. И ти болше плачють по тобѣ, а
„сіи ни въ церковь не велять вложити. И тако положивъ его
„въ притворѣ у божници, и прикрывъ его корзномъ, и лежа ту
„2 дни и ночь. На третіи день пріиде Арсеаій Игуменъ Св. Коз-

„мы и Деміана, и рече: долго намъ зрѣвше на старѣйшіа Игу-
„мены, и долго сему Князю лежати; отомкнете божницу, да
„отпою надъ нимъ; вложимъ и въ буду (деревянный гробъ),
„любо ти въ гробъ, да коли престанеть злоба сіа, да тогда при-
„шедше изъ Володимеря и понесуть и тамо. И пришедше кли-
„рошане Боголюбскые въземше его и внесоша въ божницу, и
„вложиша и въ гробъ каменъ, отпѣвше надъ нимъ погребалное
„съ Арсеніемъ.... Грабители же изъ селъ приходячи грабяху;
„такоже и въ Володимери, оли же поча ходити Микулица"
(**Священникъ, пришедшій изъ Вышегорода съ обра-
зомъ Владимірской Богоматери: см. Т. II, примѣч. 383**)
„съ Св. Богородицею въ ризахъ по граду, то жь престаша гра-
„бити... Въ 6 день, въ Пятокъ, рекоша Володимерци Игумену
„Феодулови и Луцѣ Деместнику Св. Богородицы: нарядита носи-
„лици, ать поѣдемъ, възмемъ Князя, а Микулици рекоша: събе-
„ри Попы всѣ; облекшеся въ ризы, выидетежь предъ Сребрянаа
„ворота съ Св. Богородицею и ту Князя дождеши. И сътвори
„тако Феодулъ Игуменъ Св. Богородица Володимерскоя съ кри-
„лошаны и съ Володимерци, ѣхаша по Князя въ Боголюбое и
„привезоша тѣло его съ честію и съ плачемъ великымъ; и
„бысть по малѣ времени, и поча выступати стягъ" (**ибо надъ
мертвыми Князьями обыкновенно носили тогда знамя**)
„отъ Боголюбого... и людіе вси въпіаху, отъ слезъ не можаху
„прозрѣти, и вопль далече бяше слышати, и поча народъ мол-
„вити плача: уже ли къ Кыеву поѣха, Господине, въ ту церковь
„тѣми Золотыми вороты, ихъ же дѣлати послалъ бяше той
„церкви на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, а река: хочю създати
„церковь таку же, яко же ворота си Золота, да будеть па-
„мять всему отчьству моему?... И спрятавше тѣло его у Св.
„Богородици Златоверхоя." — **Въ описаніи Андреевыхъ
добродѣтелей прибавлено:** „въ нощи ходяше въ церковь
„и свѣщи вжигиваше самъ, и видя образъ Божій на иконахъ на-
„писанъ, възираа яко на самого Творца," и проч.

(24) „Игуменъ Св. Богородицы Володимерскія съ клирошаны
„съ Луциною (Лукиною) чадью и съ Володемерцы ѣхаша по Князя."
Татищевъ назвалъ *чадь*, т. е. людей, *воинами*.

Въ Суздальской Лѣтописи, *Пушкин.* и *Троицк.*, не сказано даже и того, чтобы Владимірцы опла-

кивали Великаго Князя, хотя она сочинена другомъ Андреевой памяти и жителемъ Владимірскимъ. Описавъ кончину Боголюбскаго, Авторъ обращается къ Андрею и говоритъ: „молися Богу помиловати Князя „нашего, господина Всеволода, своего же приснаго брата, да по„дастъ ему побѣду на противныя и многа лѣта съ Княгынею и „съ благородными дѣтми, и мирну державу и царство.“

(25) Въ харатейныхъ: „не вѣдуче глаголемаго: идѣ же за„конъ, ту и обидъ много.“

(26) „Вторый мудрый Соломонъ бывъ.“ — Андрей едва ли дожилъ до 60 лѣтъ. Отецъ его женился въ 1107 году, но имѣлъ старшихъ дѣтей. Татищевъ пишетъ, что Андрей жилъ 63 года.

Въ *Синопсисѣ* сказано, что сей Князь, названный Боголюбскимъ за его любовь къ Богу, *до крещенія* своего именовался *Китаемъ*. Въ древнихъ лѣтописяхъ нѣтъ того — и развѣ Андрей былъ крещенъ уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ? Имя *Боголюбскаго* дано ему, думаю, отъ города Боголюбова, имъ построеннаго.

(27) Въ Кіев. Лѣт.: „Андрей самъ въ Володимери заложи „церковь Св. Богородица Апрѣля въ 8 день, въ Вторникъ (въ 1158) „и дая и многа имѣніа, и свободы купленыа, и съ даньми, и села „лѣпшаа, и десятины въ стадѣхъ своихъ и торгъ десятый, и „съмвори въ ней Епископью.“ Сія церковь была, кажется, совершена въ 1160 году: ибо въ описаніи онаго сказано: „создана бысть церковь Св. Богородица.“ Впрочемъ сіе извѣстіе можетъ относиться и къ другой Боголюбской церкви. Въ Кіев. Лѣт.: „Създалъ бяше собѣ „городъ камень Боголюбъ, и толь, яко Вышегородъ отъ Кыева, „тако жь Боголюбъ отъ Володимеря... и церковь каменну Св. „Богородица Рожество посреди города съдавъ въ Боголюбомъ, и „удививъ ю паче всѣхъ церквей; подобна та Святаа Святыхъ, „юже бѣ Соломонъ създалъ.... и устрои различными цатами“ (такъ называются и нынѣ подвѣски у образовъ, сдѣланные на подобіе полумѣсяца и прикрѣпляемые къ вѣнцамъ) „и аспидными (іаспидными) цатами украси „ю... и златомъ, и финиптомъ, и всякою добродѣтелью... и

„Iерусалимъ златъ съ каменiи драгыми.... извну церкве отъ „връха и до долу по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, „и двери златомъ же... бяше же и сѣнь золотомъ украшена, „отъ връху до дейсуса. Князь же Андрей бѣ городъ Володимерь „сильно устроилъ; къ нему жь ворота золотая доспѣлъ, другаа „серебромъ учини, и доспѣ церковь каменну Съборную Св. Бого„родица пречюдни велми... украси ю отъ злата и сребра, и 5 „връховъ ея позолоти; двери жь церковныа троя золотомъ ус„рои; златомъ же и каменiемъ драгымъ и женчюгомъ украси... „и многыми паникадилы золотыми и сребряными просвѣти, а „онъбонъ отъ золота и отъ сребра устрои; а служебныхъ съсудъ „и рипиды златомъ и каменiемъ велми много; а трiе Iерусали„ми велми велицiи, иже отъ злата чиста и отъ каменiа мно„гоцѣннаго устрои... връхъ бо златомъ устрои и комары позо„лоти, и извну церкве, и по комаромъ же птахы золотыи и „кубькы и вѣтрила золотомъ устроена постави."

Въ томъ же 1160 году сгорѣла въ Ростовѣ Соборная церковь Богоматери, *дивная и великая, яко же не было и не будетъ*. О сей *дубовой* церкви сказано въ *Воскресен. Лѣт.* Ч. I, стр. 155, что построилъ оную первый Ростовскій Епископъ Өеодоръ, еще въ княженіе Св. Владиміра, въ 991 году; что въ ней служили *семь* Епископовъ: Өеодоръ, Иларіонъ, Леонтій, Исаіа, Ефремъ, Несторъ, Леонъ; и что она стояла 168 лѣтъ. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Андрей велѣлъ на ея мѣстѣ поставить каменную; что тамъ, копая рвы, работники нашли тѣло Епископа Исаіи и мощи Св. Леонтія ни мало не поврежденныя; что *Іоаннъ*, Епископъ Ростовскій, благословеніемъ *Өеодора*, Митрополита Кіевскаго, уставилъ торжествовать Леонтіеву память 23 Маія. Сей Лѣтописецъ не зналъ, что Өеодора Митрополита уже давно не было, когда Епископъ Іоаннъ заступилъ мѣсто Луки.

Въ 1164 году освятили въ Владимірѣ церковь на Златыхъ вратахъ и заложили храмъ Спаса.

Авторъ *Синопсиса* говоритъ, что Андрей въ 1159 году, будучи Государемъ *всей Россіи, по запо-*

вѣди отца своего отдалъ Кіевской Лаврѣ городъ Василевъ (*гдѣ родился Св. Ѳеодосій*) вмѣстѣ съ городкомъ Мическимъ (*надъ рѣкою Микою*) и монастыремъ Николая Чудотворца, подчинивъ сверхъ того Архимандритамъ сей Лавры монастырь Свѣнскій подъ Брянскимъ, Спасскій подъ Новогородкомъ, Успенскій или Елецкій въ Черниговѣ; объявилъ также Лавру навсегда независимою отъ Митрополитовъ Россійскихъ. Андрей въ 1159 году еще не имѣлъ никакой власти надъ Кіевскимъ Княженіемъ; а Черниговская земля никогда отъ него не зависѣла.

(28) Баснословный *Никон. Лѣт.* разсказываетъ, что въ 1160 году Андрей, созвавъ Князей и Бояръ, говорилъ имъ: „Градъ сей Владиміръ созда Святый и блаженный Великій Князь, просвѣтивый всю Русскую землю святымъ „крещеніемъ. Нынѣ же азъ грѣшный благодатію пречистыя Богородицы расширихъ и вознесохъ его: хощю бо сей градъ обновити Митрополіею, да будетъ Великое Княженіе и глава всѣмъ.“ Князья и Бояре одобрили такое намѣреніе, и Яковъ Станиславичь отправился посломъ въ Царьградъ. Но Патріархъ Лука на то не согласился: многорѣчивое мнимое посланіе его къ Великому Князю, сообщаемое симъ Лѣтописцемъ, кажется не весьма искуснымъ изобрѣтеніемъ Русскаго монаха. Лука, оправдывая изгнаннаго Епископа Ростовскаго Нестора, заклинаетъ Андрея возвратить ему престолъ Епископскій. „Аще и всего міра (пишетъ Патріархъ) исполниши „церкви и монастыри, и грады возградиши паче числа, гониши „же Епископа, главу церковную и людскую, то убо не церкви, „но хлѣва суть, и проч.

(29) Въ харатейныхъ, и другихъ: „того же лѣта (въ 1159) „выгнаша Ростовци и Суждальци Леона Епископа, зане умножилъ бяше церковь, грабя и Попы.“ Выраженіе: „умножить „церковь;“ значитъ, думаю, *умножить церковные налоги*, а не то, чтобы Леонъ (Леонтій) размножилъ число церквей. Въ Кіев. Лѣт.: „въ томъ же лѣтѣ (1158) „Леона (взяша) на Епископью въ Ростовъ... Выгна Андрей (въ „1162 г.) Епископа Леона изъ Суждаля... и Леона возврати опять,

„покаявся отъ грѣха того, но въ Ростовѣ, а въ Суждалѣ не „да ему сѣдѣти, и держа и 4 мѣсяца въ Епископьи, и нача просити у него отъ Воскресенія Христова до всѣхъ Святыхъ ѣсти мяса въ Среду и въ Пятокъ: Епископъ же повелѣ ему едину „Праздную недѣлю ясти мясо въ Среду и въ Пятокъ, а прочія „добрѣ хранити. Онъ же про ту вину выгна изъ земли своея, и „пріиде (Леонъ) къ Чернѣгову къ Святославу Олговичю: Святославъ же утѣшивъ и добрѣ, пусти къ Кыеву къ Ростиславу.“ Въ *Пушкин.* и въ *Троицк.* нѣтъ сего обстоятельства, а сказано, что Леонъ въ 1164 году завелъ ересь. Далѣе: „Леонъ Епископъ не по правдѣ поставися Суждалю, Нестеру живущю, перехвативъ Нестеревъ столъ, поча „въ Суждали учити не ѣсти мясъ“ (то есть, въ Господскіе праздники)... „Бысть тяжа про то велика предъ Княземъ „Андреемъ, предо всѣми людми, и упрѣ его (Леона) Владыка „Ѳеодоръ.“ Сей Ѳеодоръ, думаю, не тотъ, о коемъ говорится ниже (см. примѣч. 30)

Далѣе: „Сущимъ ту у Царя всѣмъ сломъ (посламъ), Кыевскый солъ (въ Никон. Иванъ Яковль) и Суждальскый Илья (въ „Ник. Андреевъ).“

См. сей Исторіи Т. II, примѣч. 424. Въ числѣ противниковъ Леоновыхъ находился и Св. Кириллъ, Епископъ Туровскій, мужъ знаменитый ученостію по тогдашнему времени, который имѣлъ переписку съ Андреемъ Боголюбскимъ (см. *Прологъ*, Апрѣля 28) и сочинилъ нѣсколько разсужденій богословскихъ. Мнѣ извѣстно одно изъ его твореній, *Кюрила Епискола Туровъскаго сказаніе о Черчоризъчьстѣмъ чину*, найденное мною въ харатейной Кормчей Книгѣ (Синодальн. библіот. No 82). Въ примѣръ слога и мыслей выписываю слѣдующее: „Прьвое речемъ о исходящихъ изъ міра въ манастырь и възимающихъ искусныѣ ризы „Мнишьскаго образа; по уставу отъ обою закону исправлено „бысть то, и лѣпо есть пьрвѣе вь искусѣ быти. Внимай своему образу и житью, Мнише, и смотри своихъ ризъ обълченія, „и познай собе.... Да не будеши короставъ и хромъ, и слѣпъ, и „раньнъ; си бо вси повержени бывають, порока дѣля, псомъ и „птицамъ на снѣдь... Блюди опасно, да не бѣсомъ покоище“ (мо-

,,коемъ или храминою) здѣ бывъ и душю свою геенькимъ повь-
,,ржеши птицамъ, короставъ бывъ твореніемъ грѣховъ, хромъ
,,же прилѣжаніемъ житiйскихъ вещій, слѣпъ же неплодьствомъ
,,жива (жвя), о чревѣ токмо пекася.... Токмо до церковныхъ
,,дьврій въ своей воли буди и о томь не расматряй, како и чимь
,,тя потваряеть" (творять): ,,риза ли еси до пріемлющаго
,,тя въ руку, знай собе; къ тому не помысли, аще и на онутѣ
,,растерганъ будеши. Точью до манастыря имѣй свою волю; по
,,въспріятьи же образа всего собе повьрзи въ покореніе, ни мала
,,своевольства утай въ сердци твоемь, да не умрешь душею, аки
,,Ананія услышавъ Петра глаголюща ти: почто въсхотѣ
,,искусити Духъ Святый? и не солга человѣкомъ нъ
,,Богови. Да не неродиши о своемъ обѣтѣ, да не събудеться на
,,тобѣ писаніе, глаголющее: луче бы не познати истины, нели
,,познавъши уклонитися отъ нея."

(30) *Никон. Лѣт.* разсказываетъ, что сей Монахъ или Калогеръ Лавры Кіевской, Ѳеодоръ, племянникъ Петра Бориславича (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 422) въ 1170 году ѣздилъ въ Царьградъ съ великимъ богатствомъ, и тамъ отъ Патріарха былъ поставленъ въ Ростовъ Епископомъ. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Андрей посылалъ Ѳеодора *ставиться* въ Кіевъ (см. *Воскресенск.* II, 81): слѣдственно онъ еще не былъ посвященъ, а только избранъ, Княземъ или народомъ. Такъ Великій Ярославъ избралъ въ Епископы Жидяту (см. въ печатн. *Несторѣ* стр. 105), а народъ въ Новѣгородѣ Аркадія (см. *Лѣтопис. Новгородск.* стр. 31) и другихъ. Что Андрей признавалъ Ѳеодора достойнымъ сана Епископскаго, заключаю изъ словъ древняго Лѣтописца: ,,Князю же о немъ добромыслящу и добра ему ,,хотящю." — Въ *Прологѣ* (Авг. 1) названъ Ростовскій Святитель Несторъ учредителемъ ежегоднаго торжества въ память одержанной въ 1164 году надъ Болгарами побѣды; но въ древнихъ лѣтописяхъ нѣтъ того, чтобы Несторъ, въ 1156 году лишенный Епископіи, возвратился на престолъ свой. Сочинители Каталоговъ также несправедливо, думаю, говорятъ

о *второмъ* Несторѣ, будто бы поставленномъ въ Царѣградѣ въ 1164 году.

Далѣе въ лѣтописи: „Много бо пострадаша человѣци отъ „него Ѳеодора въ держаньи (по Троицк. списку: въ державѣ) „его селъ, изнебывше (лишась) оружья и конь. Друзіи же и „работы (рабства) добыша; заточенья же и грабленья не токмо простьцемъ (мірянамъ), но и Мнихомъ, Игуменомъ, Іереямъ,“ и проч. *Лѣт. Никонов.* пишетъ, что Ѳеодоръ (или, какъ назвали его въ знакъ презрѣнія, *Ѳеодорецъ*) мучилъ и *Князей* и *Бояръ* и Постельничихъ Андреевыхъ, варилъ женщинъ въ котлахъ, отрѣзывалъ носы, уши; что всѣ трепетали его: ибо онъ „рыкалъ какъ левъ, былъ величественъ какъ дубъ, языкъ „имѣлъ чистый, велерѣчивый, мудрованіе козненное,“ и проч. — Сего удивительнаго злодѣя взяли подъ стражу Маія 8, 1169 году. *Никон. Лѣт.* изъ милости навязываетъ ему на шею жерновный камень и топитъ его въ *морѣ* (хотя море и далеко отъ Кіева); а Татищевъ ссылаетъ на островъ Псій.

(31) Извлеченіе изъ сей лѣтописи напечатано въ Казанской Исторіи Рычкова и въ журналѣ его путешествія, Ч. II, стр. 30. Подлинная рукописная находится въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, въ собранныхъ Миллеромъ историческихъ бумагахъ, подъ No 73. Въ ней есть анахронизмы, происшедшія отъ глупыхъ дополнителей. На примѣръ, Авторъ не могъ написать, что Великій Ярославъ, княживъ въ 1020 году, княжилъ и въ 1174, когда Новогородцы пришли въ землю Вятскую, и что они, готовые приступить къ городку Болванскому, молились Борису и Глѣбу такъ: „яко же иногда Новгородскому Князю „Александру Невскому даровали есте побѣду:“ Александръ тогда еще не родился.

(32) Сіе было уже въ 1181 году. — Никулицынъ есть нынѣ село Никулицкое. Далѣе въ лѣтописи: „И начаша ко граду (Кокшарову) приступати, и въ другій „день изъ града того жители побѣжаху, иніи же градскія врата „отвориша, возвѣщающе Новгородцемъ, что имъ показася

„ко граду приступающе неисчетное воинство.“ Далѣе: „И абіе „снидошася посланніи отъ обою страну Новгородцевъ, отъ Болванскаго городка и отъ Кашкарова (нынѣ же нарицается Котельничь), согласишася устроити общій единъ градъ крѣпкій „отъ нашествія супостатъ, и избравше мѣсто прекрасно надъ „рѣкою Вяткою, близъ устья рѣки Хлыновицы, на высокой горѣ, „иже нынѣ зовется Кикиморская; мѣсто бо оно ко вселенію удобно, и съ тоя горы источники водъ истекающи мнози... „И заутра обрѣтоша все изготовленіе Божіимъ промысломъ пренесено по Вяткѣ рѣкѣ ниже на высокое, паче пространнѣйшее „мѣсто, иже въ то время нарицашеся Балаксово поле... И „на томъ мѣстѣ въ началѣ поставиша церковь Воздвиженія, и „нарекоша градъ Хлыновъ, рѣчки ради Хлыновицы. И тако начаша общежительствовати самовластвующе, правими и обладаеми своими жители, и нравы своя отеческія и законы и обычаи Новгородскія имяху на лѣта многа, до обладанія Великихъ „Князей Русскихъ, и прозвашася Вятчане рѣки ради Вятки.... „Въ лѣто 6967 Великій Князь Василій Васильевичь Московскій „Вятскую землю взялъ и дань положилъ: были самовластни 278 „лѣтъ.“

(33) Сей обрядъ и нынѣ исполняется: только стрѣлы отмѣнены. Изъ села Никулицкаго приносятъ также въ Вятку образъ Св. Бориса и Глѣба, въ воспоминаніе счастливаго приступа къ городку Болванскому.

Далѣе въ лѣтописи: „они же (Вятчане) въ отмщеніе укоризны ихъ рекоша, что будто имъ изъ Новаграда на Вятку „бѣжавшимъ, сжившимся съ женами Новгородцевъ, и дѣтей „прижившимъ, а имъ Новгородцемъ будто бывшимъ на войнѣ „семь лѣтъ, посланнымъ изъ Великаго Новаграда. И сего во многихъ древнихъ Лѣтописцахъ нигдѣ же обрѣтается; написаша то Вятчане во отмщеніе укоризны Новгородцевъ, понеже „изъ Новагорода отлучишася съ согласія ихъ.“ См. сей Исторіи Т. I, примѣч. 458.

Маловажные случаи послѣднихъ лѣтъ Андреева княженія суть слѣдующіе: Въ 1171 году родился сынъ Василій у Мстислава Андреевича. Въ 1172 заложили церковь Св. Іакова въ Неревскомъ Концѣ

въ Новѣгородѣ: тамъ же Архіепископъ Іоаннъ, въ 1173 году Окт. 14., свяшилъ церковь Св. Бориса и Глѣба въ городѣ, а другую каменную, Св. Георгія, на воротахъ. Въ 1174, Генв. 11, скончался братъ Андреевъ, Святославъ Юрьевичь, о коемъ сказано въ лѣтописяхъ: „Бѣ избранникъ Божій. Отъ рождества и „до свершенья мужества бысть ему болѣсть зла, ся же болѣ„зни просяхуть на ся Св. Апостола и Св. Отци у Бога... Тѣло „мучится, а душа спасается: тако жь и тотъ воистинну Св. „Святославъ, избранный въ всѣхъ Князехъ: не да бо ему Богъ „княжити на земли, но да ему царство Небесное. Положено „бысть его тѣло въ церкви Св. Богородицѣ (въ) Суздали.“ Татищевъ говоритъ напротивъ, что сей Князь былъ *здоровъ* до совершеннаго возраста, и любилъ состязаться съ Учеными Греческими и Латинскими!— Въ томъ же году, Генваря 19, умеръ Князь Муромскій, Юрій Ярославичь, сынъ Ярослава Святославича, внука Великаго Ярослава, и погребенъ въ созданной имъ церкви *Христовой*. — *Никон. Лѣт.* говоритъ о двухъ нападеніяхъ Половцевъ на южную Россію и походѣ Новогородцевъ на Чудь, думаю, такъ же справедливо, какъ о смерти, въ 1171 году, Новогородскаго Посадника *Васки Буславича*, котораго никогда не бывало (см. *Новогородск. Лѣт.*)

Упомянемъ также о нѣкоторыхъ прибавленіяхъ Татищева. Въ лѣтописяхъ нѣтъ того, чтобы Андрей бралъ дань съ *Еми*; чтобы Суздальцы разбили двухъ Воеводъ Новогородскихъ; чтобы рать Андреева отступила отъ Новагорода за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ; чтобы Василько Ярополковичь выпросилъ себѣ Брестъ и Дрогичинъ; чтобы Романъ Мстиславичь *тайно* уѣхалъ изъ Новагорода; чтобы въ 1172 году поставили Леонтія, Спасскаго Игумена, въ Епископы Ростову; чтобы въ 1173 году Романъ Смоленскій ходилъ на Литву (см. примѣч. 108); чтобы Андрей взялъ къ себѣ Княгиню Галицкую Ольгу; чтобы Михаилъ былъ зять Черниговскаго Святослава; чтобы Князья Черниговскій и Сѣверскій

обманывали Андрея; чтобы брать Давидовъ назывался Игоремъ; чтобы Рюрикъ возвратился въ Новгородъ, а Черниговскій требовалъ *Городка* отъ Ярослава; чтобы Новогородцы вторично изгнали Рюрика; чтобы Андрей имѣлъ черные, кудрявые волосы, высокій лобъ, большіе глаза и проч.; чтобы Княгиня Андреева уѣхала отъ мужа въ Владиміръ, и послѣ съ убійцами въ Москву, и проч.

(34) См. *Росс. Библіот.* стр. 261. Въ подлинникѣ сказано: *пригородовъ*.

(35) „Слышаху Дѣдилца и Бориса, Рязанскою послу" (двухъ).

Князь Глѣбъ былъ сынъ Ростиславовъ и внукъ Ярослава Святославича, Рязанскаго и Муромскаго (см. Т. II, примѣч. 247).

Далѣе въ лѣтописи: „И сущю ту Михалку Гюргевичу съ „нима у Святослава Князя Черниговѣ, и рекоста Мстиславъ и „Ярополкъ: помози Богъ дружинѣ, оже не забываютъ „любве отца нашего. И здумавше рекоша: любо лихо, „любо добро всѣмъ намъ; пойдемъ вси 4 — Гюргевича „два и Ростиславича два." Отецъ сихъ послѣднихъ, сынъ Георгіевъ, былъ Князь Переяславскій (см. Т. II, примѣч. 344). Послы Суздальскіе говорятъ имъ: „отецъ „ваю добръ былъ, коли княжилъ у насъ:" Ростиславъ могъ княжить въ одномъ изъ городовъ Суздальской области прежде, нежели отправился въ южную Россію. — Мстиславъ и Ярополкъ были въ 1162 году изгнаны Андреемъ.

(36) Въ харатейныхъ: „не хотящихъ намъ добра завистью „граду сему и живущимъ въ немъ:" слѣдственно Авторъ лѣтописи былъ житель Владимірскій.

(37) „Постави бо преже градъ сь Великій Володимеръ" (въ *Никоновск.* блаженный) „и потомъ Князь Андрей." Здѣсь, думаю, названъ *Великимъ* не Владиміръ *Святославичъ*, а Мономахъ (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 238), коего также именовали *Великимъ* (см. *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 312). Говоря о Вла-

димірѣ Святомъ, Лѣтописцы обыкновенно прибавляютъ: *иже крести Русъскую землю* — чего тутъ не сказано. Впрочемъ быть можетъ, что жители Владимірскіе въ XIII вѣкѣ, желая придать городу своему большую знаменитость, уже называли строителемъ его не Владиміра Мономаха, а Владиміра Святаго.

Далѣе въ лѣтописи: „Въ Святѣй Богородицѣ весь порядъ по„ложше.“ — Далѣе: „роздаяла бяста (Ярополкъ и Мстиславъ) по „городомъ посадничьство Русьскымъ Дѣтьцкимъ.“ Мы уже замѣтили, что Русью называлась тогда преимущественно южная Россія.

(38) См. ниже, примѣч. 41. Въ харатейныхъ употреблено здѣсь двойственное грамматическое число, то есть, говорится вмѣстѣ о Ярополкѣ и Мстиславѣ, что *они* взяли ключи, церковное богатство, и проч. Въ другихъ спискахъ именованъ одинъ Ярополкъ.

Далѣе: „Послашася (Владимірцы) къ Ростовцемъ и Суж„дальцемъ, являюще имъ свою обиду; они же словомъ суще по „нихъ, а дѣломъ далече суще; а Боляре Князю тою держахуть„ся крѣпко“. — Ниже: „хотяще (Бояре) свою правду поставити, „не хотяху створити правды Божья, но како намъ любо, „рекоша, тако створимъ: Володимерь есть приго„родъ нашь.“ Здѣсь, вмѣсто древнѣйшаго имени Бояре, писано уже *Боляре*.

(39) Съ Владиміромъ Святославичемъ. Въ *Кіев. Лѣт.*: „Пойде Михалко и Всеволодъ, братъ его, изъ Чернѣгова. „Святославъ же пристави (къ нимъ) сына своего, Володимера, „съ полкомъ Маа въ 21 день. Вышедшю же Михалкови, поя его бо„лѣзнь на Свинѣ, и носяша его на носилици, токмо еле жива, „идоша съ нимъ до Кучкова, рекше до Москвы, и ту срѣ„тоша его Володимерци съ Андреевичемъ Юрьемъ: одни бо Во„лодимерци бяху ему добри. Сѣдшю ему обѣдати, пріиде ему „вѣсть, иже сыновець его, Ярополкъ, идеть нань; и поидоша изъ „Москвы къ Володимерю. Ярополкъ же уступи имъ на сторону. „Московляне же слышавше, иже идеть за не Ярополкъ, възвра-

„тишась въсять, блюдучи домовъ своихъ. Переѣха (Михаилъ) „рѣку Кулакшу (Колокшу), и быша на поли Бѣлеховѣ; ѣдучи же „Володимеру Святославичю напереди,“ и проч.

Далѣе: „Си же вѣсть приде ему (Мстиславу) отъ брата въ „Суботу, и яви дружинѣ. Заутра поѣха изъ Суждаля борзо, яко „же на заяцъ... Михалку не доѣхавше Володимеря за 5 верстъ, „срѣте и Мстиславъ.... Вси во броняхъ яко въ леду.“ т. е. онѣ блистали какъ ледъ. — Далѣе: „гоними (Суздальцы) гнѣвомъ „Божьимъ и Св. Богородици.“ Въ *Никонов.* сказано, что Мстиславъ не успѣлъ собрать всей дружины своей, и что она погнала на *груняхъ*, т. е. на рысяхъ.— Далѣе: „Михалко поѣха въ Володимерь съ честью и славою ве„ликою, дружинѣ его и Володимерцемъ ведущимъ предъ нимъ ко„лодникы... Выидоша противу со кресты Игумени и Попове и „вси людье.., Въѣха Іюня мѣсяца въ 15 день, а въ день Недѣльный“ (слѣдственно въ 1175 году: ибо тогда, а не въ 1176, было 15 Іюня Воскресеньемъ). Въ Кіев. Лѣт.: „И по„томъ посла Святославъ (Черниговскій) жены ихъ, Михалковую „и Всеволожую, приставя къ нимъ сына своего, Олг , и проводи „я до Москвы. Олегъ же възвратився въ свою волость Лопасну“ (гдѣ течетъ рѣка сего имени)... „и зая Свирѣлескъ“ (нынѣ село въ 60 верстахъ отъ Москвы, къ Серпухову): „бяше бо и то волость Чернѣговскаа“ (въ землѣ Вятичей). „Глѣбъ же (Рязанскій) увѣдавъ то, посла сыновца своего Гюр„гевича на Олга... Біахуся на Свирильску, и побѣди Олгъ тю„рина своего, а самъ одва утече.“ Слѣдственно Глѣбъ имѣлъ брата *Юрія*, о коемъ не упоминается въ Родослов. Книгахъ; а Олегъ былъ женатъ на дочери сего Юрія Ростиславича.

(40) Въ Новогород. Лѣт. стр. 41: „въ лѣто 6683 (въ „1175) выведоша изъ Новагорода Князя Гюргя Андреевица, а „Мьстиславъ сынъ свой (Святослава) посади Новѣгородѣ. Въ „томъ же лѣтѣ вниде самъ въ Новгородъ, бився съ стрьемъ „своимъ Михалкомъ.“

(41) „Иде Михалко на Глѣба къ Рязаню, и бывшю ему на „Мерской“ (теперь Нерской, рѣкѣ въ Московск. Губерн.) „усрѣтоша и послы Глѣбовы, рекуще: Глѣбъ ся кланяетъ: „азъ во всемъ виноватъ... Ворочю все до золотника.“

(42) См. въ *Росс. Библіот.* стр. 261, 262. Но въ печатн. многихъ словъ нѣтъ. Въ харатейныхъ спискахъ: „не разумѣша правды Божья исправити Ростовци „давніи, творящеся старѣйшіи; новіи же люде мѣзиніи Во„лодимерстіи уразумѣвше яшася по правду крѣпко,“ и проч. Слово *мѣзиніи* значитъ малѣйшіе; отъ него происходитъ имя *мизинца*, а не отъ *мизанія* или миганія, какъ думалъ Сочинитель *Церковн. Словаря.*— Въ лѣтописи сказано выше: „не убояшася (Владимірцы) „Князя два (двухъ) имуще въ власти (области) сей, и Болярь „ихъ прещенія ни вочто же положиша, за семь недѣль бе„зо Князя будуще.“

Михаила погребли въ Соборной Владим. церкви (см. ниже, примѣч. 46).

(43) См. *Степен. Книгу*, I, 285. Въ новѣйшей лѣтописи *о Зачалѣ Москвы* (Синод. Библ. No 92) сказано даже, что Михаилъ повѣсилъ виновную невѣстку свою на воротахъ и разстрѣлялъ; убійцъ же велѣлъ бросить въ озеро (см. ниже).

(44) Въ Кіев. Лѣт.: „Въ то же лѣто (1175) Олегъ Свя„тославичь послася съ тюриномъ своимъ и поведе я на брата „своего, Святослава, на Чернѣговъ, и пришедше Ростиславичи „и Ярославъ (Изяславичь Кіевскій) пожгоша Лутаву и Моро„війскъ и цѣловавше крестъ, възворотишась. Олегъ же съ бра„тома пріиде къ Стародубу, но города не взя, но что скота око„ло Стародуба всѣхъ селъ его заемъ, гна къ Новугороду. Свято„славъ же съ братомъ Ярославомъ иде на Олга къ Новугороду „и приступиша... и Олгъ наряди полкъ свой... и толко по стрѣ„лѣ стрѣливше, побѣгоша; самъ же утече Князь въ городъ, а „дружину его изоймаша, а острогъ пожгоша; а заутра выслася „съ миромъ, и умиривשася.... Тогда же пришелъ бяше Романъ „изъ Смоленска братьи своей въ помочь. Ярославъ же рече: при„вели есте брата своего, Романа, а даете ему Кыевъ — и пойде „изъ Кыева въ Луцескъ. Они же начаша слати по немъ, вабячи „его опять въ Кыевъ; онъ же не послуша. Романъ же сѣде въ „Кыевѣ. Пріидоша Половци“ (въ 1176, а не въ 1177 году) „на „Русьскую землю Русалное недѣли“ (передъ Троицею). „Сѣдящю „Романови въ Кыевѣ, посла брата своего, Рюрика, и сына свое-

„го. Половци же взяша 6 городовъ Берендичь“ (принадлежавшихъ Берендѣямъ) „и поидоша къ Ростовцю. Давыдъ же бяше „не притяглъ, и бывши распри межи братьею, и постиже (Давидъ) Рюрика и сыновца своя, Ярополка и Бориса (Романовичей), и постигоша Половци у Ростовца, и Половце оборотишась, побѣдиша полкы Рускіа, и много Бояръ изоимаша, а Князи вьбѣгоша въ Ростовецъ. То слышавше Олговичи, и Всеволодичь Святославъ обрадовашася. Въ то же лѣто Святославъ „поѣха къ Кыеву, молвяше же Романови: брате! я не ищю подъ „тобою ничего же; но рядъ нашъ такъ есть: еже ся Князь извинитъ“ (будетъ виновенъ) „то волость, а мужъ“ (Княжескій или Бояринъ) „въ голову. Давыдъ виноватъ,“ и проч. Далѣе: „Святославъ же посла брата своего Ярослава и Олга (сына „своего); они же, прешедше Днѣпръ, посланась къ Мьстиславу „Володимеричю, къ зяти своему, веля ему отступити отъ Ростиславичь. Мьстиславъ же обѣщася . . . и поидоша къ Треполю, и Мьстиславъ пойде къ воротомъ Воднымъ изъ города, утаився Ярополка (Романовича)... и отвори городъ; а Ярополкъ „пойде къ отцу. Пріѣхавъ же Святославъ съ полкы, ста у Витичева, и ту пріѣхаша къ нему Кыане, рекучи: уже Романъ „шелъ къ Бѣлугороду. Святославъ же вниде въ Кыевъ въ день „Св. Пророка Ильи; оттуду же посла братью свою къ Бѣлугороду, и не успѣвше ничтоже, възвратишась. Пріиде Мьстиславъ (Ростиславичь) съ полкомъ своимъ, и рекоша Ростиславичи: иже Богъ хочетъ, то завтра дадимъ полкъ (битву) „Святославу... Святославъ же побѣже черезъ Днѣпръ у устья „Лыбеди, и потопоша людіе мнози. Преже жъ того послалъ „бяше въ Половци... и пріѣхавше къ Торцьскому, много людій „поимаша. Ростиславичи же, не хотячи губити землѣ Рускоа,“ и проч.

Маловажныя происшествія сего времени: Въ 1175 году, въ исходѣ *Генваря* мѣсяца (число показано разно) во Вторникъ Мясопустныя недѣли, Ярополкъ Ростиславичь, тогда Князь Владимірскій, сочетался бракомъ въ Соборной церкви съ дочерью Всеслава (Васильковича), Князя *Витебскаго* (и Полоцкаго), привезенною къ нему изъ Смоленска. Витебскимъ Княземъ въ 1165 году былъ Давидъ Ости-

славичъ (см. Т. II, примѣч. 407). Вѣроятно, что онъ, переѣхавъ въ Вышегородъ, уступилъ Витебскъ Всеславу. — Въ 1175 же году: „Загорѣся (въ Новѣгородѣ) „пожаръ отъ Дейгуницъ и сгорѣша церкви 3, Св. Михаила „и Св. Якова и Св. Взнесенія. Въ то же лѣто преставися По„садникъ Иванко Захаріиницъ, и даша Жирославу опять — и „выгнаша Жирослава изъ Посадницства, и даша Завиду Нере„виницю. — Въ лѣто 6684 (1176) иде Вълхово (Волховъ) опять „на взводье по 5 дній" (т. е. весною шелъ вверхъ). „Той же вес„нѣ женися Князь Мстиславъ Ростиславичь Новѣгородѣ, и поя „у Якуна дчерь у Мирославиця." И такъ жена его, плѣненная Владимірцами (см. выше) скоро умерла. Въ лѣтописи сказано: „Ростиславлюю, матерь ихъ (Мсти„слава и Ярополка) съ снохама" (съ двумя, а не одною, какъ у Татищ.) „пр̇яша Володимерци." Въ томъ же году Новогородецъ Михаль соорудилъ церковь Св. Михаила, а Моисей Доманѣжичь Св. Іоанна на Чудинцовой улицѣ. Родился у Игоря Сѣверскаго сынъ Олегъ-Павелъ, а въ 1177 году Святославъ-Андреянъ.

Татищевыхъ прибавленій не мало. Въ лѣтописяхъ нѣтъ того, чтобы старые Бояре Суздальскіе думали призвать Михаила на княженіе до возраста Андреева сына, Георгія (который былъ уже не младенцемъ, ибо еще при отцѣ ходилъ съ войскомъ къ Кіеву); чтобы народъ, боясь мести за убіеніе Андрея, единственно для того желалъ имѣть Князьями враговъ его, Ростиславичей; чтобы Святославъ Черниговскій вмѣшивался въ сіе дѣло и давалъ совѣты; чтобы Михаилъ за область Суздальскую уступилъ Ростиславичамъ Переяславль южный; чтобы убійцы Андреевы не давали сему Князю мириться съ племянниками, и чтобы онъ, будучи осажденъ въ Владимірѣ, пересылался со Мстиславомъ; чтобы племянники ругались надъ нимъ, когда онъ выѣзжалъ изъ города; чтобы Романъ Смоленскій *выгналъ* Ярослава изъ Кіева; чтобы Михаилъ въ битвѣ съ Ростиславичами велѣлъ щадить бѣгущихъ и только снимать съ нихъ одежду; чтобы его послы ѣздили

благодаритъ Святослава Черниговскаго за усердное вспоможенiе; чтобы Глѣбъ Рязанскiй возвратилъ ему и похищенный имъ мечь Св. Бориса; чтобы Михаилъ имѣлъ торжественный совѣтъ съ Боярами, желая знать ихъ мысли объ Андреевомъ убiйствѣ, судилъ виновную невѣстку (будто бы *Ясыню* родомъ), велѣлъ *утопить* ее въ озерѣ (названномъ отъ того *поганымъ*), *отрубилъ* убiйцамъ головы и роздалъ ихъ имѣнiе обиженнымъ, вдовамъ и сиротамъ; чтобы Михаилъ часто ѣздилъ по городамъ, и никогда не запиралъ дверей во дворцѣ своемъ; чтобы сей Великiй Князь былъ малъ, сухъ, имѣлъ длинную бороду, кудрявые волосы, кривой носъ, говорилъ языкомъ *Латинскимъ* и Греческимъ, и никогда не хотѣлъ спорить о Вѣрѣ. Несправедливо думая, что Мстиславъ Ростиславичь, прiѣхавшiй къ Новогородцамъ въ 1175 году (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 41), былъ Князя Романа Смоленскаго и Давида Вышегородскаго братъ, Татищевъ вымыслилъ, что сей Мстиславъ *ходилъ изъ Новагорода* помогать Роману противъ Святослава Черниговскаго.

(45) См. *Рос. Библiот.* 255. Здѣсь Переславль Залѣсскiй, въ коемъ господствовалъ тогда Всеволодъ, названъ въ лѣтописяхъ городомъ на *Клещинѣ озерѣ*: „градъ Переславль, иже на Клещинѣ озерѣ“ (*Никоновск. II*, 229).

(46) Сынъ Мстислава, оставленный имъ въ Новѣгородѣ, назывался Святославомъ. Въ харатейныхъ: „Приведоша Ростовци и Боляре Мстислава изъ Новагорода, рекуще: пойди, Княже, къ намъ: Михалка Богъ поялъ на Волзѣ на Городци... на живого Князя Михалка повели бяхуть его.“ Слѣдующее также ясно доказываетъ, что Ростовцы еще при жизни Михаила позвали Мстислава: ибо онъ чрезъ *семь* или *восемь* дней по кончинѣ Великаго Князя уже сражался со Всеволодомъ (см. *Рос. Библiот.* стр. 264). Надобно было гораздо болѣе времени для того, чтобы посламъ Ростовскимъ доѣхать до Новагорода, возвратиться со Мстиславомъ, собраться войску, и проч. Лѣто-

писецъ не сказываетъ, дѣйствительно ли въ Городцѣ (на берегу Волги въ Нижегор. Губ.) умеръ Великій Князь, или въ Владимірѣ.

Далѣе: „Совокупивъ Ростовци и Бояры, Гридьбу и Пасын-„ки и всю дружину." *Никон.* думалъ, что здѣсь говорится о пасынкахъ Мстислава! Чтобы отличить Боярскихъ Отроковъ или Дѣтскихъ отъ Княжескихъ чиновниковъ сего имени, назвали первыхъ *Пасынками*; ихъ же послѣ стали именовать *Дѣтьми Боярскими*. — Далѣе: „Всеволодъ поѣха противу ему съ „Володимерци и съ дружиною, и что бяше Бояръ осталося у „него, а по Переяславци посла Мстиславича Ярослава" (роднаго племянника своего). „Всеволоду же бывшю за Суждалемъ, узрѣша чудную матерь Божью Володимерскую и весь „градъ до основанія аки на воздусѣ стоящь... Князю позорующю „(смотрящю) и всему полку... Глаголаху: Княже! правъ еси: „поѣди противу." — Въ числѣ гордыхъ Бояръ Ростовскихъ Лѣтописецъ именуетъ Добрыню Долгаго и Матѣяшу Бутовича.

(47) „Доспѣвъ (Всеволодъ) у Липицы" (села). Татищевъ прибавилъ тутъ рѣку *Палицу*. — Сраженіе было въ Субботу. — Въ числѣ убитыхъ Ростовскихъ Бояръ находились Добрыня Долгій и Иванко Степановичь.

(48) Сыновца, а не сына, какъ написано въ *Новогород.* Сей Ярославъ, сынъ Мстислава Георгіевича, прозывался Краснымъ (см. *Новогор. Лѣт.* въ *Вивліоѳикѣ* стр. 314.)

(49) Олегъ и Владиміръ Святославичи. — Далѣе: „Всеволодъ поѣха противу Глѣбу, и бывшю ему за Переяславлемъ подъ Шерньскымъ лѣсомъ, пріѣхали къ нему Новгородци, Милонѣжкова чадь, и рекоша ему: не ходи безъ Новгородскыхъ сыновъ. Пойди нань одиноя" (за одно или вмѣстѣ) „съ нами." Всеволодъ, послушавъ ихъ, возвратился; но они не дали ему помощи.

(50) „Всеволодъ же нарядивъ полки на Масленой недѣли „пусти возы на ту сторону... Глѣбъ же наряди полкъ со Мсти-„славомъ на возы. Князь же Всеволодъ посла сыновца своего Во-

„лодимера съ Переяславци и нѣколико дружины противу Мсти-„славу. А Глѣбъ и Романъ, сынъ его, и Игорь и Ярополкъ (Глѣбо-„вичи) перешедъ Колакшю и пойдоша ко Всеволоду на Прускову „гору, и не дошедше до стрѣлища одиного (на перестрѣлъ), „побѣгнуше переди (прежде) Мстиславъ на сей сторонѣ рѣкы, „а Глѣбъ, постоявъ мало, видѣвъ Мстислава бѣжавша, побѣже," и проч.— Болшинъ несправедливо пишетъ, что то и другое войско стояло мѣсяцъ безъ дѣйствія за *крутостію* береговъ или за *толкостію* болотъ. Въ харатейныхъ лѣтописяхъ сказано: „не бѣ лзѣ перейти рѣ-„кы твердью," то есть, по льду; ибо онъ не былъ довольно твердъ.

Далѣе: „Изымаша и думци его (совѣтниковъ), и связа всѣ, „и Бориса Жидиславича и Олешина и Дѣдилца, а Половци избиша." Татищевъ пишетъ, что воины Всеволодовы взяли 20 живыхъ знаменитѣйшихъ Половцевъ. — Сей Князь возвратился въ Владиміръ въ Чистый Понедѣльникъ. Татищевъ для украшенія пишетъ, что радостные Владимірцы не позволяли никому оплакивать убитыхъ; что Вел. Князь угощалъ плѣнныхъ, и проч.

(51) Въ Кіев. Лѣт.: „Зять же Глѣбовъ, Мьстиславъ Ро-„стиславичь, згадавше послаша къ Святославу... присылаше же „ся къ нему и Глѣбовая, молящися о мужи и о сыну; и посла „Перфиріа Епископа и Ефрема Игумена Св. Богородици, и дръжа „я Всеволодъ двѣ лѣтѣ" (т. е. пословъ)... „Глѣбъ мертвъ бысть „Іюля 31." Жена Глѣбова скончалась (по *Кіев. Лѣт.*) въ 1179 году. — Въ харатейныхъ: „а по Ярополка посла „(Всеволодъ), глаголя Рязанцемъ: вы имете нашего ворога, или „иду къ вамъ. Рязанци же здумаша, рекуще: Князь нашъ и „братья наши погыбли въ чюжемъ Князи" (ради чужаго Князя), и проч. — О *Воронежѣ* упоминается здѣсь въ первый разъ.

(52) Въ Новогород. Лѣт.: „слѣпленъ бысть Мстиславъ „съ братомъ отъ стръя (дяди) своего Всеволода." Татищевъ говоритъ, что Всеволодъ приказалъ только *надрѣзать* кожу надъ глазами; что Глѣбъ отказался отъ города, предложеннаго ему Всеволодомъ, и *чрезъ два* года умеръ въ темницѣ; что Половцы нападали на

Рязанскую область; что Романъ Глѣбовичь побѣдилъ ихъ на Воронѣ, и проч.

Мстиславъ, прозваніемъ *Безокій* (см. *Новог. Лѣт.* въ *Продолж. Др. Вивліоѳики*, стр. 314) умеръ въ 1178 году, Апрѣля 20, и положенъ въ притворѣ Софійск. храма. Татищевъ ошибкою приписалъ сему Князю походъ въ Ливонію. Съ Чудью воевалъ Мстиславъ, но другой (см. ниже): Татищевъ не различилъ ихъ.

(53) „Яша Князя Мстиславича Ярослава, сыновця ему, а го„родъ пожже, а людье бяху выбѣгли, а жита пожгоша.“ Татищевъ говоритъ, что Ярополкъ ушелъ отъ Всеволода изъ Торжка. — Романъ Смоленскій послѣ *Чистой недѣли* (первой Вел. поста) пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ уже находился сынъ его, Борисъ или Мстиславъ (см. *Новогород. Лѣт.* въ *Продолж. древн. Вивліоѳики*, стр. 314.)

(54) Въ Кiев. Лѣт.: „Всегда на великаа дѣла тснялся... „Послушавъ братьи своей и мужей своихъ, пойде съ Бояры Нов„городьскыми, и се положи на умѣ своемъ: аще Богъ приведетъ „мя здорового въ дни сія, то не могу никакожь Рускіа земли за„быти.“ О прозваніи *Храбраго* (см. *Лѣт. Новогородск.* въ *Продолж. Рос. Древн. Вивліоѳ.* стр. 314).

Далѣе въ Новогород. Лѣт.: „Той же зимѣ приходиша вся „Чудьска земля къ Пльскову, и бишася съ ними, и убиша ти „Вячеслава и Микиту Захаріиниця и Станимира Иваниця и „инѣхъ, а Чуди множество избиша... На зиму (въ 1179 году) „иде Мстиславъ на Чудь на Очелу.“ Такъ называлось одно мѣсто въ Ливоніи (см. Арнт. Liefland. Chr. II). Татищевъ говоритъ здѣсь о рѣкѣ Трейдерѣ, о трекратной битвѣ, о Зимеголѣ, Кури, Тормѣ, Эрвѣ — о Тысячскомъ Самцѣ, и проч.

Въ Кiев. Лѣт.: „Идущю ему изъ Чюди, вниде въ Пльсковъ „и изойма Сотскіа про Бориса, сыновца своего, зане не хотяху „сыновца его Бориса, и тако утвердивъ и съ людми, иде къ Но„вугороду, и ту бѣ зиму всю, и на весну, сдумавъ съ мужи свои„ми, пойде на Полтескъ на зятя своего, на Всеслава: ходилъ бо „бѣ дѣдъ (прадѣдъ) его на Новьгородъ и взялъ Іерусалимъ цер-

„ковный (дароносицу), и съсуды церковныя, и погость одинъ за-
„велъ за Полтескъ... Услышавъ же то Романъ, братъ его, посла
„сынъ свой Мьстиславъ въ Полтескъ къ зятю своему въ помочь,
„а къ брату посла мужъ свой, река ему: обиды ти до него нѣ-
„ту; иже идеши нань, то прѣвое иди на мя.... Онъ же, не хотя
„вередити сердца брата своего старѣйшаго, възвратися... и ня
„его болѣзнь крѣпка... и отъимающи языкъ, и възрѣвъ на дру-
„жину свою и на Княгыню, и въздхнувъ изъ глубины сердца и
„прослезися, и поча имъ молвити: се приказываю дѣтя свое, Во-
„лодимера, Борисови Захарьичю; и съ симъ даю Рюрику и Дави-
„ду съ волостью на руци... и тако приказавъ дѣти своя братьи
„своей... преставися Іюня въ 13 день" (по Новогород. Лѣт.
14)... „Плакашеся по немъ вся земля Новьгородскаа, наипаче же
„лѣпши мужи... и тако помолвяху: уже не можемъ, господине,
„ѣхати съ тобою на иную землю поганыхъ... ты бо много мол-
„вяше, хотя на вся поганыя стороны. Добро намъ, господине, съ
„тобою умрети, сътворшему толику свободу Новьгородцемъ отъ
„поганыхъ, яко же и дѣдъ твой Всеволодъ" (развѣ Мсти-
славъ Великій? а Всеволодъ былъ ему *дядя*)... „Уже
„бо солнце наше зайде намъ.... Сь (сей) же благовѣрный К.
„Мьстиславъ възрастомъ середній бѣ и лицемъ лѣпъ и всею до-
„бродѣтелью украшенъ и благонравенъ, и любовь имѣаше къ
„всѣмъ, и милостини прилежаше, монастыри набдя... бѣ бо крѣ-
„покъ на рати; всегда бо тъсняшеся умрети за Рускую землю,
„и тако молвяше дружинѣ: братье! ничто же имѣйте въ умѣ
„своемъ; аще нынѣ умремъ за Христіаны, то очистимся грѣ-
„ховъ, и Богъ въмѣнить кровь нашю съ Мученикы... аще нынѣ
„умремъ, умремъ же всяко.... Бѣ налюбезнивъ на дружину, и не
„збираше злата, ни сребра, но дааше дружинѣ, ово же правяше
„души своей... Не бѣ бо тоа землѣ въ Руси, котораа же его не
„хотяше, ни любяше... Плакашеся по немъ вся Рускаа земля...
„и Черныи Клобуци вси не могуть забыти приголубленіа его."—
Татищевъ называетъ дѣда Всеславова Глѣбомъ и
пишетъ, что Мстиславъ хотѣлъ итти на Емь, *за
Волокъ*; что онъ былъ плѣшивъ, молчаливъ, и проч.

(55) „Того же лѣта (1175) Смолняне выгнаша отъ себе Ро-
„мановича Ярополка, а Ростиславича Мстислава" (не Ростисла-
ва Мстиславича) „введоша Смоленьску княжити." Въ то вре-
мя Романъ былъ въ Кіевѣ.

(56) Въ Кіев. Лѣт.: „Того же лѣта (1180) призва Всеволодъ „Гюргевичь Володимера Святославича къ собѣ къ Володимерю и „вда зань свою братаничну, Михалкову дъщерь, и иде Володи„меръ съ женою къ Чернѣгову къ отцу: ту бо живяше Свято„славъ, пришедъ изъ Кыева.“ Татищевъ называетъ Михайлову дочь *Пребраною*.

(57) „Въ Коломнѣ Святославича Глѣба я Всеволодъ и посла „въ Володимерь.“ *Никоновск. Лѣт.* говоритъ, что дружина Глѣбова была пьяна. Въ Кіев. Лѣт.: „позва его къ „собѣ (Всеволодъ Глѣба); Глѣбъ же не хотѣ ѣхати, но и волею „и неволею ѣха, зане бяше въ его рукахъ.“— Здѣсь говорится о Старой Рязани, на Окѣ, противъ Спаска.—Городъ Борисовъ или *Борисовъ-Глѣбовъ* уже не существуетъ.

(58) Въ Кіев. Лѣт.: „Преставися Олегъ Святославичь Генв. „въ 16 день (1180), и положенъ бысть у Св. Михаила. Игорь, „братъ его, сѣде въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, а Ярославъ Всево„лодичь въ Чернѣговѣ сѣде.“ Тамъ же: „отда Ярославъ (Черни„говскій) дъщерь свою за Володимера Глѣбовича къ Переяславлю „Ноября въ 8 день“ (1179). — Тамъ же: „Святославъ“ (услышавъ о плѣненіи сына) „распалився гнѣвомъ... и размысли въ умѣ „своемъ, река: я мьстился быхъ Всеволоду, но не лзѣ Ростисла„вичи, и ти ми въ всемъ пакостятъ въ Руской земли; а въ Во„лодимери племени кто ми ближній, тотъ добръ“ (т. е. кто ближе другихъ, тому и хорошо мстить). — Въ сей же лѣтописи о набѣгѣ Половцевъ въ 1179 г. сказано: „мѣс. Авг. пріидоша иноплеменницы, безбожный Кончакъ, злу „начальникъ... къ Переяславлю... овыхъ плѣниша, а иныа изби„ша, множайши же младенець... Святославу ниже Тръполя съжи„дающи Ростиславичь и Половець къ собѣ на миръ. . . и пригна „посолъ изъ Переяславля: воюютъ Половци.... Князи Рустіи пои„доша за Сулу и сташа близъ городища Лукомля. . . Половци „ятъся бѣгу.“ Далѣе (въ 1180 г.): „Ходяше Давыдъ Ростисл. по „Днѣпру въ лодіахъ, ловы дѣя, а Святославъ ходяше по Чернѣ„говской сторонѣ ловы дѣя.... и абіе устремився Святославъ, и „переѣха черезъ Днѣпръ, и помысли, яко Давыда иму, а Рюрика „выжену...... Святославъ же изойма дружину его (Давидову) и то„вары его... и ѣха къ Вышегороду, и грѣши помысла своего, и

„шу прележавъ ночь подъ Вышегородомъ; на утрій же день „поѣхаша къ нему, искавше Давыда и не обрѣтоша его ни на „которомъ пути. Онъ же (Святославъ) въспа и ѣха за Днѣпръ: „уже объявился есмь Ростиславичемъ, а не мощно ми быти въ „Кыевѣ; и пріѣхавшю ему къ Чернѣгову, и съзва вся сыны и „молодшую братью... и рекъ: гдѣ поѣдемъ? къ Смоленску ли, къ „Кыеву ли?... Рюрикъ же вьѣха въ Кыевъ въ день Недѣльный и „посла по братью свою по Ярославичи" (сыновей Ярослава Луцкаго., тогда умершаго) „и по Всеволода и по ины, и при„веде я къ собѣ, и Ярославля помочь, Галицкого Князя, съ Ту„доромъ съ Гелчичемъ, а Давыда посла къ Романови брату въ „помочь, и усрѣте и вѣсть на Сковышинѣ бору: брата ти Ро„мана Богъ понялъ. Онъ же плача поѣха борзо къ Смоленску, и „усрѣте его Епископъ Костянтинъ съ кресты... и вшедъ Да„выдъ въ церковь Св. Богородица и седе на столѣ дѣда своего „и отца... Положиша тѣло его (Романово) у Св. Богородици, и „плакашася по немъ вси Смолняне, поминающи добросрьдіе его „до собе; паче же и сынове его плакахусь; Княгыни же его без„престани плакашесь, предстоящи у гроба, сице въпіюще: „Царю мой кроткій!... многія досады пріа отъ Смолнянъ, и не „видѣ тя, господине, николижь противу ихъ злу никотораго „зла въздающи... Съ благовѣрн. К. Романъ възрастомъ бѣ вы„сокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ." Слѣдуетъ описаніе его добродѣтелей и построенной имъ церкви.

(59) Въ Кіев. Лѣт.: „Святославъ же съвокупився съ „братьею и съ Половци, и рече: се азъ старѣй Ярослава, а ты, „Игорю, старѣй Всеволода" (Святославича, его брата) „а нынѣ „я вамъ въ отца мѣсто, а велю тебѣ, Игорю, здѣ съ Яросла„вомъ блюсти Чернѣгова, а я пойду съ Всеволодомъ къ Сужда„лю.... Поя же съ собою Ярополка" (племянника Всеволодова, ослѣпленнаго въ Владимірѣ) „и Половци такожь раздѣли на двое... и сняся на пути съ сыномъ Володиме„ромъ.... И стояша (непріятели) обаполы рѣки Влены" (нынѣ Вели, на границѣ Владимірской и Москов. Губерніи) ... „бѣ бо рѣка та твердо текущи, бережиста. Суждалци „же стояху на горахъ и пропастехъ и ломохъ.... и посла „Всеволодъ Резанскіа Князи, и въгнаша въ товары Свято„славли... и вборзѣ доспѣша въ полку Святославли, и Всево„лодъ Святославичь вборзѣ пригналъ къ Рускымъ полкомъ съ

„своимъ полкомъ, и тако Резанскіа Князи утекоша... и туяша „Вора Мирославича" и проч. въ *Новог. Лѣт.* сказано, что Новогородцы убили 300 Суздальцевъ.

(60) Въ Кіев. Лѣт.: „Святославъ пусти брата своего (двоюроднаго) Всеволода и Олга, сына своего, и Ярополка въ „Русь .... Ярославъ съ Игоремъ поидоста къ Дрьютеску, поем- „ше съ собою Половци, а Всеволода, Игорева брата, оставиша „въ Чернѣговѣ и Олга Святославича. И пріидоша Полотскія Кня- „зи въ стрѣтеніе, помогающе Святославу, Васильковича Бряче- „славъ изъ Витебьска, братъ его Всеславъ съ Полочаны (съ „нимъ же бяху и Либь и Литва) Андрей Володшичь (внукъ „Васильковъ) и сыновецъ его Изяславъ, и Всеславъ Микуличь „изъ Логожска" (неизвѣстные; впрочемъ должны быть правнуками или праправнуками знаменитаго Всеслава Полоцкаго, дѣда Василькова) „и Василько Брячи- „славичь. Снемши же ся вси, поидоша мимо Дрьютескъ проти- „ву Святославу. И въѣха Давыдъ К. Смоленскый въ Дрьютескъ „съ всѣмъ полкомъ своимъ, съвокупися съ Глѣбомъ съ Рогьволоди- „чемъ, и пойде за Ярослава, и хотяше Ярославови и Игореви полкъ „(битву) дати до Святослава. Ярославъ же и Игорь не смѣста „дати полку Давыдови безъ Святослава, но идоша въ твердаа „мѣста, и стоаша меже себе недѣлю обаполы Дрьюти, и отъ „Давыдова полку перѣждеваху стрѣлци и копейници, и біаху- „ся съ ними крѣпко. По семъ же Святославъ пріѣха съ Новьгород- „ци, и ради быша братіа его, и перегатиша Дрьють, хотячи „ѣхати къ Давыдови. Давыдъ же заложися ночью и бѣжа къ „Смоленску. Святославъ же приступи къ Дрьютску и пожже „острогъ, и самъ пойде къ Рогачеву, изъ Рогачева по Днѣпру къ „Кыеву. Игорь же поемъ Половца Кончака и Кобяка, и дождася „Святослава противу Вышегороду. То слышавъ Рюрикъ, и ѣха „въ Бѣлгородъ, а Святославъ съ братома въ Кыевъ. Половци же „испросиша у Святосл. Игоря, ать ляжеть съ ними въ Подлобьску" (близъ озера Долобскаго или Дулѣбскаго)... „Рю- рикъ посла Мьстиславъ Володимерича" (внука Мстиславу Великому) „съ Черными Клобуки и Лазаря Воеводу съ мо- „лодыми своими, и Бориса Захаріинича съ Здѣславомъ съ „Жирославичемъ съ Мьстиславлимъ полкомъ изъ Треполя, Бо- „рисъ Захаріиничь съ Володимеровыми людми Княжича сво-

„его (сына Мстислава Храбраго)... Половци же лежаху безъ бо-„язни, надѣющеся на силу свою и на Игоревъ полкъ, и безъ сто-„рожи. Мьстиславъ же пріѣха къ нимъ, и Черн. Клобуци остере-„гоша я (осмотрѣли ихъ) и повѣдаша Мьстиславу... Черніи же „Клобуци пустиша конѣ къ товарамъ ихъ“ (послали къ не-пріятельскому стану или обозу). „Воеводы же Рускіа не ве-„ляше имъ... бѣ бо еще ночь. Они же облазнивше грѣшиша „товары ихъ“ (не попали въ ихъ станъ). „Крило же ихъ ма-„ло отлучившеся отъ дружины своея, угнаша въ товаръ ихъ. „Половци же, видѣвше загонци“ (загонщиковъ) „и яша нѣколи-„ко ихъ; не бѣ бо ту добрыхъ... и побѣгоша... и възмяли бяху „Русью, и вбѣгоша въ Мьстиславль... полкъ, и не може ихъ „удръжати Мьстиславъ... и самъ бѣже... Черныхъ Клобукъ „лѣпшіи мужи осталися бяше, Лазарь Воевода съ полкомъ „Рюриковымъ и Борисъ Захаріиничь... и Здѣславъ... поѣха-„ша противу Половцемъ... и потопташа я... Половци же „потопаша мнози въ Черторьи... Игорь же съ Кончакомъ вы-„скочивше въ лодью, бѣжа на Городець къ Чернѣгову. И то-„гда убиша Половецк. Князя Къзла Сътоновича и Елтута, Кон-„чакова брата, и два Кончаковича яша, и Тутура, и Бякобу, и „Кунячюка богатаго, и Чюгая, и своя отполониша... Рюрикъ „же ничто же горда учини, но пожити хотя въ братолюбіи... „и размысливъ съ мужи своими... бѣ бо Святославъ старѣй „лѣты... урядився съ нимъ, и съступи ему Кыева, а собѣ взя „всю Рускую землю“ (т. е. окрестную Днѣпровскую область)... „Рюрикъ же пожалова на Володимерича на Мьсти-„слава, река ему: ты пръвѣе Треполь предалъ Олговичемъ, а „нынѣ еси побѣглъ, Олговичемъ и Половцемъ добро чиня.“

(61) По харатейнымъ мѣсяцъ, по *Новгород. Лѣт.* 5 недѣль. — Татищевъ вымыслилъ, что Всеволодъ построилъ тогда крѣпость на Волгѣ, или *твердь*: ибо нашему Историку хотѣлось производить имя города *Твери* отъ *тверди*. Но выше упоминалось о рѣкѣ Тверцѣ или Тъхвери; имя рѣки старѣе города. Татищевъ пишетъ, что Ярополкъ скоро умеръ въ заточеніи; но о семъ Князѣ еще упоминается ниже (см. примѣч. 95).

(62) Названный Иваномъ въ *Никон.* лѣтописи. Онъ и Великій Князь Всеволодъ были женаты на

двухъ сестрахъ Ясыняхъ (см. *Рос. Библіот.* стр. 271, 272). По другому жъ извѣстію, первая супруга Всеволодова, Марія, была дочь Князя *Чешскаго* или Богемскаго, Шварна (см. лѣтопись въ Синодал. Библіот. No 349, л. 225 на об.) Тѣло ея лежитъ въ Владимірѣ, въ Успенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ въ придѣлѣ Благовѣщенія, въ олтарѣ, и въ надписи сія Княгиня именована Мареою *Шварновною.* Имя Мареы ей дано въ Монашествѣ. — Въ *Кіев. Лѣт.*: „Всеволодъ же Суждальскій пусти Глѣба Святославича изъ оковъ и „прія велику любовь съ Святославомъ, и сваштася съ нимъ, и „да за сына его меньшаго свѣсть (своячину) свою.... Въ лѣто 6690 „Святославъ Всеволодичь ожени два сына, за Глѣба поя Рюриковну, а за Мьстислава Ясыню изъ Володимеря Суждальскаго, „Всеволожю свѣсть; бысть же бракъ великъ.“

(63) Въ Кіев. Лѣт.: „Заратися Всеволодъ Суждальскый съ „Болгары, и присла къ Святославу, помочи прося, и пусти къ „нему сына, рекъ ему: дай Богъ, брате и сыну, въ дни наша „намъ сътворити брань на поганыя.“

Со Всеволодомъ ходили Глѣбовичи Романъ, Игорь, Всеволодъ, Владиміръ, Князья Рязанскіе и Муромскій Владиміръ *Юрьевичъ* (у коего былъ еще братъ Давидъ). — Татищевъ вымыслилъ причину сей войны, сказывая, что Болгары, искавъ управы на Русскихъ грабителей, опустошили Муромскія окрестности; что Всеволодъ *писалъ* о томъ къ Святославу, и проч.

Въ Кіев. Лѣт.: „Идущимъ имъ по Волзѣ, поидоша на мѣ„сто, идѣ островъ нарицаемый Исады и устіе Цѣвцѣ (Цывили, „гдѣ находится дѣйствительно не малой островъ)... и ту оставиша всѣ насады и галѣя... и поидоша на конехъ въ землю „Болгарскую къ Великому городу Серебряныхъ Болгаръ.“ Въ харатейныхъ: „и высѣдъ на берегъ, и ста (Всеволодъ) у Тух„чина городка... и приде Князь къ городу, и перешедъ Черемисанъ:“ вѣроятно, рѣку Малую Цывиль, прежде такъ называемую, а не *Черемшанъ* въ Симбирск. Губерніи. Можетъ быть, нынѣшній Цывильскъ основанъ на развалинахъ сего города Болгарскаго.

Далѣе въ лѣтописи: „Узрѣша наши сторожеве полкъ въ по„ли, и мняху Болгарскый, и пріѣхаша 5 мужь изъ полку того, и „удариша челомъ передъ Княземъ Всеволодомъ, и сказаша ему рѣ„чь: кланяются, Княже, Половци Емякове. Пришли есь„мы со Княземъ Болгарскымъ воевать Болгаръ.“ И такъ одинъ изъ Князей Болгарскихъ — можетъ быть, изгнанный — привелъ сихъ Половцевъ.

(64) Владиміра Глѣбовича, внука Юрьева. — Въ лѣтописи: „Изяславъ, возма копье, поиче къ плоту, гдѣ бя„ху пѣши вышли изъ города, твердь учинивше плотомъ. Онъ же „вгнавъ за плотъ къ воротомь городнымъ, изломи копье, и ту „удариша его стрѣлою сквозѣ бронѣ подъ сердце, и принесоша „илѣ (еле) жива въ товары“ (станъ).

Далѣе: „Бѣлозерскый полкъ отряди (Всеволодъ) къ лодьямъ „а Воеводство да Ѳомѣ Ласковичю.“ (Въ Кіев. Лѣт.: „остави „Ѳому Назаковичь, а другого Дорожаа: то бо бяше ему отень слу„га, и иныя Воеводы оставиша Князи къждо у своихъ лодей)... „Болгаре изъ города Собекуля и изъ Челмата пойдоша въ „лодьяхъ, а изъ Торцьскаго на коняхъ на лодьѣ наши; наши „же, Божьею помощью укрѣпляеми, пойдоша противу. Они же по„бѣгоша; а наши погнаша, сѣкуще поганыя Бохмиты (Маго„метанъ), и прибѣгше къ Волзѣ въ учаны (лодки), и ту абье о„провергоша учаны, и тако истопоша болѣ тысячи ихъ.“ Въ *Кіев. Лѣт.* упоминается здѣсь о Болгарахъ *Тимтюзяхъ*, и сказано, что ихъ всѣхъ собралось до пяти тысячь, а осталось живыхъ половина. Городъ *Торцскій* или *Торкъ* существовалъ по взятіи Казани, и былъ отданъ Государемъ Андрею Ильичу Квашнину (см. *челобитную Квашнина на Лобанова* въ Архивѣ Иностр. Коллегіи, въ Миллер. собраніи бумагъ No 84).

Изяславъ погребенъ у соборной церкви Владимірской. — Татищевъ, описывая возвращеніе конницы Всеволодовой, упоминаетъ о рѣкѣ Сурѣ и разореніи деревенъ Мордовскихъ.

(65) См. Хронику Стриковскаго кн. VIII, гл. 6; также Грубер. Liefland. Chronik. I, 67, 64. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 33) упоминается о смер-

ти Князя Изяслава Васильковича, убитаго Литвою около сего времени. Слова: „Двина болотомъ течетъ онымъ „грознымъ Полочаномъ (а не Половчанамъ) подъ кликомъ поганыхъ," изображаютъ ужасъ тогдашнихъ Литовскихъ набѣговъ на Кривскую землю.

(66) „На ту зиму (въ 1183 г.) битася Пльсковици съ Литвою, и много ся издѣя зла Пльсковицемъ..... Выведе Всеволодъ (въ 1184 году) своякъ свой изъ Новагорода: негодовахутъ „бо ему Новгородьци, зане много творяхутъ пакости волости „Новгородьской. И послашася Смольньску къ Давидови, „просяце сынаду него."

(67) Съ Мстиславомъ Романовичемъ и Изяславомъ Давидовичемъ. — Еще въ 1183 году были дѣла съ Половцами. Въ *Кіев. Лѣт.*: „Февр. въ 23 день, въ 1 не„дѣлю поста" (въ числѣ должна быть ошибка) „пріидоша Половци къ Дмитрову" (нынѣ селу въ Курск. Губ. въ Бѣлогор. уѣздѣ) „съ Кончакомъ и съ Глѣбомъ Тиріе„вичемъ... Святославъ же съ Рюрикомъ поидоша на Половци „и сташа у Олжичь, и усрѣте я Ярославъ, и рече: нынѣ не хо„дите... на лѣто пойдемъ... и възвратишась. Святославъ же „посла сыны своя полемъ къ Игорю, веля ему ѣхати собе въ „мѣсто, а Рюрикъ посла Володимера Глѣбовича. Володимеръ про„ся у Игоря ѣздити напередъ... Игорь же не да ему того. Во„лодимеръ же разгнѣвался и възвратися и оттолѣ иде на Сѣ„верск. города, и взя у нихъ многъ добытокъ. Игорь възворотя „Кіевск. полкъ, пристави къ нему Олга и сыновца своего, Свя„тослава, а самъ поимя брата Всеволода и Святославича Всево„лода, и Андреа съ Романомъ и нѣколико отъ Черн. Клоб. съ „Кулдюремъ и съ Кунтувдѣемъ, и пріидоша къ рѣцѣ къ Хиріи, „и бысть дождь рамянъ (силенъ) и умножишась вода... и По„ловци, которы утягли перейти вежами, ти избиша, а которы „не утягли, тѣхъ взяша... Веже и конѣ и скоти мнози потоп„ли суть въ Хоріи."

Князь Глѣбъ, о коемъ упоминаемъ здѣсь въ Исторіи, былъ сынъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, а Мстиславъ Всеволодковичъ внукъ Мономаховъ.— Далѣе: въ *Кіевск. Лѣт.*: „а своя братія „(Святославовы) не идоша, рекуще: далече намъ есть ити

„внизъ Днѣпра; но ежели поидеши на Переяславль, то съвокупим-
„ся съ тобою на Сулѣ. Святославъ же нелюбуя на свою братью...
„Старѣйшіи его сынове не утягоша отъ Чернѣговскіа стороны;
„идущю же ему по Днѣпру, и ста ту, идѣ же нарицается Инь-
„жирь бродъ, и ту перебродися на ратную сторону Днѣпра.“
Далѣе въ харатейныхъ: „ѣдяше (К. Владиміръ) напереду
„въ сторожехъ съ Переяславци, и Берендѣевъ было съ нимъ 2100:“
въ Кіевск. Лѣт. означено 2500, съ прибавленіемъ: „от-
„ряди (Святославъ) Володимера Переяславскаго и Глѣба и
„Мьстислава, сына своего, и Романовича Мьстислава и Глѣба
„Гюргевича, Князя Добровицкаго, и Мьстислава Володимирича“
(внука Мстиславу Великому). Далѣе въ харатейныхъ: „Кня-
„зи же Русьсти не утягли (не успѣли) бяху съ Володимеромъ.
„Половци же, узрѣвше полкъ Володимерь крѣпко идущь на нихъ,
„побѣгоша.“ Въ Кіев. Лѣт.: „Онѣмъ же ѣхавшимъ по нихъ, не
„постигши възворотишась Русь и сташа на мѣстѣ нарицаемомъ
„Ерель, его же Русь зовѣть Уголъ. Полов. Кн. Кобякъ мнѣлъ
„только Руси и възвратися... Узрѣша я полци Рустіи, начашась
„стрѣляти о рѣку... Святославъ и Рюрикъ пустиста имъ бол-
„шіа полкы на помочь, а сами поидоста за ними.“ — Далѣе: „Кня-
„зи однѣхъ было Половецьскыхъ 417. Кобяка руками яша, Осу-
„лука, Барака, Тарга, Данила, Башкорда, Тарсука, Изу, Глѣ-
„ба Тирьевича, Ексна (Икона), Алака и Тольгыя, Давидича те-
„стя“ (котораго нибудь изъ сыновей Давида Ростиславича) „съ
„сыномъ, Тѣтія съ сыномъ, Кобякова тестя, Турундая. И помо-
„же Богъ Володимеру мѣс. Іюля въ 30 день, въ Понедѣльникъ, въ
„память Св. Ивана Воиника.“ Сія битва описана въ ха-
ратейныхъ подъ годомъ 6693, а въ *Кіев. Лѣт.* 6691,
но была дѣйствительно въ 6692, за годъ до солнеч-
наго затмѣнія, случившагося 1 Маія 1185 (см. Астр-
оном. таблицы въ l' Art de verif. les dates), въ
Среду. 30 Іюля приходилось въ Понедѣльникъ также
въ 1184, а не 1185 году. Далѣе: „и рече Володимерь: сь
„день, иже створи Господь: взрадуемся и взвеселимся
„вонь.“ То же говорилъ Владиміръ Мономахъ, въ свое
время разбивъ Половцевъ. Въ *Кіев. Лѣт.* между име-
нами плѣненныхъ Князей Половецкихъ находятся
еще слѣдующія: „Яша Кобяка Карлыевича съ двѣма сынома,

„Билюковича и Зая, Товлыа съ сыномъ и брата его Токмиша, „Съдвака Кулобичского, и Кюрязя Колотановича убица.“ — Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* сказано, что иностранцы, бывшіе въ Кіевѣ, славили побѣду Святославову: „Нѣмци и Венедици, Греци и Морава.“ — Выше упомянутое солнечное затмѣніе описано въ нашихъ лѣтописяхъ слѣдующимъ образомъ: „Мая въ 1 день, на память Святаго „Пророка Іеремія, въ Середу на вечерни, бысть знаменье въ солн„ци и морочно (мрачно) велми, яко и звѣзды видѣти человѣ„комъ, въ очью яко зелено бяше, и въ солнци учинися яко мѣсяць: „изъ рогъ его яко угль жаровъ исхожаше.“

(68) Въ Кіев. Лѣт.: „Пошелъ бяше треклятый Кончакъ на „Русь похопься, яко плѣнити хотя грады Рускыа и пожещи ог„немъ: бяше бо обрѣлъ мужа таковаго Бесурменина, иже „стрѣляше живымъ огнемъ.“ (См. сей Исторіи Т. V, примѣч. 136). „Бяху же у него и луци тузи самострѣлніи; „одва 50 мужь можаша напрящи.... И ста на Хоролѣ. По„слалъ же бяше съ лестію къ Ярославу Всеволодичю, ми„ра прося. Ярославъ же, не вѣдый лести ихъ, посла къ нимъ „мужь свой, Ольстина Олексича. Святославъ же слаше къ Яро„славу река: брате! не ими вѣры... и съ всѣми полками не стря„па пойде (съ Рюрикомъ) противу имъ... Отрядиста Вълодимера „(Переяславскаго) въ наворопъ (изгонъ) и Мьстислава Романови„ча, а сами поидоста назадѣ... Усрѣтоша и гости, и повѣдаша, „яко Половци стоять на Хоролѣ... Вълодимеръ же и Мьстиславъ „пріидоша къ мѣсту тому... и не видѣша никого же; шли бо бя„ху на ино мѣсто възлѣ Хороль... Наворопници же (изгонщики, „передовые) перешедше Хороль, възыдоша на шоломя (возвы„шеніе), глядая, гдѣ узрѣти я. Кончакъ стоялъ въ лузѣ, его же „ѣдучи посолъ (Ярославовъ) мине. Иныа же въ гапы (гати) узрѣв„ше удариша на нихъ. Кончакъ же утече черезъ дорогу, и мен„шицю его“ (или *меньшую дочь*, или *младшую жену*, какъ изъясняетъ Татищевъ: *меньшакомъ* называется у насъ и теперь *меньшій сынъ*) „яша „и онаго Бесурменина яша... прочая же вся избиша... Господь „дасть побѣду Княземъ мѣс. Марта въ 1 день“ (1185). О семъ Ханѣ Кончакѣ въ *Волынск. Лѣт.* стр. 622 сказано слѣдующее: „Изгнавшю Володимеру Мономаху Отрока въ Обе„зы (Абазу) за Желѣзныя врата (Дербентъ), Сърчановижь остав-

„шю у Дону рыбою ожившим. Тогда и Волод. Моном. пилъ золо-
„тымъ шеломомъ Донъ, пріемши землю ихъ всю. По смерти же
„Володимери оставшю у Сърчана единому родцу же Ореви, и по-
„сла и въ Обезы, река: Вълодимеръ умерлъ есть; а върошися, бра-
„те, въ землю свою. Молви же ему моя словеса, пой же ему пѣ-
„сни Половецкіа. Аже ити не въсхощешь, дай ему поухати (по-
„нюхать) зелія, именемъ Емшанъ. Оному же не въсхотѣвшю...
„и дасть ему зеліе. Оному же обухавшю и въсплакавшю, рече:
„да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нежли на чюжей
„славну быти—и пріиде въ свою землю. Отъ него родившюся
„Кончаку, иже снесе Сулу пѣшъ ходя, котелъ нося на плечу."—
Далѣе въ лѣтописи: „угадавше Кончака бѣжавша, послаша по немъ
„Кунтувдыя (Князя Торковъ) въ 6000.... самаго не обрѣте:
„бяше бо таластопа (ростополь) за Хороломъ.... Князь же
„Ярославъ Черниговскій не шолъ бяше съ братомъ Святосла-
„вомъ, молвяше: азъ есмь послалъ къ нимъ мужа своего Ольсти-
„на.... Тѣмъ же отречеся. Игорь же молвяше Святославлю му-
„жеви: не дай Богъ на поганыя ѣзда ся отрещи!.. Гада Игорь
„съ дружиною, куда бы могъ переѣхати полкы Святославлѣ; и
„рекоша ему дружина: Княже! птахомъ (птицею) не можешь
„перелетѣти. Се пріѣхалъ къ тобѣ мужъ отъ Святослава въ
„Четвертокъ, а самъ иде въ Недѣлю изъ Кыева: то како мо-
„жеши постигнути?... Хотя же (Игорь) ѣхати полемъ перекъ
„възлѣ Сулу, и бяше серенъ (настъ) великъ, яко же вои мо-
„жаху видячи перейти днемъ до вечера.... Тоя же весны Свя-
„тославъ посла Нездимоловича съ Берендичи на Половци... и
„взяша вежи, много полона и коней Апр. въ 21, на самый Ве-
„ликъ день. Тогда же Святославъ иде въ Вятичи къ Къ̀рачеву
„орудій дѣля своихъ."— Еще въ 1184 году, когда Свя-
тославъ и Рюрикъ ходили на Половцевъ, Игорь же-
лалъ участвовать въ ихъ успѣхахъ. „Призва къ собѣ
„брата своего, Всеволода, и сыновца Святослава (Ольговича) и
„дѣтя свое Володимера, молвяше: Половци оборотилися проти-
„ву Рускымъ Княземъ, и мы безъ нихъ кушаемыся (покусим-
„ся) на вежа ихъ ударити. Да якъ быстъ за Меръломъ, и
„срѣтеся съ Половци: поѣхалъ бо бяше Обовлыко Стуковичь въ
„четырехъ стѣхъ воевать къ Руси... Половци же побѣгоша...
„и Русь погнаша я."

(69) Святославъ Ольговичъ Рыльскій. Всеволодъ Святославичъ господствовалъ и въ Курскѣ. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* говоритъ онъ: „*а мои Куряне*," и проч. Съ Игоремъ былъ сынъ Владиміръ, княжившій въ Путивлѣ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ упоминается здѣсь о *двухъ* сыновьяхъ Игоревыхъ.

Въ Кіев. Лѣт.: „У Ярослава испроси помочь, Ольстина „Олексича, Прохорова внука, съ Ковуи Чернѣговскими." Что сіи Ковуи были не Русскіе, доказывается слѣдующимъ мѣстомъ той же лѣтописи: „нашихъ Руси съ „15 мужъ утекло, а Ковуевъ мнѣе." Торки и Берендѣи назывались часто особенными именами своихъ начальниковъ.— Князья Сѣверскіе говорили: „мы есмы „ци (развѣ) не Князи же? такъ же собѣ хвалы добудемъ." — Въ Кіев. Лѣт.: „И тако идяху тихо, събираючи дружину свою; „бяху бо и кони у нихъ велми тучни. Идущимъ же имъ до Дон„цю рѣцѣ, въ годъ вечерній, Игорь же възрѣ на небо и видѣ „солнце стояще яко мѣсяць, и рече Бояромъ: видите ли?.. „Они же поникоша главами, и рекоша: се есть не на добро. „Игорь же рече: братіе и дружино! тайны Божія никто же не „вѣсть, а знаменію Творецъ Богъ и всему міру своему; а намъ что „сътворитъ Богъ, или добро, или наше зло, а то намъ видѣти—и „то рекъ перебреде Донецъ, и приде къ Осколу, и жда 2 дни „брата... и поидоша къ Салници. Ту стороже пріѣхаша, иже „послали языка ловить, и рекоша: видѣхомся съ ратными (не„пріятелями) нашими: съ доспѣхомъ ѣздять; да или поѣдете „борзо, или възворотимся домовъ... Ѣхаша чрезъ ночь. За утра же „Пятку наставшу, въ обѣднее время усрѣтоша полкы Поло„вецкые... вежи отпустили за ся, а сами стояху на оной сто„ронѣ рѣки Сюурліа. И изрядиша (Русскіе) полковъ 6: Иго„ревъ полкъ середѣ, а по праву Всеволожь, а по лѣву Свято„славль, напередъ сынъ Володимеръ, и другый полкъ Ярославль, „а третій напередѣ же стрѣлци, иже бяху отъ всѣхъ Князей „выведени... и рече Игорь: братіа! сего есмы искали, а потяг„немъ... и яко быша къ рѣцѣ къ Сюурлію, и выѣхаша изъ По„ловецкыхъ полковъ стрѣлци, и пустивши по стрѣлѣ, и поско„чиша.... Русь же бяху не переѣхали еще рѣкы. Поскочивша же

„и тѣ Половци, которіи далеко рѣки стоаху. Святославъ же „Ольговичь и Володимеръ и Ольстинъ и стрѣлци потькоша по „нихъ; а Игорь и Всеволодъ помалу идястя, не распустяца пол„ку своего... Половци же пробѣгоша вежи; а Русь же дошедше „вежъ и ополонишась."

(70) Въ 1111 году. Въ Кiев. Лѣт.: „и оттуда поидоша къ „Салници," рѣкѣ Салу, впадающему въ Донъ (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 204) — Россіяне, надменные успѣхомъ, говорятъ: „Пойдемъ за Донъ; оже ны будетъ ту „побѣда, идемъ по нихъ къ луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди „наши.... И стояша на вежахъ 3 дни веселящеся." Такъ въ харатейныхъ. Въ Кiев. Лѣт. иначе: „Рече Игорь къ братомъ и къ „мужемъ своимъ: Половци... всѣ сутъ съвокупили: нынѣ поѣдемъ „(назадъ) черезъ ночь; а кто пойдетъ заутра по насъ... лучшіи „конѣци переберутся, а съ самѣми како намъ Богъ дастъ." Но племянникъ, Святославъ Ольговичь, хотѣлъ отдыха, говоря, что лошади и всадники его устали. Всеволодъ такъ же мыслилъ. Игорь сказалъ, что онъ не боится смерти — и согласился ночевать. Въ Субботу на разсвѣтѣ окружили ихъ Половци. „Рече „Игорь: се вѣдаючи събрахомъ на ся землю всю: и Кончака, и Ко„зобурновича, и Токсобича, и Кулобича, и Этебича, и Тързтроби„ча — и тако угадавше, вси съсѣдоша съ коней, хотяху бо бію„щеся дойти рѣкы Донца; молвяху бо: иже побѣгнемъ, утечемъ „сами, а чръныа люди оставимъ... умремъ или живи будемь вси „на единомъ мѣстѣ... и поидоша біючися... Уязвиша Игоря въ ру„ку и умрътвиша шюйцю его... и Воеводу имяху: тотъ напе„редъ уязвленъ бысть... и тако бишась до вечера... Бысть же „свитающей Недѣли, възмятошась Коуеве, побѣгоша. Игорь же „бяше на конѣ, зане раненъ... и хотя възворотити ихъ... съимя „шоломъ... того дѣля, что быша познали Князя, възворотилися „быша... Токмо Михалко Гюргевичь възворотись: не бяху бо доб„ри и смялися Ковуи, но мало отъ простыхъ, или кто отъ От„рокъ Боярскихъ: добріи бо вси біахуся, идущи пѣши, и посреди „ихъ Всеволодъ... и ту яша (Игоря въ плѣнъ) на единъ пере„стрѣлъ одаль полку своего... Игорь же видѣ брата крѣпко борю„щися, и проси души своей смерти, яко дабы не видѣлъ паденіа „брата... Біахуся идущи вкругъ при озерѣ... и тако въ день Во„скресенiа наведе на ны плачь и жаль на рѣцѣ Каялы. Рече бо

„дѣй (витязь) Игорь: помянухъ азъ грѣхы своа, яко много убій„ство створихъ въ земли Христіанстѣй: взяхъ на щитъ городъ „Глѣбовъ у Переяславля... и се нынѣ вижу отместіе отъ Господа... почто азъ единъ повинный не пріахъ страсти?.. Розведени быша, и пойде кождо въ своя вежи. Игоря же бяху яли „Тарголовъ мужъ Чилбукъ, а Всеволода Романъ Кзичь, а Святосл. „Ольговича Елдючюкъ Вьвобурьчевичь, а Володимера Копти Улашевичь. Тогда же на полчищи Кончакъ поручися по сваша (будущаго) Игоря, зане бяше раненъ. Отъ толикихъ же людей „мало ихъ избысть... не бяше бо лзѣ утечи, зане яко стѣнами „силными, тако огорожени бяху полкы Половецкыми. Но нашихъ Руси съ 15 мужъ утекши, а Ковуевъ мнѣе, а прочіи въ „морѣ (Азовскомъ) истопоша.“ Обстоятельство, что Половцы 3 дни пускали только стрѣлы въ Россіянъ, находится въ харатейныхъ лѣтописяхъ. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* также сказано, что Игорь *три дни* сражался: „бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы.... на брезѣ быстрой Каялы... „Се бо Готскія красныя дѣвы вспѣша на брезѣ синяго моря, „звоня Рускымъ златомъ.“ Въ Тавридѣ, завоеванной Половцами, жили *Готѳы* (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 83). *Каяла* называется нынѣ *Кагальникъ*, впадающій въ Донъ. Россіяне отступали къ Донцу, не далеко оттуда соединяющемуся съ Дономъ. — Татищевъ украсилъ описаніе битвы нѣкоторыми подробностями. *Никон. Лѣт.* сказываетъ, что тутъ убили „дивнаго богатыря, Добрыню Судиславича.“

(71) Въ Кіев. Лѣт.: „Въ то же время Великій Князь „Святославъ шелъ бяше въ Корачевъ и събраше отъ Врьхнихъ „земль вой, хотя ити на Половци къ Донови на все лѣто... и „былъ у Новагорода Сѣверск. и слыша о братьи своей, иже шли „суть на Половци, и не любо бысть ему. Святославъ же идяше „въ лодіахъ, и яко пріиде къ Чернѣгову, въ тотъ годъ (въ то „время) прибѣже Бѣловълодъ Просовичь, и повѣда бывшее. Святославъ же вельми въздохнувъ, утеръ слезы свои, и рече: о „любимая братіа и сынове и мужи землѣ Руское! далъ ми бяше „Богъ притомити поганыа, но не въздрьжавше юности, отворища ворота на Рускую землю. Воля Господня да будетъ о

„моемъ. Да колько жаль ми на Игоря бяше, тако нынѣ жалую „болши по Игорѣ, братѣ моемъ. По семъ же посла сына своего „Олга и Вълодимера въ Посемье; възмятошась бо города Посем„скіе, и бысть скорбь и туга, яко николижъ... и метахуся яко „въ мутви... мнози отрекахуся душь своихъ, жалующе по Кня„зехъ... Посла Святославъ къ Давыдови къ Смоленску, река: рек„ли быхомъ лѣтовати на Донѣ... а поѣде, брате... Давыдъ же „Пріиде по Днѣпру... и ины помочи, и сташа у Треполя" (по другимъ лѣтописямъ у Канева) „а Ярославъ у Чернѣгова... И „бысть у нихъ (у Половцевъ) котора; молвяше бо Кончакъ: „пойдемъ на Кыевъ, гдѣ суть избита братія наша и Вел. Кн. „нашъ Бонякъ; а Кза молвяше: пойдемь на Семь, гдѣ ся оста„ли жены и дѣти... и раздѣлишась на двое. Кончакъ пойде къ „Переяславлю." Въ *Словѣ о полку Игеревѣ* такъ описывается гoресть Святославова: „Великій Святославъ „изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя, „Игорю и Всеволоде! рано (не во время) еста начала Половец„кую землю мечи (мечами) цвѣлити, а себѣ славы искати," и проч. *Цвѣлить* то же, что *квелить*, приводить въ слезы, огорчать. На Польскомъ Kwilic sie, на Богемскомъ Kwjljm, значитъ *выть* и *плакать*. Въ *Волынск. Лѣт.* (въ рукописн. стр. 727) сказано: „ати инаа дѣтій не *цвѣлить*," вмѣсто: „не оскор„бляетъ."

(72) Въ Кіев. Лѣт.: „Вълодимеръ же слаше къ Святосл., „и къ Рюрик. и къ Давыдови: помозѣте ми. Святославъ же сла„ше къ Давыдови... Смолняне же почаша Вѣче дѣяти, рекуще: мы „пошли до Кыева... намъ ли иноя рати искать?.. есмы изне„могли. Святославъ же съ Рюрикомъ влегоша въ Днѣпръ про„тиву Половцемъ, а Давыдъ възвратися. То слышавше Полов„ци, възвратишась отъ Переяславля; идуци же мимо, присту„пиша къ Римови (Ромену). Римовци же затворишась.. „и възлѣзше на заборала, и летѣста (упали) двѣ городници и „съ людми къ ратнымъ (непріятелямъ)... которіи гражане вы„идоша и біяхуся ходяще по Римскому болоту, тіи избѣжаша „плѣна; а кто ся осталъ въ городѣ, тіи взяти быша. Володи„меръ же слаше къ Святославу и къ Рюр. да быша ему помог„ли. Они же опоздишась, ожидающи Давыда. Половци жь пои„доша въ свояси. Князи възворотишась въ домы своя; бяху бо

„печальни... А друзіи Половци идоша къ Пушивлю, Кза въ си-„лахъ тяжкыхъ... пожгоша осшрогъ, села... и възврашишась.“— И здѣсь Ташищевъ прибавляетъ нѣкошорыя обсшояшельсшва. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* сказано: „се „*у Римъ* „(Ромена?) кричашь подъ саблями Половецкыми, а „Володимеръ (Переяславскій) подъ ранами“; ш. е. Половцы рубили жишелей Роменскихъ саблями, а раненный Владимiръ не могъ помочь имъ.

(73) Въ Кiев. Лѣш.: „Игорь же бяше въ Половцѣхъ... „Они же акы сшыдящися Воеводсшва его, не шворяху ему ни „чшо же, но присшавиша къ нему 15 сшорожевъ ошъ сыновъ „своихъ, а господичевъ 5... а своихъ слугъ 5 или 6 съ „нимъ ѣздяше... Сшорожеве же слушаху его... и Попа „бяше привелъ къ собѣ изъ Руси... шворяшеся (думая) „шамъ долго быши; но избави Господь за молишву Хрисшiан-„скую, имъ же мнози печаловахусь... Съ нимъ бо бяше Тысяц-„кого сынъ и Конюшiй его,“ и проч. Слуги Игоревы говорили ему, чшо Половцы, возврашившiеся ошъ Переяславля, намѣрены убишь ихъ всѣхъ и Князей. Далѣе: „Посла Игорь къ Лаврови Конюшаго, река: переѣди на „ону сшорону съ конемъ поводнымъ... Половци напилися бяше „к о м у з а... Конюшiй повѣда, яко ждешъ его Лаверъ. Сей же „въсшавъ ужасенъ и шрепешенъ, поклонися образу Божiю... и „въземъ на ся кресшъ и икону поднемъ съ сшѣны... Сшорожемъ „же играющимъ и веселящимся, а Князя шворяще спяща.... и „проидосша сквозѣ вежа. Се же сшвори Богъ въ Пяшокъ вече-„ра, и иде 11 денъ до города Д о н ц а, и ошшолѣ въ свой Новьго-„родъ, и обрадовашась ему. Изъ Новагорода иде къ Чернѣгову, „помощи прося на Посемье. Ярославъ же обѣща... Игорь же ѣха „къ Кыеву, и радъ бысшь ему Свяшославъ и Рюрикъ, свашъ его.“ Древнiй городъ Донецъ былъ не далеко ошъ впаденiя рѣки Харькова въ Уды (см. *Больш. Чертежъ*), и принадлежалъ или къ Курской или Переяславской обласши.— Ташищевъ пишешъ, чшо Половцы шребовали за Игоря 2000 гривенъ окупа, за другихъ Князей по 1000, за Воеводъ по 200; чшо Игорь бѣжалъ *самъ-пятъ* съ Лавромъ, и за 20 версшъ до Новагорода вывихнулъ себѣ ногу; чшо Княгиня съ

Вельможами встрѣтила его въ селѣ Св. Михаила; что онъ сдѣлалъ Лавра Бояриномъ и женилъ на дочери Тысяцкаго Рагуйла, и проч.

Далѣе въ Кiев. Лѣт.: „Прiиде (въ г. 1187) Володимеръ „изъ Половецъ съ Кончаковною, и створи свадбу Игорь сынови „своему, и вѣнчаша его и съ дѣтятемъ.“ Татищевъ пишетъ, что братъ Игоревъ, Всеволодъ, обѣщалъ прислать Половцамъ 200 гривенъ серебра или 200 ихъ плѣнниковъ. Сей Князь умеръ въ Маiѣ 1196 году. Въ *Кiев. Лѣт.*: „*Спрятавше тѣло его вся братiа въ Олго*„вичехъ племени съ великою честiю и съ плачемъ великымъ: „понеже бѣ въ Олговичехъ всѣхъ удалѣе, рожаемъ (дород„ствомъ) и възрастомъ, и всею добродѣтелiю и мужественною „доблестiю, и любовь имѣаше къ всѣмъ. Епископъ же Чернѣгов„скый и вси Игумени и Попове проводиша его до гроба, и поло„жиша его въ церкви Св. Богородица въ Чернѣговѣ.“

(74) Въ Кiев. Лѣт.: „Замыслилъ Святославъ съ Рюри„комъ (въ 1187 г.) на Половци, повѣдаху бо имъ Половци близъ „на Татянци, на Днѣпрьскомъ бродѣ, и ѣхаша безъ возъ. Во„лодимеръ же Глѣбовичь испросися ѣздити напередѣ съ Черн. „Клоб... Святославу же не любо бяше, но Рюрикъ и инiи улю„биша, зане бѣ дрьзокъ и крѣпокъ на рати... Изъ Черныхъ же „Клобукъ даша вѣсть сватомъ своимъ въ Половци... и бѣжаша „за Днѣпръ... и не лзѣ бѣ ѣхати по нихъ: сполнился бяше „Днѣпръ; бѣ бо весна... На томъ бо пути разболѣся Володи„меръ Глѣбовичь... и принесоша въ Переяславль на носилицахъ, „и преставися Апр. въ 18, и положенъ бысть въ церкви Св. „Михаила... И плакашась вси Переяславци: бѣ бо любя дру„жину, и злата не збираше, но даяше дружинѣ: бѣ бо вся„кыми добродѣтелми наплъненъ, о немъ же Украйна много „постона.“

„Въ то жь лѣто воева Кончакъ по Рши (Роси)... и часто „почаша воевати по Рши, и въ Чернѣговской волости — и на ту „осень бысть зима зла велми, такоя же въ нашю память не бы„вало николи же... Тое же зимы Святосл. и Рюрикъ и вси Кня„зи поидоша по Днѣпру: не лзѣ бо бяше инудѣ ити, бѣ бо снѣгъ „великъ — и доидоша до Снопорода, и ту изъимаша стороже По„ловецкiа, и повѣдаша вежа и стада у Голубаго лѣса. Ярославу „же не любо бысть далѣ пойти, и почаша молвити: дружина

„моя изнемоглася... Рюрикъ же рече: тобѣ было не лѣпо измя„сти нами, а вѣсть намъ права есть, аже вежи Полов. въ се за„полдне, а великого ѣзду нѣту; а, брате, кланяю ти ся: ты ме„не дѣля пойди до полудне, а азъ тебе дѣля ѣду 10 днев. Яро„славъ же не хотя, рече: полкъ мой пѣшъ... Святославъ же хо„тѣ ити съ Рюрикомъ, но не оста брата, и възвратишась въ „свояси.

„Тое же зимы (въ началѣ 1188 г.) Святосл. и Рюр. посла „Черн. Клоб. на вежа за Днѣпръ, и Романа Нездиловича Воево„дою, и взяша вежа за Днѣпромъ... Половци бо бяше шли въ Ду„най, и не бѣ ихъ дома.

„Того же лѣта (1190) Святославъ съ Рюрикомъ утѣшивша „землю Рускую и Половци примиривши въ волю свою, и зду„мавша идоста на ловы по Днѣпру въ лодіахъ на устіи Тясме„ни, и ту ловы дѣяша, и обловишась множествомъ звѣрей, и „тако наглумистась и въ любви пребыста и въ веселіи по вся „дни.... Тое же осени Святославъ ня Кунтувдѣя, Торцеского Кня„зя, по обадѣ (клеветѣ)... и Рюрикъ жалуа пронь, зане бѣ дръ„зокъ и надобенъ въ Руси. Святославъ же води его къ ротѣ и „пусти. Онъ же не стерпя сорома своего, иде въ Половци, къ „Тоглыеви, къ Половецкому Князю; Половци жь обрадовашась „ему и почаша съ нимъ думати, куды бы имъ въѣхати въ Ру„скую землю. Онъ же поча ихъ водити... Половци же, потоп„тавше (преступивъ) роту его дѣля, всѣдоша на конѣ и изъ„ѣхаша городъ Чюрнаевъ, и острогъ взяша, и дворъ зажгоша, „и остатокъ его (Чюрнаевъ) весь поимаша, и двѣ женѣ его „яша, и челяди много, и ѣхавше легоша по висемь (весямъ), и „ту перепочивше, ѣхаша къ Боровому, и слышавше Ростис„лава Рюриковича въ Торческомъ, и възвратишась къ вата„гамъ своимъ... и почаша часто воевати по Рши, съ Кунтувдѣ„емъ. Святославъ бо тое осени не бяше въ Кыевѣ: ѣхалъ бяше „за Днѣпръ съ братьею, онимаѕтась на думу; а Рюрикъ ѣха въ „Вручій, своихъ дѣля орудій... Рюрикъ посла къ Святославу, река „ему: се мы своа орудіа дѣевѣ, а Руск. землѣ не оставивѣ тщее „(пусту): азъ оставилъ сына съ полкомъ, а ты остави своего „сына. Онъ же имяся ему послати Глѣба сына, и не посла, за„не бяше ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давыдомъ и съ Смолен„скою землею; того дѣля и съ братіею совокупился бяше, како „бы ему ея не съступити. Рюрикъ же съслася съ сватомъ Все-

„володомъ (Вел. Княземъ), послаша къ Святославу, рекущи: ты, „брате, къ намъ крестъ цѣловалъ на Романовѣ ряду“ (чтобы оставить все, какъ было при Романѣ Смоленскомъ): „тако жъ „нашъ братъ Романъ сѣдѣлъ въ Кыевѣ: даже стоиши въ томъ „ряду, то ты намъ братъ; пакы ли поминаеши давныа тяжа, „которіи были при Ростиславѣ, то съступилъ еси ряду; мы ся „въ то не дамы; а се ти крестныа грамоты. Святославъ же „пріемъ грамоты, не въсхотѣвъ креста цѣловати, много прѣвся, „и молвилъ слузѣ, и отпустивъ ихъ, и опять възворотивъ, и „цѣлова крестъ на всей воли ихъ. — Тое же зимы лѣпшіи мужи „въ Черн. Клоб. пріѣхаша въ Торческый къ Ростиславу Рюрико„вичу, и рекоша: се Половци воюютъ насъ часто, а не вѣдаемъ, „Подунайци ли есмы что ли; а отецъ твой далече... Ко Свято„славу не слемъ; до насъ не добръ про Контувдѣя. Рюриковичь „улюби думу ихъ, и посла къ Ростиславу Володимеричю“ (внуку Мстислава Великаго) „река ему: брате! отци наша далече, а „инѣхъ старѣйшихъ нѣтъ; а мы будева за старѣйшаа, а поѣди „къ мнѣ... И съвокупившеся съ Черн. Клоб. и ѣхаша до Протол„чій“ (близъ пороговъ Днѣпровскихъ) „и заяша стада много „Полов. въ лузѣ Днѣпрьскомъ; а за Днѣпръ не лзѣ бѣ ѣхати, за„не бѣ въ крахъ“ (шелъ по немъ ледъ)... „и вежа въземше, ко„торы бяху осталися въ лузѣ, възвратишась. Половци же... „въбредше въ Днѣпръ и постигоша и на Ивлѣ въ 3 день; бяху „же въ полку Половецк. три Князи Колдичи, Кобанъ, Урусовича „оба и Бегбарсъ, а Кочаевичь 4: Ярополкъ же Томзаковичь съ „стороны пріѣха съ своимъ полкомъ. Ростиславъ видѣвъ ихъ мно„го, възрѣвъ на небо и поѣха къ нимъ, а стрѣлци своя молодыя „пусти къ нимъ... Половци же видѣвши стяги Ростиславли, по„скочиша; стрѣлци же и Черн. Клоб. ввертѣшась въ ня и яша „ихъ живыхъ боо... Черн. Клобуци яли Кн. Кобана, но блюдучи„ся Ростислава, не водя его въ полкъ, уладившеся съ ними о ис„купъ, и пустиша его... Ростиславъ же пріѣха въ Торцьскый съ „славою и честію, и вборзѣ ѣха къ отцу въ Вручій; отець бо его „бяше пошелъ на Литву, и бысть въ Пинску, у тещи своей „и у шюрьи своей; тогда бо бяше веселье (свадьба) Ярополче. И „бысть тепло и стече снѣгъ... и възвратишась во своаси. — Тое „зимы Половци ѣхаша Ростиславлею дорогою съ Якушемъ и „яша языкъ въ Воротцѣхъ, и слышаша, иже Святославъ „стоитъ у Кулдюрева, побѣгоша пометавше стяги и копіа. Свя-

,,пославъ же ѣха къ Кыеву, оставивъ сына, Глѣба, въ Каневѣ...
,,Половци же съ Кунтувдѣемъ ѣхаша къ товаромъ, и бысть
,,вѣсть Глѣбови, и заѣха ихъ въ товарова. Половци же, бѣжачи
,,отъ города, обломишась на Роси, и ту инѣхъ изоймоша, а иніи
,,истопоша, а Кундувдѣй утече.

,,Здумавъ Игорь (въ 1191 г.) съ братьею на Половци, и
,,шедъ ополонишась скотомъ; и опять на зиму ходиша Олговичи
,,же на Половци, Игорь съ братомъ Всеволодомъ, а Святославъ
,,пусти 3 сыны, Всеволода, Володимера, Мьстислава, а Ярославъ пусти сына Ростислава, а Олгъ Святославичь пусти сына Давыда, и ѣхаша до Оскола. Половцемъ же бысть вѣсть,
,,и пустиша вежа назадъ, а сами съвокупившеся ждуть ихъ.
,,Олговичи же не могущи ся съ ними бити, заложившеся нощію идоша прочь... Половци же не постигоша ихъ.

,,Святославъ (въ 1192 г.) съ Рюрикомъ и съ братіею стояша у Канева все лѣто, стерегучи земли Руск. — Тое же осени лѣпшіи мужи въ Черн. Клоб. почаша просити у Рюрика сына Ростислава на Половци: ѣхали бо бяху Половци на Дунай—
,,и посла Ростиславъ Рогъволода къ отцу, прося съ Черн.
,,Клоб., и не пусти его отецъ. Святославъ же съ Ростиславомъ
,,Володимеровичь." (внукомъ Мстислава Великаго) ,,идоста съ
,,Черн. Клоб. и доѣхаша добра (добычи). Черніи же Клобуци не
,,въсхотѣша ѣхати за Днѣпръ, бяху бо сватове имъ сѣдяще за
,,Днѣпромъ близъ.—Тое же зимы посла Рюрикъ по Контувдѣя въ
,,Половци. Половци же, поемше его, пріѣхаша къ Рюрикови. Рюрикъ же, одаривъ ихъ и водивъ къ ротѣ, отпусти, а Кунтувдѣя остави у себе и да ему городъ на Роси Дверенъ, Руское
,,землѣ дѣля.

,,Посла Святославъ (1193 г.) къ Рюрикови, река: се ты
,,снимался съ Половци съ Лукоморскыми, а нынѣ послемъ по вся
,,по Бурчевича, и посла Рюрикъ по Лукоморскіа, по Якуша и по
,,Итоглыа, а Святославъ по Бурчевичь, по Осулука и по Изая.
,,На осень Святосл. и Рюр. снястася въ Каневѣ, и посла Рюр.
,,сына своего Ростисл. противу Лукоморскымъ, и приведе Итоглыа и Якуша къ собѣ въ Каневъ, а Бурчевичи пріѣхаша по
,,оной сторонѣ Днѣпра противу Канева и не ѣхаша на ону сторону, но рекоша Святославу и Рюрику: ѣдите къ намъ. Князи
,,же рекоша: ни дѣди наши, ни отци наши не ѣздили противу
,,вамъ; аже вамъ годно, идете къ намъ. Бурчевичи же не хотя-

,,ша дати Билинча, и не ѣхаша: бяше бо у нихъ колодници Чер-
,,ныхъ Клобукъ—и ѣхаша прочь. А Лукоморскiи хотяху мира; но
,,Святославъ не улюби... и рече: не могу съ половиною ихъ ми-
,,ритися .. и розъѣхашась. Рюрикъ же посла къ Святосл. река
,,ему: се, брате, мира не улюбилъ... а подумаемъ о земли своей:
,,хочемъ ли учинити путь на зиму, яви намъ... пакы ли своея
,,землѣ постеречи, а такоже намъ повѣжь. Святославъ же рече:
,,не мощно, брате, пути учинити, зане жито не родилося бяше
,,нынѣ; абы своея землѣ устеречи. Рюрикъ же рече: брате и сва-
,,ту! аже ти пути нѣту, азъ ти ся повѣдаю, есть ми путь на
,,Литву, а сее зимы хочю подѣяти орудей своихъ. Святославъ
,,же нелюбiемъ рече: аже ты идешь изъ отчины своея, азъ пакы
,,иду за Днѣпръ своихъ дѣля орудiй, а въ Руск. землѣ кто насъ
,,останетъ? и тыми рѣчми измяте (воспрепятствовалъ) путь
,,Рюрикови.— Тое же зимы лѣпшiи мужи въ Черн. Клоб. почаша
,,Ростиславу Рюриковичу молвити: поѣди, Княже, съ нами на ве-
,,жи Полов. У отца быхомъ тобе просили, но отецъ твой хо-
,,четь на Литву... Рюриковичь же ѣха съ ними отъ Чернобы-
,,ля въ Торцьскый, не повѣдаася отцу... и съвокупився съ дружи-
,,ною въ 3 дни, посла же и въ Треполь по Мьстислава, по стрый-
,,чича своего" (сына Мстислава Храбраго) ,,...Онъ же съ Зде-
,,славомъ съ Жирославичемъ, съ мужемъ своимъ, постиже и за
,,Росью .. и ѣхаша изъѣздомъ, и быша на Ивли на рѣцѣ на По-
,,ловецкой" (думаю Ингулѣ) ,,и изоймаша сторожи Полов. и
,,въземше вѣсть, аже Половци днища далѣе лежать" (далѣе,
нежели за день пути находятся) ,,и вежа и стада по сей
,,сторонѣ Днѣпра по Руской... и ударита на расвѣтѣ на
,,нихъ, и ополонишась скотомъ и конми и челядью, и Княжи-
,,чевъ и добрыи мужи имаша... и възвратишась съ славою ве-
,,ликою... Половци же постигоша полкы Ростиславли, а не
,,смѣша наѣхати, но ѣхаша по нихъ и до Руси... Ростиславъ
,,же прiѣхалъ на Рожество, и оттолѣ вборзѣ къ отцу въ Вру-
,,чiй съ сайгаты (трофеями): отецъ бо его хотяше ити на
,,Литву. Святославъ же посла къ Рюрикови, река: се твой сынъ
,,зачалъ рать... а нынѣ пойди въ Русь; стережемъ своея зем-
,,ля. Рюрикъ же оставивъ путь свой и иде въ Русь съ всѣми
,,своими полки" (слѣдственно *Русью* называлась соб-
ственно область Кiевская: см. сей *Исторiи* Т. I,
примѣч. 296) — ,,а Ростиславъ испросися у отца къ стрые-

„ви своему къ Смоленску съ сайгаты къ Давыдови, и пріѣха съ „славою великою. Слышавъ же Всеволодъ (Вел. Князь), тесть „его, и позва и къ собѣ... и ѣха къ цтю своему съ сайгаты. „Тесть же его држа зиму у себе всю, и одаривъ, и съ „честію великою зятя своего и дъщерь свою отпусти въ свояси „.....Тое же зимы воеваша Половци по убережи, поимаша Тор-„кы. Святославъ бо и Рюрикъ много стоявше у Василева, сте-„регше землѣ своея, и ѣха Святосл. въ Корачевъ, а Рюрикъ „въ свою волость; и то слышавше Половци, воеваша по „убережи "

(75) До сего времени нигдѣ не упоминалось о Пронскѣ, который названъ здѣсь въ харат. *Прынскъ*.

(76) „Брань славна луче есть мира студна." Мы сократили описаніе сей войны. Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи, осажденные въ Пронскѣ, требовали помощи отъ Вел. Князя, который и прислалъ къ нимъ 300 человѣкъ Владимірской дружины, велѣвъ итти, въ слѣдъ за симъ отрядомъ, свояку своему Ярославу Владиміровичу и Князьямъ Муромскимъ, Владиміру и Давиду Юрьевичамъ. Узнавъ о томъ, старшіе Глѣбовичи сняли осаду. Рать Вел. Князя возвратилась отъ Коломны, и Всеволодъ Глѣбовичь, оставивъ Святослава въ Пронскѣ, самъ уѣхалъ въ Владиміръ: чѣмъ воспользовались большіе братья; снова осадивъ Пронскъ, отняли у жителей воду, и велѣли сказать Святославу: Не мори людей голодомъ; ты намъ братъ: сдай городъ, а мы тебя не съѣдимъ: только не приставай ко Всеволоду. Малодушный Святославъ, исполняя волю Бояръ, примирился съ братьями, и чтобы не утратить Княженія, выдалъ имъ связанную дружину Всеволодову, жену его и Владимірцевъ. Всеволодъ Глѣбовичь, пріѣхавъ въ Коломну, мстилъ Святославу разореніемъ области Пронской; а Великій Князь требовалъ отъ измѣнника, чтобы онъ возвратилъ ему Владимірцевъ, говоря: *Ты у мене выбилъ я челомъ. Аще ты ратенъ, си ратни же; аще ты миренъ, а си мирни же.* Глѣбовичи, слыша, что Всеволодъ Юрьевичь соби-

раетъ войско, объявили себя покорными, сказавъ: „ты отецъ, ты господинъ, ты братъ; мы переже „тобе (прежде тебя) главы свои сложимъ за тя. „Тобѣ ся кланяемъ, а муже твои пущаемъ." Великій Князь не хотѣлъ съ ними мириться. Въ 1187 году пріѣхалъ въ Владимиръ Епископъ Порфирій... „и стоя въ монастыри у Вознесенья на самый праздникъ Вознесенья Господня. Всеволодъ же бояся Бога, послуша его и своего Епископа, блаженнаго Луки, посла его въ Рязань съ миромъ, приставя къ нему свое мужи и Святославли и Ярославли „Всеволодичю Ольгову внуку" (въ двойствен. числѣ), „а ихъ мужи „вси пусти Рязанскые, ожи изъимани были. Онъ же, пришедъ „въ Рязань къ Игорю, утаився всѣхъ мужей и пословъ, инако „рѣчь изворочa, не яко Святитель, но яко перевѣтникъ... Всеволодъ же Гюрьевичь хотяше послати по немъ, и яти его, „но положи унованье на Бога."

(77) См. выше, примѣч. 16. Въ Кіев. Лѣт.: „Того же „лѣта (1187) преставися Галицкій Князь Ярославъ, мѣс. „Окт. въ 1 день, а во 2 день положенъ бысть въ церкви Св. „Богородица. Бѣже Князь мудръ и реченъ языкомъ, и чтенъ въ „земляхъ и славенъ полкы. Гдѣ бо бяше ему обида, самъ не „ходя съ полкы своими" (тутъ пропускъ до слова: воеводами — т. е. но посылалъ ихъ съ Воеводами)... „бѣ бо „ростроилъ (устроилъ) землю свою и милостыню силно „раздаваше, странныя любя... честь подавая отъ силныя своея, „и въ всемъ законѣ Божіи ходя, къ церковному чину самъ „призирая и строя добрѣ." Сочинитель Слова о полку Игоревѣ, обращаясь къ Ярославу, говоритъ: „Галичкы „Осмомысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ; подперъ горы Угорскыи (Карпатскія) своими желѣзными плъкы, заступивъ Королеви (Венгерскому) путь, „затвори къ Дунаю ворота, меча (кидая) бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кыеву врата; стрѣляеши съ отня злата „стола Салтани за землями."—Далѣе въ Кіев. Лѣт.: „и къ „преставленію своему въ болѣзни тяжцѣ познась худъ, и създва „мужи своя и всю Галицкую землю; позва же и съборы вся и

,,монастыри, и нищая, и силныя и худыя, и тако глаголаше ,,плачася къ всѣмъ... и тако плакашеся по 3 дни... и повелѣ ,,раздавати имѣніе свое монастыремъ и нищимъ... и дааше по ,,всему Галичю по 3 дни, и не могаше раздавати, и се мол- ,,вяше мужемъ своимъ: се азъ одиною худою своею головою ходя, ,,удръжалъ всю Галицкую землю; а се приказываю мѣсто свое ,,Олгови, сынови своему меншему... бяше бо Олегъ Настачичь" (сынъ Настасьинъ: см. выше, примѣч. 16) и бѣ ему милъ, а ,,Володимеръ не ходяше въ воли его... По смерти жь Яро- ,,славли бысть мятежъ великъ въ Галицкой земли... и мужи ,,Галицкые съ Володимеромъ, переступивше крестное цѣлова- ,,ніе, выгнаша Олга, и бѣжа Олегъ въ Вручій къ Рюрикови... ,,Княжащу Володимеру (въ 1188 г.) въ Галицкой земли, и бѣ бо ,,любезнивъ питію много, и думы не любяше съ мужи своими, ,,и поя у Попа жену и постави собѣ жену, и родися у неа 2 ,,сына. Романъ же (Мстиславичь) Володимерскій сватася съ ,,нимъ и даде дъщерь свою за сына его за старшаго, и се увѣ- ,,давъ Романъ, иже мужи Галицкіи не добрѣ живуть съ Княземъ ,,своимъ про его насиліе, зане гдѣ улюбивъ жену или чію дъчерь, ,,то поимаше насиліемъ. Романъ же сла безъ опаса къ му- ,,жемъ Галицкымъ, подтыкаа ихъ на Князя, да быша его вы- ,,гнали, а самого быша пріали...... Галичане же Романовну Ѳео- ,,дору отняша у Володимера" (когда онъ собрался уйти въ Вен- грію) ,,и послашась по Романа. Романъ же даде брату Всеволоду ,,Володимерь отнудь и крестъ къ нему цѣлова: болѣ ми того не ,,надобѣ Володимерь....Король же (Венгерскій) поемь Володимера ,,и съ всѣми своими полкы пойде къ Галичю, и слышавъ Романъ, ,,яко Король за горою уже, и бѣжа... поимавъ весь добытокъ ,,Володимерь, и бѣжа въ Володимерь съ Галичаны, и ту затво- ,,рися братъ отъ него... Романъ иде въ Ляхы, а жену пусти ,,въ Вручій и съ Галичанками на Пинескъ. Романови же не бы въ ,,Ляхохъ помочи, и иде къ Рюрикови къ тпю (тестю) своему ,,въ Бѣлгородъ и съ мужи тѣми, которіи же его ввели бяху въ ,,Галичь. Король въѣха въ Галичь, не посади въ немъ Володи- ,,мера, но да весь нарядъ Галичаномъ, и посади въ немъ сына ,,своего Андрея, а Влодимера поя съ собою въ Угры опять ну- ,,жею, отъима добытокъ и всади его на столпъ и съ женою. ,,Король же бѣ великъ грѣхъ створилъ, крестъ цѣловалъ къ Во- ,,лодимеру... Романъ же испросився у Рюрика на Галичь, река:

,,ведутъ мя Галичане къ собѣ на Княженіе, а пусти съ мною
,,сына своего, Ростислава. Рюрикъ же пусти сына и Славна Бо-
,,рисовича Воеводу. Романъ же впередъ вои посла къ Плѣсньску"
(нынѣ Плѣскову, на рѣкѣ Роскѣ) ,,да заѣдутъ Плѣснескъ пере-
,,ди. Они же затворишась. Угре же и Галичане заѣхаша и у
,,Плѣснска; инѣхъ изоймаша, а друзіи утекоша. Романъ же, то
,,слышавъ, пусти шюрина домовъ, а самъ ѣха въ Ляхы къ Ка-
,,зимиру; изъ Ляховъ же пріиде къ Володимерю, и не пусти его
,,братъ. Романъ же бяше пришелъ съ Ляхи на брата съ Меж-
,,комъ, уемъ (братомъ матери) своимъ... не успѣвъ ничто жь,
,,и идя къ Рюрикови. Рюрикъ же да ему Торцьскый, а на брата
,,его насла съ грозою. Всеволодъ же убоявся Рюрика и състу-
,,пися Романови Володимеря... и ѣха въ Белзъ. — Присла Король
,,(въ 1189 г.) къ Святославу, тако река: брате! пришли сына къ
,,мнѣ; чимъ ти ся обѣщалъ, то ти исполню, якъ ти есми крестъ
,,цѣловалъ. Святославъ же утаився Рюрика, уохотяся творяше,
,,яко же да дадять ему Галичь, и посла сына своего, Глѣба, къ
,,Королеви. Рюрикъ же, увѣдавъ то, наряди по немъ Святосла-
,,ва Володимерича" (внука Мстислава Великаго; но не описка
ли вмѣсто Ростислава?) ,,приставя къ нему мужь свой, а на
,,Святослава поча насылати, тако река: како еси послалъ къ
,,Королеви, а съ мною не спрошался? съступилъ еси ряду. И бывши
,,распрѣ мнозѣ. Но Богъ не далъ радости діаволу; снидошась
,,крестнымъ цѣлованіемъ. Святославъ бо тѣмъ пряшеся: брате
,,и свату! азъ сына послалъ ци (развѣ) на тя приводя Короля?
,,но азъ послалъ на свое орудіе. Аже хочешь ити на Галичь, да
,,се азъ съ тобою готовъ. Молвяше бо и Митрополитъ Свято-
,,славу и Рюрикови: се иноплеменницы отъяли отчину вашу, а
,,лѣпо вамъ было потрудитися... Поидоша къ Галичю Святосл.
,,съ сынми, а Рюрикъ съ братьею, и бывшимъ имъ по мѣсту
,,всѣмъ и рядившимся о волость Галицкую, Святославъ же дая-
,,ше Галичь Рюрикови, а собѣ хотяше всея Рускоа земля около
,,Кыева; Рюрикъ же не улюби лишитися отчины своея — и та-
,,ко възвратишась. Того же лѣта послашась Галичане къ Рос-
,,тиславу Берладничю.... и пріѣхавшю ему къ украйнѣ Галиц-
,,кой, и взя 2 города, и пойде къ Галичю по ихъ совѣту. Мужи
,,же Галицкыи не были вси въ единой мысли, но чіе были сыно-
,,ве и братья у Короля, то тіи дръжахуся крѣпко по Короле-
,,вичь. Въ тожь время прислалъ бяше Король полкы многы къ

„сынови, боясл Князей Рускыхъ. Слышавъ же Королевичь „и Воеводы Угорскыа, аже идетъ Ростиславъ по совѣту „Галицкыхъ мужей, Королевичь же поча ихъ водити къ кре„сту... Ростиславъ же приде въ малѣ дружинѣ къ полкомъ „Галицкымъ, мнѣвъ, яко отступятъ отъ Королевича. Бяше же „и въ его полку нѣколико мужей Галицкыхъ, и сіи же... отсту„пиша отъ него....... Полци же Галицкіи и Угре объемше и збо„доша его съ коня.... Галичане жь възмятошась, хотячи изъяти „его у Угоръ и пріяти собѣ на Княженіе. Угре же приложивше „зеліе смертное къ ранамъ, и съ того умре, и положиша его „въ монастыри въ церкви Св. Іоанна.... Скочи Володимеръ Яро„славичь изъ Угоръ, изъ вежи (башни) каменное: ту бо држжа„ше его Король и съ Попадьею съ двѣма дѣтятема; поставленъ „бо бѣ ему шатеръ на вежи; онъ же изрѣзавъ шатеръ, изви со„бѣ ужище и спустися оттуда доловъ отъ стороожей, иже бѣ„ста ему два въ пріязнь, яже и доведоста его землѣ Нѣмецкіа „къ Цареви Нѣмецкому. Царь же увѣдавъ, аже есть сестричичь „Великому Князю Всеволоду Суждалскому, и прія его съ любо„вію великою и съ честію, приставя къ нему мужъ свой, и по„сла его къ Казимиру въ Ляхы, веля ему доправити Галича по „своей воли: ялъ бо ся бяше давати Цареви по 2000 гривенъ сре„бра до года." (Ниже сказано въ лѣтописи, что сей Царь Нѣмецкій, т. е. Фридерикъ Барбаросса, въ томъ же 1190 году пошелъ биться *за гробъ Господенъ.*) ... „Казимиръ приставя мужъ свой къ нему, Миколаа, посла его „въ Галичь. Галицкіи же мужи срѣтоша его съ радостію... а „Королевича прогнаша... а Володимеръ сѣде на столѣ на Спа„совъ день (въ 1190 г.), и посла къ Всеволоду, къ уеви своему, „въ Суждаль, моляся..... Всеволодъ же посла къ всѣмъ Княземъ и „къ Королеви въ Ляхы, и води ихъ къ кресту на своемъ сест„ричичи не искати Галича николи же подъ нимъ... и оттолѣ „не бысть нань никогожь."

О семъ происшествіи говорятъ Польскіе Историки, Кадлубекъ и Богуфалъ, но отчасти несправедливо и вообще неясно. Кадлубекъ пишетъ, что Казимиръ, завоевавъ тогда Брестъ и Галичь, разбивъ Всеволода Бельзскаго, отдалъ всю бывшую Ярославову область сыну сестры своей, Князю Россійскому, изгнанному братьями, которые ложно называли

его прімыслемъ ихъ матери; что Владиміръ Ярославичь бѣжалъ въ Венгрію; что Галичане отравили ядомъ племянника Казимирова, имѣвшаго болѣе довѣренности къ Ляхамъ, нежели къ Россіянамъ; что Романъ Мстиславичь Волынскій, братъ отравленнаго Князя, согласно съ волею Казимира сѣлъ на престолѣ Галицкомъ; что Король Венгерскій, давъ слово быть защитникомъ Владиміра, обманулъ его, посадилъ въ темницу, и возвелъ на престолъ Галицкій сына своего, Андрея; что Владиміръ бѣжалъ изъ темницы, нѣсколько времени скитался съ толпами бродягъ, тревожа границы Польскія (limitis Cazimiri cum latrunculis quondam irrepserat, et raptas illustrium foeminas transultima Barbarorum exterminia jure praedocinii distraxerat: defloratos taceo virginum flosculos, quosdam etiam immaturos), насилуя женъ и дѣвицъ; что великодушный Казимиръ, не смотря на то, заключилъ съ нимъ союзъ и далъ ему Воеводу Краковскаго, Николая, изгнавшаго Венгровъ изъ Галича (Кадлуб. Hist. Polon. стр. 787). Богуфалъ (стр. 47) называетъ несчастнаго Князя, отравленнаго ядомъ, только по матери братомъ Романа Владимірскаго, сыномъ же *Коломана Венгерскаго, перваго* супруга Болеславовой дочери, сестры Казимировой. Сіи Историки (или ихъ новѣйшіе дополнители, какъ мыслилъ Нарушевичь: см. его Hist. Nar. Polsk. IV, 57) перемѣшали людей и случаи. Владиміръ не въ Польшѣ, а въ Галичѣ насиловалъ женъ и дѣвицъ; отъ яда умеръ тамъ не братъ Романовъ, и не племянникъ Казимировъ, а сынъ Берладниковъ, и проч. Гебгарди и Энгель, желая изъяснить сказаніе Богуфала о Коломановомъ сынѣ, полагали, что отецъ Романа Владимірскаго, Мстиславъ Изяславичь, былъ женатъ на вдовѣ или Бориса Коломановича (внука Мономахова) или сына его, Коломана (см. Т. II, стр. 180). Но справедливѣе думалъ, кажется, Нарушевичь, говоря: Zdaie sie, ze iakis medrek klasztorny

slyszac cos o awanturach Borysa Wegrzyna, zklecil te niezgrabna rzeczy mieszanine, i czysta narracya Kadlubka z Bogufalem plonnym przydatkiem pofalszowal.

Оставляю безъ замѣчанія сказку новѣйшаго Длугоша о семъ происшествіи: явно, что онъ не имѣлъ здѣсь иныхъ источниковъ, кромѣ Кадлубека и Богуфала.—Длугошъ пишетъ еще, что Казиміръ Справедливый женился въ 1168 году на Еленѣ, дочери Всеволода Мстиславича, Князя Бельзскаго. Супруга Казимирова и въ нашихъ лѣтописяхъ называется родною племянницею Романа Мстиславича (*братаничною*: см. *Россійск. Библіот.* стр. 300). Всеволодъ Мстиславичь скончался Монахомъ въ Апрѣлѣ 1195 году (см. *Кіев. Лѣт.*) и погребенъ въ Владимірѣ Волынскомъ въ церкви Богоматери.

(78) Въ Кіев. Лѣт.: „Въ лѣто 6689 преставися благовѣрнаа „Княгини Олга, сестра Всеволожа Великого, нареченнаа Чрънеческы Ефвросинья, мѣс. Іюля въ 4 день, и положена у Св. „Богородици Золотоврьхоа....... Въ то же время (въ 1183 году) „Володимеръ Ярославичь Галицкый, шюринъ Игоревъ, бяше „у Игоря, зане выгнанъ бяше отцемъ изъ Галича. Тъ же Володимеръ пріиде прежде къ Володимерю къ Романови. Романъ же, „блюдясь отца его, не да ему опочинути у себе. Оттолѣ иде „къ Иньгварови" (сыну умершаго Ярослава Луцкаго) „къ Дорогобужю; а тотъ блюдясь отца его, и не прія его. И онъ ѣха „къ Святополку" (Юрьевичу, правнуку Святополка-Михаила) „къ „Турову: и тъ такожь отпусти къ Давыдови къ Смоленску. Давыдъ его отпусти въ Суждаль къ Всеволоду, уеви своему (его). „Володимеръ же Галицкыи ни тамо обрѣте собѣ покоа, и пріиде къ зяти своему къ Путивлю, къ Игореви Святославичю. „Тъ же пріа съ любовію и положи на немъ честь велику, и за „двѣ лѣтѣ дръжа его у себе, и на третье лѣто въведе его въ „любовь съ отцемъ его, и посла съ нимъ сына своего, зятя Рюрикова, Святослава."

(79) См. Нарушев. Hist. Nar. Polsk. IV, 68, и Прая Ann. Reg. Hung. кн. III, стр. 179.

(80) Константинъ Всеволодовичь родился, какъ означено въ харатейныхъ, въ 1186 году, Маія 18,

въ Суббошу (но сіе число Субботою было въ 1185); а въ описаніи 1196 года сказано: „жени Князь Великій „Всеволодъ сына своего, Константина, у Мстислава Романовича, „и вѣнчанъ бысть въ Володимери блажен. Епископомъ Іоанномъ „Окт. въ 15 день, ту сущю Рязанск. Князю Роману и брату его „Всеволоду и Володимеру съ сыномъ своимъ Глѣбомъ и Муромскому Владимеру и Давиду и Юрью съ мужи своими.“ Бракъ Константиновъ совершился за годъ до войны Черниговской; а какъ она была, по лѣтописи Новогородской, въ 1196 году: то вѣроятно, что сей Князь женился въ 1195. — Всеволодъ въ 1187 г. выдалъ дочь свою Всеславу за Ростислава, сына Ярослава Всеволодовича Черниговскаго: „ведена (вѣнчана) бысть Іюля „въ 11 день, и бысть радость въ градѣ Влодимерѣ, Ярославу Володимеричю (свояку Вел. Князя) ту на свадбѣ, а изъ Мурома „Давидъ Юргевичь.“ Другая Всеволодова дочь, Верхуслава или Антонія (см. ниже, примѣч. 171) сочеталась бракомъ съ Ростиславомъ Рюриковичемъ, 1189 году, Іюня или Іюля 30: такъ въ харатейныхъ и другихъ; а въ *Кіев. Лѣт.*: „того же лѣта“ (будто бы еще въ 1187) „съ Великого дне посла Князь Рюрикъ Глѣба Князя, шюрина своего, съ женою и ины многы Бояре съ женами къ Юрьевичу къ „Великому въ Суждаль по Верхуславу; а на Борисовъ день отда „Връхуславу, дщерь свою, Всеволодъ. . . плакася по ней отецъ и „мати, зане же бѣ мила имъ, и млада сущи осьми лѣтъ... „Посла же съ нею сестричича своего, Якова, съ женою, и „иныа Бояре съ женами. Приведоша ю въ Бѣлгородъ на Ефросининъ день (Сент. 25) а заутра Богослова“ (въ день Іоанна Богослова) „вѣнчана у Св. Апостолъ въ деревянной церкви блаженнымъ Епископомъ Максимомъ. Сотвори же Рюрикъ Ростиславу велми силну сватбу, яка же не была въ Руси, и быша „на сватбѣ Князи мнози, за 20 Князей. Снохѣ же своей далъ многы дары и городъ Брягинъ, тако жь и свата съ Бояры отпусти „въ Суждаль, дары многыми одаривъ. . . Тогды же (Ноября 26) „пріѣха Іаковъ изъ Руси“ (въ Владиміръ Суздальскій).

(81) Въ Каталогахъ сказано, что Митрополитъ Константинъ преставился въ 1174 или въ 1177 году. Въ лѣтописи: „Князь Всеволодъ (въ 1185 г.) посла Кыеву къ Свя-

„тославу и къ Митрополиту прося Епископа, хотя постави-„ти Луку, кроткаго Игумена Св. Спаса на Берестовѣмъ. Мит-„рополитъ же не хотяше: се бо на мзду поставилъ Николу „Грьчина, Всеволоду не хотящю его. Нѣсть бо достойно наска-„кати на Святительскый чинъ намъ здѣ, но его же Богъ „позоветь, Князь всхочеть и людье.“ Слово: *намъ*, доказываетъ, что Лѣтописецъ былъ духовнаго сана. Онъ хвалитъ Луку молчаливаго, милостиваго къ убогимъ, ласковаго ко всякому, кроткаго рѣчью и дѣломъ: „не имаши бо града здѣ, но будущаго взискаеши.“ Лука поставленъ Марта 11, скончался въ 1189 году, Ноября 10, и погребенъ на другой день у Соборной Владимірской церкви. Всеволодъ въ 1190 году отправилъ къ Святославу и Митрополиту духовнаго отца своего, Іоанна, который и былъ поставленъ Епископомъ Генв. 23, а пріѣхалъ въ Ростовъ Февр. 25 — „Великому Князю сущю Ростовѣ въ полюдьи.“ Изъ Ростова Іоаннъ прибылъ въ Суздаль Марта 10, а въ Владиміръ 21. Тутъ же написано, по случаю рожденія Всеволодова сына: „тогда сущю Великому „Князю въ Переяславли въ полюдьи.“ Когда самъ Всеволодъ родился, о Долгорукомъ сказано: „бѣ бо тогда на „рѣцѣ на Яхромѣ въ полюдьи.“ Что такое *полюдье*? безъ сомнѣнія не названіе мѣста, ибо относится здѣсь и къ Дмитрову и къ Переславлю и къ Ростову. Оно значило, думаю, *объѣздъ Княжескій*, то есть, когда Государь для суда, расправы и собранія даровъ ѣздилъ *по людямъ* или областямъ своего Княженія.

(82) Всеволодъ въ 1192 году „посла Тивуна своего „въ Русь и созда градъ Городецъ на Встри, обнови отчину свою.“ — О разрушеніи Городца или Остера см. Т. II, стр. 214.

(83) Сына Романова, Ярополка, въ 1175 году: о чемъ мы выше упоминали. Въ лѣтописи: „Бысть (въ 1186 „году) встань (мятежъ) Смоленскѣ промежи Княземь Давидомъ „и Смолняны, и много головъ паде лучьшихъ мужь“ (Новогород. Лѣт. стр. 48).

(84) Въ Новогород. год. 1185: „на зиму пойде Давидъ къ „Полоцьску съ Новогородьци и съ Смольняны, и умирившеся во„рошишася на Еменьци“ (черезъ мѣстечко Еменецъ въ Витебской Губерніи). — Въ харатейныхъ подъ годомъ 1186: „на зиму „иде Давидъ изъ Смолиньска, а сынъ его изъ Новагорода, изъ „Логошьска Василько Володаревичь, изъ Дрьютска (Друцка) Все„славъ, и здумаша Полочане, рекуще: не можемъ стати про„тиву; много ны зла створять; пойдемъ къ нимъ на сумежье „(границу). И срѣтоша я на межахъ съ поклономъ, и даша да„ры, и уладишася.“ Полоцкимъ Княземъ въ 1181 году былъ Всеславъ Васильковичь, Логожскимъ Всеславъ Микуличь, а Друцкимъ Глѣбъ Рогволодовичь (см. выше, примѣч. 60).

Далѣе: „Ходиша на Емь молодьци о Вышатѣ о Васильеви„ци (съ нимъ) и придоша опять сторови (здоровы), добывше „полона.“ Въ томъ же году (1186) ѣздилъ изъ Новагорода чиновникъ Завидъ въ Смоленскъ къ Давиду. — Въ 1186 году „убиша Новѣгородѣ Гаврила Неревиниця, Ивачя Сеневиця, и „съ моста свергоша.“ — Новогородцы погибли въ Заволочьѣ въ 1187 году. Въ лѣтописи: „и паде головъ о стѣ къметь„ства“ (дружины); въ иномъ спискѣ: „головъ сто доб„роименитыхъ.“ — Мстиславъ изгнанъ въ томъ же 1187 году, а Ярославъ Владиміровичь пріѣхалъ въ Новгородъ Ноября 20.

„На тую зиму (въ 1188 году) бысть дороговь, оже купля„ху по двѣ ногатѣ хлѣбъ, а кадь ржи по 6 гривнъ.“ Въ кади было 8 осминъ.

„Рубоша (заточили) Новгородьце Варязи, на Гътѣхъ „Нѣмеце“ (Готландскихъ Нѣмцевъ) „въ Хоружьку и въ „Новотържьце“ (сославъ въ Хоружьку и въ Торжокъ) „а на „весну не пустиша изъ Новагорода своихъ ни одиного мужь за „море, ни сла вдаша“ (не давъ посла) „Варягомъ, нъ пустиша я „безъ мира.“

(85) См. Далина Gesch. des R. Schw. T. II, стр. 119, 120. Далинъ говоритъ, что сіи врата церковныя назывались въ Новѣгородѣ *Сиртунскими*: вѣроятно, что онъ слышалъ о *Корсунскихъ* вратахъ (см. *Исторіи* нашей Т. I, примѣч. 458).

Въ лѣтописи: „Избиша Пльсковици Чудь Поморьскую: при„шли бо бяху въ 7 шнекъ, и оболочилися около порога въ озеро, и „удариша на не, и не упустиша ни мужъ, а шнеки привезоша „Пльскову. — Ходиша Новгородьци съ Корелою на Емь, и воева„ша землю ихъ, и пожьгоша, и скотъ исѣкоша.“ По Финляндскимъ извѣстіямъ Россіяне около сего времени сожгли Або (см. Juust. Chron. Episc. Finnl. стр. 12).

(86) „Ходи Ярославъ на Лукы, позванъ Полоцьскою Княжьею „и Полоцяны, и сняшася на рубежи, и положиша, яко на зиму „всѣмъ сняшися на Литву, любо на Чудь,“ и проч. Далѣе: „А „Дворъ свой посла съ Пльсковици воевать.“ См. Грубер. Liefländ. Chronik I, 69, и Далина Gesch. des R. Schw. II, 97, 98.

(87) См. Грубер. Liefland. Chr. I, стр. 46 и слѣд. Кто послѣ Всеслава Васильковича (см. выше, примѣч. 60 или 1181 года княжилъ въ Полоцкѣ, не знаемъ. У Володаря Минскаго былъ сынъ Василько (см. выше, примѣч. 84): не онъ ли назывался и Владиміромъ? Татищевъ, ссылаясь на Хрущевскую лѣтопись, разсказываетъ, что въ 1182 году Василько Ярополковичъ Дрогичинскій воевалъ съ *Владиміромъ Володаревичемъ* Минскимъ; что первый, соединясь съ Поляками и Мазовшанами, у рѣки Буга разбилъ Владиміра, и взявъ *Брестъ*, оставилъ тамъ *брата жены своей*, *Князя Мазовецкаго*; что Владиміръ съ дружиною Полоцкихъ Князей опять завладѣлъ Брестомъ, плѣнилъ Мазовшанъ, побѣдилъ за Бугомъ Василька и Ляховъ; что Василько ушелъ къ тестю *Лешку*, который прогналъ Владиміра изъ Подляшья въ Брестъ; что Василько, не имѣя чѣмъ заплатить тестю за его труды и будучи бездѣтенъ, уступилъ ему свое владѣніе, отнятое послѣ Ляхами у *дѣтей Лешковыхъ*; что Романъ Мстиславичь Владимірскій, узнавъ о томъ, завоевалъ Дрогичинскую область. Сіе извѣстіе могло бы служить доказательствомъ, что сынъ *Володаревъ* назывался *Владиміромъ*, если бы оно не смѣшено было съ явною ложью. *Брестъ* принадлежалъ не *Минскимъ*, а Волынскимъ

Князьямъ, и *Лешко* Мазовецкій *не имѣлъ дѣтей* (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 69).

(88) „Копимъ серебро и соболи и ина узорочья" (драгоцѣнности). Въ горахъ, по Енисею, находятся изгарины и плавильни древнихъ тамошнихъ рудокоповъ, доказывающія, что Сибирскіе народы издавна плавили серебро и золото, дѣлая всѣ нужныя для того орудія не изъ желѣза, а изъ мѣди (см. *Путешествіе Палласа*, Ч. III, стр. 572 въ Русск. переводѣ). Сіи старыя рудокопни обыкновенно называются въ Сибири *Чудскими копями* (см. *Сочиненія о Сибирск. рудникахъ*, Ч. I, отдѣл. 2, стр. 134). *Никоновск. Лѣт.* называетъ Новогородскаго Воеводу Андреемъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ *Новогород. Лѣт.* прибавлено, что Князь Югорскій умертвилъ Новогородца Якова Прошкинича по совѣту Новогородца Савы. Далѣе: „пріидоша изъ Югры и убиша Збышку Волосовичь и За„видову Нѣговичь и Моислава Поповичь; иные сами отбѣгоша.... „а то Богъ вѣсть."

(89) Въ Кіев. Лѣт.: „Въ лѣто 6702 (1194) Святославъ позва „братію свою въ Корачевъ, Ярослава, Игоря, Всеволода, и поча „съ ними думати, хотя на Резанскія Князи, бяше бо имъ рѣчь „про волость" (а Татищевъ прибавилъ: волости Тмутараканскія) „и послашась къ Всеволоду въ Суждаль, просячися у „него на Резань. Всеволодъ же воли ихъ не сътвори, и възвра„тися Святославъ изъ Карачева съ Юрьева дни, и ѣхаша лѣтѣ „на санехъ, бѣ бо нѣчто ему изверглося на нозѣ, и пойде въ на„садѣхъ по Деснѣ. Святославъ же пришедъ въ Кыевъ и ѣха къ „Вышегороду въ Пятокъ поклонитися Святымъ, и вънйде въ „церковь, съ слезами облобыза св. раку, и по семъ пріиде „къ отни гробници, и хотѣ внити по обычаю: Попови „же отшедшю съ ключемъ, Святославъ же не дождавъ и „ѣха, и не любоваше въ умѣ своемъ, яко не поклонися отню „гробу; и пріѣха къ Кыеву, въ Субботу ѣха къ Св. Мученикомъ, „къ церкви ту сущей у Св. Кирила, яко послѣднюю службу „свою принося. Въ Недѣлю же празднику бывшю, и не може ѣхати „съ Новаго двора, но ту и празднова праздникъ Св. Мученику. „Заутро жь въ Понедѣльникъ пріиде ему вѣсть отъ свашовъ,

„иже идяху поимати внуки Святославли Глѣбовны, Евфиміи, за „Царевича. Святославъ же посла противу имъ мужи Кіевскіа. „Сего же болма охудѣвающей силѣ, отемнѣющи языкъ, и възбнувъ „рече къ Княгини своей: коли будеть Святыхъ Маккавей (Авг. „1)? Она же рече: въ Понедѣл. Князь же рече: о! не дождути я „того! бяше бо отецъ его, Всеволодъ, въ день Свв. Маккавей „пошелъ къ Богови," и проч. Далѣе: „Князь же Святославъ бѣ „мудръ, въ заповѣдехъ Божіихъ ходяй, чистоту тѣлесную съ„вѣщавъ, и Чернorизскый чинъ и Іерейскый любя, и нищая ми„луа," и проч. Святославъ умеръ въ 1194, а не въ 1195 году: ибо 24 Іюля въ Воскресенье и 1 Авг. въ Понедѣльникъ было точно въ 1194.—Далѣе: „въ лѣто „6703 (1195) посла Рюрикъ по брата своего къ Смоленску, река „ему: се остало ми ся старѣйшинство въ Руской земли. .. „Пойде Давыдъ въ лодіяхъ, и пріиде въ Вышегородъ въ Среду „Русалное недѣли, и позва и Рюрикъ на обѣдъ....и одаривъ и „отпусти и, и оттолѣ позва Ростисл. Рюр. къ собѣ на обѣдъ „къ Бѣлугороду... Потомъ же Давыдъ позва монастыри вcѣ на „обѣдъ. . . и милостыню силно розда имъ, и нищимъ... позва „Черніи Клобуци, и ту попишась вси у него... Кіане же почаша „звати Давыда на пиры, подаваючи честь велику и дары... „Давыдъ же позва Кіаны къ собѣ на обѣдъ, и проч.

(90) въ Кiев. Лѣт.: „Въ то же лѣто (1179) приведе Свя„тославъ за Всеволода, за середнего сына, жену изъ Ляховъ „Казимерну въ Филипово говѣнье . . . Того же лѣта преставися „Княгини Всеволожаа, пріемше на ся Чернеческую Скиму, и „положена бысть въ Кыевѣ у Св. Кирила, юже бѣ сама създала." Въ *Синопсисѣ* сказано, что въ 1178 году скончалась Инокинею Княгиня Марія, жена Кн. Всеволода Святославича, дочь Казимира, Короля Польскаго, и погребена въ церкви монастыря Живоначальныя Троицы: „идѣ же и предѣлъ Св. Кирилла въ Кіевѣ каменной, юже цер„ковь и монастырь, нынѣ зовомый Кирилскій, сама построила." И такъ сія Княгиня въ одинъ годъ и вышла замужъ и приняла Схиму и построила каменную церковь? Въ Польскихъ *лѣтописяхъ не упоминается* о Маріи. Татищевъ прибавилъ, что она, родивъ сына, Михаила, занемогла и постриглась.

(91) „Мняше бо, яко смолвися со Всеволодомъ, отъя отъ „него волось сына дѣля своего.... Романко поча пущати дчерь „Рюрикову, хотяшеть ю постричи." И Кадлубекъ упоминаетъ о томъ Hist. Pol. стр. 810): a principe de Kyow, cujus filiam repudiauerat (Романъ). — Татищевъ прибавляетъ, что договорныя грамоты Всеволодовы съ Романомъ Ростиславичемъ и Святославомъ хранились въ Софійской церкви.

(92) „Казимиричи же рѣша ему: ради быхомъ тобѣ помо„гали, но обидишь ны старый нашъ Мешька; да преже управи „насъ, да быхомъ были вси Ляхове за единемъ щитомъ съ то„бою и мстили быхомъ обиды твоя." Романъ говоритъ дружинѣ: „Скопивъ ихъ всѣхъ во едино мѣсто, исполню сими честь „свою." См. Нарушев. Hist Kar. Polsk. IV, 106.

(93 См. Кадлуб. Hist. Pol. стр. 812: Caput (regni) ergo et custodiri et defendi convenit, donec nostrorum livor vulnerum detumescat. Piscis enim quorsumvis sequitur, si illius filo branceam teneas. Послѣдняя рѣчь значитъ: „и рыба идетъ, куда хочешь, „если захватишь оную за жабры." Романъ, назвавъ столицу *гливою*, прибавляетъ иносказательно, что непріятель овладѣетъ и Государствомъ, если возметъ оную. Въ сравненіи съ рыбою слово *жабры* употреблено вмѣсто *головы*. — Въ нашихъ лѣтописяхъ: „побѣди Мешька Романа и избиша въ полку его много Руси, а „самъ утече ко Казимиричемь въ городъ раненъ, и оттуду не„соша и дружина къ Володимерю.", Татищевъ вымыслилъ нѣкоторыя обстоятельства битвы въ честь Роману.

Рюрикъ далъ тогда Роману „Полоные и полъ-Торска" (а не Корсуня) „Рускаго", т. е. городокъ Полоный (въ Губерніи Волынской) и половину Торска или Торческа Рускаго.

(94) См. *Кіев. Лѣт.* Ярославъ Великій отдалъ сперва лѣвую сторону Днѣпра брату Мстиславу: области Святослава Ярославича (Черниговъ, Муромъ, Рязань) находились тамъ же.

Далѣе въ Кіев. Лѣт.: „Олговичи же убоявшесь, и посла„ша мужи своа и Игумена Деонисіа къ Всеволоду... онъ же имъ

,,ня вѣры, съсѣде съ коня... Олговичи же послаша къ Рюрикови, ,,молвячи: брате! намъ съ тобою николи не бывало лиха... а цѣ- ,,луй съ нами крестъ.... Рюрикъ, здумавъ съ мужи своими, по- ,,сла посолъ къ Ярославу (Черниговскому), хотя и свести въ лю- ,,бовь со Всеволодомъ и Давидомъ, и води ихъ (Олговичей) къ ,,кресту, яко не востати имъ на рать, донелѣ же нарядъ (рас- ,,поряженіе) будетъ.... А самъ иде во Вручій орудій своихъ дѣ- ,,ля... и дикіи Половци отпустивъ, одаривъ я.“

(95) Тоеже зимы въ великое говѣніе“ (слѣдственно уже въ 1196 году) ,,Ярославъ посла сыновцѣ свою къ Витебску на зятя ,,Давыда, а Ольговичи, не дошедъ Витебска, начаша воевати ,,Смоленскую волость. Давыдъ же посла Мстислава Романовича ,,и Ростислава Володимерича (внука Мстислава Великаго) и Глѣ- ,,ба (Владиміровича), Рязанскаго Княжича, зятя своего.“ Въ ха- ратейныхъ сказано такъ: ,,посла Давидъ Мстислава въ помочь ,,зятю своему Витепескъ.“ Татищевъ, слѣдуя Никонов- скому, ошибается здѣсь въ именахъ Князей. — Далѣе: ,,Сра- ,,зишася (Смоляне) съ Ольговымъ полкомъ и стяги его ,,потопташа и сына его Давида иссѣкоша. Тысячьскый Да- ,,выда Ростисл. Михалко отряженъ бѣ на Полотскый полкъ: ,,Князи бо Полотскія помогаху Ольговичемъ,“ (и проч.). Далѣе: ,,Мстислава же не бѣ ту; гналъ бѣ съ передними полкъ Ольговъ, ,,и возвратися, мнѣвъ, яко побѣдивъ Ольга, и творя своихъ, ,,въѣха въ ратныя“ (считая своими, въѣхалъ въ среди- ну непріятелей. — Олегъ, видя торжество Полочанъ, возвратился и выпросилъ плѣннаго Мстислава у Князя Друцкаго, Бориса: въ харатейныхъ лѣтопи- сяхъ названъ здѣсь Князь Полоцкій Василько; а въ *Новогород.* (стр. 5) сказано, что Черниговцы плѣ- нили *Бориса* Романовича: слѣдственно Мстиславъ назывался Борисомъ (см. выше. примѣч. 53)? — Не замѣчаю маловажныхъ прибавленій Татищева.

Далѣе въ Кіев. Лѣт.: ,,И посла (Олегъ) вѣсть къ стрые- ,,ви своему къ Ярославу, и къ братьи, и повѣда: Мьстислава ,,есмь ялъ, и Давыдовъ полкъ съ Смолняны побѣдилъ, и сказы- ,,вають ми, аже братіа ихъ не добри съ Давыдомъ; а нынѣ, от- ,,че, такого намъ времени не будетъ пакы..... Се слышавъ Яро- ,,славъ и вси Олговичи, поѣхаша къ Смоленску изъѣздомъ... Рю- ,,рикъ посла изъ Овручего перекы къ нему съ крестными грамо-

,,тами, река: аже поѣхалъ еси брата моего убивати,“ и проч. Далѣе: ,,Посла (Ярославъ) къ Рюрикови, оправливаяся... а Давы-,,да виня про Витебскъ, аже помогаетъ зятю своему“ (Васильку Брячиславичу, племяннику Всеслава Полоцкаго)... ,,Рюрикъ ,,же рече ему: азъ Витебьска съступилъ тебѣ, и посолъ свой ,,послалъ есмь былъ къ брату Давыду, повѣдаа ему, аже есмь ,,съступилъ Витебска тобѣ; ты же того не дождалъ, послалъ еси ,,сыновця своя къ Витебску.... И тако бывши межи ими распрѣ... ,,и не уладишась... Рюрикъ, здумавъ съ мужи своими, посла (въ ,,1196 г.) къ свату Всеволоду Суждальскому, река ему: како еси ,,умолвилъ съ мною и съ братомъ моимъ, Давыдомъ, всѣсти на ,,кони съ Рожества и снятися всѣмъ у Чернѣгова, азъ же съво-,,купився съ братьею и съ дикими Половци... и жда отъ тебе ,,вѣсти. Ты же тое зимы не всѣлъ, и ня имъ (Ольговичамъ) вѣ-,,ры... азъ же роспустилъ есмь братью и Половци... Нынѣ же, ,,брате, моему сынови и твоему Мьстиславу тако ся случило, ,,аже вязитъ у Олговича: а бы не стряпаа всѣлъ на коня... Отъ ,,Всеволода не бяше вѣсти все лѣто... Рюрикъ же поча воевати-,,ся со Олговичи; реклъ бо бяше ему Всеволодъ: ты починай... ,,Ярославъ же Чернѣговскый поча слати къ Рюрикови, и рекъ ,,ему: чему еси, брате, почалъ воевати волость мою, а пога-,,нымъ руцѣ полнишь? а мене съ тобою ничтожь росчло; ни ,,азъ подъ тобою Кыева ищю... азъ Мьстислава даю тобѣ безъ ,,искупа по любви, а крестъ со мной цѣлуй, а съ Давыдомъ вве-,,ди мя въ любовь; а Всеволодъ еже въсхощетъ съ нами уладитися, уладится; а тобѣ не надобѣ съ братомъ Давыдомъ“ (къ нему приставать)..... ,,Тое жь осени Романъ Мьстиславичь, ,,зять Рюриковъ, послалъ люди своя воевати волость Рюрикову ,,и Давыдову, помогаа Олговичемъ, на чемъ же бяше къ нимъ ,,крестъ цѣловалъ опай тестя своего, а ко тести своему ,,крестъ бяше цѣловалъ передъ тѣмъ въ его воли быти.... ,,Романъ же въсла люди своя въ Полоный“ (отданный ему Рюрикомъ) ,,и оттолѣ повелѣ имъ воевати. Слышавъ же Рю-,,рикъ, аже въевали волость Давыдову и сына его Ростиславлю, ,,хотѣ ити на зятя, а сыновца своего, Мьстислава (Мстиславича) посла въ Галичь къ Володимеру, река ему: ты, брате, ,,оттолѣ съ сыновцемъ моимъ воюйта волость его (Романову)... ,,Есть ми вѣсть, аже Всеволодъ, сватъ мой, всѣлъ на конь... ,,творя ми, какоже ся съвокупилъ съ Давыдомъ, и волость ихъ

,,жъжета, и Вятичьскыя городы поимали и пожгли; а азъ сѣжю ,,доспѣвъ, жда отъ нихъ вѣсти правыя. Вълодимеръ ѣха съ ,,Мьстиславомъ, повоева и пожже волость Романову около Пере-,,миля; а отселѣ Ростиславъ Рюриковичь съ Чернымъ Клобукомъ ,,пожгоша волость Романову около Каменца (въ Подолiи), опо-,,лонившеся челядью и скотомъ.... Тое же осени Ярославъ Чер-,,нѣг. затвори два Святославича въ Чернѣговѣ, Олга и Глѣба, и ,,иныя города затвори, блюда отъ Рюрика, а самъ ѣха про-,,тиву Всеволоду и Давыдови, съвокупивъ братiю свою и сы-,,новца и дикiя Половци, и ста подъ лѣсы, засѣкся отъ Всево-,,лода и Давыда, по рѣкамъ велѣ мостъ подсѣчи, а ко Всево-,,лоду посла мужъ свой, река ему: брате и свату! отчину нашу ,,и хлѣбъ нашъ взялъ еси; аже любишь съ нами рядъ правый и ,,въ любви быти, то мы любве не бѣгаемъ, и на всей воли ,,твоей станемъ; пакы ли что еси умыслилъ, а того не бѣгаемъ ,,же, да како насъ Богъ разсудитъ съ вами и Св. Спасъ. Всево-,,лодъ же поча думати... любя, како бы съ ними умиритися...... ,,Всеволодъ же не улюби думы Давыдовы, ни Резанскыхъ Князей, ,,но поча слати къ Олговичемъ ... прося у нихъ Мьстислава Ром., ,,свата своего, а Ярополка веля имъ выгнати изъ землѣ ,,своей...... Ярославъ же посла своя мужи и води Всеволода и ,,Давыда къ кресту, и Резанскiа Князи на своихъ рядохъ..... ,,Рюрикъ же пожалова нань: .... въ Руской земли части просилъ ,,еси у мене; азъ же тобѣ есмь далъ волость лѣпшую, не отъ ,,обилья, но отъима у братьи своей и у зятя..... а про кого ми ,,была рать, про зятя своего, а того далъ еси Ярославу рядити ,,и съ волостью моею... азъ воевался и волость всю зажеглъ—и ,,отъя городы иныя, которыя же бяше ему далъ въ Руской зем-,,ли, и розда опять братьи своей."

(96) **Въ Торжкѣ, въ 1181 году.**

(97) Въ Кiев. Лѣт.: ,,Преставися (въ 1197 г.) благовѣрн. ,,Кн. Смол. Давыдъ, сынъ Ростиславль, Апр. въ 23. Епискупъ же ,,Смоленскiй Симеонъ и вси Игумени, и Попове, и сыновецъ ,,его Мьстиславъ Роман. и вси Бояре положиша тѣло его въ ,,церкви Св. Муч. Бориса и Глѣба... юже бѣ създалъ отецъ его. ,,Сь же благовѣрн. Князь възрастомъ бѣ середнiй, образомъ лѣпъ ,,и всею добродѣтелiю украшенъ... милостыни прилежаше, мо-,,настыри набдяй, Чрънци утѣшиваа и вся Игумени, съ любо-,,вiю прiимаа у нихъ благословенiе, и мiрскiа церкви набдя....

„бѣ бо крѣпокъ на рати, всегда бо шьснашеся на великая дѣла;
„злата и сребра не збираше, но даваше дружинѣ: бѣ бо любяй
„дружину, а злыа казня, яко же подобаетъ Царемъ тво-
„рити.... по вся дни входя въ церковь Св. Архистр. Михаила,
„юже бѣ самъ създалъ... такое же нѣсть въ полунощной стра-
„нѣ... и иконы, и златомъ, и сребромъ, и женчюгомъ, и каме-
„ніемъ драгымъ украшена.... Смиряя образъ свой... и слезами об-
„ливаа лице свое, и възираа яко на самого Творца, и покаяніе
„Царя Давыда пріимаа, плачася о грѣсѣхъ.... Помышляше, дабы
„мя Богъ сподобилъ Мнишескому чину, и свободился быхъ отъ
„многомятежнаго житіа и маловременнаго свѣта сего... И спо-
„добленъ бывъ отъ Творца Ангельскаго чину... Пострижеся и са-
„ма Княгини его. Давыдъ же столъ свой далъ сыновцеви своему
„Мьстиславу Ром. а сына своего, Костянтина, въ Русь посла къ
„брату своему на руцѣ, а самого понесоша, больна суща, въ мо-
„настырь къ Св. Муч. Борису и Глѣбу на Смядыню...... И кон-
„чавъ молитву, въздѣвъ руци на небо, предасть душю... И бысть
„княженіа его въ Смоленску 18 лѣтъ, а всѣхъ лѣтъ отъ род-
„ства 60 безъ трехъ.

„Преставись (въ 1198 г.) Чернѣговскый Князь Ярославъ Все-
„володичь. Епископъ же и Игумени и сыновци его спряташе
„тѣло его честно и положиша въ церкви Св. Спаса въ Епископьи
„того града, и сѣде на столѣ его благовѣрн. Кн. Игорь Свято-
„славичь.“ **По другимъ лѣтописямъ Давидъ умеръ въ 1198, а Ярославъ въ 1200 году.**

(98) Всеволодъ выступилъ въ 1198 году (не въ 1199), Апрѣля 30, а возвратился въ Владиміръ на память Священномученика Дороѳея (Іюня 5) въ *Субботу*.

(99) Новогородцы еще во время первой ссоры Великаго Князя и Рюрика съ Ольговичами (въ 1195 году), исполняя приказаніе Всеволода, ходили къ нему въ помощь. „Идоша съ Княземъ Ярославомъ Огнищане
„(люди нарочитые) и Гридьба (мечники) и купци, и быша на
„Новѣмъ Търгу (Торжкѣ), и присла Всеволодъ, и взворoти е съ
„честью домовь, и послаша Новгородьци къ нему Мирошку По-
„садника и Бориса Жирославиця, Микифора Съцскаго (Сотскаго),
„просяче сына, а Ярослава негодующе... И пріія Всеволодъ Ми-
„рошку и Бориса, и Иванка, и Ѳому, и не пусти ихъ въ Новго-
„родъ; а самъ посла въ Половцы, и поча вое копити... Слахуся

„Новгородьци (въ 1196 году) къ Всеволоду Посадника дѣля Мирош-„ке и Иванка и Ѳоме; пустилъ бо бяше Бориса и иные муже, а „иде на Чьрниговъ, и Половецьску силу приведъ, и вожаше съ „собою Посадника Мирошку, а Новгородьцемъ повелѣ ити на Лу-„кы: идоша съ Ярославомъ, и сѣдѣвше на Лукахъ, ворошишася „домовъ.... Взяша миръ межи собою (Всеволодъ и Черниговскіе), „а Новгородъ выложиша вси Князи въ свободу“ (дали ему свободу) „кдѣ имъ любо, туже собѣ Князя поимають, и возвратився Все-„володъ, пусти Ѳому, а Мирошке и Иванка не пусти, и разгнѣви „Новгородьце, и сдумавше Новгородьце и показаша путь изъ „Новогорода и выгнаша на Гюргевъ день въ осень Ярослава.“ Татищевъ пишетъ, что Ярославъ изгнанъ еще прежде мира Всеволодова съ Ольговичами; что сынъ Черниговскаго Князя тогда же въѣхалъ въ Новгородъ, и что Ярославъ, мирясь со Всеволодомъ, обязался вывести сына изъ Новагорода. Въ лѣтописи не такъ: „въ лѣто 6705 приде Князь изъ Цьрнигова Новугороду Яропълкъ „Ярославичь на Вьрьбницу (Вербн. Воскр.) настануцю (насту-„пающу) лѣту Мьртомъ мѣсяцемъ“ (слѣдственно уже гораздо послѣ заключенія мира) „сѣдѣвшу ему до Сменова (Семіона Столп-„ника) дни 6 мѣсяць одину (только), и выгнаша.“

(100) Ярополкъ Ярославичь. — Далѣе въ лѣтописи: „Новгородьце измавъ Всеволодъ за Волокомъ и по всей земли „своей дрьжаше у себе, не пустя ихъ Новугороду, нъ хожаху по „городу по воли Володимери“ (ходили по волѣ въ городѣ Владимірѣ). — Далѣе: „Послаша (въ 1197 году) опять по Ярослава. „Иде Ярославъ съ Новаго Търгу Володимерю (изъ Торжка въ Вла-„диміръ) позванъ Всеволодомъ; идоша изъ Новагорода передніи „мужи и Сътьскіи (Сотскіе), и приде Ярославъ по Крещеніи за „(чрезъ) недѣлю.“

(101) Ярославъ въ 1198 году послалъ сына, Изяслава, княжить на Лукахъ: „и бяше отъ Литвы оплечье „(защита) Новугороду.... Натужь осень придоша Полочане съ „Литвою на Лукы и пожгоша хоромы, а Лучане устерегошася „и избыша (уцѣлѣли) въ городѣ... Натужь зиму ходи Ярославъ „съ Новгородьци и съ Плъсковици и съ Новотържци и съ Ладо-„жаны и съ всею областію Новгородьскою къ Полотьску; и устрѣ-„тоша Полоцане съ поклономъ на озерѣ на Каспле (Касоплѣ), „и възьмше миръ,“ и проч.

(102) Въ *Пушкин.* и въ *Троицк.* сказано, что сами Новогородцы требовали сына Всеволодова; а въ *Новогород.* такъ: „приславъ Всеволодъ выведе Ярослава изъ Новагорода, и веде и къ собѣ, и изъ Новагорода позва „Владыку и Посадника и вячьшіи (лучшихъ) мужи по сынъ... И „прія е съ великою честію," и проч.

Въ харатейныхъ говорится о рожденіи семи сыновей Всеволодовыхъ; но они почти всѣ названы только именами Христіанскими. По родословнымъ Святославъ былъ Гавріилъ; онъ родился въ 1196 (а не въ 1190, какъ у Татищева), Марта 27, а привезенъ въ Новгородъ 1 Генв. 1200. Въ лѣтописи: „Братья же проводиша и (Святослава) съ честію, Константинъ, „Юрги, Ярославъ (или Ѳеодоръ) и Володимеръ" (или Димитрій).

О смерти Архіеп. Новогородскаго: „И яко быша на „озерѣ Серегери, преставися Августа 24, и привезоша и, и положиша въ притворѣ Св. Софіи." Нынѣ сіе озеро называется Селигеръ. Татищевъ написалъ, что Мартирій скончался въ Переславлѣ. Сей Архіепископъ былъ родомъ изъ Русы. — Далѣе: „а въ Новгородъ, сдумавъ съ По„садникомъ, присла съ Новогородьци и введе въ Епискупію Мит„рофана, мужа Богомъ избрана, и вьсь Новгородъ тьдъше съ „честью посадиша и."

(103) См. *Воскресен.* II, 117. Племянникъ Всеволодовъ умеръ въ Переяславлѣ въ 1199 или 1200 году, а Ярославъ или Ѳеодоръ отправился туда въ 1201, Авг. 10: „тогда сущю Великому Князю въ Переяславли „(Залѣсскомъ) съ дѣтьми своими, съ Константиномъ и Юргемъ. „Переяславци же поимше Князя своего Ярослава отъ Св. Спаса, „придоша съ радосью великою, хваляще Бога, и Св. Богородицю „и Св. Михаила, давшаго имъ Князя, его же желаша."

(104) О смерти Владиміра Галицкаго не упоминается ни въ харатейныхъ, ни въ *Ростов.* ни въ *Воскр.* ни въ *Кіев. Лѣт.* Татищевъ пишетъ, что Владиміръ умеръ въ 1197 году, по мнѣнію нѣкоторыхъ отъ пьянства, по мнѣнію другихъ отъ яда; что Галичане совѣтовались, кого избрать себѣ въ Князья, и желали узнать мысли Рюриковы; что Ро-

манъ искалъ милости въ тестѣ и просилъ у него Галича; что Рюрикъ, опасаясь зятя, звалъ его на общій Княжескій съѣздъ; что Романъ прибѣгнулъ къ своей племянницѣ, Казимировой супругѣ, и съ Поляками вступилъ въ Галицкую землю; что жители надѣялись имѣть Княземъ сына Рюрикова, Ростислава, но долго не имѣвъ отвѣта отъ Рюрика, и слыша о приближеніи Венгровъ, покорились Роману, а Венгры, узнавъ о томъ, возвратились. — Длугошъ говоритъ о Владиміровой смерти подъ годомъ 1198, а Кадлубекъ передъ 1200, сказывая, что Владиміръ не оставилъ *законнаго* наслѣдника, и что Россійскіе Князья отчасти силою, отчасти хитростію, старались присвоить себѣ Галичъ. Сей же Историкъ пишетъ, что Романъ выросъ въ Польшѣ: meminit Romanus, quanta erga se Cazimiri fuerint beneficia, apud quem pene a cunabulis educatus (стр. 810).

(105) Кадлубекъ, стр. 814: quia non pofsimus ferre iram terrae, Principum seditiones, invidiam. Далѣе о тиранствѣ Романа, стр. 815: quosdam vivos terrae infodit, quosdam membratim discerpit, alios excoriat, multos quasi signum ad sagittam figit, nonnullos prius exenterat, quam interimit, и проч.

(106) Стр. 816: unde solenne illi erat quasi proverbium: *melle securius uti apum non posse, nisi penitus oppreſso non rarefacto examine.* Сію пословицу нашелъ я въ *Волынск. Лѣт.* (въ рукописн. стр. 657). Галицкій Сотникъ Микула говоритъ сыну Романову, Даніилу: „Господине! не погнетши пчелъ, меду не ясти.“

(107) „Володимеричи, лишася (оставивъ) Рюрика, ѣхаша къ Роману“ — сыновья Владиміра Мстиславича, внука Мономахова. Далѣе: „Отвориша ему (Роману) Кыяне ворота Подолская въ Копыревѣ Конци.“

(108) „И посади Великый Князь и Романъ Ингваря въ Кыевѣ.“ Сей Ингварь Ярославичь былъ внукъ Изяслава II и правнукъ Мстислава Великаго. — О тогдашнемъ

счастливомъ походѣ Романа въ землю Половецкую говорятъ согласно наши и Византійскіе Лѣтописцы (см. Memor. popul. II, 1023. Никита Хонскій точно именуетъ Романа, прибавляя, что въ то же время онъ (homo robustus et strenuus, человѣкъ мощный и дѣятельный) побѣдилъ Владѣтеля Кіевскаго, *Рюрика*, котораго лучшее войско состояло изъ Половцевъ.

(109) „Въ лѣто 6711" (въ нѣкоторыхъ 6710) „мѣсяца Генва-„ря въ 2 день" (а по Новогород. Генв. 1, у Татищева Февр. 16) „взятъ бысть Кыевъ Рюрикомъ и Олговичи и всею Половець-„скою землею." Въ Новогород. наименованы Ханы Концякъ (или Кончакъ) и Данила Бяковиць. — Далѣе: „тогда же „Ростиславля дружина Ярославича (Черниговскаго) яша Мсти-„слава Володимерича, внука Мстиславля, и веде и Рости-„славъ къ Сновску собѣ" (см. выше, примѣч. 107). — Татищевъ, на сей разъ сокративъ лѣтописи, прибавляетъ, что Ингварь ушелъ. — Въ Новогород. стр. 64: „а что го-„сти, иноземця всякаго языка, затворишася въ церквахъ; „и вдаша (Половцы) имъ животъ, а товаръ съ ними раздѣлиша „на полы." — Въ харатейныхъ: „Иконы одраша, а иныя поима-„ша, и кресты честныя и ссуды (сосуды) священныя и книгы и „порты (одежды) блаженныхъ первыхъ Князьй, еже бяху повѣша-„ли въ церквахъ святыхъ на память собѣ."

(110) „И цѣлова Рюрикъ крестъ къ В. К. Всеволоду и къ „Романови, и рече ему Романъ: шли же ко свату своему Всево-„лоду, а язъ шлю же къ нему, ко своему отцю и господину, и „молимся ему, дабы ти Кыевъ опять далъ." Татищевъ пишетъ, что Кіевляне молили Романа быть ихъ Княземъ, но что онъ не согласился на то, боясь утратить Владиміръ съ Галичемъ, опасаясь Венгровъ, Поляковъ и Князей Россійскихъ.

Въ Новогород.: „въ то жь лѣто" — 6711, но уже по взятіи Кіева, слѣдственно въ 1204 году — „побѣдиша Ольго-„виця (Ольговичи) Литву; избиша ихъ 700 и 1000 (1700)." Сіе краткое сказаніе о побѣдѣ Ольговичей украшено и распложено въ Хроникѣ Стриковскаго. Онъ ссылается на Кадлубека; а въ Кадлубекѣ нѣтъ о томъ ни слова.

Далѣе въ лѣтописяхъ: „Посла Романъ къ Великому Князю „Всеволоду, молясь ему о Олговичехъ, дабы пріялъ ихъ въ миръ. „Князь же Великій посла Боярина своего, Михаила Борисовича, „и води Олговичевъ ко кресту, а Олговичи посылаша къ нему „Бояръ своихъ; а Романъ цѣлова же крестъ, и бысть миръ....

„Тое же зимы ходиша Рустіи Князи на Половце: Рюрикъ „Кыевской, Ярославъ" (или Θеодоръ) „Всеволодичь Переяслав-„скый" (четырнадцатилѣтній) „Романъ, Мьстиславъ (Мсти-„славичь) и иніи Князи, и бысть же тогда зима люта; и бысь „Половцемъ тягота велика, и взяша Князи полонъ многъ, и ве-„жи и стада... И придоша въ Треполь, и Ростиславъ (сынъ Рю-„риковъ) къ нимъ же приде, бывъ у шурина своего въ Переяс-„славли; и ту было имъ и рядъ положити, кто како пострада за „Русьскую землю; и Діаволъ положи смятеніе: Романъ, поимавъ „Рюрика," и проч. Татищевъ прибавляетъ, что Рюрикъ не хотѣлъ удовлетворить нѣкоторымъ требованіямъ зятя своего; что Романъ изъ Кіева отправилъ посольство ко всѣмъ Мѣстнымъ Князьямъ, предлагая имъ избрать достойнѣйшаго на мѣсто Рюрика, и не давать Удѣловъ дѣтямъ; что Всеволодъ не хотѣлъ нарушить обычая древняго, и проч.

Далѣе: „Услыша то все Великый Князь, еже ся сверши въ „Русьстѣй земли, и печаленъ бысть.... И вложи ему Богъ въ „сердце опечалитися Русьскою землею; мога тo мстити, но „Хрестьянъ дѣля отложи, и посла мужи свои къ Романови. Ро-„манъ же послуша Великаго Князя, зятя его пусти и Володи-„мера, брата его. И посади (Всеволодъ) зятя своего, Ростисла-„ва, въ Кыевѣ."

(111) См. *Рос. Библ.* стр. 300, 301.

(112) Письмо Епископа Матѳея находится въ выпискахъ сдѣланныхъ Аббатомъ Альбертранди изъ Библіотеки Ватиканской въ 1790 году для Историка Нарушевича, по волѣ Короля Станислава. Яковъ Ивановичь Булгаковъ получилъ сіи любопытныя выписки отъ самаго Альбертранди и сообщилъ мнѣ. О Епископѣ Краковскомъ Матѳеѣ см. въ Длугош. Hist. Polon. T. I, стр. 461, 509. Письмо начинается такъ: Matthaei Cracoviensis Episcopi epistola ad

Abbatem Clarevallensem de suscipienda Ruthenorum conversione. Выписываемъ изъ онаго слѣдующее: Gens illa Ruthenica multitudine innumerabili ceu sideribus adaequata.... Christum solo quidem nomine confitetur, factis autem penitus abnegat.... Ruthenia, quae quasi est alter orbis, etc.... Si enim gloria celeberrima et Thracius Orpheus et Thebanus Amphion coelo inseruntur et astris, et post mortem carmine vivunt, quod sylvestres et lapideos homines lyrae cantibus delinivit, quanto magis nos speramus, quod gentes esteras et immanes sacer Abbas Christo conciliet, etc.

Иннокентій III, уподобляя власть духовную солнцу, а мірскую лунѣ, ставилъ себя ниже одного Бога, и гораздо выше Царей. Онъ любилъ жаловать въ Короли: Армянскій, Болгарскій, Чешскій, были ему обязаны симъ достоинствомъ.

(113) „Иде Романъ Галичьскый на Ляхы и взя два города „Лядская, и ставшю же ему надъ Вислою, и отъѣха самъ въ ма„лѣ дружинѣ отъ полку своего: Ляхове же наѣхавше убиша и, „и дружину около его избиша. Пріѣхавше же Галичане взяша „Князя своего мертва и несоша и и положиша въ церкви Св. „Богородицы. Галичине же цѣловаша крестъ къ сыну его, Данилу.“ Князь Щербатовъ не хотѣлъ вѣрить Польскимъ Историкамъ, чтобы Романъ былъ Государь жестокій: „Галичане не присягнули бы тогда сыну его,“ говоритъ сей Историкъ. Онъ не зналъ *Волынск. Лѣт.*, гдѣ ясно изображается ненависть ихъ къ Романову племени.

Длугошъ пишетъ, что Романъ, замысливъ *три года* опустошать Польшу, требовалъ благословенія отъ Владимірскаго Епископа, но Епископъ не хотѣлъ ему дать онаго, называя сію войну беззаконною, ибо Ляхи часто умирали за Россіянъ какъ за друзей; что Князь грозился казнить его по возвращеніи, а Епископъ отвѣтствовалъ: „Романъ можетъ „ли быть увѣренъ въ своемъ благополучномъ возвращеніи?“ что Лешко и братъ его, Конрадъ, въ кровопролитной и весьма упорной битвѣ, побѣдили Галичанъ въ

день Св. Гервасія; что тѣло убитаго Романа, преданное землѣ въ Сендомирѣ, было отдано послѣ Галицкимъ Вельможамъ за 1000 марокъ серебра; что Лешко въ Краковской церкви посвятилъ особенный олтарь Св. Гервасію и Протасію; что съ того времени Россіяне не дерзали безпокоить Ляховъ, и считали Владимірскаго Епископа Пророкомъ. Романъ, по сказанію Длугоша, на канунѣ битвы видѣлъ во снѣ, что отъ Сендомира прилетѣли щеглята, напали на воробьевъ и всѣхъ умертвили: молодые Бояре Княжескіе толковали, что сей сонъ значитъ хорошее, но старцы ожидали бѣдствія для Россіянъ. Hist. Polon. кн. VI, стр. 595—599. — Татищевъ прибавилъ къ нашимъ извѣстнымъ лѣтописямъ нѣкоторыя маловажныя обстоятельства, и сказываетъ, что Романъ былъ не очень великъ, но широкъ, силенъ, лицемъ красенъ; имѣлъ глаза и волосы черные, носъ длинной съ горбомъ, нравъ горячій и въ гнѣвѣ заикался; любилъ веселиться съ Боярами, но никогда не пилъ чрезмѣрно; любилъ женъ, но не слушался ихъ; славился храбростію, искусствомъ воинскимъ, и съ малымъ числомъ разбилъ множество Венгровъ; пошедши же на Ляховъ, сказалъ: „или „покорю ихъ или не возвращусь," и проч.

Отселѣ начинаетъ повѣствовать *Волынскій Лѣтописецъ*, но въ описаніи происшествій не означаетъ времени, сказавъ, что сдѣлаетъ то послѣ согласно съ Хронологіею Греческою и Латинскою. Хотя въ Ипатьевскомъ спискѣ и означены годы, но безъ сомнѣнія не Авторомъ, а переписчикомъ, и на угадъ: ибо его лѣтосчисленіе во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ несправедливо. На примѣръ, по другимъ нашимъ лѣтописямъ и Длугошевой Исторіи, Князь Романъ убитъ и Рюрикъ ходилъ къ Галичу въ 1205 году; а въ Ипатьевскомъ спискѣ стоитъ тутъ годъ 1202.

(114) Въ Волынск. Лѣт. стр. 621: „По смерти же Вели„кого Князя Романа, памятнаго Самодръжца всея Руси,

„одолѣвшаго всѣмъ поганскымъ языкомъ ума мудростію, ходяще „по заповѣдемъ Божіимъ — устремилъ бо ся бяше на поганыя „яко левъ, сръдитъ (сердитъ) же бѣ яко и рысь, и губяше яко и „коркодилъ, и прохожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ же бѣ „яко и туръ, ревнова же дѣду (прапрадѣду) своему Мономаху — „велику мятежу въставшю въ земли Руской, оставшима же ся „двѣма сынома его, единъ 4 лѣта, а другый 2 лѣтъ... И при- „шедшю Рюрику на Галичь, и срѣтоша его Бояре Галицкіи и „Вълодимерстіи у Микулина, на рѣцѣ Серетѣ, и бившимся имъ „весь день о рѣку, и мнози язвени быша, и не стерпѣвше въз- „вратишась въ Галичь, и пришедшю Рюрику въ Галичь, и не „успѣвшю ничто же: за то бѣ по смерти Романовѣ снимался „Король съ ятровью своею“ (по тому что Романъ былъ назва- нымъ братомъ Королю) „въ Сяноцѣ, и пріялъ бо бѣ Данила яко „милаго сына своего, оставилъ бо бѣ у него засаду (гарнизонъ), „Мокыя великого слѣпоокого, и Корочюна, и Волпта, и сына его „Витомира, и Благыню, и иные Угры многы, и за то не смѣ- „ша Галичане ничто же сътворити, бѣ бо у нихъ много „Угоръ. Тогда же 2 Князя Половецкаа Сутоевича, Котянъ и „Съмогуръ, поткоста на пѣшцѣ и убіена быста коня подъ ними, „и за мало ихъ не яша. Рюрикъ же вротися къ Кыеву.“

Въ Кіев. Лѣт.: „тое же зимы (1196 или 1197) ходи Романъ „Мьстиславичь на Ятвягы отъмъщиватися, бяху бо воевали во- „лость его; и тако Романъ вниде въ землю ихъ; они же не мо- „гучи стати противу силѣ его, и бѣжаша въ свои тверди, а „Романъ пожегъ волость ихъ.“

О бѣдствіи, претерпѣнномъ Литвою отъ Романа, Матв. Стрыковскій пишетъ такъ по старинному Русскому переводу: „Егда Литва съ Ятвязи въ Русскія Княженія внидоша и добычи велія поимали, собрася на „нихъ Романъ, и съ корыстію въ дебри бѣжащихъ настиже... и „поима множество, и работы тяжкія имъ творяще; оковавъ въ „плугъ, запрягаше пахати коренья на новыхъ мѣстѣхъ; по Рус- „ски такъ называютъ чиститии, и отъ сего пословица, когда „единъ Литвинъ научися языка Русскаго, и въ плугѣ тя- „нувъ, рекъ: Романе! лихимъ живеши, Литвою орешь,“ или: *злѣ, Романе, робишъ* (дѣлаешь), *что Литвиномъ орешь*. Стрыковскій ошибся, считая сего Князя Романомъ *Ростиславичемъ* Смоленскимъ (а за

нимъ и Татищевъ). Романъ *Галицкій* и *Волынскій*, а не *Смоленскій*, былъ *тогда* сосѣдомъ Литовцевъ на Сѣверѣ: онъ смирялъ ихъ; объ немъ сказано и въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 31, 32): „а ты, буй „Романе и Мстиславе (братъ его)! суть бо у ваю желѣзныи па„порзи“ (верхняя часть брони) „подъ шеломы Латинскими. Тѣми „тресну земля и многи страны. Литва, Ятвязи, Деремела“ (одинъ изъ Латышскихъ народовъ) „и Половци сулици своя повръ„гоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харулужныи.“

Объ извѣстности Романа въ Визант. лѣт. см. выше, примѣч. 108.

(115) „Того жь лѣта Ростиславъ Рюриковичь выгна Яро„слава Володимерича изъ Вышегорода и сѣде въ немъ.“ Можетъ быть Великій Князь, посадивъ въ Кіевѣ зятя, отдалъ Вышегородъ свояку Ярославу. — Въ Воскресен. II, 141: „Рю„рикъ отда Бѣлгородъ Олговичемъ. Олговичи же посадиша въ „немъ брата своего, Глѣба.“

(116) Въ харатейной Троицк.: „того же лѣта (1205) посла „Великій Князь Всеволодъ на Волгу въ насадѣхъ на Болгары, и „ходиша по Волзѣ до Хомолъ, и множьство полона взяша, а „другія исъсѣкоша, и учаны (лодки) многи разбиша и товаръ „многъ взяша, и потомъ придоша въ свояси.“ — Далѣе въ лѣтописяхъ: „Ходиша (въ 1205 году) Князи Рязанскія на Половци и „взяша веже ихъ.... Ловоть взяша Литва (въ 1200 году) и до „Налюча, съ Бѣлѣе до Свиноръта“ (близъ Шелони въ Новогородск. Губерн.) „и до Ворча Середу“ (не нынѣшнюю ли Сереткy на западъ отъ Русы?) „и гнашася Новгородьци по нихъ и до Цьрнянъ“ (Черенковъ въ Псковск. Губ.) „и убиша Литвы мужъ 80, а Нов„городьць 15, а полонъ вьсь отьяша, а избытъкъ (остатокъ) „убѣжаша. Въ тожь лѣто иде Нездила Пьхцйниць на Лукы Все„водою; иде съ Лукъ съ маломь дружины въ Лотыголу“ (Летландію или южную часть Ливоніи) „на Торонѣ, и засташа я „въ одринахъ (спальняхъ), и убиша ихъ 40 мужъ, а жены ихъ „и дѣти поимаша, а сами придоша на Лукы сторови вси. А кто „бѣ не пошьлъ по нихъ, съ Молбовиця съ нѣколькомъ дружины, а „у тѣхъ кунъ поимаша бивше“ — то есть, они били Молбовича и другихъ, не хотѣвшихъ итти съ ними, и взяли съ нихъ еще денежную пеню. Далѣе: „Варяги (Ва-

„рягов) пустиша без мира за море; а на осень придоша Варя-„зи горою на мир“ (усильно требовали мира) „и даша им „мир (в 1201 году) на всей воли своей“ (как хотѣли Новогородцы).

(117) „В земли вашей рать ходить, а Князь ваш, сын „мой Святослав, мал.“ — Далѣе в харатейных: „рыдаху „же множество народа правовѣрных, зряще отца сирым и кор-„мителя (Константина) отходяща, и печальным утѣшенье, а „мрачным звѣзду свѣтоносну заходящю. На весь бо бяше цер-„ковный чин отверзл ему Бог сердечнѣи очи и всѣм цер-„ковником и нищим якожь взлюбленый бяше отець; пачежь „и на милостыню..... И да ему отець крест честны и мечь, „река: се ти буди схранник, а мечь прещенье и опасенье, иже „нынѣ даю ти пасти люди своя от противных... Новгород „Великый старѣйшинство имать Княженья во всей Руськой „земли... По имени твоем тако и хвала твоя буди.... И быстъ „говор велик акы до небеси, от множества людей..... и про-„водиша вся братья его до рѣки Шедакшы“ (близ Владиміра).... „И потом нача ряды правити, якожь Пророк рече: суд твой „Цареви дажь и правду твою сынови Цареви,“ и проч.

(118) В Троицк. л. 188 на обор.: „приключися тогда быти „(в Мартѣ 1206 году) Смоленьскому Епископу Игнатью, Игу-„мену Михаилу Отрочья монастыря, занеже пришла быста к „Великому Князю Всеволоду молиться о мирѣ от Мьстислава „Володимерича, занеже приложился бяше к Олговичем.“ Володимеричь есть описка вмѣсто Романовича. В харат. Пушкин.: „молиться о мирѣ от Мстислава, свата его“ (Всеволодова).

Игорь Святославичь Сѣверскій умер в 1202 году, Олег Святославичь в 1204, а брат его, Владимір, в 1201, осенью.

Далѣе в лѣтописях: „Мстислав Романовичь и (из) Смо-„линска с своими сыновци, Рюрик из Кыева с Ростисла-„вом и Владиміром, сыны своими, и с сыновци идоша на „Галичь.“ Никон. Лѣт. прибавил здѣсь Коуев и Боу-тов.

(119) „Ольговичи слышавше, оже Король стоить у Володи-„меря, и не смѣша ити до Галича, и стояша дній много, ни „Король поступи к Галичу, ни Ольговичи. Король же, омирив

,,Ляхи, пойде за горы. Ольговичи же поидоша пазадъ,“ и проч. — Въ Волынск. Лѣтп.: ,,Приведоша (Галичане) Кормиличича (сы- ,,на пѣстунова), иже бѣ загналъ Великый Князь Романъ невѣры ,,ради: словяху бо (славили) Игоревича; послушавше же ихъ Га- ,,лицкіи Бояре и послаша по нихъ“. Далѣе въ лѣтописяхъ: ,,Жда- ,,ша его (Галичане Ярослава) 2 недѣли. Ярославъ же гна изъ ,,Переяславля къ Галичю, и слышавъ, оже Володимеръ въѣхалъ въ ,,Галичь предъ нимъ за 3 дни, възвратися.... Стояша полци (Чер- ,,ниговскіе) отъ Галича за два дни,“ и проч.

(120) Въ Волын. Лѣтп.: ,,Княгини же Романова, въземши ,,дѣтпи своя, бѣжа въ Володимерь. Хотящю Вълодимеру искоре- ,,нити племя Романово, поспѣвающимъ же безбожнымъ Га- ,,личаномъ, посла Вълодимеръ съ совѣтомъ Галицкыхъ Бояръ ,,Попа къ Володимерцемъ.... Вълодимерцемъ же хотящимъ убити ,,посла. Мьстибогъ и Мончюкъ и Никифоръ рѣша: не подо- ,,баетъ намъ убити посла: имѣаху бо лесть въ сердци своемъ, ,,яко предати хотяху свой градъ; спасенъ же ими бысть ,,Попъ. Наутрій же увѣдавши Княгини, съвѣтъ сътвори съ ,,Мирославомъ съ дядкомъ,“ и прочее, какъ мы сказали въ Ис- торіи. Далѣе: ,,Лестко не помяну вражды, но съ великою че- ,,стію пріяя, кровь свою“ (родственниковъ)... ,,и рече, яко Діа- ,,волъ есть въвергъ вражду сію межю нами; бѣ бо Вълодиславъ ,,льстя межи ими“ (Лешкою и Романомъ) ,,и зазоръ имѣя (боясь) ,,любви его. Въ та жь лѣта Данила посла Лестько въ Угры, и ,,съ нимъ посолъ свой, Вячеслава Лысого... река къ Королеви: ,,тобѣ другъ бѣ; клялася бѣста, яко оставшю въ животѣ племе- ,,ни его любовь имѣти: нынѣ же изгнаніе бысть на нихъ.... ,,Вълодимеръ же многы дары посла къ Королеви и Лестькови.“ **Въ Ипатьевскомъ спискѣ означенъ здѣсь годъ 1203: что явно несправедливо, когда отецъ Даніиловъ убитъ въ 1205 (см. выше, примѣч. 113.)**

(121) ,,Ярославу же (Ѳеодору) не бысть помочи ни отъ ко- ,,го; посла къ нему пути прося у него. Всеволодъ же (Чермный) ,,цѣлова крестъ и да ему путь. Ярославъ иде къ отцю. Всево- ,,лодъ же (Чермный) посади сына своего въ Переяславли. Яро- ,,славъ же приде къ отцю въ Суждаль мѣсяца Сент. въ 22 день, ,,и срѣтоша и братья у Ясенья“ (думаю, села Ясенаго близъ Москвы) и проч. Далѣе: ,,Рюрикъ же самъ сѣде въ Кыевѣ, а сы- ,,на своего Володимера посади въ Переяславли... Стояше (Черм-

,,ный) около Кіева 3 недѣли, взвратися, не успѣвше ничто же ,,.... У п. емишася на Бѣлгородъ и бысть брань люта... Мсти-,,славъ нача просити пути, и Всеволодъ (Чермный) цѣлова ,,крестъ и да ему путь." — Еще прежде Кіева Ольговичи взяли Триполь. ,,Перебродишася противу городу Треполю, и бысть ,,брань крѣпка зѣло: бяше бо ся затворилъ въ немъ Ярославль ,,сынъ Володимерича" (свояка Всеволодова) ,,и стояша 3 недѣли, ,,и изнемогшимъ людемъ въ градѣ, предашася." Взявъ Бѣлго-родъ, Чермный осадилъ Торческъ: ,,Мстиславъ же Мстиславичь ,,(сынъ Храбраго) затворися въ немь. Оступиша и и поганыя ,,распустиша воевать; они же много зла створиша, плѣнующе, ,,сѣкуще и села жгуще. Мстиславъ же не мога терпѣти, цѣло-,,ва крестъ къ Всеволоду Чермному на его воли." Татищевъ прибавилъ нѣкоторыя обстоятельства въ честь Мстиславу.

(122) ,,Совокупя Новгородци, Плесковичи, Ладожаны, Ново-,,торжци, и пойде скоро, и дождася отца на Москвѣ." *Новогород. Лѣт.* относитъ сіе происшествіе къ 1209, а Суздальскій къ 1207: первый ошибся. Великій Князь выступилъ *Авг.* 19 въ *Воскресенье* и взялъ Рязанскихъ Князей подъ стражу *Сент.* 22 въ Субботу: такъ было въ 1207 году. *Послѣ* того упоминается въ лѣтописяхъ о лунномъ затмѣніи февраля 3: оно случилось въ 1208 году (см. Астрономич. таблицы въ l' Art de ver. les Dates).

Константинъ еще прежде того, въ началѣ 1207 года, ѣздилъ къ отцу: ,,и срѣтоша и (Февр. 28) на рѣкѣ ,,Шедашцѣ вся братья, Георгій, Ярославъ (Θеодоръ), Володимеръ, ,,Святославъ, Іоаннъ и горожане вси.... Отецъ же цѣлова и лю-,,безно, якоже Іяковъ Патріархъ Іосифа прекраснаго."

(123) Въ Новогород.: ,,и позва е Всеволодъ на обѣдъ, и сѣ-,,доша 6 Князь въ шатрѣ, а Глѣбъ и Олегъ у Всеволода въ шат-,,рѣ и Новогородьци." Въ Пушкинской: цѣловавъ ихъ, повелѣ ,,(Всеволодъ) имъ сѣсти въ шатрѣ, а самъ сѣде въ полстни-,,ци (въ Воскресенской: иде въ другой шатеръ въ постель-,,ный) и нача къ нимъ слати Князя Давида Муромскаго и Ми-,,хаила Борисовича, мужа своего, на обличенье." Татищевъ вымыслилъ рѣчи, и проч.

Клеветники, Олегъ и Глѣбъ Владимировичи, были внуки Глѣба, а Романъ и Свяшославъ брашья Игоря Глѣбовича, коего сыновья именуюшся въ Родослов. Книгѣ Ингварь-Козма и Юрій. Всеволодъ Глѣбовичь за нѣсколько времени до шого умеръ въ Пронскѣ. — Великій Князь послалъ заключенныхъ сперва въ Владиміръ, а послѣ въ Пешровъ или Пешровскъ (въ Ярославск. Губерніи): см. *Воскр. Лѣт.*

(124) Сей Михаилъ былъ сынъ Всеволода Глѣбовича. Въ харашейныхъ онъ называешся *Чюръ-Михаилъ*; въ другихъ *Киръ* (господинъ) *Михаилъ*; въ нѣкошорыхъ *Рюрикъ-Михаилъ*.Ташищевъ прибавилъ, чшо Михаилъ ошрекся ишши со Всеволодомъ прошивъ своего шесшя.

(125) „Всеволодъ повелѣ сшрещи въ оружьи день и ночь около града, и росшави полки по врашомъ: Консшаншину съ Новогородци и Бѣлозерци одина враша из горѣ, а Ярославу съ Переяславци вшорая враша, Давыду съ Муромци шрешья враша, „а самъ сша за рѣкою съ поля Половецкаго съ сынма своима, „Юргемъ и Володимеромъ, и съ нимъ Глѣбъ и Олегъ Володимерича. Они же бьяхушся излазящи (выходя) изъ града не брани „дѣля, но жажды ради.“

Въ Суздальск. или Пушкин.: „Посади у нихъ (въ Пронскѣ) Олга Володимерича;“ а въ Новогородской: „и я Княгиню Кюръ Михаиловую, шовары поима безъ числа, а съ Изяславомъ миръ взя.“ Въ *Воскресенск.* сказано, чшо Всеволодъ осшавилъ шамъ своего Тіуна. Пронскъ сдался 18 Окш.

Далѣе въ лѣшописяхъ: „Посла Великый Князь полкъ свой „къ лодьямъ по кормъ на Оку и присшави къ нимъ Олга Володимерича, и бывшимъ имъ у Ожьска (на Окѣ), бысь вѣсшь, оже „вышелъ изъ Рязани Романъ Игоревичь съ полкомъ и біешся съ „лодейникы у Лгова“ (Ольгова, гдѣ нынѣ Ольговъ Успенскій монасшырь). „Они же гнаша наскорѣ къ лодьямъ... И побѣди „Олегъ Романа.“

Далѣе: „Бывшю ему (Всеволоду) у Добраго Соша“ (нынѣ деревни) „и хошяше наушріе бродишися черезъ Проню рѣку. „Рязанцы же присла͡шася съ поклономъ,“ и проч. Далѣе въ Вос-

кресенской: „Всеволоду пришедшу ко Оцѣ и ставшу ту, нелзѣ „бѣ бо прейти ея: икры по ней идяху — и на третій день прей„де по леду и ста на Коломнѣ; наутріежь бысь дождь и буря и „рѣку излома. Арсеній же Епископъ Рязанскій приде (вторично) „и перевезошася въ лодьяхъ подъ Коломною: приде бо съ моль„бою отъ людей и отъ Княгинь" — не знаемъ, съ какою. Татищевъ вымыслилъ рѣчь Арсеніеву. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о *Рязанскомъ* Епископѣ: сія Епархія зависѣла до того времени отъ Черниговскаго Епископа.

Всеволодъ пріѣхалъ въ Владиміръ Ноября 21 въ Среду; послѣ чего Рязанцы „вси здумавше, послаша остатокъ Князій и со Княгынами къ Великому Князю въ Володимерь."

(126) „Слышавъ Рюрикъ Князь, оже Всеволодъ Великый „Князь стоитъ у Рязаня и Князи ихъ изимавъ, онъ же совкупя„ся и гна изъѣздомъ" (скоро, внезапно) „къ Кыеву, и выгна Все„волода Чермнаго изъ Кыева, а самъ сѣде въ немъ." Далѣе въ томъ же 1207 году, или, можетъ быть, въ началѣ 1208: „тое „же зимы ходиша Ольговичи на Кыевъ, и не успѣвше ничто же, „взвратишася."

(127) „И вда имъ (Всеволодъ Новогородцамъ) волю всю и „уставы старыхъ Князь, его же хотѣху Новгородьци, и рече „имъ: кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните," и проч. Татищевъ пишетъ другое.

Доказательство Всеволодова самовластія: „Приде Лазорь, „Всеволожь мужъ, изъ Володимеря, и Борись Мирошкиниць (Но„вогородецъ), повелѣ убити Ольксу Сбыславиця на Ярославли „Дворѣ, и убита и безъ вины въ Суботу, Марта въ 17, на „Св. Алексія; а заутра плака Св. Богородиця (образъ ея) у Св. „Якова въ Неревьскемъ Конци." Сіе было не въ 1208 году, какъ означено въ *Новогород. Лѣт.* а въ 1207: ибо тогда 17 Марта приходилось въ Субботу.

Далѣе: „Новгородьци же, пришедьше Новугороду, створиша „Вѣче на Посадника Дмитра и на братью его, яко ти повелѣша „на Новгородьцихъ сребро имати, а по волости курѧ брати, по „купцемъ виру дикую и повозы возити, и все зло." *Дикою* или чуждою вирою назывался платежъ волости за

убійцу неизвѣстнаго (см. сей *Исторіи* Т. II, стр. 47, или *Русск. Правд.* стр. 11). Купцевъ несправедливымъ образомъ заставляли платить за преступленія другихъ.

(128) „Избытъкъ раздѣлиша по зубу, по три гривнѣ по все„му городу и на щитъ; аще кто потай похватилъ, а того „единъ Богъ вѣдаетъ." Здѣсь *зубъ* не есть описка, вопреки мнѣнію Болтина: такъ и въ харатейномъ и въ другихъ спискахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе имя употреблялось въ Новогородскомъ денежномъ счетѣ. *Никон. Лѣт.* выпустилъ имя *зуба*, не разумѣвъ его. Великій Князь Ростиславъ въ 1159 году дарилъ Святослава Ольговича *рыбьими зубами* (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 393). Въ старинныхъ нашихъ сказкахъ часто говорится о рыбьихъ зубахъ драгоцѣнныхъ. На примѣръ: „въ чердакѣ была бесѣда (сѣдали„ще) дорогъ рыбей зубъ" (см. *Древнія Рус. Стихотворенія*, стр. 2). Обыкновенная цѣна такого зуба могла быть принята въ денежный счетъ, подобно *кунѣ* и *векшѣ*. Въ 1641 году Патріархъ Іоасафъ прислалъ въ Соловецкій монастырь пять зубовъ рыбьихъ, вѣсомъ въ 11 фунтовъ, а цѣною въ 11 тогдашнихъ рублей (см. *Лѣтопис. Соловецк. монастыря*, стр. 48). Извѣстно, что зубы *морскихъ единороговъ*, причисляемыхъ къ роду китовъ (см. Бомара Dict. d' Hist. Nat. подъ словами Baleine, Narwhal, Licorne de mer) гораздо лучше слоновой кости для всякой работы. Въ Даніи, въ Розенбергскомъ дворцѣ, показываютъ престолъ, сдѣланный изъ сихъ зубовъ, и цѣнятъ его дороже золота. Новогородцы могли издревле получать оные отъ промышленниковъ Норвежскихъ. Такъ бы я думалъ, если бы Герберштейнъ не сказалъ намъ, что въ древней Россіи назывались *рыбьими зубами* моржовые клыки, и нынѣ употребляемые на разныя подѣлки (см. его De R. M. Comment. стр. 85). Моржъ, какъ извѣстно, есть огромное морское животное (Trichechus Ros-

marus): оно часто показывается на берегахъ Сѣвернаго Океана.

Далѣе въ лѣтописи: „А что на дъщькахъ (доскахъ), то „Князю оставиша.... Даша дъщкы Дмитровы Святославу, а бя„ше на нихъ безъ числа." Татищевъ изъяснялъ, что досками назывались лавки купеческія; но въ подлинникѣ сказано, что граждане взяли сокровища и все *житье* или имѣніе осужденныхъ: слѣдственно и товары. Въ лѣтописяхъ *Воскресен.* (II, 148), *Ростов.* и другихъ истолкованъ смыслъ: „а что на доскахъ въ „писмѣ осталося, то Князю."

(129) „Присла Всеволодъ Святослава въ Недѣлю Мясопуст„ную. Тогда даша Посадничство Твьрдиславу Михалковицю.... и „цѣловаша Новгородьци честный крестъ, око (яко) не хочемъ „у себе дьржати дѣтій Дмитровыхъ, ни Володислава, ни Бори„са, ни Твердислава Стакиловиця, и Овстрата Домажировиця, и „потточи я Князь къ отцю; а на инѣхъ сребро поимаша безъ „числа."

Далѣе: „Новгородьци, угонивше Литву въ Ходиницихъ, из„биша съ Княземь Володимеромъ и съ Посадникомь Твьрдисла„вомъ." О Князѣ Владимірѣ см. выше, примѣч. 54. Татищевъ же назвалъ его сыномъ Мстислава Романовича. Братъ Владиміровъ, Давидъ, княжилъ около 1214 году въ Торопцѣ (*Новог. Лѣт.* 79).

(130) „Рязанци же, лесть имуще къ нему, цѣловаша крестъ „ко Всеволоду, и не управиша и изимаша люди его, и исковаша, „а инѣхъ въ погребѣхъ засыпавше измориша." Но Лѣт. Новогород. говоритъ такъ: „ходи Всеволодъ на Рязань, и рече имъ: „пойдите ко мнѣ съ сыномъ моимъ за Оку на ряды" (на расправу или судъ) „и перейдоша къ нему, и ту я изма." Не вѣроятно, чтобы Рязанцы столь неосторожно пошли въ станъ къ Великому Князю, если бы они дѣйствительно уморили многихъ Бояръ его. Татищевъ для *объясненія* вымыслилъ, что клеветникъ, Глѣбъ Владиміровичь, возмутилъ Рязанцевъ.

Бѣлгородъ находился близъ Старой Рязани.

Въ Лѣт. Воскресен.: „приходиша къ Москвѣ Изяславъ Во„лодимеричь и Кюръ Михаилъ; слыша бо, яко сынове Всеволожи „отошли суть на Тферь противу Новгородьцемъ (см. ниже), а

„сего не вѣдаху, яко урядишася съ Новгородци и придоша со „Тфери... Всеволодъ посла вборзѣ Георгія. Пришедшу же ему на „Голубино, бысть ему вѣсть, оже Изяславъ стоитъ на Мерскѣ „(рѣкѣ Нерской), а Кюръ Михаилъ на Литовѣ... и бывъ (Геор-„гій) на Волочкѣ, и отполѣ уряди сторожевый полкъ за Клязь-„му.... И приде къ рѣцѣ Дрозднѣ, и ту удари на Изяслава.... „Слышавъ же Михаилъ, оже Изяславъ побѣжденъ, бѣже самъ. „Бяше бо тогда Великій Четвертокъ.

(131) См. выше, примѣч. 121.

(132) „И быша (Мстиславъ) на Плоскѣй, и присла Всево-„лодъ: ты ми еси сынъ, а язъ тъбѣ отецъ; пусти Святослава „съ мужи и все, еже засѣдѣлъ" (присвоилъ себѣ) „исправи; язъ „гость (купцевъ) пускаю и товаръ." Въ Пушкин.: „Всеволодъ „посла сыны своя Константина съ братьею на Мстислава на „Торжекъ. Мстиславъ же изыде изъ Торжку Новугороду; а от-„туда иде въ Торопецъ, въ свою волость. Константинъ же взвра-„тися со Тфери, и Святославъ приде съ нимъ изъ Новагорода." Татищевъ вымыслилъ рѣчь Константинову и другія обстоятельства, сказывая, что Новогородцы хотѣли бросить съ моста Посадника своего, Ждана Иванькова, и прочихъ друзей Мстиславовыхъ; но въ Новѣгородѣ былъ тогда Посадникомъ Твердиславъ (см. Новг. Лѣт.), а послѣ Дмитрій Якуничь.

(133) Всеволодъ посла съ полкомъ Кузму Ратишича, Мече-„ношю своего, и взяша Пру и взвратися со многимъ полономъ." Татищевъ говоритъ, что сей Воевода ходилъ на Болгаровъ. — Далѣе: „Тое же зимы приходиша Половци къ Переяславлю „и повоеваша многи села." Въ харатейныхъ, также въ Воскрес. и Ростовск. Лѣт. сказано: „сѣде въ Кыевѣ Все-„володъ Чръниговскій Чръмный, а Рюрикъ въ Черниговѣ" (въ 1210 г.). Татищеву казалось невѣроятно, чтобы Всеволодъ Святославичь могъ отдать Рюрику свой древній наслѣдственный Удѣлъ: по тому нашъ Историкъ умолчалъ о семъ, и пишетъ, что Рюрикъ скончался въ 1211 году, Апрѣля 19, въ Кіевѣ; что Кіевляне призвали тогда Всеволода, который оставилъ господствовать въ Черниговѣ *брата своего, Олѣга*, и вторично послалъ Митрополита къ Великому Князю просить себѣ у него Кіева, и проч. По лѣтописямъ, выше упомянутымъ, Рюрикъ умеръ въ 1215

году, и въ Черниговѣ: „Въ лѣто 6723 преставися Рюрикъ „Ростиславичь Князь Кыевскый (бывшій), княжа въ Чернигo-„вѣ.“ Правда, здѣсь въ лѣтахъ явная ошибка: Рюрика уже не было на свѣтѣ, когда Мстиславъ Новогородскій съ братьями въ 1214 году ходилъ къ Кіеву и Чернигову. Татищевъ говоритъ о Святославичѣ *Олегѣ*: но сей Князь умеръ по лѣтописямъ въ 1204 г. Татищевъ пишетъ еще, что Юрій или Георгій Всеволодовичь лишился тогда *первой* супруги и женился вдовцемъ; что Вел. Князь посылалъ въ Кіевъ за его невѣстою сына своего, Константина; что она выѣхала оттуда Апр. 8, сопровождаемая Игоремъ Ярославичемъ, Михаиломъ Пронскимъ и Черниг. Епископомъ; что *Рюрикъ Ольговичь* угощалъ ихъ въ Черниговѣ и велѣлъ сыну проводить до Коломны; что они пріѣхали въ Владиміръ Апр. 28, а 29, въ *Воскресенье*, была свадьба, на коей Рязанскіе Князья и Давидъ Муромскій 8 дней веселились. Я не нашелъ сихъ обстоятельствъ въ лѣтописяхъ. Апрѣля 29, 1211 г. приходилось не въ Воскресенье, а въ Пятницу.

Въ Воскресен.: „Митрополитъ же ту на Рождество Хри-„стово служа въ Соборной церкви и быша въ веселіи у Вел. Кня-„зя. Того же дни Княгини Рязанскія отпустиша.“ Татищевъ, въ противность лѣтописямъ, говоритъ, что Вел. Князь освободилъ и Князей Рязанскихъ: нѣтъ, ихъ выпустилъ уже Георгій Всеволодовичь. Сей же Историкъ пишетъ, что Митрополитъ въ первый свой пріѣздъ еще не могъ склонить Великаго Князя къ миру съ Ольговичами.

(134) Въ Волынск. Лѣт.: „По семъ же, долгу времени ми-„нувши, мятежъ бысть межи братома, Володимеромъ и Рома-„номъ (Игоревичами). Романъ же ѣха въ Угры, и поемъ Угры, и „бився съ братомъ, и побѣдивъ за Галичь, а Володимеръ бѣжа въ „Путивль. Въ тожь время возведе Александръ Лестка и Кон-„драта (брата его) и пріидоша Ляхове на Володимерь..... Олек-„сандру же молящюся Лесткови о останцѣ града“ (уже опустошеннаго Ляхами) „и о церкви Св. Богородици; твердымъ же „бывшимъ дверемъ, не могоша ихъ съсѣчи, донели же Лестко „пригна и Кондратъ, и възбиста (разогнали) Ляхы свои.. И „жаляхусь Володимерци: аще не былъ бы сродникъ ихъ съ ними,

„Олександръ, што не перешли (Ляхи) быша ни Буга... .Олек-
„сандръ же сѣде въ Володимери. Поя у него Лестко дъщерь"
(см. ниже, въ семъ примѣч.) „и пусти и; иде же къ Орелску, и
„пріѣхаша Берестяне ко Лестькови, и просиша Романовое дѣтя-
„те... и вдасть имъ, да владѣетъ ими. Они же съ великою ра-
„достію срѣтоша и, яко великого Романа жива видяще. Потомъ
„же Александръ живяше въ Белзѣ, а Инъгварь (Ярославичь Луц-
„кій) въ Володимери. Бояромъ же не любящимъ Инъгвара: Олек-
„сандръ же съвѣтомъ Лестковымъ прія Володимерь. Княгини
„же Романова посла Мирослава ко Лесткови, глаголюща, яко
„сіи всю землю нашю и отчину дръжать, а сынъ мой въ од-
„номъ Берестьи. Олександръ прія Угровескъ, Верещинъ, Столпье,
„Комовь, и да Василкови Белзъ. Олександру сѣдящу въ Володи-
„мери, а брату его, Всеволоду, въ Червнѣ, Литва же и Ятвя-
„зи воеваху Турискъ и около Комова, оли и до Черьвня, и би-
„шась у воротъ Червенскыхъ, и застава въ Уханяхъ бѣ; тог-
„да же убиша Матѣа, Любова зятя, и Доброгостя: выѣхаша въ
„сторожи. Бѣда бо бѣ въ земли Володимерстѣй..... Андрей же
„Король, увидѣвъ безаконіе Галицкое и мятежъ, и посла Бенеди-
„кта съ вои... Бѣ бо Тимоѳей въ Галичѣ премудрый книжникъ,
„отчество имѣа въ градѣ Кыевѣ, притчею рекъ слово о семъ
„томители Бенедиктѣ, яко въ послѣдняя времена треми име-
„ны наречется Антихристъ... бѣгаше бо Тимоѳей отъ лица єго;
„бѣ бо (Бенедиктъ) томитель Бояромъ и гражаномь, и блудъ
„творя, и осквръняху жены и Чръници и Попадьи; въ правду бѣ
„Антихристъ за скверная дѣла его. Пояша же Галичане Мьсти-
„слава (Нѣмаго), и пріиде къ Галичю, и не успѣвшю ему ничто
„же.. . Щепановичь Иліа възведъ и на Галичину могилу, ос-
„клабився рече ему: Княже! уже еси на Галичинѣ могилѣ посѣ-
„дѣлъ, то тако и въ Галичи княжилъ: смѣаху бо ся ему, воро-
„тися въ Пересопницю. И посемъ скажемъ о Галичинѣ могилѣ,
„и о началѣ Галича, и откуду ся почалъ" (къ сожалѣнію, Лѣ-
тописецъ не сдержалъ слова)..... „Сѣде же Володимеръ въ Га-
„личи... а сынови своему да Теребовль Изяславу, а Всеволода,
„сына своего, посла въ Угры къ Королеви съ дары. Данилови
„сущю въ Угрѣхъ, Король же Андрей и Бояре Угорстіи и вся
„земля хотяше дати дъщерь свою за Князя Данила, обѣма дѣт-
„скама бывшимъ, зане сына у него не бѣ. Въ та же лѣта
„(въ 1208 г.) убіенъ бысть Царь Великый Филипъ Римскій, съвѣ-
„томъ брата Королева" (шурина Андреева) „моляшеся сестрѣ"
(Гертрудѣ, женѣ Венгерскаго Короля) „дабы ему нашла помочни-

„ка; она же никако не могущи... и да дъщерь свою за Лондкра-
„бовича“ (сына Ландграфова) „за Лудовика: бѣ бо мужь силенъ
„и помощникъ брату ея, юже нынѣ святу наречють, именемъ
„Альжбета (Елисавета); преднее бо имя ее Кинека...... Съвѣтъ
„сътвориша Игоревичи на Бояре Галицкыи, да избіютъ ихъ по
„прилучаю... и убіенъ бысть Юрьи, Ивитановичь Илья, а иніи
„разбѣгошась. Володиславъ кормиличичь (см. выше, при-
„мѣч. 119) бѣжа въ Угры, и Судиславъ и Филипъ найдоша Дани-
„ла въ Угорской земли дѣтска суща, и просиша у Короля Угор-
„скаго: дай намъ отчича къ Галичю Данила, атъ съ нимъ пріи-
„мемъ отъ Игоревичевъ. Король же съ великою любовію посла
„воя въ силѣ тяжцѣ, и Великого Дворьского Пота, поручивъ ему
„воеводство... именажъ бывшимъ Воеводамъ съ нимъ: пръвый
„Петръ Туровичь, вторый Бенко, третій Мика Брадатый, чет-
„вертый Лотохаротъ, пятый Мокіанъ, шестый Табрець, сед-
„мый Мароцелъ.... и пришедшю Володиславу къ граду (Перемыш-
„лю) и рече..... Звинигородцемъ же крѣпко борющимся... Васил-
„ку же княжащю въ Белзѣ, пріидоша отъ него Великій Вяче-
„славъ Толстый, и Мирославъ Демъянъ и Воротиславъ, и иніи
„Бояре и вои отъ Белза, а отъ Лестка изъ Ляховъ Судиславъ
„Бернатовичь съ многыми Поляны, и отъ Пересопницы Мьсти-
„славъ Нѣмый съ многыми вои, Олександръ съ братомъ (Всево-
„лодомъ) отъ Володимеря... Ингварь же посла сына своего изъ
„Луцка и изъ Дорогобужа и изъ Шюмска. И пріѣхаша Половци
„Романови (Игоревичу) на помощь: Изяславъ съ ними Володи-
„мерь (Владиміровичь). Угромъ же не побѣдившимъ, и гна-
„ша ихъ съ становъ своихъ. Мика же убоде Тобаша и главу
„ему стялъ (срубилъ). Половци же, узрѣвше я къ рѣцѣ, наляго-
„ша на ня. Онимъ же ѣдущимъ предъ ними къ Лютой рѣцѣ, и
„быша не пріѣхали Ляхове и Русь, и съшедше одва препровади-
„ша (перешли) рѣку Лютую. Половцемъ же стрѣляющимъ и Ру-
„си противу имъ, ту же Марцелъ (Венгерскій Воевода) хоругве
„своей отбѣже, и Русь взя ю (отбили), и поругъ великъ бысть
„Марцелови; и възвратишась въ колымагы своя, рекше въ ста-
„ны... Романъ (Игоревичь) изыде изъ града, помощи ища въ Рус-
„кыхъ Князехъ“ (т. е. бѣжалъ къ Кіеву) „и бывшю ему въ Шум-
„ску, на Можцѣ ятъ бысть Зернъкомъ и Чюхомою, и приведенъ
„бысть въ станъ къ Князю Даниловп, и къ всѣмъ Княземъ и
„Воеводамъ Угорскымъ.... И предашась Звинигородци. Оттуду
„же поидоша въ Галичь, и Володимеръ бѣжа изъ Галича и сынъ
„его Изяславъ, и гнаша и до Нѣзды. Изяславъ же бися на мѣстѣ
„Нѣзды рѣкы, и отняша коня отъ него сумныа; потомъ възвра-

„пишась въ Галичь.... Бояре Володимерстіи и Галицкіи, Вячеславъ Володимерскій и Володиславъ Галицкій, и Воеводы Угорскіи посадиша Данила на столѣ отца своего, Великого Князя „Романа, въ церкви Св. Богородица. Король же Андрей не забы „любви своея прьвыа, юже имѣаше къ брату си, Вел. Кн. Роману, посади сына своего въ Галичи. Ятымъ же бывшимъ „Княземъ, Роману, Ростиславу, Святославу, Угромъ же хотящимъ ихъ вести къ Королеви, Галичанамъ же молящимся имъ, „да быша ихъ повѣсили мьсти ради. Убѣжени же бывше Угре великими дарми, предани быша (Князья) на повѣшеніе мѣс. Сент... „Данилу же тако младу сущю, яко и матере своея не позна."

(135) Въ другихъ лѣтописяхъ упоминается о Галицкихъ происшествіяхъ весьма кратко, но за то съ означеніемъ годовъ. Въ харатейныхъ, также въ Воскр. и въ Ростовск.: „Угри (въ „1208) прогнаша изъ Галича Володимера Игоревича, а брата его, „Романа, посадиша въ немъ.... Ростиславъ Рюриковичь „(въ 1210) сѣде въ Галичи, а Романа Игоревича выгнаша. Осени „тоя же выгнаша изъ Галича Ростислава, а Романа Игоревича „посадиша съ братомъ.... Галичане (въ 1211) приведоша къ собѣ „Угры опять чрезъ горы и изъимаша Князи своя Игоревичи три, „и бивше ихъ, повѣшаша ихъ." По ложной хронологіи Ипатьевскаго списка (см. выше, примѣч. 113) Лешко ходилъ ко Владиміру въ 1204 году, Бенедиктъ правилъ Галичемъ въ 1205, Мстиславъ Нѣмый былъ на Галичинѣ могилѣ въ 1206, а Игоревичи казнены въ 1208. Татищевъ пишетъ, что Рюрикъ пересылался съ Королемъ Венгерскимъ о Галичѣ; что Игоревичи насиловали женъ, и проч. — Княженіе Ростислава Рюриковича въ Галичѣ сомнительно: ибо въ подробной Волынск. Лѣт. нѣтъ о томъ ни слова, а говорится единственно о тиранѣ Бенедиктѣ. Можетъ быть, Ростиславъ пріѣзжалъ въ Галичь хлопотать о семъ Княженіи и жилъ тамъ нѣсколько времени при Бенедиктѣ.

Современный Богуфалъ также сказываетъ, что Лешко былъ женатъ на Россіянкѣ: Post hacc (послѣ 1207 года) Lestko Albus accepit uxorem nobilem de Russia, nomine Grzimislavam (безъ сомнѣнія Гремиславѣ). Длугошъ называетъ ее дочерью Князя Ярослава.

Ростиславъ, повѣшенный въ Галичѣ съ Романомъ и Святославомъ Игоревичами, братъ ли ихъ былъ или племянникъ? Въ извѣстіи, выше приведенномъ нами изъ харатейныхъ лѣтописей, говорится о трехъ повѣшенныхъ Игоревичахъ; но въ Лѣт. Новогородск. только о двухъ (см. ниже.) — —Никон. Лѣт. сказываетъ, что Галичане хотѣли прежде отравить сихъ Князей, и проч.

(136) „Костянтина остави (Всеволодъ) у собе и да ему (въ „1207 году) Ростовъ, и инѣхъ 5 городовъ да ему къ Ростову."

Въ Воскресен.: „посла Всеволодъ (въ 1211 году) по „сына своего, Костянтина, въ Ростовъ, дая ему по своемъ жи„вотѣ Володимерь, а Ростовъ Юрью дая. Онъ же не ѣха ко от„цю, хотя взяти Володимерь къ Ростову. Онъ же посла втори„цею, и тако пакы не иде," и проч. Татищевъ, вымысливъ письмо Константиново къ отцу и разсужденіе Бояръ, дѣлитъ по своему Великое Княженіе: отдаетъ Ярославу Тверь, Владиміру Москву, и проч.

(137) „Воздвиже брови своя со гнѣвомъ на братью свою, па„че же на Георгія."

(138) Всеволодъ преставился не въ 1213 году, какъ пишетъ Татищевъ, а въ 1212, Апр. 15, въ Воскресенье, по окончаніи Литургіи (см. Воскр. Лѣт.). — Онъ въ разныхъ мѣстахъ лѣтописей называется Великимъ, а въ Родословн. Книгахъ Большимъ Гнѣздомъ, отъ многочисленности своего потомства.

Далѣе: „Много мужствовахъ и дерзостъ имѣвъ на бранехъ, „украшенъ всѣми добрыми нравы, злыя казня, а добросмысле„ныя милуя: Князь бо не туне мечь носитъ... Судя судъ исти„ненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица силныхъ своихъ Бояръ, „обидящихъ меншихъ и работящихъ сироты.... Его имени тре„петаху вся страны, и по всей земли изыде слухъ его, и вся „зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его... Многы же церкви соз„да: церковь прекрасну на дворѣ своемъ Св. Мученика Дмитрія, „и украси ю дивно иконами, и принесъ доску гробную изъ Селу„ня (Ѳессалоники) Св. Муч. Дмитрія, миро непрестанно точащю; „на здравье немощнымъ въ той церкви постави, и сорочку то„гожь Мученика туже положи, и монастырь созда, въ немъ цер„ковь камену Рожество Св. Богородице.... Любяше же по многу Чер„норицьскый и Поповскый чинъ... Тихо и безмолвно преставися."

Всеволодъ поѣхалъ въ Константинополь съ матерью въ 1162 году, а возвратился около 1169.

(139) См. Книгу Степенную, I, 285. — Сіи мнимые коробы суть обросшія мхомъ глыбы, носимыя вѣтромъ по озеру: см. Дневн. Записки Лепехина, Т. I, стр. 20.

(140) Рос. Библіот. стр. 285, 286: „Заложенъ бысть „градъ (городская стѣна) Суздаль (въ 1191 г.) и срубленъ. — За„ложи Вел. Князь дѣтинецъ (крѣпость) въ градѣ Володимерѣ Ію„ня 4 (въ 1194 году). — Заложи градъ Переяславль у озера."

(141) См. Воскр. Лѣт. II, 150. Татищевъ назвалъ ее Любовію.

(142) См. Никоновск. Лѣт.; въ Троицк. харатейной то же. Марія постриглась въ 1206 году, Марта 2, а скончалась Марта 19. Любимый ея сынъ Константинъ уѣхалъ тогда въ Новгородъ и неутѣшно плакалъ о смерти родительницы.

(143) На примѣръ, Георгій родился въ 1189 году, Ярославъ-Θеодоръ въ 1190 Февр. 8, Владиміръ-Димитрій въ 1194, Окт. 25: постриги перваго были въ 1192, втораго въ 1194, а третьяго въ 1196. О Георгіи сказано: „того же дни и на конь его всади, и „бысть радость велика въ градѣ Суждали, ту сущю блаженному Епископу Іоанну,“ и проч. О Владимірѣ-Димитріи: „Окт. „въ 26 день, на память Св. Мученика Дмитрія, быша постриги „у В. К. у Всеволода сыну его Володимеру въ градѣ Владимери, „Князем Рязанскимъ ту сущимъ съ мужи своими, и быша ве„селящеся у отца своего за мѣсяцъ, и тако разъѣхашася ода„рени дары безцѣнными, комонми (конями) и съсуды златыми „и сребреными и порты (одеждами), а муже ихъ комонми, ско„рою (мѣхами) и паволоками.“

Татищевъ пишетъ, что и въ его время нѣкоторые знатные люди еще держались сего древняго обыкновенія, и что младенцы переходили тогда изъ рукъ женскихъ въ мужескія. Въ Требникѣ есть молитва на первое стриженіе волосовъ у младенца. Тамъ сказано: „Заповѣдавый намъ вся во славу Твою „творити, пришедшаго раба твоего начатокъ сотворити „стрищи власы главы своея, благослови вкупѣ съ его воспріем„никомъ,“ и проч. Крестный отецъ приводилъ духовнаго сына въ церковь, гдѣ Священникъ читалъ надъ ними сію молитву.

(145) Слова Мартина Галлуса: Parato de more convivio et abundanter omnibus apparatis, hospites illi (объ нихъ говорено выше) puerum totonderunt, eique Semovith vocabulum ex presagio futurorum indiderunt. Кадлубекъ также пишетъ о семъ обрядѣ, сказывая, что постриги раждали между людьми духовное свойство, и что мать постригаемаго считалась названою сестрою постригающаго: Qui tondetur, incipit esse tondentis nepos (племянникъ) per simplicem adoptionem, mater vero eius fit soror adoptiva per arrogationem (Кадл. Hist. Polon. стр. 639).

(146) См. Историческое Изображеніе Грузіи, сочиненное въ Александро-Невской Академіи, стр. 15—17.

(147) „Въ лѣто 6700 (а не 6701) бысть пожаръ въ Володимери, м. Іюля въ 23 день, въ канунѣ Св. Муч. Бориса и Глѣба „въ Четверкъ, въ полночи; зажжеся и горѣ мало не до вечера; „церквей изгорѣша 14, а города половина.“ — Первый пожаръ въ 1185 г. былъ Апр. 17 (въ день Симеона Персидскаго, а не Сродника Господня) въ Среду: „Богу попущьшю грѣхъ „ради нашихъ и умъ отъ человѣкъ отъемшю, и вымыкаша изъ „церкви на дворъ до всего, а изъ терема куны и книги и па„волоки церковныя, иже вѣшаху на праздникъ — все огнь „взя безъ утечи“ (остатка). Слѣдственно въ церквахъ для праздниковъ развѣшивались богатыя ткани и парчи.

„Въ лѣто 6702 (1194) зажьжеся пожаръ Новѣгородѣ въ Не„дѣлю на Всѣхъ Святыхъ въ говѣніе, идуче въ заутрьнюю за„горѣся (въ) Савкинѣ дворѣ на Ярышевѣ улици, и бяше пожаръ „зълъ; сгорѣша церкви 10, Св. Василія, Троицы, Вздвиженія и „много домовъ добрыхъ; и уяша у Лукини улици... На другій день „загорѣся въ Чьгловѣ улъки (Чегловой улицѣ), и погорѣ дворовъ „съ 10, и потомъ болѣ. Той же недѣли въ Пятници въ търгъ за„горѣся отъ Хревъковѣ улици оли до ручья Неревьскей Коньць; „и сгорѣ церквій 7, и домове великіи. Оттолѣ вста зло, по вся „дни загорашеся невидимо, и 6 мѣстъ, и болѣ, и не смяху (не „смѣли) людье жировати (жить) въ домъхъ, нъ по полю „живяхуть. И Городище погорѣ — и Ладога переди (прежде) Но„вагорода, и Руса; а въ Людини Коньци погорѣ дворовъ 10. И „тако ся чюжаше отъ Всѣхъ Святыхъ до Госпожина дни.“

„Въ лѣто 6719 (1211) безъ Князя и безъ Новогородьцъ“ (ходившихъ тогда со Мстиславомъ въ Великія Луки) „Новѣгородѣ „бысть пожаръ великъ; загорѣся на Рядятинѣ улици, и сгорѣ „дворовъ 4000 и 300, а церквій 15.“ По сему кажется, что въ Новѣгородѣ было менѣе церквей, нежели въ Кіевѣ и Владимірѣ.

„Въ лѣто 6719 (1211), Маія въ 15 день, въ день Воскресенья, „по Литургіи загорѣся градъ Ростовъ и погорѣ мало не весь, и „церквій изгорѣ 15... Се же есть дивно: церковь въ имя Св. Іо„анна на Дворѣ въ Епископьи у Св. Богородици исгорѣ вся отъ „верха и до земли, и иконы, что не успѣли (не успѣли) вым„чати, и гробы въ земли дну; и бѣ въ церкви той икона, на „ней же написанъ Св. Мученикъ Ѳеодоръ Тиронъ, и вощаница съ „виномъ, юже нѣціи мняху, яко Леонова Епископа прежъ быв„шаго въ Ростовѣ. Пришедши же на пожаръ, видѣша вся ог„немъ взята: толико икона та съ вощаницею цѣла... Костантинъ „же Князь тогда бѣ въ Володимери: слышавъ бѣду створшюся „на градѣ его, и ѣха Ростову, и видѣвъ печаль бывшюю мужемъ „Ростовскымъ, утѣши я глаголя: Богъ да, Богъ взя,“ и проч.

„Бысть болѣсть силна въ людехъ вельми; не бяше бо ни „одиного двора безъ болнаго; а въ иномъ дворѣ некому бяше ни „воды подати.“—Въ Кіев. Лѣт.: „Тое же зимы, по Ѳеодоровѣ „недѣли во Втор. (Марта 12) потрясеся земля, и по Кыеву „церкви колибахусь,“ и проч.

(148) „Тое же зимы бысть знаменіа многа на небеси; едино „же отъ нихъ скажемъ. Въ пятый часъ въ нощи потече небо „все и бысть черъвлено; на земли же и по хоромомъ и по снѣгу „видѣти человѣкомъ, яко кровь проліяну. Видѣша же нѣціи, те„ченіе звѣздное бысть на небеси; отторгахуть бо ся звѣзды на „землю, и мнѣти бяше зрящимъ, яко уже кончина міра,“ и проч.

(149) Письма Иннокентія III изданы въ 1680 году Балюзомъ въ двухъ томахъ; многія еще остались рукописныя въ Ватиканской библіотекѣ. Посланіе къ Рос. Духовенству находится въ выпискѣ Альбертрандіевой, о коей мы упоминали (см. выше, примѣч. 112). Оно такъ начинается *Archiepiscopis, Episcopis etc. per Rutheniam constitutis.* Licet hactenus elongati fueritis ad uberibus matris vestrae tanquam filii alieni, nos tamen qui sumus in officio pastorali a Deo licet immeriti constituti ad dandam scientiam plebi suo, non possumus affectus paternos exuere, quin vos sanis exhortationibus et doctrinis studeamus tanquam membra vestro capiti conformare, ut Ephraim convertatur ad Judam, et ad Jerusalem Samaria revertatur.—Далѣе: ut autem ad praesens de reliquis taceamus, cum Graecorum Imperium et Ecclesiae pene tota ad devotionem Apostolicae sedes redierit, et ejus humiliter mandata suscipiat et obediat jussioni, nonne absonum esse videtur, ut pars toti suo non congruat et singularitas a suo discrepit universo? — Назначеннаго посла въ Россію называетъ Папа filium nostrum G. tituli S. Vitalis Presbyterum Cardinalem, virum genere nobile, litterarum scientia praeditum, и проч. Въ концѣ подписано: Datum Viterbii, Nonis Octobris (9 Окт.) anno X (то есть, въ 10 годъ Иннокентіева правленія).—Современный *Новогород. Лѣт.* повѣствуетъ весьма обстоятельно о взятіи Константинополя, и сказываетъ, что Крестоносцы въ Софійской церкви нашли 40 кадей чистаго золота, кромѣ сосудовъ.

Вѣроятно, что онъ слышалъ всѣ описанныя имъ подробности отъ какого нибудь очевидца, земляка своего.

(150) Грубер. Liefländ. Chronik, Ч. I, стр. 14, 31, 45, 47, 51, 52, 63; Кельх. Liefländ. Historiae, стр. 25 — 30, и Балтаз. Руссова Liefl. Chronica, л. 1 — 3. Епископъ Альбертъ въ 1205 г. послалъ въ даръ Князю Русск. Владиміру коня своего; но Литовцы отняли его на дорогѣ. — Архіепископу Лунденскому, Андрею, о коемъ здѣсь упоминается, Саксонъ Грамматикъ приписалъ свою Исторію Датскую. Руссовъ говоритъ, что Лифляндцы обожали еще свѣтила небесныя и *змѣй*. Латыши называли Юммала Auxtheias Vissagistis. Женщины покланялись богинямъ Лаймѣ и Дяклѣ: первая благотворила родильницамъ, а вторая младенцамъ. Дѣвицы приносили жертву идолу Ваицганттосу (Waitzganthos), моля его, чтобы онъ далъ имъ льну для одежды.

(151) Liefländ. Chr. I, 74, 75. Въ сей лѣтописи сказано, что Всеволодъ, смотря съ другаго берега Двины на пылающую столицу свою, говорилъ: „о „Герсике, милый городъ! о наслѣдіе отцевъ моихъ! „о гибель внезапная моего народа! горе мнѣ, рожденному видѣть такія бѣдствія!“ и проч. Въ Латинскомъ подлинникѣ написано patschka, *батюшка*: имя, которое Всеволодъ даетъ Альберту. — О Герсикѣ см. Бишинг. Erdbeschr. Т. I, 1027.

(152) „Въ лѣто 6719 (1211) приде Дмитръ Якуничь изъ Руси, и сступися Твердиславъ Посадничества по своей воли „старѣйшю себѣ; и посла Князь Мстиславъ Дмитра на Лукы „города ставить, а самъ иде на Търъжкъ блюсть волости; изъ „Торжку иде въ Торопчь, изъ Торопцъ на Лукы, и сняся (соединился) съ Новгородьцы; а Лучаномъ да Князя Володимера Пльсковскаго.... Въ лѣто 6720 ходи Мстиславъ на Чудь, рекомую „Торму, и много полониша; скота безъ числа приведоша. Потомъ же на зиму иде Мстиславъ на Чудьскый городъ Медвѣжью Голову, и села ихъ потраши, и придоша подъ городъ, „и поклонишася Чудь Князю, и дань на нихъ взя.“ Тормою называлась Чудь обитавшая отъ Дерпта къ сѣверу, гдѣ нынѣ мѣстечко Торма. Сочинитель древней Ливонской Хроникѣ

также пишетъ о приступѣ Мстислава къ Медвѣжьей Головѣ (1, 78) и сказываетъ, что жители, изнуренные голодомъ и жаждою, чрезъ 8 дней откупились отъ Россіянъ четырмя стами гривенъ, заплатнвъ оныя ногатами. Тамошняя область именовалась въ старину Унганніею.

(153) „Въ лѣто 6719, Генваря въ 22" (слѣдственно уже въ 1212) „злодѣй, испра (исперва) не хотя добра, вложи (т. е. Сатана) зависть людьмъ на Архіепископа; и не даша ему правитися, и ведоша и въ Тороцъ. Онъ же то пріи съ радостію, „яко J. Златоустъцъ и Григорій Акраганьскый (Акрагантійскій), славя Бога. Тъгдажь бяше пришлъ прежъ изгнанія Митрофаня Добрына Ядренковицъ изъ Царяграда, и привезе съ собою гробъ Господень" (развѣ частицу его?) „а самъ „постриже ся на Хутинѣ у Св. Спаса; и волею Божіею възлюби „и Князь Мстиславъ и вси Новгородьци, и послаша и въ Русь „ставиться; и приде поставленъ Архіепископъ Антоній, и съ„твори полату Митрофаню церковь въ имя Св. Антонія."

Маловажные случаи Всеволодова княженія, о коихъ мы не упоминали, суть слѣдующіе:

Въ 1177 году погорѣлъ въ Новѣгородѣ Неревскій Конецъ отъ Иванковой улицы съ пятью церквами. — Въ 1179 Новогородск. Архіепископъ Илія (Іоаннъ) и братъ его заложили каменную церковь Благовѣщенія Маія 21, а совершили Авг. 25; скончалась Игуменья Іоанновскаго монаст. въ Новѣгородѣ. Въ 1180 Михаль Степановичь былъ въ Новѣгородѣ преемникомъ смѣненнаго Посадника, Завида. Архіепископъ Илія и братъ его, Гавріилъ, заложили на воротахъ Благовѣщенскаго монастыря каменную церковь. У Вел. Князя родилась четвертая дочь Сбыслава-Пелагія въ день Св. Димитрія; тетка, Княгиня Ольга Галицкая, крестила ее. — Въ 1180 по Кіев. Лѣт. былъ пожаръ въ Кіевѣ, и загаралась церковь Софійская: Лѣтописецъ говоритъ: здѣсь — слѣдственно онъ жилъ въ Кіевѣ. — Въ 1181, Іюля 3, зажгло молніею въ Новѣгородѣ Варяжскую церковь на торговой площади. Въ тожъ лѣто сгорѣли тамъ 2 церкви, Св. Михаила и Святыхъ Отецъ въ Славнѣ (Славянскомъ Концѣ) и вся набережная до Ручья; и благочестивые люди построили на Добрыниной улицѣ 5 церквей деревянныхъ. Въ 1182 совершена въ Новѣгородѣ церковь на вратахъ Св. Богоявленія и другая Святыхъ Отецъ. Преставился (см. Кіев. Лѣт.) Архимандритъ-Игуменъ Печерскій Поликарпъ, Іюля 24: „по смерти его бысть мятежъ въ монастыри: не могоша бо Старци избрати собѣ Игумена... не подобаше бо таковому силному дому ни единъ часъ безъ пастуха быти. Во „Вторникъ же удариша братья въ било, и снидоша въ церковь,

,,и почаша молбы творити... и единѣми усты мнози рекоша: по-
,,слемся къ Васильеви Попови на Щековицю, абы былъ намъ
,,Игуменъ... И пришедше поклонишась Василію... Попъ же Ва-
,,силій въ велицѣ изуменіи бывъ, поклонися противу имъ и рече:
,,отци и братіа! азъ Чернечьство на сердци имѣлъ есмь: Игу-
,,менства же ради что помыслите о моей худости? Много же
,,прѣвся и уречеся имъ. Они же ведоша его въ монастырь въ Пя-
,,токъ. Пришедши же Недѣли, и пріѣха Митрополитъ Ники-
,,форъ на пострижение его, и Туровскій Епископъ Лаврентій и
,,Никола Полотскый Епископъ и вси Игумени, и постриже Ни-
,,кифоръ своею рукою." — Радко съ братомъ въ Новѣгородѣ по-
ставили церковь Св. Ипатія на Рогатой улицѣ. Преставился
Епископъ Полоцкій Діонисій; былъ пожаръ въ Городнѣ отъ мол-
ніи; сгорѣли всѣ домы и каменная церковь.—Въ 1184 году, Генв.
1, Митрополитъ Никифоръ, Епископъ Юрьевскій, Архиманд-
ритъ Печерскій, Игуменъ Василій освятили великимъ священ-
іемъ церковь Св. Василія въ Кіевѣ, созданную Святославомъ
Всеволодовичемъ на Великомъ Дворѣ; въ сей день Святославъ
угостилъ Духовенство и гражданъ. Новогородскій Архіепископъ
съ братомъ заложили на торговой площади каменную церковь
Св. Іоанна; построена тамъ же деревянная новая Св. Власія. Въ
1185 г. Маія 1, въ 10 часу дни, во время вечерняго звона, было
затмѣніе солнца, и продолжалось болѣе часа. 6 Маія Лукиничи
заложили каменную церковь Петра и Павла на Сильнищѣ, а
Милонѣгъ церковь Св. Вознесенія. Маія 18, въ Субботу, родился
у Вел. Князя сынъ Константинъ.—Въ 1186 году, какъ говоритъ
Лѣтописецъ, пріѣзжалъ въ Новгородъ Греческій Царь Алексій,
сынъ Мануиловъ: вѣроятно, самозванецъ, ибо сынъ Мануиловъ
былъ умерщвленъ въ 1184 году Авг. 19 (см. Дю-Канжа Famil. Aug.
Byzant. стр. 188); а побочный, именемъ также Алексій, не выѣз-
жалъ изъ Греціи.—Въ томъ же году, Сент. 7, преставился Но-
вогородскій Епископъ Ілія, или Іоаннъ, и погребенъ въ притворѣ
Св. Софіи. Князь и народъ избрали на его мѣсто Гавріила, брата
Іоаннова: ,,и прислаша понь Митрополитъ и вся Княжья Руская,
,,и пояша и съ любовью." Святославъ Всеволодовичь въ Мартѣ
освятилъ Черниговскую, созданную имъ церковь Благовѣщенія.—
Въ 1187 г. Марта 29, поставленъ Архіепископъ Гавріилъ и воз-
вратился въ Новгородъ Маія 29. Преставился Игуменъ Моисей
въ Антоновой обители Св. Богородицы; на его мѣсто поставили
Волоса (Власія). Въ Кіев. Лѣт: ,,Преставися Князь Вышего-
,,родскый Мьстиславъ Давыдовичь мѣс. Маа и положенъ бысть
,,въ церкви Св. Ѳеодора въ Кыевѣ монастыри. Бысть знаменіе
,,Сент. въ 15 день" (по друг. 9 въ полдень, по Астрон. таблицамъ

4): „солнце погибе, а небо погорѣ облаки огнезрачными. Таковаа „бо знаменіа не на добро бываютъ: въ тотъ бо день взятъ „бысть Іерусалимъ безбожными Срацины... Въ Галичи солнцу „померкшю, яко и звѣзды видѣти среди дни; въ Кыевской же „сторонѣ никтоже не видѣ въ тотъ часъ." Родился у Вел. Князя сынъ Борисъ, у Рюрика осенью сынъ Владиміръ-Димитрій. Расписана церковь Св. Богородицы въ Ростовѣ Епископомъ Лукою. — Въ 1188 г. скончался сынъ Всеволодовъ, Борисъ. Симеонъ Дыбачевичь, Новогородецъ, заложилъ каменную церковь въ Аркадьевскомъ монастырѣ. Сдѣланъ въ Новѣгородѣ новой мостъ черезъ Волховъ подлѣ стараго. — Въ 1189 г. Февр. 17 былъ страшный громъ, которымъ убило двухъ человѣкъ въ Новѣгородѣ. Іюня 4 Архіепископъ Гавріилъ святилъ церковь Успенія въ Аркадьевскомъ монастырѣ, и соорудилъ новую Трехъ Отроковъ на Жатуни. 14 Авг. Епископъ Лука святилъ великимъ священіемъ Соборную церковь Владимірскую въ присутствіи Вел. Князя и зятя его, Ростислава Ярославича. Скончался сынъ Всеволодовъ Глѣбъ Сент. 29. У Ярослава Владиміровича, свояка Всеволодова, родилась въ Новѣгородѣ дочь на Рождество Богородицы. Отняли Посадничество у Михаля и дали Мирошкѣ Нездиничу. Родился у Вел. Князя Всеволода сынъ Георгій.—Въ 1190 г. умеръ Епископъ Бѣлогородскій Максимъ, на мѣсто коего поставилъ Рюрикъ своего отца духовнаго, Андреяна, Игумена отъ Св. Михаила Выдубецкаго. Апрѣля 19 скончался Святополкъ Юрьевичь, шуринъ Рюриковъ, и погребенъ въ Кіевской церкви Св. Михаила, созданной его прадѣдомъ, Святополкомъ-Михаиломъ. Внукъ Святослава Всеволодовича, Давидъ Ольговичь, женился на дочери Игоря. Родился въ Новѣгородѣ у Ярослава Владиміровича сынъ Михаилъ-Изяславъ; а въ 1191, Фев. 8, у Вел. Князя Ярославъ-Өеодоръ. Князь Новогородскій Ярославъ построилъ на Городищѣ церковь Св. Николая, Владыка (Архіепископъ) на дворѣ своемъ церковь Срѣтенія, Нѣздиничь въ Нѣздѣ Св. Образа, а Коснятинъ съ братомъ на торговой площади Св. Пятницы. Архіепископъ Гавріилъ святилъ церковь Вознесенія, сооруженную Тысячскимъ Милонѣгомъ.—Въ 1192 г. Чернецъ Варлаамъ, мірскимъ именемъ Алекса Михалевичь, построилъ церковь Преображенія внизу на Хутинѣ: Архіепископъ святилъ оную 6 Авг. и назвалъ монастыремъ (Варлаамъ Хутынскій у насъ въ числѣ Святыхъ). Архіепископъ святилъ храмъ Петра и Павла на Силиницѣ. Въ Русѣ на островѣ Игуменъ Мартирій соорудилъ церковь Преображенія и завелъ монастырь. Въ Новогородскомъ монастырѣ Св. Богоматери, въ Звѣринцѣ, поставили Игуменью; тамъ же въ Воскресенскомъ монастырѣ умерла Игуменья Марія.

Вел. Князь Всеволодъ 22 Авг. заложилъ въ Владимірѣ церковь Рождества Богоматери. — Въ 1193, Маія 24, преставился Архіепископъ Гавріилъ (въ монашествѣ Григорій) и погребенъ въ притворѣ Св. Софіи подлѣ брата; на его мѣсто избрали Игумена Мартирія, бывшаго въ Русѣ (онъ поставленъ въ Кіевѣ Дек. 10 и пріѣхалъ въ Новгородъ Ген. 16 слѣдующаго года). Въ Новѣгородѣ у Ярослава родился сынъ Ростиславъ; срублена церковь Петра и Павла на Холмѣ *Живогложая* и Св. Іоанна Милостиваго на воротахъ церкви Воскресенія. У Давида Ростиславича родился сынъ Мстиславъ-Θеодоръ, зимою. — Въ 1194 поставили въ Новѣгородѣ церковь Св. Филиппа на Нутной улицѣ. Преставился Игуменъ Діонисій Георгіевскаго монастыря и Герасимъ Аркадьевскаго; на мѣсто перваго избрали Савватія, а на мѣсто втораго Панкратія. Въ Августѣ мѣсяцѣ обновили Владимірскую Соборную церковь, отчасти разрушенную пожаромъ; а въ Септ. мѣсяцѣ Суздальскую обветшалую. О второй сказано: „покрыта „бысть оловомъ отъ верху до камаръ и до притворовъ, а то „чуду подобно молитвою и вѣрою Епископа Іоанна, не ища ма„стеровъ отъ Нѣмець, но налѣзе мастеры отъ клевретъ Св. Бо„городицы и своихъ, иныхъ олову льяти, иныхъ крыти, иныхъ „известью бѣлити,“ и проч. Окт. 25 родился у Всеволода сынъ Владиміръ-Димитрій. — Въ 1195 умеръ Князь Рязанскій, Игорь Глѣбовичь, и положенъ у Св. Мучениковъ, Бориса и Глѣба. Архіепископъ Новогородскій заложилъ церковь Богоматери на городскихъ воротахъ, Маія 4, а осенью храмъ Воскресенія въ монастырѣ. Умерла Игуменья Св. Варвары. Была саранча. Въ 1196, въ Февр., преставился Изяславъ, меньшій сынъ Ярослава Изяславича, правнукъ Мстислава Великаго, и погребенъ въ Кіевск. церкви Св. Θеодора близъ отца. Въ Мартѣ привезли въ Кіевъ тѣло умершаго Глѣба Юрьевича Туровскаго, любимаго шурина Рюрикова, встрѣченное Митрополитомъ и погребенное въ церкви Св. Михаила. Марта 27 родился у Всеволода сынъ Святославъ-Гавріилъ. Новогородцы, Костятинъ и Дмитрій, заложили церковь Св. Кирилла въ Нѣлезѣнѣ на Лубяной улицѣ, а Владимірскій Епископъ Іоаннъ 1 Маія на вратахъ соборнаго храма церковь Іоакима и Анны. Живописецъ Гречинъ Петровичь расписалъ въ Новѣгородѣ церковь на вратахъ. Кончили храмъ Воскресенія: Архіепископъ святилъ его 13 Септ.: „Владыка тружаяся и горя въ „день зноемъ, а въ нощь печалуяся, абы видѣти ю свершену.“ Въ 1197 г. въ Новѣгородѣ Архіепископъ поставилъ на островѣ церковь Св. Никифора, а жена Полюда Городишнича, дочь Жирошкина, основала монастырь Св. Евфиміи въ Плотникахъ. Рюрикъ создалъ въ Бѣлгородѣ Епископскую церковь Св. Апостолъ,

освященную 6 Дек. Митрополитомъ Никифоромъ и Бѣлогород. Епископомъ Андреяномъ, который управлялъ и Юрьевскою Епархіею. Князь, Княгиня и дѣти ихъ угостили Епископа, Архим. Печерскаго Игумена Василія, Выдубецкаго Игумена Моисея и проч. — Въ 1198 году Генв. 10, привезли Великому Князю изъ Ѳессалоники гробную доску Св. Димитрія. Митрополитъ Никифоръ съ Еписк. Андр. Бѣлогородск. и Юрьевск. освятилъ 1 Генв. великимъ священіемъ Кіевскую церковь Св. Василія, которую создалъ во имя свое Рюрикъ на Новомъ Дворѣ. Въ Кіев. Лѣт.: „на зиму родися дъщи у Ростислава у Рюриковича, и нарекоша „имя ей Ефросиніа, прозваніемъ Измарагдъ, дорогый камень, „и бысть радость велика въ Кыевѣ и въ Вышегородѣ, и пріѣха „Мьстиславъ Мьстиславичь и тетка ея Предслава, и взяста ю „къ дѣду и къ себѣ, и тако въспитана бысть въ Кыевѣ на го„рахъ.“ Рюрикъ отдалъ дочь свою Всеславу за Рязанск. Кн. Ярослава Глѣбовича. Архіепископъ Мартирій заложилъ въ Русѣ храмъ Преображенія Маія 21. У Ярослава Владиміровича умерли два сына, Изяславъ въ Лукахъ, Ростиславъ въ Новѣгородѣ; погребены въ монастырѣ Св. Георгія. Ярославъ Владиміровичь заложилъ церковь Преображенія въ Новѣгородѣ на горѣ Нередицѣ; соорудили другую Св. Иліи, также каменную, на Холмѣ (конець Славьна, т. е. въ Славянскомъ Концѣ). Всеволодъ послалъ Павла на Епископство въ Переяславль южный. Авг. 28 родился у Вел. Князя сынъ Іоаннъ. Въ Кіев. Лѣт.: „Благоволи „Богъ вздохнути мысль благу Великому Князю Рюрикови-Васи„лію: того бо лѣта Іюля въ 10 день, въ Суб., заложи стѣну ка„мену подъ церк. Св. Михаила у Днѣпра, иже на Выдобичи, о „ней же мнози не дръзнуша помыслити отъ древнихъ, али но „(не только) дѣлу ятися. Сто бо и одиннадцать лѣтъ „имать, отнелѣ же създана бысть, и мнозіи Самодръжци преи„доша, дръжаще столъ Княженіа Кіевск., отъ того же боголю„бив. Всеволода, иже създа церковь ту, родовъ четыре, и ни „единъ же въслѣдова любви его къ мѣсту тому. Сь же богомуд„рый Кн. Рюрикъ пятый (родъ) бысть отъ того, яко же пи„шетъ о праведнѣмъ Іевѣ отъ Авраама... Братья же его быша „добра, овіи старѣйшіи его, иніи же меншіи; но не благоволи въ „нихъ Богъ о дѣлѣ стѣны тоя: время бо требоваше слугы свое„го. Сь же христолюб. Рюрикъ, лѣты не многы сый, чядъ при„жи собѣ по плъти... по духу же паче прозябеніе ему бысть... „мудролюбіа начинаніа отъ страха Господня, въздръжаніе яко „нѣкое основаніе полагаше, по Іосифу же цѣломудріе и Моисео„ву добродѣтель, Давыдову же кротость и Костянтине право„вѣріе, и прочая добродѣтели прикладаа въ съблюденіе заповѣди

,,Владычни, и тако философьствоваше, молясь по вся дни
,,тако съхранену быти, имѣя же къ нимъ милость отъ вели-
,,кыхъ даже и до малыхъ и поданіе къ требующимъ безъ ску-
,,дости, хотѣніе же къ монастыремъ и къ всѣмъ церквамъ и
,,любовь несытну о зданіяхъ. Такожь и христолюбив. его
,,Княгини, тезоименна сущи Аннѣ родительници матери Бога
,,нашего... ни на что же ино упражняшеся, но токмо о церков-
,,ныхъ потребахъ, и о милованіи укоренныхъ, маломощехъ и
,,всѣхъ бѣдующихъ. Оба же въкупѣ Патріаршьскый трудъ съвръ-
,,шающи, да и вѣнецъ отъ мъздодавца общій въспріимета... То-
,,му жь въслѣдованію и богонабдимыя си дѣти учаща..... Изъоб-
,,рѣте бо (Рюрикъ) подобна дѣлу и художника въ своихъ си пріа-
,,телехъ, именемъ Милонѣгъ, Петръ же по крещеніи, акы
,,Моисей древле оного Веселеила, и приставника сътвори дѣлу
,,и мастера не проста преже-написанныя (упомянутой) стѣны, и
,,тако ятся зданію не тъщно въ соблюденіе храма, ни отъ кого
,,же помощи требуя, но самъ о Христѣ възмагаа... Съвръши
,,стѣну Сент. въ 24. Въ тотъ же день пріѣха въ монастырь
,,Вел. Кн. Рюрикъ, Киръ Василей, съ Княгинею и съ сыномъ Ро-
,,стиславомъ и Володимеромъ, и съ дъщерію Предславою, и съ
,,снохою Ростиславлею, и постави кутью у Св. Михаила... и
,,сътвори пиръ немалъ... и накорми Игумены съ Калугеры... и
,,възвеселися духовно о пришедшей въ дѣло такобо Царской мы-
,,сли его. Игуменъ же Моисей и вся братіа велегласно похвали-
,,ша Бога и Вел. Князя, глаголяще: дивна днесь видѣста очи на-
,,ши... постави на пространѣ нозѣ рабъ твоихъ.... отселѣ бо не
,,на брезѣ ставше, но на стѣнѣ твоего създаніа,'' и проч. Здѣсь конецъ древней Кіевской лѣтописи, соединенной съ Волынск. Лѣт. Далѣе слѣдуютъ одни Волынскія и Галицкія извѣстія. — Въ 1199 заложили въ Русѣ деревянный городъ. Супруга Ярослава Владиміровича основала въ Новѣгородѣ на Михалицѣ женскій монастырь Рождества Богоматери; первою Игуменьею была тамъ жена Посадника Завида. — Въ 1200, Іюля 15, Всеволодъ заложилъ церковь Успенія въ монастырѣ Княгини своей. Въ 1201, зимою, затмѣніе луны. Дек. 24 преставилась въ Владимірѣ супруга Ярослава Владиміровича, свесть (своячина) Великаго Князя, и погребена въ монастырѣ сестры ея. Архіепископъ Митрофанъ поставленъ Іюля 3, а въ Новгородъ пріѣхалъ Сент. 14. Лѣто было отмѣнно дождливо. — Въ 1202, Авг. 5, преставилась Февронія, супруга Михаилова, бывшаго Велик. Князя, и погребена въ Суздалѣ, въ храмѣ Богоматери. Сент. 9 священа церковь Успенія, построенная супругою Всеволода въ ея монастырѣ. Зимою скончалась Евфросинія Борисовна, дочь Всеволодова брата, въ

Кидекшѣ, и положена въ церкви Бориса и Глѣба, близъ отца и матери. — Въ 1203 постригся Новогородск. Посадникъ Мирошка въ монастырѣ Св. Георгія или Юрьевскомъ; его мѣсто заступилъ Михалко Степанычь. Былъ моръ на лошадей въ Новогородской области („яко не лзѣ бяше пойти (отъ) смрады никуда „же"). — Въ 1204 были знаменія и въ солнцѣ и въ лунѣ. Умеръ сынъ Олега, Князя Черниговскаго (вмѣстѣ съ отцемъ). Упала соборная церковь Богоматери въ Ростовѣ. Дек. 18 преставился Муромскій Князь Владиміръ Юрьевичь и положенъ въ церкви Христовѣ. 30 Декабря скончалась дочь Всеволодова Елена, и погребена въ монастырѣ ея матери. — Въ 1205 „мѣсяць освѣ„щѣвъ 8 нощій" (ночей). — Въ 1206 умеръ Инокомъ бывшій Новогородскій Посадникъ Михалко (въ Монашествѣ Митрофанъ), который постригся 18 Маія въ Аркадьевскомъ монастырѣ; сынъ его, Твердиславъ, соорудилъ тамъ на вратахъ церковь Симеона Столпника. Великій Князь женилъ своего сына, Ярослава-Өеодора, на дочери Юрья Кончаковича (Хана Половецкаго). — Въ 1207, Февр. 28, въ Среду, затмѣніе солнца. Новогородцы, Володаревичи и Носовичи, перенесли съ Колѣна на Лубяную улицу церковь Св. Луки; заморскіе купцы совершили церковь Св. Пятницы Авг. 30, а Өеодоръ Пинещіиничь Св. Пантелеймона. Константинъ, сынъ Вел. Князя, Ноября 25 освятилъ церковь Михаила на своемъ дворѣ въ Владимірѣ, и далъ большой пиръ. — Въ 1208, Февр. 3, затмѣніе луны. Въ 1209, Дек. 7, родился у Константина сынъ Василій, а въ 1210, Іюня 18, Всеволодъ-Іоаннъ. Въ 1211 Новогородецъ Вячеславъ Прокшиничь совершилъ каменную церковь Сорока Святыхъ. (Сей Вячеславъ чрезъ нѣкоторое время постригся въ Хутынскомъ монастырѣ, былъ названъ Варлаамомъ и скончался въ 1243 году: Авторъ Степенной Книги — см. Ч. I, стр. 354 — несправедливо считалъ его и Святаго Варлаама Хутынскаго однимъ человѣкомъ. Отецъ Вячеслава, Прокша, былъ Инокомъ Хутынской обители при Св. Варлаамѣ: см. Новогородск. Лѣт. стр. 73, 77, 136).

Никон. Лѣт. говоритъ, что въ 1177 году Князь Романъ Глѣбовичь избилъ многихъ Половцевъ; что они въ 1195 сдѣлали много зла въ области Рязанской, и что въ 1209 убитъ въ Кадомѣ Рязанскій Тысячскій Матвѣй Андреевичь. Татищевъ, прибавивъ къ послѣднему извѣстію нѣкоторыя обстоятельства, сказываетъ еще, что Новогородцы на мѣсто умершаго Архіепископа, Гавріила, по жеребью избрали Мартирія; что жена Рюрикова любила шить золотомъ для церквей; что Митрополитъ, по желанію Князей Рязанскихъ и согласію Рюрика, отдѣлилъ тогда Рязанскую Епархію отъ Черниговской, и что Арсеній по-

ставленъ Епископомъ 26 Сентября. По житію благовѣрнаго Князя Константина и сыновъ его, Михаила и Θеодора, Муромскихъ чудотворцевъ, напечатанному въ Прологѣ (Маія 21), до самыхъ временъ Всеволода III язычество царствовало въ Муромѣ. Тамъ сказано, что Св. Глѣбъ, сынъ Владиміра Святаго, не могъ обратить Муромцевъ въ Христіанскую Вѣру, ни покорить ихъ, и жилъ верстахъ въ двухъ отъ сего города; что въ 1192 году Князь Великій Константинъ Святославичь, потомокъ Св. Владиміра, собравъ войско въ Кіевѣ, съ сыновьями Михаиломъ и Θеодоромъ осадилъ Муромъ и взялъ его; что въ жаркой битвѣ подъ стѣнами города убитъ Михаилъ; что Константинъ основалъ тамъ первую церковь Благовѣщенія, погребъ въ ней тѣло Михаилово, создалъ многія иныя церкви, выбралъ Епископа, просвѣтилъ весь народъ крещеніемъ, скончался и погребенъ въ той же церкви Благовѣщенія; что сродникъ его, Георгій Ярославичь, (въ XIII вѣкѣ) возобновилъ сей храмъ, и съ того времени мощи Константиновы и сыновей его начали славиться чудесами; что Царь Иванъ Васильевичь, въ 1553 году идучи съ войскомъ подъ Казань, жилъ въ Муромѣ 2 недѣли, и моляся надъ гробомъ Константина, обѣщался создать тамъ монастырь, который и былъ основанъ по взятіи Казани; что работники, копая рвы для новаго каменнаго храма, нашли нетлѣнныя мощи Константиновы и сыновей его; что сіи мощи положены въ каморѣ церковныя стѣны; что Царь прислалъ богатую утварь, и велѣлъ Рязанскому Епископу, Гурію, освятить новый храмъ. — Мы должны замѣтить для Читателей, что о Князѣ Константинѣ Святославичѣ совсѣмъ не упоминается ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ; что отъ временъ Андрея Боголюбскаго до нашествія Татаръ господствовали въ Муромѣ потомки Ярослава Святославича, правнука Св. Владиміра, изъ коихъ ни одинъ не назывался Константиномъ; что отъ 1175 году до 1204 княжилъ тамъ Владиміръ Юрьевичь, а отъ 1204 до 1228 братъ его, Давидъ Юрьевичь. — Въ рукописномъ Житіи сего Константина, Муромскаго Чудотворца (см. нашей Исторіи Т. I, примѣч. 214) прибавлено, что Муромъ имѣлъ прежде стѣны каменныя и мраморныя, отъ коихъ и названъ Муромомъ; что Константинъ ввелъ тамъ истинную Вѣру въ 1223 году съ такими же обрядами, какъ Св. Владиміръ въ Кіевѣ; что идолопоклонники крестились въ Окѣ; что Св. Князь обращалъ ихъ то ласкою, дарами или облегченіемъ налоговъ, то угрозами; раздавалъ чиновникамъ села, а инымъ деньги и платье; что первая Муромская церковь Благовѣщенія создана въ старомъ вышнемъ городѣ, а вторая была посвящена Борису и Глѣбу. Мы

знаемъ по современнымъ лѣтописямъ, что уже въ 1096 году находились Христіанскія церкви въ Муромѣ (см. сей Исторіи Т. II, примѣч. 178). Далѣе сказано: „Егда обрѣтоша мощи Св. Чу„дотворцевъ (Константина и сыновъ его), писали о томъ къ „Москвѣ гости Муромскіе, Четвертакъ Сычевъ, да Семенъ По„пяткинъ, къ Государю Царю Іоанну Васильевичу," и проч.

Авторъ Степенной Книги (Ч. I, стр. 315) разсказываетъ, что въ княженіе Всеволода III юный Михаилъ, сынъ Всеволода Чермнаго, ѣздилъ лечиться въ Переславль Залѣсскій къ преподобному Никитѣ, жившему въ столпѣ; что Чудотворецъ жезломъ своимъ исцѣлилъ Князя; что Михаилъ на томъ мѣстѣ поставилъ крестъ съ надписаніемъ 6694 года (1186); что сей крестъ стоялъ тамъ еще и въ концѣ XVI вѣка, и проч.

(154) См. Воскресенск. Лѣт. II, 156. Татищевъ говоритъ о мнимой перепискѣ Константина съ Георгіемъ, и проч.— Въ харатейныхъ лѣтописяхъ междоусобіе братьевъ описано такъ: „(въ 1212) приходи Гюрги Князь съ Ярославомъ къ Ростову, и „умиришася... Володимеръ (въ 1213) ѣха въ Москву. Приходи во„второе Гюрги съ Ярославомъ къ Ростову, и створиша порядъ „съ Костянтиномъ, и идоста къ Москвѣ Гюрги съ Ярославомъ, „и изведъ Гюрги Владимера изъ Москвы" и проч. Въ Воскресенской: „Костянтинъ нача рать замышляти на Георгія... „Георгій же, не хотя его къ себѣ пустити, иде нань съ братьею, „съ Ярославомъ, Володимеромъ и Іоанномъ... и умиришася (въ „1212 году)... Володимеръ бѣже въ Ростовъ къ Костянтину. „Юрьи же съ братьею иде къ нимъ на снемъ (съѣздъ) и бывшимъ имъ у Юрьева и смиришася. Володимеръ отъ Костянтина иде на Волокъ, и оттолѣ посла и Костянтинъ на Москву... „А Святославъ иде отъ Костянтина ко Юрьеви брату и дасъ „ему Юрьевъ Польскый.... Нача Костянтинъ (въ 1213 году) опять „рать замышляти. Георгій же поима братью Ярослава, Свято„слава, Іоанна и Давыда Муромскаго, и идоша къ Ростову. Кос„тянтинъ же посла полкъ свой на Кострому и пожьже ю всю, а „люди изымаша. Юрьи же приде къ Ростову и бишася о рѣку „Идшу (Вексу), и села пожгоша — и покончавше и крестъ цѣло„ваша, и поидоша къ Москвѣ на Володимера," и проч.

Ниже о Димитріи-Владимірѣ: „посла и въ Рускый Переяславль на столъ на отчину свою;" а Татищевъ пишетъ, что Владимірѣ долженъ былъ получить сію область отъ Всеволода Чермнаго.

Владиміръ поѣхалъ въ Переяславль въ 1213 году; а женился въ 1215 на дочери Глѣба Святославича, который по кончинѣ Рюрика сдѣлался Черниговскимъ Княземъ.

Далѣе: „Тогожъ лѣта (1218) пріиде Володимеръ изъ Поло„вецъ къ братьѣ своей, и даша ему Стародубъ и ину властьцю.“ Сей городъ былъ ниже Владиміра 60 верстъ: см. Больш. Чертежъ, стр. 201. — Татищевъ вымыслилъ обстоятельства того несчастнаго сраженія, въ которомъ Половцы взяли въ плѣнъ Владиміра. Никон. Лѣт. упоминаетъ о двухъ убитыхъ богатыряхъ сего Князя, Иванѣ и Димитріи.

(155) См. выше, примѣч. 133. Вѣроятно, что Рюрикъ умеръ не за-долго до изгнанія его наслѣдниковъ изъ Кіевской области въ 1214 году (см. Новогородск. Лѣт.). Татищевъ называетъ сего Князя пьяницею, лѣнивымъ и проч.; а Лѣтописецъ сказываетъ совсѣмъ противное (см. выше, примѣч. 153, подъ годомъ 1198). По Новог. Лѣт. Всеволодъ Чермный говоритъ сыновьямъ и племянникамъ Рюриковымъ: „братья моя есте два Князя по„вѣсили вы въ Галици,“ и проч. Основаніемъ клеветы было, кажется, то, что внучатные братья и союзники ихъ, сыновья Ярослава Луцкаго, участвовали въ возведеніи на престолъ Даніила, при коемъ случилось сіе злодѣйство въ Галичѣ. — Старшій Рюриковъ сынъ, Ростиславъ, зять Всеволода Великаго, тогда же или скоро умеръ: объ немъ не упоминается болѣе.

(156) „Въ лѣто 6721 (1213) въ Петрово говѣніе изъѣхаша „Литва безбожная Пльсковъ и пожгоша.“ О причинѣ Владимірова изгнанія сказано въ Liefl. Chronik, I, 97. Напрасно искавъ защиты Полоцкаго Князя, онъ уѣхалъ въ Ригу.

См. о Всеволодѣ Борисовичѣ Новог. Лѣт. стр. 79. Сей Князь былъ сынъ Бориса Романовича (см. выше, примѣч. 95).

(157) См. Грубер. Liefl. Chronik, I, 98, 121. Сіе было въ 1214 году.

(158) „Иде Князь (въ 1214 году) на Чудь на Ереву“ (Ервенъ, гдѣ нынѣ Вейсенштеинъ) „къ морю; села ихъ потрати и осѣкы „(засѣки) ихъ взьма.“ См. Liefl. Chr. I, 95, и Новог. Лѣт. 79. Нашъ Лѣтописецъ несогласенъ съ Ливонскимъ въ одномъ лѣтосчисленіи: послѣдній вездѣ отстаетъ тремя и четырмя годами. — Въ Новог. Лѣт. Давидъ Торопецкій названъ только братомъ Владиміра Псковскаго: вѣроятно, что Мстиславъ родился отъ первой супруги Мстислава Храбраго, а Давидъ и Владиміръ отъ второй.

(159) „Камо, Княже, очима позрити ты, тамо мы главами „своими вржемъ“ (вержемъ). Татищевъ прибавляетъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сказывая, на примѣръ, что Новогородцы не хотѣли быть подъ начальствомъ Мстислава Романовича, и для того воротились-было съ дороги. — Мстиславъ выступилъ изъ Новагорода Іюня 8, въ 1214 году.

(160) Въ Новогородской: „взяша Рѣчици" (Рѣчицу, городъ Минск. Губерніи) „и иные по Днѣпрю города Черниговскыя, и „придоша подъ Вышегородъ, и начаша ся бити, и одолѣ Мсти-„славъ, и яша 2 Князя, Ростислава Ярославиця и Ярополка, бра-„та его, внука Олгова; и Вышегородци поклонишася, отвориша „врата; а Всеволодъ изъ Кыева выбѣже за Днѣпръ — и покло-„нишася Кыяне, и посадиша Кыевѣ Мстислава Романовиця, „внукъ Ростиславль. Идоша къ Чернигову, и стоявше 12 дній, „взяша миръ и дары." Въ Воскресенской: „пойде Мстиславъ „Романовичь изъ Смоленьска на Кыевъ съ братьею, съ Володи-„меромъ Рюриковичемъ, и Костяитинъ и Мстиславъ Давыдови-„чи, и Мстиславъ Мстиславичь изъ Новагорода и Ингварь Яро-„славичь изъ Лучьска.... Всеволодъ же (Чермный) бѣже за „Днѣпръ, и мнози людіе истопоша во Днѣпрѣ... Идоша по немъ „Князи къ Чернигову и оступиша во градѣ Глѣба, брата его; а „Всеволодъ преставися — и стояша около града 3 недѣли, и „много зла сотвориша, и пригородъ пожгоша и села — и по-„томъ управившися и цѣловавши крестъ межь собою разидоша-„ся, и сѣде въ Кыевѣ Ингварь Ярославичь, а Мстиславъ Романо-„вичь въ Вышегородѣ, а Мстиславъ Мстиславичь иде къ Нову-„городу. Потомъ же даша Кіевъ Мстиславу Романовичю, а Ин-„гварь опять иде къ Лучьску." Сей Ингварь, внукъ Изяслава II, княжилъ и прежде въ Кіевѣ, въ 1202 году. По Воскресен. Лѣт. Мтиславъ ходилъ къ Кіеву еще въ 1212 году; но лѣтосчисленіе Новогородскаго кажется вѣрнѣе: см. выше, примѣч. 159. Татищевъ вымышляетъ кровопролитную битву въ полѣ, и проч.

(161) „Послаша по Ярослава Гюргя Иванковиця Посадника и „Якуна Тысяцкаго и купць старѣйшихъ 10 мужъ. И выде Яро-„славъ въ Новгородъ, и усрѣте и Архіепископъ Антонъ" (Татищ. пишетъ: 3 Мая). Сей Князь былъ прежде женатъ на Княжнѣ Половецкой (Воскресенск. II, 141). Въ харатейной Пушкин. и Троиц. лѣтописи сказано, что Новогородцы выгнали Мстислава въ 1216 году. Мы болѣе вѣримъ Новогородской. Татищевъ изобрѣтаетъ здѣсь подробности.

Далѣе: „Ярославъ я Якуна Зуболомиця, а по Ѳому посла по „Доброщиниця, по Новоторжскій Посадникъ, и оковавъ потоци и „на Тъхверь, и по грѣхомъ обади (оклеветалъ) Ѳедоръ Лазути-„ниць и Иворъ Новотърожьць Якуня Тысяцкаго Намнѣжиця. „Князь же створи Вѣче на Ярославли Дворѣ. Идоша на дворъ „Якунь, и разграбиша, и жену его яша; а Якунь заутра иде съ „Посадникомъ къ Князю и Князь повелѣ яти сына его, Хрософо-„ра (Христофора) Маія въ 21. Тогда же на Сборъ убиша Пруси" (жители Прусской улицы) „Овстрата и сынъ его Луготу, и

„вьргота и въ греблю мьртвъ. Князь же о томъ пожали (жало-„вался) на Новгородьцы... Пойде Князь на Тържькъ, поимя съ „собою Твьрдислава, Михалковиця Микифора Полюда, Сбыслава „Смена, Ольксу и много Бояръ, и одаривъ присла въ Новгородъ, „а самъ сѣде на Трожку."

Далѣе: „Той же осени много зла ся створи: поби мразъ „обилье по волости, а (въ) Трожку все чѣло (цѣло) бысть. И „зая Князь вършь (жито) на Трожку; не пусти въ городъ ни „воза. И послаша по Князя Смена Борисовиця, Вячеслава Кли-„мятиця, Зубца Якуна, и тѣхъ прія.... Кадь ржи купляхуть по „десяти гривенъ; а овса по три гривнѣ, а рѣпѣ возъ по двѣ грив-„нѣ (см. сей Исторіи Т. I, примѣч. 527)..... Дѣти свое даяхуть „одьрень" (не даромъ, но въ крѣпость: смыслъ сего выраженія объясненъ въ Новогородскихъ грамотахъ XIII и XIV вѣка). „И „поставиша скудельницю и наметаша полну. О горе бяше! по „търгу трупіе, по улицамъ трупіе, по полю трупіе; не можаху „пси изъѣдати человѣкъ. А Вожане" (жители Водской Пятины, гдѣ нынѣ Ораніенбаумъ) „помроша, а останке разъидеся... Нов-„городци же, останке живыхъ, послаша Гюргя Иванковиця По-„садника и Степана Твьрдиславиця и ины мужа по Князя: и „тѣхъ прія, а въ Новгородъ приславъ Иворaича Поноса, выведе „Княгыню свою къ собѣ, дчерь Мстиславлю. И послаша Мануи-„лу Яголчевыча съ послѣднею рѣчью," и проч.

(162) „И я Хота Григоревиця, Намѣстника Ярославля, и „всѣ Дворяны искова... И посла Мстиславъ на Тържькъ Попа „Гюргя Св. Іоанна на търговищи" (отъ церкви, бывшей на тор-говой площади). Татищевъ говоритъ (согласно съ однимъ Никоновск. Лѣтописцемъ), что Новогородцы сами призвали Мстислава; что онъ едва согласился исполнить ихъ волю, и просилъ зятя своего, Ярослава, жить честно съ женою, не давать ее въ обиду наложницамъ или отпустить къ отцу; что Константинъ совѣтовалъ Ярославу освободить захваченныхъ имъ Новогородцевъ, и проч.

Далѣе: „Изгошише (устроилъ Ярославъ) твьрдь, а пути отъ „Новагорода всѣ засѣкоша, и рѣку Тъхверцю, а въ Новгородъ „въсла 100 мужъ Новгородць Мстислава проваживать изъ Нова-„города."

Далѣе: „Новгородце съзва (Ярославъ) на поле за Тржькъ въ „Мясопустную Суббошу, вся посла исковавъ по своимъ городомъ," и проч.

(163) „Да не будеть Новый Търгъ Новгородомъ, ни Новго-„родъ Тържкомъ," и проч. — Къ Ярославу бѣжали тогда изъ Новагорода „Володиславъ Завидиць, Гаврила Игоре-

„вицъ, Гюргій Ольксиницъ, Гаврильцъ Милятиницъ, „съ женами и съ дѣтьми."

О Владимірѣ Псковскомъ См. Liefländ. Chronik, I, 104 — 107. Тесть Владиміровъ, Дитрихъ, братъ Епископа Альберта, отдалъ ему въ управленіе Идумейскую область (между Ригою и Венденомъ); но какъ его господство не нравилось Ордену, то Владиміръ уѣхалъ въ Россію. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возвратился съ женою и съ сыновьями, принялъ опять начальство надъ Идумеею, жилъ въ замкѣ Метимнѣ, судилъ народъ и старался всѣми способами умножать казну свою. Одинъ изъ тамошнихъ Священниковъ, именемъ Алобрандъ, недовольный его корыстолюбіемъ, сказалъ ему: „Государь! „ты долженъ судить людей право, а не утѣснять „ихъ. Отнимая послѣднее у бѣдныхъ, можешь ли утвердить здѣшній народъ въ Христіанской Вѣрѣ?" Князь разсердился и съ гнѣвомъ ему отвѣтствовалъ: „Алобрандъ! я заставлю тебя подѣлиться со мною „собственнымъ твоимъ богатствомъ." Владиміръ опять уѣхалъ въ Россію, и сдержалъ слово, данное имъ Священнику, какъ увидимъ послѣ.

(164) „Мѣсяца Марта въ 1 день, во Вторникъ по Чистѣй „недѣли (первой Вел. поста) пойде Мстиславъ на зять свой... „Серегеремъ (озеромъ Селигеромъ), и вниде въ свою волость" (Торопецкую, гдѣ онъ прежде княжилъ) „и рече Новгородцемъ: „идете въ зажитія" (впередъ, для заготовленія съѣстныхъ припасовъ) „толико головъ не емлете" (только людей не плѣняйте). „Идоша, исполнишася кърма и сами и кони... Осѣлъ Святославъ Ръжевку, городьцъ Мстиславль, съ пълкы въ 10 тысячь. Мстиславъ же съ Володимеромъ съ Пльсковскымъ пойде „въ бързѣхъ (скоро) въ 5 сътъ: толико бо всѣхъ вой бяшетъ; и „пригони, оли побѣгли прочь, а Ярунъ бяше затворился въ градѣ въ 100, и отбися. Мстиславъ пойде и взя Зубьчевъ, и быша „на Возусѣ (рѣкѣ Вазузѣ) и приде Володимеръ Рюриковичь съ „Смолняны, и идоша по Волзѣ воююче, и рекоша ему: пойди къ „Торожку. Рече же Мстиславъ и Володимеръ (Рюриковичь): пойдемъ къ Переяславлю; есть у наю третій другъ (Константинъ). И не бѣ вѣсти, гдѣ Ярославъ.... И наѣхаша на Яруна „сторожи за Тхверью Ярославли, и пособи Богъ Яруну, и многы „побиша, а иныхъ изъмаша; и бы вѣсть на Ярослава" (получили извѣстіе объ немъ), „и поидоша по Волзѣ воююче, и пожгоша

„Шешю (Шошу), Дубну и Ксняшинъ "(село Скняшино, на усшьѣ Нерли) „и все Поволожье. И усшрѣше Еремей ошъ Князя Ко„сшяншина съ любъвью и съ поклономъ; поидоша къ Переяславлю, и быша на Городищи" (селеніе Городищево въ Переславск. Округѣ) „на рѣцѣ Саррѣ (Серѣ) у Св. Маринѣ въ Вел. „Субботу Апр. 9, приде Косшяншинъ съ Росшовци, хресшъ цѣ„ловаша. Ярославъ же пойде съ Торожку, поимавъ сшарѣйшіе „мужи съ собою Новгородсшіи и молодыхъ избором̂ъ (выборомъ), „а Новошоржци вси; и приде Переяславлю, и скопи волосшь „свою всю, а Гюрги свою (въ) Володимери шакоже, а Свяшо„славъ шакоже."—Въ Воскресен. Лѣш. и другихъ прибавлены слѣдующія обсшояшельсшва: „Присла къ нему (Ярославу) въ „помощь брашъ его Юрьи Свяшослава и Михаила Борисовича Вое„воду съ полкомъ своимъ; а Косшяншинъ присла сына своего, „Всеволода, и начаша воеваши волосшь Торопецкую" (слѣдсшвенно Консшаншинъ шогда еще пришворно держалъ сшорону своихъ брашьевъ). Далѣе: „и послаша (Мсшиславъ и Владиміръ „Смоленскій) на Торжекъ ко Ярославу о миру, а сами сшаша на „Холохольнѣ" (мѣсшо неизвѣсшное близъ Волги въ Тверск. Губерніи). „Ярославъ же ошвѣща: мира не хощу; пошли есше, пой„дише жь" (въ Никон. Лѣш: и заяцъ на кровь ходишъ); „но ни сшу не досшанешся одинъ васъ. Князи рѣша (Новогород„цамъ): аще пойдемъ къ Торжьку, шо испусшошимъ Новгородь„скую волось. И пойдоша ко Тфери, и пожгоша села... Ярославъ „же иде съ Торжьку во Тферь...и посла 100 мужъ во сшорожу. „Они же ошшедше за 15 версшъ и явишася: шу бо сшояху Князи „(Новогородскій и Смоленскій) и шворисша рашь велику. Посла „же (Мсшиславъ) Яруна прошиву имъ на сшорожу, и погна Ярунъ „Ярославлихъ сшорожевъ, и изымаша ихъ 33, а 7 убиша. Се же „бысшь на Благовѣщеніе; и шогда бысшь вѣсшь, чшо Ярославъ „во Тфери, и шако яздяху въ зажишіе не боящеся. И ошшолѣ „послаша Волода, Боярина Володимеря, ко Князю Косшяншину, „а Володимера Пьсковьскаго съ Пьсковичи и со Смолняны на ру„бежь проводишь и, а сами съ Новгородци по Вользѣ поидоша; а „Володимеръ со Псковичи взяша городокъ Косняшинъ. И срѣше „Княжь Косшяншинъ Воевода Еремей Мсшислава и рече: Князь „Косшяншинъ кланяешся вамъ. Азъ радъ, слышахъ приходъ „вашъ; а се въ помочь вамъ 500 мужій раши; а ко мнѣ „пришлиша со всѣми рѣчми Всеволода (Мсшиславича, Романова „внука) шурина моего. Они же ошшолѣ ошрядисша Всеволода... „а сами поидоша по Вользѣ, и возы помешавше поидоша на ко„няхъ къ Переяславлю....и ошрядиша" (когда уже Князь Росшовскій соединился съ ними) „Володимера Пьсковьскаго въ Рос-

„шовъ“ (за чѣмъ же?)—„а сами сташа противу Переяславлю въ „Ѳомину Недѣлю; и яша человѣка, и испыташа, оже Ярослава „въ городѣ нѣтъ, но пошелъ бяше къ Юрью съ полкы. Юрьи „же Всеволодич со Святославомъ и съ прочею братьею вышли „бяху изъ Володимеря, и полци бяху съ ними силни, Муромци и „Бродници (см. Т. II, примѣч. 302) и Городчане и вся сила „Суздальской земли: погнано бо бяше изъ поселей (деревень) и „до пѣшецъ.“—О неважныхъ прибавленіяхъ Татищева не упоминаю. Онъ называетъ здѣсь Владиміра Псковскаго шуриномъ Константина: чего нѣтъ въ лѣтописяхъ.

(165) „Бяше бо у Князя Юрья стяговъ 17, а трубъ 40, толикоже и бубновъ; а у Ярослава стяговъ 13, а трубъ и бубновъ „60“ (Синод. библ. No 46).—Къ Георгію ѣздилъ посломъ Сотскій Ларіонъ.

(166) Никон. Лѣт. называетъ сего боярина Андреемъ Станиславичемъ, другіе Творимиромъ.

(167) „Се пришелъ вы товаръ въ руки. Вамъ же будутъ „брони, кони и порты; а человѣка кто иметъ живаго, тотъ „самъ будетъ убитъ. Аще и золотомъ шито оплечье будетъ, „то убей, да не оставимъ ни единаго живаго. Аще кто изъ „полку (сраженія) утечетъ не убитъ, а имемъ его, ино тѣхъ „вѣшати или распинати.“ Сіи подробности (отчасти не весьма вѣроятныя) находятся въ лѣтописяхъ Библіотеки Синодальной (No 365 въ четвертку, и No 46 въ листъ). Никон. Лѣт. еще прибавляетъ отъ себя разныя глупости, и не понялъ нѣкоторыхъ выраженій въ старыхъ лѣтописяхъ.

(168) Святослава Всеволодовича. — О битвѣ въ Воскресенск. и другихъ: „почаста позывати къ Липицамъ на бой.“ Въ Новогородской сказано, что Мстиславъ и Константинъ стояли на рѣкѣ Липицѣ. Далѣе: „Оплетено бо бѣ „мѣсто то плетенемъ и насовано колья.... Есть гора, словетъ Авдова: ту поставиша, Юрьи и Ярославъ, свои полки, а „Мстиславъ и Костянтинъ на другой горѣ, еже словетъ Юрьева „гора; а ручай посредѣ горы тоя: имя ему Тунегъ.“ — Георгій по Никон. Лѣт. отвѣтствуетъ Мстиславу на вызовъ: „пойдите убо чрезъ болонье и чрезъ дебрь сію: обычно бо есть свиніямъ по дебрямъ ходити и корасямъ въ грязяхъ валятися:“ чему подобны и другіе вымыслы сего Лѣтописца.

Всеволодъ, сынъ Мстислава Романовича, находился также съ Новогородцами.

Далѣе въ Новогородской: „И рекоша Новгородчи: „Княже! не хочемъ измерети на конихъ, нъ яко отчи наши „билися на Кулачьскѣ и пѣши. Мстиславъ поѣха за ними

„на коних." Въ Воскресенской и другихъ: „а къ боеви пой-„депе, кто како хощетъ, ли пѣшъ, ли на конехъ," говоритъ Мсти-„славъ, а Новогородцы отвѣчаютъ: „на конехъ не ѣдемъ," и проч.

Далѣе: „И егда бѣ полкъ Иворовъ (Воеводы Смоленскаго) „въ дебри, подчеся подъ Иворомъ конь..... Князь же Мстиславъ „проѣха трижды сквозь полкы Юрьевы и Ярославли сѣкущи людье: „бѣ бо у него топоръ съ проворозою (?) на руцѣ, и тѣмъ сѣча-„ше; такожь Князь Володимеръ." — Никон. Лѣт. прибавляетъ: „И пріиде на него Александръ Поповичь, имѣя мечь нагъ, хотя „разсѣщи его; бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онъ же возопи „глаголя: азъ есмь Князь Мстиславъ! . . . И рече ему Поповичь: „то ты не дерзай, но стой и смотри. Егда убо ты глава убіенъ „будеши, камо (другимъ) дѣти?" Сей же Лѣтописецъ говоритъ выше, что Александръ Поповичь, слуга его Торопъ, Добрыня Резаничь Златый Поясъ и Нефедій Дикунъ были витязи Константина Всеволодовича; но въ другихъ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ объ нихъ не упоминается.

Далѣе: „И вергше кіи (дубины), а иніи топоры, побѣгоша (Ярославовы воины) — и подтяша (подсѣкли) стягъ Ярославовъ, „и пристиже Иворь съ Смолняны, и досѣкошася другаго стяга „Ярославля," и проч. — Въ Новогородской: „и узрѣ Яро-„славль полкъ побѣгшь Гюрги, и тъ (тотъ) вда плече." Мы слѣдуемъ сей лѣтописи; а въ другихъ сказано, что Ярославъ стоялъ съ Муромцами, Городчанами (жителями Городца Волжскаго) и съ Бродниками противъ Владиміра Смоленскаго, Георгій противъ Мстислава, а меньшіе ихъ братья противъ Константина. Татищевъ вымышляетъ подробности битвы, и представляетъ Константина главнымъ дѣйствующимъ лицемъ.

Далѣе: „А Смолняне нападоша на товаръ и одираху мерт-„вьія — бяше бо слышати крикъ не до смерти убитыхъ въ „Юрьевѣ городѣ; не бѣ кто погребая мертвыя. Мнози истопоша „въ рѣцѣ; а иніи ранены изомроша."

Число убитыхъ означено мною по Воскресен. Лѣт., гдѣ прибавлено, что Новогородцевъ убито только 5 человѣкъ, да одинъ Смолянинъ; а въ Никонов. сказано: „убиша на томъ бою „(кромѣ иныхъ) Новгородцевъ сильныхъ зѣло Іева Поповича и „слугу его Нестора, вельми храбрыхъ, и плакася о нихъ Мсти-„славъ Мстиславичь; и бысть всѣхъ убито Новгородцевъ и „Смольнянъ и Ростовцевъ и Псковичь, кромѣ пѣшцевъ, 550 (у „Татищ. 2550), а Великаго Князя Юрья и братьи его воинства „избито 17,200, кромѣ пѣшцевъ." Въ Новогородской „на „томъ побѣдищи Гюргевыхъ и Ярославлихъ вой паде безъ чи-„сла, а Новгородьць убиша на сступѣ (въ битвѣ) Дмитра Пльско-

,,вичина, Антона Котелника, Иванка Прибышпиниця опоньника ,,(дѣлателя опонъ), а въ загонѣ Иванка Поповиця, Съмьюна Петриловиця, Търьскаго данника" (Терскаго собирателя дани).

(169) Въ рукописныхъ (Синодал. библ. No 365): ,,Ярославъ ,,прибѣгъ одинъ въ Переславль на пятомъ конѣ, а 4 задушилъ. ,,Еще бо не насытился крови: изыма Новгородцы и Смолняне, ,,иже бяху зашли гостьбою, и повелѣ ихъ вметати въ погребы, ,,а иныхъ въ гридницю, и издуши ихъ 150 человѣкъ, а Смол- ,,нянъ 15 не изомроша" (такъ и въ Воскр.).

О Георгіи: ,,Прибѣже въ Володимерь о полудни на четвер- ,,томъ кони, а трехъ одуши, въ первой сорочици; а подкладъ ,,(войлокъ подъ сѣдломъ) и то выверглъ" (Синод. библ. No 46 и 365).

(170) ,,Князь же Мстиславъ, до Хрестьянъ добрый, день ,,стояще на побоищѣ. Аще быша гонилися по нихъ, то Князю ,,Юрью и Ярославу не уйти было, а градъ бы Володимерь изго- ,,нили (взяли неожидаемо); но тихо пріидоша къ Володимерю" (Синод. библ. No 365).

Далѣе въ Новогород.: ,,той нощи загорѣся городъ и Княжь ,,дворъ, и хотѣша Новгородци полѣзти къ городу, и не да имъ ,,Князь Мстиславъ." Въ Воскресенской: ,,Придоша (ко Вла- ,,диміру) въ Недѣлю рано, и загорѣся въ городѣ... Во Вторникъ ,,во второй часъ нощи опять загорѣся градъ и горѣ до свѣта. ,,Смолняне же просяхуся взяти градъ, и не пусти ихъ Князь Во- ,,лодимеръ." Татищевъ, желая вездѣ хвалить Константина, говоритъ, что сей Князь, а не Мстиславъ, удержалъ воиновъ отъ приступа. См. Воскресенск. Лѣт. II, 165, и выше, примѣч. 13.

(171) Іоаннъ, Епископъ Суздальскій, Ростовскій и Владимірскій, въ 1214 году отказался отъ Епархіи, и (какъ сказано въ лѣтописяхъ) пострижеся въ Черници въ монастыри въ Боголюбомъ. Тогда Константинъ отправилъ духовнаго отца своего Пахомія, Игумена Петровскаго, въ Кіевъ, и Митрополитъ Матѳей поставилъ его Епископомъ Ростову (Ноября 1). Когда же Пахомій (въ 1215 году, Генв. 28) пріѣхалъ въ Ростовъ, Георгій захотѣлъ имѣть особеннаго Епископа и выбралъ Симона, бывшаго Игуменомъ въ обители Рожественской; а Кіевскій Митрополитъ посвятилъ его. Въ современной лѣтописи названъ Симонъ (умершій Схимникомъ въ 1226 году, Маія 22) учительнымъ и милостивымъ. Тѣло его было погребено въ Соборной Владимірской церкви: какимъ же образомъ очутилось въ Кіевской пещерѣ (гдѣ его показываютъ), не знаю. О сочиненіяхъ сего Епископа см. въ Патерикѣ (л. 196 и 201 на об.), гдѣ на-

печатано и посланіе его къ Поликарпу, но выпущены самыя любопытнѣйшія мѣста, или все историческое, касающееся до характера и жизни Поликарповой; на примѣръ слѣдующія, найденныя мною въ древнемъ рукописномъ Патерикѣ (Синодалн. Библ. No 163): ,,Довольно же ти буди, брате, твоего круподу шія ,,(надменности, величанія) сътвореное дѣло; тѣмъ же ти плака,,тись подобаеть, да прощенъ будеши, яко оставивъ святый и ,,честный монастырь и Свв. отецъ Антонія и Ѳеодосія и Свв. ,,Черноризецъ, иже съ нима, и ялся еси игуменити у Святою ,,Безмезднику. Добрѣ еси сътворилъ, лишився таковаго начина,,нія пустошнаго, и не далъ еси плещу врагу своему.... Не вѣси ,,ли, яко древо часто напаяемо скоро истетъ (изсохнетъ)? Ов,,ча, пребывая въ стадѣ, не врежена будеть... Что ради въсхо,,тѣлъ еси изыти отъ святаго и спасенаго того мѣста, въ ,,немъ же дивившеся всякому хотящему спастися? Мню, брате, ,,яко Богъ створи се: не терпя твоея гордости, низверже тя, ,,якоже преже Сатану со отступными силами, зане не въсхо,,тѣлъ еси служити святому мужеви, своему господину, а наше,,му брату Архимандриту Анкидину, Игумену Печерьскому. ,,Печерьскый монастырь море есть: не держить въ себѣ гнило,,го, но измещеть вонъ. А еже вписалъ ми еси досаду свою, лю,,тѣ тебѣ, яко погубилъ еси душу свою. Въпрошаю тебе, чимъ ,,хощеши спастися? аще постникъ еси, или трезвитель о ,,всемъ и нищь, безъ сна пребывая, а досады не терпя, не полу,,чишь спасенія. Но радуется о тебѣ Игуменъ и вся братія, и ,,мы вѣсть слышавше, и вси утѣшихомся о обрѣтеніи твоемъ, ,,яко погиблъ бѣ и обрѣтесь. (Но) попустихъ и еще (вторично) ,,твоей воли быти, а не Игуменѣ (не воли Игумена): въсхотѣлъ ,,еси паки игуменити у Св. Димитріа, а не былъ тебе прину,,дилъ Игуменъ, или Князь, или азъ. И се уже искусился еси: ,,разумѣй, брате, яко не угодно Богу твое старѣйшиньство, и ,,сего ради дарова ти оскудѣніе очію (слабость зрѣнія).... разу,,мѣхъ тя санолюбца, и славы ищеши отъ человѣкъ.... Сущимъ ,,отъ Бога не хощеши повѣнутися (повиноваться), и мысли,,ши высочайшая..... Пишеть же ми книги (письма) Княгиня Ро,,стиславля" (супруга Ростислава Рюриковича, дочь Вел. Князя Всеволода III) ,,Верхуслава, хотящи тебе поставити Еписко,,помъ Новуграду на Онтоніево мѣсто, или Смоленску на Лаза,,рево мѣсто, или Юрьеву на Олексіево мѣсто: аще ми и ,,тысяща сребра (слова Княгини) расточити тебе ради ,,и Поликарпа ради. И рѣхъ ей: дщи моя Анастасіе! дѣло ,,не богоугодно хощеши сътворити. Абы пребылъ въ манастыри ,,неисходно съ чистою съвѣстію... то не токмо бы въ Святи-

„тельскую одежду оболченъ, но и Вышняго Царьства достоинъ „бы былъ... Аще бы ты былъ достоинъ таковаго сана, не быхъ „тя пустилъ отъ себе; но своима рукама Намѣстника тя по„ставилъ быхъ въ обѣ Епископьи, Володимерю и Суздалю, яко „же Князь Георгій хотѣлъ, но азъ ему възбранилъ, видя твое ве„ледушіе (гордость).... Азъ бы радъ оставилъ Епископьство и „работалъ Игумену, но вѣси, кая вещь держитъ мя; и „кто не вѣсть мене грѣшнаго Епископа Симона и сея Зборныя „(Соборныя) церкви красоты Володимерскія и другія Суздальскія, „юже самъ создалъ! Колико имѣета градовъ и селъ! и десяти„ну збираютъ по всей земли той; а тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша „худость. Предъ Богомъ ти молвлю: всю сію славу и власть яко „калъ мнѣлъ быхъ, аще бы ми трескою (коломъ) торчати за „враты или сметіемъ (соромъ) валятись въ Печерскомъ мана„стыри и попираему быти человѣки, лучьши есть чести вре„менныя. День единъ въ дому матере Божія паче 1000 лѣтъ, въ „немъ же волилъ быхъ пребывати, паче неже жити ми въ се„лѣхъ грѣшничихъ.“ Сей Поликарпъ, описатель житія Печерскихъ Угодниковъ, здравствовалъ, какъ видимъ, и былъ простымъ Монахомъ Лавры во время Епископства Симонова, отъ 1215 до 1226 года; слѣдственно онъ не Архимандритъ Поликарпъ, умершій въ 1182 году (см. выше, примѣч. 153): чего не зналъ Авторъ Поликарпова житія, писаннаго въ новѣйшія времена (см. Патерикъ).

Татищевъ безъ всякаго основанія называетъ Епископа Симона Лѣтописцемъ.

(172) Въ Воскресен. Лѣт.: „Костянтинъ иде въ Володимерь, и срѣтоша и за градомъ весь Священническій чинъ и „людіе вси... и въ той день Костянтинъ одари Князи и Бояре.“ Въ Новогородской: „посадиша Новгородци;“ а въ другихъ: „посадише Мстиславъ Костянтина на столѣ отни“ (отеческомъ). — Далѣе въ Воскресенской: „Князи же здумавше „поидоша къ Переаславлю въ Пятокъ 3 недѣли по Пас.... Во „Вторникъ же 4 недѣли выйде (Ярославъ) изъ града и „удари челомъ Костянтину... А Мстиславъ не иде къ городу, и „посла по дщерь свою, и выйде въ станъ за городъ. Ярославъ „же многажды сылая съ мольбою къ Мстиславу, прося своея „Княгини: Князь же Мстиславъ не дасъ ему.“ Татищевъ выдумалъ Констянтинову и Мстиславову рѣчь.

(173) См. Воскресенск. Лѣт.: „и води его (Георгія) „ко кресту и одаривъ дары многими.“ Георгій въѣхалъ въ Суздаль Сент. 11, по Воскресенск. Лѣт.

(174) „Пойде Мстиславъ Кыеву, остави въ Новѣгородѣ Кня-

„гыню и сына своего, Василія, и поя съ собою Гюргя Иванкови-„ця, Сбыслава Спепаниця, Ольку Пупиловиця.“

Современный Ливонскій Лѣтописецъ (Liefländ. Chr. I, 125) говоритъ, что Россіяне, соединясь съ Эзельцами и Чудью, имѣли около 20,000 воиновъ; что они бросали мертвыя тѣла въ рѣку, текущую у подошвы горы, на коей стоялъ Оленпскій замокъ, дабы осажденные не могли брать воды для утоленія своей жажды; что Нѣмцы терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и что голодныя лошади Рыцарей о т г р ы з а л и х в о с т ы одна у другой. Сіе происходило въ 1217 году.

По сказанію Ливонск. Лѣтописца, Владиміръ хотѣлъ везти тестя своего во Псковъ, но воины Новогородскіе силою увели Дитриха съ собою.

(175) „Князь же Мстиславъ приде въ Новгородъ безъ нихъ“ (т. е. когда войско еще находилось въ Чудской землѣ) „и я „Станимира Дьрновиця съ сыномъ Нездилою и оковавъ потоци, „и товаръ пойма безъ числа, и опять пусти....Приде Мстиславъ „(въ 1218 году) на Тържекъ и я Борислава Некуришница, и поимавъ товаръ многъ и пусти и. Тъгдажь разболѣся Княжицъ Ва-„силій Мстиславичь на Търожку, и привезоша и въ Новгородъ „мертвъ, и положиша у Св. Софіи въ головахъ у дѣда въ Св. „Борогодицѣ.“—Татищевъ пишетъ, что Мстиславъ, будучи въ Кіевѣ, посылалъ Боярина въ Галичь къ Коломану.

(176) Въ В о л ы н с к. Л ѣ т.: „Галичане выгнаша Данилову „матерь...Данилъ же не хотѣ отстати матере своея и плака-„шеся...и пріѣхалъ Александръ, Тивонъ (Тіунъ) Щюмавинскый, „и я за поводъ; онъ же и з м о к ъ (извлекъ) мечь и тя его, и „потя конь подъ нимъ; мати же вземши мечь изъ руку, умо-„ливши его, остави въ Галичи, а сама иде въ Белзъ, остави у „невѣрныхъ Галичанъ Вълодиславлимъ съвѣтомъ, хотяще бо „княжити сами. Увѣдавъ же Король о изгнаніи ея, съжалиси. „Зимѣ же бывши, пріиде Король въ Галичь и приведе ятровь „свою, Вел. Княгиню Романову, и Бояре Вълодимерскіи и Инг-„варь пріиде изъ Луцка и иніи Князи. Съвѣтъ сътвори съ ят-„ровью и съ Бояры Вълодимерскыми, и рече имъ: Вълодиславъ „княжится; а ятровь мою выгналъ. Яту бывшю Володиславу, и „Судиславу, и Филипу, и мучену бывшю, много имѣніа давъ. Су-„диславъ же въ з л а т о п р е м ѣ н и с я, рекше много злата давъ „избавися. Володислава оковавше ведоша въ Угры...Яволоду же „и Ярополку, брату его, бѣжавшю въ Пересопницу къ Мьсти-„славу, възведша Мьстислава, и пріиде Мьстиславъ съ ними къ „Бозку (Бужску). Глѣбъ же Нъпковичь избѣже изъ Бозку и Ста-„ниславичь Иванко, и братъ его Збыславъ прибѣгоша въ Галичь,

,,повѣдающе рать и оступленіе Галичанъ. Княгини жъ Романова ,,съ сыномъ своимъ Даниломъ и съ Вячеславомъ Толстымъ бѣжа ,,въ Угры, а Василько съ Мирославомъ ѣха въ Белзь. Времени же ,,минувшю, Король стлаше рать велику. Въ тожь лѣто пріиде ,,Лестко, убѣженъ Олександромъ (Олександръ же хотя зла Ро- ,,мановичема) и пріа Белзъ, и дасть Олександру; а Бояре не из- ,,невѣришась, но идоша вси съ Княземъ Василкомъ въ Каменецъ. ,,Король же пусти Володислава...и иде на Галичь. Ставше же ,,въ монастыри Лелесовѣ, невѣрніи же Бояре хо- ,,тѣша его убити, и убиша же жену его; а шюринъ его ,,одва утече: Патріархъ Явлейскій" (Яврейскій или Раб- ,,скій Епископъ?) ,,и мнози Нѣмци избиты быша; а друзіи ,,разбѣгошась. Мятежю жъ бывшю, Королеви не могшю войны ,,учинити за беззаконіе ихъ." (Сіе извѣстіе важно для Исторіи Венгерской, въ которой убіеніе Королевы Гертруды въ 1213 году есть случай темный: см. Прая Ann. Reg. Hung. кн. III, стр. 201. Свидѣтельство одного современнаго Лѣтописца, приводимое Праемъ, доказываетъ истину нашего. Regina Gertrudis Hungarorum, говоритъ онъ, *sponso expeditionem contra Ruthenos movente*, a Comite quodam Petro trucidatur.) ,,Володиславу ѣхавшю напередъ съ ,,всѣми Галичаны, Мьстиславъ бо (Нѣмый), увѣдавъ Королеву ,,рать велику, избѣже изъ Галича. Володиславъ же ѣха въ ,,Галичь, и вкняжися, седѣ на столѣ" (безъ сомнѣнія по волѣ Короля: ибо увидимъ ниже, что у Владислава было Венгерское войско, и что Андрей хотѣлъ мстить Герцогу Лешку за нападеніе на сего правителя Галиціи). ,,Данилъ же отъиде съ матерью въ Ляхы, отпросився отъ Короля. Лестко же пріа Да- ,,нила съ великою честію и оттуду иде въ Каменецъ съ ма- ,,терью. Братъ же его Василко и Бояре срѣтоша и съ великою ,,радостію. Въ та же лѣта княжаше Всеволодъ въ Кыевѣ Святополчичь, имѣа велику любовь къ дѣтямъ Романов. Потомъ же ,,Мьстиславъ Пересопницкій, посадивъ Лестька, пойде въ ,,Галичь." (Не весьма ясно: то ли, что Мстиславъ Нѣмый уступилъ Пересопницу Герцогу Лешку, или призналъ себя его подручникомъ? Слово посадивъ не есть ли здѣсь описка вмѣсто другаго?) ,,Лестько жь поя Данила съ Каменца, а Олександра ,,изъ Володимеря, а Всеволода (Александрова брата) изъ Белза... ,,Бѣша бо вои Даниловы болшіи и крѣпльшіи, Бояре Велиціи ,,отца его вси у него. Видѣвъ бо Лестько се, поча имѣти любовь ,,велику къ Данилу и брату его. Затворивша же ся Ярополкъ ,,и Яволодъ въ Галичи, а Володиславъ выиде съ Угры и Чехи ,,своими, и събра вся Галичаны, и пріиде на рѣку Бобрьку.... ,,и Лестько посла на него Ляхы, а отъ Данила Мирослава и

„Деміана, а отъ Мьстислава Глѣбъ съ Еремеевичемъ, и Про-„копьевичь Юрья. Бывши жь сѣчи велицѣ, одолѣша Ляхове и „Русь. Данилу же тогда дѣтску сущю... а Володиславъ бѣжа... „Потомъ же Лестко не може пріати Галича... воева около Те-„ребовля и Моклекова и Збаряжа, и Быковецъ взятъ бысть Ля-„хы и Русью... и въропися въ Ляхы. Потомъ же Данило и Ва-„силко Лестьковою помощью пріаста Тихомль и Перемиль отъ „Александра, и княжаста съ матерью въ немъ, а на Володи-„меръ зряща: се ли, ово ли Володимерь будеть наю!... Потомъ „же Король пойде на Лестька. Данилови же у Лестька „сущю, Лестько посла Лестича и Пакослава Воеводу" (объ немъ упоминаетъ Длугошъ) „рекый: не есть лѣпо Боярину кня-„жити въ Галичи, но пойми дщерь мою за сына своего Колома-„на и посади его въ Галичи. Улюби жь Король совѣтъ Пако-„славль, и сняся съ Лестькомъ въ Зпиши, и поя дщерь его за „сына своего, и послалъ и я Володислава въ Галичи, и заточи, и „въ томъ заточеніи умре...... Король же посади сына въ Гали-„чи, а Лестькови да Перемышль, а Пакославу Любачевъ. Пако-„славъ бо бѣ пріатель Романовой и дѣтемъ ея. Съвѣтомъ „же Пакославлимъ Лестко посла къ Александрови, река: дай Во-„лодимерь Романовичема; оному жь не давшю, Лестко жь поса-„ди Романовича въ Володимери," и проч. какъ мы сказали въ Исторіи. — По хронологіи Ипатьевскаго списка (см. выше, примѣч. 113) Король Венгерскій приходилъ въ Галичь въ 1209 году, Даніилъ уѣхалъ къ брату въ Каменецъ въ 1210, а сѣлъ на Владимірскомъ престолѣ въ 1211.

(177) См. Райнальд. *Annales Ecclesiastici*, T. XIII, стр. 236. Noverit igitur Sanctitas Vestra, пишетъ Король, quod Halicienses Principes et populus, nostrae ditioni subiecti humiliter a nobis postularunt, ut filium nostrum Colomanum ipsis in Regem praeficeremus in unitate et obedientia sacrosanctae Romanae Ecclesiae perseveraturis in posterum, salvo tamen eo, quod fas illis sit, a ritu proprio non decedere. Verum ne tam expediens nobis et vobis illorum propositum ex dilatione sustineat impedimentum, quod quidem multis ex causis accidere posse constat, si legatum ad hoc exequendum a latere vestro destinatum praestolamur, a Sanct. Vestra postulamus, quatenus venerabili in Christo patri nostro Strigoniensi Archiepiscopo detis in mandatis, ut apostolica fretus authoritate dictum filium nostrum eis in Re-

gem inungat, et sacramentum super obedientia sacrosanctae Romanae Ecclesiae exhibenda ab eodem recipiat. **Король боялся, чтобы** *доброе расположеніе* **Галичанъ не перемѣнилось!**

Длугошъ пишетъ, что Коломана вѣнчалъ Царскимъ вѣнцемъ Епископъ Краковскій Кадлубекъ, пріѣхавшій съ невѣстою его въ Галичь; но Папа Гонорій въ грамотѣ своей, писанной къ Андрею въ 1222 году, говоритъ о Гранскомъ (или Стригонскомъ) Архіепископѣ: per venerabilem fratrem nostrum, Strigoniensem Archiepiscopum auctoritate Sedis Apostolicae coronato (Коломану) in Regem: см. Райнальд. Ann. Eccl. Т. XIII, стр. 324. Въ нашихъ лѣтописяхъ (см. Воскресенск. II, 156): „Въ лѣто 6722 (1214) Король „Угорьскый посади сына своего въ Галичи, а Епископа и Попы „изгна изъ церькви, а свои Попы приведе Латыньскіе на службу." Бракосочетаніе и коронованіе Андреева сына совершилось, можетъ быть, года черезъ два. Въ рукописномъ харатейномъ житіи Св. Саломеи, которое находилось въ Залуцкой библіотекѣ, сказано, что сія Княжна не имѣла еще тогда и трехъ лѣтъ отъ рожденія (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 185).

(178) Сіе злодѣяніе совершилось по Новогородск. Лѣт. въ 1218 году, а по харатейнымъ въ 1217, Іюня 20, когда Георгій Всеволодовичь уже княжилъ въ Суздалѣ. „Снемшися имъ всѣмъ „на Исадѣхъ на порядъ: Изяславъ, Кюръ Михаилъ, Ростиславъ, „Святославъ, Глѣбъ, Романъ. Ингваръ же не успѣ пріѣхати: не „бѣ бо приспѣло еще время его..... Глѣбъ изнаряди свои слуги и „поганыхъ Половецъ и скры я въ полстницѣ (въ постельномъ „шатрѣ) близъ шатра, въ немъ же бѣ имъ пити," и проч. Недалеко отъ Рязани есть селеніе Исады. Впрочемъ такъ назывались и пристани: см. сей Исторіи Т. IV, примѣч. 355. Татищевъ говоритъ о долговременной болѣзни и смерти Романа Глѣбовича Рязанскаго.

(179) „Въ лѣто 6726 (1218) Вел. Князь Костянтинъ, Маія „въ 6 день, заложи церковь камену на торговищи въ Володимери, „Вздвиженье Креста; того же лѣта и свершена Сент. въ 14 „день... Въ тоже лѣто приде Епископъ Полотскый изъ Царя„града къ Вел. Князю въ Володимерь, вѣдый его любовь и же„ланье до всего божественнаго, церковнаго строенья, до св. „иконъ и мощій святыхъ, и до всего душеполезнаго пути, веду„щаго въ жизнь вѣчную, и принесе ему етеру" (нѣкую: см. Кормч. Кн. гл. 46, л. 50 на об.) „часть отъ Страсти и огнь, „яже насъ ради Христосъ отъ Іудей претерпѣвъ, и мощи Св. „Логина Сотника, его руцѣ обѣ, и мощи Св. Марьи Магдалины.

„Константинъ же съ радостію великою створи праздьньство „свѣтло о приходѣ ихъ, и постави и у Възнесенья въ манас-„тыри передъ Золотыми вороты.... И на память Мученика Ло-„гина повелѣ Князь, по отпѣтьи заутрени, отъ Св. Богородицы „Сборныя и отъ Св. Дмитрія ити всему народу, съ кресты „Епископу со всѣмъ Клиросомъ, и самъ Князь съ своими благо-„родными сынъми и со всѣми Боляры идоша къ Св. Възнесенью. „Взятъ же Епископъ на главу свою святую ту раку, въ ней же „бѣ положено святое то сокровище, и тако възвратишася въ „градъ, и идоша къ Св. Дмитрію, поюще и славяще Господа, и „ту цѣлова Епископъ и Князь и вси правовѣрніи человѣцы.... То-„гожь лѣта священа бысть церкви (церковь) Св. Мученику Бо-„риса и Глѣба Ростовѣ Епископомъ Кирилмъ Авг. въ 25 день, „ту сущю В. К. Константину съ благородными дѣтми, Васил-„комъ и Всеволодомъ и Володимеромъ и со всѣми Боляры, и „створи пиръ, и учреди люди, и многу милостыню створи: „такъ бо бѣ обычай того блаженнаго Князя". — Татищевъ пи-шетъ, что Епископъ Полоцкій привезъ къ Константину часть креста Господня, и что Вел. Князь вдѣлалъ оную въ большой золотой крестъ, хранящійся нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

Константинъ преставился въ 7 часу дня. Васильку было тогда девять лѣтъ, а Всеволоду десять отъ рожденія. Тати-щевъ заставляетъ умирающаго Константина говорить длин-ную рѣчь о суетѣ міра, должностяхъ Князя, и проч., сказывая, что онъ написалъ сію рѣчь на свиткѣ и вручилъ дядькѣ Василь-кову, Никонору, а для меншаго сына, Владиміра, бывшаго на рукахъ у мамки, назначилъ Бѣлоозеро.

О характерѣ Константина: „Не опечаляя никого же, но „всѣхъ умудряя духовными бесѣдами; часто бо чтяше книгы съ „прилѣжаньемъ, и творяше все по писаному. Одаровалъ бѣ Богъ „его кротостью Давидовою, мудростью Соломонею." Татищевъ вымыслилъ, что Константинъ отказалъ свою библіотеку Вла-димірскому училищу; что онъ дорогою цѣною купилъ многія Греческія книги для перевода на Русской языкъ, и самъ описы-валъ дѣла древнихъ Князей; что Патріархи обыкновенно дари-ли его книгами, коихъ было у него болѣе тысячи, и проч. Су-пруга Константинова скончалась въ 1221 году, Генв. 24, и поло-жена въ Ростовѣ.

(180) „Новгородци же послашася Смольньску по Святослава „по Ростиславиця, и приде въ Новгородъ Авг. въ 1:" не Ростиславичь, а Мстиславичь, сынъ Мстислава Ро-мановича Кіевскаго (см. ниже, примѣч. 181).

Далѣе: „И бысть на зиму, побѣже Матей Душильцевиць, „связавъ Моисѣиця бириць (бирючь) Ябедниць. Новгородци же угонивше его, яша, и ведоша на Городище, и въиде (вниде) лжа „въ городъ: выдалъ Твърдиславъ Князю Матея, и взвониша у „Св. Николы Ониполовици (за рѣкою живущіе) цересъ (чрезъ) „ночь, а Неревьскый Кончь (конецъ) у Святыхъ 40 такжe, копяче людье на Твърдислава. И бысть заутра, пусти Князь Матея, учювъ гълку (голку, шумъ), и поидоша Ониполовици изодѣтіи въ бръняхъ, а Неревляне такожь, а Загородци не всташа ни по сихъ, ни по сихъ, нъ зряху перезора.... И пойде „(Твердиславъ) съ Людинемъ Концемъ и съ Прусы, и бысть сѣця у городныхъ воротъ и побѣгоша на онъ полъ, а друзіи въ „Конць, и мостъ переметаша; и переѣхаша Ониполовици въ „лодьяхъ, и поидоша силою... Убиша мужь Прусъ, а Концянъ" (изъ жителей Людина Конца) „другый, а оныхъ половиць Ивана Душильцевиця, братъ Матеевъ; а въ Неревскѣмъ Конци „Кснятина Прокопіиниця, иныхъ 6 мужъ, и раненыхъ много „обоихъ. Бысть же се м. Генв. въ 27."

(181) „Присла Вел. Князь Мстиславъ Романовиць изъ Кыева сынъ свой Всеволодъ, рече: пріимите собѣ Всеволода, а Святославъ старѣйшаго пустите къ мнѣ."

(182) „Пойде тоя зимы Сьмьюнъ Еминъ въ 4 стѣхъ на Тоймокары, и не пусти ихъ Гюрги ни Ярославъ сквозь свою землю, и придоша Новугороду въ лодьяхъ, и ста по полю шатры „на зло, и замыслиша, Твърдиславъ и Якунъ Тысячскый засла „къ Гюргю, не пусти ихъ туда" — то есть, вздумали, что Посадникъ и Тысячскій дали совѣтъ Георгію не пускать ихъ — „и „взвадиша городъ. Тъгда отъяша Посадничьство у Твърдислава, „и даша Смену Борисовицю, и Тысяцское у Якуна и даша Семьюну Емину." **Тоймокарами** называлось мѣсто въ окрестности рѣкъ Нижней и Верхней Тоймы, впадающихъ въ Двину близъ границъ Архангельской и Вологодской Губерніи.

Новогородцы вторично выбрали Твердислава въ Посадники через нѣсколько мѣсяцевъ, возвратясь отъ Пертуева или Пернау (см. ниже).

Далѣе: „Того же лѣта (въ 1220 году) иде Всеволодъ въ „Смольнскъ съ своимъ орудіемъ (за своимъ дѣломъ). Той же зимы приде изъ Смольнска на Тържькъ, и вложи (Діаволъ) Князю „грѣхъ въ сердци, гнѣвъ до Твърдислава, и безъ вины..... И скопишася о немъ Прусъ и Людинъ Конецъ и Загородци.... и урядивше на 5 пълковъ... Присла (Всеволодъ) Владыку Митрофана „съ всѣми добрыми повѣстьми, и сведе и Владыка въ любьвь, и „кресть цѣлова и Князь и Твърдиславъ." Далѣе о семъ Посадни-

кѣ: „Не мочьнъ бо бѣ; и даша Посадничество Иванку Дмитро-„вицю. Въ той же немочи пребы 7 недѣль, и прія и больше не-„мочь, и утаився женѣ и дѣтій и всей братіи, иде къ Св. Бого-„родицѣ въ Аркажь манастырь и пострижеся Февраря въ 8 день „(въ 1221 году). Тогда и жена въ друзѣмъ монастыри постри-„жеся у Св. Варвары.“

(183) „Приде (въ 1218 году) изъ Володимеря Архіеп. Мит-„рофанъ, и провадиша и Новгородци къ Св. Богородици Благо-„вѣщенію... Иде (въ 1219 году) Антонъ Арх. Нов. на Тържькъ. „Новгородци же введоша Арх. Митрофана въ дворъ опять на „столъ... Антоній же пойде въ Новгородъ къ Св. Спасу въ Не-„редицяхъ.... И пустиша (Князь и народъ) съ нима Цьрньця Ва-„сіяна Попа, а другаго Попа Бориса.“

(184) „Иде Всеволодъ (въ 1219 году) съ Новгородци къ Пер-„туеву, и устрѣтоша стороже Нѣмци, Литва, Либь (Ливь), и „бишася, и пособи Богъ Новгородцемъ.“ См. Liefländ. Chr. I, 139. Кельхъ въ своей Исторіи (стр. 59) говоритъ, что Россіяне одержали побѣду.

(185) См. Воскр. Лѣт. I, 26. Тамъ же, стр. 170: „того же „лѣта (въ 1219) Ингваръ (внукъ Глѣбовъ) присла къ Вел. Князю „Георгію и къ Ярославу помощи просящи на Половци, и посла-„ста къ нему полки своя, и иде съ ними на Половци. Они же „бѣжаша, а кои неуйдоша, и тѣхъ избиша.“

(186) См. Воскрес. Лѣт. II, 169. Сіе было въ 1219 году. Татищевъ хотѣлъ поправить лѣтописи и говоритъ, что Болгары воевали тогда не Россіянъ, а Югровъ, и взяли ихъ городъ Унжу (вмѣсто Устюга).

Лѣтописецъ о великомъ градѣ Устюгѣ (находящійся въ Вологодской Епископской библіотекѣ) согласно съ мѣстнымъ преданіемъ говоритъ: „Оный древній городъ Гледенъ отъ „нынѣшняго въ Черномъ Прилукѣ стоящаго града Устюга раз-„стояніемъ внизъ по рѣкѣ Сухонѣ яко три версты до монасты-„ря Живоначальныя Троицы, а отъ монастыря до тоя горы Гле-„дена чрезъ пахотныя поля яко едина верста. Гора оная того „ради и нарицается Гледень, что съ поверхности ея на вcѣ „окрестныя страны смотрѣть (глядѣть) удобно.“ Древніе жители Устюга переселились на нынѣшнее мѣсто для того, что рѣка Югъ (по словамъ Сочинителя) начала подрывать гору. Въ житіи Св. Іоанна Устюжскаго (см. Пролог. Маія 29) сказано, что сей городъ былъ нѣкогда тамъ, гдѣ село Пухово на берегу Сухоны. — О Князьяхъ Устюжскихъ см. въ Новогородск. Лѣт. стр. 176.

Первобытные обитатели Вологодской и Архангельской Гу-

берніи обыкновенно называются въ нашихъ лѣтописяхъ Заволоческою Чудью. Откуда же пришли Россіяне въ Устюгъ, изъ Новогородской или Суздальской области, и кто основалъ сей городъ, они или Чудь, не знаемъ. Здѣсь въ первый разъ объ немъ упоминается. Устюгъ зависѣлъ тогда отъ Великаго Князя Суздальскаго: ибо жители его (см. ниже, примѣч. 187) составляли часть Георгіева войска; а послѣ отъ Ростовскаго (см. Т. IV, примѣч. 183 и 201). — Древнѣйшій изъ Устюжскихъ Святыхъ, коихъ житіе описано въ Прологѣ, есть Прокопій Юродивый, умершій въ 1303 году, купецъ Нѣмецкій, принявшій въ Новѣгородѣ Вѣру Греческую (см. Прол. Іюля 8); но въ рукописныхъ Святцахъ именуются еще Іоаннъ Праведникъ и супруга его Марія, начальники древняго Устюга (погребенные у церкви Вознесенія на посадѣ), также преподобный Кипріанъ, строитель Архангельскаго монастыря, которые жили гораздо прежде. О Кипріанѣ сказано въ Устюжскомъ Лѣтописцѣ слѣдующее: „При „державѣ благовѣрнаго Вел. Князя Константина Всеволодовича „Ростовскаго, Устюжскаго уѣзда Двинской трети, Устюжской „волости нѣкто земледѣлатель, презрѣвъ красная міра сего, „воспріялъ на ся Св. Монашескій образъ, и наречеся Кипріанъ. „Сей во градѣ Устюгѣ Великомъ, по желанію гражданъ убѣжденъ „создати святую обитель въ удобномъ мѣстѣ, изобрѣлъ мѣсто „при езерахъ за Острожною осыпью, гдѣ и поставилъ себѣ „сперва малую келейцу; а потомъ въ лѣто 6720“ — (слѣдственно онъ избралъ Монашеское житіе еще при Всеволодѣ III, который скончался въ семъ году) — „началъ созидати обитель во „имя Введенія Богоматери и Св. Архистратига Михаила. Таковое его богоугодное дѣло видѣвше граждане, многая отъ иждивеній своихъ на сооруженіе Св. обители приносили, а нѣкоторые и жительство свое начали окололѣ съ нимъ вкупѣ препровождати. Онъ же все свое наслѣдственное имѣніе, села, деревни, пашенную и непашенную землю, приложилъ къ тому... „И нареченъ бысть начальникъ тоя Св. обители. — Въ лѣто „отъ Р. Х. 1276, Сент. въ 29 день, въ Субботу“ — (развѣ 26 Сентября, или не въ тотъ годъ) — „въ 6 часу дни преставися „сей Архангельскаго монастыря начальникъ, Монахъ Кипріанъ; „и погребенъ въ томъ же монастыри, близъ Св. вратъ, а по „времени надъ гробомъ его создана каменная церковь во имя „Преполовенія Господня; гробъ же его внутрь церкви за лѣвымъ „крылосомъ при стѣнѣ, и надъ нимъ устроена гробница, которая и донынѣ всѣми видима.“ — Татищевъ увѣрялъ насъ, что Устюгъ въ XIII вѣкѣ еще принадлежалъ Югрѣ; но Югра была за Каменнымъ Поясомъ (см. нашей Исторіи Т. I, примѣч. 73).

(187) ,,Идоша ко Унжи: Унжане же отбишась отъ нихъ" (Воскр. II, 169). Мѣсто, нынѣ именуемое посадъ Старая Унжа, находится въ Костромской Губерніи на берегу рѣки сего имени.

Святославъ ходилъ на Болгаровъ въ 1220 году. Въ харатейныхъ сей походъ описанъ кратко. Въ Воскресенской: ,,Князь ,,Великій Юрьи посла съ нимъ (Святославомъ) плъкы своя, а Во- ,,еводство приказа Еремею Глѣбовичю; а Ярославъ посла своя ,,полкы изъ Переяславля, а Василькови Костянтиновичю повелѣ ,,Юрьи послати своя полкы: онъ же изъ Ростова полкъ посла, а ,,другій со Устюга на връхъ Камы. Посла же и къ Муромскимъ ,,Княземъ, веля имъ послати сыны своя; и посла Давидъ сына ,,своего Святослава, а Юрьи Ольга, и сняшася вси на Волзѣ на ,,устъ Оки, въ насадѣхъ и въ лодіяхъ, и отполѣ поидоша внизъ, ,,и бывшимъ имъ на Исадѣхъ протнвъ Ошлюи (въ харат. ,,Ошела) выдоша на берегъ. Изряди Святославъ полъкы своя: ,,Ростовъскый на правой руцѣ, а Переславьской по лѣвой, а самъ ,,ста съ Муромскими Князи посреди; а инъ полъкъ остави у ло- ,,дей. Сами же поидоша отъ берега къ лѣсу, и прошедшимъ ,,имъ лѣсъ, выидоша на поля ко граду. Усрѣтоша ихъ Болгаре со ,,Княземъ своимъ на конехъ... пустиша по стрѣлѣ... и побѣ- ,,гоша...... По тому валу (Болгары) рыщуще изъ затканія (за- ,,бора) біахуся.... Не могуще терпѣти дыма и зноя, паче же ,,безъводіа, и отступиша (Россіяне), и сѣдоша опочивати отъ ,,многаго труда." Татищевъ хвалитъ Охотина, мужественнаго Дворянина Василькова, брата его Вавила и проч. Сей городъ Ошелъ, находившійся не далеко отъ устья Камы, былъ взятъ и сожженъ Іюля 15.

Далѣе: ,,Бывшу жь ему (Святославу) у лодей, и воста ,,буря съ дождемъ, яко же и лодіямъ возместись... и пріиде ,,Князь въ завѣтріе на островъ (ниже по Волгѣ)... и на ночь ,,облеже; на утріе ту обѣдавше, поидоша прочь вверхъ по Волзѣ. ,,Слышавше Болгары въ Великомъ градѣ и въ иныхъ, яко Ошелъ ,,взятъ... и пріидоша на брегъ (къ Исадамъ). Повелѣ (Свято- ,,славъ) воемъ оболочитися во брони и стяги наволочити, и на- ,,ряди полкы въ насадѣхъ и пойде полкъ по полцѣ біюще въ ,,бубны, и въ трубы и въ сопели (въ Никоновск. въ сурны).... ,,Болгари же идуще по брегу... и покивающе главами своими, и ,,стонящe сердце ихъ, и смежающе очи свои. Святославъ же ,,минувъ Исады и ста на устъ Камы, и ту пріиде къ нему Вои- ,,славъ Добрыничь и Ростовци и Устюжане со множествомъ поло- ,,на... взяша много городовъ (по Камѣ), и пожгоша все, а люди из- ,,сѣкоша." Далѣе: ,,Посла Святославъ вѣсть предъ собою къ Юрью,

„и дошедъ Городца, выиде изъ лодей и пойде къ Володимерю „на конехъ... Юрьи срѣте и у Боголюбова на рѣкѣ Сурамлѣ „(Нерли?) и со сыномъ своимъ Всеволодомъ...Многы дасть дары „златомъ и сребромъ и порты, и кони, и оружіемъ, аксамиты „и паволоками и бѣлью.“ Татищевъ пишетъ, что Святославъ въ городѣ своемъ Юрьевѣ отъ имѣнія Болгарскаго построилъ каменную церковь Св. Георгія.

Далѣе: „На ту же зиму Болгаре прислаша послы..... и „начатъ (Георгій) наряжатися на нихъ, и посла въ Ростовъ „по Василька Костянт. и повелѣ ему ити на Городецъ, а самъ „пойде же; и бывшу ему на Омуту, и ту приходиша дру„зіи посли Болг.... онъ же отпусти ихъ прочь... а Болгар„стіи посли сказаша своимъ, яко Князь Юрьи на Городци, „а мира не дасть. Они же убояшася и послаша къ нему третій „посолъ...и пріятъ ихъ мольбу...и управишась по прежнему миру, „яко же было при отцѣ его и при дѣдѣ.“

(188) По харатейнымъ Новгородъ Нижній заложенъ въ 1221 году. Татищевъ пишетъ, что на семъ мѣстѣ находился прежде Болгарскій городъ, разоренный Россіянами.

(189) Въ Воскресен. II, 174: „тое же зимы (въ 1220 „году) приходиша Литва и воеваша волость Черниговскую. „Мстиславъ же Святославичь (братъ Всеволода Чермнаго) гони „по нихъ и изби всѣхъ, полонъ отъятъ.“

Въ Волынск. Лѣт.: „Мьстиславъ же поиде на Галичь „совѣтомъ Лестьковымъ. Галичане жъ вси и Судиславъ“ (одинъ изъ Вельможъ Галицкихъ) „послашась по Данила. Да„нило жь не утяже (не успѣлъ) въѣхати, а Бенедиктъ“ (тиранъ, о коемъ говорено было выше) „бѣжа въ Угры съ Судиславомъ; а „Мьстиславъ сѣдѣ въ Галичи.“ О Коломанѣ ни слова: вѣроятно, что онъ былъ въ Венгріи. Длугошъ пишетъ, что Коломанъ ушелъ тогда изъ Галича вмѣстѣ съ Епископомъ Краковскимъ, Викентіемъ Кадлубекомъ, и съ Канцлеромъ Лешка Бѣлаго, Ивономъ; но именитые чиновники Польскіе не могли быть въ сіе время у сына Андреева, ибо Лешко находился въ ссорѣ съ Андреемъ. Нарушевичь справедливѣе говоритъ о бѣгствѣ Кадлубека уже по разбитіи Венгерскаго Воеводы, Фильнія.—Первый походъ Мстислава въ Галичь былъ въ 1219 году.

(190) Въ Волынск. Лѣт.: „Поя у него (Мстислава) Да„нилъ дъщерь, именемъ Анну..... Ѣха Данилъ къ Мьстиславу въ „Галичь, рекій на Лестко, яко отчину мою дръжитъ. Оному „вѣщавшю: сыну! за пръвую любовь не могу нань въстати, а „налѣзе собѣ другы“ (сыщи себѣ иныхъ помощниковъ)... „Да„нило же ѣха съ братомъ и прія Берестій, и Угровескъ, и Ве-

„рещинъ, и Столпье, и Комовъ, и всю Украйну.“ (Всѣ упомянутыя мѣста находятся за Бугомъ въ Галиціи, близъ Урзулина, Забина и проч.) „Лестко жъ великъ гнѣвъ имѣа на Данила. Вес„нѣ жъ бывши, Ляхове воеваша по Бугу. Посла Данилъ Гаврила „Душиловича и Семена Олуевича, Василка Гавриловича, и бишась „до Сухое Дорогве, и колодникы изымаша, и воротишась съ че„стію. Тогда же Климъ убіенъ бысть Христиничь, единъ отъ „всѣхъ его вой, его же крестъ и донынѣ стоитъ на Сухой До„рогвѣ. Ляхы же многы избиша, и гнаша до рѣкы Вепря.... „Лестко же посла къ Королеви.... Король же посла вой много и „Лестко, и пріидоша къ Перемышлю. Аронови же тогда тыся„щю дръжащю въ Перемышли, и збѣже предъ ними. Мьстиславъ „бо бѣ съ всѣми Князи Рускыми и Чернѣговскыми, и посла Дмит„ра, Мирослава и Михалка Глѣбовича къ Городку: Городокъ бо „бѣ отложился; бяху въ немъ людіе Судиславли; и Дмитрови „біющися подъ городомъ, пріидоша нань Угре и Ляхове, и побѣ„женъ Дмитръ. Тогда же Василъ Діакъ, рекомый Молза, застрѣ„ленъ бысть подъ городомъ. Михалка же Скулу убиша, съго„нивше на Щирци, а главу его съсѣкше, трое чепи золотые „сняша, и принесоша главу его къ Коломанови. Мьстиславу же „стоащю на Зубръи“ (рѣкѣ Збручѣ?) „Дмитръ прибѣже къ не„му. Мьстиславу жъ не могшю битись съ Угры, просаше зятя „своего, Данила, и Олександра, да быста затворилися въ Гали„чи... Данилъ же затворися, а Олександру не смѣвшю. Тогда „же Великаа Княгини Романова въспріа Мнишескій „чинъ. Потомъ же пріиде ратью Коломанъ... много бою бьв„шю на Кровакомъ броду, и паде на ня снѣгъ, и не могоша стоя„ти, и идоша за Рогожину на Мстислава и прогнаша изъ зем„лѣ. Мьстиславу же повѣдавшю Данилови изыти изъ града. Да„нилъ же изыде съ Дмитромъ Тысяцкымъ и съ Глѣбомъ Зьере„меевичемъ и съ Мирославомъ, и быша противу Толмачю, уго„ни и невѣрный Витовичь Вълодиславъ; наворотившеся нань и „прогнаша и, и коня отъ него отъяша. Данилъ бо бѣ младъ, и „видѣ Глѣба Зьеремеевича и Семена Кодниньского мужески ѣз„дящи, и пріѣхэ къ нима, укрѣпляа ихъ; иніи же устремилися „бяху на бѣгъ. Того же дни бишась весь день, олни и до нощи. „Тое же нощи увернушась Данилъ и Глѣбъ Зьеремеевичь, яста „Янца. Младъ сый (Даніилъ) и показа мужество свое, и всю нощь „бистась. Наутріи же угони Глѣбъ Василевичь: увернувъ же ся „Данилъ нань, и гна и далѣй поприща. Оному же утекшю бор„зости ради конское... Данилови же единому ѣдущю... онѣмъ же „не смѣющимъ... донелѣже въѣха къ нему Глѣбъ Судиловичь, и „Гаврило Иворовичь, и Перенежко... оттуда идоша въ поле; быв-

,,шю гладу велику, поидоша возы къ Плаву на канонъ Св. Дъмитреа; въземше возы и накормишась изобильно... Пріидоша ниже ,,Кучелемина, мыслящe перейти Днѣстръ... Пріидоша лодіи изъ ,,Олешіа" (отъ устья Днѣпровскаго) ,,и пріѣхаша въ нихъ на ,,Днѣстръ, и насытишась рыбъ и вина. Оттуду же пріѣха Данилъ къ Мьстиславу... Въ то же время прислаша Князи Литовскіе къ Великой Княгини Романовой, и къ Данилови, и къ Василкови, миръ дающи. Бяху же имена Князей: се старшій Живиньбудъ, Довьялъ, Довьспрукъ, братъ его Мидогъ, ,,братъ Довьяловъ Великаиль; а Жемоитскыи Князь Эрдивилъ, ,,Выкынтъ Арусковичъ, Кинтибудъ, Вънибудъ, ,,Бутовитъ, Вижеивъ и сынъ его Вишли, Китеній, ,,Пликосовъ Асебулевичъ, Вишимутъ, его же уби ,,Миндогъ и жену его поялъ, и братью его побилъ, Эдивила, ,,Съпрудѣйка; а се Князи изъ Лотвы: Юдькы, Пукыйкъ, ,,Бикши, Ликѣйкъ. Вси миръ даша Князю Дан. и Вас. и бѣ ,,земля покойна. Ляхомъ же не престающимъ пакостящимъ и ,,приведе на ня Литву, и много убійства сътворишась въ нихъ. ,,Въ тожь время выйде Филя прегордый" (Длугошъ называетъ его Attilia Filnia) ,,надѣяся обіати землю, потребити море съ ,,многыми Угры, рекшю ему: единъ камень многогорнцевъ избиваетъ; а друго слово ему рекше прегордо: остръй мечю, борзый коню, многаа Руси.... Олександру же отступившю отъ Данила и отъ Василка къ Лестькови.... ,,Пріиде Мьстиславъ съ Половци. Изыде же Филя съ многыми ,,Угры и Ляхы изъ Галича, поемъ Бояре Галицкыи, и Судислава ,,цтя (тестя), и Лазоря и иныi; а иніи разбѣгошась, загордѣлъ ,,бо ся бѣ. Въ тожь время приде Лестко на Данила къ Щекареву, бороня ити ему на помощь Мьстиславу... Кондрату же ,,(брату Лешкову) пріѣхавшю мирити Лестка и Данила; познавшю ему лесть Лестькову, и не велѣ Данилови ѣхати къ ,,Лестку. Филя же строяшеся на брань... остави Коломана въ ,,Галичи и създа градъ на церкви Св. Богородици, яже, не стерпѣвшю оскверненія храма своего, въдасть и въ руци Мьстиславу. Бѣ бо ту съ Коломаномъ Иванъ Лекинъ, и Дмитръ, и ,,Бопъ. Половцемъ же пріѣхати видѣти рати, и Угромъ же и ,,Ляхомъ гонящимъ я, увернувся Половчинъ, застрѣли Уза въ око, ,,и спадшю ему съ фаря (коня) и взяша тѣло его и плакашася ,,по немъ. Наутріе же, на канонъ Св. Богородица, пріиде Мьстиславъ рано на гордаго Филю... и бысть брань тяжка межи ими, ,,и одолѣ Мьстиславъ. Бѣгающимъ же Угромъ и Ляхомъ, избіено бысть ихъ множество, и ятъ бысть величавый Филя паробкомъ Добрынинымъ, его же въ Выжли Жирославъ укралъ бѣ, и

„обличену ему бывшю, про него же погуби отчину свою... И по-
„бѣдившю Мьстиславу, пойде къ Галичю. Бившимся же имъ о
„врата граднаа, и възбѣгоша на комары церковныа; иніи же
„ужи (на веревкахъ) възвлачишась, а фарѣ ихъ поимаша: бѣ бо
„градъ сътворенъ на церкви. Онѣмъ же стрѣляющимъ и каме-
„ніемъ мещющимъ на гражаны, изнемогаху жажею водною... и
„пріѣхавшю Мьстиславу и вдашась ему, и сведени быша съ
„церкве... Даниловы бо пріѣхавшю въ малѣ дружинѣ съ Демья-
„номъ Тысяцкымъ; не бѣ бо пріѣхалъ въ время то... Вси бо Угре
„и Ляхове убіени быша, а иніи яти быша, а иніи истопоша;
„друзіи же смерды (крестьянами) избіени быша.... Потомъ же
„приведоша Судислава къ Мьстиславу; оному же не помысливъ-
„шю о немъ зла, но милость ему показавшю; онъ же обойма
„нозѣ его, обѣщася (въ) работѣ быти ему. Мьстиславу же вѣро-
„вавшю словесѣмъ его и почтивъ его, и Звенигородъ дасть ему."

Въ Новогородск. Лѣт. сказано: „Пойде К. Мсти-
„славъ (въ 1219 г.) и Володимеръ (Рюриковичь) изъ Кыева къ Га-
„лицю на Королевиця, и выидоша Галичане противу и, Чехове и
„Ляхове, и Морава и Угре... и пособи Богъ Мстиславу, и въ го-
„родъ Галиць въѣха, а Королевиця рукама яша и съ женою, и
„взя миръ съ Королемъ, а сынъ его пусти, а самъ сѣде въ Гали-
„ци; а Володимеръ Рюриковиць въ Кыевѣ." — Въ Пушкин. и въ Троицк: „Въ лѣто 6729 (1221) Мстиславъ Мстисла-
„вичь бися съ Угрою и побѣди я... и Королевича я." Въ Воскр. Лѣт. повторены сіи оба извѣстія, съ прибавленіемъ: „Тоя же
„зимы (1219 г.) Угри выгнаша Мстислава Мстиславича изъ Га-
„лича, а Королевичь сѣде въ Галичѣ.... Тоя же зимы (въ 1220 г.)
„иде на Галичь Мстиславъ Романовичь изъ Кіева и Мстиславъ
„Мстиславичь изъ Торчьскаго, и иніи Князи съ ними, и съ По-
„ловци. И Королевичь затворися во градѣ: они же бишася у гра-
„да половину дни и разыдошася по земли воевать... и городы и
„селы пожгоша, и многъ полонъ въземше поидоша." Соображая
сіи извѣстія съ Волынск. Лѣт., полагаемъ, что Мстиславъ
въ первый разъ занялъ Галичь въ 1219 году, изгнанъ Венграми
уже въ слѣдующемъ, а побѣдилъ ихъ и плѣнилъ Коломана или
въ 1220 или 1221 году. — По несправедливому лѣтосчисленію
Ипатьевскаго списка Король Венгерскій отнялъ Любачевъ у По-
ляковъ и Мстиславъ взялъ Галичь въ 1212 году, Венгры изгнали
его оттуда въ 1213, Литовцы заключили миръ съ Даніиломъ въ
1215, Филя или Фильній пришелъ въ 1217, а Мстиславъ одержалъ
надъ нимъ побѣду въ 1219. — Длугошъ пишетъ, что Мстиславъ,
завоевавъ Галичь, ѣздилъ веселиться въ Кіевъ съ братьями: мо-
жетъ быть, онъ тогда посадилъ Владиміра Рюриковича на Кіев-

скомъ престолѣ; только не на долго: ибо въ 1223 году тамъ опять княжилъ Мстиславъ Романовичь.

(191) Длугошъ описываетъ подробности сей битвы (Hist. Polon I, 606) сказывая, что съ Владиміромъ бѣжали отъ Поляковъ Ростиславъ Давидовичь и Ростиславъ Мстиславичь. Татищевъ, знавъ Стриковскаго и Кромера, къ ихъ описанію прибавилъ многія обстоятельства: говоритъ о посольствѣ Галичанъ ко Мстиславу Романовичу, о числѣ войска, осемнадцати Русскихъ Князьяхъ, о двухъ коняхъ, убитыхъ подъ Мстиславомъ; о смерти Игоря Романовича и Святослава Владиміровича; о ранахъ Мстислава Романовича и Владиміра; о 7500 фунт. серебра, назначенныхъ для Коломанова искупленія, и проч. Сей Историкъ представляетъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ не Мстислава Мстиславича, а Мстислава Романовича Кіевскаго.

(192) См. Длугоша и Стриковскаго. Такую же хитрость употребилъ Изяславъ II (см. выше). Длугошъ I, 607: O magne lux et victor Mscislae Mscislavice! o fortis accipiter (соколъ) и проч.

(193) In Torczsko transmissus — безъ сомнѣнія въ Торческъ, а не Торжекъ.

Длугошъ говоритъ, что вождь Половецкій Misferwica или Miciewnica былъ убитъ подъ Галичемъ, и что сіи варвары мстили его смерть разореніемъ окрестностей. — Нѣкоторыя изъ описанныхъ здѣсь обстоятельствъ взяты изъ Длугоша, коего повѣствованіе кажется на сей разъ достовѣрнымъ, будучи согласно въ главныхъ обстоятельствахъ съ Волынск. Лѣт. Онъ безъ сомнѣнія пользовался какими нибудь Галицкими извѣстіями.

(194) См. Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 190.

(195) См. Стриковск. Литовскую Хронику и Мѣхов. Hist. Pol. Ссылаясь на нихъ, Авторъ Синопсиса пишетъ о Мстиславѣ: „вѣнчанъ бысть отъ Епископовъ вѣнцемъ Царскимъ, его же отъ„бѣже Коломанъ, и оглашенъ бѣ Царь и всея Россіи Само„держецъ.“

(196) Сіи мирныя условія извѣстны намъ по грамотѣ Папы Гонорія III, писанной въ 1222 году къ Андрею Венгерскому (см. Райнальд. Annal. Eccles. XIII, 324, 325). Папа, отвѣтствуя сему Королю, говоритъ: Casu sinistro accidit, Regem ipsum (Коломана) cum sponsa sua et pluribus aliis viris nobilibus à tuis hostibus capturari, et tamdiu extra regnum ipsum mancipatos custodiae detineri, donec, necessitate compulsus, cum ipsos aliter liberare non posses, iuramento praestito promisisti quod filio tuo, tertio genito, concesseris ipsi regnum (Галицію) praefatum... filiam nobilis viri Mizoslai (Мстислава) matrimonialiter copulares, super quo utique Apostolicae provisionis suffragium postulasti. Волынск. Лѣт., не сказавъ ничего о мирѣ, говоритъ о бракѣ Мсти-

славовой дочери (по Ипатьев. списку въ 1226 году): „Мьстиславъ „же по съвѣтѣ лживыхъ Бояръ Галицкыхъ въдасть дъщерь свою „меньшую за Королевича Андрея, и дасть ему Перемышль.“ Но сей городъ былъ отданъ еще жениху, а не супругу; ибо самъ Лѣтописецъ прибавляетъ ниже: „Судиславъ рече: (Мстиславу) „Княже! дай дъщерь свою обрученную за Королевича, „и дай ему Галичь; не можешь бо дръжати самъ, а Бояре не хо- „тять тебе. Оному жь не хотящю дати Королевичю, но паче „хотя дати Данилови: Глѣбови же Зьеремеевичю и Судиславу „препяща ему дати Данилови, рѣста бо ему: аже даси Коро- „левичю, тогда въсхощеши и можеши взяти подъ нимъ; даси „ли Данилови, въ вѣкы не твой будеть Галичь.... Галичаномъ бо „хотящимъ Данила... Мьстиславъ же дасть Галичь Королеви- „чю.“ Сіе было уже послѣ Калкской битвы съ Татарами въ 1224 году; но Мстиславъ единственно исполнилъ тогда договоръ прежній (какъ видно изъ письма Гоноріева), заключенный въ 1221 году. Длугошъ пишетъ, что Венгерскій Королевичь, по условію, черезъ три года получилъ Галицкое Княженіе. Сей Историкъ не зналъ третьяго сына Королевскаго, Андрея, и думалъ, что Мстиславова дочь, которую онъ называетъ Маріею (а другіе Еленою: см. Гебгарди Gesch. des R. Hung. II, 91) вышла за Белу, и что Мстиславъ возвратилъ Галичь Коломану.

(197) Въ письмѣ Гонорія (см. выше): Regi, nato suo secundo genito (Коломану) ad Regnum Gallitiae sibi datum per venerabilem fratrem nostrum, Strigoniensem Archi-Episcopum auctoritate Sedis Apostolicae coronato in Regem. О первой невѣстѣ Андреевой, Царевнѣ Армянской, см. Прая Annal. Reg. Hung. III, 216. Далѣе говоритъ Папа: Cum enim, sicut accepimus, praefatus filius tuus et filia supra dicti Mizoslai in minori existant constituti aetate, antequam ad nubiles annos perveniant, tibi cautius et consultius provideri poterit in hoc casu, и проч.

(198) Въ Волынск. Лѣт.: „Александръ сътвори миръ съ „Лестком и съ Коломаномъ, и съ Филею, Романовичема не „престааша хотя зла; по побѣждени же Мьстиславли и по Ли- „товскомъ воевани на Ляхы сътвори миръ Лестко съ Дані- „ломъ и Василкомъ, и Дръжиславомъ Абрамовичемъ, и Творіа- „номъ Вытиховичемъ“ (вѣроятно, послами Мстислава) „а Рома- „новича сътвориста миръ съ Демьяномъ Тысяцкымъ, и отсту- „пи Лестко отъ Александра... Въ Субботу на ночь поплѣнено „бысть около Белза и около Червна Даниломъ и Василкомъ... „Бояринъ Боярина плѣнивши, смердъ смерда, градъ града, яко „же не оставитися ни единой веси не плѣненной... не оставль- „шюся камени на камени. Сію же наречють Белжане злу „нощь; сіа бо нощь злу игру имъ сыгра... Мьстиславу же рек-

,,шю: пожалуй брата Олександра — и Данилъворошись въ Во-,,лодимеръ, отъиде отъ Белза." Въ Червенѣ княжилъ братъ Александровъ, Всеволодъ Всеволодовичъ. По лѣтосчисленію Ипатьевск. списка Александръ заключилъ миръ съ Даніиломъ въ 1221 году.

Длугошъ пишетъ, что Россійскіе Князья, побѣдивъ Венгровъ, вмѣстѣ съ Литовцами тревожили набѣгами области Герцога Лешка; что Сулиславъ, Кастелланъ Сендомирскій, разбилъ ихъ войско и плѣнилъ Князя Святослава Мстиславича съ другими четырмя Князьями, Георгіемъ, Ярославомъ, Владиміромъ и Константиномъ, послѣ освобожденными; что братъ Лешковъ, Конрадъ Мазовскій или Мазовецкій Герцогъ, женился на дочери Святослава Мстиславича. Тотъ же Историкъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что Лешко велѣлъ умертвить Святослава вмѣстѣ съ четырмя знатнѣйшими Россійскими Воеводами. Чему вѣрить?

(199) Можетъ быть, получивъ отъ него нѣкоторыя мѣста въ Галиціи восточной (см. ниже).

(200) ,,Показаша (въ 1221 г.) Новгородцы путь Всеволоду: не ,,хочемъ тебе; пойди, камо хочеши. Иде къ отцеви въ Русь. Въ ,,лѣто 6730 (1222) послаша Владыку Митрофана и Посадника ,,Иванка Володимерю... И вда имъ (Георгій) Всеволода (сына свое-,,го) на всей воли Новгородстѣй, и одари (пословъ) безъ числа." См. Liefl. Chr. I, 140, 148, 158, 170, 176, 177. ,,Не гнѣвъ ли Богоматери" — говоритъ сей Лѣтописецъ — ,,былъ причиною то-,,го, что Князя Новогородскаго (Всеволода Мстиславича) опу-,,стошителя Ливоніи, изгнали подданные съ безчестіемъ, а пре-,,емника его убили Татары?" Думаю, что сочинитель говоритъ о Святославѣ, братѣ Георгіевомъ. Владиміръ Псковскій ограбилъ тогда домъ Священника Алобранда (см. выше). Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, названъ въ Liefl. Chr. Герцеславомъ.— Латыши и нынѣ именуютъ Венденъ Кесисъ и Цесисъ, Zehsis. Ливонскіи Лѣтописецъ и здѣсь въ означеніи времени отстаетъ отъ нашего четырмя годами.

(201) ,,Воеваша Литва около Торопця и гонися по нихъ ,,Ярославъ съ Новгородци до Всята (Усвята), и не угони ихъ.

(202) См. Маллета Hist. de Dannemarc, III, 395—401. Ревель основанъ въ 1218 или 1219 году. Тамъ былъ прежде замокъ Линданиссе: Датчане разрушили его. Прежде вся сія область называлась Ревелемъ. Отъ чего произошло Русское имя Колываня, не знаю: оно должно быть Чудскаго языка.

(203) Liefl. Chr. I, 160, 180, 189. Шведскій Король Іоаннъ около 1220 году присталъ къ берегамъ Эстоніи — той части ея,

которая называлась Роталіею, противъ острова Эзеля, и гдѣ донынѣ одинъ погостъ называется Rötel. Оставивъ войско въ замкѣ Леалѣ, Король возвратился въ Швецію. — Походъ Россіянъ къ Колываню или Ревелю былъ по нашей лѣтописи въ 1223, а по Ливонской въ 1222 году.

(204) „Пойде Князь (въ 1223) Ярославъ съ Княгынею и съ „дѣтьми Переяславлю: Новгородци же кланяхуться ему: не хо- „ди, Княже! онъ же пойде по своей воли.“

(205) Liefl. Chr. I, 64, 189, 191, 193, 196. Сей Лѣтописецъ разсказываетъ, что Вячко (Viescека), начальствуя въ Кукенойсѣ, былъ плѣненъ Рыцарями, но освобожденъ Епископомъ въ 1206 году; а послѣ ограбилъ, умертвилъ многихъ Нѣмцевъ, и боясь мести, ушелъ въ Россію. Въ Новогородской лѣтописи (стр. 56) еще подъ 1167 годомъ упоминается о Князѣ Вячкѣ, томъ или другомъ (см. сей Исторіи Т. II, примѣч. 418.). — Сами Нѣмцы укрѣпили замокъ Юрьевскій.

(206) Видя, что непріятель со всѣхъ сторонъ вломился въ замокъ, Россіяне прыгали внизъ со стѣнъ и хотѣли открыть себѣ путь сквозь Нѣмецкое войско, но всѣ легли на мѣстѣ. Въ Новогородск. Лѣт. сказано только: „убиша Князя Вячка Нѣмци въ „Гюргевѣ, а городъ взяша“ (въ 1224 году, а по Ливонск. лѣтописи въ 1223). Татищевъ вымыслилъ обманъ Нѣмцевъ, и проч.

(207) Liefl. Chr. I, 201.

(208) „Въ то же лѣто (1224) по грѣхомъ нашимъ не то ся „зло створи: выѣха Ѳедоръ Посадникъ съ Рушаны и бися съ Литвою, и згониша Рушанъ съ конь, и много коневъ отъяша, и „убиша Домажира Търлиница и сынъ его; а Рушанъ Богшю, а „иныхъ много, а другихъ по лѣсу разгониша.“

Маловажныя происшествія описаннаго нами времени суть слѣдующія:

Въ 1212 году, Маія 23, были постриги у Константина Всеволодовича сыновьямъ его, Васильку и Всеволоду. Многіе люди (см. Воскресенск. Лѣт.) умерли отъ голода; другіе ѣли мясо въ посты. — Въ 1213, Апр. 25, Константинъ заложилъ въ Ростовѣ церковь Богоматери на мѣстѣ упадшей. Окт. 23 родился у Георгія сынъ Всеволодъ-Димитрій. — Въ 1214 у Константина родился сынъ Владиміръ - Димитрій. Константинъ заложилъ въ Ростовѣ на дворѣ своемъ церковь Бориса и Глѣба. 25 Марта было знаменіе: „въ полутра надъ солнцемъ явися мѣсяцъ, „и поча плнитись (наполняться) вборзѣ, и не дойде луны своея „плъненія яко за 3 дни, и найде наню облакъ чръменъ и стоя „надъ луною мало, и соступи, и бысть опять мѣсяцъ малъ, и „почася опять полнити. Сеже бысть четверицею, и потомъ не

„бысть ничтоже.“ Іюня 4 въ Владимірѣ сгорѣло 200 дворовъ и 4 церкви. — Въ 1215 Февр. 1, въ Недѣлю Сыропустную, былъ громъ въ Новѣгородѣ послѣ заутрени и летал змій. Константинъ основалъ въ Ярославлѣ на своемъ дворѣ каменную церковь Успенія. — Въ 1216 преставился Ростовскій Епископъ Пахомій и погребенъ въ церкви Богоматери: мужъ добродѣтельный, исполненный книжнаго ученія; прежде монашествовалъ въ Печерскомъ монастырѣ 5 лѣтъ, и былъ въ обители Св. Петра Игуменомъ 13 лѣтъ. Владимірскій Епископъ Симонъ погребалъ его. Константинъ заложилъ въ Ярославлѣ каменную церковь и монастырь Св. Преображенія. Поставленъ Епископомъ Ростову Кириллъ, Чернорізецъ Суздальской обители Св. Димитрія. Новогородцы смѣнили Посадника Юрья Ивановича и выбрали Твердислава Михалковича.—Въ 1217 Маія 31 сдѣлался пожаръ въ Новѣгородѣ отъ печи или кухни Ивана Ярышевича и весь Полъ (часть города) съ утра до уденья (ранняго вечера?) обратился въ пепелъ: нѣкоторые люди ушли съ имѣніемъ въ каменныя церкви и тамъ сгорѣли; 15 церквей, и въ томъ числѣ Варяжская, со множествомъ товаровъ были жертвою пламени; у каменныхъ храмовъ обгорѣли верхи и притворы.—Въ 1218 Новогородскій Архіепископъ Антоній заложилъ каменную церковь въ монастырѣ Св. Варвары. — Въ 1219 Твердиславъ и Ѳеодоръ заложили въ Новѣгородѣ каменную церковь Св. Михаила, а другую маленькую деревянную, во имя Свв. Отроковъ, срубленную въ 4 дни. Родился у Ярослава Всеволодовича сынъ Ѳеодоръ. Владимирскій Епископъ Симонъ святилъ великимъ священіемъ церковь въ монастырѣ Рождества Богоматери Сент. 7 при Князѣ Георгіи, сынѣ его Всеволодѣ и братѣ Ярославѣ. Игуменомъ тамъ былъ Митрофанъ.—Въ 1220 преставился въ Кіевѣ Россійскій Митрополитъ Матѳей, Авг. 19.—Въ 1221, Іюня 23, сгорѣлъ почти весь городъ Ярославль и 17 церквей; но дворецъ Княжескій уцѣлѣлъ (въ лѣтописи сказано: „молитвою добраго Костянтина“).—Въ 1222 Великій Князь Георгій заложилъ въ Суздалѣ новую церковь Богоматери, сломавъ старую, построенную Мономахомъ и Епископомъ южнаго Переяславля, Ефремомъ.—Въ 1223 скончался Новогородскій Архіепископъ Митрофанъ Іюля 3, и погребенъ въ Софійскомъ притворѣ. Граждане въ тотъ же день ввели въ домъ Святительскій Хутынскаго Монаха, Арсенія, человѣка добродѣтельнаго. (По Никон. Лѣт. Новогородцы ходили на Чудь и возвратились съ великимъ урономъ.)

Татищевъ подъ годомъ 1217, ссылаясь на лѣтопись Еропкина, разсказываетъ слѣдующую повѣсть, которую предлагаемъ здѣсь въ Сокращеніи:

,,Борисъ Давидовичь, Князь Полоцкій, женился вторымъ ,,бракомъ на Святохнѣ, дочери Померанскаго Князя, Казимира, ,,прекрасной и хитрой, которая хотя и долженствовала принять ,,законъ Греческій, однакожь держала при себѣ Священника Латинскаго. Имѣя сына, именемъ Владиміра или Войцеха, она ,,ненавидѣла пасынковъ, Василька и Вячка, и черезъ Вельможъ ,,внушила имъ мысль проситься у отца въ Двинскую область. ,,Борисъ отпустилъ ихъ съ сожалѣніемъ; а мачиха, пользуясь ,,отсутствіемъ молодыхъ, добрыхъ Князей, начала гнать преданныхъ имъ Бояръ и возводить своихъ единоземцевъ на степень вышнихъ чиновъ государственныхъ. Недовольный народъ ,,требовалъ изгнанія чужестранцевъ и возвращенія старшихъ ,,сыновей Борисовыхъ. Тогда Святохна отъ имени Тысячскаго ,,Симеона, Посадника Воина и Ключника Добрыни, ея главныхъ ,,враговъ, сочинила письмо къ пасынкамъ, убѣждая ихъ свергнуть отца съ престола, казнить мачиху и меньшаго брата, ,,Владиміра. Сіе письмо было вручено легковѣрному Князю Борису. Призвали обвиняемыхъ Бояръ: они клялися въ своей невинности, и говорили, что Святохна по злобѣ вымыслила на ,,нихъ столь гнусную клевету. Единоземцы Святохнины злодѣйски умертвили ихъ, объявивъ въ городѣ, что Посадникъ и ,,Тысячскій хотѣли убить Князя съ Княгинею. Многіе повѣрили; ,,но Василько Борисовичь нашелъ способъ обличить клевету ,,злой мачихи. Въ день Спаса народъ возсталъ при звукѣ Вѣчеваго колокола, взялъ Святохну подъ стражу, умертвилъ или ,,изгналъ всѣхъ Поморянъ, и не сдѣлавъ никакого зла Князю Борису, отправилъ Вельможъ за его сыномъ, Василькомъ."—Я не нашелъ о томъ ни слова въ лѣтописяхъ.

(209) См. сей Исторіи Т. II, стр. 37 и годъ 1133. Изяславъ Мстиславичь ѣздилъ въ Смоленскъ, чтобы взять съ тамошняго Владѣтеля дары для Великаго Князя: сіи дары были обыкновенною данію.

(210) См. Т. II, стр. 118.

(211) Въ семъ смыслѣ Рязанскіе, Тверскіе, иногда Смоленскіе и Черниговскіе именовались Великими, а не Мѣстными, какъ сказалъ Болтинъ. Послѣднее названіе принадлежитъ новѣйшимъ временамъ. Князь Мѣстный значилъ то же, что Помѣстный; онъ былъ ниже Удѣльнаго или Владѣтельнаго.

(212) Города Слуцкъ, Мозырь и другіе на берегахъ Припети были отданы Георгіемъ Долгорукимъ роду Князей Черниговскихъ: см. сію Исторію въ описаніи годовъ 1149 и 1155; также Воскресенск. Лѣт. II, 67, и Новогородск. стр. 20, 79.

(213) См. Т. II, стр. 117, и выше стр. 166.

(214) Такъ по смерти Изяслава I вступилъ на Кіевскій престолъ не сынъ его, а братъ Всеволодъ I, послѣ Всеволода старшій его племянникъ Святополкъ, послѣ Мстислава Великаго братъ Ярополкъ, и проч.

(215) То есть, Ярославъ Святополковичь, сынъ его Юрій, внукъ Глѣбъ, и проч.

(216) См. выше, примѣч. 67, Рос. Библіот. стр. 210, и Воскресенск. Лѣтоп. I, 290. Монахъ Рубруквисъ въ 1253 году встрѣтился съ Половчаниномъ, который даже говорилъ Латинскимъ языкомъ (въ Бержерон. Voyages, I, стр. 45).

(217) Memor. Popul. II, 672 — 722.

(218) См. Ярославову Правду и Новогородск. Лѣт. стр. 81, 89 и 112, гдѣ сказано, что Князь на пять лѣтъ освободилъ простой народъ отъ дани.

(219) Мы уже видѣли множество примѣровъ сего народнаго своевольства. Не говоря о славныхъ Вѣчахъ Новогородскихъ, вспомнимъ мятежъ Кіевлянъ при Изяславѣ I и требованія предложенныя ими на Вѣчѣ Игорю II (см. Т. II, стр. 72 и 194.)

Въ продолженіи Нестора или Рос. Библіот. стр. 261: „Новгородци же изначала, Смолняне, и Кыяне, и Полочане и вся „власти, егда на Вѣчѣ сходяться, что старѣйшіи здумають, на „томъ и пригороды стануть.“

На Вѣчѣ, бывшемъ въ Владимірѣ по смерти Андрея Боголюбскаго, присутствовала вся Дружина, отъ мала до велика: см. Рос. Библіот. стр. 255. Тамъ же, стр. 142: „пойди „къ Кыеву, да урядъ положимъ о земли Руськой предъ Епископы и Игумены и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людми „градскими.“

(220) См. выше, стр. 17, Рос. Библ. стр. 202, 203, и Новогород. Лѣт. стр. 40.

(221) См. Новогород. Лѣт. стр. 75, гдѣ сказано, что у Дмитра, Посадника и богатаго купца, были села; см. также выше, стр. 32, и примѣч. 30, Т. II, примѣч. 158.

(222) Какимъ образомъ Татищевъ могъ вообразить, что наша Кормчая Книга сочинена Патріархомъ Никономъ? Вотъ слова Татищева: „Никонъ, великую книгу законовъ церковныхъ „сочиня, назвалъ Кормчая“ (см. Судебникъ Царя Іоанна Васильевича, стр. 232, примѣч. 4). Она напечатана при Царѣ Алексіи Михаиловичѣ, по благословенію Іосифа Патріарха (слѣдственно прежде Никона), но была извѣстна въ Россіи вѣка за четыре до временъ его: что доказывается харатейною Кормчею Книгою, писанною для Софійской Новогородской церкви около 1280 года (см. нашей Исторіи Т. II, примѣч. 65). Поло-

жимъ, что Татищевъ не видалъ древнихъ списковъ ея; но одинъ слогъ долженствовалъ бы увѣрить его, что она сочинена не во времена Алексія Михайловича, и даже переведена безъ сомнѣнія не у насъ: ибо въ ней говорится о чиновникахъ, которыхъ никогда не бывало въ Россіи — на примѣръ (гл. 46): „довлѣетъ бо „Жупаномъ часть Княжа." Жупаны находились только въ землѣ Южныхъ Славянъ (см. нашей Исторіи Т. I, стр. 76) гдѣ и переведенъ сей Номоканонъ; а Россіяне, принявъ оный, старались только объяснить смыслъ темныхъ рѣченій, и замѣняли слова, чуждыя нашему діалекту, собственными. На примѣръ, въ нѣкоторыхъ спискахъ и въ печатномъ Номоканонѣ сказано (гл. I): „Свѣне токмо младыхъ сочивъ;" а какъ сей предлогъ не употреблялся въ Россіи, то въ самомъ древнемъ Софійскомъ спискѣ поставлено кромѣ, вмѣсто свѣне, и проч.

Кормчая Книга содержитъ въ себѣ и нѣкоторые гражданскіе законы; но мы не имѣемъ доказательствъ, чтобы Россіяне употребляли ихъ въ судныхъ гражданскихъ дѣлахъ до временъ Царя Алексія Михайловича. Сей Государь первый, уже издавъ Уложеніе, счелъ за нужное въ 1654 году разослать ко всѣмъ Воеводамъ выписки изъ Греческихъ законовъ Номоканона, и велѣлъ судить по онымъ дѣла уголовныя: о чемъ будемъ говорить въ Исторіи XVII вѣка, и тогда представимъ достопамятный указъ Царскій въ подлинникѣ.

(223) См. Воскресенск. Лѣт. I, 284, 301; II, 57, и Новогородск. Лѣт. 33; также сей Исторіи Т. II, прим. 425, и выше, примѣч. 29 и 81. Ростовцы изгнали Епископа Леона, Князь Черниговскій Антонія, и проч. — О Епископѣ Кириллѣ сказано въ Пушкинской лѣтописи такъ: „тогожъ лѣта (6737) „Кирилъ, Епископъ Ростовскый, оставивъ Епископью, приде въ „Суждаль къ Св. Дмитрію въ свою келью, хотя лечити свою немочь. Бяше же ему лице измѣнилося, акы почернѣло отъ недуга, „успнѣ отолстѣли и носъ. Къ тому же и еще приде нань искушенье акы на Іева въ одинъ день, мѣс. Сент. въ 7 день: все „богатство отъяся отъ него нѣкакою тяжею, судившю Ярославу тако, ту сущю ему на сонмѣ. Бяшеть бо Кирилъ богатъ „кунами и селы, и всѣмъ товаромъ и книгами, и просто рещи, „такъ бѣ богатъ всѣмъ, якъ ни единъ Епископъ бы въ Суждальстѣй области. Онъ же о всемъ томъ вздасть Господеви „хвалу, пострижеся въ скиму тогожъ мѣсяца въ 21 день, и наречено бысть имя ему Кирьякъ; а что ся ему оста, то роздая любимымъ и нищимъ. . . . Ѳоминой недѣли въ Среду (6738) „преставись Кирилъ Епископъ въ монастыри Св. Дмитрія, ту „и положенъ бывъ 17 Апр."

(224) См. Воскресенск. Лѣт. II, 39 и 140, Новогород. 62, и сію Исторію въ описаніи 1150 года.

(225) См. Т. II, примѣч. 126, и Воскресенск. Лѣт. I, 205. Далѣе См. Рос. Библіот. стр. 94 и 204, Воскр. Лѣт. II, 33, и выше, примѣч. 23. О Конюшихъ упоминается въ Ярославовой Правдѣ. Сѣдельники и Кощеи также были въ числѣ придворныхъ: см. Т. II, примѣч. 42.

(226) См. выше. примѣч. 23 и 86.

(227) См. выше, примѣч. 46. Имя Пасынковъ въ смыслѣ Боярскихъ Отроковъ есть весьма древнее. Въ Несторово время одно мѣсто въ Кіевѣ называлось Пасынча бесѣда (см. Т. I, примѣч. 359) то есть, сборное мѣсто сихъ военныхъ людей.

(228) Такъ вооружались Переяславскіе граждане для спасенія Владиміра Глѣбовича (см. выше, стр. 66) и поселяне Суздальскіе для отраженія Новогородцевъ и Смолянъ въ 1216 году: см. выше.

(229) См. Т. II, примѣч. 119.

(230) См. Воскр. Лѣт. II, 84, 111 — Рос. Библіот. 136 и Новогород. Лѣт. 98.

(231) Войско Андрея Боголюбскаго, осаждавшее Вышегородъ въ 1173 году; но кромѣ дружинъ его союзниковъ.

(232) См. Т. II, примѣч. 118 и 205 — выше, примѣч. 168 — Рос. Библіот. 223, 224 — Новогород. Лѣт. 88, и Liefl. Chr. I, 193, 195.

(233) См. Воскр. Лѣт. II, 76, и сей Исторіи Т. II, примѣч. 410, 419 и 420.

(234) См. въ Бержерон. Voyages путешествіе Рубруквиса (въ 1253 году) стр. 1 и 5. Россіяне давали за возъ соли по двѣ шкани бумажныя, которыя стоили ½ гиперпера или Константинопольскаго червонца (см. Дюканж. de infer. aevi numismat. Dissert. стр. 71).

(235) См. Sammlung Russ. Gesch. Т. II, стр. 10, 83. Половцы не владѣли Херсонскою областію.

(236) См. фоліет. Hist. Genuen. стр. 297.

(237) См. выше, стр. 65, и Рос. Библіот. 278.

(238) См. выше, примѣч. 19 — Т. II, примѣч. 239 — Патерикъ въ житіи Св. Агапита, и Слово о полку Игоревѣ стр. 22. Венеціяне узнали Россіянъ чрезъ Константинополь со времени Крестовыхъ походовъ. — Объ изгнаніи Мартина Сандомирскаго пишетъ Длугошъ, Hist. Polon. кн. VI, стр. 649: Wladimirus Kioviensis Dux veritus ritum suum Graecum per fratres Praedicatores, videlicet Martinum de Sandomiria, Priorem Kioviensem, et alios fratres ejus,

utpote viros Religiosos et exemplares, pessundari et confundi praefatos Fratres de Ecclesia S. Mariae in Kiow, ordini praefato consignata, et circa quam habebant suum conventum, expellit, redeundi facultatem eis interminans. Энгель въ своей Gesch. von Halitsch стр. 556, ссылаясь на Окольскаго, сочинителя книги Russia Florida, разсказываетъ, что Владимiръ выгналъ тогда Доминиканскаго Монаха Iакинеа; что сей Монахъ, вылечивъ прежде его дочь и возвративъ ей зрѣнiе, пользовался отмѣнною милостiю Княжескою, съ дозволенiя Владимiрова проповѣдывалъ Латинскую Вѣру въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Москвѣ, и проч. Это сказка. Владимiръ не могъ дозволить Iакинеу проповѣдывать въ Черниговѣ и Москвѣ, ибо сiи города не зависѣли отъ него. Къ тому же Iакинѳъ находился въ Кiевѣ послѣ 1240 года (см. сей Исторiи Т. IV, примѣч. 9).

(239) См. Путешествiе Палласа I, 192 — Лепехина Записки, I, 272 — Миллер. Samml. Rus. Gesch. V, 214, 428. Сiи надписи переведены для Государя Петра I въ 1722 году Казанскимъ Армяниномъ Иваномъ Васильевымъ. Одна изъ нихъ 557 года; но должно знать, что Армянское лѣтосчисленiе начинается съ нашего 552 года, Iюля 9 (см. l'Art de verif. les dates). — Нынѣшнее село Болгары (не далеко отъ Тетюшъ) основано на самыхъ развалинахъ древняго Болгарскаго города. Тамъ видны ровъ, валъ и даже каменныя зданiя, еще не совсѣмъ разрушенныя временемъ: семь палатъ, четыре башни, два столба. Бывшая тамъ мечеть Татарская обращена въ церковь Св. Николая. Жители называютъ остатки другаго зданiя Греческою палатою и судейскимъ домомъ. — Арабскiй Географъ X вѣка, Ибнъ Гаукалъ (см. Gèographie Orientale d' Ebn-Haukal par Silvestre de Sacy) пишетъ о городѣ Болгарѣ и другомъ сосѣдственномъ, сказывая, что въ нихъ около десяти тысячь жителей.

(240) См. Эрбелот. Biblioth. Orient. подъ словомъ Bulgar, и Миллер. Samml. R. G. VII, 428.

(241) То есть, отъ 619 до 742 года Эгиры (см. Палласа I, 193). Всѣхъ Арабскихъ надписей 47, изъ коихъ 22 одного 623 или 1226 года: Палласъ заключаетъ, что въ семъ году было тамъ моровое повѣтрiе. Приведемъ здѣсь одну надпись: „Господь есть „Богъ живый и безсмертный. . Гробъ Владѣтеля Шахима, Ма-„мякова сына. Мамякъ Мартуловъ сынъ, Мартулъ Суваровъ. „Всевышнiй да успокоитъ его Своимъ милосердiемъ. Умеръ въ „году отъ Магомета 623" (см. Лепех. Записки I, 274).

(242) См. выше, примѣч. 83.

(243) См. Т. II, примѣч. 256, Саксон. Граммат. стр. 271, и въ Сартор. Gesch. des Hanseat. Bund. I, 191, гдѣ приведено слѣдующее мѣсто изъ грамоты Императора Фридриха, писанной въ

1187 году: Ruteni, Goti, Normanni et cetere gentes orientales ad civitatem sepius dictam (Любекъ) veniant et recedant. Тоже сказано въ договорѣ Смоленскаго Князя съ Нѣмцами: см. ниже. Адамъ Бременскій (въ Линденбр. стр. 58) около 1070 года пишетъ, что въ его время Датчане доплывали иногда до Новагорода въ 4 недѣли. О церкви Русской въ Готландіи См. Nov. Act. Societ. Upsal. T. II, стр. 101, и ниже.

Королевскіе Шведскіе чиновники, посыланные въ XVII вѣкѣ на островъ Готландскій, привезли оттуда слѣдующее извѣстіе: Ex India, Persia, Arabia, Graecia devehebantur merces Derbendam, Caspii portum maris, hinc per mare istud et Wolgae fluvium ad urbem Moscuae, tum porro terrestri primum itinere non longo, et aquis dein variorum fluminum mariumque Wisbyam usque, utpote in centro sitam Balthici oceani, et in qua, sicut gentes aliae, ita Russi quoque templum habuere publicum domumque convehendis ac permutandis mercibus propriam. См. Сартр. Gesch. des Hans. B. I, 381.

(244) Въ Любекскомъ Архивѣ нашелся Латинскій списокъ договора Готландцевъ и Нѣмцевъ съ Новымгородомъ, напечатанный Дреером въ книгѣ *Specimen juris publici Lubecensis*, стр. 177, съ нѣкоторыми выпусками и даже грубыми ошибками: что доказано вѣрнымъ, новымъ спискомъ сей грамоты, не давно присланнымъ изъ Любека къ Е. С., Государственному Канцлеру, Графу Николаю Петровичу Румянцеву. На примѣръ, Дрееръ выпустилъ важныя слова въ концѣ трактата: *Via a curia* Gotensium trans curiam Regis usque ad forum libera erit et edificiis inoccupata, libertate, quam Rex edidit *Constantinus*; а въ началѣ, вмѣсто *Rex, Borchramius* (то есть, Посадникъ), Dux (Тысячскій) et Nogardienses discretiores, поставилъ: *Rex Borchramus*. Еще не видавъ сего новаго списка (который будетъ скоро изданъ), Лербергъ угадалъ истину (см. его Untersuchungen, стр. 239—272). — Предложимъ содержаніе грамоты.

„Во имя Бога Всемогущаго . . . . Аминь, и проч. Купцы Нѣ„мецкіе и Готландскіе да торгуютъ свободно въ областяхъ „Новогородскихъ, какъ издревле бывало; могутъ, входя въ Неву, „рубить лѣсъ для своей надобности, и въ случаѣ кораблекруше„нія жители должны не грабить ихъ, но оказывать имъ всякую „помощь: въ удостовѣреніе чего Князь и Бояре Новогородскіе цѣ„луютъ святый крестъ.“ (Въ подлинникѣ: Cum mercatores Theutonici vel Gotense*s* veniunt in *Berko*, in regno regis Nogardiensium, и проч. Сей Берко есть Біорко, на Юго-Западъ отъ Выборга. Ежели сей островъ принадлежалъ тогда къ Новогородскимъ владѣніямъ, то предлагаемый договоръ былъ писанъ прежде 1293 года, когда

Шведы овладѣли сею частію Кореліи. См. Лерберга Untersuchungen, стр. 258.)

„За всякую обиду, сдѣланную гостю, отвѣтствуетъ Пра„вительство. Если въ пути украдутъ у Нѣмца вещь цѣною ниже „полугривны кунъ, то воръ можетъ откупиться отъ наказанія „двумя гривнами кунъ; а если она дороже, но стоитъ менѣе по„лугривны серебра, то виновный долженъ быть наказанъ „розгами и заклейменъ на щекѣ, или заплатить де„сять гривенъ серебра. За важнѣйшее воровство казнить смер„тію. Преступленіе, учиненное въ Ижерской области, судится „ея Тіуномъ; а если онъ чрезъ два дни не явится, то стар„шины гостей могутъ сами наказать вора по „означеннымъ правиламъ.

„Когда гости зимніе, или желающіе зимовать въ Но„вѣгородѣ, будутъ на Ижерѣ, Тіунъ высылаетъ лодошниковъ, „кои немедлѣнно отправляются съ гостями, дающими каждому „изъ нихъ 8 кунъ или мордокъ и двѣ салфетки, или вмѣсто „оныхъ 3 мордки, а гости лѣтніе сверхъ того четыре хлѣ„ба и сосудъ масла или 2 куны за хлѣбы, а за масло три морд„ки.“ (Въ подлинникѣ названы лодошники vectores и ductores или Vorschkerle, рѣка Ижора Vorsch, Тіунъ Oldermannus. Ижерскій приставъ долженъ былъ извѣстить Тіуна о прибытіи гостей. Собравшимся лодошникамъ позволялось только однажды сварить себѣ кушанье (decoquetur eis unum caldarium, et non plus,) чтобы не задерживать купцевъ. Куньи мордки, capita Martatorum, вообще то же, что куны: см. Т. I, примѣч. 524; но куны были различныя. Въ договорахъ Князя Тверскаго Михаила съ Новымгородомъ упоминается о кунахъ долгихъ (см. ниже). Собственно такъ называемая кунья мордка превосходила, кажется, въ цѣнѣ обыкновенную куну: ибо въ трактатѣ сказано, что за печеный хлѣбъ гости платили 2 куны, а за сосудъ масла 3 мордки куньи, то же за пару салфетокъ. Лодошники получали сію плату дошедши съ гостями до рыбачьихъ хижинъ). „Пошлина „въ Новѣгородѣ“— платимая въ какомъ-то мѣстѣ Gestevelt—„уста„влена равная для зимнихъ и лѣтнихъ гостей: съ каж„даго изъ судовъ купеческихъ гривна кунъ; съ нагруженнаго мя„сомъ (соленымъ), мукою и пшеницею ½ гривны, а съ другихъ „съѣстныхъ припасовъ нѣтъ никакого сбора. Гости, взявъ Рус„скую ладію съ Невы, въ Новѣгородѣ даютъ лодошнику устав„ленную цѣну и окорокъ ветчины или 5 гривенъ кунъ; если же „ладія встрѣтилась имъ на Волховѣ или на Ладожскомъ озе„рѣ (Aldagen), то платятъ единственно половинную цѣну. Буде „ладія отстанетъ въ пути отъ другихъ или разобьется, то

„лодошникъ хотя и не отвѣтствуетъ за сіе несчастіе, однакожъ не можетъ требовать платы; но за товаръ, испорченный имъ отъ небреженія, платитъ купцу. Если гости и лодошники, имѣвъ въ пути ссору, примирятся, то уже не надобно поминать объ ней въ Новѣгородѣ.

„Гости, по древнему обыкновенію, могутъ свободно, входя въ Неву торговать съ Корелою и съ Ижерцами.

„Въ Новѣгородѣ за перевозъ товаровъ на гостиной дворъ Нѣмцы платятъ съ ладіи 15 кунъ, а Готландцы 10. Тамъ Новогородцы не могутъ предписывать никакихъ законовъ въ куплѣ. Сіи гостиные дворы пользуются неограниченною свободою. Ежели укроется въ оныхъ преступникъ, то иноземцы не обязаны выдавать его: онъ судится единственно тамошнимъ судомъ. Герольды и Бирючи не входятъ ни въ Нѣмецкій, ни въ Готландскій дворъ: одинъ Посолъ Княжескій имѣетъ сіе право. Обиженный Россіяниномъ гость жалуется Князю и Тіуну Новогородскому, обиженный гостемъ Россіянинъ Старѣйшинѣ (Oldermanno) иноземцевъ, который одинъ можетъ взять его подъ стражу. Ссоры между Россіянами и гостями судятся на дворѣ Св. Іоанна (см. Т. IV, примѣч. 154) Княземъ, Старѣйшиною (иноземцевъ) и Новогородцами. Неистовая забава, въ коей люди бьются дрекольемъ (см. Т. IV, примѣч. 154), не должна быть терпима на улицѣ между дворами Нѣмецкими, чтобы Россіяне и гости не имѣли повода къ ссорамъ. Кто силою вломится къ гостиный дворъ и сдѣлаетъ Нѣмцамъ обиду, тотъ подвергается ихъ произвольной мести, а начальство за него не вступается; если же уйдетъ и будетъ обличенъ семью свидѣтелями, долженъ заплатить двойную виру или двадцать гривенъ серебра, а каждый его сообщникъ 2 гривны серебра, сверхъ особеннаго убытка, причиненнаго симъ насиліемъ. Когда же виновный бѣденъ, за него платятъ Новогородцы. Если преступникъ будетъ задержанъ на дворѣ Нѣмецкомъ, то его должно наказать всенародно. Кто дерзнетъ ломать ворота или заборъ сего двора, или пуститъ въ оный стрѣлу, или броситъ камень, тотъ платитъ десять гривенъ серебра.

„Всѣ приходящіе на гостиный дворъ торгуютъ въ ономъ свободно; нѣтъ розницы между Россіяниномъ и Нѣмцемъ (modica vel nulla est differencia). Гости пользуются такою же свободою внѣ сего двора.

„Нѣмцы могутъ невозбранно учить своихъ отроковъ языку Русскому. Отъ церкви Св. Николая до гостинаго двора и самой улицы не должно застроивать никакого мѣста. — Кладбище Св. Петра, торговые дворы Нѣмцевъ и Готландцевъ

„могутъ быть обносимы заборомъ, какъ и прежде. Церкви (Нѣ„мецкія) Св. Петра и Св. Николая въ Ладогѣ пользуются, „какъ и въ старину, особенными, отведенными имъ лугами.

„Если будетъ ссора между зимними гостями и Рос„сіянами, то лѣтнимъ гостямъ нѣтъ до оной никакого дѣла, „и вообще каждый иноземный купецъ, не смотря на сію распрю, „имѣетъ свободный выѣздъ изъ Новагорода. Ежели она не бу„детъ прекращена ни въ годъ, ни въ два, то на третій годъ „Новогородцы уже могутъ поступить съ гостями какъ съ не„пріятелями: описать ихъ имѣніе, заточить, и проч.“ (fiet *Pandatio* admittetur. Глаголъ pandare означалъ apposer ban sur quelque chose: См. Дюканж. Glossar. Такъ Новогородцы поступили съ Нѣмцами въ 1188 году.) „Россіянинъ не имѣетъ также права задер„жать въ домѣ у себя иностранца; но долженъ объявить его „вину Старѣйшинѣ, который предостерегаетъ своего едино„земца.

„Въ случаѣ войны между Новымгородомъ и странами „окрестными гость Нѣмецкій или Готландскій, ни мало не участ„вуя въ оной, воленъ ѣхать, куда ему угодно. Нельзя также при„нудить его, чтобы онъ вооружился и шелъ въ походъ съ Но„вогородцами. — Гость Нѣмецкій, желая изъ Новогорода отпра„виться въ Готландію, даетъ гривну серебра въ церковь Св. „Пятницы“ (Sti *Vridach*, т. е. Freytag).

„Во всякой тяжбѣ гостя съ Россіяниномъ должны быть „свидѣтелями два гостя и два Россіянина. Если Россіянинъ и „гости несогласны въ свидѣтельствѣ, то жребій рѣшитъ, на „чьей сторонѣ истина. Новогородецъ, будучи должникомъ гостя „и другаго Новогородца, обязанъ заплатить прежде гостю; а „если не можетъ, то лишается свободы, вмѣстѣ съ женою и „съ домочадцами. Заимодавецъ выводитъ его на торгъ, и воленъ „увезти изъ Новагорода, буде никто не искупитъ сего должника.

„Ежели—чего Боже сохрани—убіетъ кто Священника, Ста„рѣйшину и Посла, то убійца платитъ двойную виру или 20 „гривенъ серебра; въ другихъ случаяхъ 10 гривенъ; за убіеніе „холопа 2 гривны серебра; столько же и за рану свободнаго че„ловѣка, а за рану холопа ½ гривны; за пощечину столько же.

„Вѣсы гостинаго двора могутъ быть два раза въ годъ „повѣряемы: на нихъ должно вѣсить всѣ товары Нѣмецкіе и „Россійскіе. Гость платитъ вѣсовщику 9 векшей съ капи, или „съ двѣнадцати пудъ“ (9 Schin de Cap. См. о капи ниже. Векша названа здѣсь Schin. По Смоленскому, ниже предлагаемому договору надлежало платить вѣсовщику съ двухъ капей одну куну: изъ чего можно заключить, что Смоленская куна рав-

нялась цѣною съ 18 Новогородскими векшами; а какъ въ гривнѣ серебра было въ 1228 году Смоленскими кунами четыре гривны, а Новогородскими въ 1230 году семь гривенъ, то вѣроятно, что куна вообще содержала въ себѣ десять векшей (см. сей Исторіи Т. I, примѣч. 527.) „Избранный Новогородцами вѣсовщикъ „цѣлуетъ крестъ во увѣреніе, что не будетъ никого обманы„вать, и за вѣшеніе металловъ драгоцѣнныхъ не беретъ пла„ты. Узаконенный пробирщикъ, взявъ отъ гостей серебро для „плавки, долженъ, возвращая имъ оное, исключить примѣсь. Ино„земецъ можетъ требовать вторичной повѣрки въ вѣсѣ своего „металла. За пробирщика, буде онъ не возвратитъ гостю сереб„ра его, отвѣтствуютъ Новогородцы. Вѣсъ, называемый капь, „содержитъ въ себѣ 8 Ливонскихъ талантовъ“ (въ талантѣ было 60 фунтовъ). „Законная мѣра для продажи и купли есть „та, которая хранится въ (Нѣмецкой) церкви Св. Петра.

„Гости зимніе и лѣтніе, отправляясь изъ Новагорода, мо„гутъ взять на Ижерѣ проводника, коему даютъ 8 мордокъ или „1 хлѣбъ. Они вольны ѣхать съ товарами и на собственныхъ „лошадяхъ.

„Дворъ Готландскій съ церковію, съ кладбищемъ Св. Олава „и съ окрестными лугами по древнему уставу должны быть отъ „всего свободны. Мѣсто вокругъ сего двора на 8 шаговъ принад„лежитъ Готландцамъ: тутъ не строить никакого зданія, и не „складывать лѣсу. Они уже не обязаны мостить и чистить „мостовыхъ за прежній, проданный ими дворъ.

„Какими правами и выгодами пользуются гости въ землѣ „Новогородской, такими же пользуются и Новогородцы въ Гот„ландіи. — Аминь.“

Вѣроятно, что сей любопытный трактатъ писанъ скоро послѣ временъ Константиновыхъ или около 1230 года; но дѣйствительно ли былъ принятъ и утвержденъ Новогородцами? не думаю: ибо не находимъ въ немъ ни года, ни именъ Князя, Посадника и Тысячскаго, которыя обыкновенно означались въ Новогородскихъ грамотахъ. Вѣроятно ли также, чтобы Новгородъ далъ иноземцамъ право судить Россійскихъ преступниковъ, буде не явится Тіунъ въ уставленный срокъ, и чтобы за воровство маловажное (нынѣшними деньгами отъ одного до пяти или шести рублей) клеймили, а за важнѣйшее казнили воровъ смертію, въ землѣ, гдѣ самый убійца откупался серебромъ? Иноземные купцы, опасаясь частаго воровства болѣе, нежели рѣдкихъ убійствъ, могли предложить сей законъ; но могло ли Новогородское Правительство согласиться на оный? Александръ Невскій казнилъ развратителей своего сына, и народъ свергалъ мя-

шежниковъ съ мосшу; но шакія преступленія были уже государственныя, а не частныя или не гражданскія, обыкновенно наказываемыя у насъ денежными пенями отъ временъ Ярослава до XIV вѣка. — Однакожь во всякомъ случаѣ памятникъ нашихъ купеческихъ связей съ Германіею, ознаменованный печатію древности, стоитъ замѣчанія, изображая путь и средства Нѣмецкой торговли въ сѣверо-западныхъ областяхъ Россіи. Мы не усомнились внести нѣкоторыя обстоятельства сего договора въ нашу Исторію.

(245) Сіи краткія, но достовѣрныя извѣстія собраны г. Сарторіемъ въ его Geschichte des Hanseatischen Bundes, Т. I, стр. 189-198, и Т. II, стр. 428-454. Тамъ упоминается, отъ XIV до XV вѣка, о частыхъ жалобахъ Новогородцевъ на обманы Ганзейскихъ купцевъ въ добротѣ и мѣрѣ Фламанскихъ суконъ, и проч. — Справедливо сомнѣваясь о мнимыхъ несмѣтныхъ богатствахъ тогдашняго Новагорода, Сарторій прибавляетъ, что тамъ до 1383 году не было даже и моста черезъ Волховъ! Сей ученый Историкъ не сказалъ бы того, если бы зналъ Новогородскую лѣтопись.

(246) См. Т. II, примѣч. 64.

(247) См. Торфея Hist. Norveg. IV, 154, и Далина Gesch. des Schwed. R. II, 144.

(248) Древній харатейный списокъ сего важнаго договора находится въ библіотекѣ Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина. Мы обязаны сообщить оный любопытнымъ читателямъ отъ слова до слова:

,,Князь Мстиславъ Давыдовицъ послалъ свои мужи, Еремѣя ,,Попа, Пантелѣя Сотьского, отъ Смольнянъ въ Ригу, а изъ Ри- ,,гы на Готьскый берегъ, утвержиbати миръ, а розлюбье на ,,сторону отвepeчи, которое было межи Нѣмци и Смольняны; а ,,за тотъ миръ страдалъ (старался) Рулфъ изъ Кашля (Касce- ,,ля?) и Тумашъ Михайловичь, абы добросердье межь ихъ было, ,,абы Рускымъ купцемъ въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, а Нѣ- ,,мечкымъ купцемь въ Смоленьской волости любо было, какъ ,,миръ утверженъ, и добросердье абы въ вѣкы стояло, и Князю ,,любо бы и всимъ Смолняномъ и Рижаномъ и всимъ Нѣмчемъ, ,,по Всточному морю ходящимъ, оже такую правду въпсали, ко- ,,торою правдою быти Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, ,,абыша тоя правды держали и въ вѣкы."

,,Богъ того не дай, оже розбой по грѣхомъ пригодиться ,,межи Нѣмци и Руси, что за что платити, абы миръ не разд- ,,рушенъ, абы Нѣмцичю любо было. — А се починокъ правдѣ:

1. ,,Оже убьють вольнаго человѣка, платити за голову 10

„гривенъ серебра по 4 гривны кунами или пѣнязи, а за холопа „гривна серебра; аже кто холопа ударитъ, гривна кунъ. Та же „правда буди и въ Смоленскѣ, и въ Ризѣ, и на Готьскомъ березѣ.

2. „Аще око выбьютъ или руку отътнутъ, или ногу, или „иная которая хромота на тѣлѣ явиться, 5 гривенъ серебра, а „за зубъ 3 гривны серебра. Таже правда буди въ Смоленскѣ и на „Готьскомъ берегу.

3. „А кто деревомъ ударитъ человѣка до крови, полторы „гривны серебра; аже ударитъ по лицю или за волосы иметъ, „или батогомъ шибетъ, платитъ безъ четверти гривна сереб-„ра; аже послови (послу) пригодится пакость или Попови, въ „всякой обидѣ за два человѣка платити дань.

4. „Аще кто друга ранитъ, а хромоты на тѣлѣ не будетъ, „полторы гривны серебра платити.

5. „Аще Рускый гость или въ Ризѣ, или на Готьскомъ бе-„резѣ извинится (будетъ виноватъ), никакоже, его всадити въ „дыбу (колодку), оже будетъ порука понь; не будетъ ли порукы „понь, то лзѣ всадити въ желѣза. Или Нѣмецкый гость изви-„нится, не лзѣ его вереци въ погребъ; оже не будетъ понь пору-„кы, лзѣ его всадити въ желѣза.

6. „Оже Нѣмечкый гость дастъ свой товаръ въ долгъ въ „Смоленьскѣ, а Русинъ будетъ долженъ Руси, ино Нѣмцичю на-„переди взяти. Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Готь-„скомъ березѣ.

7. „Аще Князь взверьжетъ (гнѣвъ) на Русина, и повелитъ „его розграбити съ женою и съ дѣтьми, а Русинъ будетъ дол-„женъ Нѣмцичю, (то Нѣмцичю) напередъ взяти, а потомъ како „Богови любо и Князю. Таже правда буди Русину въ Ригѣ и на „Готьскомъ берегу.

8. „Или Нѣмечкый гость дастъ холопу Княжю или Боярь-„ску, а кто задницю (наслѣдіе) его возметъ, то у того Нѣмци-„чю товаръ взяти. Таже правда буди Русину въ Ригѣ и на Готь-„скомъ берегѣ.

9. „Русину же не лзѣ вести одинаго Русина въ послушь-„ство, ни двою. Таже правда буди Нѣмцемъ въ Смоленскѣ.

10. „Русину же не лзѣ имати Нѣмчина на желѣзо" (испытаніе посредствомъ раскаленнаго желѣза) „такоже и Нѣмцичу „Русина; аже возлюбитъ самъ своею волею, то его воля.

11. „Русину же не лзѣ позвати Нѣмцича на поле (поеди-„нокъ) въ Смоленскѣ, ни Нѣмцичю въ Ригѣ и на Готьскомъ бе-„резѣ, или Нѣмечкый гость бится въ Руси межи собою меци „или сулицами, Князю то ненадобѣ и никакому Русину, а пра-„вятся сами по своему суду.

12. ,,А иметь Русинъ Нѣмчица у своей жены, ино за со-
,,ромъ 10 гривенъ серебра: такоже Русину въ Ригѣ и на Готь-
,,скомъ берегу.

13. ,,Аще которой Нѣмцичь учинить насилье надъ вольною
,,женою въ Смоленскѣ, а дотолѣ было не слышати блядѣ ей,
,,10 гривенъ серебра за соромъ; таже правда буди Русину въ
,,Ригѣ и на Готьскомъ березѣ.

14. ,,А како услышить Волоскый Тіунъ, еже гость Нѣмеч-
,,кый пріѣхалъ въ Смолняны на Волокъ, послати ему своего че-
,,ловѣка вборзѣ къ Волочаномъ, атъ перевезуть Нѣмечкый гость
,,съ товаромъ; а никтожь иметь имъ пакостити, занеже въ
,,той пакости велика пагуба бываеть Смолняномъ отъ пога-
,,ныхъ. И Нѣмцемъ метати жеребьи, кому пойти напередъ.
,,Аще иный гость будеть Рускый, тому пойти позади.

15. ,,А како будеть гость Нѣмечкый въ городѣ, дати имъ
,,Княгини поставъ частины, а Тивуну Волочному рукавичь
,,перьстатый Готьскый" (рукавицы съ перстами или перчатки).

16. ,,А который Волочанинъ вскладываеть товаръ Нѣмеч-
,,кый или Смоленскый на кола своя чересъ Волокъ везти, а что
,,погынеть того товара, всимъ Волочаномъ платити. Таже
,,правда буди Русину и на Готьскомъ березѣ.

17. ,, А како будеть Нѣмечкый гость въ Смоленьскѣ го-
,,родѣ, тако ему продати свой товаръ безо всякія борони (пре-
,,пятствія); а какъ будеть Рускый гость въ Ризѣ и на Готь-
,,скомъ березѣ, вольножь ему продати безо всякой борони.

18. ,,Аще который Нѣмчиць хочеть пойти съ своимъ то-
,,варомъ въ иный городъ, Князю не боронити, ни Смолняномъ;
,,или который Русинъ всхочеть съ Готьскаго берега въ Нѣмеч-
,,кую землю въ Любокъ (Любекъ), Нѣмцемъ не боронити пути
,,того.

19. ,,Аще который Русинъ возметь товаръ у Нѣмчица, а
,,понесеть товаръ изъ двора, тый товаръ не ворочаеться; или
,,который товаръ купилъ у Русина и понесеть изъ двора, тый
,,товаръ не ворочаеться.

20. ,,Русину же не лзѣ позвати на опцій (общій) судъ,
,,развѣе на Смоленскаго Князя; аже возлюбить Нѣмцичь на
,,опьчій судъ, то его воля. А Нѣмцичю не лзѣ позвати Русина
,,въ Ригѣ или на Готьскомъ березѣ на опчій судъ: всхочеть ли
,,Русинъ на обчій судъ, то его воля.

21. ,,Русину же не лзѣ приставити Дѣчкаго" (Дѣтскаго,
Отрока, военнаго пристава) ,,къ Нѣмцичю въ Смоленьскѣ, но
,,преже обвѣстить старѣйшему ихъ; оже старѣйшина его не
,,умолвить, то лзѣ ему приставити. Такоже и Нѣмчичю въ

„Ригѣ и на Готьскомъ березѣ, не лзѣ ему приставити Дѣть-
„ского.

22. „Оже будеть Русину товаръ имати на Нѣмчичи или въ
„Ригѣ, или на Готьскомъ березѣ, въ которомъ городѣ въ иномъ
„Нѣмечкомъ: пойти истьцю къ истьчю, и взяти ему тая прав-
„да, которая въ томъ городѣ; а рубежа имъ не дѣяти; а Нѣм-
„чицю таже правда взяти въ Руси.“ Слово рубежъ употребле-
но здѣсь въ смыслѣ насильственнаго захваченія (см. сей Исто-
ріи Т. IV, примѣч. 213).

23. „А Нѣмчичю платити вѣсцю отъ двою капью (съ 24
„пудъ) куна Смоленьская.

24. „Оже купити Нѣмцичю гривну золота, дати ему нога-
„та вѣсцю, или продасть, не дати ему ни векши.

25. „Или который Нѣмцичь купить судъ (сосудъ) серебря-
„ный, дати ему отъ гривнѣ куна вѣсцю, или продасть, не да-
„ти ему ни векши.

26. „Аще купить Нѣмцичь гривну серебра, дати вѣсцю 2
„векши, или продасть, не дати ему.

27. „Оже Нѣмчинъ дасть серебро платить, дати ему куна
„Смоленьская гривенъ (съ гривны).

28. „Аще вощный пудъ“ (вощаной вѣсъ или 12 пудъ) „иска-
„зиться, лежить капь во святiй Богородици на горѣ, а другая
„въ Нѣмечкой Богородици: то тымъ пудъ извѣряче, право учи-
„нити. Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

29. „Нѣмчичю же всякой товаръ вольно купити безъ боро-
„ни въ Смоленьскѣ, такоже и Русину вольно купити всякый то-
„варъ безъ борони въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

30. „Нѣмчичю же не надобѣ никое мыто изъ Смоленьска до
„Ригѣ, а изъ Ригы до Смоленьска; такоже и Русину не надобѣ
„мыто съ Готьскаго берега и до Ригѣ, а изъ Риги до Смо-
„леньска.

31. „Аще Смоленьскый Князь пойдеть на войну, не надобѣ
„ему (Нѣмцу) ѣхати; оже всхоцеть съ Княземъ, то своя ему
„воля; такоже буди и Русину воля въ Ризѣ и на Готьскомъ
„березѣ.

32. „Аже Русинъ или Нѣмчичь иметь татя у своего това-
„ра, въ томъ его воля, что хочеть учинити.

33. „Русину же не дати пересуда (судной пошлины) ни въ
„Ригѣ, ни на Готьскомъ берегѣ, ни Нѣмчичю же платити пе-
„ресуда въ Смоленьскѣ или у Князя, или у Тiуна, или урядили
„будуть добріи мужи; болѣ же того не поимати ни въ Ригѣ, ни
„на Готьскомъ березѣ. Таже правда буди Нѣмечкому гостю въ
„Смоленьскѣ.

34. „А пудъ (вѣсъ) дали Нѣмчи Волочаномъ, иже имъ то-
„варъ возити всякому гостю, и коли исказиться, а подругъ (та-
„кой же) его лежить въ Нѣмечькой божницѣ, а другый ковати
„извѣривше тими.

35. „Епископъ же Рижьскый, Фолкунъ Мастеръ Божіихъ
„Дворянъ (Рыцарей Христовыхъ), и вси волостели по Риже-
„ской земли дали Двину волену отъ устья доверху по водѣ, и
„по берегу всякому гостю Рижьскому и Нѣмечькому ходящимъ
„внизъ и верхъ. Богъ того не дай, аще кого притца пріиметь,
„или ладья уразиться Руская, или Нѣмечькая, вольно ему свой
„товаръ привезти въ берегу безъ всякой борони. Аще будеть
„въ пособленіе людій мало будеть, а къ тому принаймати лю-
„дій въ помочь; то, что будеть сулилъ найма, черезъ то болѣ
„не взяти. Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ
„березѣ, и Нѣмчичю въ Смоленьской волости и въ Полтьской и
„въ Витебьской. Аси грамота написана бысть при Попѣ Иванѣ
„и при Мастерѣ Фулкинѣ и при Рижьскихъ мужехъ, и при мно-
„гыхъ купчехъ Рижьскаго Царства, еже есть тѣхъ печать на
„сей грамотѣ. А се суть сему послуси (свидѣтели) Регембодъ,
„Тетартъ, Адамъ, горожане на Готьскомъ березѣ; Мемеберъ,
„Вередрикъ Домомъ изъ Люпка (Любека); Индрикъ, Тонліеръ: та-
„же суть изъ Южата (Huxaria? Данцига?) — Кондратъ кривый,
„Еганъ Кинотъ: ти суть изъ Мунстера (Минстера) — Берникъ и
„Фолкирь, тиже суть изъ Глугли (Гренингена?) — Яремъ,
„Брахтъ: тиже суть изъ Дротмины (Дортмунда) — Индрикъ,
„Чижикъ: тиже изъ Дрямь (Бремена?) — Альбряхъ Слукъ, Бер-
„няръ Велетерь, Алеберь судья Рижскій: тоже суть Рижане.
„Аще который Русинъ или Нѣмчицъ протививтися всхочеть сей
„правдѣ, да тотъ протививенъ Богу и сей правдѣ."

(249) См. Т. II, стр. 59.

(250) Вотъ древнѣйшее извѣстіе о судебныхъ поединкахъ въ Россіи, о коихъ столь много говорится въ законахъ Царя Іоанна Василіевича.

(251) Здѣсь называется волокомъ пространство между Двиною и Днѣпромъ, чрезъ которое надлежало сухимъ путемъ везти товары.

(252) Во всѣхъ нашихъ старинныхъ ариѳметикахъ сказано о вѣсахъ такъ: „берковецъ 10 пудъ, четверть вощаная „(или капь) 12 пудъ, ансырь 2½ гривенки и 8 золотниковъ (или „128 золотниковъ), а нынѣшній ансырь фунтъ или 96 золотни-„ковъ, а въ литрѣ 1½ гривенки, а золотниковъ 72," и проч. Нашъ древній вѣсъ Капь содержалъ въ себѣ 8 Ливонскихъ талантовъ, какъ сказано въ заключенномъ между Нѣмцами и Новго-

родцами трактатѣ, (см. выше, примѣч. 244): Statera, quae dicitur *Cap*, debet in gravitate continere *VIII* Livonica talenta. — Здѣсь именно означаются куны Смоленскія: слѣдственно между сими, Новогородскими и другими кунами была розница.

(253) См. Liefländ. Chron. II, 23. Тамъ сказано, что онъ заключенъ въ 1228 году, на Латинскомъ и Русскомъ языкѣ, и что Мстиславъ Смоленскій подписался за Князей Полоцкихъ и Россіянъ Витебскихъ. Русск. подлинникъ сего трактата уцѣлѣлъ въ Рижск. архивѣ.

(254) Если бы при Ярославѣ гривна серебра содержала въ себѣ, на примѣръ, не болѣе двухъ гривенъ кунами, то вѣроятно ли, чтобы Князь Смоленскій вдвое уменшилъ пеню за убійство цѣною серебра, опредѣляя взыскивать съ убійцы тѣ же сорокъ гривенъ кунами? Количество драгоцѣнныхъ металловъ безъ сомнѣнія увеличилось въ Россіи съ XI до XIII вѣка. — О Новогородской гривнѣ 1230 году см. нашей Исторіи Т. I, примѣч. 527.

(255) Церковь Софіи, Кіевская и Новогородская, также Соборная въ Владимірѣ, построенная Андреемъ; безъ сомнѣнія и другія: ибо Лѣтописецъ сказываетъ за рѣдкость, что Суздальская была отдѣлана одними Русскими художниками.

(256) См. Воскресенск. Лѣт. II, 118. Въ харатейныхъ именно прибавлено: „ища мастеровъ отъ Нѣмецъ, но изобрѣте „мастеръ отъ Св. Богородицы." О Милонѣгѣ см. выше, примѣч. 153, подъ годомъ 1198. Сей же Милонѣгъ, думаю, въ 1185 г. построилъ Новогородскую церковь Св. Вознесенія (см. Новогородск. Лѣт. г. 6693).

(257) Кіевск. Патерикъ, 120, 123.

(258) Я видѣлъ нѣсколько такихъ расписанныхъ листовъ въ древнихъ Евангеліяхъ и другихъ церковныхъ книгахъ. Наименую изъ нихъ двѣ: Псалтирь XII вѣка въ библіотекѣ Московскаго Профессора, Г. Баузе, и весьма же древнее Евангеліе въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина.—Считаю за нужное упомянуть здѣсь о славныхъ, такъ называемыхъ Каппоніановыхъ доскахъ (Tabulae Capponianae), о коихъ столь многіе Ученые писали и спорили (см. Ассеман. Kalend. Eccles. Univ. T. I, стр. I, и слѣд.). Священникъ Герасимъ Фока, уроженецъ Кефалонскій, будучи въ Москвѣ Духовникомъ (какъ увѣряютъ) Государя Петра Великаго, въ даръ отъ него получилъ живописное изображеніе всѣхъ Россійскихъ Святыхъ (въ маломъ видѣ) на пяти доскахъ, съ означеніемъ мѣсяцевъ и дней, когда торжествуется ихъ память. Герасимъ скоро умеръ отъ язвы въ Константинополѣ; а братъ и наслѣдникъ его за 300 червонныхъ

уступилъ сіи картины Маркизу Александру Каппонію, отдавшему ихъ, какъ безцѣнное произведеніе древняго Русскаго искусства, въ библіотеку Ватиканскую. Необыкновенный блескъ, нѣжность или тонкость красокъ, и даже правильность рисунка удивили Италіянскихъ художниковъ. Самъ Каппоній написалъ о томъ цѣлую книгу въ 1731 году, и думалъ, что такія краски могли быть составлены единственно изъ соку неизвѣстныхъ травъ или какого нибудь химическаго смѣшенія (la vernice è bellissima, e le figure non avendo corpo, ci fanno sospettare che i colori delle medesime sieno composizione de sughi d' erbe, o di mistura somigliante all' alchimia). Игнатій Кульчинскій, Авторъ книги Specimen Ecclesiae Ruthenicae, угадывалъ, что сіи картины писаны во время Владиміра Святаго. Ассемани считалъ оныя памятникомъ XIII вѣка: ибо на нихъ изображены нѣкоторые Святые, признанные Греческою Церковію послѣ Владиміра, но нѣтъ ни одного, жившаго въ XIV столѣтіи: заключеніе вѣроятное для однихъ иностранцевъ! И нынѣ пишутъ у насъ на доскахъ такія Святцы съ изображеніемъ единственно древнихъ Святыхъ Греческихъ. Гладкость и тонкость красокъ, столь удивительныя для Каппонія, происходятъ отъ того, что наши иконописцы, разводя оныя яичнымъ бѣлкомъ, послѣ обыкновенно лощатъ одежду и лица на образахъ зубомъ или другимъ подобнымъ веществомъ. Однимъ словомъ, Каппоніевы Святцы могли быть произведеніемъ XVII вѣка. Внизу на доскахъ (сдѣланныхъ, по мнѣнію Каппонія, изъ Ливанскаго кедра!) живописцы означили имена свои; на одной: писалъ Андрей Ильинъ; на другой: писалъ Никита Ивановъ; на третьей: писалъ Сергѣй Васильевъ. Ассемани хотѣлъ насъ даже увѣрить, что сіи живописцы были Аѳонскіе Монахи, и Греки!

(259) См. выше, примѣч. 167. Увидѣвъ шелковыя, золотомъ шитыя перчатки въ гробѣ Папы Иннокентія IV, погребеннаго въ 1254 году, Италіянцы хвалятся изобрѣтеніемъ въ Европѣ сего искусства, неизвѣстнаго во Франціи до XV вѣка. Впрочемъ еще въ Библіи упоминается о виссонѣ швенномъ, и проч.

(260) См. Патерикъ л. 125, 126, 127, 178. Армянинъ говоритъ Св. Агапиту о лекарствѣ: „нѣсть сіе отъ нашихъ зелій, но мню изъ Александріи быти."

(261) См. Т. II, примѣч. 34, 158, 380, и выше, примѣч. 29, 171, 179; см. также Патерикъ Кіевскій и Степен. Кн. I, 270, 272.

(262) Сочинитель именуетъ Князей своего времени, Ярослава Галицкаго, и другихъ, жившихъ въ концѣ XII вѣка. А. С. Шишковъ въ примѣчаніяхъ на Слово о полку Игоревѣ

утверждаетъ, что сочинитель не отъ себя величаетъ сихъ Князей, но именемъ Святослава: гордый Владѣтель Кіевскій не могъ называть ихъ своими Господами, или Государями, какъ тамъ сказано (стр. 29, 30): „вступита, Господина, въ златый „стремень... стрѣляй, Господине, Кончака," и проч.

Сочинитель говоритъ (стр. 12): „се вѣтри, Стрибожи „внуци," и проч.

(263) О семъ происшествіи 1185 года см. выше, стр. 64.

(264) Сочинитель хочетъ сказать, что Россіяне, обогатившись золотомъ и Греческими тканями, бросили остальное, менѣе драгоцѣнное.

(265) „Се бо Готскія красныя дѣвы... звоня Рускымъ златомъ," и проч. Со временъ славнаго Германариха жили Готѳы (см. Т. I, примѣч. 88) въ Тавридѣ, гдѣ властвовали тогда Половцы.

(266) Слово о полку Игоревѣ, стр. 31. Издатели несправедливо думали, что сей Романъ и Мстиславъ были сыновья Великаго Князя Ростислава. Романъ Ростиславичь умеръ около 1175 года (см. выше, примѣч. 44), а Мстиславъ, братъ его, въ 1180, Іюня 14 (см. Новогородск. Лѣт. стр. 44): слѣдственно Авторъ современный не могъ въ 1185 году звать ихъ на Половцевъ. Здѣсь рѣчь о Романѣ Мстиславичѣ Волынскомъ или Владимірскомъ (который сдѣлался послѣ Галицкимъ) и двоюродномъ братѣ его, Мстиславѣ, сынѣ Ярослава Луцкаго. Авторъ говоритъ ниже: „Ингварь, Всеволодъ" (братья Мстислава Ярославича) „и вси три Мстиславича, не худа гнѣзда шестокрильци." Сравнивая сихъ трехъ братьевъ съ пернатыми, онъ называетъ ихъ шестокрылыми для того, что у трехъ птицъ шесть крыльевъ; а Мстиславичами именуетъ по ихъ прадѣду, Мстиславу Великому.

(267) Въ томъ смыслѣ, что его одинъ умъ замѣнялъ восемь умовъ. „Отверзаешь путь къ Кіеву": т. е. кого хочешь, пускаешь въ Кіевъ.

(268) См. Т. II, стр. 71. О смерти Изяслава I, убитаго въ 1078 году вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ (см. Т. II, стр. 38) Сочинитель говоритъ (стр. 16): „съ тоя же Каялы Святоплкъ (или Михаилъ, сынъ Изяславовъ) посѣчѣ я отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Св. Софіи къ Кыеву." Издатели не угадали истиннаго смысла сей рѣчи, гдѣ есть описка: „по велѣ я," вмѣсто: „по сѣчѣ я," то есть, взялъ. Сочинитель хочетъ сказать, что Святополкъ взялъ на мѣстѣ битвы и повезъ въ Кіевъ тѣло отца своего на Венгерскихъ иноходцахъ; но современный Несторъ пишетъ, что Изяславъ убитъ не далеко отъ Чернигова.

(269) О семъ счастливомъ походѣ Святослава см. выше, стр. 63.

(270) То есть, Хану, у коего Игорь былъ плѣнникомъ.

(271) Чернеть есть родъ утки.

(272) Сія церковь была построена Мстиславомъ Великимъ (см. Т. II, примѣч. 256). Въ той же книгѣ, въ коей находится Слово о полку Игоревѣ (въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина) вписаны еще двѣ повѣсти: Синагрипъ, Царь Адоровъ, и Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ. Онѣ безъ сомнѣнія не Русское сочиненіе, но достойны замѣчанія по древности слога. Первая сказка начинается такъ:

„Въ то время азъ Акырь книгчій (книжникъ) бѣ, и „речено ми есть отъ Бога: отъ тебе чадо не родится. „Имѣніе же имѣя паче всѣхъ человѣкъ; пояхъ жену и устроихъ „домъ, и жихъ 60 лѣтъ, и не бысть ми чяда, и създахъ треб„никы (жертвенники) и възгнѣтихъ огнь, и рѣхъ: Господи Боже „мой! аще умру, и не будетъ ми наслѣдника, и ркутъ чело„вѣци: Акыръ праведенъ бѣ, и Богу истинно служаше; „аще умретъ и не обрящеться мужескъ плъ (полъ), „иже постоитъ на гробѣ его, ни дѣвическь плъ, „ижебы его оплакала; ни иже по немъ задницу „(наслѣдство) възметъ... И нынѣ прошу у тебе, Господи „Боже мой! даждь ми мужескъ полъ: гда преставлюся, да всы„летъ ми пръстъ (персть) на очи мои.“ Сія самая повѣсть переведена съ Арабскаго на Французскій языкъ и напечатана въ Продолженіи Тысячи одной ночи. Какимъ образомъ она сдѣлалась извѣстною въ древней Россіи? — Вторая повѣсть изображаетъ богатырство трехъ сыновей одной набожной вдовы, и племянника ихъ, Девгенія. Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Греческой. Сочиненіе не богато стихотворными вымыслами: храбрецы бьютъ людей какъ мухъ и сѣкутъ головы тысячами. Однакожь сообщимъ нѣкоторыя описанія. „Ста Амера на су„межіи Грецкой земли и рече: Болрство мое великое, сынове „Аравитьстіи! имѣете ли дръзость на Гречкую землю, про„тиву тъ (той) силѣ илки поставити? И единъ Аравитянинъ „велегласно рче... усты у него пяди; на конецъ устенъ висяху „многы жуковины, и по конецъ носа 12 замка замчена.“ О Девгеніи сказано: „двѣнадцати лѣтъ мечемъ играетъ, а на 13 лѣто „копіемъ, а на 14 лѣто покупается (покушается) всякый звѣрь „побѣдити.“ Онъ ѣдетъ къ славной красавицѣ Стратиговнѣ, бренчитъ подъ окномъ ея на гусляхъ серебряныхъ съ золотыми струнами, и говоритъ: „Кажи ми отца своего и братію, ка-

„ковы сутъ? И нача дѣва ему глаголати: на отцѣ моемъ брони „златы и шеломъ златъ съ каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ „саженъ, а конь у него покрытъ паволокою зеленою; а братіа „моя сутъ въ сребреныхъ бронехъ, только шеломы златы, а „кони у нихъ чрьвленою паволокою покрыты.“ Побѣдивъ отца и братьевъ, Девгеній говоритъ имъ: „азъ старости твоея дѣля „пожалую дамъ ти свободу, и сыномъ твоимъ; толико (только) „знаменіе свое хощу възложити на васъ... И бѣ на Стратигѣ „златъ крестъ прадѣда его многоцѣненъ, и у сыновъ его жу„ковины многоцѣнны съ драгымъ каменіемъ; то взя у нихъ „за знаменіа мѣсто.“ Онъ женится на Стратиговнѣ, и тесть предлагаетъ ему дары: „пода Стратигъ своему зятю 30 фаревъ „(коней), а покрыты драгыми паволоками, а сѣдла и узды зла„томъ кованы; пода ему конюхъ 20, пардусовъ и соколовъ 30 съ „кръмилици своими, и дастъ ему кожуховъ 50, сухымъ златомъ „шиты, и паволокъ великыхъ 100; шатеръ великъ единъ шитъ „весь златомъ: вмѣщахуся вонь многы тисуща (тысящи) вой, и „ужица бяху шатра того шолькова, а колца сребрена; и по„дастъ ему икону злату Св. Ѳеодоръ, и копіа 4 Аравитьская, и „мечь дастъ прадѣда своего. А теща подастъ ему драгыхъ па„волокъ зеленыхъ 30, кожуховъ 20, сухымъ златомъ шитыхъ съ „драгымъ каменьемъ и съ жемьчюгомъ; првыи шуринъ уноша „подастъ ему 50 поясовъ златокованныхъ, и ина шурья даша ему „многы дары, имъ же нѣстъ числа.“ — Замѣтимъ нѣкоторыя древнія слова въ сихъ двухъ повѣстяхъ: хорекъ называется дъхоръ (см. сей Исторіи Т. IV, примѣч. 65), рогатина рогвица, толще вътнѣе, куфшинъ кнея, слуги кмети (у Славянъ Иллирическихъ cmetiti значитъ быть въ подданствѣ). Жуковина или жиковина есть перстень: сіе слово часто употребляется въ грамотахъ XV и XVI вѣка, особенно въ Крымскихъ.

Въ той же книгѣ находится еще Сказаніе о Индіи богатой, или мнимое письмо Священника Іоанна къ Мануилу, Греческому Императору. О семъ Царѣ-Священникѣ см. ниже, примѣч. 282. Іоаннъ сказываетъ Мануилу, что ему повинуется въ Индіи 72 Царя; что въ его землях родятся нотамы (полчеловѣка и полпса) урши или медвѣди, фениксы, рыбы съ золотою кровью, звѣри о пяти ногахъ, и Сатиры; что люди тамъ не лгутъ, ибо отъ всякой лжи блѣднѣютъ какъ мертвецы; что улицы намощены драгоцѣнными камнями, и проч.

(273) Такъ Епископы убѣждали Святополка II не мучить Василька, а Долгорукаго освободить Берладника; такъ Митропо-

липтъ удерживалъ Новогородцевъ отъ войны междоусобной; такъ Архіепископъ Митрофанъ примирилъ народъ съ Княземъ (см. выше, стр. 170), и проч.

(274) См. Т. II, примѣч. 113. Въ самыхъ монастыряхъ бывали иногда пиры, осуждаемые Митрополитомъ Іоанномъ въ его Церковномъ правилѣ (см. Т. II, примѣч. 158). — О Всеволодѣ I говоритъ Несторъ (въ печатн. стр. 133): „бѣ же вздержаясь отъ пьянства.“ — О дѣтяхъ побочныхъ см. Русскую Правду въ семъ томѣ, отдѣленіе XXXVII; см. также въ договорѣ Князя Смоленскаго съ Нѣмецкими городами статью I.

(275) При Всеволодѣ I (Т. II, стр. 97), Ярополкѣ II (Т. II, примѣч. 268), при Игорѣ II (Т. II, стр. 194), послѣ Андрея Боголюбскаго (выше, стр. 38), и проч.

(276) См. Воскресенск. Лѣт. I, 69.

(277) См. Т. II, примѣч. 380, въ отвѣтахъ Нифонта на вопросы Кириковы.

(278) Не говоря о Святославѣ I, который, будучи слабымъ отрокомъ, уже металъ копья въ Древлянъ, замѣтимъ, что Всеволодъ III, осаждая Пронскъ, имѣлъ съ собою двухъ сыновей, Георгія десятилѣтняго и Владиміра пятилѣтняго (см. выше, примѣч. 125.)

(279) См. въ Бержерон. собраніи, Т. I, *Voyage de Benjamin*, стр. 65. Веніаминъ именуетъ городъ Пинъ или Финъ: думаютъ, что надобно читать Хиве, т. е. Кіевъ (см. Шпренгеля Gesch. der Entdeck. 278).

Достойно замѣчанія, что Персидскій Стихотворецъ XII вѣка, Низами, въ своей Поэмѣ Александра Великаго, упоминаетъ о Россіянахъ какъ о союзникахъ сего Героя: озлобясь на нихъ за опустошеніе столицы Королевы Арменской, онъ плѣнилъ Россійскаго Царя, именемъ Кайтала (см. Нѣмецк. сочиненіе Гаммера о твореніяхъ Низами, стр. 119). Это сказка; но свидѣтельствуетъ, что Россіяне въ XII вѣкѣ уже славились могуществомъ въ Персіи.

(280) См. Дегина Histoire générale des Huns, Т. III, кн. XV. стр. 2 и слѣд.; также Абульгази-Баядуръ-Хана Histoire généalogique des Tatars, Гобилев. Histoire des Mongous, Пети де-ла-Круа Histoire du grand Genghiskan, и въ Эрбелот. Bibl. Orient. статьи Genghiskhan, Mohammed, и проч. Все, что говорю здѣсь о Моголахъ или Татарахъ, взято изъ сихъ источниковъ.

(281) Езукай, побѣдивъ одного Татарскаго Хана, именемъ Темучина, свѣдалъ о рожденіи сына своего и далъ сему младенцу имя побѣжденнаго Хана.

(282) Дегинъ пишетъ (H. des Huns, кн. XV, стр. 20), что сей Татарскій Ханъ, обращенный въ Христіанство Несторіанскими Миссіонаріями, былъ топъ Священникъ и Царь Іоаннъ, который велъ переписку съ Папами и Государями Европейскими. Онъ славился въ Европѣ во время путешественниковъ Карпина и Рубруквиса (см. Бержерон. Voyages etc. T. I). Фишеръ думалъ, что Священникомъ Іоанномъ назывался Патріархъ Несторіанскій (Сибирск. Исторія, стр. 43 и слѣд.) Другіе искали сего романическаго Царя-Пресвитера въ Абиссиніи. Между бумагами, полученными мною изъ Кенигсбергскаго Архива, находятся два письма Великаго Магистра Нѣмецкаго, Конрада фонъ Юнгингена, отъ 20 Генваря 1407 года къ Королямъ Арменіи и Абассійскому или Священнику Іоанну (Regi Abassiae sive Presbitero Iohanni). Здѣсь Abassia означаетъ не Абиссинію, но Кавказскую Абазу или Авхазію. Вотъ новое открытіе для объясненія темной сказки о Священникѣ Іоаннѣ!

(283) Они прислали въ даръ Чингисхану птицу кречета, называемую по-Турецки Шунгаръ (см. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 205). Сибирскіе Моголы или Мунгалы разсказываютъ, что Чингисханъ имѣлъ главное свое жилище при рѣкахъОнонѣ и Курюлюмѣ, изъ коихъ первая впадаетъ въ Шилку, а другая въ озеро Далай (см. Миллер. Исторію Сибирскую, стр. 3); что Вельможи, избравъ сего бывшаго Царевича въ Ханы, совѣтовались, какое дать ему новое имя; что въ ту минуту какая-то птица закричала: Чингисъ! и Вельможи назвали его симъ именемъ.

(284) См. Дегин. H. des Huns, кн. XV, стр. 24, и нашей Исторіи Т. I, примѣч. 40.

(285) Татары, Турки и Россіяне называютъ Имперію Хинскую Китаемъ отъ имени народа Татарскаго, Китаевъ или Китановъ, владѣвшихъ ея сѣверною частію въ X вѣкѣ, но истребленныхъ во XII столѣтіи Татарами Ніучами, поработившими сію же часть Китая. Ушедши въ Малую Бухарію, Китаны основали тамъ особенную Державу, названную Кара-Китай или Черный Китай, для отличія отъ ихъ прежней восточной страны. Сіи Китаны, спасаясь бѣгствомъ отъ Ніучей, жили нѣсколько времени на берегахъ Иртыша и Оби, какъ до-нынѣ разсказываютъ Сибирскіе Татары, прибавляя, что тамошніе дремучіе лѣса казались имъ рогами и привели ихъ въ ужасъ (см. Фишер. Сибирск. Исторію, стр. 9).

(286) Одинъ Абульгази пишетъ (стр. 225), что жители сдали сей городъ безъ сопротивленія.

(287) Т. I, стр. 22.

(288) См. ихъ Исторію въ Дегин. Hist. des Huns, T, I, стр. 241, и Т. III, стр. 174 — 251. Сельчуки разрушили владычество Турковъ-Газневидовъ, которыхъ Государь въ XI вѣкѣ первый именовался Султаномъ. Прежде Цари Магометанскіе назывались Малеками (см. Дегин. Т. III, стр. 162).

(289) На картахъ пишется сія земля Харазмъ, Kharasm; называется также Ховарезмомъ, у насъ же Хивою (см. Рычкова Топографію Оренбургск. стр. 19).

(290) См. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 257 въ примѣч.

(291) См. Дегин. H. des Huns, кн. XV, стр. 51.

(292) См. Баеров. Opuscula, de muro Caucaseo, стр. 122 и слѣд. Когда Петръ Великій взялъ Дербентъ, то начальникъ сего города вручилъ ему любопытное Арабское сочиненіе о древностяхъ Дагестана. Между бумагами Миллера нашелъ я также рукопись подъ заглавіемъ: Извѣстіе о городѣ Дербентѣ, переведенное съ Арабскаго языка въ Кизлярѣ 1758 году, стараніемъ Генералъ-Маіора и Кизлярскаго Оберъ-Коммендантa фонъ Фрауендорфа. Та и другая рукопись согласны въ главныхъ обстоятельствахъ; сообщаю извлеченіе изъ Миллеровой:

,,Кубатъ Шахъ царствовалъ въ Персіи около временъ Ма-,,гометовыхъ (еще въ VI вѣкѣ) и безпрестанно воевалъ съ Ца-,,ремъ Каганомъ Туркомъ (Козарскимъ). Каганъ владѣлъ нагор-,,ною стороною рѣки Волги, имѣя тамъ богатую столицу, близъ ,,моря Каспійскаго, и до 400,000 воиновъ. Наконецъ они помири-,,лись. Каганъ выдалъ дочь свою за Кубатова сына Нуширвана ,,(или Хозроя I), и дозволилъ Персидскому Шаху построить на ,,границѣ каменную стѣну, чтобы ихъ подданные могли жить ,,спокойно. Шахъ возобновилъ древнюю Каспійскую стѣну Алек-,,сандра Великаго (см. нашей Исторіи Т. I, стр. 41), сдѣ-,,лалъ въ ней многія желѣзныя ворота и такъ укрѣпилъ, что ,,100 воиновъ могли защищать оную противъ 100,000 непріяте-,,лей (Баеров. Opuscula, стр. 123). Сынъ его, Нуширванъ, еще при ,,жизни отца основалъ Дербентъ съ другими городами и провелъ ,,отъ него стѣну до Аграхани, гдѣ жилъ Царь Изфендіяръ, дан-,,никъ Кагановъ, въ богатомъ мраморномъ дворцѣ, наполненномъ ,,драгоцѣнными металлами.

,,Аравитяне, завладѣвъ Персіею, побѣдили Кагана, и на-,,чальникъ ихъ (будто бы самъ Магометъ) совѣтовалъ Персія-,,намъ еще болѣе укрѣпить Дербентъ, ключь ихъ Государства. ,,Чрезъ нѣкоторое время сей городъ отложился отъ Персіянъ и ,,поддался Кагану: Аравитяне при Калифѣ Велитѣ (или Валидѣ, ,,царствовавшемъ отъ 705 до 714 года) взяли его и разорили до

,,основанія, но снова построили, устрашенные набѣгами Каспій-
,,скихъ народовъ. Абу-Абенть-Джерра, Визирь Персидскій, завое-
,,валъ весь Дагестанъ, укрѣпилъ Дербентъ, построилъ тамъ
,,семь мечетей и семь желѣзныхъ воротъ. Преемникъ сего Визи-
,,ря освободилъ гражданъ Дербентскихъ отъ дани и велѣлъ, что-
,,бы невѣрные, пріѣзжая туда для купечества, жили за го-
,,родомъ въ особенномъ Караванъ-Сараѣ, и чтобы пословъ чуже-
,,земныхъ вводили въ крѣпость всегда съ завязанными глазами.
,,Визирь Мерванъ снова наложилъ дань на Дербентцевъ и на
,,всѣхъ окрестныхъ жителей. Кумыки давали ему 50 работни-
,,ковъ, 50 женщинъ и 20,000 горстей пшеницы — Кубичинцы 50
,,работниковъ, Хайданъ 500 работниковъ и 20,000 горстей пше-
,,ницы, мѣстечко Кура, Ахты, Мискинь по 20,000 горстей пше-
,,ницы и по 400 рублей деньгами, а Ханъ Шамаханскій 12,000
,,батмановъ пшеницы. Хлѣбъ изъ всѣхъ мѣстъ привозили въ Дер-
,,бентъ, и клали въ большомъ каменномъ анбарѣ. Сей городъ про-
,,славился въ самыхъ дальнѣйшихъ государствахъ; но злодѣй,
,,именемъ Джіулъ, тайный другъ Кагановъ, овладѣлъ Дербентомъ,
,,утѣснилъ народъ и довелъ до нищеты: жители разбѣжались въ
,,Берды и въ Шамаху. Знаменитый Калифъ, Гарунъ Аль-Рашидъ
,,(современникъ Карла Великаго) самъ былъ въ Дербентѣ и ста-
,,рался снова привести его въ цвѣтущее состояніе. Наконецъ
,,окрестные народы перестали свозить дань въ сей городъ, ко-
,,торый упалъ совершенно; жители обѣднялн, не захотѣли уже
,,заниматься воинскимъ искусствомъ и начали торговать въ
,,чужихъ земляхъ." — — Замѣтимъ, что Моисей Хоренскій (см.
его Geograph. стр. 356) упоминаетъ о стѣнѣ Дербентской
(murus Darbandius).

(293) См. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 310; также нашей Исторіи, Т. I, примѣч. 40. Лѣтописцы Русскіе говорятъ, что Татары побѣдили Ясовъ: Абульгази же именуетъ Алановъ.

(294) Воскр. Лѣт. II, 176: ,,Юрьи Кончаковичъ бѣ болій ,,всѣхъ Половецъ." См. также Новогородск. Лѣт. стр. 99 и слѣд.

(295) ,,Прибѣгоша, идѣ же зовется валъ Половецкій..... По- ,,плѣниша (Татары) Ясы, Обезы, Касоги"... Въ Воскресенск. Лѣт.: ,,и инѣхъ языкъ семь."

(296) Въ Волын. Лѣт.: ,,пріиде неслыханая рать, безбож- ,,ніи Моавитяне, рекомыи Татарове." Въ Новогород. Лѣт.: ,,Языци незнаеми, ихъ же добрѣ никто же вѣсть, кто ,,суть, и отколѣ изыдоша, и котораго племене суть, и что вѣ- ,,ра ихъ, а зовутъ я Татары, а иніи глаголютъ Таурмени, ,,а друзіи Печенѣзи; иніи же глаголютъ, яко се суть, о нихъ же

„Меѳодій, Патарскій Епископъ, свидѣтельствуетъ, яко си суть „изшли изъ пустыня Етріевскыя, суще межи Востокомъ и Сѣ„веромъ: тако бо Меѳодій глаголетъ, яко (къ) скончанію вре„менъ явитись тѣмъ, яже загна Гедеонъ, и поплѣнятъ всю зем„лю отъ Востокъ до Ефрата и отъ Тигръ до Понтьскаго (Чер„наго) моря, кромѣ Еѳіопія.“ — Чингисханъ былъ, какъ мы сказали, роду Могольскаго; но какъ большая часть его войска состояла изъ Ордъ Татарскихъ, имъ покоренныхъ, то имя Татаръ сдѣлалось общимъ. Между нынѣшними Моголами, или Мунгалами, и нашими Татарами есть великая розница въ языкѣ и въ самой наружности: первые сходствуютъ съ Калмыками, вторые съ Турками. Абульгази производитъ тѣхъ и другихъ въ седьмомъ колѣнѣ отъ сына Іафеѳова, Турка, сказывая, что Аланца-Ханъ имѣлъ двухъ сыновей, Татара и Могола (Hist. des Tatars, гл. II и III), и что пращуръ ихъ, Таунакъ, началъ первый употреблять соль (уронивъ нечаянно кусокъ мяса на соляную землю). Въ самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ нынѣшнихъ народовъ Татарскихъ не именуетъ себя Татарами, но каждый называется особеннымъ именемъ земли своей, увѣряя, что всѣ они происходятъ отъ Турка; но какъ Абульгази пишетъ, что Татары составляли многолюднѣйшее племя между Турецкими народами, то можно заключить, что прежде какая нибудь сильная орда дѣйствительно такъ называлась (см. Фишер. Сибирск. Исторіи, стр. 86 и далѣе). Сіе мнѣніе утверждается еще и тѣмъ, что Якуты въ числѣ боговъ своихъ покланяются идолу Татару. Персидскіе и Арабскіе Историки не знаютъ сего имени, обыкновенно называя Чингисхана Царемъ народа Могольскаго. Нѣкоторые Ученые думали, что оно есть Китайское: ибо Китайцы называютъ всѣ народы сосѣдственные Та-та. По сказанію Карпина (его *Voyage* въ Бержерон. стр. 38), имя Татаръ произошло отъ рѣки Татара.

(297) Сей Мстиславъ Святославичь названъ здѣсь Козельскимъ. — Юный братъ Даніиловъ, Василько, оставался тогда въ Владимірѣ Волынскомъ. Въ Воскресенск. и Волынск. Лѣтописцѣ сказано, что Даніилу Романовичу было тогда около 18 лѣтъ; но Романъ убитъ въ 1205 году, а Даніилъ остался послѣ него четырехъ лѣтъ. — О Всеволодѣ Мстиславичѣ см. выше, стр. 169. Татищевъ думалъ, что онъ былъ Даніиловъ родный братъ. Сей Историкъ назвалъ Хана Половецкаго, принявшаго Христ. Вѣру, Котякомъ, а Никон. Лѣт. Батыемъ. Тесть Мстислава Галицкаго именованъ въ Новогород. Лѣт. Котяномъ, а въ другихъ Котякомъ.

(298) Татищевъ опредѣляетъ здѣсь число Россіянъ, Татаръ,

Половцевъ, сказывая, что первыхъ было 83,000, а вторыхъ болѣе 200,000. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано только, что Владиміръ Рюриковичь привелъ изъ Смоленска 400 человѣкъ. Никонов. Лѣт. говоритъ о Баутахъ, Гайгалахъ (вмѣсто Галичанъ), Выгольцахъ (вмѣсто выгонцевъ Галицкихъ). Въ древнихъ лѣтописяхъ: „бѣ бо ладій 1000 (въ Никонов. 2000), и возведоша пороги" — (то есть, дошли до нихъ, вверхъ по рѣкѣ: ибо Хортица ниже пороговъ) — „и сташа у рѣки Хортици на бродѣ на протолчьи; бѣ же съ ними Домарѣчичь Юрьи и Дръжикра (Держикрай) Володиславичь." Въ Волынск. Лѣт.: „переидоша Днѣпръ (Россіяне) въ день во Вторникъ."

(299) Надобно замѣтить, что въ Воскресен. Лѣтописи, которая выбрана изъ разныхъ, объ одномъ дѣлѣ говорится здѣсь дважды: сперва о нападеніи Мстислава Галицкаго на отрядъ Татарскій, какъ описано въ Новогородской, и вторично о побѣдѣ Россіянъ за Днѣпромъ, какъ говорятъ о томъ другіе Лѣтописцы. Если бы Мстиславъ разбилъ Татарскій передовый отрядъ еще до прибытія Галицкаго флота, то Даніилъ и товарищи его не могли бы сказывать сему Князю за новость, что Татары хорошо или худо стрѣляютъ. Описаніе перваго дѣла кончится словами: „слышавше же то Князи Русстіи, пойдоша вси за Днѣпръ;" а послѣ опять: „преидоша вси Князи Днѣпръ:" за чѣмъ же войско наше, побѣдивъ Татаръ, возвращалось на правую сторону сей рѣки? Замѣтимъ еще несогласіе: по сказанію Новогородскаго Лѣтописца Мстиславъ Галицкій съ тысячію воиновъ (въ Никонов. съ 20,000) разбилъ Татаръ, а по извѣстію другихъ всѣ Князья, узнавъ о приближеніи враговъ, тронулись съ мѣста, и наша конница обратила въ бѣгство непріятельскую: „и взяша скоты ихъ, а со стады утекоша, яко всѣмъ воемъ наплънитися скота." Въ Новогород. Лѣт.: „а прокъ ихъ (остатокъ Татаръ) вбѣже съ Воеводою своимъ Гемябѣкомъ въ курганъ Половечьскый, и ту имъ не бы мочи, и погребоша Воеводу своего жива въ земли, хотяще живот его ублюсти, и ту и налѣзоша; испросивше Половьци у Мстислава, и убиша и."

(300) Въ Новогород. Лѣт. названа сія рѣка Калакомъ, въ другихъ Калкою. См. Подробную карту Россіи, сочиненную при Императорскомъ Депо. Калецъ вмѣстѣ съ Калміусомъ впадаетъ въ Азовское море. — Въ Воскресен. Лѣт.: „оттуда жь идоша по нихъ (Татарахъ) 8 дній (въ Новогородской девять) до рѣкы Калкы, и ту срѣтоша сторожеве Татарстіи и удариша на полци Рустіи; сторожеве же бишась съ полкы Рускыми, и убіенъ бысть ту Іоанъ Дмитреевичь и ина два съ нимъ. Татаромъ же отъѣхавшимъ," и проч.

(301) Въ Воскресен. и другихъ лѣтописяхъ поставлено здѣсь 16 Іюня; но въ харатейной Новогородской 31 Маія; и въ Пушкинской то же число: „се ся зло всключи мѣсяца... Ере„мія" — надобно дополнить: „Маія, на память Св. Апостола „Ерміа" — слѣдственно 31 Маія. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: „въ Пятокъ:" такъ и было въ 1224 году, какъ означено въ Новогородской и Волынской; въ иныхъ же поставленъ 1223 годъ. — Далѣе въ Воскресен. Лѣт.: „Данилъ же „выѣха напередъ, и Семенъ Олюевичь (не Князь) и Василько „Гавриловичь, и разыдошась въ полкы Татарьскіа. Василькови „же сбодену бывшу, а Данилу бодену бывшу въ перси, не чуяше „раны младеньства ради... крѣпокъ бѣ на брань. Избивающу „ему Татары мужественнѣ, и видѣвъ то Мстиславъ Нѣмый, „мнѣвъ, яко Данило прободенъ быстъ, и потече на нихъ: бѣ бо „той мужъ крѣпокъ, ужикъ сый Роману отъ племене Монома„ха; бѣ бо велику любовь имѣя ко отцю его, яко по смерти „своей власть свою дая Князю Даниловы."

(302) „Княземъ Мстиславу (Романовичу) и другому Мсти„славу (Святославичу Черниговскому) сѣдящимъ во стану и не „свѣдущимъ того: не повѣда бо имъ Мстиславъ Мстиславичь „зависти ради; бѣ бо котора (распря) межи има.... Вжада (Да„ніилъ) воды, и испи, и почюти рану на тѣлеси своемъ; во бра„ни же не позна ея крѣпости ради мужества и возраста своего: „бѣ бо дрѣзъ (дерзокъ) и храборъ, и не бѣ ни въ чемъ ему заро„ка." — Татищевъ, описывая сраженіе, вымышляетъ болота и проч.; сказываетъ также, что Русскихъ убито 70,000, а Татаръ болѣе 100,000, и въ томъ числѣ сынъ ихъ Хана.

(303) Въ наименованіи Князей (коихъ родъ не означенъ въ лѣтописяхъ), слѣдую харатейной Новогородской. Яновка и Шумскъ суть города Волынскіе, а Нѣсвижъ въ Минской Губерніи. Изяславъ былъ сынъ Ингваря Луцкаго (см. выше, примѣч. 160). — А въ Никон. Лѣт. прибавлено: „Убиша Александра По„новича и слугу его Торопа и Добрыню Рязанича, Златаго „пояса" — и вмѣсто десяти тысячь убитыхъ Кіевлянъ поставлено 60,000.

Далѣе въ лѣтописяхъ: „Мстиславъ Мстиславичь преже всѣхъ „пребѣже Днѣпръ и перевезеся занъ, и повелѣ ладіи жещи и „иные сѣщи и отринути отъ брега." Татищевъ прибавляетъ, что Владиміръ Рюриковичь, уязвленный въ битвѣ, собралъ бѣгущихъ Россіянъ до 5000, отбился отъ Татаръ, отнялъ у нихъ множество коней и благополучно дошелъ до Смоленска; что Кіевляне призвали его къ себѣ; что Михаилъ, сынъ Всеволода Чермнаго, уѣхалъ въ Новгородъ, а оттуда въ Владиміръ къ Геор-

тію, и проч. Никон. Лѣт. при семъ случаѣ говоритъ о Татарахъ, что они „скоры на бой, не обременяютъ себя ничѣмъ тя„желымъ, бѣгутъ и возвращаются въ тоже мгновеніе ока."

Далѣе въ Новогород.: „Мстиславъ же Кіевскій, видя се „зло, не движеся съ мѣста никамо же: сталъ бо бѣ на горѣ надъ „рѣкою надъ Калкомъ: бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту угоши „городъ около себе въ колѣхъ" (не кольями, но въ обозѣ, среди телегъ) „и бися съ ними изъ города того по 3 дни. Ини „же Татари поидоша по Русскихъ Князихъ, бьюче до Днѣпра, а „у города того оста 2 Воеводѣ, Цьгыркапъ (Чегирканъ) и Те„шюканъ."

(304) „Ту же и Бродници съ Татары быша, и Воевода „Плоскына, и тъ окояньный Воевода, цѣловавъ крестъ чьстный „къ Мстиславу и ко обѣма Князема, око (яко) ихъ не избити, и „сългa," и проч. (см. Т. II, примѣч. 302).

Дубровна есть мѣстечко въ Могилевской Губерніи, въ Оршинской Округѣ. Вѣроятно, что Князь Дубровецкій былъ изъ роду Кривскихъ или Полоцкихъ.

Далѣе: „А Князи издавища, подкладше подъ дъскы, а сами „верху сѣдоша обѣдати."

(305) Абульгази Histoire des Tatars, стр. 313, 314. Въ лѣтописи: „Татаромъ же не дошедшимъ до Новагорода Святоплъчскаго, Русь же не вѣдяху злобы и лести Татар„скые, исхождаху противу имъ со кресты; они же избиваху „всѣхъ." Никон. Лѣт., не зная Новагорода Святополческаго, поставилъ Новгородъ Сѣверскій, а за нимъ и Татищевъ; но здѣсь говорится о Святополчѣ, бывшемъ на Днѣпрѣ ниже Кіева близъ Витичева (см. сей Исторіи Т. II, примѣч. 171). Татищевъ пишетъ, что многіе Половцы крестились тогда въ городахъ Россійскихъ, и что жители съ удовольствіемъ всегда ихъ принимали, отводя имъ мѣста для селеній.

(306) См. Абульгази Histoire des Tatars, стр. 314.

(307) Въ Новогород. стр. 99: „Богъ единъ вѣсть, кто „суть и отколѣ изыдоша. Премудріи мужи вѣдять я добрѣ, „кто книгы разумѣеть; мы же ихъ не вѣмы, кто суть; нъ (но) „здѣ вписахомъ о нихъ памяти ради Рускыхъ Князь и бѣды, яже „бысть отъ нихъ имъ."

(308) Татищевъ пишетъ, что Георгій, презирая Татаръ, послалъ съ Василькомъ не болѣе 800 человѣкъ.

(309) Того же лѣта явися звѣзда на западѣ, и бѣ отъ нея „луча не взракъ человѣкомъ, но яко къ полуденью подлѣ всходя„щи съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и бѣ величьствомъ паче „инѣхъ звѣздъ, и пребысть тако 7 дній, и по 7 дни явись луча

„та отъ ея ко Встоку, пребысть тако 4 дни, и не видима бысть." Въ Никон. Лѣт.: „явися звѣзда, глаголемая копіе, простирае-„ма отъ Востока до Запада копейнымъ образомъ, и пребысть „за 17 дній." Сія Комета была примѣчена и въ другихъ земляхъ Европейскихъ (Comètographie, I, 400). Далѣе: „Бѣ ведро вельми, и „мнози борове и болота загарахуся, и дымове силни бяху, яко не „далеча бѣ видѣти человѣкомъ; бѣ бо яко мгла къ земли прилег-„ла, яко и птицамъ по аеру не бѣ лзѣ летати, но падаху на „землю и умираху."

(310) „Якима Ивановиця, Микифора Тудоровиця, Иванка „Тимошкиниця, Сдилу Савиниця, Вячка, Иваца Радка."—Новогородцы послали къ Георгію Полюда, Вячеслава Прокшиниця, Иванка Ярышевиця. Далѣе: „Князь же Георги съ нашими мужи „мужъ свой присла, Романа Тысячскаго, и Михайловъ (Михаи-„лова): поимите у мене мой шюринъ, Михайла. Новгородцы же „послаша мужь свой по Михайла."

(311) „Гюрги пойде съ Тържку много накостивъ; взя у нихъ „7000 новую" (то есть, семь тысячь гривенъ новою монетою).

(312) „Иста на Ярославли Дворѣ" (по возвращеніи изъ Вла-„диміра),, и рече Новгородчемъ", и проч.

(313) Въ Новогород. Лѣт.: „той же зимѣ придоша Литва... „и не доганяша Тържку за 3 версты," и проч. Въ Пушкин.: „много зла створиша, воюя около Новагорода и около Торопча и „Смолинска и до Полтеска; бѣ бо рать велика, аки же не была „отъ начала міру...Ярославъ и Володимеръ съ сыномъ и съ „Новотържци, Княжь Дворъ, Новгородцевъ мало, Торопцяне съ „Княземъ своимъ Давыдомъ поидоша по нихъ, а Новгородци „послаша; они же (Новгородцы) дошедше Русы, вспятишася. „Князь же Ярославъ стопи е на Всвятѣ и наворопи (напалъ) на „не." Давидъ Торопецкій, будучи братомъ Владиміра Псковскаго, былъ слѣдственно сыномъ Мстислава Храбраго, умершаго Княземъ Новогородскимъ. — Далѣе: „Убиша Василя, Мечоношю „Ярославля." Сраженіе было (какъ сказано въ Пушкин.) въ Воскресенье Сыропустной недѣли, слѣдственно уже въ 1226 году.

(314) Въ Пушкин.: „Ярославъ ходи изъ Новагорода за море „на Емь, гдѣ же ни единъ отъ Князь Рускыхъ не вможе бы-„вати, и всю землю ихъ плѣни... Ведый множество полона, „яко же сущіи съ нимъ не возмогоша всего полона отвести, но „овыхъ сѣчаху, овыхъ множество пущаху опять въ своясы."

(315) Въ Пушкин. въ описаніи 1227 года: „Князь Ярославъ Все-„володичь пославъ крести множество Корелъ; мало не всѣ люди."

(316) „Съжгоша вълхвы четыре: творяхуть е потворы „дѣюще, а Богъ вѣсть; и съжгоша ихъ на Ярославли Дворѣ."

Никон. Лѣт. говоритъ, что Новогородцы привели волхвовъ на Архіепископскій дворъ, и что Бояре Ярославовы вступались за сихъ несчастныхъ.

Далѣе: „Приде Архіепископъ Антоній изъ Перемышля въ „Новгородъ, и сѣдѣ на своемъ столѣ, и ради быша Новгородци.“

(317) „Придоша Емь воевать въ Ладозское озеро въ лод„кахъ, и приде на Спасовъ день вѣсть въ Новгородъ; Новгородци „же, всѣдавше въ насады, вгребоша въ Ладогу съ Ярославомъ. „Володиславъ, Посадникъ Ладозьскый, съ Ладожаны, не ждя „Новгородьцы, гонися въ лодіяхъ по нихъ въ слѣдъ, и бися съ „ними, и бысть нощь, и отступиша въ островлецъ, а Емь на „брезѣ съ полономъ: воевали бо бяху около озера на Исадѣхъ и „Олонъсь....Побѣгоша (Ямь) на лѣсъ; много ихъ ту паде, а „лодьи ихъ ижгоша. Новгородьци жи, стоявше въ Невѣ нѣко„лико дній, створиша Вѣче, и хотѣша убити Судиміра; и скры „и Князь въ насадѣ у себе; оттолѣ вспятишася въ Новгородъ, „ни Ладожанъ ждавше,“ и проч. Татищевъ называетъ Судиміра Посадникомъ, и вымыслилъ, что Новогородцы хотѣли убить его за медленность въ походѣ.

(318) „Въ тожь лѣто Ярославъ прежъ сей рати (съ Емью) „пойде въ Пльсковъ съ Посадникомъ Иванкомъ и Тысячьскый „Вячеславъ....Князь же, постоявъ на Дубровнѣ, вспятися.“

(319) „Сташа около Городища шатры, а иніи въ Славнѣ по „дворомъ.“

(320) „Купляху хлѣбъ по двѣ кунѣ, и кадь ржи (4 чет„верти) по три гривнѣ, а пшеницю по пяти гривнъ, а пшена „по семи гривнъ“ (см. о цѣнѣ гривны ниже, примѣч. 335); и „такъ ста по 3 лѣта.“

Далѣе: „Пльсковицы...взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ „выложивше (исключивъ); а рекуче: то вы, а то Новгородци, „а намъ не надобѣ“ (другими словами: мы не вмѣшиваемся въ ваши дѣла съ Новымгородомъ) „нъ оже пой„дуть на насъ, тъ вы намъ помозите. И они рекоша: „такъ буди! и поняша у нихъ (у Псковитянъ Рижане) 40 мужь „въ талбу (залогъ).... Князь (Ярославъ) посла Мишу въ Пльс„ковъ, река: пойдите со мною“, и проч. Никон. Лѣт. вымыслилъ, что Псковитяне отвѣчали Ярославу: „вѣси, яко вси есмя „Адамово племя, и вѣрніи и невѣрніи; но убо и съ невѣрными „неудобно есть ни прочто же брань сотворити, но со всѣми въ „миръ быти, точію къ беззаконію ихъ не приступати, да и „тіи, увѣдѣвше наше смиреніе и любовь, пріидутъ въ благора„зуміе и крестятся.“ Здѣсь Левекъ обрадовался случаю хвалить терпимость Псковитянъ!

(321) „Съ Ѳеодоромъ Даниловицемъ, съ Тіуномъ Якимомъ.“ Никонов. Лѣт. прибавилъ, что Ярославъ уѣхалъ въ то время, когда Псковитяне ограбили его Бояръ въ своей области, а Новогородцы отвѣтствовали ему: „вѣси, Княже, Новгородцевъ и „Псковичь: якоже хотять, тако и творять.“

(322) См. Райнальд. Annal. Eccles. T. XIII, стр. 371. Письмо начинается такъ: *Universis Regibus Russiae.* Gaudemus in Domino, quod sicut audivimus nuntii vestri ad venerabilem fratrem nostrum Mutinensem Episcopum A. S. L. a latere nostro transmissi, eum humiliter rogaverunt, ut partes vestras personaliter visitaret, quia cupientes sana doctrina salubriter instrui, parati estis omnes errores penitus abnegare. Можетъ быть, чиновники Псковскіе дѣйствительно изъявляли готовность къ соединенію Вѣръ Греческой и Латинской, чтобы Римскій посолъ и Ливонскіе Рыцари тѣмъ усерднѣе защищали ихъ. Въ Ливонской Хроникѣ (Ч. I, стр. 205) сказано, что послы Новогородскіе и другіе въ 1224 году пріѣзжали къ Епископу Моденскому въ Ригу, но единственно для того, чтобы онъ именемъ Папы утвердилъ заключенный ими миръ съ Орденомъ.— Далѣе пишетъ Гонорій (послѣ великихъ угрозъ въ такомъ случаѣ, если наши Князья не пристанутъ къ Латинской Вѣрѣ): Per vos itaque certificari volentes, an velitis habere ab Ecclesia Rom. legatum, ut eius salutaribus monitis informati, catholicae fidei amplectamini veritatem, universitatem vestram rogamus, monemus et hortamur attente, quatenus super hoc voluntatem vestram nobis per literas et fideles nuntios intimetis. Interim autem pacem cum Christianis de Livonia et Estonia firmam habentes, и проч.... *Dat Later.* XVI *kal. febr. pont. nostri anno* XI.

(323) „Въ лѣто 6736 пойде Антоній на Хутино къ Св. Спасу „по своей воли;“ а въ описаніи 6740 году (Новог. Лѣт. 122): „приде изъ Перемышля, и сѣде лѣта два, и онѣмѣ.“ Арсеній, избранный Княземъ и народомъ, еще не ѣздилъ ставиться въ Кіевъ.

(324) „И посадиша съ нимъ 2 мужа, Якуна Моисеевиця, „Микифора щитника.... Розграбиша дворъ его (Вячеслава Ты„сячскаго) и брата его Богуслава, и Андреичевъ, Владыцня „Стольника, и Давидковъ Софійскаго, и Судиміровъ, а на Ду„шильця на Липьньскаго Старосту тамо послаша грабить, а „самаго хотѣша повѣсити, нъ ускоци къ Ярославу, а жену его „яша.....Отяша Тысячьское у Вячеслава и даша Борису Нѣгоче„вичю, а къ Ярославу послаша на томъ: поѣди къ намъ; забож„ницье отложи, судье по волости не слати.“ Забожничьемъ называлась, можетъ быть, Княжеская дань, собираемая съ Нѣмецкихъ церквей въ Новѣгородѣ: божницами преимущественно именовались у насъ Латинскіе храмы. Далѣе: „той же

„зимѣ побѣже Ѳеодоръ Даниловицъ съ Тіуномъ Якимомъ, поимше „съ собою 2 Княжичя, Ѳеодора и Алькcандра, Сыропусныя недѣли „въ Уторникъ, въ ночь.... Послаша въ Черниговъ Хота Станимировица, Гаврилу на Лубяници... Михаилъ бѣ тъгда въ Брыну" (на рѣкѣ Брынѣ въ Калужск. Губерніи) „съ сыномъ, и поиде „въ борзѣхъ на Тържкъ, и приде на Верьбницю въ Тържькъ, и „ради быша людье вси." Въ Смоленскѣ княжилъ тогда Мстиславъ Давидовичъ.

(325) Въ Пушкин.: „Въ лѣто 6732 поставленъ бысть Митрополитомъ въ Св. Софьѣ Кыевѣ блаженый Кирилъ Грьчинъ, „мѣс. Генваря въ 6" (слѣдственно уже въ 1225 году) „учителенъ и „хитръ ученью божественныхъ книгъ." Въ Новогород. Лѣт. стр. 123: „въ то жь лѣто (1233) преставися блаженный Митрополитъ всея Руси Кыевскый, именьмъ Кюрилъ, родомъ Грьцинъ „бѣ; приведенъ бысть изъ Никѣя." Сочинители Полинодіи и Каталога Митрополитовъ, худо зная древнія лѣтописи, и вѣря Патерику Польскому, изъ одного Кирилла сдѣлали двухъ: Россіянина и Грека.

Въ Пушкин.: „Тогожь лѣта (1226) Гюрги съ сыновци своими съ Константиновичема, Василкомъ и Всеволодомъ, ходи въ „помочь Михаилу на Олга Курскаго, и створи миръ межи ими; „зане по смотренью Божью приключися ту быти прислану Во„лодимеромъ Рюриковичемъ Митрополиту Кирилу, и възвратися „Великый Князь, поимъ съ собою Митрополита въ градъ Воло„димерь, а сыновцы распусти." — Татищевъ пишетъ, что Олегъ Игоревичь въ отсутствіе Михаила взялъ Черниговъ. Сей Историкъ вымыслилъ рѣчь Митрополита Кирилла и прибытіе Любекскихъ пословъ въ Новгородъ, которые будто бы требовали дозволенія строить тамъ церкви Нѣмецкія.

Далѣе въ Пушкин.: „Того жь лѣта (1227) посла Вел. „Князь Гюрги сыновца своего, Всеволода Костянтиновича" — Татищевъ прибавляетъ: по согласію съ Владиміромъ Рюриковичемъ — „въ Руский Переяславль на столъ, и вниде „Всеволодъ мѣс. Сент. въ 15 день на свой столъ... Тое же зимы „ожени Вел. Князь Гюрги сыновца своего, Василька, и поятъ „зань Михайловну Черниговскаго Князя, и вѣнчанъ бысть въ церк„ви Св. Богородицы Благовѣщенья; и вниде съ своею Княгинею „въ 1 Суботу поста, Февр. въ 12 день" (уже въ 1228 году). Татищевъ пишетъ, что Василько ѣздилъ выбирать невѣстъ въ разные города; что Великій Князь тогдажь женилъ другаго племянника, Всеволода, на дочери Олега Всеволодича Сѣверскаго и проч. Читатель уже имѣлъ случай замѣтить, что древніе Россійскіе Князья вступали въ брачные союзы съ ближними

свойственницами. Георгій женилъ роднаго племянника, Василька, на дочери своего шурина, Михаила.

Далѣе Въ Пушкин.: „Тое же зимы“ (въ 1228 или уже въ 1229 году) „Князь Гюрги посла брата своего, Святослава, въ „Переяславль Руский на столъ.“

(326) Длугош. Hist. Polon. кн. IV, стр. 604: Mscislaus, ob praestantiam *Chrobri* appelatus. Въ Волынск. Лѣт.: „Олександръ все „вражду имѣяше ко своима братома, Романовичема... понужаше „Мьстислава на рать (въ 1225 г.). Мьстиславу же пришедшю на „рать на Лысую гору, Данилови же поѣхавшю въ Ляхы, и возведшю Лестка... Мьстиславу же помочь пославшю Олександрови; срѣтившимъ же имъ рать, вогнаша въ градъ Белзъ, и за „мало города не взяша. На утріе противу имъ Мьстиславу не „стерпѣвшю, и возвратися въ Галичь. Данилу же воевавшю съ „Ляхы землю Галичьскую, и около Любачева, и плѣни всю зем„лю Бельзеськую и Червеньскую. Васильку же Князю многый „плѣнъ пріемшю, стада коньска и кобылья, и бысть зависть „Ляхомъ, и бывшимъ посломъ отъ обоихъ, и пущенъ бысть „Демьянъ и Андрей... Приведе Мьстиславъ Котяня и Половци „многы и Володимера Кыевьского, творяся на Ляхы ида... свѣтъ „же Александровъ не престаяше о братѣ своемъ, рекый, яко „зять твой убити тя хочеть. Исправленію же“ (совѣту, разсужденію) „бывшю около вежи его (Мстислава), самому же „Александру не смѣявшю ѣхати, посла Яна своего. Мьстиславу „бо рекшю: твоя бѣ рѣчь, Яню, яко Данилъ второе всаживаетъ „Ляхы на мя. Познавшимъ же всѣмъ Княземъ Александрову клевету... и рекшимъ: пріими всю власть его за соромъ свой; онъ „же за братолюбіе не прія, и вси похвалиша ему. Мьстиславъ „же прія зятя своего любовью, и почти его великими дарми, и „да ему конь свой борзый, Актазъ, якого же въ та лѣта не „бысть, и дочерь свою Анну даривъ, и съ братьею видѣвся въ „Перемили, и утвердиша миръ.“ Слѣдуетъ описаніе бѣгства Галицкихъ Бояръ въ 1226 году: „отъидоша въ землю Перемыш„лескую, въ горы Кавокасьскія (Карпатскія) рекше во Угорь„скыя, на рѣку Днѣстръ... Мьстиславу же пославшю отца свое„го, Тимоѳея... Выгнанъ (Жирославъ) иде ко Изяславу“ (сыну Владиміра Игоревича: см. ниже, примѣч. 347)... „Андрей же“ (Королевичь Венгерскій, княжившій въ Перемышлѣ) „послушавъ „лестиваго Семьюнка Чермьнаго, и бѣжа въ Угры, и нача воз„двизати рать. Бывши же зимѣ, пріиде ко Перемышлю. Юрьеви „тогда тысящю держащю, переда Перемышль, и бѣжа ко Мьсти„славу. Королеви же ставшю во Звенигородѣ.... Днѣстру же на„водни вшюся... Мьстиславъ же выѣха съ полкы... Онѣмъ же по-

„зоровавшимъ насъ, и ѣхаша Угре во станы... Оттуду же пойде Король ко Теребовлю. . . и бися подъ Кременцемъ, и много „Угоръ избиша... Мьстиславъ посла Судислава къ Данилу, рекый: не отступай отъ мене. Оному же рекшю: имамъ правду „въ сердци своемъ. Оттуду же иде Король ко Звенигороду. Выѣха же Мьстиславъ изъ Галича. Угрѣ же выѣхаша противу... „Мьстиславъ же бися, и побѣди я, и гнаша по нихъ до становъ... „Мартиниша убиша, Воеводу Королева. Король же смятеся умомъ, „и пойде изъ земли борзо. Данилови же пришедшю ко Мьстиславу съ братомъ Василькомъ ко Городку, и Глѣбъ съ нима... „Бѣаше Король изнемоглъ ся.“ (О семъ несчастіи Венгровъ сказано въ одной современной Нѣмецкой лѣтописи и въ Chronico Austriaco et Claustro-Neoburgensi, подъ годомъ 1227: Andreas, Rex Ungariae, in Russiam cum exercitu veniens, ab ipsis statim fugatus recessit, interfectis nonnullis de exercitu suo: см. въ Энгел. Gesch. von Halitsch, стр. 526)... „Король же иде во Угры. Тогда же угони Изяславъ „со лестивымъ Жирославомъ, идоста съ нимъ въ Угры... Судиславу льстящю подъ Мьстиславомъ, рече ему: Княже! дай „дщерь свою обрученную за Королевича, и дай ему Галичь.... „Мьстиславъ дасть Галичь Королевичю Андрееви, а самъ взя „Понизье“ (или Подолію) „и оттуду иде къ Торьцкому. — „Мьстиславу же Нѣмому давшю отчину свою Данилови, и сына своего поручивъ Ивана. Ивану же умершю, и прія Луческъ „Ярославъ, а Черторыескъ Пиняне.... Сѣдящу же“ (по Ипатьев. списку въ 1227 г.) „Ярославу въ Лучьскѣ, ѣха Даниль въ Жидичины молитися Св. Николѣ, и зва и Ярославъ къ Лучьску; и „рѣша ему (Даніилу) Бояре его: здѣ ими Князя ихъ. Оному же „отвѣщавшу, яко приходитъ здѣ молитву творити, и не могу „того створити... Иде въ Володимерь... Собравше рать, посласта (Даніилъ и Василько) панъ Андрея, Вячеслава, Гаврила, „Ивана. Оному же выѣхавшю, ятъ бысть (Ярославъ) съ женою „Олексіемъ Орѣшькомъ; бѣ бо борзъ конь подъ нимъ; угонивъ и „я его до города: И затворишась Лучане. Наутріе же приде Даниль и Василько, и предашась Лучане. Братъ же да Васильковн Луческъ и Пересопницю; Берестій же ему бѣ преже дахъ.— „Повоеваша Ятвязи около Берестія, и угониша и изъ Володимеря. Наѣхавшима двѣма, Монъдуничю Шутрови и Стегутови „Зебровичю, на полкъ, и убьенъ бысть Даниломъ и Вячеславомъ „Шютръ, а Стегутъ убьенъ бысть Шелвомъ. Бѣжащимъ же „Ятвязѣмъ, угони я Даниль, Небра язви четырми ранами, древо же вышибе копье изъ руку его. Васильковн же угонивщю его, „кликъ бысть великъ: братъ ти біется назади... Обратися брату на помощь; оному же (Небру) симъ утекшю; а иніи разбѣ-

,,гонясь .. Данилъ же посла Демьяна ко тесши своему, река ему: ,,не подобаетъ Пиняномъ (Князю Пинскому) держати Черторыйска. Демьянови же повѣстящу съ нимъ, рече Мьстиславъ: сыну! ,,согрѣшихъ, не давъ тобѣ Галича.... а про Черторыескъ правъ ,,еси. Демьяну же пріѣхавшу въ Вел. Суботу; наутріе же на Великъ день пріѣхаста Данилъ и Василько ко Черторыйску; въ ,,Понедѣльникъ на ночь обсѣдоста градъ: тогда же и конь Даниловъ застрѣленъ бысть съ города. Наутріе же объѣхаста градъ ,,Мирославъ и Демьянъ, рекоста, яко предалъ Богъ врагы наша ,,въ руку вашю. Данилъ же повелѣ приступити ко граду, и взяша, ,,и Князи ихъ изимаша. . . . Мьстиславъ Великый, удатный ,,Князь умре; жадащю бо ему видити Данила: Глѣбъ же Зеремѣевичь, убѣженъ бысть завистью, не пустяше его.“ Въ Пушкин.: ,,преставися (въ 1228 г.) Мстиславъ Мстиславичь въ Черн,,цихъ и въ Скимѣ.“ Въ Воскресен. прибавлено: ,,Князь То,,ропечскій, княживъ въ Галичѣ, и пойде въ Кыевъ, разболѣся на ,,пути и пострижеся во Схиму.“ Длугошъ пишетъ, что Мстиславъ погребенъ въ Кіевской церкви Св. Креста, имъ созданной: in Ecclesia St. Crucis, quam fabricaverat. — Далѣе въ Волынск. Лѣт.: ,,Потомъ же (Даніилъ и Василько) пустиста Ярослава, ,,и дасга ему Перемиль, и потомъ Межибожье. — Бѣ Кирилъ ,,Митрополитъ, преблаженый и святый, пріѣхалъ (въ 1228 г.) ,,мира сотворити, и не може. Ростиславъ Пиньскый“ (шуринъ Рюриковъ) ,,не престаяше клевеща, бѣ бо дѣти его изыманы. ,,Володимеръ же Кыевскый собра вои..... всади Котяня и вси По,,ловци, и вси Князи, и Куряны, и Пиняны, и Новогородци (Сѣ,,верскіе) и Туровьци, и объсѣдоша Каменецъ. Данилу бо творя,,щусь миръ створити съ ними, переводя ими, и ѣха въ Ляхы ,,по помощь, а Павла посла ко Котяневи, река: отче! измяти ,,(прекрати) войну сію: пріими мя въ любовь. Онъ же ѣхавъ взя ,,(опустошилъ) землю Галичьскую, и иде въ землю Половецкую... ,,бѣ бо Королевичь въ Галичѣ и Судиславъ.... Идоста къ Кыеву“ (Даніилъ и Василько съ Ляхами) ,,и Олександро съ нима. Срѣтоша посли отъ Володимера и Михаила, Воротиславъ Петровичь, ,,Юрьи Толигнѣвичь, хотяще мира,“ и проч.

(327) ,,Приде Михаилъ въ Новгородъ по Велицѣ дни, Ѳоми,,ны недѣли исходяче... и цѣлова крестъ на всей воли Новгород,,стѣй и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ, и вда свободу смер,,домъ на 5 лѣтъ даній не платити, кто сбѣжалъ на чюжю зем,,лю; а симъ повелѣ, кто здѣ живетъ, како уставили передніи ,,Князи, тако платите дань.“ Никон. Лѣт., не понявъ древняго Новогородскаго, толкуетъ, что Князь всѣхъ бѣдныхъ людей и должниковъ освободилъ отъ налоговъ, а бѣглымъ долж-

никамъ велѣлъ платить дань, прежде уставленную, но только одну полѣтнюю, безъ лихвы. Татищевъ говоритъ, что Михаилъ освободилъ отъ дани весь черной народъ, позволилъ бѣглецамъ жить на чужой землѣ, а заимодавцамъ не велѣлъ требовать лихвы съ должниковъ за прошедшіе годы! Онъ прибавляетъ также, что никто еще изъ предшественниковъ Михаиловыхъ не давалъ подобной клятвы Новгородцамъ. Далѣе въ лѣтописи: „На Ярославлихъ любьвницѣхъ поимаша Новгородци „кунъ много, и на Городищанохъ, а дворовъ ихъ не грабяче, и „даша на великій мостъ. Въ тожь лѣто заложиша великый „мостъ выше стараго.“ О разрушеніи стараго моста сказано выше: „Той же осени (въ 1228 году) бысть вода велика въ Вълхо„вѣ... Помьрзшу озеру, и стоявшу 3 дни, и въздре угъ (южный) „вѣтръ изломавъ внесе все въ Вълхово, и въздре 8 городень ве„ликаго моста, и принесе къ Питбѣ подъ Св. Николу въ ноцъ, „а девятую рознесе мѣсяца Декабря въ 8 день на Св. Патапія.“

(328) „И послаша изъ гридницѣ Владыцьнѣ Княжиця Рос„тислава,“ и проч. Выбирали обыкновенно того, чей жеребей оставался на престолѣ.—Спиридонъ былъ Діакономъ въ Георгіевскомъ монастырѣ. Онъ поѣхалъ въ Кіевъ Дек. 17, и возвратился въ Маіѣ слѣдующаго 1230 года, бывъ поставленъ въ санъ Священника въ Недѣлю Сыропустную, а въ санъ Архіепископа на второй недѣлѣ поста. Далѣе: „Поймя съ собою (Ми„хаилъ) Новгородце Богуслава Гориславиця, Сбыслава Якунко„виця, Домоша Твьрдиславиця, Глѣба Посадниць сынъ, Михаилка „Микифоровиця, Михаля Прикупова... Посла (Михаилъ) къ Яро„славу Нездилу Прокшиниця, Иванка Тудорковиця, река: отсту„пися Волока, и что есть Новгородьскаго за тобою; силою еси „зашелъ; а крестъ цѣлую. И рече Ярославъ: того не отступаю, „а крестъ не цѣлую; вы собѣ, а я собѣ. И дьржа послы все „лѣто.“

(329) Въ Пушкин.: „Ярославъ усумнѣся брата своего, „Юргя, слушая нѣкыихъ льсти, и отлучи отъ Юргя Костян„тиновича три: Василька, Всеволода, Володимера“ и проч. Далѣе: „цѣловаша крестъ Сентября въ 7 день, и праздьноваше „Рождество Богородицы у Священнаго Епископа Митрофана, „бывше весели и одарены съ мужи своими и розъѣхашася.“ Ярославъ, по словамъ Татищева, воображалъ, что Георгій отвратилъ отъ него Новгородцевъ и благопріятствовалъ Михаилу.

(330) „Той же зимѣ придоша Литва и воеваша Любне и „Мореву и Серегеръ, и гонишася по нихъ Новгородци, и биша „ихъ, а полонъ отяша м. Генвря.“

Въ Пушкин.: „Мая въ 3 день, въ Пятокъ, во время Ли-

„тургіи, топому Св. Евангелію въ церкви сборнѣй въ Володи-
„мери, потрясесь земля, и церквы и трапеза, и иконы подвиж-
„шася по стѣнамъ... и мнози изумѣшася, и мняхутся такъ, яко
„голева обишла коего.. Бысть же се и во иныхъ городохъ, и въ
„Кыевѣ велми белма (болѣе) того бысть потрясенье, и въ мо-
„настыри Печерскомъ церковь Св. Богородицы каменная на 4
„части раступися.....Такожь и въ Переяславлѣ Рускомъ церкви
„Св. Михаила каменная расѣдесь на двое; паде же и переводъ
„трехъ комаръ и съ кровлею, и потре иконы... Тожь все бысть
„одиного дне и одиного часа въ годъ (во время) Св. Литургіи...
„Тако слышахомъ у самовидецъ...... Того жь мѣсяца въ 10 день,
„въ Пяпокъ, нѣціи видѣша рано, всходящи солнцю, бысть на
„три углы яко коврига, потомъ мне (менѣе), и бысть аки
„звѣзда; тако и погибе; потомъ мало опять взиде въ своемъ
„чину. Тогожь мѣсяца въ 14, во Впорникъ, въ торговъ годъ (во
„время торгу) солнце нача погибать зрящимъ всѣмъ людьемъ;
„мало остася его, и бысть акы мѣсяцъ 3 дни; опять полнитись,
„и мнози мняху мѣсяцъ идуще чрезъ небо, зане бяшеть межи-
„мѣсячье тогда; а друзіи мняхуть солнце идуще вспять, по-
„неже оболоци маліи, частіи, съ полунощныя страны борзо бѣ-
„жаху на солнце на полуденьну страну. Того же дни и часа
„бысть тако и того грознѣе въ Кыевѣ: всѣмъ зрящимъ, бывшю
„солнцю мѣсяцемъ, явишася столпове червлени, зеленіи, синіи,
„оба полы солнца; таже сниде огонь съ небесе акы облакъ ве-
„ликъ надъ ручаемъ Лыбеди, людьемъ всѣмъ отчаявшимъ своего
„житья, мняще ужъ кончину сущю, цѣлующе другъ друга, про-
„щенье имяху, плачюще горко, возопиша къ Богови съ слезами,
„и милостью Своею Богъ преведе страшный той огнь черезъ
„весь градъ безъ пакости, и паде въ Днѣпръ рѣку и погибе.
„Такъ сказаша намъ самовидци."—Солнечное затмѣніе 14 Маія
означено въ астрономическихъ таблицахъ.

(331) „Князь Михаилъ створи пострѣгы сынови своему
„Ростиславу Новѣгородѣ у Св. софіи, и уя власъ Арх. Спири-
„донъ; и посади (Михаилъ) его на столѣ, а самъ поиде въ
„Цьрниговъ." О постригахъ см. выше, стр. 134; о Тверди-
славѣ стр. 168. Посадникъ Водовикъ былъ въ 1229 году избранъ
на мѣсто Іоанна: „а Иванку даша Тържкъ, и не пріяша его
„Новоторожци, и оттуду иде къ Ярославу.... Роспрѣся Степанъ
„Твердиславицъ съ Водовикомъ, а Иванко Тимошкиницъ по Сте-
„панѣ; и биша Иванка паробчи (рабы) Посадницы; то жь бысть
„на Городищи; а заутра створи Вѣче на Посадника на Яро-
„славли Дворѣ, и пойде на дворъ его и розграбиша. Посадникъ
„же опять възвари городъ вьсь, и Сменъ Борисовицъ на Иванка

„и на Якима Влунковиця и на Прокшю Лашнева; поидоша съ „Вѣчя и много дворовъ розграбиша, а Волоса Блуткиниця на „Вѣчи убиша; рече Посадникъ: ты еси мой дворъ хотѣлъ зажечи. А Прокшинъ дворъ зажгоша, а Якимъ бѣжа къ Ярославу, „а инiи схоронишася; нъ и тѣхъ урошивше" (заставивъ присягнуть) „пустиша; а Иванка послѣ имше уби Водовикъ, „вьвргонь въ Волхово."

(332) „Изби мразъ на Въздвиженье Хреста обилье по во„лости нашей.... Почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь „по 20 гривнъ, а въ дворѣхъ по полтридцати, а пшеницы по 40 „гривнъ, а пшена по 50, а овса по 13 гривнъ." ниже, примѣч. 335. Татищевъ, поправляя лѣтопись, говоритъ, что морозъ убилъ хлѣбъ на цвѣту.

(333) Въ Пушкин.: „Приходи Митрополитъ всея Руси „Кирилъ къ Гюргю и къ братьи его и къ Костянтиновичемъ „отъ Кiевскаго Князя отъ Володимера Рюриковича, а отъ Ми„хаила Епископъ Порфирiй; приде же съ нима Игуменъ Св. Спа„са Кыевѣ на Берестовѣмъ, Петръ Акеровичь, и инъ мужь Воло„димерь, Гюрги, и Стольникъ его... Послуша убо Ярославъ брата „старѣйшаго и Митрополита..... Много же учреженье давъ оба „Князя, Гюрги и Ярославъ, Митрополиту и Епископу Порфирью „и Игумену."

(334) „На тужь зиму пойде Княжиць Ростиславъ съ Посад„никомъ на Тържькъ Дек. въ 8, въ Недѣлю, а заутра убиша Смена „Борисовиця въ 9, а домъ его весь розграбиша и села, а жену его „яша, а самого погребоша у Св. Гюргя въ монастыри; такъже и „Водовиковъ дворъ и села, и брата его Михаля, и Даньслава, и „Борисовъ Тысячскаго, и Творимиричь, и иныхъ много; а Водо„викъ, то зло услышавъ, побѣже съ Торжку съ братьею, и Бо„рисъ Тысячскый и Новоторжьчи къ Михаилу въ Цьрниговъ. И „даша Посадничьство Степану Твьрдиславичю, а Тысячское Ми„кинѣ Нетриловицю, а добытокъ Сменовъ и Водовиковъ по „Стомъ" (частямъ города, раздѣленнаго на Сотни) „роздѣлиша. „Они трудишася сбирающе, а си въ трудъ ихъ внидоша; о та„ковыхъ бо рече Духъ Святый: сбираетъ, а не вѣсть, кому!" — Водовикъ умеръ въ 1231 году. Ярославъ прiѣхалъ въ Новгородъ Дек. 30, а черезъ двѣ недѣли опять уѣхалъ. „Послаша по Яро„слава на всей воли Новгородстѣй. Ярославъ же створи Вѣче, и „цѣлова Св. Богородицю на грамотахъ на всѣхъ на Ярославлихъ." Вопреки извѣстiю Лѣтописца, Татищевъ говоритъ, что Ярославъ принудилъ Новогородцевъ выдать ему льготную грамоту Михаилову и сдѣлался самовластнымъ.

(335) „Купляхомъ" — въ харатейной Новогородской —

,,по гривнѣ хлѣбъ''; но во всѣхъ другихъ спискахъ: полугривнѣ хлѣбецъ — ,,и поболши; а ржи четвертую часть кади по ,,гривнѣ серебра'' — а во всѣхъ другихъ спискахъ: по семи гривенъ, то есть, кунами: слѣдственно семь гривенъ Новогородскими кунами составляли тогда гривну сереб а, или нынѣшними деньгами 10 рублей серебряныхъ, если оцѣнимъ фунтъ серебра въ 20 рублей.

Далѣе: ,,Мъхъ ядяху, ушъ (см. Т. II, примѣч. 255) сосну, ,,кору липову и листъ ильмъ. Иніи простая чадь рѣзаху люди ,,живыя и ядяху, а иніи мъртвая мяса и трупіе обрѣзающе ,,ядяху; а друзіи конину, псину, кошкы; нъ тѣхъ (т. е. первыхъ) осочивше (заставъ) тако творяху, овыхъ огньмъ изжгоша, а другихъ осѣкоша, иныхъ извѣшаша.'' Въ Лѣт. Арханг.: ,,то свѣдавше Бояре, иныхъ сжигаху тако творящихъ,'' и проч. Далѣе: ,,Поставиша другую скудьлницю на поли ,,конецъ Чюдиньчевѣ улици, и бысть та полна, въ ней же числа ,,нѣсть; а третью поставиша на Колѣни, за Св. Рождествомъ, и ,,та же бысть пълна.'' Въ Арханг. Лѣт.: ,,изочтоша въ скудельницахъ въ четырехъ мертвыхъ числомъ 4 тмы, да 2000.... ,,Даяху дѣти одьрень (въ кабалу) изъ хлѣба гостьмъ'' (чтобы они только ихъ кормили). ,,Се же горе бысть не въ нашей ,,земли въ одиной, нъ по всей области Русстѣй, кромѣ Кыева ,,одного.'' Въ Троицк.: ,,Въ тожь лѣто (1231) гладъ бысть по ,,двѣ лѣтѣ по всей земли; помре множество людій.'' Въ Воскресен.: ,,бысть моръ силенъ во Смоленци; сотвориша 4 скудельници и положиша въ дву 16 тысячь, а въ третьей 7 тысячь, а въ четвертой 9 тысячь. Се же бысть по два лѣта.''

(336) ,,Загорѣся отъ Матвѣева двора отъ Вышковиця, и погорѣ вьсь Коньцъ Славнскый, оли и до конця Хълма, мимо Св. ,,Илію; нъ ублюде Богъ Св. церквь; нъ толми бяше лютъ пожаръ, яко по водѣ огнь горяше, ходя чрезъ Вълхово, всѣмъ ,,людьмъ зрящимъ; и головъ нѣколико истопе въ Волховѣ....Уже ,,бяше при конци городъ сій.''

Вѣроятно, что хлѣбъ привезли Готландцы изъ Визбе; а можетъ быть и дѣйствительные Нѣмцы изъ Любека и другихъ городовъ. Татищевъ пишетъ, что Болгары возили тогда хлѣбъ по Окѣ и Волгѣ во всѣ города Россійскіе, и прислали Вел. Князю Георгію 30 судовъ съ житомъ: за что Георгій отдарилъ ихъ золотомъ, серебромъ и костями рыбьими.

(337) Въ Пушкин.: ,,пойде Князь Гюрги (въ 1232 году) къ ,,Серенску'' (на рѣкѣ Серенѣ, нынѣ село) ,,и спожвъ станомъ на ,,Уполозѣхъ и възвратися. Ярославъ же'', и проч. Въ Новогород.: ,,Той же осени (въ 1231 году) ходи Ярославъ ратію на Цьрни-

,,говскую волость, и пожьже Шереньскъ, и стоявъ подъ Мосаль-,,скомъ, и вспятися, истратив обилія много. Тужъ подъ горо-,,домъ застрѣлиша Олдана Подвойскаго, и безъ мира отыдоша." — Далѣе: ,,Придоша изъ Цернигова Борисъ Негоцевичь, Михаль ,,съ братомъ, Петръ Водовиковиць, Глѣбъ Сменовъ братъ, Миша ,,съ Княземъ Святославомъ Трубеческымъ на средоговѣніе, и бы-,,ша въ Буйцѣ, въ селѣ Св. Георгіа, и оттолѣ вспятися Свято-,,славъ въ Русь" — здѣсь въ харатейной Новогородской про-пускъ — ,,уразумѣвъ, яко си сългаша имь."

(338) ,,Они же (изгнанники), вгонивше въ Пльсковь, яша Вя-,,чеслава, и бивше его, оковаша. Въ Новѣ же городѣ бысть мя-,,тежь великъ: не бяше бо Ярослава, но въ Переяславли бѣ... и ,,пріѣхавъ, изима Пльсковици и посади я на Городищи въ грид-,,ници, и посла въ Пльсковъ, рече: мужа моего пустьте, а тѣмъ ,,(изгнанникамъ) путь покажите прочь... Они же сташа за ни-,,ми крѣпко, нъ рекоша: пришлите къ нимъ жены ихъ и товаръ, ,,то же мы Вячеслава пустьмъ... И такъ быша безъ мира лѣто ,,все, и не пусти Князь гости къ нимъ, и купляху соль по 7 ,,гривнъ бърковьскъ; и пустиша Вячеслава. Князь пусти къ нимъ ,,жены Борисовую, Глѣбовую, Мишную, а мира не взя. Бысть на ,,зиму: придоша Пльсковици, поклонитася Князю: ты нашь Князь ,,....Борисовѣ чади" (товарищамъ Бориса Негоцевича) ,,показаша ,,путь съ женами."

(339) Ярославъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на дочери Мстислава Мстиславича Галицкаго; но, можетъ быть, онъ же-нился послѣ въ третій разъ.

(340) Сей Владиміръ Мстиславичь умеръ, кажется, во Пско-вѣ; а сынъ его, Ярославъ, долженъ былъ оттуда выѣхать. — Въ лѣтописи: ,,Изъ Нѣмцинъ убиша (Псковитяне) Данилу."

(341) Новогород. Лѣт. стр. 137: ,,Того же мѣсяца 18 ,,(Маія въ 1243 году) явися знаменіе въ Пльсковѣ у Св. Іоанна въ ,,монастыри отъ иконы Св. Спаса надъ гробомъ Княгининомъ ,,Ярославлеѣ Володимирича, юже уби свой пасынокъ въ Медвѣжи ,,Головѣ: иде муро отъ иконы по 12 дній; найде 4 воцяницн, яко ,,въ стклянницю, и привезоша въ Новгородъ двѣ на благословеніе, ,,а въ Пльсковѣ двѣ собѣ." Гробница сей Княгини Евпраксіи и нынѣ стоитъ въ Псковскомъ монастырѣ Св. Іоанна, гдѣ пока-зываютъ древній мѣдный подсвѣчникъ, на коемъ вырѣзано опи-саніе упомянутаго чуда; то же сказано и въ надгробной надпи-си. — — Сочинитель Степен. Кн. ошибся, назвавъ Ярослава Владиміровича Псковскаго внукомъ Рюрика Кіевскаго (Т. I, стр. 353). Объ немъ еще упоминается въ описаніи дѣйствій 1245 года. Къ нему, думаю, писано письмо Григорія IX, Папы Римскаго,

напечатанное въ Райнальд. Annal. Eccl. подъ годомъ 1231. Узнавъ отъ Епископа Прусскаго, что онъ желаетъ присоединиться къ Латинской Церкви, Григорій старался утвердить его въ семъ намѣреніи. Ярославъ Владиміровичь, по сказанію Ливонской Хроники, въ 1245 году отказалъ Дерптской церкви половину своего законнаго наслѣдства, то есть, Псковской земли (см. Арндт. Liefländ. Chr. II, 47).

(342) Новогород. Лѣт. стр. 122: „преставися Θеодоръ „Іюня въ 5, и положенъ бысть въ манастыри Св. Георгія, и еще „младъ; и кто не пожалуеть (не пожалѣетъ) сего? свадьба пристроена, меды изварены," и проч.

(343) „Изгониша Нѣмци (въ 1233 году) Кюрила Синкинича „въ Тсевѣ (близъ Оденпе), и ведоша въ Медвѣжю Голову, и сѣде „окованъ отъ Госпожина дни до Велик. говѣнія... И пришедъ „Князь, выправи" (его освободилъ). Далѣе: „Иде Ярославъ съ „Новгородци и съ полки своими на Нѣмци подъ Гюргевъ... Нѣм„ци же изъ града высунушася, а иніи изъ Медвѣже Головы на „сторожи (Ярославовы), и бишася съ ними и до пълку (до вой„ска), и поможе Богъ Ярославу, и бишася до рѣкы, и ту паде „лучшихъ Нѣмець нѣколико; и яко быша на рѣкѣ на Омовыжи (Эм„бахѣ), и ту обломишася, истопе ихъ много... и поклонишася „Нѣмци Князю," и проч. — Далѣе: „Изгониша Литва Русь (Ру„су) олы до търгу, и сташа Рушане (жители Русы), и засада, „Огнищане и Гридба, и кто купець и гости, и выгнаша я изъ „посада опять... и ту убиша нѣколико Литвы, а Рушанъ 4 „мужь, Попа Петрилу, Павла Обрядича и ина два мужа, а ма„настырь Св. Спаса пограбиша... и Цьрньца 4 убиша и отсту„пиша на Клинъ... Князь же съ Новгородци всѣдавше въ насады, „а иніи на коних поидоша по Ловоти, и яко быша у Мравни„на и вспятишася лодьйници: не достало бо у нихъ бяше хлѣ„ба; а Князь съ конникы постиже я (Литву) на Дубровнѣ на се„лищи въ Торопчьской волости," и проч. Далѣе: „пометавше и „щиты и сови (въ другихъ спискахъ: сулицы) и все отъ се„бе... а Новгородьць ту убиша 10 мужъ: Θеда Якуновича Ты„сячьского, Гаврила Щитника, Нѣгутина на Лубяници, Нежилу „Серебреника, Гостилца на Кузмадемьяни улици, Θедора Ума, „Княжь Дѣтской (Отрока Княжескаго), другое Городищанинъ и „инѣхъ 3."

(344) По сказанію Алберта Стадскаго сіе сраженіе было въ 1236 году (см. Арндт. Liefl. Chr. II, 37), а по нашимъ лѣтописямъ въ 1237 или 1238. Въ Новогород. Лѣт. стр 127: „Пріидо„ша въ силѣ велицѣ Нѣмци изъ за-морія въ Ригу, и ту совкупив„шеся вси, и Рижане и вся Чюдьская земля, и Пльсковичи по-

„слаша мужъ 200, и идоша на Литву — и погаными побѣжени „быша; придоша кождо десятый въ домы своя." Въ Псковской Архивской лѣтописи, л. 159: „Избиша Литва (въ 1237) на Камнѣ „Псковичь засадою Сент. 25;" а въ Псковской Синодальн. No 349, л. 169, поставлены годъ 1238 и 25 Октября. Въ Литвѣ два мѣстечка называются Камнями: одно не далеко отъ Бреста, а другое въ Ошмянскомъ Повѣтѣ. — — Не говорю о невѣрномъ лѣтосчисленіи Руссова и Кельха.

(345) Воскрес. Лѣт. II, 191: „Въ лѣто 6738 преставися „Князь Великій Мстиславъ (по Родосл. Книгамъ Ѳеодоръ) „Давыдовичь Смоленскый." Въ сіе время уже всѣ главные Удѣльные Князья — то есть, Кіевскіе, Черниговскіе, Смоленскіе — назывались Великими (см. Новогород. Лѣт. стр. 45 и 122).

Въ лѣтописи Попа Іоанна (стр. 501): „въ то же лѣто (1232) „взя Святославъ Мьстиславичь, внукъ Романовъ, Смо„ленскъ на щитъ съ Полочаны на Св. Мученику Бориса и Глѣба, „и изсѣче Смолнянъ много, а самъ сѣде на столѣ."

(346) Въ Волын. Лѣт. (по Ипатьев. списку въ 1229 г., а по Длугош. въ 1227): „Лестько убьенъ бысть на сонмѣ Свято„полкомъ и Одовичемъ (Оттоновичемъ) Володиславомъ свѣтомъ „(совѣтомъ) Бояръ. ... Поидоша ему на помощь (Даніилъ и Ва„силько Конраду) на Володислава на Стараго; остависта же въ „Берестіи Володимера Пиньского и Угровчаны и Берестьяны „стеречи земли отъ Ятьвязь. Въ то же время воеваша Литва „Ляхы... и придоша ко Берестью. Владимеръ же рече: оже есте „мирни, но мнѣ не мирни... и избища е всѣ.... Идоша къ Кале„шю (Даніилъ съ Конрадомъ) и преидоша Ветру въ вечеръ; на „утріе же рѣку Прѣсну... и тое нощи бысть дождь великъ... и „пустиша воевать и плѣнить. Русь же догнаша Милича и ста„раго Рода, и нѣколко селъ Ворошиславскыхъ заняша... Наут„ріе же Данилъ и Василько поидоста ко граду. Кондрату же лю„бящю Рускый бой, и понужающе Ляхы... Приступившима има „къ воротомъ, а Мирослава посла взадъ града; бѣ бо городъ обиш„ла вода и сильная лозина и вербье, и не свѣдущимся самѣмь, „идѣ же кто біаше: егда же си отступяху отъ боя, они же на„лежахуть на оный; а коли они отступяху, а они належаху на „си... Идуще же каменію со забралъ яко дожду силну, стоящимъ „имъ въ водѣ, дондеже сташа на сусѣ на метаномъ каменіи, и „возводный мостъ и жеравецъ вожьгоша. Ляхове же врата „одва угасиша... и бысть ранено мужь на забралѣхъ 100 и 60.... „и возвратишася во станы своя. Станиславъ же Микуличь рече: „кдѣ мы стояли, ту нѣсть воды, ни гребле высокы. Данилъ же „всѣдъ на конь, ѣха самъ на зглядание... На утріе же Данилъ и

„Василько посласта люди свои; онѣмъ же теребящимъ лѣсы око-„ло града, гражаномъ же ни каменія смѣющимъ врещи на нѣ, „просякуся, дабы къ нимъ прислалъ Кондратъ Пакослава и „Мьстіуя.....

„Времени минувшу, ѣха Василько Суждьлю на свадбу шу-„рина своего ко Вел. Князю Юрью“ (въ 1230 году женился старшій сынъ Вел. Князя, Всеволодъ) „поемь Мирослава съ собою и „ины. Князю же Данилови будущу во Угровьсцѣ, прислаша Га-„личане рекуще, яко Судиславъ шелъ есть въ Понизье, а Коро-„левичь въ Галичѣ осталъ; а пойде борже. Данилови же собрав-„шю вои, посла Дьмьяна на Судислава, а самъ иде въ малѣ дру-„жинѣ къ Галичю. Во третій день бывшу ему на ночь въ Га-„личь, а Судиславъ не стерпѣ передь Демьяномъ, но побѣже въ „Галичь. . . Галичь бо бѣ ся затворилъ. Данилъ же взя дворъ „Судиславль, яко же вина и овоща, и корма, и копій и стрѣлъ „пристраньно видити. Данилъ же видивъ люди своя яко испили-„ся, не хотѣ стати въ (у) города, но иде на ину страну Днѣ-„стра. Судиславу же тое ночи вбѣгшю въ городъ, яти быша „отъ вой его людіе... Данилъ стояше у Глъницѣхъ на березѣ „Днѣстра. Выѣхавшимъ же Галичаномъ и Угромъ, и стрѣляша-„ся на леду. Вечеру же бывшу и ледомъ воставшимъ и рѣцѣ на-„воднившися, зажгоша мостъ на Днѣстрѣ безаконьный лихый „Семьюнко, подобный лисици черъмности ради; и приде же Демь-„янъ со всѣми Бояры Галичкыми. Данилови же о семъ веселу „будущю, а о мостѣ нечаль имѣющу, како Днѣстръ перейти. „Гнавъ же Данилъ ко мосту, и узрѣвъ, яко конець мосту угаслъ „есть, и бысть радость велика. На утріе же приде Володи-„меръ Ингваровичь, и переидоша мостъ, и сташа по бере-„гу. На утріе же объѣха Данилъ городъ, и собравъ землю Галич-„кую, ста на четыре части окрестъ его, и собра отъ Боброкы „даже и до рѣки Ушицѣ и Прута... и передаша градъ.

„Изыде же Бѣла Риксъ (Rex) рекъмый Король..... и посла „посолъ и воспи посолъ гласомъ великимъ: слышите словеса Ко-„роля Угорьского, да не уставляеть васъ Дьмьянъ, глаголя: „изьемля изыметъ ны Богъ; ни да уповаеть вашъ Данилъ „на Господа... Демьянъ же крѣпляшеся. Данилъ же приведе къ „собѣ Ляхы и Половци Котяневы, а у Короля бяху Половци Бѣ-„говарсови... Бѣла пойде отъ города, оставившю ему оружникы „многы и фаревникы“ (отъ слова фарь или конь)... „Яко „индѣ глаголеть: Скыртъ рѣка злу игру сыгра гража-„номъ, тако Днѣстръ злу игру сыгра Угромъ... Пойде Король „къ Василеву и перейде Днѣстръ и пойде къ Пруту: Богъ бо по-„пустилъ бяше на нѣ рану, иніи изъ подошевъ выступаху акы

„изъ черві́а (башмаковъ), иніи же въ конѣ влѣзше измираху, „иніи около огня слѣзшеся и мясо ко устомъ придѣвше умираху....

„Обнаживщу Васильку мечь свой играя на слугу Королева, „иному похватившю щитъ играющи; невѣрнымъ же Молибоговичемъ узрѣвши се, страхъ имъ бысть, и побѣгшимъ (въ 1230 году)... Василько же поѣха къ Володимерю, а Филипъ безбожный „зва Князя Данила въ вишню... и въѣхавшю ему въ Браневичаве „рли" (т. е. пашню Браневича) „и приде къ нему посолъ отъ „Тысяцкого Демьяна, рекшю, яко пиръ ти золъ есть, яко съвѣщано есть Филипомъ съ братучадомъ твоимъ Олександромъ, „яко убіену ти быти... и пойде назадъ. Късняпину повѣдавшу, „оному же (Даніилу) обратившюся на рѣцѣ Днѣстрѣ, а Бояре „безбожніи везяхусь инуда, не хотяще лица его видити... Посла „къ брату Василькови: пойди на Олександра. Олександру же выбѣгшю въ Перемышль къ совѣтникомъ своимъ, а Василко прія „Белзъ, Ивана же посла, Сѣдельничего своего, по невѣрныхъ Молибоговичехъ и по Болдрисѣ, и изымано бысть ихъ 20 и 8 Иваномъ Михалковичемъ, и тіи смръти не пріяша, но милость получиша; и нѣкогда ему въ пиру веселящусь, одинъ отъ тѣхъ „безбожныхъ Бояръ лице зали ему чашею: и то ему стерпѣвшю. „Самому же Данилу (въ 1231 г.) съзвавшю Вѣче, оставшюся въ „18 Отрокъ вѣрныхъ и съ Демьяномъ Тысяцкымъ своимъ, и рече имъ: хочете ли быти вѣрни мнѣ, да изыду на врагы моя? „Онѣмъ же кликнувшимъ: вѣрни есмы Богу и тобѣ, Господину „нашему. Соцкый же Микула рече: Господине! не погнетши пчелъ, меду не ясти... Мирославу пришедшу къ нему на помощь съ маломъ Отрокъ; невѣрніи же вси на помощь „ему идяху, мнящеся яко вѣрни суть... Пріѣхавшю Данилу къ „Перемышлю, Александръ побѣже... Въ томъ же гонѣ Шельвъ „сбоденъ бысть; бѣ бо храборъ и въ велици чести умерть. „Невѣрный Володиславъ Гюргевичь, съ ними съвѣтъ створь, гоняше и оли и до Санока и воротъ Угорскыхъ... Судиславъ же „възведе Короля Угорскаго Андрея; пріиде же съ сыномъ Бѣлою „и съ другымъ сыномъ Андреемъ къ Ярославу. Боярину же Давыдови Вышатичю затворившюся и Василіеви Гавриловичю, и „біющимся, оли и солнцу зашедшю. Съвѣтъ сътвориша вечеру, „Давыдови уполошившися: теща бо его бяше вѣрна Судиславу, „кормолчія Нездиловая: матерью бо си нарицаша ю; вѣща ему, „яко не можеши удръжати града. Василькови же молящю: не „погубимъ чти Князя своего... Чакови же пріѣхавшю изъ Угорскихъ полковъ, рекшю: не могутъ вас пріяти, ибо суть велми „біени. Оному же ужасша во сердцѣ имущю, преда градъ; само-

„му же цѣлу вышедшю съ всѣми вои... Климата же съ Голыхъ „Горъ бѣжа отъ Данила, и по немъ вси Бояре Галицкыи.... При-„шедшю Королю къ Володимерю, дивившюся ему, рекшю, яко „така града не изобрѣтохъ ни въ Нѣмецкыхъ странахъ: тако „сущу оружникомъ стоящемъ на немъ, блистахуся щиты и оруж-„ници подобни солнцю. Мирославъ же бѣ въ градѣ; иногда храбру „ему сущю, тогда же смутися умомъ..... Королеви же посадившю „сына Андрея въ Галичи. Мирославу жь запревшюся яко рядомъ „Чръвняне не предалъ есмь; порокъ же ему имуще великъ отъ „обою брату (Данила и Василька)... Данилъ же прія великъ плѣнъ, „около Белза воюя. Король же воротися въ Угры.

„Володимеръ же (Кіевскій) посла къ Данилови рече: идеть „на мя Михаилъ.... Данилови же пришедшю сътвориши миръ „межи ими. Данилъ же изъ Руское земли взя себѣ часть Тор-„цескый, и пакы да его дѣтемъ Мьстиславлимъ, шюрятомъ „своимъ, рекъ: вамъ за отца вашего добродѣаніе.

„По тѣхъ же лѣтѣхъ движе рать Андрей Королевичь на „Данила и иде къ Бѣлобережью. Володиславу же ѣхавшю въ „сторожѣ отъ Данила изъ Кыева... и бившися о рѣку Случь и „гониша и до рѣкы Деревное изъ лѣса Чертова.... Данилови же „снемшюся съ братомъ и постиже и у Шюмска, и повѣсто-„васта съ ними о рѣку Велью; бѣ бо съ Королевичемъ Алек-„сандръ и Глѣбъ Зеремеевичь и иніи Князи Болоховьстіи... „(см. ниже). Видѣвшю же ся Данилу съ Королевичемъ, и нѣкое „слово похвално рекшю, наутріе переѣха рѣку и поклонився „Богу и Св. Симеону, иде на сѣчю... Данилови же съѣхати бѣ съ „высокихъ горъ; иніи же браняху, да быхомъ стали на горахъ. „Данилови же рекшю, яко же Писаніе глаголетъ: медляй на „брань, страшливу душю имать... Васильковы идущю „противу Угромъ, а Демьяну инѣмъ полкомъ ошую, Данилъ же „посреди; велику же полку бывшу его: устроенъ бо бѣ храбрыми „людми и свѣтлымъ оружіемъ. Угромъ же нехотящимъ ся съ-„разити съ нимъ, но клоняхуся на Демьяна. Пріемшимъ же со-„коломъ стрѣлцемъ, избиша я. Демьянови же сразившюся съ „Судиславомъ: Данилу же заѣхавшю въ тылъ и бодущимъ я: „Демьянови же мнящю, яко всѣ ратніи (непріятели) суть, и въ-„збѣгоша передъ нимъ. Данилъ же вбоде копіе свое въ ратного; „изломившю же ся копію, и обнажи мечь. Позрѣвъ же сѣмъ и „сѣмъ, и видѣ стягъ Васильковъ стояще и добрѣ борющь, и „Угры гонящю...Идущю ему на помощь, многыя язви...Снемъ же „ся съ Мирославомъ, и видѣвъ, яко Угре събираются, и ѣхаста „на нѣ два...другымъ же пріѣхавшимъ, и не сътрьпѣша. Гоня-„щима же има, разлучистася. Потомъ же видѣвъ брата добрѣ

,,борюща и сулици его кръвави сущи, и осчепищю изсѣчену отъ ,,удареньа мечевого. И пакы" (въ 1232 г. по Ипатьев. списку) ,,Глѣбъ Зеремеевичь, събравъ Угры, пріѣха на стягъ Васильковъ: ,,Даниилови же пріѣхавшю къ нимъ и понужающю ихъ, и никого ,,не видѣ войника, но Отрокы дръжаща конѣ. Онѣмъ же познав-,,шимъ и хотящимъ посѣщи конь его...и шерьсти претятѣ (про-,,сѣченной) бывши на стегнѣ коня его...Пріѣха же безъ язвы къ ,,своимъ...Васильковъ полкъ гналъ бѣ Угры до становъ, и стяги ,,Королевича подтяли бяху. Угре же бѣжаще али въ Галичи ста-,,новишась. Стоящимъ же симъ на горѣ, и симъ на удолъ, Да-,,ниловн же и Васильковн понужающима людій своихъ съѣхати ,,на ня, Богу же тако изволившю за грѣхы, наворотися дружина ,,Данилова на бѣгъ....Падшихъ много Угоръ, а Даниловыхъ мало ,,Бояръ, ихъ же имена се быша: Ратиславъ Юрьевичь, Моисей, ,,Степанъ, братъ его, Юрій Яневичь....

,,Потомъ присла Александра къ брату Данилу и Васильку: ,,не лѣпо ми есть быти проче ваю. Она же пріяста его съ лю-,,бовію. Травѣ же бывши, Данилъ пойде съ братомъ и съ Алек-,,сандромъ къ Плѣсньску, и взя, и подъ Ярбузовичи великъ ,,плѣнъ пріа, и обратися въ Володимерь. Королевичь же и Суди-,,славъ (въ 1233 г.) выведе Діаниша на Данила. Данилъ же ѣде ,,къ Кыеву и приведе Половци и Изяслава (см. ниже) противу ,,имъ, и съ Изяславомъ водися въ божницю, и съ Володимеромъ ,,пріидоста противу Данишю. Изяславъ же лесть створи: велѣ ,,воевати землю Данилову, и възяша Тихомлъ, и възвратишась, ,,оставшюся Володимеру съ Даниломъ и Котяневи одиному. О! ,,лесть, яко же Омиръ пишеть, до обличенья сладка ,,есть; обличена же, зла есть; и кто въ ней ходить, ,,конецъ золъ пріиметь. Оттуда идоша къ Перемилю, ,,Андрей Королевичь, Даниш и Угре; бишась о мостъ съ Воло-,,димеромъ и Даниломъ, и отбишась имъ. Угре же воротишась ,,къ Галичю и порокы пометаша. Володимеръ же и Данилъ пои-,,доста по нихъ. Василько и Александръ пріиде къ брату, и сня-,,шась у Бужска. Володимеръ же и Котянъ и Изяславъ вороти-,,шась. Въ тожь время отступи Глѣбъ Зеремеевичь отъ Коро-,,левича къ Данилови (въ 1234 г.). Данилъ же и Василько однако ,,идоста къ Галичю; срѣтоша ихъ болшая половина Галича, Доб-,,рославъ и Глѣбъ, и иніи Бояре мнози, и пришедъ ста на брезѣ ,,Днѣстра, и пріа землю Галицкую, и розда городы Бояромъ и ,,Воеводамъ; бяше корма у нихъ много. Королевичь же и Даниш ,,и Судиславъ изнемогаху гладомъ въ градѣ; стояше жь 9 недѣль ,,воюя, жда леду, дондеже бы перешелъ на нѣ. Судиславъ же ,,лестію посла къ Олександрови, рече: дамъ тобѣ Галичь; поди

,,отъ брата. Онъ же поиде прочь. Галичане же думаху яти ,,(схватить его) и выѣхаша по Данилѣ.—Малу жь времени ми-,,нувшю, Королевичь умре, и послашась Галичане по Данила ,,Семьюнка Чермнаго, и Судиславъ иде въ Угры. Веснѣ же бывши, ,,Олександръ убоявся пойде къ тестю своему въ Кыевъ. Данилъ ,,же увѣдавъ изыде нань изъ Галича, угони его въ Полономъ и ,,яша въ лузѣ Хоморскомъ. Данилови же не спавшю 3 дни и 3 ,,нощи.

,,Будущю жь Володимеру въ Кыевѣ, присла сына своего, ,,Ростислава, въ Галичь, и прія съ нимъ любовь велику. Михай-,,лови же и Изяславу не престающа нань враждою. Оставилъ у ,,него Глѣба Зеремеевича и Мирослава и иные Бояре. Посла жь ,,Володимеръ, рекый: помози ми, брате. Данилъ же пойде. Ми-,,хаилъ не стерпѣ оттъиде отъ Кыева. Данилъ же и Володимеръ ,,пойдоста къ Чернѣгову, и пріиде къ нима Мьстиславъ Глѣбо-,,вичь. Оттуда жь пойдоша плѣняще землю и грады многы по ,,Деснѣ; взяша и Хороберъ и Сѣсницю (Сосницу) и Сновескъ, и ,,иные, и пріидоша опять къ Чернѣгову, сътвориша съ нима миръ ,,Мьстиславъ и Черненговци. Любо бѣ бо у Чернѣгова, оже и та-,,ранъ наны поставиша; меташа бо каменемъ полтора перестрѣ-,,ла, а камень яко можаху 4 мужи силни подняти..... Данилъ бо ,,и вои его иструдилися; воевалъ бѣ отъ Крещенія до Вознесе-,,нія. . . Володимеру жь просящю, Мирославу же помогающе ему: ,,изыдемъ на поганыя Половци!.... Данилови жь гонящю по По-,,ловцѣхъ, донде же конь его гнѣдый застрѣленъ бысть... Воло-,,димеру же яту бывшю въ Торцескомъ и Мирославу съвѣтомъ ,,*безбожнаго Григоря Васильевича* и Молибоговичевъ, и инѣмъ Боя-,,ромъ многымъ ятымъ бывшимъ, Данилови жь прибѣгшю къ ,,Галичю, Василькови жь бывшю въ Галичѣ... Борисъ же Межи-,,*божскый, съвѣтомъ Доброславлимъ и Збыславлимъ, посла къ Да*-,,нилови, рекый: Изяславъ и Половци идутъ къ Володимерю. ,,Лесть бо бѣ се. Данилъ же посла къ брату си: стерези Володи-,,меря. Узрѣвше же *Бояре Галицкый Василка оттшедша съ поло*-,,номъ, въздвигоша крамолу. Судиславу Ильичю рекшю: Княже! ,,льстивъ глаголъ имѣють Галичане; поиди прочь... и изыде въ ,,Угры. Зимѣ же приспѣвши, иде Василько къ Галичю, поймя ,,Ляхы. Данилъ же въ то время пріиде къ брату си изъ Угоръ, ,,и воеваша не дошедше Галича, и воротистася домовъ. Въ тожь ,,время (въ 1235 году) пріидоша Галичане на Каменець и вси ,,Болоховстіи Князи и воеваша по Хомору... Въ то жь время по-,,слалъ бяше В о л о д и м е р ъ" (слѣдственно онъ уже возвратил-ся тогда изъ плѣна) ,,Данилови помощь Торкы и Данила Жиро-,,вича.... и побѣжени быша невѣрніи Галичане, и приведоша Кня-

,,зи Болоховстіи въ Володимеръ къ Даниловиʻʻ. (Сіи Князья, вѣроятно племени Ольговичей, имѣли Удѣлъ между владѣніями Мазовскими и Волынскими, отъ Бреста къ югу, какъ увидимъ (см. Т. IV, примѣч. 20, подъ годомъ 1241; о мѣстѣ Болоховѣ см. тамъ же, примѣч. 102, и выше, примѣч. 3)... ,,Лѣту же наставшю, на,,чя посылати Михаилъ и Изяславъ, грозячи: дай нашю братью, ,,или придемъ на тя... Взвелъ бо бяше на Данила Михайло и Изя,,славъ Ляхы и Русь и Половець множество. Кондратови жь ставшю, гдѣ нынѣ градъ Холмъ стоитъ, пославшю ему къ Червну ,,воевати, Васильковичемъ же бившимся съ ними, поимаша Ляд,,скые Бояре и приведоша я предъ Данила въ городокъ. Михай,,лови жь стоящю на Подгорьи, хотящю снятися съ Кондратомъ ,,и ожидающю Половець съ Изяславомъ: Половци же прійдоша въ ,,землю Галицкую и не восхотѣша ити на Данила; вземше всю ,,землю Галицкую (ограбивъ), възвратишася. То слышавъ Ми,,хаилъ, възвратися въ Галичь, а Кондратъ побѣже до Ляховъ че,,резъ нощь и топися бяше отъ вои его въ Вепру множество. ,,Лѣту жь наставшю идоста на Галичь, на Михаила и на Рос,,тислава (сына его): Угоръ множество бяше у нихъ (у Михаила ,,въ Галичѣ). Воеваста около Звенигорода; города жь не взяста: ,,бѣ бо Св. Богородица въ немъ чюдная икона. Тое же осени уми,,рися.

,,Веснѣ же бывши, поидоста на Ятвязѣ, и прійдоста къ ,,Березью, рѣкамъ наводнившимся, и не возмогоста ити. — Да,,нилови же рекшю: не лѣпо есть держати нашее отчины Кри,,жевникомъ Темпличемъ (Рыцарямъ Храма) рекомымъ Соломо,,ничемъ. И поидоста нанѣ въ силѣ тяжцѣ, и пріяста градъ (ка,,кой?) мѣсяца Марта, и старѣйшину ихъ Бруно яша и вои, и ,,възвратися въ Володимерь. Данилови жь въ томъ же лѣтѣ шед,,шю на Михаила на Галичь; онѣмъ же мира просящимъ, даша ,,ему Перемышль. — По томъ же лѣтѣ Данилъ възведе на Конд,,рата Литву Миндога Изяслава Новъгородскогоʻʻ (здѣсь говорится о Новогродкѣ Литовскомъ). ,,Данилъ же въ то время ,,шелъ бяше съ братомъ въ Угры къ Королеви: бѣ бо звалъ его ,,на честь. Въ тожь время пошелъ бяше Фридрихъ Царь на Гер,,цика (Австрійскаго) войною, и въсхотѣста ити Данилъ съ бра,,томъ Герцикови въ помощь,ʻʻ и проч.

(347) Новогород. Лѣт. стр. 125: ,,Изяславъ приде съ По,,ловци и Михайло съ Черниговци подъ Кыевъ, и взяша Кыевъ, а ,,Володимера имше Половци ведоша въ землю свою, и много ,,зла створиша Кыяномъ — — и опять пустиша Володимира на ,,искупѣ, и жену его, и на Нѣмцихъ имяша искупъ Князи.ʻʻ Здѣсь подъ именемъ Нѣмцевъ разумѣются безъ сомнѣнія всѣ

иностранцы. Хотя въ Ростов., Воскр. и Никон. Лѣт. Изяславъ, союзникъ Михаиловъ, названъ Мстиславичемъ, внукомъ Романа (Ростиславича Смоленскаго); но онъ, по всѣмъ обстоятельствамъ, долженъ быть сынъ того Владиміра Игоревича, который съ братьями господствовалъ въ Галичѣ и спасся бѣгствомъ отъ ихъ жалкой участи вмѣстѣ съ сыномъ Изяславомъ. О немъ упоминается нѣсколько разъ въ Волынск. Лѣт. Изяславъ и Михаилъ говорятъ Даніилу: „отдай нашу братью“ (см. выше, примѣч. 346): слѣдственно они были одного рода. Въ Пушкин., Троицк. и Новогород. Лѣт. сей Михаиловъ сподвижникъ, княжившій послѣ въ Каменцѣ, именуется просто Изяславъ безъ отчества. — Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что Владиміръ Рюриковичъ умеръ въ Смоленскѣ; а Псков. Лѣт. упоминаетъ о кончинѣ его подъ 1239 годомъ.

(348) См. Туроц. Chron. Hung. гл. 74: Daniele vero, Duce Ruthenorum, equum ejus, ante ipsum, summa cum reverentia ducente. — Длугошъ пишетъ (Hist. Pol. кн. VI, стр. 633), что по смерти Венгерскаго Королевича, Коломана, Даніилъ овладѣлъ Галичемъ, а Изяславъ, союзникъ Половцевъ, скоро завоевавъ сію область, уступилъ оную Михаилу.

(349) „Пойде Ярославъ изъ Новагорода Кыеву на столъ, пойя Новгородци вятшихъ, Судимира въ Славнѣ (изъ Славянск. „Конца), Якима Влунковича, Косму Вячеславича, а Новоторжецъ 100 мужъ — — и сѣде въ Кыевѣ на столѣ, и державъ „Новгородцевъ и Новоторжцевъ одину недѣлю, и одаривъ я,“ и проч. — Въ Синопсисѣ несправедливо сказано, что Изяславъ былъ выгнанъ изъ Кіева Ярославомъ, а сей Владиміромъ Рюриковичемъ, возвратившимся изъ плѣна: ибо Ярославъ добровольно оставилъ Кіевъ, свѣдавъ о кончинѣ Георгія, Великаго Князя, убитаго Татарами (см. ниже).

(350) Въ Пушкин.: „Тогожь лѣта (1226 года) посла Великый Князь Гюрги Святослава и Ивана, брату свою, на Мордву, и побѣдиша Мордву, и взяста нѣколико селъ, и взвратистася съ побѣдою. — Тогожь лѣта (1228), мѣсяца Сент. Великый Князь посла на Мордву Василька Константиновича и своего „мужа, Еремея Глѣбовича, воеводствомъ съ полкомъ, и бывшимъ „имъ за Новымъ (Нижнимъ) на предѣлѣхъ Мордовскыхъ, пославъ „Гюрги взврати ихъ, не дасть имъ воевати, зане погодья имъ „не бысть: (идоша) бо дождове велми мнози день и нощь. Того „жь мѣсяца (Генваря) 14 день Великый Князь Гюрги и Ярославъ „и Константиновичи, Василько и Всеволодъ, идоша на Мордву, и „Муромскый Князь Гюрги Давидовичь, вшедъ въ землю Мордовскую, Пургасову волость пожгоша, жита потравиша, и скотъ

„избиша, полонъ послаша назадъ, а Мордва вбѣгоша въ лѣсы своя „въ тверди; а кто не вбѣглъ, тѣхъ избиша наѣхавше Гюргеви „Молодіи (Отроки или Дѣтскіе) въ 24 день Генваря. То ви„дѣвше Молоди Ярославли и Васильковы и Всеволожи, утаив„шеся назаутріе, ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва давше имъ „путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около и избиша, а иныхъ „изымаша, бѣжаша въ тверди: тѣхъ тамо избиша, и Княземъ „нашимъ не бысть кого воевати; а Болгарскый Князь пришелъ „былъ на Пуреша, ротника Юргева, и слышавъ, оже Великый „Князь Юрги съ братьею жжетъ села Мордовская, и бѣжа прочь „въ ночи; а Юрги съ братьею и со всѣми полкы взвратишась въ „свояси добрѣ здорови. — Мѣсяца Априля (въ 1229 году) придоша „Мордва съ Пургасомъ къ Новугороду, и отбишася ихъ Новгород„ци, и зажегше монастырь Св. Богородици и церковь, иже бѣ „внѣ града, того же дни и отъѣхаша прочь, поимавъ свое избье„ныя болшія. Того жь лѣта побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ съ „Половци, и изби Мордву и всю Русь Пургасову, а Пургасъ ед„ва вмалѣ утече. — Тое же зимы (1232 году) посла Вел. Князь „Гюрги сына своего, Всеволода, на Мордву, а съ нимъ Ѳеодоръ „Ярославичь и Рязанскый Князи и Муромскыя, и пожгоша села „ихъ, а Мордвы избиша много.“

(351) Въ Троицк.: „Въ то жь лѣто (1230) Болгаре“ — въ Никонов. глаголеміи Казанцы — „поклонишась Вел. Князю Юр„гію, просиша мира, за шесть лѣтъ бывшю розмирью. И тво„ри миръ съ ними, и тальми мѣнися, и люди ихъ пусти, свое у „нихъ поима, и кресть къ нимъ цѣлова; а Болгаре въ свою ро„ту идоша, Труновe и вся чернь.“

(352) Въ Пушкин.: „Того жь лѣта (1229) страсть новаго „Мученика Христова, его же убиша Болгаре въ Великомъ градѣ „ихъ. Сь бысть иного языка, не Рускаго“ — въ Степен. Книгѣ онъ названъ Болгариномъ — „Хресьянинъ же сый, имѣяше „имѣнье много, гостьбу дѣя по градомъ, вниде въ Болгарскый „градъ; они же емше нудиша его много дни и ласканьемъ и пре„щеньемъ отврещися Христа и Вѣры Хресьянскыя. Онъ же не „покорися, но вся оставивъ, изволе паче умрети за Христа, усѣ„ченъ бысть Априля въ 1 день, его же Русь Хресьяне вземше „тѣло, положиша въ гробѣ, идѣ же вси Хресьяне лежать; и тво„ри Богъ месть вскорѣ за кровь его: погорѣ у нихъ болшая по„ловина города Великаго, а потомъ оставшая часть загарашет„ся днемъ дважды и трижды. Тако же бысть по многа дній; „мало остася города, а все погорѣ; и товара погорѣ множество „безчисленно за кровь Мученика Христова. — Марта въ 9 день „(1230 году) принесенъ бысть Христовъ Мученикъ Аврамій но-

,,вый изъ Болгарскые земли въ славный градъ Володимерь... и ,,Вел. Князь Георгій усрѣте его передъ городомъ за версту съ великою честью съ свѣщами, и Епископъ Митрофанъ со всѣмъ ,,Клиросомъ и со Игумены,, и Княгыня съ дѣтми, и вси людье, ,,и положенъ бысть въ церкви Св. Богородицы въ манастыри ,,Великые Княгыни Всеволожы."

(353) Дегин. Hist. des Huns, кн. XV, стр. 72, и Карпин. Voyage, стр. 44. Карпинъ пишетъ, что Чингисханъ убитъ громомъ; а Сибирскіе Мунгалы разсказываютъ, что онъ, силою отнявъ у Тангутскаго Хана молодую жену, былъ ночью зарѣзанъ ею, и что она, боясь казни, утопилась въ рѣкѣ, названной по тому Хатунъ-Голь, или женскою (см. Миллер. Сибирск. Ист. стр. 6).

(354) Абульгази Hist. des Tatars, стр. 367. Близъ дворца Угадаева находился прекрасный колодезь: вода лилася изъ челюстей серебрянаго тигра. Знатнѣйшіе чиновники жили въ особенныхъ домахъ, и сіе мѣстечко, называемое Каракарумъ, было окружено большимъ звѣринцемъ. См. описаніе Каракарума въ Voyage de Rubruquis, стр. 106.

(355) Въ Пушкин.: ,,Тогожь лѣта (въ 1229 году) Саксини ,,(въ Карпин. Voyage *Sasses*, стр. 58) и Половци взбѣгоша изнизу ,,къ Болгаромъ передъ Татары, и сторожеве Болгарскыи прибѣ-,,гоша, бьени отъ Татаръ близъ рѣкы, ей же имя Яикъ. — При-,,доша Татарове (въ 1232 году) и зимоваша не дошедше Велика-,,го града Болгарскаго" (см. сей Исторіи Т. V, примѣч. 176). — ,,Тое же осени (въ 1236 году) придоша отъ восточные стра-,,ны въ Болгарскую землю безбожніи Татары и взяша славный ,,Великый городъ Болгарскый и избиша оружьемъ отъ старца и ,,до унаго и до сущаго младенца; и взяша товара множество, а ,,городъ ихъ пожгоша огнемъ, и всю землю ихъ плѣниша." Татищевъ прибавилъ, что Болгары требовали помощи отъ Вел. Князя, и что Георгій отказалъ имъ.

(356) Въ Новогород. Лѣт. стр. 127: ,,придоша Татарове, ,,множьство безъ числа аки прузи — и сташа (на) Онузлѣ': (въ другихъ: на Онозѣ) ,,и взяша ю, и сташа станомъ и послаша ,,послы своя, жену чародѣйцю, и два мужа съ нею къ Княземъ ,,Рязанскимъ, просяче у нихъ десятины во всемъ, и въ людехъ и ,,въ Князехъ и въ конихъ, во всякомъ десятое. Князи же Рязан-,,стіи Гюрги, Ингворовъ братъ, Олегъ, Романъ Ингоровичь, и ,,Муромскій и Пронскій не впустяче къ градомъ, выѣхаша про-,,тивъ имъ," и проч. — Татищевъ вымыслилъ рѣчь пословъ Татарскихъ, Князей Олега, Игоря, и проч.

Въ другихъ новѣйшихъ лѣтописяхъ (см. Русскій Времен-

никъ, I, 93) названы здѣсь Давидъ Ингоревичь Муромскій, Глѣбъ Ингоревичь Коломенскій, Всеволодъ Пронскій; но Давидъ Муромскій (и не Ингоревичь, а Юрьевичь) умеръ еще въ 1228 году, какъ означено въ Пушкин.; наслѣдникомъ же его былъ сынъ Юрій. Князь Всеволодъ Глѣбовичь Пронскій умеръ за долго до нашествія Татаръ. Въ Родословныхъ Книгахъ столь же несправедливо означено, что сынъ его, Киръ Михаилъ, княжилъ при Батыѣ въ Пронскѣ: сей Михаилъ убитъ еще въ 1218 году (см. выше, примѣч. 178).

(357) См. Русск. Временникъ, I, 93 и слѣд. Выписываемъ нѣкоторыя мѣста: „Батый дары прія (отъ Ѳеодора) и охабися „лестію, что не воевати Рязанскія земли, и нача просити у „Ряз. Князей дщерей и сестръ себѣ на ложе. И нѣкій отъ Вель„можъ Рязанскихъ завистію насочи Батыю на Князя Ѳеодора, „яко имѣетъ у себя Княгиню отъ Царска рода,“ и проч. Далѣе: „По нѣколицѣхъ днехъ убіенія его (Ѳеодорова), Княгиня его „Евпраксія стояше въ превысоцѣмъ храмѣ своемъ (храминѣ), и „держащи на своихъ бѣлыхъ рукахъ любезное свое чадо, Ивана „Ѳеодоровича Постника, и поглядающи ласковаго и любимаго „супруга, да скоро видитъ его въ радости, и абіе услыша, яко „онъ любви ея ради и красоты отъ Батыя убіенъ бысть... На„полнися слезъ и горести, и ринуся изъ превысокаго храма свое„го“ — въ другихъ рукописяхъ: восшедъ на высоту храма Николина — „съ сыномъ на среду земли и заразися до смер„ти... и отъ сея вины (стр. 105) зовется Чудотворецъ Нико„лай Заразскій, яко ту Евпраксія съ сыномъ своимъ сама се„бя зарази.“ — Въ описаніи битвы (о коей упоминаетъ и Никон. Лѣт.) сказано: „Яко единому Рязанцу битися со стомъ „Татариновъ... И Мѣстныя Воеводы и вси удальцы Рязанскіе „вси купно умроша... Единаго Князя Ольга Краснаго жива яша, „изнемогающа отъ ранъ. Видѣвъ же его Батый красна вельми „и хотя его врачевати и на свою прелесть обратити. Князь „же Олегъ нарече его безбожна. Батый же разъярився, и повелѣ „вскорѣ Князя Ольга ножи на части разняти.“ Тутъ и Князь Юрій Рязанскій наименованъ въ числѣ убитыхъ; но другіе Лѣтописцы говорятъ, что онъ погибъ въ городѣ Рязани. Олегъ Ингворовичь, бывъ долго плѣнникомъ, умеръ въ 1258 году (см. ниже). Лѣтописи современныя суть Новогородская, Волынская, Суздальская, или Пушкинская.

(358) Въ Русск. Временникѣ: „Вел. Княгиню Агрипину „Ростиславну, матерь Великаго Князя (Рязанскаго) и съ снохами и съ прочими Княгинями изсѣкоша.“ Въ Волын. Лѣт.: „Взяша градъ Резань копіемъ, изведше на лесть Кн. Гюргя, и

„ведоша къ Ирынску (Пронску): бѣ бо въ то время Княгини его „въ Прынску. Изведоша Княгиню его на лести, и убиша Гюргіа „и Княгиню его. Киръ Михайловичь же утече съ своими людми „до Суждаля.“

(359) Въ Русск. Временникѣ: „и не бѣ стонющаго, ни „плачущагося... но вси вкупѣ мертви лежаще.“ Никонов. Лѣт. прибавляетъ о жестокости Татаръ слѣдующее: „груди „возрѣзываху и желчь вымаху, и съ иныхъ кожи одираху, а „инымъ иглы и щепы за ногти біяху,“ и проч.

(360) Въ Русск. Времен. 101-103: „Поиде Ингорь (сынъ „Ингваревъ) ко граду Пронску и собра раздробленныя уды бра„та своего, Олега, и принесе въ Рязань, и положи съ Княземъ „Георгіемъ во единой рацѣ.“ Это несправедливо: см. выше, примѣч. 357. Вообще повѣсть сія основана, кажется, на одномъ преданіи: хотя не достовѣрна, однакожь достойна замѣчанія. Я имѣю подлинникъ Русскаго Временника или Костромской лѣтописи: онъ писанъ (кромѣ новѣйшихъ прибавленій) въ XVII вѣкѣ, и принадлежитъ Графу А. И. Мусину-Пушкину.

Въ Зарайскѣ при Соборной церкви Св. Николая, построенной во время Царя Ѳеодора Алексѣевича въ 1681 году, есть другая церковь Іоанна Предтечи, основанная, какъ сказываютъ, на гробахъ Князя Ѳеодора, Княгини Евпраксіи и сына ихъ Іоанна. Въ семъ Соборѣ стоитъ образъ Николая Чудотворца, окованный золотомъ и серебромъ въ царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго, въ 1608 году, и привезенный изъ древняго Херсона. Въ упомянутой Костромской лѣтописи или Временникѣ (I, 77) находятся слѣдующія обстоятельства: „въ 1224 году Св. Николай явился во снѣ Херсонскому Іерею Евстафію и сказалъ ему: возьми мой чудотворный образъ, жену свою Ѳеодосію, сына твоего, Евстафія, и гряди въ землю Рязанскую. Іерей не зналъ, гдѣ сія земля. Св. Николай вторично ему явился, толкалъ его въ ребра и велѣлъ ему итти на Востокъ (развѣ на Сѣверъ). Евстафій еще медлилъ, и въ наказаніе ослѣпъ; но снова прозрѣлъ, когда рѣшился исполнить волю Угодника. Св. Николай не велѣлъ ему итти чрезъ землю Половецкую, а сѣсть на ладію въ устьѣ Днѣпра, плыть до Варяжскаго моря, въ область Нѣмецкую, или Ригу; оттуда же ѣхать сухимъ путемъ въ Новгородъ и Рязань. Евстафій такъ и сдѣлалъ. Жена его хотѣла остаться въ Новѣгородѣ, и за то едва не умерла отъ жестокой болѣзни. Увѣдомленный во сновидѣніи о шествіи образа, Князь Рязанскій Ѳеодоръ выѣхалъ къ нему на встрѣчу и съ изумленіемъ увидѣлъ его лучезарное сіяніе. Отецъ Ѳеодоръ, Георгій, или Юрій, взявъ съ собою Рязанскаго Епископа, Ефросина Святогорца, пріѣхалъ

также поклониться святой иконѣ, для коей они заложили особенную церковь. Св. Николай чудеснымъ образомъ предвѣстилъ тогда Ѳеодору славную его кончину," и проч. Упомянемъ еще о другой достопамятности Рязанской. Въ 36 верстахъ отъ нынѣшней Рязани есть древній такъ называемый Богословскій монастырь. Въ немъ хранилась какая-то золотая печать Батыева, которую Архіепископъ Мисаилъ около 1653 года взялъ въ Соборную церковь, боясь, чтобы Мордовскіе разбойники не похитили сей драгоцѣнности, чрезъ нѣсколько лѣтъ употребленной на позолоту водосвятной чаши и другихъ церковныхъ утварей. Разсказываютъ, что образъ Іоанна Богослова въ семъ монастырѣ писанъ Русаремъ, наученнымъ живописи отъ самого Апостола, и присланъ Іерусалимскимъ или Цареградскимъ Патріархомъ въ даръ Князю Рязанскому.

(361) „И бишася крѣпко, и прогониша ихъ (Татары) къ „надолбомъ, и ту убиша Романа и Еремея...Москвичи же ничего „не вѣдѣвше." Татищевъ говоритъ, что Татары взяли Москву Генв. 20. Абульгази (Hist. des Tatars, 479) разсказываетъ басню, что Россіяне вмѣстѣ съ друзьями своими, Нѣмцами, окопались близъ Москвы, и 3 мѣсяца противились Татарамъ; что Шейбани. братъ Батыевъ, подкрѣпленный шестью тысячами новыхъ воиновъ, напалъ на окопы съ одной стороны, а Батый съ другой, и что Россіяне наконецъ бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 70,000 человѣкъ.

(362) „Ждучи къ собѣ брата своего Ярослава съ полкы и „Святослава съ дружиною." Никон. Лѣт. вымыслилъ плачь Владимірцевъ при отъѣздѣ Георгія, а Татищевъ совѣтъ, разныя мнѣнія Вельможъ, и проч.

(363) Въ Пушкин.: „сташа (Татары) станомъ предъ „Золотыми враты на зрѣмѣ", то есть, въ виду, а въ Никон. Лѣт.: „на Рѣзмяни:" Татищевъ говоритъ: „на Рамени", прибавляя, что они умертвили Владиміра: такъ сказано въ Степенной Книгѣ; но въ лѣтописяхъ нѣтъ сего обстоятельства. Никон. Лѣт. говоритъ, что Воевода Петръ считалъ Моголовъ бичемъ Небеснымъ: не Воевода, а Князья такъ разсуждали (по Троицк. и Пушкин.): „и рекоста оба Князя: си вся наведе „на ны Богъ", и проч.

(364) „Взяша (Татары) Суждаль и Св. Богородицю раз„грабиша, и дворъ Княжь огнемъ пожгоша, и монастырь Св. „Димитрія пожгоша, а прочіи разграбиша, а Черньци и Черници „старыя и Попы, слѣпыя и хромыя, и глухыя, и трудоватыя, и „люди вся изсѣкоша; а что Чернецъ уныхъ, и Черницъ, и Поповъ, „и Попадій, и Дьяконы, и жены ихъ, и дчери, и сыны ихъ, то все

„ведоша въ станы.“ Въ Русскомъ Временникѣ: „церкви и мо-„настыри пожгоша; точію сохрани Господь Дѣвичь монастырь „Положенія Ризы Богоматери, въ немъ же иноческое бореніе „прохожаше страдально блаженная Ѳеодулія со своими съ пост-„ницами, дщи Вел. Князя Михаила Черниговскаго и Мученика, „нареченная въ иноческомъ чину Евфросинія.“ Вѣримъ, что дочь Михаилова и супруга Василька Ростовскаго, по смерти его, скончала дни свои Инокинею въ семъ монастырѣ; но тогда Василько былъ еще живъ.

Далѣе въ Новогород. Лѣт.: „и стригошася вси (Вла-„димір. Вельможи) въ образъ, таже въ Скиму отъ Владыки „Митрофана, Князь (Всеволодъ) и Княгыни, дчи и снох. (Ге-„оргіевы) и добріи мужи.“ Въ Церковной Исторіи Россійской несправедливо сказано, что одни Новогородскіе Епископы назывались тогда *Владыками*. — Въ Волын. *Лѣт.:* „Уви-„дѣвъ Кн. Всеволодъ, яко крѣпчае брань належитъ, убоялся — „бѣ бо младъ — и изыде изъ града съ маломъ дружины, несый „дары многы, надѣяше бо ся отъ него живота пріяти. Онъ же „(Батый) яко звѣрь сверѣпый повелѣ предъ собою зарѣзати и.“ Тутъ же написано, что Князь Георгій убитъ прежде взятія столицы Владимірской, бывъ нечаянно окруженъ полками Бурундая. Извѣстіе Суздальскаго Лѣтописца достовѣрнѣе. — Въ Пушкин.: „Въ Субботу Мясопустную почаша наряжати лѣсы, и порокы „ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыномъ около всего „города. Въ Недѣлю мясопустную по заутрени приступиша „къ городу Февраля въ седьмый, на память Ѳеодора „Стратилата, и бысть плачь великъ въ градѣ.“ Мясопустъ былъ Февраля 7 въ 1238 году; а выше сказано, что Татары обступили Владиміръ Февраля 3, во Вторникъ: развѣ Февраля 2?

Въ Пушкин.: „Взяша градъ до обѣда отъ Золотыхъ во-„ротъ у Св. Спаса, внидоша по примету (насыпи) чересь городъ, „а сюды отъ сѣверныя страны, отъ Лыбеди (рѣчки) къ Орини-„нымъ воротамъ и къ Мѣдянымъ, а сюдѣ отъ Клязмы къ „Волъжьскимъ воротамъ, и тако вскорѣ взяша Новый градъ; и „бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ и вси людье въ Печерній го-„родъ“ (въ другихъ спискахъ: въ средній).

Далѣе въ Пушкин.: „Огнемъ безъ милости запалени бы-„ша... Татарове же силою отвориша церковныя двери.“ Въ Новогород. Лѣт.: „Вбѣгоша въ Св. Богородицю и затворища-„ся въ полатѣ; поганіи же отбивше двери, зажгоша церковь „наволочивше лѣса.“ Никонов. Лѣт. обратилъ полату въ полати, и сказываетъ, что Великая Княгиня и всѣ люди причастились Святыхъ Таинъ. — Супруга Георгіева, Агаѳія,

погребена въ Успенскомъ Соборѣ Владимірскомъ. Въ старыхъ рукописныхъ Святцахъ названы снохи ея Маріею и Христиною (см. Главу О Святыхъ града Владиміра). Далѣе: „Всѣ иконы „одраша; а иныя изсѣкоша, а иныя поимаша, и кресты и ссуды „(сосуды), и книгы одраша, и порты блаженныхъ первыхъ Кня„зій, еже бяху повѣшали въ церквахъ на память собѣ... И ту „убьенъ бысть Пахомій, Архимандритъ монастыря Рождества „Св. Богородицы, и Данило, Игуменъ Успенскый, Өеодосій Спа„скый и прочіи.... Всеволода съ братомъ внѣ града убиша.“ А Никон. Лѣт. пишетъ, что ихъ убили еще въ Новомъ городѣ. Далѣе: „Татарове поплѣниша Володимерь и поидоша на „Вел. Князя Гюргія, и ови идоша къ Ростову, а ини къ Яро„славлю, а ини на Волгу на Городецъ, и ти плѣниша все по „Волгѣ даже и до Галича Мерьскаго“ (отъ имени народа Мери)... „Идоша на Переяславль (Залѣсскій) и тъ взяша; и от„шолѣ всю ту страну поплѣниша, даже и до Торжку, и нѣсь „мѣста, ни вси (веси), ни селъ тацѣхъ (такихъ) рѣдко, иже „же не воеваша на Суждалской земли, и взяша городовъ 14, от„рочь слободъ и погостовъ въ одинъ мѣс. Февраль, кончевающю„ся 45му лѣту“ (то есть, 6745). Въ Новогород. Лѣт.: „Рос„товъ же и Суждаль разидеся розно. Окаяньніи же отполѣ при„шедше взяша Москву (гораздо прежде), Переяславль, Юрьевъ, „Дмитровъ, Волокъ, Тферь; туже и сынъ Ярославль убиша.“ Никон. Лѣт. именуетъ еще Кашинъ, Кснятинъ.

(365) Въ Новогород. Лѣт.: „Князь же Юрьи посла Доро„жа въ просокы“ (въ другихъ спискахъ: пытати Татаръ, или для развѣдыванія). Никон. Лѣт. называетъ сего Дорожа Дороѳеемъ Семеновичемъ. Далѣе: „Князь же не успѣвъ ни „что же, побѣже; и бы на рѣцѣ Сити, и постигоша и, и животъ „свой скончa, Богъ же вѣсть, како скончася; много бо глаголютъ „о немъ иніи.“ Въ Пушкин. только: „и ту убьенъ бысть Князь „Великый на Сити; и дружины его много убиша.“

(366) Въ Пушкин.: „о глухое царство!“ а въ нѣкоторыхъ темное. Далѣе говоритъ онъ: „вижю, яко младая память моя „желѣзомъ погыбнетъ и тонкое мое тѣло увядаетъ.“ — Далѣе: „Василка Кост. везоша со многою нужею до Шерньского лѣса.“ Рѣка Шерна впадаетъ въ Клязму въ Московской Губерніи, въ Богородской Округѣ. Далѣе: „И повержену на лѣсѣ, видѣ и етера „(нѣкая) жена вѣрна и повѣда мужу богобоязливу, Поповичю Ан„дріану, и взя тѣло Князя Василка, и понявицею обитъ, реку „(то есть) саваномъ, и положи его въ скровнѣ мѣстѣ.“ Никон. Лѣт. вмѣсто етера написалъ Марія, а Поповича назвалъ ея мужемъ. — О супругѣ Василька см. выше, примѣч. 364. Никон.

Лѣт. называетъ ее Маріею. — О характерѣ сего Князя сказано: „бѣ сердцемъ легокъ до Бояръ."

(367) Въ Новогород. Лѣт.: „Оступиша Торжекъ на Сборъ „Чистой недѣли, и отыниша тыномъ весь около, якоже иніи гра„ди имаху, и бишася порокы по двѣ недѣли, и изнемогошась „людье въ градѣ. .. Поганіи взяша градъ и изсѣкоша вся отъ „мужьска полу и до женьска, Іерейскый чинъ весь и Черноризскый, „а все изобнажено и поругано... Марта въ 5 день, на память Св. „Никона (Конона), въ Среду Средохрестную" (на четвертой недѣли Вел. Поста). „Ту же убьени быша Иванко Посадникъ Но„воторжскый, Якимъ Влунковичь, Глѣбъ Борисовичь, Михайло „Моисеевичь."

Далѣе: „гоняшася отъ Торжку оли до Игнача креста, за „100 верстъ до Новагорода." Надобно вспомнить, что старыя версты были вдвое болѣе нынѣшнихъ. — Лызловъ въ своей Скиѳской Исторіи пишетъ: „восхотѣ (Батый) пойти къ Новугоро„ду, но возбраненъ, глаголютъ, отъ пути того грознымъ Вое„водою, Архистратигомъ Небесныхъ Силъ, Михаиломъ." Татищевъ вымыслилъ, что оттепель, болота и рѣки не позволили Батыю итти къ Новугороду.

(368) Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что у Михаила Черниговскаго былъ сынъ Мстиславъ Карачевскій, у Мстислава сынъ Титъ, у Тита Иванъ, у Ивана Василій, убитый Батыемъ въ Козельскѣ: возможно ли, чтобы Михаилъ въ сіе время имѣлъ уже праправнука, когда большой сынъ его, Ростиславъ, въ 1229 и 1230 году былъ еще младенцемъ или отрокомъ? см. выше, примѣч. 328 и 331. Подобныхъ нелѣпостей довольно въ нашихъ Родословныхъ Книгахъ. — Татищевъ сказываетъ, что Князь Василій прозывался Козля. Жители говорятъ по Воскр. Лѣт. II, 201: „положимъ животъ свой зань, здѣ славу „свѣта пріемше, и тамо небесные вѣнцы отъ Бога пріимемъ." Далѣе: „и убиша отъ Татаръ три сыны Темничи, и искавше „ихъ Татарове и не обрѣтоша во множествѣ трупія. Батый „же вземъ Козельскъ и пойде въ землю Половецку" (а не въ Рязань, какъ сказано въ Никон. Лѣт.) Темниками назывались у Татаръ начальники десяти тысячь.

(369) А не изъ Новагорода. Въ Воскресен.: „Ярославъ же, „пришедъ изъ Кыева, сѣде на столѣ въ Володимери."

Предлагаемъ маловажныя извѣстія Лѣтописцевъ сего времени. Въ 1224 году, Авг. 6, Епископъ Кириллъ освятилъ въ Ярославлѣ церковь Св. Спаса въ монастырѣ, заложенную Княземъ Константиномъ и достроенную сыномъ его Всеволодомъ. Въ Новѣгородѣ Твердиславъ и Ѳеодоръ совершили каменную церковь

Св. Михаила; былъ страшный громъ Маія 20: имъ убило двухъ человѣкъ, и сгорѣла церковь Троицы. Семенъ Борисовичь построилъ каменныя церкви Св. Павла, Симеона, Конст. и Елены, освященную Ноября 6. — Въ 1225 Вел. Князь Георгій заложилъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ каменную церковь Спаса. Епископъ Симонъ освятилъ церковь Богоматери въ Суздалѣ Сент. 8. — Въ 1226, Маія 22, скончался Владимірскій Епископъ Симонъ, принявъ Схиму, и погребенъ въ Соборной церкви Богоматери. Въ Новѣгородѣ построена церковь Рождества Христова. 16 Апрѣля, въ Вел. Четвертокъ, скончался тамъ Георгіевскій Игуменъ Савватій. Умирая, онъ призвалъ къ себѣ Архіепископа Антонія, Посадника Иванка, знаменитѣйшихъ Новогородцевъ, и молилъ ихъ выбрать новаго Игумена. Они желали знать его собственное мнѣніе. Савватій предложилъ Грека Попа отъ церкви Св. Конст. и Елены: Архіепископъ постригъ сего Іерея въ тотъ же день, Марта 2, а въ Игумены поставилъ Марта 8. Въ томъ же году заложили церковь Св. Іакова въ Неревскомъ Концѣ. — Въ 1227 году, Марта 14, Митрополитъ Кириллъ, находясь тогда въ Владимірѣ съ четырмя Епископами, поставилъ Митрофана Игумена Богородицкаго въ санъ Святительскій, при Велик. Князѣ и дѣтяхъ его, братьяхъ Святославѣ, Іоаннѣ, Боярахъ и народномъ множествѣ; въ числѣ зрителей былъ и самъ Лѣтописецъ Суздальскій. Маія 1 (въ другихъ спискахъ: Маія 11 и 13) сгорѣлъ городъ Владиміръ, 27 церквей и дворецъ Константиновъ съ бывшею въ немъ церковію Св. Михаила. Татищевъ вымышляетъ, что при сей церкви трудились Иноки Русскіе и Греческіе; что тутъ было училище, и сгорѣли многія книги, собранныя мудрымъ Константиномъ: его Исторія, описаніе земель, и проч. Въ Новѣгородѣ Вячеславъ, Малышевъ внукъ, расписалъ церковь 40 Святыхъ. — Въ 1228, Генв. 6, преставился Схимникомъ Князь Владиміръ-Димитрій Всеволодовичь и положенъ въ Соборной церкви Владимірской Богоматери. На Святой недѣлѣ умеръ сынъ Давида Муромскаго и самъ Давидъ, принявъ Схиму (не сынъ ли сего Давида признанъ Святымъ подъ именемъ Петра, коего память бываетъ 25 Іюня? см. Прологъ. Мощи сего Князя и супруги его Февроніи лежатъ въ Муромскомъ Соборѣ.) Князь Святославъ Всеволодовичь отпустилъ отъ себя жену съ великимъ награжденіемъ, ибо она захотѣла быть Монахинею; сія дочь Муромскаго Князя уѣхала въ Муромъ до Борисова дня и тамъ постриглась. Племянникъ Вел. Князя Георгія, Всеволодъ Константиновичь, женился въ Переяславлѣ на дочери Олега Святославича Курскаго. Сент. 21 родилась у Вел. Князя Георгія дочь Ѳеодора. — Въ 1229, Генв. 5, сгорѣлъ въ Владимірѣ Княжескій дворецъ и 2 церкви. Епископъ Рос-

повскій Кириллъ оставилъ Епископію. — Въ 1230 году „Василько, „Всеволодъ и Володимеръ (Константиновичи) посласта къ отцю „своему Гюргю и къ Епископу Митрофану по Кирила Игумена „и Архимандрита монастыря Св. Богородицы Рождества, „дабы и пустилъ на Епископство Ростову, и отпусти. Изыдоша „на срѣтенье Кирилово Князи и Княгини, и Боляре, и вси мужи, „и введоша и въ Св. Зборную церковь.“ Великій Князь Георгій женилъ сына своего старѣйшаго, Всеволода, на дочери Владиміра Рюриковича Кіевскаго. Епископъ Митрофанъ вѣнчалъ ихъ въ Соборѣ Апр. 14. Епископъ Митрофанъ обновилъ и расписалъ Суздальскую церковь Богоматери, которую надлежало оставить за ветхостію въ Епископство Симона. Святославъ въ Юрьевѣ перестроилъ старую церковь Св. Георгія, созданную его дѣдомъ Долгорукимъ. Въ Новогород. Лѣт.: „той же зимѣ введоша „съ Хутина отъ Св. Спаса Арсенія Игумена, мужа кротка, Князь „Ярославъ, Владыка Спиридонъ и вьсь Новгородъ, его даша Игу„менство у Св. Георгія; Саву лишиша, посадиша въ келіи, и „разболѣся, лежавъ 6 недѣль, и преставися Марта 15, въ Суббо„ту предъ обѣднею... А дай Богъ молитва его святая всѣмъ „Крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѳею Понамарю“ (а въ другомъ спискѣ, напечатанномъ въ Продолженіи древ. Вивліоѳики: „Іоанну Попови“). — Въ 1231 году Февр. 2, по лѣтописи Кирилловской (Синод. библ. No 351) перенесены мощи Св. Леонтія Ростовскаго изъ церкви Іоанна въ Соборную Св. Богоматери. Князь Василько послалъ избраннаго имъ Епископа Кирилла въ Кіевъ. Митрополитъ и Епископы окрестные, Порфирій Черниговскій, Олекса (Алексій) Полоцкій, Бѣлогородскій и Юрьевскій, съ Архимандритомъ Печерскимъ Акиндиномъ и съ Игуменами Михаиломъ Выдубецкимъ, Петромъ Спасскимъ, Симеономъ Андреевскимъ, Корниліемъ Ѳеодоровскимъ, Аѳанасіемъ Васильевскимъ, Симеономъ Воскресенскимъ, Климентомъ Кириловскимъ, Іоанномъ Мученическимъ изъ Чернигова, посвятили Кирилла Апрѣля 6, при Князѣ Владимірѣ Рюриковичѣ и тогдашнемъ Воеводѣ Кіевскомъ Іоаннѣ Славновичѣ. „Бяхуть же и иніи Князи „Рустіи на сонмѣ въ Кыевѣ: Михаилъ Черниговскый, сынъ его „Ростиславъ, Мстиславичь Мстиславъ, Ярославъ, Изяславъ“ (см. выше, примѣч. 347, и Т. IV, примѣч. 20) „Ростиславъ Бори„совичь“ (племянникъ Владимира Рюриковича) „и иніи мнози „Князи, иже бѣша въ Св. Софьи на священье Кирилово, и празд„новаша свѣтлый тотъ праздникъ въ Св Софьи, и ѣша и пиша „того дни въ монастыри (Печерскомъ). Бѣ много множество „людій преизлиха.“ Василько встрѣтилъ Кирилла въ Ростовѣ съ великою честію и съ крестами. „И бысть Намѣстникъ прежъ

„бывшихъ въ Ростовѣ Леонтья Святаго, священнаго Епископа „Исаіи и Нестера и всѣхъ, яже почиша. Не оста ихъ ничѣмъ, „ вслѣдуя нравомъ ихъ и ученью; не токмо бо словомъ уча, но „и дѣломъ кажа...вся приходящая изъ окрестныхъ градъ въ „Св. Зборную церковь, ово послушающе ученья его, ово же хо„тяще видѣти украшенья церкви Владычицы нашея Богоро„дицы; бысть бо украшенье ея чюдно, акоже не бысть у преж„бывшихъ Епископъ. Леонтій убо святый просвѣти крещеньемъ „градъ Ростовъ: сей же Епископъ Кирилъ украси церковь Бого„родицы иконами многоцѣнными, ихъ же нѣсь мощи и сказати, „и съ предполы, рекше пелены; причини же и кивота 2 мно„гоцѣнна и индитью многоцѣнну доспѣ на Св. трапезѣ, ссуди „(сосуды) же и рѣпидью и иного множество узорочей; причини „же двери церковныя прекрасны, яже наричются златыя на „полуденьной странѣ. Паче же наипаче внесе въ Св. церковь „кресты честныя и многы мощи Святыхъ въ ракахъ прекрас„ныхъ, въ заступленье и покровъ граду Ростову...Ученью же „и тщанью дивльса (самъ Лѣтописецъ) сего Кирила, съ стра„хомъ и покореньемъ, послушая въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во „входѣ.“—Іюля 24 родился у Князя Василька сынъ Борисъ. Авг. 14 священа въ Ростовѣ Великимъ священіемъ церковь Богоматери. — Въ 1232 году женился Князь Владиміръ Константиновичь (а Татищевъ прибавляетъ: „взялъ дочь Игоря Рязанскаго, „Надежду“). Въ 1233 была расписана Суздальская церковь Богоматери и вымощена краснымъ, разноличнымъ мраморомъ. Заложили въ Новѣгородѣ отъ Неревскаго Конца на воротахъ церковь Св. Ѳеодора. Скончался Митрополитъ Кириллъ. Въ 1234 Князь Святославъ Всеволодовичь, совершивъ въ Юрьевѣ церковь Св. Георгія, великолѣпно украсилъ оную: „бѣ бо извну „около всея церкве по каменю рѣзаны Святыя чюдны велми, иже „есть и до сего дни.“ Въ Новѣгородѣ отъ грома сгорѣла церковь Св. Луки въ Людинѣ Концѣ, ввечеру Іюня 10. — Въ 1236 году, Авг. 3, затмѣніе солнца: „бысть видѣти акы мѣсяцъ че„тыре дни.“ Въ Новогород. Лѣт.: „въ уденье бысть таково „знаменіе: тма въ солнци съ Запада, акы мѣсяць бысть въ 5 „ночій, а съ Встока свѣтло, и опять съ Встока тма бысть, „такожь аки мѣсяць пяти ночій, а съ Запада свѣтло, и тако „исполнися опять.“ Родился у Василька сынъ Глѣбъ. Въ ту зиму Вел. Князь Георгій женилъ сыновей своихъ Владиміра и Мстислава. (Татищевъ пишетъ, что въ семъ году, Апрѣля 10, сѣлъ на Кіевскомъ престолѣ Изяславъ Мстиславичь, внукъ Романа Смоленскаго, и далъ о томъ знать чрезъ пословъ Великому Князю Георгію и другимъ). Въ 1237 году прибылъ лѣтомъ изъ

Никеи въ Кіевъ Митрополитъ Іосифъ, родомъ Грекъ. Владимірскій Епископъ Митрофанъ поставилъ кивотъ въ Соборной церкви, украсивъ его золотомъ и серебромъ, и расписалъ ея притворъ. Въ 1238 году жена Боярина Новогородскаго, Семена Борисовича, основала монастырь при церкви Св. Павла.

Конецъ Примѣчаній III Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ III ТОМА.

ГЛАВА I.

Великій Князь Андрей.

ГЛАВА II.

Великій Князь Михаилъ II.

ГЛАВА III.

Великій Князь Всеволодъ III Георгіевичъ.

ГЛАВА IV.

Георгій Князь Владимірскій, Константинъ Ростовскій.

ГЛАВА V.

Константинъ, В. К. Владимiрскiй и Суздальскiй.

ГЛАВА VI.

Великiй Князь Георгiй II Всеволодовичь.

ГЛАВА VII.

Состоянiе Россiи съ XI до XIII вѣка.

ГЛАВА VIII.

Великiй Князь Георгiй Всеволодовичь.

Замѣченныя ошибки въ III Томѣ.

Напеч.	Чит.	Стран.	Строк.
Отоки	Отроки	37	31
орудіе	оружіе	43	25
—	Г. 1179	49	32
въ особенности	въ особенности,	62	5
Г. 1185, 30 Іюля	Г. 1184, 30 Іюля	63	10
Апр. 13	Г. 1185, Апр. 13	64	2
Г. 118	Г. 1187	69	21
инаго	инаго,	80	22
Скандинавскими	Скандинавскими.	82	31
Князь	Князь,	92	1
Г. 1201, Генв. 4	Г. 1204, Генв. 1	105	26
мѣнѣе	менѣе	126	31
Тамирь	Тамарь	135	12
—	—	—	24
—	—	—	27
Грузію	Грузію,	—	32
Тамирію	Тамарію	136	3
—	—	—	4
—	—	—	10
его	его;	161	25
своихъ	своихъ:	189	11
Кжяжеской	Княжеской	195	24
холопа	холопа,	206	26
Темучину	Темучину,	222	13
странамъ, имъ	странамъ	235	19
сего	всего	397	20
лѣтъ	лѣтѣ	415	25
Козобурновича	Козу Бурновича	429	22
possimus	possumus	458	19
esteras	exteras	461	11
къ нашимъ извѣстнымъ лѣтописямъ	къ извѣстіямъ нашихъ лѣтописей	462	14
limitis	limites	443	12
на Торонѣ	на торонѣ (набѣгомъ)	464	31
сына пѣстунова	двухъ сыновей пѣстуновыхъ	466	2
Татищевъ	(144) Татищевъ	478	19
ad	ab	480	1
discrepit	discrepet	—	32

9 Окт.	7 Окт.	480	56
Ілія	Илія	483	32
хрестъ	и хрестъ	495	6
седѣ	сѣде	502	23
сь Еремеевичемъ	Зеремеевичь	503	1
subiecti	subjecti,	—	30
страсти и огнь	Страстій отъ Гнь.	504	40
въ Вылжи	лживый	512	43
confundi	confundi,	523	1
Borchramius	Borchrauius	524	27
немедлѣнно	немедленно	525	16
Новогорода	Новагорода	527	21
или і хлѣбъ	и і хлѣбъ	528	17
никакоже, его	никако же его	530	16
въ берегу	къ берегу	533	11
сѣдѣ	сѣде	548	5
въ 1236 году	въ 1237 году	569	26
его даша	и даша ему	577	16

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Стран. 104, строк. 7. Сія пословица о пчелахъ была извѣстна и Римлянамъ во время ихъ тирановъ.

Къ Примѣч. 113, стран. 461. Въ Некрологѣ Эрфуртскаго Петрова монастыря (см. Traditiones veteres Coenobii S. Petri Erfordiae, стр. 19) записано: XIII Kal. Iulii Romanus, Rex Ruthenorum: hic dedit nobis XXX marcas; то есть: „19 Іюня (умеръ) Король Русской „Романъ, давшій намъ 30 марокъ." Точно въ сей день Западная Церковь празднуетъ память Св. Гервасія, день, въ который убитъ Романъ по сказанію Длугоша.

Въ Примѣч. 222, стран. 521, сказано: „мы не имѣемъ до„казательствъ, чтобы Россіяне употребляли Номоканонъ въ „судныхъ гражданскихъ дѣлахъ до временъ Царя Алексія „Михайловича." Однакожь въ случаяхъ, не опредѣленныхъ Россійскимъ Правомъ, Намѣстники В. К. Іоанна III руководствовались законами Греческихъ Царей, внесенными въ Кормчую Книгу (см. сей Исторіи Т. *VI*, стран. 335, и примѣч. 324).

Стран. 427, строк. 24. Серенъ есть гололедица.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ сего Тома, стран. 273, строк. 3 и 4, напечатано лемъ вмѣсто семъ, и сиковали вмѣсто диковали.